

Новгород и Новгородская Земля

История и археология



Выпуск 7 (1993)

["О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов" Е. Р. Михайлова](#)

["О судьбах традиции сооружения сопки в северо-западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии" Н.И. Петров](#)

["Поселение и могильник Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье. О новом типе памятников третьей четверти 1 тыс. нашей эры" И. В. Исланова](#)

["О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли" В. А. Буров](#)

["К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье" П. Е. Сорокин](#)

["Скандинавская равноплечная фибула типа Вальста из района истока Волхова" П. Г. Гайдуков, Е. Н. Носов, И. Янссон](#)

["Судостроительная традиция северо-западной Руси в Средневековье" П. Е. Сорокин](#)

["К истории комплектования новгородского войска" В. Н. Варнаев](#)

["Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Раскопки 1992 года" В. И. Поветкин](#)

["Деревянные художественные изделия в ансамбле Новгородского жилища" Е. Ю. Пухначева](#)

["Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси" П. Г. Гайдуков, Н. А. Макаров](#)

["Приказная палата 17 века в Новгородском кремле \(К вопросу о месте расположения и возможности сохранения ее остатков в подвальной части Присутственных мест\)" Л. А. Секретарь](#)

Выпуск 8 (1994)

["Этно-культурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья" И. В. Исланова](#)

["Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладозе: социокультурная позиция в «блоке» погребальных традиций Северного Поволховья" Н. И. Петров](#)

["Центр и периферия Приильменя: особенности социально-политического развития" В. Я. Конецкий](#)

["О формировании всаднической субкультуры в Древней Руси" К. А. Михайлов](#)

["Церы из раскопок в Новгороде" Е. А. Рыбина](#)

["Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода" А. Р. Артемьев](#)

["Рясна с коническим верхом" Н. В. Жилина](#)

["Обработка железа в Новгороде \(По материалам Михайлоархангельского раскопа XII—XIV вв.\)" Б. Д. Ершевский, Л. С. Розанова](#)

["Вислые свинцовые печати из находок 1990/1991 годов на Михайлоархангельском раскопе" Б. Д. Ершевский](#)

["Новгородская булла Дмитрия Донского из собрания Государственного исторического музея" А. А. Молчанов, А. М. Колызин](#)

["Об одном явлении в сельском храмовом строительстве 16 века \(По материалам Новгородского, Копорского, Ямского и Ладожского уездов Водской пятины Новгородской земли\)" А. А. Селин](#)

["Новгород и Любек. Структура поселений двух торговых городов в сравнительном анализе" Р. Хаммель-Кизов](#)

Выпуск 9 (1995)

["Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской Земли в конце 1 тысячелетия нашей эры" В. Я. Конецкий](#)

["Сопки на реке Полонуха и озере Песьво" И. В. Исланова](#)

["Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций викингов" К. А. Михайлов](#)

["Новые сведения о древнем Ладожском поселении" З. Д. Бессарабова](#)

["О сопках в низовьях реки Ниши в Восточном Приильменье" И. И. Еремеев](#)

["Нетипичные элементы в средневековой погребальной обрядности Новгородской Земли" В. В. Мильков](#)

["К проблеме интерпретации сопок Северо-западной Руси: летописные и фольклорные источники" Н. И. Петров](#)

["Раннегончарная керамика Рюрикова Городища" В. М. Горюнова](#)

["Булавки с головками сложных форм" Л. В. Покровская](#)

["Кожаные футляры в виде коробочек" Т. С. Варфоломеева](#)

["Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде" А. Р. Артемьев, П. Г. Гайдуков](#)

["Блочное судно с Ярославова Дворища" Г.Е. Дубровин](#)

["Бронзовые двери Софийского собора в Новгороде" А. Н. Трифонова](#)

["Из истории борьбы новгородских крестьян за землю в 14-15 веках" И. Ю. Анкудинов](#)

["Новгородско-Литовско-Тверские отношения в третьей четверти 13 века" А. Н. Хохлов](#)

["Новгородско-Московские отношения и Бежецкий Верх в 15 веке" А. С. Дворников](#)

["«Провалившаяся церковь». Археология и фольклор" А. А. Панченко](#)

["Типология и датировка полушек 16-17 веков с надписью «государь»" П. Г. Гайдуков](#)

Выпуск 10 (1996)

["Данные о системе земледелия культуры Смоленско-Полоцких длинных курганов" В. С. Нефедов](#)

["Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника" К. А. Михайлов](#)

["Горшки с железными обручами в древнерусских погребениях северо-запада" В. Я. Конецкий, С. Е. Торопов](#)

["Новгородские гребни из моржового клыка" Л. И. Смирнова](#)

["Антропоморфное деревянное навершие с Троицкого 11 раскопа" П. Г. Гайдуков, Г. Е. Дубровин](#)

["Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином" И. В. Волков](#)

["Композиция декора ювелирных изделий Новгорода 10 – 15 веков" Ю. М. Лесман](#)

["Опыт восстановления Новгородских берестяных грамот" В. И. Поветкин](#)

["Вислые свинцовые печати из раскопок в Кореле" А. И. Сакса, В. Л. Янин](#)

["Экспериментальное судостроение и проблемы изучения средневекового судоходства на северо-западе Руси" П. Е. Сорокин](#)

Выпуск 11 (1997)

["Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным" А. С. Хорошев](#)

["О размерах усадеб Древнего Новгорода" М. И. Петров, А. Н. Сорокин](#)

["Слово о музыкальной археологии России" В.И. Поветкин](#)

["Карельские древности в Новгороде" А. Б. Варенов](#)

["Средневековые кожаные кошельки" Т. С. Варфоломеева](#)

["Раннегончарная керамика Новгорода по материалам Троицкого раскопа" В. М. Горюнова](#)

["Булава «клевец» из раскопок в Новгороде" А. Н. Кирпичников, П. Г. Гайдуков](#)

["Реставрация живописи 14 века церкви Успения на Волотовом Поле" Т. И. Анисимова, А. Н. Трифонова](#)

["Софийский патронат по Новгородской первой летописи" А. С. Хорошев](#)

["Центральноазиатские ремённые украшения в материалах древнерусских памятников 10 века" К. А. Михайлов](#)

["Средневековый Усвят. Проблемы ранней истории" И. И. Еремеев](#)

["Стеклодельные мастерские в древности. К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия" О. М. Олейников](#)

["Древнерусские настенные рисунки-граффити" Б. Г. Васильев](#)

["Последний путь Василия Калики" А. В. Михайлов](#)

["О маршруте «мирного похода» царя Ивана 3 на Новгород" А. А. Фролов](#)

Выпуск 12 (1998)

["О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле" С. В. Трояновский](#)

["Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. Проблемы их сложения и эволюции по материалам Троицкого раскопа" Н. Н. Фараджева](#)

["Детские игрушки из Новгорода" А. С. Хорошев](#)

["Обработка янтаря в средневековом Новгороде" Р. Г. Шаповалов](#)

["Судебные исполнители в Новгороде 11-15 веков по материалам берестяных грамот" Н. Б. Безус](#)

["Первая находка пражского гроша на Новгородском Рюриковом городище" Н. А. Соболева](#)

["Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в древней Руси" Диакон Александр Мусин](#)

["Городища 10 века и начало «окняжения» Смоленского Подвинья" В. С. Нефедов](#)

["Волховские пороги в эпоху средневековья" С. Л. Кузьмин](#)

["Приём письма личного на фресках церкви святого Георгия в Старой Ладозе" Б. Г. Васильев](#)

["О топографии находок рыболовных принадлежностей из раскопок в Пскове" Е. В. Салмина](#)

Выпуск 14 (2000)

["Археологические исследования в Людином Конце Великого Новгорода. Троицкий раскоп" В. Л. Янин, А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина, А. Н. Сорокин](#)

["О культурном слое Новгорода второй половины 15-16 веков" Л. И. Петрова, И. Ю. Анкудинов, Н. Д. Фирсова](#)

["Латуни средневекового Новгорода" Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева](#)

["Из истории транспортных средств древнего Новгорода" М. И. Васильев, А. Н. Сорокин](#)

["Дом 12 века «на куриных ногах» с Фёдоровского раскопа" С. А. Шаповалова, Г. Е. Дубровин](#)

["Загадочные явления в Новгородской каменной пластике" В. Г. Пуцко](#)

["Западноевропейская свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода" П. Г. Гайдуков, Х. Эммерик](#)

["Изучение древнейших пахотных орудий Новгородской земли" В. Я. Конецкий](#)

["Типология городов Поволховья" Е. Н. Носов](#)

["К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина преподобному Лазарю Муромскому" А. Е. Мусин](#)

["Ткацкий станок 14 века из Твери" А. А. Момбекова, Е. В. Кобозева](#)

Выпуск 15 (2001)

["Новгородская псалтырь – новонайденный кодекс 11 века" В. Л. Янин, А. А. Зализняк](#)

["Бусы из раннесредневековых слоёв Рюрикова Городища" М. В. Медведева](#)

["Об иконографии ранних Новгородских амулетов-змеевиков" В. Г. Пуцко](#)

["Тяглое население Славковой и Коржевой улиц в 80-ых годах 16 века по данным писцовых и лавочных книг" Г. Е. Дубровин](#)

["Древнерусские сани 15 века. Проблемы реконструкции" М. И. Васильев](#)

["Курган номер 4 курганной группы «Струйское» \(Тверская область\)" О. М. Олейников](#)

["Маршруты походов великих князей на Новгород 12-15 веков \(к вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и Низовскими Землями в эпоху Средневековья\)" М. И. Васильев](#)

["Семантическая загадка событий 1216 года" В. Н. Варнаев](#)

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов

Е. Р. Михайлова (СПб)

В настоящее время наши знания о культуре псковских длинных курганов (далее — КДК) основываются прежде всего на сведениях о ее погребальных памятниках. Поэтому на первый план в изучении КДК, помимо дальнейших полевых изысканий, выступают проблемы, связанные с погребальной обрядностью, тем более значимые, что проблема формирования КДК стоит в тесной связи с проблемой распространения курганного обряда в лесной зоне Восточной Европы. Однако более или менее четкого представления о процессе его возникновения и развития пока нет. Это связано прежде всего с чрезвычайным разнообразием как в строении курганов, так и в способе помещения кремированных останков в/под насыпь. Существенна также полная неразработанность хронологии. Вследствие этого все существующие ныне гипотезы о происхождении и эволюции погребальной обрядности КДК неизбежно носят характер достаточно умозрительной типологической схемы, где в качестве начального звена предполагается использование неких созданных человеком или природных объектов, постепенно эволюционирующих в искусственные насыпи.

В конце 1970-х гг. эстонская исследовательница М. Аун, основываясь на материалах курганов Юго-Восточной Эстонии, предложила следующую последовательность возникновения и развития погребального обряда. КДК в изучаемом его регионе¹. По ее мнению, курганный обряд захоронения развивался «от погребальных площадок округлой или четырехугольной формы с большим числом

захоронений, найденных в основаниях более древних курганов, до насыпей с одиночными погребениями на вершине кургана. Большое разнообразие в составе и величине отдельных могильников и групп могильников, свидетельствующее о развитии курганного обряда захоронения, отражает, по всей вероятности, и особенности, связанные с переходом к курганному обряду захоронения, и с его дальнейшим развитием в условиях отдельных областей восточной Эстонии»². Таким образом, отправной точкой развития курганного обряда является окруженная ровиком площадка со связанными с ней погребениями.

Этот факт может иметь два объяснения.

Либо, во-первых, мы должны предположить, что в какой-то момент существования КДК все погребальные площадки, в т. ч. уже не функционирующие, возможно, заросшие, с заплывшими ровиками и т. д., были перекрыты хотя бы незначительными по высоте насыпями. Либо же сооружение т. н. погребальных площадок — это одно из необходимых действий при возведении насыпей КДК (как и любых других курганов, окруженных ровиком).

Выражения вроде «неравномерно округлая» или «неправильно четырехугольная» возникают лишь при описании результатов раскопок. В действительности же это довольно неопределенные геометрические фигуры с соотношением длины и ширины приблизительно 1:1 (рис. А). Такого рода площадки с сооруженными над ними (сразу же или через некоторое время) низкими, ок. 15—30 см, насыпями, были первым этапом в сооружении большинства исследованных курганов КДК. Такой же низкой насыпью была перекрыта и «площадка» на оз. Съезжем. Очевидно, на сооружение таких низких насыпей шел в основном грунт, вынутый из ровиков.

Несколько реже основанием насыпей служили овальные или вытянутые четырехугольные (эти определения также достаточно условны) погребальные площадки, тоже довольно схожие между собой. Их размеры от 3—3,5 x 6 до 7—7,5 x 15 м, при этом довольно четко выдерживается соотношение ширины и длины 1:2. (рис. Б). Эти площадки также перекрывались низкими насыпями. Размеры насыпи в плане при этом соответствовали размерам пространства, ограниченного ровиком. Фиксируемое теперь превышение длины кургана над длиной погребальной площадки и перекрывание насыпью ровика нужно отнести к результатам естественного расползания песчаных насыпей.

Без сомнения, мы имеем здесь дело с двумя начальными (и в этом смысле основными) элементами погребальных сооружений КДК. Сейчас невозможно указать, почему в одних случаях сооружение кургана начиналось с округлой (под-квадратной) площадки, а в других — с удлиненной. Можно лишь отметить, что если первоначальная округлая низкая насыпь могла один или несколько раз досыпаться как в длину (и превращаться в длинный курган), так и в высоту (сохраняя при этом свои пропорции), то к удлиненной первоначальной насыпи все присыпки производились только в длину.

При совершении досыпок получающаяся длинная насыпь каждый раз обводилась общим ровиком. Если таких досыпок было несколько, то в плане все это производит впечатление нескольких погребальных площадок, перекрытых общей насыпью; однако в профиле, как правило, хорошо прослеживаются прослойки погребенной почвы на поверхности первоначальной и промежуточных насыпей.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время наши представления о культуре псковских длинных курганов практически исчерпываются материалами ее погребальных древностей, преимущественно данными по топографии могильников и внутреннему строению отдельных насыпей. Типология и хронология имеющегося вещевого материала (за исключением единственной категории — В-образных пряжек с рифлением) до сих пор не разработаны, и немногочисленные имеющиеся даты отдельных курганов, сами по себе довольно широкие, основаны либо на данных радиоуглеродного анализа, либо на приблизительных аналогиях из соседних регионов. Во многом эта ситуация объясняется характером самого погребального инвентаря. Чаще всего вещи из длинных курганов относятся либо к типам, наиболее простым в изготовлении и потому бытовавшим в течение длительного времени на обширных территориях, либо к типам, специфичным для КДК и потому не могущим быть датированными привлечением инокультурных аналогий. Значительная часть инвентаря к тому же пострадала от воздействия огня. Поэтому говорить о выделении каких-либо хронологических стадий пока не представляется возможным. Скорее, напротив, нужно принять все элементы погребальной обрядности КДК как сосуществующие на всем ее протяжении.

Давно замечено, что не существует выраженной зависимости между размерами кургана и количеством связанных с ним захоронений. Но, несколько утрируя, можно сказать, что вообще нет четкой зависимости между наличием кургана и наличием захоронений. В конечном итоге в какой-то момент все погребения оказались перекрытыми курганной насыпью, однако происходило это во многих случаях далеко не *era iu*. Мы имеем, как уже говорилось, перекрытые прослойкой погребенной почвы захоронения под первоначальной насыпью, в

также довольно многочисленную группу захоронений в грунтовых ямках, совершенных рядом с первоначальной насыпью, за пределами ее ровика, и лишь позднее перекрытых окончательным курганом. С другой стороны, известны т. н. «курганы-платформы», содержащие только впускные погребения, и пустые курганы — по каким-то причинам не использованные «платформы» или, возможно, кенотафы. Очевидно, в кургане мог быть захоронен не каждый член коллектива, а только имевший определенный статус. Судя по тому, что какая-то часть курганов возводилась заранее («платформы»), могла существовать известная связь между строительством дома в этой жизни и заблаговременным возведением жилища для себя и своей семьи для жизни в мире ином. В таком случае, изменение размеров и формы семейной усыпальницы должно быть связано с изменениями в статусе или составе той семьи, которой она принадлежала.

Погребения в грунтовых ямках за пределами первоначальных насыпей обнаруживают устойчивую корреляцию с находками поясных наборов, оружия (железный двушипный дротик из Суур-Рысна) и таких предметов обихода, которые скорее можно отнести к мужским принадлежностям: ножи, блоковидные кресала, пинцеты. Несколько раз в этих же погребениях встречены, помимо человеческих, кости крупных животных, определенных как кости коня. Возможно, грунтовые погребения за пределами первоначальных насыпей принадлежали членам коллектива, по каким-то причинам не имевшим права на свой курган (напр., холостым мужчинам).

Ярким примером сосуществования различных по внутренней структуре и способу захоронения останков насыпей может служить полностью исследованная С. Л. Кузьминым курганная группа Которск XII в. бассейне верхнего течения р. Плюссы. В планиграфии этого могильника, насчитывавшего 11 насыпей, выделяется несколько зон.

В западной части расположены круглые в плане курганы, насыпанные в один прием и содержащие одиночные безынвентарные захоронения: кальцинированные кости, очищенные от угля, помещаются, как правило, в теле насыпи (№№ 3, 9, 10, 11). На вершинах курганов 9 и 11 стояли камни.

В восточной части расположены удлиненные насыпи (№№ 1, 4, 5) и небольшой подквадратный курган № 2. Удлиненные курганы содержали по несколько захоронений и все (кроме № 5) имели сложное внутреннее строение.

Особенно интересен по своей структуре курган № 1 — самый большой в группе. Его первоначальная насыпь представляла собой курган подчетыреугольной формы размером приблизительно 4х4,5 м, высотой ок. 40 см, по размерам и ориентированности по сторонам света абсолютно аналогичный расположенному рядом кургану № 2. Позднее была сооружена примыкающая к первоначальной насыпи с востока, вырезанная в материке площадка, также перекрытая невысокой насыпью. Третий этап сооружения кургана связан с возведением удлиненной насыпи, вытянутой по линии запад—восток. Ее основание было создано путем эскарпирования склонов возвышенности, на которой расположен курган. С этой насыпью были связаны какие-то деревянные конструкции, позднее разобранные, а также ряд камней, маркирующий ее северный край. Свой окончательный вид курган приобрел в результате сооружения широкого рва и прилегающей к нему с внешней стороны подрезки, оконтуривших площадку прямоугольной формы со скругленными углами размером приблизительно 15х21 м. Курган, перекрывший все предшествующие сооружения, достигал 1 м высоты с запада и 2,5 м высоты с востока, по склону холма.

В курганах восточной зоны сосредоточены захоронения двух разновидностей: 1. Погребения, впущенные в насыпь. Кальцинированные кости очищены от угля. Часть этих захоронений содержит женский инвентарь: нашивные бляшки, височные кольца, подвеска-лунница, бусы. 2. Захоронения в материковых ямах. Кости в этих захоронениях слабо обожжены, содержат значительную примесь угля, и возможно костей животных. Все они располагаются либо под южной полкой первоначальной насыпи, либо к юго-западу — юго-востоку от нее и перекрыты прзднейшими присыпками.

В центре могильника располагался комбинированный курган № 6. Он образовался путем слияния небольшой насыпи, подобной кургану № 2, с высоким круглым курганом, тяготеющим к западной зоне. На вершине круглой части был установлен небольшой валун.

Таким образом, внутри сравнительно небольшого могильника — в 11 насыпях содержалось 28 погребений — мы видим сочетание практически всех известных элементов погребального обряда КДК. Несомненно, что внутри коллектива, оставившего этот могильник, существовали группы людей, степень обособленности которых воплотилась в погребальном ритуале.

Представляется существенным тот факт, что могильник Которск XII должен быть отнесен к финальному этапу существования КДК. Помимо характерных для длинных курганов бус из темно-синего прозрачного стекла и бляшек-скорлупок, здесь встречены предметы формирующегося древнерусского убора. В двух погребениях кургана № 1 встречено по паре проволочных височных колец небольшого диаметра. Аналогичные кольца найдены на древнерусском поселении Которской погост, расположенном в 4 км от могильника. Здесь они встречены в слое пожара, произошедшего в середине второй половины X в., и в вышележащем слое черного гумуса. Вместе с этими кольцами в инвентарь погребений входили ножи IV типа по Р. С. Минасяну, датирующиеся временем не ранее последней четверти 1 тыс. н. э. Здесь же встречена миниатюрная круторогая лунница из оловянистого сплава. Ее форма, возможно, имеет прототипы в серии украшений, появляющихся на Руси и на Балтике не ранее середины IX в. Радиокарбонный анализ образцов угля из нескольких курганов дал серию дат, укладывающихся в промежуток от середины IX до начала XI вв.

Другим характерным примером постепенного развития отдельных курганов из перекрытых незначительной насыпью погребальных площадок в более сложные сооружения может служить могильник Засобье II в бассейне среднего течения р. Луги, частично исследованный тем же автором. Начальным этапом каждого из раскопанных здесь курганов являлась под-квадратная или округлая в плане площадка, перекрытая очень незначительной по высоте насыпью: 15—25 см. Однако дальнейшее развитие каждого из курганов шло различными путями. Расположенные на северо-западном конце цепочки из пяти курганов курганы № 9 и 10 после досыпки приобрели вид низких (до 40 см) округлых в плане насыпей, причем крайний в цепочке курган № 10 в своем окончательном виде является стратиграфически более поздним, чем окончательный курган № 9. Погребений в этих курганах не выявлено, хотя в заполнении рва кургана 10 встречены разрозненные кальцинированные кости. Продолжающие упомянутую цепочку к юго-востоку курганы № 12 и 6 на втором этапе своего существования приобрели вид удлиненных насыпей размером соответственно 4х8 и 8х15 м, высотой до 40 см. С окончательной длинной насыпью кургана 12 связано погребение, впущенное в его юго-восточную, досыпанную часть. Досыпка к кургану 6 перекрыла три грунтовых погребения, расположенных к юго-востоку от первоначальной насыпи. В досыпанную часть были впущены еще два погребения. Примыкающий к кургану № 6 с юго-востока курган № 7 (диам. ок. 10 м, вые. 1,1 м), сооруженный в два этапа, в своем окончательном виде

является стратиграфически более поздним, чем окончательная насыпь кургана № 6. Расположенный на некотором расстоянии далее к юго-востоку курган № 8 по своему строению и размерам аналогичен кургану № 10 и погребения не содержал. Из исследованных курганов происходит единственная находка — сильно оплавленная бронзовая пряжка, которую точно датировать не удалось. На примыкающем к курганам распаханном селище, встречена лепная керамика, характерная для КДК, и немногочисленные индивидуальные находки, позволяющей отнести поселение к последней четверти 1 тыс. н. э.

Сходную картину последовательного сложного развития не курганного обряда в целом, а конкретных курганов дают и материалы других могильников.

Подведем итоги. Очевидно, гипотезу о местных корнях курганного обряда, развивающегося из обычая захоронения кремированных останков на грунтовых погребальных площадках, нужно признать искусственной. Вытянутые или близкие в плане к квадрату погребальные площадки, окруженные ровиком — начальная фаза сооружения практически любой па-сыпи КДК (за исключением единичных курганов без ровика). Наряду с погребениями на таких площадках в КДК достаточно распространены захоронения в грунтовых ямках с внешней стороны ровика, лишь позднее перекрытые насыпью в результате досыпки кургана. Изменение формы кургана и усложнение его внутренней структуры является не результатом эволюции курганного обряда в целом, а связано, очевидно, с изменением (прижизненным) статуса людей, которые должны быть погребены в данном кургане. Какая-то часть курганов приобрела законченный вид уже в результате сооружения первичной невысокой насыпи, не подвергаясь дальнейшим присыпкам. Это может быть связано как с пресечением отдельных генеалогических линий (если считать курганы семейными усыпальницами), так и с прекращением функционирования отдельных могильников.

Отдельные незначительные по высоте насыпи, сопровождаемые грунтовыми погребениями с внешней стороны рвов (на оз. Съезжем, в Залахтовье, в Лаоссина II), по всей вероятности, нужно рассматривать как незавершенные, «недосыпанные» в силу каких-то экстраординарных причин. В этом случае такого рода сооружения не свидетельствуют о возможных путях возникновения курганного обряда, а скорее маркируют финальную фазу в развитии конкретного могильника, по какой-то причине внезапно прекратившего свое функционирование.

Что же касается проблемы возникновения курганного обряда, в частности, в культуре длинных курганов, то ее решение нужно искать, очевидно, в событиях эпохи Великого переселения народов, вызвавшей серьезные подвижки населения и изменения в этнокультурной карте всей Европы, в т. ч. и в се степной зоне, где традиции возведения курганов насчитывали уже не одно тысячелетие. Серьезным аргументом в пользу перехода непосредственно к курганному обряду, без каких-либо промежуточных стадий, вызванного, вероятно, внешними импульсами, в т. ч. и с юго-востока, со стороны Волги и Камы, служат материалы раскопок А. Н. Башенькина на северо-восточной окраине территории распространения длинных курганов.

1 Аун М. Археологические памятники второй половины 1 тыс. н. э. на юго-востоке Эстонии. Автореферат канд. дис. Л., 1979. — С. 15—17. Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине 1 тысячелетия нашей эры. Таллинн, 1980.

2 Аун М. Курганные могильники..., — С. 99.

4 Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов. // КСИА, в. 179, 1981. — С. 11 — 17.

5 Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., — С. 53.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

О судьбах традиции сооружения сопок в северо-западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии

Н. И. Петров

В последнее время, в изучении круга проблем, связанных с монументальными культово-меморативно-погребальными сооружениями Северо-Западной Руси — сопками, наметились значительные изменения. Сопки справедливо рассматриваются В. Я. Конечким как погребальные памятники представителей социальной верхушки возводивших их коллективов. При этом, очевидно, что данные насыпи являлись одновременно своеобразными «языческими храмами», сакральными сооружениями. С другой стороны, С. Л. Кузьминым была отмечена неоднородность высоких погребальных насыпей Северо-Запада эпохи раннего средневековья; помимо собственно сопочной традиции был выделен особый пласт высоких погребальных сооружений соотносимый с так называемой «культурой псковско-боровичских курганов». Таким образом, были созданы возможности для проведения своеобразной «чистки» исходной источниковой базы. Термин «сопка», связываемый ныне большинством исследователей с традицией сооружения высоких погребальных насыпей, распространяющейся в VIII — XI вв. в Северо-Западной Руси из района северного Поволховья, отчасти утратил свою расплывчатость. Однако, какие-либо качественные сдвиги в изучении процесса прекращения традиции сооружения сопок и появления новых типов погребальных памятников, относящихся к так называемому «древнерусскому времени», отсутствуют. В настоящее время, наиболее распространенными являются две точки зрения на эту проблему. Согласно одной из них (В. В. Седов), сопки сменяются на Северо-Западе

круглыми курганами с кольцевыми каменными обкладками основания насыпи и погребениями по обряду трупосожжения. В дальнейшем, обряд трупосожжения вытесняется трупоположением при сохранении традиции сооружения курганов. Заключительный этап развития погребальных традиций данного региона по В. В. Седову — жальничные захоронения. По мнению В. Я. Конецкого, жальники и грунтовые могильники с погребениями по обряду трупоположения приходят на смену сопкам непосредственно. Курганы с трупоположениями восходят, в своей основе, к погребальным насыпям «культуры исковско-боро-вичских длинных курганов» с погребениями по обряду трупосожжения.⁴ Следует отметить, что построение подобных схем можно проводить только в одном случае — если механизм функционирования в культуре всех перечисленных типов погребальных сооружений был более или менее одинаков. Однако, вряд ли мы имеем дело с такой ситуацией в отношении традиции возведения сопок и более поздних типов погребальных памятников. Выше уже было замечено, что помимо погребальных функций сопкам были присущи и некие сакральные, культовые функции. Подобная полифункциональность безусловно связана с любым погребальным сооружением. По, если для древнерусских погребений по обряду трупоположения определенно характерна подчиненность сакральных функций погребальным (или их единство), то сакральные функции сопок представляются более автономными, самостоятельными по отношению к погребальным. Последнее утверждение можно проиллюстрировать наличием сопок, погребения в которых отсутствуют. Интерпретация подобных сооружений как кенотафов была бы неверной — сопки не являлись индивидуальными погребальными сооружениями; захоронения представителей социальной верхушки совершались в сопках неоднократно и не одновременно. Очевидно, что в сопках не содержащих погребений (но не отличающихся по своей общей конструктивной схеме от сопок, в которых выявлены трупосожжения) реализовалась исключительно их сакральная функция. Возвращаясь к проблеме изучения процесса прекращения традиции возведения сопок, необходимо указать на то, что оно возможно лишь с учетом отмеченной выше специфики полуфункциональности данных сооружений. Очевидной представляется необходимость выявления динамики прекращения (или продолжения) действия функций сопок по отношению друг к другу и соотношения этого процесса с появлением новых типов погребальных памятников. Подобная методика даст возможность вычленения набора вариантов рассматриваемого процесса, что, в свою очередь, будет являться инструментом интерпретации конкретных археологических материалов. В начале, однако, следует подробнее охарактеризовать выделенные выше функции сопок.

Погребальные функции. Интерпретация сопок как погребальных памятников представителей социальной верхушки прекрасно иллюстрируется материалами раскопок комплекса памятников в урочище Губинская Лука на р. Ловать. Выявленное здесь сосуществование двух погребальных традиций в рамках одного коллектива (сопка и «каменный круг») получает объяснение лишь при признании их различной «социальной приуроченности». «Каменный круг», при этом, соотносится с погребальной традицией рядовых членов данного коллектива.⁵ Существование представлений о социальной репрезентативности курганной погребальной насыпи подтверждает «Сага об Инглингах»: «Один ввел в своей стране те законы, которые были раньше у Асов. Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом... А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган (разрядка моя — Н. П.), а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался.⁶ Следует, однако, отметить, что «характер данной социальной верхушки общества мог быть различным — если, например, сопки комплекса археологических памятников в окрестностях пос. Любытино можно рассматривать как один из вариантов так называемых «дружинных курганов»; то множество подобных памятников в менее развитых в социальном отношении районах Северо-Западной Руси связаны с лидерами общественных структур иного облика.⁷ Попутно замечу, что наличие в сопке человеческих кальцинированных костей само по себе не является бесспорным свидетельством реализации погребальных функций данного сооружения. Здесь следует привести сведения Льва Диакона (вторая половина X в.): «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (несколько) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра.» О жертвенном убийстве славянами младенцев свидетельствует и византийский автор VI в. Псевдо-Кесарий.⁸ Таким образом, не исключено, что какая-то часть захоронений в сопках связана с воплощением их сакральной (не погребальной) функции.

Варианты реализации погребальной функции сопок рассматривались мною ранее.⁹ Здесь лишь необходимо отметить, что прекращение совершения в сопках погребений по обряду трупосожжения отнюдь не свидетельствует о полном прекращении функционирования сопок как погребальных сооружений. Выявленные в ряде случаев впускные трупоположения, в том числе относящиеся к сравнительно раннему времени — XII—XIII вв. (например, сопка Косицкое-Ш — раскопки Н. Г. Богословского; сопка № 2 Пристань-Ш — раскопки С. Л. Кузьмина и др.), говорят о возможности позднейшего переосмысления погребальных функций сопок.

Сакральные функции. Самостоятельность сакральных функций сопок по отношению к погребальным была рассмотрена выше. Наличие сопок не содержащих погребений вообще позволяет, таким образом, допустить возможность их интерпретации в качестве святилищ, неких «сакральных центров» тех или иных социальных структур. Необходимо, однако, сделать здесь одну важную оговорку. В. Я. Конецкий, используя утверждение Д. С. Раевского о соотносимом™ погребальных памятников архаических обществ с моделью мироздания, полагает, что «в сопках эта идея получила яркое, хотя и не до конца ясное в деталях выражение¹⁰. С согласиться с подобным сопоставлением трудно. Точка зрения Д. С. Раевского сводится, в целом, к следующим положениям. Одной из основных функций мифологии в архаических обществах являлось моделирование мира, объясняющее его. С другой стороны, очевидна глобальная Mib

фологизация всех сфер культуры, всех видов человеческой деятельности в обществах данного типа. Соотнесенность всех сторон жизни социума с мифологией позволяет Д. С. Раевскому видеть в любой семиотической системе (в том числе, и в «вещных» невербальных текстах) отражение мифологической модели мира. Однако, моделирование мира — одна из основных, но не единственная функция мифологии. Действительно, любая семиотическая система соотносится с мифологией в архаическом обществе, а значит, так или иначе, будет связана с моделью мира. По характер этой связи может быть различен. Последняя может быть результатом сознательного воплощения модели мироздания. Но вполне возможны ситуации, когда в основе рассматриваемой связи лежат совершенно иные принципы и исследуемая семиотическая система соотносится с моделью мира лишь постольку поскольку она связана с мифологией в целом. Последнее утверждение следует, пожалуй, прежде всего отнести к погребальным сооружениям и обряду, в основе которого лежит, как правило, стремление укрепить границу «жизнь-смерть», нарушенную смертью, а отнюдь не желание сознательного предметного воплощения модели мира. Следует также отметить, что знакомая система, воплощающая в себе мифологическую модель мира, могла функционировать в культуре в течение какого-то более или менее значительного отрезка времени лишь в том случае, если она была зрительно воспринимаемой (см., например, изображения на скандинавских «памятных камнях» V—XI вв. 13) — архаическое мышление не знает абстракций. Отчасти это признает и Д. С. Раевский. 14 Очевидно, таким образом, что даже сопка, функционировавшая исключительно как сакральное сооружение, не могла восприниматься в качестве семантического дубликата мифологической модели мироздания после того, как она была возведена. Отмечу, наконец, что интерпретация В. Я. Конечким некоторых элементов внутренней конструкции сопок как предметного воплощения определенных мифологических архетипов (вертикальный столб и центре насыпи — «мировое древо»), в свете изложенного выше и при отсутствии непосредственно относящихся к сопкам параллелей в вербальных текстах, представляется чрезвычайно слабо аргументированной. Внутренние детали конструкции сопок следует, видимо, рассматривать как предметное воплощение последовательности действий, необходимых, с точки зрения возводивших эти сооружения коллективов, для «нормального» функционирования сопок в качестве исключительно сакральных или сакрально-погребальных комплексов. Попытки конкретизировать сказанное означали бы вступление на путь культурологических реконструкций, лишенных аргументации. Объяснение же уникальности и неповторимости практически каждой, исследованной раскопками, сопки следует искать не в узлокальном характере представлений о структуре мира в эпоху средневековья, а в аналогичном характере традиционных верований этого времени в целом, отнюдь не являвшихся некоей единой языческой религией. Переходя к анализу вариантов прекращения традиции сооружения сопок и эволюции их функций, отмечу, что выделенные функции (погребальная и сакральная) ни в коем случае не дают оснований говорить о возможности возведения исключительно погребальных сооружений подобного типа (в связи с бесспорным наличием сопок-святилищ не содержащих погребений). Надо полагать, что сопки, являвшиеся местами захоронения представляли знати, действовали и как «сакральные центры» — сакрализация подобных памятников представляется вполне естественным и закономерным явлением. Сопоставление вариантов прекращения или Продолжения действия функций сопок, как сакрально-погребальных сооружений, по отношению друг к другу (в динамике) дает возможность выделить, в свою очередь, три варианта прекращения традиции сооружения сопок:

1. Синхронное прекращение действия сакральных и погребальных функций сопки. Этот вариант прекращения сопочной традиции в силу его чрезвычайно «радикального» характера, видимо, следует связывать исключительно с воздействием «внешних сил» (представителей княжеской администрации) на традиционные верования населения Северо-Западной Руси, возводившего сопки. Возможность подобного воздействия княжеской администрации, «вмешивавшейся» в процесс христианизации Новгородской земли, очевидна. Проиллюстрировать данный вариант можно материалами исследования сопки № 2 в группе сопок 11 уд. Сковородка в бассейне р. Плюсса (раскопки С. Л. Кузьмина). Остатки трупосожжений на стороне ссыпались здесь в дубовый ящик, располагавшийся в центре площади (площадь — 2,5х2,5 м.) на вершине насыпи. В последствии, ящик был сброшен с первоначального места, очевидно, в результате преднамеренного действия, на край площадки. После этого сопка была практически сразу перекрыта слоем серого песка мощностью до 0,5 м., который и спас древесные остатки от разрушения. Сопка датируется по вещевому и керамическому материалам сер. X — нач. XI вв. (радиоуглеродная датировка ящика укладывается в интервал: последняя треть X — первая треть XI вв.). 19 Насильственное пресечение погребальных функций сопки (сбрасывание ящика, последовавшее за этим перекрывание действовавшего погребального сооружения слоем песка) налицо. Судьбу данной сопки как сакрального сооружения определить гораздо сложнее. Дело в том, что выявление предметного (археологизированного) выражения сакральных функций сопок чрезвычайно затруднено, иногда — вообще невозможно. Те или иные обрядовые действия, связанные с сопкой как с сакральным комплексом, могли в ряде случаев вообще не получать выражения, доступного для археологического изучения. Очевидно, в дан-пом случае этот вопрос необходимо решать не на «археологическом уровне». Видимо, учитывая тесную взаимосвязь сакральных и погребальных функций сопок, отмечающуюся выше, следует предположить, что резкое пресечение погребальных функций рассматриваемой сопки представителями инородной социокультурной структуры повлекло за собой, по крайней мере, временное прекращение действия первоначальных (исходных) сакральных функций. (Нельзя исключать возможность их позднейшего переосмысления.). При этом, однако, сама сопка не уничтожается, хотя подобные случаи преднамеренного разрушения известны. Тем не менее, следует отметить, что такого рода ситуации (разрушение сопки и последующее появление погребального комплекса иного типа в другом месте) вполне могли иметь место, но их археологическое выявление чрезвычайно затруднено.

2. Прекращение действия сакральных функций сопки и продолжение ее функционирования как погребального сооружения. Этот вариант отразился в выявленных В. Я. Конечким случаях умышленного разрушения сопок и начала функционирования на их месте грунтовых могильников с погребениями по обряду трупоположения XI—XIII вв. (Нередицкий, Деревяницкий, Шелгуновский могильники)²⁰. Разрушение сопок здесь, как и в предыдущем варианте, надо полагать, связано с участием представителей княжеской администрации в процессе христианизации. Прекращение функционирования сопок как сакральных сооружений очевидно. Появление на их месте древнерусских грунтовых могильников свидетельствует о том, что погребальные функции, связанные в сознании населения с местом расположения-сопки, получили свое продолжение, хотя, безусловно были переосмыслены. Следует все же отметить, что подобная ситуация занимает как бы пограничное положение между двумя выделенными вариантами прекращения традиции возведения сопок. В качестве более яркой иллюстрации можно привести так называемую «каменную насыпь», исследованную Н. И. Платоновой у д. Удрай в верхнем Полужье. Здесь, на вершине естественного всхолмления (высотой около 1 м.), склоны которого были подрезаны и укреплены мощной кольцевой каменной крепидой, в течение какого-то времени было совершено 6 погребений по обряду трупоположения в грунтовых ямах (в том числе — в деревянных камерах). В дальнейшем, погребения перекрываются курганной насыпью (высотой около 1 м.), основание которой также укрепляется мощной каменной обкладкой. Инвентарь погребений (обломок клинка меча, бронзовый наконечник ножен меча, железная плеть с кольцом на конце, топорик-чекан с инкрустацией серебряными полосками, железные удила, бочонковидные гирьки, весы в бронзовом футляре, шпора каролингского типа с бронзовой инкрустацией, сломанный меч с клеймом рейнских мастерских и др.), относящийся к кон. X(?) — первой половине XI вв., характеризует погребенных, по мнению Н. И. Платоновой, как «поверх-постно христианизированную местную знать, захороненную по особому престижному ритуалу».²¹ Множество деталей конструкции данного сооружения (прежде всего — мощная каменная обкладка основания), равно как и его монументальный облик в целом, ассоциируется с «сопочной архитектурой». Н. И. Платонова уже обращала внимание на это обстоятельство.²² Погребальный инвентарь безусловно говорит о принадлежности погребенных к социальной верхушке населения Северо-Западной Руси, однако, вряд ли следует видеть в них местную знать, как это делает Н. И. Платонова. Отмеченные выше элементы вещевого набора погребального инвентаря, традиция захоронения в деревянных камерах (уникальные для верхнего Полужья) позволяет считать погребенных представителями социальной структуры инородной по отношению к местному населению. Видимо, их появление в данном районе связано с процессами окняжения. Таким образом, в рассматриваемом случае мы имеем дело с продолжением действия погребальных функций сопок — для погребения представителей инородной социокультурной группы возводится сооружение, по сути дела, являющееся сопкой. Однако, отмеченный выше статус погребенных (пришлая знать) и зафиксированный погребальный обряд свидетельствуют о произошедшем разрыве в понимании населением погребальных и сакральных функций сопок, некоем смысловом конфликте, в результате которого данное сооружение перестает быть носителем сакральных функций сопки. К этому же варианту следует отнести и большую часть сопок, содержащих впускные трупоположения, относящиеся к сравнительно раннему времени (XII—XIII вв.). В этой связи, любопытной представляется интерпретация А. Е. Мусиным трупоположения, впущенного в сопку у д. Косицкое в верхнем Полужье (Косицкое-Ш, раскопки Ы. Г. Богословского). С данным погребением связана находка энколпиона XIII в., изготовленного в Южной Руси. По справедливому замечанию А. Е. Мусина «происхождение энколпиона может служить подтверждением мысли о социально-неполноправном характере погребенных древнерусского времени в памятниках предшествующих культур, в данном случае в связи со статусом Мигрантов, что весьма вероятно во второй половине XIII в. из-за оттока населения южнорусских земель после разорения их монголо-татарским нашествием».²³ В целом, следует отметить, что совершение в сопке впускного погребения по обряду трупоположения, при безусловном захоронении основной массы умерших в древнерусскую эпоху в курганных, жалышчных и грунтовых могильниках, свидетельствует о несоответствии статуса погребенного общепринятым социокультурным стереотипам, причем несоответствию, вызывающему негативное отношение. Чрезвычайно интересными, в этом ключе, представляются сведения, связанные с местной устной традицией, о захоронении при сопке у д. Коровитчино на р. Ловать цыганки и утонувшего татарина²⁴ и др. С подобными ситуациями безусловно связана характеристика сопок (равно как и других погребальных памятников Северо-Запада эпохи раннего средневековья) местной устной традицией как «нечистых» мест. Таким образом, здесь мы вновь сталкиваемся с продолжением функционирования сопок как погребальных сооружений, однако, при резком переосмыслении изначальных погребальных функций. При этом, очевидно, что характер данного переосмысления говорит о прекращении действия исходных сакральных функций сопки, тем более, что при совершении впускного захоронения по обряду трупоположения, как правило, разрушались погребения-трупосождения в вершинах насыпей. Не исключено, что ситуация в чем-то схожая с вариантом эволюции традиции сооружения сопок, прослеженным по материалам исследования комплекса памятников у д. Удрай, имела место в Волжско-Шошенском регионе. Здесь, в курганном могильнике древнерусского времени у д. Иворово Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР (Д. А. Крайнов) в 1967 и 1973 гг. были исследованы два кургана вые. около 3 м. и дпам. около 15 м. с каменной обкладкой по основанию насыпи. Один из них (№ 2, 1967 г.) содержал погребение по обряду трупоположения в грунтовой яме в центре кургана, в белокаменном саркофаге, датирующееся XII в. Позднее, в уже насыпанный курган, в конце XII — начале XIII вв. было впущено женское погребение-трупоположение в деревянной колоде. В другом кургане (№ 2, 1973 г.) погребение по обряду трупоположения в грунтовой яме в берестяном гробовище было значительно повреждено грабительской ямой. Сохранившийся погребальный инвентарь позволяет датировать его вплоть до XIII в. включительно. На вершине кургана прослежен

развал известняковых камней, вероятно оставшийся от располагавшегося здесь креста. Ряд характерных черт этих погребальных сооружений (высота, выделяющая их из основной массы курганов данного могильника, и, прежде всего, наличие саркофага в одном из них) безусловно свидетельствуют о принадлежности погребенных к числу знати. С другой стороны, некоторые признаки этих насыпей (высота и каменные обкладки основания курганов), по мнению П. Д. Малыгина, дают возможность охарактеризовать их как «сопковидные» и связать с эволюцией традиции возведения сопки.²⁶ Если это действительно так, то исследованные курганы являются, по сути дела, своеобразным «сопчным оформлением» погребений представителей древнерусской знати по обряду трупоположения, что свидетельствует о продолжении действия погребальных функций сопки. Однако, расположение этих сооружений в составе синхронного им древнерусского курганного могильника и, следовательно, подчинение их общей пространственной структуре данного погребального комплекса, а также, принципиальное изменение характера погребального обряда свидетельствуют об отсутствии у данных курганов изначальных сакральных функций сопки. Однако, следует все же сделать одну важную оговорку: привлечения таких признаков как высота, насыпи и кольцевая каменная обкладка ее основания явно недостаточно для соотнесения этих курганов с традицией возведения сопки, тем более, что памятники древнерусского времени, в целом, имеют в этом регионе четкую подоснову в «культуре длинных курганов».²⁷ Таким образом, увязка высоких курганов Иворовского курганного могильника с традицией сооружения сопки (и, следовательно, соотнесение этих памятников с выделенным вариантом прекращения данной традиции) может вызывать справедливые возражения и нуждается в дополнительной аргументации.

3. Прекращение действия погребальных функций сопки и продолжение ее функционирования как сакрального сооружения. «Археологическое иллюстрирование» этого варианта чрезвычайно затруднено, в связи с «предметной невыразительностью» функционирования сопки как сакрального сооружения, отмечавшейся выше. Однако, в пользу возможности существования такого варианта прекращения традиции возведения сопки говорят как сама по себе специфика механизма функционирования сопки как сакральных (в том числе, и как исключительно сакральных) сооружений, так и фиксируемые археологическими исследованиями случаи бытования каких-то обрядов, связанных с сопками, в эпоху позднего средневековья. О подобных обрядах свидетельствуют, например, по мнению В. В. Милькова, находки фрагментов гончарной керамики XV—XVI вв. в заполнении рва, окружавшего основание исследованной им сопки у д. Хозюпино в бассейне р. Ловать. При этом, важно отметить, что впускных погребений по обряду трупоположения или их остатков в данной насыпи выявлено не было.²⁸ Возможность существования подобного варианта прекращения традиции сооружения сопки подтверждается наличием полностью аналогичной ему ситуации, выявленной на материалах так называемых «древностей корелы». Исследования комплекса памятников VIII—XIV вв. у д. Ольховка (Лапинлахти; Карельский перешеек), в том числе «каменных куч» (раскопки А. Европеуса 1921 г., А. И. Саксы 1979—1980 гг.), свидетельствуют, как считает А. И. Сакса, о том, что подобные сооружения, функционировавшие первоначально как погребальные (исследованная А. Европеусом «каменная куча» содержала погребение-трупосожжение кон. VIII в.), в XIII—XIV вв. являлись носителями исключительно сакральных функций при массовом распространении в это время погребений по обряду трупоположения в грунтовой яме.²⁹ Приведенная аналогия позволяет, в качестве довольно смелого предположения, допускать возможность возведения сопки как исключительно сакральных сооружений в начальный период распространения в Северо-Западной Руси обряда трупоположения.

Предлагаемый набор вариантов процесса прекращения традиции сооружения сопки позволяет с большей методической корректностью подойти к проблеме появления новых типов погребальных памятников в Северо-Западной Руси в XI—XII вв. Это, однако, — тема для отдельного исследования. Здесь лишь стоит отметить, что предпринимаемые попытки поиска неких общих «генеральных линий» развития погребальных традиций данного региона в эпоху раннего средневековья (В. В. Седов-, В. Я. Конецкий и др.) вряд ли правомерны. Возможно, что наиболее близко к решению данного круга проблем стоял Г. С. Лебедев, отмечавший, что «в каждом конкретном случае необходимо получить возможно полную картину развития культуры данного коллектива»³⁰. К сожалению, это верное замечание рассматривалось Г. С. Лебедевым лишь как возможная перспектива дальнейших исследований. Между тем, представляется, что именно «многовариантные» реконструкции могут наиболее полно и гибко отразить сложные многоуровневые историко-культурные процессы, каковым безусловно является процесс трансформации погребальной традиции. В заключение, отмечу, что выявленный набор вариантов прекращения традиции возведения сопки ни в коем случае нельзя считать окончательным. В перспективе возможно его расширение и структурное усложнение. Однако, на сегодняшний день выявленные варианты вполне позволяют интерпретировать имеющийся в наличии археологический материал, относящийся к данной проблематике.

1 Конецкий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII—X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 141—144.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Поселение и могильник Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье О новом типе памятников третьей четверти 1 тыс. нашей эры

И. В. Исланова

Вопросы расселения славян на Северо-западе Восточной Европы, появления и формирования культуры сопок невозможно решать без анализа памятников предшествующих периодов. Накопление источников по третьей четверти 1 тыс. н. э. происходит медленно, и внимание археологов сконцентрировано в основном на раскопках памятников культуры длинных курганов (КДК). Исследования на поселении и могильнике Юрьевская Горка (Удомельский р-н, Тверская обл.), проведенные с 1984 по 1989 гг. позволяют выделить еще один пласт древностей третьей четверти 1 тыс. н. э. Раскопано свыше 1 тыс. кв. м.

Район Удомельского Поозерья лежит на Волго-Балтийском водоразделе. В первой половине 1 тыс. н. э. эта территория занята памятниками дьяковской культуры. Ближайшие могильники и поселения КДК известны в 30 км южнее. В конце 1 тыс. н. э. в рассматриваемом регионе распространяется культура сопок.

Поселение и могильник Юрьевская Горка находятся на правом берегу р. Съежи (бассейн Меты), в 2 км от ее истока из оз. Удомля. Площадка высотой 5—7 м над водой. Местность песчаная, поросла сосной. Противоположный берег занят обширными заливными лугами. По берегам озер преобладают плодородные аллювиальные почвы.

Селище расположено у подножия озовой гряды, на краю которой лежит городище железного века. Протяженность поселения вдоль берега около 150 м при ширине 30—40 м. Могильник занимает западный участок площадки и частично поврежден постройками селища. Культурный слой хорошей сохранности, без последующих наслоений. Сверху обнаружены почвенные отложения, 5—10 см, с единичными фрагментами керамики. Основной культурный слой слабо гумусирован, 10—30 см, вещевые и керамические находки редки, кость не сохраняется. Примесь углей в слое отмечается в заполнении материковых ям, здесь же найдены основные вещи и керамика. Для памятников третьей четверти 1 тыс. н. э. лесной зоны типичные находки бус синих стеклянных в форме куба с расплывчатыми срезанными углами, железные ножи с прямой спинкой. Массовая находка — глиняные пряслица: 78 экз. целых и в обломках. Господствующая форма — биконическая. Треугольная привеска имеет аналогии в дьяковских древностях. Бутылковидная и шумящая подвеска характерны для по-волжско-финского региона. Обломок петлеконечной крученой гривны близок находкам из Латвийских кладов. Бронзовая орнаментированная обойница типична для КДК. Бронзовая овальнорамчатая пряжка с рубчатым расширением язычка имеет аналогии в КДК Юго-Восточной Эстонии, в кладе в Сумской обл., на городище Зимно, в Польше. Железная овальнорамчатая пряжка с уступом язычка аналогична, найденным на Северном Кавказе. Трехчастные удила распространены в западнобалтских древностях. Пестрые по составу находки укладываются в рамки VI—VII вв., возможно существование селища какое-то время и в VIII в. Наибольший интерес для выводов представляет керамический материал. Вся посуда лепная неорнаментированная, за исключением трех фрагментов. На основе профилированных частей выделено 10 основных типов и 5 редко встречаемых форм. В зависимости от культурной принадлежности типы дифференцированы по пяти группам. Хорошо профилированные сосуды, широко распространенные в лесной зоне Восточной Европы, в группы не включены. Группа 1 — 26% керамики — результат развития местных форм керамики, близкой дьяковской (миски, мисковидные сосуды, воронковидные сосуды и три редкие формы). Группа 2 — 13% — распространена на широкой территории среди прибалтийско-финской посуды, и может быть также местной (банковидные горшки). Группа 3 — 8% — керамика, близкая посуде, встреченной в КДК псковско-новгородского типа и предшествовавших им грунтовых могильниках (высокие слабопрофилированные сосуды и две редкие формы). Происхождение керамики двух последних групп (а это почти половина посуды) неясно, не четок и круг аналогий, что связано со слабой изученностью памятников. Группа 4 — 31% — боченковидные горшки и крупные сосуды с пологими плечиками и расширением в верхней трети. Такая посуда близка керамике древностей Банцеровщины и Корчака, горшкам в некоторых погребениях КДК, в слоях VI—XI вв. Пскова. Предположительно, сосуды группы 3 могли быть связаны с раннеславянскими древностями. Группа 5 — 11% — сосуды со скругленным ребром в верхней трети и ребристые горшки. Определенное сходство есть с керамикой КДК Волго-Мстинского междуречья. Нельзя также исключать поиски прототипов среди посуды железного века (штрихованная керамика) или в раннесредневековых древностях Подесенья. Похоже, на основе этих горшков в конце 1 тыс. н. э. появились ребристые сосуды культуры сопок, известные в литературе, как керамика «ладожского типа». Итак, в керамическом материале тоже пестрый набор: более трети посуды, имеющей местные корни, не менее трети — явно привнесенной, возможно, славянским населением. На селище Юрьевская Горка исследовано полностью или фрагментарно 27 жилых и 9 хозяйственных построек. В их конструкции отмечено употребление большого количества столбов. Среди наземных жилищ выделено: 1) с крупной подпольной ямой и печью-каменкой в небольшом понижении; 2) с двумя крупными материковыми ямами, одной — хозяйственной и второй — с очагом; 3) срубные без крупных ям, с небольшими подпечными углублениями под отопительным сооружением. Размеры жилищ от 3х4 до 6х5,5 м. Одна постройка была углублена в склон берега на 0,3—0,4 м. В противоположном от входа углу — печь-каменка. Справа от ступеньки входа — хозяйственная яма, где был обнаружен металлический лом, сложенный перед переплавкой. Вдоль прямоугольного котлована — серия столбов, в одном случае — сдвоенных. Близкая постройка (но без столбов по периметру) известна на поселении Корчак VII. Грунтовый могильник. Исследовано 8 захоронений, кроме этого не менее трех погребений были полностью разрушены постройками селища. Остались не ясны причины перемещения жилых построек на участок могильника. Судя по вещам, материалы могильника идентичны селищенским. Погребальный обряд: трупосожжение на стороне. Кости с небольшим количеством угольков переносили в ямки, выкопанные в древнем почвенном и материковом слое. Ямки овальные и округлые, верхний диаметр от 45х50 до 53х75 и 75х75 см. Прослеженная глубина от 24 до 45 см, от дерна — до 55 см. Следует обратить внимание на элементы обряда не встреченные ни в памятниках КДК, ни в ближайших грунтовых могильниках. Это забутовка ямки сверху кусками обожженной глины и обмазка глиной стенок. В одном случае перевернутый над костями сосуд, был накрыт крупным валуном. Керамика, в мелких обломках, была еще в двух захоронениях. Вещи единичны: по одному предмету в трех погребениях. Это обломок бронзового браслета с орнаментированными расширенными концами, глиняное биконическое пряслице, наконечник железного дротика. Предположительно со слоем могильника связана находка железного боевого ножа. Такие ножи широко известны в балтской среде к северу от р. Неман и в Скандинавии. По найденному инвентарю могильник датируется третьей четвертью 1 тыс. н. э. Суммируя материалы: по характеру слоя, составу инвентаря и керамики, погребальному обряду и домостроительству — можно говорить о новом типе памятников для Северо-Запада в третьей четверти 1 тыс. н. э. По подъемному материалу, к кругу памятников Удомельского типа относятся еще селища Курово 4 (Удомельское Поозерье), Казикино (Верхняя Мета), Дудиха 1 и Ухаб 1 (Мстинско-Моложское междуречье). Удомельский тип памятников отличается по элементам духовной и материальной культуры от предшествующих поселений железного века и от КДК псковско-новгородской группы. Следует ожидать выявления серии подобных или близких поселений и могильников, по крайней мере, к востоку от Новгорода: на территории Помостья и Мстинско-Моложского

междуречья.

При сравнении сопок и насыпей КДК исследователи подчеркивают их чересполосное расположение, нахождение в разных микрорегионах. Но КДК охватывает большой хронологический отрезок и на ее начальном этапе, в третьей четверти 1 тыс. н. э., сопки еще нет. В этот период параллельно КДК, но в иных ландшафтах, похоже, существовал выделенный новый тип памятников. В VIII в. на территории нового типа памятников появляется или возникает (?) культура сопки, сохранившая некоторые элементы предшествующего этапа. Территория распространения нового (Удомельского) типа памятников с севера и северо-востока предположительно ограничена поселениями и могильниками веси, с востока — граница по р. Мологе, где городища железного века доживают до VI—VII вв. Только в конце 1 тыс. н. э. сюда с запада распространяются сопки. На юге и юго-западе граница могла совпасть с последующим основным ареалом сопки.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли

В. А. Буров

Современные представления о сотенном делении Новгородской земли в XIII в. основаны на известной интерполяции в тексте «Устава князя Ярослава о мостех», перечисляющей участников строительства Великого моста через Волхов: «1-я Давыжа ста, 2 (—) Слепчева ста, 3-я Бьвыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 Княжа ста, 11 Княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа, 17 Лопьскаа, 18 Поволховьскаа трои риле, 19 Яжолбичьскаа двои риле»¹.

Принято считать, что «Устав о мостех» называет исключительно сотни. Первые десять из них (1 — 10) признаны сотнями самого Новгорода, городскими; остальные девять (11 — 19) называют по-разному: провинциальными, волостными, сельскими, областными (В. И. Сергеевич, Т. П. Ефименко, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов, Ю. В. Бромлей, А. В. Куза, В. Л. Янин и др.)². Между тем последние девять участников мостовой повинности в документе никак не названы. Встречающееся в ряде поздних списков разночтение «11 Княжа ста» отсутствует в самом исправном, помещенном в приложении к Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи³ — «11 Княжа». Поэтому распространение термина «ста» на девять «сельских» территориальных единиц нельзя считать верным. Мы имеем дело с явной ошибкой переписчика, допустившего характерный двойной повтор слов, что встречается постоянно в документах. Из историков, пожалуй, лишь один С. С. Гадзяцкий высказал сомнение, что «Устав» перечисляет областные сотни. «Вотская

организация», заметил исследователь, в источнике прямо сотней не названа. Она могла относиться к территории, расположенной по Вотской дороге⁴.

Для ответа на вопрос о том, что подразумевает «Устав о мостех» под цифрами 11 — 19, необходимо разобраться со структурой списка участников строительства Великого моста. Первые десять из них названы сотнями. По-видимому, историки правы, относя их непосредственно к Новгороду. Это тысяча Новгорода.

Остальных единиц — девять. Б. А. Рыбаков, исходя из десятичного принципа деления, предложил восстановить якобы пропущенную десятую единицу — Помостье. Он заметил, что в таком случае десять сотен Новгородской земли образуют тысячу. Сами сотни соответствуют полупятинам⁵.

В. Л. Янин, соглашаясь с Б. А. Рыбаковым, приходит к выводу о неисправности списков «Устава» уже на стадии Археографического вида, об утере названия Помостья. В связи с этим историк предлагает восстановить оригинал в следующем виде: «18 По(мостьская, 19) Волховская». «Объединение двух сотен в одну, — замечает В. Л. Янин, — должно было повлечь и перемену нумерации последних сотен — Волховской и Яжелбицкой»⁶.

Указанные рекомендации текста вызывают сомнения, особенно перенумерация. Важно признать и начальную исправность текста и объяснить наличие в «Уставе» именно девяти, а не десяти областных единиц. При таком подходе возможна совершенно иная трактовка. Мы имеем дело с одной городской единицей — тысячей Новгорода, сотни 1—10 которой полностью указаны, и девять (!) областными единицами — тоже тысячами, но Новгородской земли. Десять тысяч образуют «тьму».

Подтверждение сделанному выводу мы находим в том, что, по данным писцовых книг конца XV в., сотенные округа фиксируются не на уровне небольших погостов-волостей, входящих в состав полупятин. Например, волости Морева и Ве-лила включали десятки — составные элементы сотенного деления. Морева состояла из 12 десятков (Погостский, Семеновский, Туковский, Селецкий, Бродцкий, Жабенский, Усть-моревский, Крековский, Толочинский, Одоевский, Чепятии-ский, Вельский). В Велиле насчитывалось () 8 десятков (Погостский, Порецкий, Добрецкий, Иломский, За-мошский, Ляховицкий, Голодушский, Ополецкий)⁷. В XVI в. сотские упоминаются в погостах-волостях, например, в ближайшем к волости Велиле Жабенском погосте⁸.

На десятки делились станы Холмского погоста той же Деревской пятины. Но ихписание неполное. Известно пять десятков Лазаревского стана (Замошский, Лукннский, Хловитцкий, Заечков, Стержинский), три десятка Кунского стана (Зуевский, Голибинский, Прилуцкий)⁹. Десятки могли образовать лишь сотню.

Термины «стан» и «ста» в XV в. были взаимозаменяемыми. В списке московского противня договора 1471 г. Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире писец вместо слова «ста» указал понятное ему «стан»: «А кто иметь посуль давати или кто и почнетъ имати по концемъ, и по рядомъ, и по станомъ (выделено мною. — В. Б.) и по улицамъ...»¹⁰. В Новгородской Судной грамоте схожий текст ст. 42 звучит иначе: «А от конца или от улицы, и от ста и от ряду»¹¹. Совершенно очевидно, что в конце XV в. московские писцы при составлении описи Холмского погоста вместо термина «ста» применили термин «стан». Они вводили терминологию московского делопроизводства. Точно также новгородский термин «село» был заменен на «деревню»¹². Важно отметить, что в станах были должности сотских. Три стана Белозерского края, согласно Уставной грамоте 1488 г., имели своих сотских¹³.

Участники строительства моста через Волхов, обозначенные под цифрами 11—19 в «Уставе о мостех», тысячами не названы. Это показатель того, что к 1265—1267 гг. (этим временем В. Л. Янин уверенно датирует саму вставку)¹⁴ термин «тысяча» на областные территориальные единицы не распространялся. Из актовых документов и сфрагистического материала также следует, что в XII—XV вв. тысяча связывалась лишь с самим Новгородом: с конца XII столетия существовала должность новгородского тысяцкого¹⁵.

Наиболее древний известный термин, эквивалентный провинциальной тысяче, датируется XIII в. — «ряд». Он зафиксирован в приписке к «Уставу князя Святослава Ольговича»: «Обопезьский ряд», «Бежичьский ряд»¹⁶. Надо полагать, провинциальные сотни в XII—XV вв. были объединены в «ряды». Данная система запечатлена в универсальной формуле Новгородской Судной грамоты: «А от конца или от улицы, и от ста, и от ряду».

Для Новгорода и Новгородской земли «ряд» — это суд, судебный округ для торгово-ремесленного населения — «купцов», объединенных в сотни («кто купецъ, тотъ въ сто»). По если в самом Новгороде ряд как судебный округ приходился на сравнительно небольшую часть территории Торга, то для Новгородской земли территория ряда изменялась десятками тысяч квадратных километров. Сотни Новгородской земли зачастую совпадали с погостами или группой погостов. Они объединяли сельское торгово-ремесленное население. Вот почему при погостах были сотские. Таким образом, сотенно-рядное (тысячное) деление Новгородской земли XII—XV вв. имело отношение к торговцам и ремесленникам.

Провинциальные тысячи в грамотах XIII—XV вв. называются также волостями (волость «Бежиче»). Совершенно очевидно, что территориально Бежецкий ряд и Бежецкая волость совпадали. Волость была территориально-административным делением для смердов. Волости делились на погосты, к которым тянули земледельцы («а кто смердъ, а тот потягнетъ въ свои погостъ»). При погосте был староста — представитель крестьянской общины. Судя по писцовым книгам, погосты делились на более мелкие единицы. Ими могли быть перебары, концы, десятки. В последнем случае погост назывался станом.

Сотский и староста — представители разных сословных судов. Общевоlostной суд тысяцкий не возглавлял. По данным новгородских берестяных грамот XIV—XV вв. в волостях существовала судебная коллегия (сместный суд) в составе посадника и сотских. Именно такой суд запечатлела грамота 154, посвященная разбору дела на торгу далекого погоста. Она происходит с усадьбы посадника из Русы

Василия Никитича. Сотским, а не тысяцкому адресована береста 279 «от всех па-шезерцевъ» из Обонежья18. Должность тысяцкого в XIII — XV вв. на уровне ряда-волости отсутствовала. Главой волости и местного торгового суда являлся представитель боярства — посадник.

При локализации провинциальных единиц 11—19 «Устава о мостех» исследователи исходят в основном из деления Новгородской земли на пятины и полупятины XV—XVI вв. (Б. А. Рыбаков)19. Однако пятинное деление признано относящимся к московскому времени. Для восстановления первоначальной тысячной структуры Новгородской земли необходимо сопоставить данные «Устава о мостех» с географической номенклатурой Договорной грамоты 1471 г. короля польского и великого князя литовского Казимира с Великим Новгородом (табл. 1) и привлечь данные археологии.

Тысяча Новгорода. Как организация торгово-ремесленного населения и судебный округ XII—XV вв. она непосредственно связана с самим Новгородом и в первую очередь с Торгом. Однако средневековый город не мыслился без округи, с которой он составлял единое целое. Сотенно-тысячная организация должна была охватывать и округу. Состав округи Новгорода указан в «Уставе о мостех»: Тугоцкий, Коломенский, Пидебский погосты («тигожане», «пидьбляне», «коломляне»), Поозерье в бассейне р. Веряжи («вережане»), поселение на горе Нередице («нередичане»). «Купцы перечисленных местностей, очевидно, относились к «10 князей ста» Новгорода и наряду с жителями Ильиной, Михайловой, Витковой, улиц, загородцами и прусами, также входившими в городскую княжью сотню20, принимали в середине XIII в. активное участие в мостовой повинности.

Новгородская округа-волость как административно-территориальная единица, таким образом, охватывала значительное пространство от устья р. Тугоды на севере, на левом берегу р. Волхова, до устья р. Веряжи на юге в Поозерье на западном берегу оз. Ильмень. Ее общая протяженность с севера на юг составляла около 150 км при ширине 20—40 км (площадь около 4 тыс. кв. км). Именно для данной территории В. Я. Конецкий отмечает скопление соток («малосопочная» зона ранней «городовой волости»)21. Данное наблюдение чрезвычайно важно, поскольку археология позволяет говорить о глубокой древности территориальных границ Новгородской округи-волости, а, следовательно, и о восхождении к концу 1 тыс. н. э. самой системы тысячного деления Новгородской земли.

«12 Ржевская» тысяча. А. Н. Насонов соотнес данную единицу со Ржевой Пустой, указав на роспись «дани Ржев-ской»22, с чем согласились А. В. Куза и В. Л. Янин. Приведем еще одно свидетельство. В Духовной 1504 г. Иван III завещает сыну «княжение Новгородское», в том числе и «Ржеву Пустую с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами»23. В грамоте Казимира упомянут город Ржова или волость Ржова. Е. Н. Носов отмечает, что Ржевская волость охватывала в основном Бежаницкую возвышенность, на которой в конце 1 тыс. н. э. население хоронило умерших в длинных курганах иных типов24. Это особый компактный регион.

«13 Бежичкаа» тысяча. Не вызывает сомнений, что ее центром был город Бежецк. Б. Л. Рыбаков сопоставил данную территориальную единицу с Бежецким рядом, известным по грамоте 1137 г. Святослава Ольговича. Бежецкая волость фигурирует и в договоре 1471 г. в списке новгородских волостей, с которых князю шел только дар. Иными словами, Бежецкая волость как податная единица к концу XV в. была выведена из сферы сбора дани князем. Не было в ней и суда князя. С бежецким податным округом Е. Н. Носов связывает территорию, на который в конце 1 тыс. н. э. в бассейне р. Мо-логи находилась группа сопкок25. Правда, сопки находились и на территории будущих волостей Городец и Мелеча, с которых в XIII—XV вв. князю шел дар. Надо полагать, что тысячный округ в конце 1 тыс. н. э. заключал и данные две территории. «14 Вочьскаа» тысяча. Она должна соотноситься с землей прибалтийско-финского племени водь, впоследствии сильно русифицированного. Грамота 1471 г. прямо указывает на «Вод-цкую землю». Водская земля приходилась в основном на Ижорское плато, где были плодородные земли. С севера она омывалась водами Финского залива.

«15 Обониская» тысяча. Традиционна ее привязка к Юго-Восточному Приладожью, к бассейнам рек Свирь, Паша, Сясь, Оять, Олонка (Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов, А. В. Куза). В Договоре 1471 г. Обонежье не упомянуто, что закономерно: в 1460 г. обонежский суд был откуплен Якимом Гурее-вым у наместника великого князя Василия Темного. Как показал В. Л. Янин, суд в Обонежье перешел в полную княжескую собственность между 1137 г. и серединой XIII в.26.

Исследователи относят курганы Юго-Восточного Приладожья к приладожской веси, чуди или колбягам (Л. А. Голубева, В. А. Назаренко, Д. А. Мачинский).

«16 Лускаа» тысяча. Б. А. Рыбаков размещает ее по левобережью р. Луги в Залесской половине Шелонской пятины. Насонов сопоставляет эту территориальную единицу с волостью Луга, с чем не соглашается Н. И. Платонова, отмечающая, что границы волости малы по сравнению с десятой частью Новгородской земли27. Мы полагаем, что ядро данной единицы очерчивают сопки, располагающиеся в верховье р. Луги и переходящие по притокам и волоковым путям к низовью р. Шелони. Под Лужской тысячей надо понимать значительную территорию к западу от оз. Ильмень, связанную с бассейнами рек Луги и Шелони.

Отсутствие упоминания Луги в Договоре 1471 г. свидетельствует о том, что в конце XV в. здесь не было допуска княжеской администрации.

«17 Лопьская» тысяча. В Договоре 1471 г. упомянута Лопца. Б. А. Рыбаков указывает на Лопский погост и р. Малую Лопцу в Южном Приладожье и размещает «Лопскую ста»

Южнее р. Невы и Ладожского озера. С этим соглашаются А. Н. Насонов и А. В. Куза. Здесь же локализуется Лопская волость и А. Н. Кирпичников28. Нас смущают крайне малые размеры 17-й единицы Новгородской земли, хотя локализация Лопцы грамоты Казимира следует признать правильной. Выход из противоречия может быть лишь один: Лопца — часть Лопской.тысячи.

Лопь как часть Карельской земли указана в завещании 1504 г. Ивана III. Своему сыну он дает «Карельскую землю всю, Карельский город с

волостями, и погосты, и со всеми пошинами, со всем с тем, что х Корельской земле потягло, и с Лопью с лешюю, и сь дикою Лопью». Территория корелы размещалась к западу от Ладожского озера. Южнее корелы проживало племя ижора, выделившееся из корел. Исторический под Лопской тысячей следует понимать большую территорию к северу, западу и югу от Ладожского озера, населенную в начале — середине II тыс. н. э. племенами корелы, ижоры, лопью, а в конце I тыс. н. э. составлявшую историко-культурное единство: здесь была распространена керамика группы Сарса-Томицы, оставленная носителями охотничье-ры-боловной культуры. В XIII—XV вв. название «лопская» являлось уже не этническим, а географическим.

«18 Поволховская» тысяча. Б. А. Рыбаков указал на то, что центром данной единицы был город Ладога, а территория охватывала все течение Волхова. А. Н. Насонов размещал 18-ю единицу «Устава о мостех» по обеим берегам Волхова. Наша поправка: Поволховская тысяча на левобережье доходила до р. Тигоды, где начиналась граница Новгородской округи. Ядро данной тысячи отчетливо прослеживается в конце I тыс. н. э. В низовье Волхова известна обособленная группа сопок.

Ладога как один из городских центров Новгородского государства упомянута в Договоре 1471 г.

«19 Яжелвичская» тысяча. Эта единица определена Б. А. Рыбаковым: Морозовская половина Деревской пятины. Ее центр — с. Яжелбицы на древней сухопутной дороге из Твери в Новгород. По данной дороге размещает 19-ю единицу Новгородской земли А. Н. Насонов. Для локализации данной тысячи важны два обстоятельства. Первое — сухопутная дорога имела предшественницу в виде дороги по р. Мете, второе — Морозовская половина и в XVI в. вплотную подходила к р. Мете. Бассейн Меты, таким образом, всегда был связан с территорией Яжелвицкой тысячи. Но в бассейне этой реки в конце I тыс. н. э. и отмечено скопление сопок. Бассейн р. Меты — известное в письменных источниках Помостье. Именно поэтому мы и связываем с Помостью Яжелвицкую тысячу, находя ей соответствие в археологическом материале.

Отсутствие упоминания Яжелбиц и Помостья в грамоте 1471 г. указывает на то, что в конце XV в. в этот важный район Новгородской земли отсутствовал допуск княжеской администрации.

«П Княжа» тысяча. Ее необходимо локализовать в южной части Деревской пятины, как это делает В. Л. Янин, обративший внимание на расположение здесь волостей Буец, Ля-ховичей, переданных князьями Юрьеву и Аркажу монастырям. Здесь же размещается и массив волостей, перечисленных в Договоре 1471 г., платящих Казимиру «черную куну»: Морева, Холмский погост, Лопастницы, Стерж, Жабны, Березовец, Молвятицы. Историк высказывает предположение, что данные волости следует считать княжеским доменом.

Первоначально это была Смоленская земля³⁰.

Список княжеской тысячи должен быть расширен за счет Демона, Цны и Полонова, упоминаемых в известном договоре. Все они примыкают к массиву перечисленных выше волостей. Центром княжеской тысячи могла быть только Руса, где еще в XV в. оставалось княжеское хозяйство («а держати ти десять варницъ в Русе»)³¹. Близ Русы в погосте Взвяд у князей в XIII—XV вв. было свое землевладение³². Руса также упомянута в Договоре 1471 г. Данные археологии свидетельствуют, что в районе волости Ляховичи находилось скопление сопок. С Жабной и другими волостями связана в конце I тыс. н. э. культура псковско-новгородских длинных курганов. В отличие от Е. Н. Носова полагаю, что это исконно Новгородская земля. Археологических материалов для причисления этой обширной территории к Смоленской земле просто не существует.

Сопоставление списка тысяч «Устава о мостех» с географической номенклатурой Договорной грамоты 1471 г. Казимира с Новгородом убедительно показывает, что «тьма» (деление на тысячи) существовала в Новгородском государстве и в XV в. Данные археологии в свою очередь позволяют делать вывод о восхождении тысячного деления к концу I тыс. н. э., к эпохе культуры сопок (VIII—X вв.).

В то же время Договор 1471 г. со всей очевидностью свидетельствует, что «тьма» составляла лишь часть территории Новгородского государства. Вне «тьмы» были три крупных городских центра: Великие Луки, Торжок, Волок Ламский. Их объединяет наличие сместного суда из представителя Новгорода и князя, а также расположение этих городов на важнейших водных и сухопутных путях.

Из Договора 1471 г. явствует, что в состав Новгородского государства входил и Псков, где в это время были «суд и печать и земли Великого Новгорода... по старине». Традиционное представление о том, что Псков уже с XIV в. был самостоятельной республикой, представляется неверным. Псков был «младшим братом» Новгорода, что на юридическом языке того времени означало его вассальную зависимость от сюзерена — Новгорода. Псковские князья находились «под рукой» новгородских князей. Псков и Новгород демонстрируют особый тип вассальных отношений в Восточной Европе, когда в роли вассала и сюзерена выступали города-общины с призванными князьями.

Грамота 1471 г., как и прочие докончания Новгорода с князьями, называет, помимо основной территории, «волости новгородские»: Городец Палец, Шипин, Мелеча, Егна, Заволочье, Тир, Пермь, Печера, Югра, Вологда. Это — периферийные владения Новгорода, его колонии вне основной территории государства. На колонии распространялся особый статус. Новгородцы обязывали князя не вмешиваться в их управление, «а дарь с тех волостин имати». Победой новгородцев можно расценивать включение в данный список волости Бежецы.

Итак, в XIII—XV вв. территория Новгородской республики — «Великого Новгорода» — делилась на две части: метрополию и колонии. В состав первой входили 10 тысяч «тьмы», 3 приграничные города-крепости (Луки, Торжок, Волок Ламский) и на правах вассала Псков с землей. Метрополия — это «вся волость новгородская» летописных сообщений. Такая сложная структура отражает этапы становления Новгородского государства и имеет датировки.

«Тьма» составляла ядро государства. Е. Н. Носов верно заметил, что именно культура сопок, оставленная «новгородскими словенами»,

стала основой формирования Новгородской земли.

Процесс сложения «тьмы» можно представить следующим образом. Во второй половине VIII в. на данной территории возникает первое протогосударственное образование — Ладожская волость, или Ладога.

Ладожская волость как единое целое прослеживается и в источниках вплоть до XV в. В XI в. это* знаменитое «ярлстно». В XII—XIII вв. — это просто «Ладога» «всей волости НОВ городской». С XVI в. Ладожская волость становится корм лением литовских князей. В 1333 г. новгородцы приняли князя Наримонта и «даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельскыи и Корельскую землю и половину Копорьи, в отцину, и в деду и его детям», т. е. земли корелы, ижоры, води и саму Ладогу. Почти тот же список приводится летописью и под 1459 г.³³. Следы единства Ладожской волости прослеживаются и в Договоре 1471 г.: в Водской земле, Ижоре, Лонце (Карело-Лопской земле) и Ладоге князь имел через год проезжий суд.

Ладога располагалась в зоне скопления сопок. Тем самым она являлась частью, продолжением территории новгородских словен, центр которых в IX — начале X в. располагался на речке Белой в бассейне р. Меты³⁴. Следовательно, земля словен делилась на две части: Ладожскую волость и оспинную территорию в Приильменьи. С образованием Ладожской волости и должна была возникнуть «тьма» Новгородской земли. Ее тысячами стали разноэтничные формирования. Это была эпоха военной демократии.

Во второй половине IX в. во время там называемое призвания варягов была образована Новгородская Федерация — «вся волость новгородская». Она включила земли некий союз изборских кривичей, земли словен новгородских и при балтийско-финских племен. Последние были уже в составе Ладожской волости.

В X—XI вв. «вся волость новгородская» пополнилась ГО родовыми волостями на периферии (Луки, Торжок, Во Ламский). Все они, по наблюдению Е. П. Носова, находились вне зоны сопек. На этом формирование основной территории Новгородского государства завершилось. Скорее всего это произошло в годы правления Ярослава Мудрого.

А. В. Куза предположил существование княжеских уставов XI в. с перечнем территорий, погостов и становищ, где взималась дань и вершился суд («грамоты Ярослава») ³⁵. Прямое указание на такую грамоту я вижу в летописном сообщении 1035 г.: «По сей грамоте дадите дань», — пишет Ярослав новгородцам. Очевидно, в этой грамоте и была при Ярославе зафиксирована податная территория. Поэтому все приращения-колонии XI—XII вв. в нее не вошли. В XIII в. при заключении договоров с князьями новгородцы оговаривали статус колоний, но ничего не говорили об основных территориях. Тем самым докончания с князьями подразумевали особую грамоту, которая постоянно прилагывалась к тексту основного документа, и на которой князья целовали крест. Второй грамотой Ярослава была «Правда Русская» ³⁶.

Однако при заключении договора с Казимиром новгородцы отошли от принятых норм, и текст «Ярославовой грамоты», естественно, в трансформированном к этому времени виде был помещен непосредственно в сам документ. Это обстоятельство делает Договор 1471 г. выдающимся историческим документом, наиболее полно отражающим структуру Новгородского государства, его территориальное деление.

1. НПЛ. 1950, с. 507.

2. Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 3. СПб, 1903; Ефименко Т. П. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода // ЖМНП. 1910, июнь, с. 312; Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // ИЗ. 1938. Т. 3, с. 132—152; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 91—122.

3. НПЛ, с. 507.

4. Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // ИЗ. 1940. Т. 7, с. 101, 105.

5. Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли...

6. Янин В. Л. Очерки... С. 109.

7. НПК. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 703—784.

8. Обыскная книга Деревской пятины 1572—1573 гг. ЦГАДА. Ф. 137, Устюг, № 117, ч. 1, л. 322.

9. НПК. СПб. 1862. Т. 2. Стб. 826—880.

10. ГВНУП. М.-Л., 1949. С. 50.

11. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. С. 308.

12. Кочин Г. Е. Два источника о хозяйственном строе и судьбе одной новгородской боярской вотчины // Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 439—444.

13. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988, с. 212.

14. Янин В. Л. Очерки... С. 111—116.

15. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси Т. 2. М, 1070 с 07 — 104. Древнерусские княжеские уставы XI—XV

17. Буров В. А. Сотенная структура древнего Новгород! // Новгород и Новгородская земля. История, 1989, с. 56.
18. Арциховский А. В., Борковский В. И. НОВГОРОДСКИ! Р| бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 31—33; Они же. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, г
19. Рыбаков Б. А. Деление...
20. Буров В. А. О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде // СА. 1987. № 1, с. 91—102. и. Конечский В. Я. К изучению социальных структур славянского населения Приильменья в конце I тыс. и. э. // Новгород и Новгородская мила. История и археология. (Тезисы научной конференции) Новгород, 1992, с. 132.
22. Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 117, 125.
23. ДДГ. 1960. С. 357.
24. Носов Е. Н. Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки). Автореф. дисс... докт. ист. наук СПб., 1992, с. 28.
25. Там же. С. 25.
- 2в. Янин В. Л. Очерки... С. 89.
27. Платонова Н. И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (К проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли Межвузовский сбор-пик. Л., 1984, с. 187.
- м. Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988, с. 38—79.
29. Карпелан К- Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Доклады Первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15—17 ноября 1976 г. Л., 1979, с. 143—151.
30. Янин В. Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987, с. 119—134; его же. Новгород и Литва: пограничная ситуация // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москил12—Ц апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 87—89.". ГВНиП, с. 131.

Список сокращений

- ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
ЖМНИП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИЗ — Исторические записки.
НПК — Новгородские писцовые книги.
НПЛ — Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (ныне РГАДА — Российский государственный архив древних актов).

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье

П. Е. Сорокин

Различные аспекты сообщения между Новгородом и Балтикой неоднократно затрагивались исследователями. Как свидетельствуют археологические и письменные источники, наиболее значительная роль в этих связях принадлежала Волховско-Ладожско-Невскому пути, преимущества которого по отношению к другим магистралям — различным вариантам коммуникаций, проходившим по Луге и через Псковско-Чудское озеро, очевидно, так как он несмотря на все имевшиеся препятствия не имел сухопутных участков и кратчайшим путем выходил к морским портам Новгородской земли — Ладоге и позднее к Орешку.

Е. Н. Носов длительное время изучающий археологические памятники Поволховья пришел к выводу, что в конце 1 тыс. здесь существовало два поселенческих массива, один из которых располагался в верховьях реки (Поозерье, Рюриково городище, Новгород, Холопий городок), второй в, ее низовьях (Городище, Гостиннополье, Новые Дубовики, Старая Ладога). Несколько городищ, располагавшихся у истоков реки, на порожистых участках и недалеко от устья, откуда открывался беспрепятственный выход в море позволяли не только обеспечивать навигацию на этом пути, но и надежно контролировать проход по нему. О времени функционирования волховской магистрали неоспоримо свидетельствует находка здесь 8 кладов куфических монет VIII—IX вв., а так же тот факт, что славяне, появившиеся в VIII в. в Приильменье, уже в середине этого столетия фиксируются в Приладожье, а скандинавы, появившиеся здесь в это же время, уже к концу VIII в. проникают на нижний Волхов.

Не исключено, что начало использования мот пути восходит к еще более раннему времени. Однако учитывая недостаточную изученность памятников неолита — раннего железного века в этом регионе, затруднительно делать выводы по этому поводу. Тем не менее можно констатировать, приуроченность памятников культуры штрихованной керамики (сер. 1 тыс. д. н. э. — сер. 1 тыс. н. э.) к тем же ключевым точкам на Волховском пути, где располагались и средневековые памятники. Все это указывает на возможность использования этого пути в более раннее время.

По вопросу о способах прохождения пути и средствах Рьдзевская считала, что уже в эпоху викингов для плаваний сообщения на нем имеется несколько точек зрения. Так Е. А. по Балтике—Неве—Ладоге и Волхову использовались различные типы судов и смена их происходила в Старой Ладоге. А. М. Микляев высказал мнение, согласно которому, в этот период сообщение между Новгородом и Ладогой осуществлялось зимой, так как из-за низкого уровня Волхова плавание по нему не представлялось возможным. Подтверждением этого тезиса по его мнению служат скандинавские саги. Однако, сухопутная поездка из Ладоги в Новгород и обратно связана в сагах с одним сюжетом — с посольством из Норвегии, прибывшим за Магнусом сыном Олава, находившимся при Ярославе Мудром. Е. А. Рьдзевская связывала этот факт с отсутствием навигации на Волхове. Вероятно в силу каких-то обстоятельств посольство задержалось в Ладоге до зимы. Отъезд из Новгорода «после июля» (около рождества) упоминается и в сагах о Харальде, возвращавшемся из Византии в Скандинавию, однако, если речь идет об отсутствии одного сообщения с Ладогой, то санний путь здесь сохраняется до конца марта и этим трудно объяснить отъезд в середине зимы. Причиной этих поездок именно в это время могла быть необходимость подготовки к морскому плаванию.

Что же касается преимуществ сухопутного передвижения по отношению к водному по времени, то оно возможно в случае существования хороших дорог, при передвижении налегке (как это было в случае с посольством). Когда же речь идет о перевозке значительных грузов то здесь неоспоримое преимущество сохраняется за водными магистралями и транспортными средствами на протяжении всего средневековья. Подтверждением тому могут служить письменные документы 1465 и 1518 гг., в первом из которых 100 возов приравниваются по грузоподъемности с павозком и павозком — двумя транспортными судами, а во втором 150 возов к пяти стругам.

Судовые материалы из археологических слоев Рюрикова городища, Новгорода, Старой Ладоги, Орешка дают нам представление о характере использовавшихся здесь в средневековье водных транспортных средств. Это большие паромообразные суда с плоским днищем и обшивкой вгладь. Однодеревки и суда построенные на их основе, имеется так же некоторая информация о третьем типе судов с обшивкой в клинкер, вероятно килевых, однако к их конструктивным деталям могут быть отнесены пока только закрепки и фрагменты досок обшивки и деталей с заклепками. По-видимому, в отличие от паромообразных, части этих судов, такие как борты и днище из-за своих закругленных обводов были менее пригодны для вторичного использования. Начиная с XIV в. они достаточно хорошо представлены в иконографическом материале.

Анализ 62 заклепок из поселенческих слоев преимущественно Старой Ладоги сер. VIII—XI вв. показывает, что длина их колеблется от 26 до 85 мм., при этом только 50% из них имеют длину до 50 мм, вторая половина от 50 мм и более. Согласно данным полученным Б. А. Колчиным на материалах Неревского раскопа в Новгороде, где было обнаружено 35 заклепок (преимущественно в слоях X—XII вв.), все они имели размеры от 20 до 50 мм. Учитывая взаимосвязь размеров заклепок с размерами конструктивных деталей судна, можно констатировать, что более крупные по размерам суда имели более массивные деревянные конструкции в том числе и доски обшивки, а соответственно и скреплявшие их заклепки. Так на судне из Гокстада (дл. 23,3 м шир. 5,2 м вые. 2,1 м) доски обшивки имели толщину около 25 мм., соответственно основная масса заклепок на этом судне, скреплявших доски бортов в клинкер достигала в длину около 60 мм., а у ладьи № 1 (9.75x1,86x0,67 м), найденной на борту судна из Гокстада и использовавшейся, вероятно, в качестве вспомогательного средства (для плавания по мелководью), толщина обшивки составляла от 8 до 15 мм. т. е. большая часть досок обшивки скреплялась заклепками в клинкер не более 40 мм в длину. Помимо этой ладьи на борту находилось еще две — 8 и 6,6 м длины.

из них была система конопатки швов между досками обшивками, соединенными вгладь, аналогичная зафиксированной в средневековых новгородских материалах, когда прижималась ко шву планкой прикрепленной скобочками. Известно, что в XVIII в. Волховские пороги преодолевали баржи с осадкой в 2,5 ф., а полученные при этом течи устроялись прямо на ходу. В Старой Ладоге мы можем с уверенностью говорить об использовании больших паромообразных плоскодонных судов уже во второй половине XIII в., в Новгороде же их части и детали той же были обнаружены в древнейших напластованиях и употребление этого типа судов здесь может связываться поэтому в сер. X в.

В историографии прибалтийских государств длительное время продолжается дискуссия о типах судов плававших по Балтике. По мнению Эрика Нюлена большие суда викингов типа Гокстадского и Усебергского использовались для атлантического плавания, на Балтике же применялись плавсредства типа море-река, которые должны были легко и быстро передвигаться как на веслах так и под парусом, без особых затруднений преодолевать через водоразделы и при этом иметь достаточную грузоподъемность и размеры для морского плавания. К такого рода судам Нюлен относит судно обнаруженное в оз. Тингтаде на Готланде, размерами: 8 м в длину 2 м в ширину. Крумлин-Педерсен полагает, что суда проходившие из Швеции через русские реки в Византию

Известно, что тип скейд обозначал большие суда викингов. Кнорры были напротив торговыми судами но так же большой грузоподъемности. Крумлин-Педерсен отождествлял с этим типом такие суда, как Скульделев 1 (16,3 м в дл., 4,5 м. в шир.) и Хедебю 3 (24 — 26 м в дл. и 5,7 м в шир.) грузоподъемностью около 40 т. В Старой Ладоге в слое конца IX в. была обнаружена стойка для судового

шатра, высотой 2,44 см., аналогичные стойки на судах из Усеберга и Гок-стада достигали 2,1 м. и 3 м. в высоту. Таким образом, как письменные так и археологические источники свидетельствуют, что с сер. XIII в. до конца эпохи викингов Старая Ладога являлась портом для больших морских судов. Для XIII в. в летописи имеется упоминание о посещении этого пункта целым флотом шнеккеров — так же больших морских судов, а в XIII в. едь проходит на лойвах и шнеках через Неву в Ладогу. В процессе новгородско-ганзейской торговли XII—XV вв. Ладога посещалась вероятно и коггами, хотя зачастую перегрузка товаров на речные суда совершалась уже в Неве. Для этого времени письменные источники фиксируют деятельность в Волхове и Неве артелей людейщиков и лоцманов, осуществлявших перевозку грузов и провод судов по этим рекам. Разгрузка же людей в самом Новгороде и транспортировка товаров в торговые дворы осуществлялась перевозчиками. Причем оплата труда всех этих корпораций фиксировалась государственными договорами.

Еще одной проблемой в области связей Новгорода с Балтикой является вопрос о временных промежутках, которые затрачивались при прохождении различных участков пути. Так согласно Адаму Бременскому на плавание от Бирки до Новгорода требовалось всего 5 суток. Известно, что посольство А. Олария, плывшее в 1634 г. от Орешка до Новгорода затратило на этот маршрут примерно 7 суток, делая только вынужденные стоянки в основном из-за отсутствия попутного ветра и для пополнения провианта. Из них двое суток плавание проходило по Ладоге (около 50 км в сутки) и 5 суток по Волхову (около 45 км. в сутки), что свидетельствует об отсутствии особых затруднений при прохождении Волхова против течения, исключая участок Волховских порогов, что подтверждается и более поздними источниками. Исходя из выше обозначенных расчетов, можно полагать, что нахождение 47 км русла Невы — против течения необходимо было затратить около двух суток. Весь маршрут от устья реки до Новгорода занимал соотвеченно около 11 суток. В 1991 г. норвежское судно «Хансрн» — уменьшенная копия корабля из Гокстада, преодолело участок Бирка—Таллинн за 5 суток — (это около 90 км в сутки, учитывая суточным при стоянках на о. Саарема из-за безветрия), а следующий этим путем Таллинн—Петербург в условиях сильного попутного ветра за 2-е суток (около 180 км в сутки). Сопоставляя эти данные с сведениями Адама Бременского, можно полагать, что речь и тут идет не собственно о Новгороде а о Новгородской земле, пределов которой — о. Котлина или устья Невы при плавании из Бирки, в условиях хорошего попутного ветра, можно было достичь за 5 суток. Нахождение же маршрута от Бирки до Ладоги требовалось 8—11 суток, а до Новгорода 13 -16 суток.

Естественно, что плавание в обратном направлении из Новгорода до устья р. Невы занимало по продолжительности меньшее время, так как наибольший — речной участок маршрута проходил в этом случае вниз по течению. В 1990 г. нами совместно с экипажем датского судна «Скинфакс» — реплики малого кнорра из Скульдедева (дл. 13,3, шир. 3,3, вые. 1,4 м.) был проделан эксперимент прохождения участка пути от Старой Ладоги до устья Невы. На это плавание, проходившее только в светлое время суток, потребовалось 3 дня пути (по 15 часов ежедневно) т. е. почти двое суток из которых 2 дня составило плавание до Орешка и один по Неве. Таким образом из полученных в ходе экспериментов результатов явствует, что плавание маршрута Старая Ладога — Бирка, при круглосуточном плавании и оптимальных погодных условиях занимало неделю времени, а от Новгорода до этого же пункта — 10—11 суток.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Европейский интернет-сервис](#)

Товары новые и б/у. Проверь сам. Круглосуточная поддержка.

www.aukro.ru · Москва

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов

www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

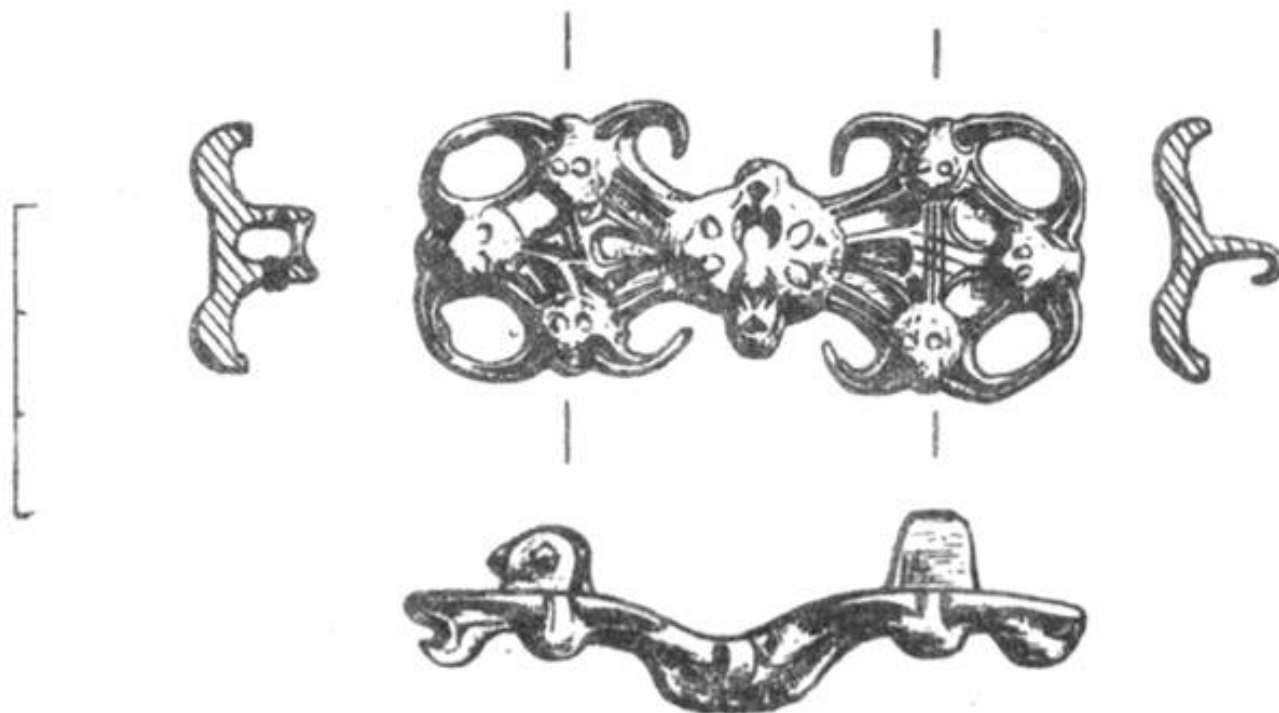
Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Скандинавская равноплечная фибула типа Вальста из района истока Волхова

П. Г. Гайдуков, Е. Н. Носов, И. Янссон



Весной 1990 г. новгородским коллекционером А. И. Зайцевым на правом берегу р. Волхов, напротив Юрьева монастыря и в 0,5—0,7 км к югу от Городища (Рюрикова городища) был обнаружен интереснейший экземпляр скандинавской равноплечной фибулы (Рис. 1). Находка была сделана при просмотре земли, привезенной сюда несколько лет назад из района, расположенного ниже по течению Волхова, где углублялось русло реки. Земля была высыпана первоначально в воду, рядом с берегом, но лишь в 1990 г. во время низкого уровня Волхова, привезенный грунт стал доступен для осмотра. Выяснить откуда конкретно происходит грунт не удалось. Русло расчищалось, в основном, в пределах самого Новгорода (от пешеходного моста до истока Тарасов-ца) и у Рюрикова городища.

Судя по характеру патины на фибуле, последняя больше напоминает бронзовые предметы из культурного слоя города. Однако, делать на этом основании определенные выводы было бы опрометчиво, поскольку на Городище, по берегам Сивер-сова канала, также есть участки со слоями, сохраняющими органические остатки и аналогичными слоям города. Кроме того, фибула, возможно, вообще происходит не из культурного слоя, а является отдельным предметом случайно утерянным в окрестностях Новгорода или Городища, где конкретные условия ее местонахождения определили характер патины (например, она могла упасть непосредственно в воду Волхова, почему и была найдена при углублении его русла). Таким образом, наиболее объективным «топографическим адресом» фибулы будет следующий — «район истока Волхова».

Фибула имеет длину 6,2 см, ширину 2,5 см и высоту 1,1 см, исключая приемник и держатель иглы, ее вес — 25,46 грамма. Фибула была отлита из латуни. Ее плечи ромбовидные со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах. Головы с кольцевидными глазами обращены внутрь друг к другу, а по их сторонам имеются пряди выбивающихся волос. Пряди так длинны, что на концах фибулы они соединяются в четыре петли. Средняя изогнутая часть застежки образована двумя большими звериными головами, которые повернуты к плечам фибулы и на которых также имеются кольцевидные глаза. Мелкие элементы рельефа образуют в центральной части фибулы боковые выступы.

Поверхность плечей между головами животных украшена простым рельефным узором, очевидно, изображающим тела животных, соотнести которые с отдельными головами невозможно. Поверхность фибулы вокруг звериных тел и лап — плоская.

Рассматриваемая застежка принадлежит к маленькой группе равноплечных фибул, которые можно назвать фибулами типа Вальста, по месту находки одного из опубликованных экземпляров. В настоящее время известно 8 таких фибул, включая обнаруженную в районе истока Волхова. Фибула и I Вальста и еще три других (Осбю, Эрвинге, Энста) происходят из захоронений в четырех разных пунктах вокруг Одера Меларен в центральной Швеции. Остальные находки сделаны в погребении в западной Норвегии (Сандангер), в могильнике около г. Турку в юго-западной Финляндии (Хаймионьяки) и на городище Иру к востоку от г. Таллинна в Эстонии.

Общими чертами всех фибул типа Вальста являются ромбовидные плечи со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах и пряди волос, отходящие от голов. Однако, среди известных экземпляров есть и существенные отличия. Рассматриваемая здесь волховская фибула имеет более длинные пряди волос, чем иные застежки. Поверхность плечей этой фибулы между головами украшена стилизованными изображениями тел животных, в то время как на других фибулах присутствуют более абстрактные изображения (кроме, может быть, найденной в Сандангере), а центральная выпуклина низкая. Изображения на плечах фибул из Осбю и из Эрвинге, в

которых отсутствуют фигуры, отличаются в деталях от всех остальных фибул. Между прочим и центральная их выпуклина более высокая и заостренная, чем обычно. На пяти фибулах (Вальста, Энста, Сандангер, Хаймионмяки, Иру) глазницы выпуклых звериных голов обозначены впади нами, имитирующими орбиты, на остальных — кольцами. На этих трех застежках (Осбю, Эрвинго, Волхов) ИЯ средняя изогнутая часть украшена двумя звериными головами с кольцевидными глазами, в то время как иные фибулы имеют изображения без фигур по трем продольным граням, Сандангерская застежка также выделяется среди прочих своими упрощенными изображениями. Таким образом, фибулы типа Вальста могут быть разделены на три варианта: 1) Вальста, Эн-ста, Хаймионмяки, Иру и Сандангер) последняя проще других, 2) Осбю и Эрвинге, 3) Волхов.

Фибула типа Вальста, как и прочие равноплечные фибулы, использовались в Скандинавии для скрепления деталей верхней женской одежды. Их выраженный рельеф характерен для скандинавских ювелирных украшений раннего и среднего этапов периода викингов. Элементы звериного стиля и орнаментации, включая тела животных на плечах волховской фибулы, связаны со скандинавской орнаментикой хватающих зверей, также типичной для раннего этапа периода викингов, то есть для второй половины VIII — второй половины IX в. На это же время указывают бусы и овальные фибулы найденные в комплексах с фибулами типа Вальста в трех пунктах в Швеции и в одном в Норвегии. Бусы представленные в шведских погребениях аналогичны найденным в наиболее ранних слоях (E/3 и E/2) Старой Ладogi, датированных дендрохронологически 750-ми — 860-ми годами и почти не встречаются на Рюриковом городище, существовавшем со второй половины IX в., а возникшем может быть несколько ранее.

Итак, насколько можно судить по всем имеющимся материалам, датой фибул типа Вальста является ранний этап периода викингов — вторая половина VIII — вторая половина IX в. Можно полагать, что рассматриваемые фибулы, скорее всего, относятся к первой части этих хронологических рамок и ничто не указывает на продолжение их производства или использования на среднем этапе периода викингов. Фибулы типа Вальста не изготовлялись в столь значительном числе, как многие другие типы скандинавских ювелирных украшений. Поскольку же волховская фибула не несет на себе следов длительного использования, то, видимо, ее также следует датировать временем наиболее вероятного распространения самого типа Вальста, то есть ранним этапом периода викингов: второй половиной VIII — второй половиной IX в. Конечно, говоря об этом, не следует забывать, что скандинавские ювелирные изделия раннего этапа периода викингов встречаются на Руси чаще, чем в Скандинавии в более поздних комплексах среднего этапа данной эпохи.

Скандинавские равноплечные фибулы имеют западноевропейские корни и тип Вальста особенно ярко свидетельствует об этом. Наиболее близкие параллели ему можно найти в районе между устьем р. Рейна на севере и р. Сенной на юге. Тип Вальста иллюстрирует сильные культурные влияния, которые достигали Скандинавии на раннем этапе периода викингов со стороны Франкской империи через торговые пункты в устье р. Рейна. Единственным сейчас известным местом производства фибул типа Вальста была Бирка, откуда фибулы распространялись далеко вдоль восточных путей вплоть до истока Волхова. Сформировавшись под влиянием западных фибул фризских торговых центров района устья Рейна и более глубинных территорий Франкской империи, они свидетельствуют о тех же торговых и культурных связях между западом и востоком, что и фризские кувшины, известные от Сент-Дени на юго-западе до Старой Ладogi на северо-востоке, а на пути между ними, в таких торгово-ремесленных центрах, как Дорестад, Рибе, Хедебю и Бирка.

Число находок скандинавских типов или выполненных в северном стиле в районе истока Волхова весьма значительно и продолжает постоянно увеличиваться. Большая часть из них происходит из Рюрикова городища. В IX—X вв. это поселение являлось главным торгово-ремесленным и военно-административным центром Приильменья, расположенным в узловой точке водных путей лесной зоны Восточной Европы. Оценивая в целом материальную культуру Городища, следует подчеркнуть, что в ней очень сильна «вуаль» северо-европейской культуры, что проявляется в наличии предметов скандинавского происхождения, вещей, сделанных в Приильменье, но сохраняющих в стиле и орнаментике северные традиции и, наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для разных племен и народов балтийского региона. Изделия скандинавского облика появились на поселении во второй половине IX в., а, возможно, и ранее. Об этом могут свидетельствовать находки целого ряда скандинавских фибул раннего периода эпохи викингов (овальная фибула 37 типа по Я. Петерсену, четыре равноплечных фибулы 58 типа). Наибольшее число скандинавских находок приходится на X в. Такие культовые предметы, как гривны с «молоточками Тора» кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии не могли попасть на Городище, как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии, как мужчин, так и женщин. Городище выступает и как ремесленный центр, где широко изготовлялись предметы скандинавского облика.

Элементы материальной культуры Городища, которые можно определить как славянские (керамика, хлебные печи, двушипные втульчатые наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю, хотя вопросы о путях расселения славян в При-ильменье и на Волхове (с юга, из Верхнего Поднепровья или непосредственно с запада), а также о возможных нескольких различных колонизационных потоках, еще далеки от своего разрешения и требуют; дополнительных материалов. В целом, имеющиеся находки с Городища свидетельствуют о том, что в составе его жителей в IX—X вв. были славяне и скандинавы. Городище по своей сути первоначально повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладogi, находившейся близ устья Волхова. Типологически это были центры одного порядка. К рубежу X—XI вв. в истоке Волхова, в 2 км вниз по течению от Городища сформировался новый центр — Новый город, где располагались христианский комплекс (епископский двор и общегосударственный храм), торг, княжий двор и новая крепость. Городище, являясь предшественником Новгорода, уступило ему место. Точно также на Руси Гнездово уступило место Смоленску, а в Скандинавии Бирка Сигтуне, Хедебю Шлезвигу и т. д. Однако, здесь следует специально подчеркнуть, что признание преемственности Городища и Новгорода, как социально-политических и экономических городских образований в истоке Волхова

само по себе еще не решает проблему появления названия «Новый город». Возможные объяснения здесь могут быть различны. Вещи скандинавских типов встречаются и в самом Новгороде, но в гораздо меньшем числе, чем на Городище, хотя их количество в результате новых раскопок медленно пополняется. Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. В этом отношении различия Городища и Новгорода очевидны. Комментируя их следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти они связаны с хронологией. Если на Городище зафиксированы слои второй половины IX—X вв. и можно предполагать и наличие более ранних, то в Новгороде слои X в. — времени, когда скандинавское влияние на Русь наиболее ярко проявилось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем они относятся преимущественно ко второй половине — концу этого столетия. Во-вторых, в городе норманы, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем общая картина, наблюдаемая сейчас, может оказаться справедливой не для всех частей города.

Однако, даже принимая во внимание эти оговорки, различия Городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики. Они несомненно объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером этих поселений, сменивших одно другое. Если Городище — это торгово-ремесленный центр международного плана с полиэтническим населением, благосостояние которого базировалось, в первую очередь, на участии в дальней торговле и контроле за водными путями, то Новгород — столица северной части Русского государства, существовавшая за счет эксплуатации земледельческого населения прилегающей округи. Если на Городище скандинавы — воины, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, представляли значительную часть населения, то в Новгороде, судя по находкам, их присутствие улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях для которых был характерен подвижной образ жизни. В свете сказанного, находка рассмотренной равноплечной скандинавской фибулы раннего типа в верховьях Волхова не выглядит изолированным фактом, а дополняет общую картину. Она еще раз подтверждает вероятное появление скандинавов в районе истока Волхова ранее второй половины IX в., также как и то, что скандинавы, пришедшие на Русь, были, в основном, выходцами из района оз. Меларен в центральной Швеции, что неоднократно подчеркивалось в литературе.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Судостроительная традиция северо-западной Руси в Средневековье

П. Е. Сорокин

Начало изучения русского средневекового судостроения относится к середине прошлого столетия, однако длительное время оно сводилось лишь к интерпретации письменных источников по этой проблеме. На археологические судовые находки исследователи начинают обращать внимание только с конца 40-х гг. нашего века. К настоящему времени накоплены значительные археологические материалы по рассматриваемой теме, на основании которых уже предпринимались попытки реконструкции некоторых летописных типов судов. это: корабли С. Н. Орлова (Орлов С. Н. 1958. 209) и Б. А. Колчина (Колчин Б. А. 1968. 63) и набойная ладья М. Х. Алешковского (Алешковский М. Х. 1969. 264).

Детали судов, обнаруженные в слоях средневековых городов (Старая Ладога, Рюриково городище Новгород, Псков, Орешек), находились преимущественно во вторичном использовании, что ставит перед исследователями ряд проблем: интерпретации фрагментированных находок, затруднительность их датировки, репрезентативность выборки. Решение их становится возможным при условии привлечения в качестве аналогий цельных судовых находок из сопредельных регионов, использовании дендрохронологического метода и изучения этнографических, письменных и иконографических источников по судостроению.

На основании имеющихся археологических материалов можно говорить о существовании на Древнерусском северо-западе трех основных типов судов, которые вероятно включают в свой состав все конкретные судовые типы, известные из письменных источников этого

периода. Выделяются досчатые суда с обшивкой в клинкер, паромообразные плоскодонные плавсредства с обшивкой встык, однодеревки и суда построенные на их основе.

К деталям досчатых клинкерных судов с уверенностью могут быть отнесены: железные закрепки и фрагменты досок обшивки с закрепками. Проблематично отнесение к ним судовых досок с нагельными отверстиями так как наименьшие интервалы между ними составляют 20—25 см., то есть в два-три раза превышают аналогичные интервалы на досках судов с обшивкой в клинкер, обнаруженных в землях западных славян. К примеру на достаточно хорошо сохранившемся судне IX—X вв. с острова Рюген / Ральсвик 11 / они составляют 7—9 см. / Herferf 1968 211-222 /. Такие же расстояния между нагельными фиксируются и у средневековых судов из Польского Поморья / судно из Щецина, Гданьск-Орунья 1-111, Чарновско 1-111 /. Подобные промежутки около 12 см наблюдаются и у скандинавских судов между заклепками, соединявшими доски обшивки. Вероятно, именно такие интервалы обеспечивали достаточную прочность и надежность корпуса судна при клинкерном соединении поясов.

Общеизвестно, что функциональная длина заклепок / от шляпки до клинкершайбы / включает в себе информацию о толщине соединяемой деревянной конструкции. Учитывая, что такие конструкции в средневековых судах были типичны и число их вариантов обычно сводилось к 3-м — 5-ти, из заклепок, обнаруженных в одном комплексе / погребенье в ладье/, можно выделить заклепки принадлежащие к различным вариантам соединений. Систематизация сохранившихся заклепок из кургана № 7, могильника в урочище Плакун (Старая Ладoga) позволила получить некоторую информацию о сожженном здесь судне. Толщина досок его обшивки составляла 2,2—2,6 см, двойная толщина, учитывая вырезной паз, при соединении в клинкер варьировала от 3,2 до 4,1 см.

Определенную информацию могут дать и заклепки из городских слоев, представленные достаточно репрезентативно. Рассмотрение коллекций заклепок из слоев различных городов позволяет на основании их размеров получить некую обобщенную информацию о размерах самих клинкерных судов использовавшихся в этих городах или посещавших их. Вероятно, суда, посещавшие Ладogu, Псков и Рюриково городище, были примерно одинаковой величины, тогда как в Новгород ходили небольшие суда. Судя по всему использование Ладogi в качестве морского порта — конечного пункта плавания больших морских судов, относится уже ко времени появления Новгорода, до этого же по Волхову поднимались и большие суда.

Паромообразные суда имели плоское дно, с примыкающими к нему под углом, близким к прямому, бортами, заостренную носовую часть и усеченную корму, хотя существовали, вероятно, и суда, симметричным оформлением носовой и кормовой частей. К деталям этого типа можно отнести так называемые «корабельные доски», переходные доски, соединявшие днище с бортами, интерпретировавшиеся ранее, как киль или планшир, шпангоуты планки и кокоры, прямые форштевни. Эти детали в наибольшем количестве представлены в средневековых слоях, так как зачастую фрагменты бортов и днищ судов этого типа могли без дополнительной доработки быть использованы в качестве мостков. Более десятка их скоплений было обнаружено в Старой Ладoge и в Новгороде. Анализ материалов, происходящих из района «большого дома» / Старая Ладoga, гор. Е 1. Раскопки В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинына /, показывает, что ширина судна, детали которого находились в составе вымосток, достигала 3,2 м, высота бортов — 80 см. Длина паромообразных судов могла превышать 14,3 м, о чем свидетельствует борт, обнаруженный на левом берегу Ладogки и интерпретированный исследователем, как корабельный. / Петренко В. П. 1989. 46 / Судя по штевням, происходящим из Новгорода / Неревской раскоп, ул. Александра Невского / Колчин Б. А. 1968. 60 / Орлов С. Н. 1958. 207-209 /, паромообразные суда могли иметь высоту бортов до 1—1,2 м. Из типов судов, упоминаемых письменными источниками с паромообразными несомненно связан паром, о котором говорится в берестяной грамоте № 349 / 1268—81 гг. / Арциховский А. В. 1963. 38 / Появление паромообразных судов в Старой Ладoge фиксируется по находкам их деталей уже со второй половины VIII в., в Новгороде с середины X в. Именно на базе этого типа развиваются барочные суда нового времени, конструктивные особенности которых восходят к средневековой судостроительной традиции.

К наиболее характерным деталям однодеревки и судов, построенных на их основе, могут быть причислены фрагменты долбленого корпуса, дугообразные шпангоуты и банки. В Неревском раскопе дугообразные шпангоуты были обнаружены в слоях 1025—1422 гг., а наиболее крупные из них — «корабельные» по Б. А. Колчину в слоях 1134—1396 гг. Однако в реконструированном им на материалах Неревского раскопа корабле XII—XIII вв., по нашему мнению, были совмещены детали, относящиеся к различным типам судов, так как большие дугообразные шпангоуты не имеют нагельных отверстий — следов крепления дочевой обшивки, кроме того за исключением одного случая они не совпадают в размещении по ярусам со шпангоутами-кокорами. Не имеется для такой реконструкции и банок соответствующей длины. Что же касается системы крепления шпангоутов в археологических и этнографических однодеревках северо-западной Руси, то здесь различаются три варианта. При первом шпангоуты просто привязывались вицей или берестой к клампам, в которых для этого имелись специальные отверстия. При втором, как это может быть продемонстрировано на примере дугообразного шпангоута из Орешка / шир. 1,05, вые. 53,5 см /, датированом 1410—1438 гг. / Кирпичников А. Н. 1980. 41 /, в нижней части которого имеются семь поперечных отверстий, привязывание к клампам осуществлялось через них. Третий вариант предусматривал изготовление шпангоутов с пазами в верхней части, в которые и вставлялись клампы. / Колчин Б. А. 1968. 60. /

В мае 1991 г. нами в научных целях было организовано строительство ладьи-однодеревки в Хвойнинском районе Новгородской области, где эта традиция еще сохранилась. Работы велись под руководством Хлапина Ивана Васильевича, который научился этому ремеслу у своего деда и самостоятельно построил более десятка однодеревки с набойными бортами. В 60-е г. аналогичная технология была зафиксирована на юге Псковской области А. М. Микляевым. Изучение этнографических материалов позволяет несколько по-иному взглянуть на ладью-однодеревку нач. XI в., опубликованную М. Х. Алешковским, который интерпретировал ее как набой-ную

одномачтовую ладью с дополнительной обшивкой из дуба, прикрепленной с помощью клея и нагелей к корпусу / Алешковский М. Х. 1969. 264—269. / Сохранившийся фрагмент ее верхнего края имеет небольшой выступ шириной 2,6 см, который препятствовал бы соединению набойной доски с долбленкой, отверстия же в верхнем срезе лодки с остатками деревянных шпильки-нагельков, по нашему мнению представляют собой следы крепления реллинговой планки, завершавшей оформление борта. На ней могли быть установлены уключины, хотя это и не обязательно, так как лодки такой величины могут приводиться в движение и управляться одним веслом с кормы, либо двухлопастным веслом. Деревянные шпильки-нагеля, забитые рядами с интервалом около 90 см поперек корпуса лодки, связываемые автором с креплением дополнительной обшивки, в этнографической традиции хорошо известны. Они называются сторожками и служат индикаторами толщины стенок лодки при выдалбливании. Фрагмент луба, наложенный в одном месте на корпус судна представляет собой ремонтную заплатку, которая накладывается на пробоины и трещины, образующиеся уже при изготовлении судна. Судя по всему, рассматриваемое судно являлось обычной однодеревкой. К судам этого типа можно отнести, упоминаемые в письменных источниках: челн, ладью, набойную ладью.

В силу специфики и недостаточной изученности письменных и археологических источников по древнерусскому судостроению идентификация их сведений на этой стадии исследования проблемы, представляется преждевременной и возможной лишь в качестве предложения. В связи с этим нельзя согласиться со сложившейся в работах последних десятилетий по рассматриваемой теме терминологией, где детали разделяются на лодочные и корабельные / Колчин Б. А. 1968. 58—63 / Петренко В. П. 1989. 44—46. / Критерием такого подразделения являются в первую очередь размеры этих деталей, однако несовершенство его очевидно. К лодочным принадлежностям с уверенностью можно относить лишь небольшие по размерам весла и уключины, тогда как, так называемые лодочные банки и шангоуты могли являться составной частью достаточно крупного по размерам судна, построенного на основе однодеревки, например, набойной ладьи, а большие рулевые, и гребные вальковые весла, так же как и уключины могли использоваться, по-видимому, на всех вышеописанных археологических типах судов. Примечательно, что в Новгородских и Псковских летописях термин «корабль» употребляется только для обозначения иноземных судов: средиземноморских, шведских и немецких. Общеродовым названием русских речных, озерных и морских судов вплоть до XV в. был термин «ладья». Однако наряду с этим он употреблялся в некоторых случаях вместе с конкретными судовыми типами такими как насад или ушкуй и обозначал здесь, по-видимому, более мелкие суда. Таким образом, на современной стадии изученности проблемы, более подходящим для обозначения всех видов археологических плавсредств, до их более точной атрибуции, нам представляется современный общеродовой термин «судно», а их деталей — «судовые детали». Наиболее ранние детали, выделенные нами, трех археологических типов судов, были зафиксированы в слоях Старой Ладogi второй половины VIII в., связанных с начальным этапом существования этого поселения. Как известно, скандинавы играли здесь значительную роль вплоть до рубежа XI—XII вв., когда этот единственный в северо-западной Руси морской порт переходит под контроль новгородской администрации. Их присутствие в Новгороде и Пскове также прослеживается в эпоху викингов. Известен и высокий, для этого времени, уровень развития скандинавского судостроения. Все это делает правомерной постановку вопроса о степени влияния скандинавской судостроительной традиции на развитие средневековой судостроительной традиции в Новгородской земле.

Большие килевые суда с клинкерной обшивкой, соединенной заклепками, известны в Скандинавии с IV в. / судно из Нидама, / тогда как у балтийских славян наиболее раннее судно такого типа, обнаруженное в Щецине, датируется первой половиной IX в., к этому же столетию относятся и некоторые другие суда с западнославянского побережья Балтики. Соединение поясов обшивки у них осуществлялось с помощью деревянных нагелей, заклепки же применялись иногда, как правило, в незначительном количестве для соединения досок одного пояса.

Паромообразные суда известны в Скандинавии с вендельского периода / Врета, / встречаются они и в эпоху викингов / Хедебю, Эгерзунд / и в развитое средневековье / Фальстербо. / Последний из паромов имел обшивку встык, как и паромообразные суда древнерусского северо-запада. У балтийских славян наличие паромов в средневековье подтверждается только письменными источниками и находками моделей судов, интерпретированных исследователями, как паромы. / / Slaski K. 1974. 114 / Уже в первые века нашей эры паромообразные суда появляются в Центральной Европе. Слово «паром» известно в различных транскрипциях в большинстве славянских языков, что позволяет предполагать известность этого типа судов славянам еще до времени их расселения с территории близкой к Центральной Европе.

Однодеревки, расширенные в результате термической обработки, в том числе с нарощенными бортами, имеются в скандинавских материалах с первых веков нашей эры / Шлюсе-горд, Бьорке / Rieck F Skuttip — 1988. / Известны подобные суда и в землях балтийских славян. / Fiiiprousiak W. 1962. 105. /

Сложность решения вопроса о генезисе судостроительной традиции на северо-западе Руси заключается в том, что она предстает перед нами уже в сложившемся — достаточно развитом виде — наиболее ранние находки деталей всех трех выделенных типов судов связаны с наиболее ранними слоями Старой Ладogi. Это могло бы служить доводом в пользу скандинавского происхождения этой традиции, однако следует учитывать тот факт, что этот памятник пока единственный для этого времени — с хорошо сохранившейся органикой.

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

К истории комплектования новгородского войска

В. Н. Варнаев

Одним из главных средств разрешения стоявших перед Новгородом задач была война, военные действия или их угроза. Следовательно, и вопрос организации вооруженных сил был важнейшим. Общеизвестно, что существовала двухступенчатая военная система: княжеская дружина и ополчение-вой. Но еще в 40-х годах Строчков А. А. отмечал, что воя-ми именовалось и все русское войско, когда ополчение и дружина действовали совместно¹. Представляется не очень логичным и понятным, почему войско именовалось по низшей ступени военной системы. Именно термин «вой» был обычным наименованием вооруженных сил, то есть он входил в состав практического языка эпохи.

Очень мало в летописях указаний из кого собирали или копили воев. Львов А. С. в «Лексике Повести временных лет»² отметил, что в ПВЛ это слово употреблялось в значении: те, кто призван воевать, «воевати» — сражаться в бою. Вой — временные войска, их после похода распускали. Сорокалетов Ф. П. в «Истории военной лексики русского языка» также отрицает значение термина «вой», как постоянное войско³. Львов А. С., Фасмер М. отмечают древность терминов «вой», «воевати» со значением «гонщики, гнать, преследовать»⁴. Для того, чтобы понять систему комплектования новгородского войска, необходимо, на мой взгляд, разобраться с употреблением термина «вой» в Новгородском летописании.

Термин «вой» упомянут в Новгородской первой летописи⁵ 33 раза, из них только с Новгородом связаны 4 случая, с другими народами

(татары, печенеги и т. д.) — 6 случаев, как княжеское войско — 23 случая. В подавляющем большинстве вой выступают именно как войско князя, и этот факт представляется очень важным.

Показательна скорость развертывания воев — нигде не говорится прямо, что это долгий процесс, скорее подразумевается обратное. В летописях нет слов, обозначающих обучение воев, необходимое им как ополченцам. Для того, чтобы хотя бы противодействовать достаточно профессиональным войскам Польши (об этом очень характерно говорится в «Великой хронике Польши»⁶), немцев, шведов и т. д., войскам русских князей, новгородскому войску нужно было приближаться к ним по уровню профессиональной подготовки. На войне необученные, неподготовленные ратники — это просто толпа, обреченная на гибель.

Не очень последовательно выглядит и то, что воями с течением времени стали все более часто называть всякого военного человека. Это говорит о том, что военный профессионализм связывался именно с воями. А это не стыкуется с образом временного ополчения. Человека, профессионального обрабатывающего серебро, называют серебряником, людей воюющих называют воями. Именно с термином «вой» связана практически вся военная лексика русского языка. Мы ведь говорим «воинство», «войска», а не, например, дружинство или как-либо иначе. Дружина — очень узкое в военном смысле слово, обозначающее ближайших к князю людей, иногда этим термином показывают взаимоотношения людей других социальных слоев.

Сорокалетов отмечает и другое значение термина «вон» — обобщенно-распространительное: «воинство, силы, противостоящие кому-либо». Обычно это обозначение противоборствующих сил добра и зла, слово при этом приобретает эмоционально-экспрессивную окраску возвышенности и торжественности⁷. Все сказанное трудно связать с ополчением, которое собиралось по необходимости и часто на скорую руку.

Не совсем ясно происхождение слова «воевода». Воевода — специалист по вождению войска, воев. Возможно, это калька с немецкого Herzog, поскольку оно единственное в древнерусском языке, которое образовано с второй частью «водъ» и «вода». Его можно назвать заимствованным. Это утверждение и 6 случаев упоминания иностранных «воев», заставляют сразу не отвергать и сравнительную характеристику положения и статуса воев в других странах (или тех воинов, которых летопись так называет) и русских воев. «И та страна не покаряется вамъ (и) тогда аще просить вой оу насъ князь Руский да воюеть» (Лавр., 6453). Понятно, что передавать ополченцев явно невозможно.

Иностранных воев к ополчению отнести трудно. Греки и фряги — явные наемники, или профессиональные воины, приближающиеся к рыцарскому окружению. Вой-кочевники — достаточно вольны и могут переходить от одного военачальника к другому. Хорошо известны вой-кочевники на службе у русских князей. Это употребление летописцами термина «вой» представляется существенным. По материалам Новгородской первой летописи составлена хронологическая таблица употребительности различных военных терминов. Частота упоминания терминов зависит от частоты и масштабов военных действий в данный конкретный период, но таблица показывает сравнительную частоту употребления терминов в различное время. Надо отметить, что новгородские вой упомянуты достаточно поздно.

Рассмотрим некоторые случаи употребления термина «вой» или характерное отсутствие его.

В 945 г. упоминаются дружина и отроки, а заканчивается сообщение так: «и пристрой вой на прокъ ихъ»⁸. Дружина приравнивается к воям, и трудно говорить о пристраивании ополчения.

980 г. — «побегни в Печенеги и приведени воя»⁹. Вой выступают как наемники.

1016 г. — «о собра вой 4000: Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000» <. Варяги явно не ополчение, по они — вой.

1135 г. (НПЛ младшего извода) — «нъ паче болше по-часта вой копити и Половци и вся Русь»¹¹. Хорошо видно четкое разделение между воями и всей Русью, которую в данном случае можно понять как ополчение.

1137 г. — «и еще ж ищуще то, кто Всеволоду приятель боярь, тъ имаша на нихъ не съ полуторы тысьце гривенъ, и даша купцемъ крутитися на воину; нъ сягоша и невинова-тыхъ. Попомъ же Святославъ Олговицъ съвъкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глебъка, куряне съ Половци, идоша на Пльсковъ прогонитъ Всеволода»¹². Здесь явное ополчение, долгие сборы и никаких воев.

1146 г. — Изяслав Мстиславич пришел из Переяславля с воями, но назад не послал никого¹³, то есть вой могли уйти безболезненно и не вернуться.

1149 г. — «и учювь Гюрги, оже въ мале шли, и посла князя Берладьскаго съ вой»¹⁴. Берладник по Фасмеру — авантюрист, грабитель из области Берладь, по Срезневскому — товарищ из вольницы, жившей в Берлади¹⁵. Берладники — не ополченцы, а бродяги, жившие войной". И в данном сообщении однозначно связываются с воями.

Если суммировать упоминания в летописях термина «ЕОИ», то можно сказать, что вой — войско или часть войска, участвующее в битве, готовое или подготавливающееся к битве, к походу. Это реально — самая мощная военная сила. Хочется отметить взаимоотношения термина «вой» с другими терминами. «И рече Болеславъ къ дружине своей, аще вы сего оукора не жаль, азъ единъ погыну. Вседь' на конь, вбрее в рекоу и по немъ вой его» (Лавр., 6526). Видно, что термины «дружина» и «вой» полностью взаимозаменяемы.

«Изяславъ же и король скупивше все своя воя и всю свою дружину» (Ипат., 6660). Здесь термины противопоставляются.

Видна некоторая размытость термина «вой» — он иногда употребляется в смысле «дружина», и в то же время вой традиционно считаются ополчением. Из всего вышесказанного можно предположить, что вой — это профессиональные воины, не ополченцы и не дружина, притом они входят в княжеское войско как одна из главных его частей. Их подготовка, а значит и боеготовность, была намного

выше подготовки ополченцев. Дружина не всегда выполняла военные функции, она

— скорее ближайшее окружение князя, его советники, помощники, выполнявшие, конечно же, и военные поручения вместе с воями. Из таблицы видно, что наиболее частые упоминания воев приходятся на X век, затем опять упоминания с конца XI в., но вой упоминаются как войска противника или в не имеющих отношения к Новгороду событиях (это чаще всего). А с начала XII в. в военных действиях участвуют «новгородцы». Практически происходит отождествление понятии «новгородцы» и «войско». Но все жители города не могли, конечно же, быть воинами. Значит, под новгородцами понимается особая группа населения, которая и занята военным делом преимущественно. О том, что это только часть жителей, особая группа, говорят следующие летописные статьи.

1211 г. — новгородцы ушли в поход, князь Мстислав на Торжок. «Том же лете бесъ князя и без новъгородць Новега-роде бысть пожаръ великъ»¹⁶.

1273 г. — «яко быша новгородци на Торжку, и възмято-шася люди, и восхотеша Василья»¹⁷. Новгород без новгородцев как жителей — абсурд. Подобное же сообщение под 1329

— 1330 г.¹⁸.

1368 г. — пожар в Новгороде «и людии пеколико погоре. Того же лето приходиша Немци ратью великою, самъ бис-купъ и местерь и кумендере под Изборескъ; и новгородци поидеша на них»¹⁹.

1446 г. — «начаша людие денге хулити серебряныя, даже и все новгородни другъ на друга смотря, и бысть межи ими гол-ка и мятеж и нелюбовь»²⁰. Видно четкое разделение между «людьми» — жителями Новгорода и «новгородцами».

Социальный состав новгородцев можно проследить на следующих статьях:

1166 г. — «позва новгородьце на порядь: огнищане, гридь, купьце вьчъшее»²¹.

1195 г. — «и новгородьци не отпърешася ему, идоша съ княземъ Ярославемъ огнищане и гридьба и купци»²². Подобные же сообщения под 1215 г., 1445 г.²³.

Интересна статья под 1342 г. «Новгородци же, не умедля-'ще ни мала, поехаша вборзе..., а обьчины все попечатавъ»²⁴. В словаре Срезневского читаем, что обьчина — общественное имущество²⁵. То есть новгородцы связываются летописцем именно с общественным, а не личным имуществом. Для него это отличительная черта новгородцев. Ополчение связывалось бы, скорее, с личным имуществом.

Связь между терминами «новгородцы» и «вон» видна на примере событий 1016 г. «и собра вой славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исече, иже бяху Варяги ти исекле; а друзии бежаша изъ града...», дальше Ярославу приходит вестъ от сестры» «и се слышавъ, Ярослав заутра собра новгородцовъ избыток...». Заканчивается событие так: «нача вой свои делити... а новгородцомъ по 10 гривень»²⁶. Под «новгородцами» понимаются воины — вой или, лучше сказать, люди, находящиеся на военной службе.

Новгородцы выполняют все военные дела, включая и строительство крепостей и их охрану. Новгородцы выступают как военные представители Новгорода, ведь когда во время боевых действий говорят «Немцы», «Угры» — подразумевается не народ, а войско этого народа, государства.

Употребления термина «новгородцы» представлены во второй таблице, разбитые по 7 группам. Если учесть употребления слова, кроме чисто военных ситуаций, еще и просто по смыслу связанные с войной (заклучение мира, просьбы о пленных, обсуждение боевых действий, случаи в походе и т. д.) — то получается из 230—125 (97+28) имеют военную окраску (или более 54%). Такой большой процент очень показателен.

Часто упоминаются осады и взятия новгородцами городов, притом достаточно сильных — типа Юрьева (1133 г.)²⁷. С такими штурмами ополчение справиться не могло. В 1173 г. князь с новгородцами идет в поход примерно на 2 месяца²⁸ — отрывать на такой срок ополченцев просто невозможно без ущерба для их хозяйства и всей экономики. А такие походы были очень часты. В 1229 г.

новгородцы «гоняшася» по Литве²⁹ без всякой подготовки, сразу. Ополчение так оперативно реагировать на набеги не может.

Интересно сообщение под 1209 г.: «и позва е Всеволодъ на обедъ, и седоша б князь въ шатре, а Глебъ и Ольгъ у Всеволода въ шатре, и новгородци»³⁰. Трудно представить такое, если воспринимать новгородцев как ополчение.

Еще несколько примеров.

1255 г. — «и поставиша новгородци полкъ за Рожествомъ Христовомъ в конци: а что пешца, а ти стаха от святого Ильи противу Городища»³¹. Противопоставление новгородцев и пешцев — видимо, по контексту, городского ополчения.

1256 г. — «и поиде съ своими полкы князь и с новгородци; и оысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи; и многимъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ богъ блюде»³². Шестник — это пеший воин, у Срезневского еще — княжеский слуга³³. Опять противопоставление пехоты и новгородцев.

1337 г. — «Корела, подведше Немець, побиша Русь новгородцовъ много и ладожакъ гостии и кто жилъ крестиянь в Кореле»³⁴.

Обитатели Корельского городка разделяются на жителей, купцов-ладожан и новгородцев — возможно, гарнизон. Получается такая связь: город — крепость; новгородцы — защитники крепости, гарнизон; причем гарнизон, присланный из Новгорода.

Но кроме новгородцев, связанных с боевыми действиями, есть группы явно не военные. Управление Новгородом (взаимоотношения с князьями, владыками, внутренние дела, дипломатия) — 99 случаев. Кроме того, строительство церквей, торгово-финансовые дела — 6 случаев.

Кроме новгородцев упоминаются и другие: людии, крести-ане, вьсь Новъгород, народ, гражаны, человекъ, души и т. д. Наиболее массовые

термины — «людии» и «всь Новгород» — представлены в таблице № 2. Подавляющая часть этих терминов используется при пожарах, голоде, восстаниях, эпидемиях. Используются и при описаниях взаимоотношении с князьями и владыками, но только в качестве реагирующей массы. Очень часто сообщается о событиях обезличено: почаша, коняша, идоша, заложена бысть, съвершена и т. д. Новгородцы же упоминаются в делах непосредственного управления, т. е. делах государственного уровня. В 1224 г. «новгороди же скопиша всю волость»³⁵. По аналогии с фразой «князь скопиша волость» видно, что новгородцы выполняют властные функции. Подобное выполнение функции заметно в 1383 г.³⁶. Представляется показательным в этом смысле сообщение под 1348 г.: после победы под Ореховым «а братью свою новгородцовъ посадиша, Якова Хотова, Олександра Борисовича, въ Ореховомъ»³⁷. Посадили новгородцев, т. е. управление городом взяли в свои руки. Здесь подчеркивается не принадлежность этих людей к жителям Новгорода (и так ясно по предыдущему тексту, что победа новгородцев), а, скорее, их принадлежность к определенной группе людей. Тем более, что удержать руководство городом 2 человека невозможно — это явно управители. Текст летописи напоминает сообщение Старшей Ливонской рифмованной хроники об оставленных в захваченном Пскове всего двух братьях-рыцарях³⁸. В средние века военный аспект жизни земель и государств превалировал, по крайней мере, внешне. Самые важные дипломатические поручения давались князьями доверенным помощникам-сотоварицам (термин «дружина» — не зря). Вообще, этика средневековья позволяла обращаться к конкретным лицам и лицам, занимающим определенное положение в государстве, а не вообще к государству или горожанам. В этом смысле, новгородцы — тоже люди, занимающие достаточно высокое положение в Новгороде. То есть взаимоотношения можно выразить подобными связями: князь — дружина и Новгород — новгородцы. Термин «новгородцы», вероятно, подчеркивает не территориально-этническую принадлежность его носителей, а, скорее, государственную. Новгородцы — это те, кто служит Новгороду. В число новгородцев по НПЛ входят: профессиональное (или полупрофессиональное) войско Новгорода, посадники, тысяцкие и другой административно-управленческий аппарат. Но кроме воинов-новгородцев существовало и ополчение. Это — «Русская земля», «словене», «волость Новгородская» (с XII века). Примеры — события 1198 г., 1348 г.³⁹ и др. Ополчение собирают, когда требуется или очень большое войско для важного похода, или же когда новгородцы отсутствуют или после поражения. С XII века по середину XV века ополчение собиралось примерно 20 раз, что несравнимо меньше походов новгородцев. Можно говорить о том, что основную поенную нагрузку несли именно новгородцы, и не только в Новгороде, а и по всей новгородской земле (примеры — упоминавшиеся события в Кореле, постройка новгородцами дальних крепостей). Допустимо говорить о Новгороде как военном центре своих земель, откуда по мере надобности направлялись определенные отряды. Интересна в этом смысле берестяная грамота № 63540. В ней термину «засада» дается перевод — «гарнизон». В правильности перевода нет никакого сомнения. Но наличие гарнизона подразумевает не ополчение, а войско с высокой степенью боеготовности. Вооруженные силы Новгорода имели не двухзвенную систему: княжеская дружина — ополчение, а трехзвенную: дружина (которая играла все меньшую роль) — новгородцы — ополчение. Соответственно, различным было и комплектование всех звеньев системы. Развитие войска шло по пути от общего ополчения словен к доминирующим профессионалам или полупрофессионалам — новгородцам. Перспективным представляется сравнительный анализ военной организации в городах северной Европы, особенно расположенных на берегах Балтики в относительной близости от Новгорода, а также в Скандинавии. Кстати, западноевропейская воинская система тоже трехзвенна — гвардия или личная охрана, вассалы или наемники, и ополчение. Не уточнив термины, трудно разобраться в комплектовании войска, его структуре, а значит, и во всей военной политике Новгорода. Кроме того, решение терминологической проблемы позволит уточнить некоторые аспекты политической и социальной истории Новгорода.

- 1 Строчков А. А. Возникновение и начальные этапы развития русского поенного искусства. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. М., 1047, с. 151.
- 2 Львов А. С. Лексика. Повести временных лет. М., 1975, с. 288.
- 3 Сорокалетов Ф. П. История военной лексики в русском языке Л., 1970, с. 74.
- 4 Львов А. С. Лексика... с. 272. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, М., 1964. Т. Т, с. 334—335.
- 5 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950. (Дальше — НПЛ).
- 6 «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. М., 1987.
- 7 Сорокалетов Ф. П. История... с. 77.
- 8 НПЛ, с. 112.
- 9 НПЛ, с. 127. 10 НПЛ, с. 175. 11 НПЛ, с. 208.
- 12 НПЛ, ее. 24—25, 210.
- 13 НПЛ, ее. 27, 213.
- 14 НПЛ, ее. 28, 215.
- 15 Фасмер М. Этимологический... с. 157, Срезневский И И Словарь древнерусского языка. М., 1989.

- Т. I, ч. 1, стлб. 71
16 НПЛ, ее. 52, 250.
17. НПЛ, с. 322.
18 НПЛ, с. 99, 342.
19 НПЛ, с. 370.
20 НПЛ, с. 426.
21 НПЛ, с. 32, 219.
22 НПЛ, ее. 42, 234.
23 НПЛ, с. 53, 252; там же, с. 425.
24 НПЛ, с. 354.
25 Срезневский И. И. Словарь... Т. 2, ч. 1, стлб. 582—583
26 НПЛ, ее. 174—175.
27 НПЛ, с. 23, 207.
28 НПЛ, ее. 34, 223.
29 НПЛ, ее. 68, 275.
30 НПЛ, ее. 50, 247.
31 НПЛ, ее. 80, 307.
32 НПЛ, ее. 31, 309.
33 Срезневский И. И. Словарь... Т. 3, ч. 2, стлб 1605—1606
34 НПЛ, с. 348.
35 НПЛ, ее. 64, 268.
36 НПЛ, с. 379.
37 НПЛ, с. 361.
38 Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища.
— М.—Л., 1966 ее 208—209
39 НПЛ, ее. 44, 238; там же, с. 360.
40 Грамота № 635 экспонировалась на выставке «Новгород, открытый археологами» (Новгородский музей-заповедник).

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Раскопки 1992 года

В. И. Поветкин

Очередной сезон археологических раскопок в Новгороде в 1992 году, помимо множества других открытий, принес также и важные свидетельства древней инструментальной музыкальной культуры.

Вообще обнаружение объектов такого рода в других краях Европы — большая редкость. Поэтому музыкальные древности Новгорода, активная фиксация которых началась с 1951 г., являются не только самым надежным источником по музыкальному инструментарию древней Руси, но и оказываются определяющими для подобных археологических находок в иных местностях.

Исторические пути конструктивных идей музыкальных инструментов неотделимы от общеисторических процессов. Вот почему даже с виду незначительный, лишенный легендарного ореола музыкальный инструмент может найти себе «двойника» в самом неожиданном месте и времени. И такой факт должны объяснять и учитывать не одни лишь историки музыки.

Итак, к числу свидетельств, собранных в 1992 г. на Троицком и Федоровском раскопах и характеризующих обрядовую музыкальную обстановку в древнем Новгороде, относится камень с нацарапанными по обеим! его сторонам изображениями сцен плясок начала XII в. (Тр-11-1042), а также обрывок хари или маски ряженого, которая была изготовлена в конце XII в. из куска кожи (Тр-8-896).

О младенческих погремушках дают представление глиняные с шариком внутри и одним наружным отверстием писанки. Четыре их

экземпляра, один из которых сохранился целиком, обнаружены в слоях XII—XIII вв. (Тр-9-875 Тр-11-1062, Ф-18-252, Ф-19-236).

К XII в. относится и железное ботало или, как на Новгородчине его называют, колоколка (Тр-8-913). Привешивалось домашнему скоту к шее для того, чтобы он не потерялся в лесу и для отпугивания от него дикого зверя или духа болезни.

К одежде древних новгородцев иногда вместо пуговиц крепились бубенчики. Небольшие, они могли входить и в комплект музыкальных погремушек. Три экземпляра бронзовых бубенчиков обнаружены в слоях XII—XIII вв. (Ф-21-53, Ф-18-254, Ф-21-101).

Насыщенный влагой культурный слой в Новгороде способствует хорошей сохранности деревянных изделий, в том числе и частей или деталей различных музыкальных инструментов.

Для настройки струн щипковых гуслей или смычкового гудка использовались деревянные чащи из хвойных пород шпеньки, иначе, колки, три экземпляра которых изъяты из слоев XII в. (Тр-8-1161, Тр-11-1191, Ф-22-43). Правда, шпенек, происходящий с Федоровского раскопа, по устному сообщению Е. Г. Дубровина, попал в нижний культурный слой из какого-то верхнего слоя в результате перекопа. Все три шпенька принадлежали трем различным музыкальным инструментам. Один из этих инструментов — вероятно, гудок, о котором известно следующее.

Обломки полочки (деки) гудка, выструганной из древесины клена, обнаружены в слое конца XII в. между срубам жилого комплекса рядом с массовыми деревянными «колоннами» (Тр-8-841). Здесь было много щепы, покрытой сверху листами бересты, ВОЗМОЖНО, служившей кровлей. Один из упомянутых шпеньков (Тр-8-1161), выструганный из сосны, находился метрах в десяти от обломков гудка, он найден вне сруба рядом со столбом или сваей. Обе эти находки, как считает П. Г. Гайдюков, хронологически близкие, можно ставить вопрос о их принадлежности к одному инструменту. Такая их связь подтвердилась и в процессе реконструкции гудка, где диктуемые восстановленной полочкой очертания ого корпуса, а следовательно и головки со шпеньковыми отверстиями, оказались соразмерны величине шпенька. В археологической практике это первый случай, когда шпенек обнаружен в культурном слое не сам по себе, как 27 предыдущих, а хотя бы предположительно составляет комплекс с конкретным струнным музыкальным инструментом.

Что же касается реконструированного гудка, то в нижней части он имеет хвост, иначе, выступ для закрепления трех кишечных струн, обычные для гудка кобылку и два полукруглых выреза в полочке, а также не совсем обычное в верхней части полочки отверстие диаметром 8 мм. Толщина полочки колеблется от 2 мм по ее краям до 6 мм в ее середине. Общая длина гудка—333 мм, длина рабочей части мелодической струны (от кобылки до шпеньков) — 220 мм.

В слое первой половины XII в. найдены обломки полочки гуслей (Тр-10-1160). Полочка была изготовлена из бруска сосновой древесины. В нижней ее части сохранились вырезанные из того же бруска уши, в отверстия которых продет стержень струнодержателя. Такой способ изготовления полочки указывает на ее принадлежность типу гуслей с игровым окном, иначе, гуслей лирообразных. Толщина полочки, верхняя часть которой, к сожалению, утрачена, по краям иногда оказывается менее 2 мм, а к середине увеличивается до 5 мм. В средней ее части ближе к правому краю было прорезано ножом или продолблено долотом невеликим прямоугольное отверстие величиной 3x5 мм. Напрашивается предположение: не было ли оно одним из отверстий, составляющих знак или «цветочек», как в некоторых этнографических образцах гуслей XIX — XX вв.? На утраченной слева от отверстия части полочки возможно представить лишь дорожку из 3—5 подобных отверстий, что иногда встречается в поздних образцах бытовавших на Новгородчине гуслей. Между тем бесспорным фактом остается наличие единственного отверстия в рассматриваемой полочке. Но и его одного уже достаточно для того, чтобы признать отличие данной полочки от двух других археологических образцов полочек, лишенных каких-либо отверстий. Имеются в виду полочки семиструнных гуслей начала XIII в. (Тр-9-637) и пятиструнных гуслей XI в. надписью «СЛОВИША» (Тр-17-98, 108). И хотя пока что нет твердой уверенности в том, что это единственное отверстие не было случайным, все же теперь невозможно однозначно полагать и то, что в голодном (резонаторном) ящике древних новгородских гуслей не было принято хотя бы иногда прорезать отверстия. И если хотя бы иногда они прорезались, то, спрашивается, какова была их роль в гусях, принцип звукообразования которых основан на так называемом чистом резонансе?

Отверстия вообще, а особенно столь мелкие принципиального влияния на звук в данной разновидности струнных инструментов не оказывали. Их роль могла заключаться в другом. Ответ подсказывают некоторые образцы гуслей, которые мастерились в Мошенском, Хвойнинском и других районах Новгородской области еще в XX в. В них прорезались одно за другим по прямой линии мельчайшие отверстия, количество которых соответствовало числу струн — шести, например, или семи. По словам местных старожилов, бывали гусли и без каких-либо отверстий, но чаще все-таки с отверстиями, «чтоб гул выходил»². Фраза «чтоб гул выходил» особенно по отношению к гусям с одним крупным отверстием-голосником понимается, как правило, с позиций современного профессионального музицирования, именно: чтоб инструмент в акустическом, эстетическом плане звучал выразительнее. Но не учитывается ее параллельный и, похоже, изначальный смысл. Так, применительно к гусям с упомянутой линией мелких отверстий, располагавшихся иногда по одному под каждой струной, выражение «чтоб гул выходил» могло сохраниться как наследие той древности, когда гусли воспринимались как предмет одушевленный, где каждая струна — это один голос, и для каждого голоса, обитающего, надо полагать, в недрах гуслей, имелось свое голосное отверстие; и не важен размер последнего, важен факт его наличия. Следовательно, вероятная причина появления в некоторых гусях голосных отверстий связана не столько с поиском их резонансных качеств, ибо таковые по сути были открыты раньше, сколько с их мифологическим одушевленным образом. Свидетельством осознания такого образа, быть может, следует признать обломки изучаемой полочки, принадлежавшей лирообразным гусям первой половины XII в. При этом, правда,

остаются в силе документы изобразительного характера, среди которых даже такой поздний, как рисунок в «Диссертации о русских древностях» Матиаса Гутри 1795 г. показывает пятиструнные гусли без голосников³.

Руководствуясь обломками полочки, о которой идет речь, возможно представить обобщенный вариант реконструкции гуслей. Это мог быть инструмент не более как с пятью струнами, близкий по величине и пропорциям гусям XI в. с надписью «СЛОВИША». Такому представлению способствует удаленное расположение ушек струнодержателя от нижнего края полочки. В итоге размеры полочки, как наиболее восстанавливаемой детали в этих гусях, получились следующие. Ширина в нижней ее части — 70 мм, в верхней — 105 мм, общая ее длина могла достигать 587 мм.

Замечательным событием археологического сезона 1992 г. стало обнаружение в слое начала XII в. двух дощечек, составлявших комплект древних новгородских трещоток (Тр-11-1065). Выяснилось, что отдельные детали трещоток археологически обнаруживались в Новгороде уже в 1950-х гг., но их было недостаточно для признания за ними определенной категории археологических вещей⁴.

Трещотки относятся к шумовым ударным музыкальным инструментам в группе самозвучащих. Впервые научному описанию подверг южнорусскую разновидность трещоток К. В. Квитка⁵. Они использовались во время плясок и особенно при исполнении свадебных величальных песен и состояли из 14—20 и большего числа плоских дощечек. В каждой дощечке имелось по паре отверстий, сквозь которые продевался двойной шнур. При встряхивании дощечки, ударяясь одна о другую, производили треск.

В отличие от южнорусских рассматриваемые новгородские трещотки имели пять взаимно ударяющихся дощечек, одна из которых была снабжена держалкой. Согласно первому реконструкторскому варианту дощечка-держалка располагалась сбоку от четырех остальных дощечек, согласно второму — к ней по обеим сторонам симметрично крепилось по две дощечки. Первый вариант обнаружил поразительное сходство как по расположению дощечек, так и в плане ремесленного их изготовления с трещотками народов северо-западного Кавказа, где они традиционно применялись во время плясок в свадебном обряде. Второй вариант совпадает, причем также во всех деталях, с трещотками, точнее, с «колотушкой», которой на Новгородчине еще в 1940—50-х гг. пользовались ночные сторожа. Об этом со слов своей бабушки, проживающей в деревне Влички Маловишерского района Новгородской области, рассказала Валентина Васильевна Павлова. По своим детским воспоминаниям В. В. Павлова изобразила дощечку-держалку, к которой при помощи проволоки сквозь пару отверстий крепились симметрично другие четыре дощечки⁷.

Перед исследователями традиционного народного быта ставится конкретная задача поиска на Русском Северо-Западе не только этнографических образцов трещоток, но и свидетельств их использования в обрядовой музыкальной среде. Намеком на бытование в новгородском крае обрядово-музыкальных трещоток является единственное письменное упоминание о русских трещотках в «Реестре» Петра I 1714 г. по случаю свадьбы тайного советника Никиты Зотова. В этом документе наряду с прочими музыкальными инструментами перечисляются в одном случае просто «трещотки», за которыми, возможно, подразумевались трещотки южнорусские, и в другом случае более конкретно — «новгородские трещотки»⁸. Из числа бытовавших на Новгородчине сигнальных колотушек или трещоток именно трещотки с небольшим набором дощечек, снабженных держалкой, конструктивно наиболее предрасположены к использованию их в обрядовой музыкальной обстановке; в упомянутом реестре они по праву могли бы называться новгородскими, тем более, что их возраст исчисляется многими веками.

Трещотки — с виду незначительный музыкальный инструмент, однако исторические пути их конструктивных идей не менее сложны, чем, например, у гуслей или гудка и могут проследиваться в отдаленных концах Европы. Нынче историкам предоставляется возможность не только обратить внимание на сходство деталей древних новгородских трещоток и трещоток северо-западно-кавказских, но и попытаться объяснить столь неблизкие связи.

Наконец, коротко еще об одной новой категории археологических предметов, имеющей отношение к древнему музыкальному инструменту в плане его изготовления. Речь идет о двух стальных лезвиях необычной формы, которые в середине XII в. были воткнуты в бревно сруба (Тр-9-1135). При изготовлении деревянных ложек или, допустим, полостей гуслей или гудка этими лезвиями могли пользоваться как скребками, иначе, фигурными циклями, которые поныне используются профессиональными музыкальными мастерами.

1) Этнографическое собрание Новгородского центра музыкальных древностей и материалы фольклорных экспедиций 1900—1991 гг.

2) Там же.

3) М. Guthrie. *Dissertations sur les antiquités de Russie*. S-Peterburg, 1795. P. 31, Tab. 2, fig. 9. См. также: А. С. Фаминцын. Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890. С. 36.

4) В. И. Поветкин. *Открытие трещоток новгородских. (Из опыта восстановительных работ)*. (В печати).

5) Ю. А. Багрий. *Русские трещотки*. — В кн.: Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 249.

6) И. М. Хашба. *Абхазские народные музыкальные инструменты*. Сухуми, 1979. С. 109—113, 225—227.

7) *Новгородский центр музыкальных древностей. Материалы фольклорных экспедиций 1992 г.*

8) К. А. Вертков. *Русские народные музыкальные инструменты*. М., 1975. С. 103, 258—260.

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Деревянные художественные изделия в ансамбле Новгородского жилища

Е. Ю. Пухначева

Каждый элемент в обстановке усадьбы, жилища имел в представлении средневекового человека особое содержание, обуславливающее многоплановость функции вещи в различные моменты человеческой жизни и в различных сферах. Чтобы узнать о роли каждого предмета мы должны представлять как оценивал среду сам человек, какова семантика объектов этой среды. Свидетельства времен становления христианства говорят о космологизме мышления средневекового человека¹. Космологизм мышления неизбежно отражался и в быте. Представление, об упорядоченности космоса реализуется и при создании поселения и при строительстве дома. Образ дома соответствовал образу мира. Например, вертикаль-ная структура жилища идентифицировалась с тремя сферами: небесной, земной и подземкой. Крыша и земляной пол делили космическую вертикаль на небо—дом—подземелье. Внутренние границы — пол и потолок — отделяли людское пространство от обиталища нелюдей — чердака и подполья².

В воссоздании облика и предметного ансамбля новгородского жилища мы пользуемся археологическими, этнографическими данными, а также письменными источниками (описаниями древнерусского жилища в былинах). Необходимо при этом оговорить три важных момента. Во-первых: новгородский дом — это, как правило, дом ремесленника с расположенными в усадьбе мастерскими³. Во-вторых: из этнографических источников ближайшей аналогией древнему новгородскому жилищу можно считать северный русский дом (таким, каким он сохранился до начала XX в.). Подобные дома стали строить новгородцы, расселившиеся на севере в XVI в. при Иване Грозном⁴. В-

третьих: средневековое городское жилье отличалось от сельского (по крайней мере с XIII в.). Основным жилищем в городе была горница — изба на высоком подклете, двор для скота отсутствовал⁵.

По археологическим данным в X—XI вв. в Новгороде существовали лишь простые однокамерные срубы. По мнению некоторых исследователей традиционная трехчастность (изба + сени + клеть) распространяется только к XIV в.⁶ По другим данным в XII—XIII вв. в Новгороде уже существуют трехкамерные жилища и более сложные многокамерные комплексы, причем по конструкции фундамента можно судить о наличии двух или нескольких этажей в таких строениях⁷. Окна до XIII в. были, вероятно, волоковыми. «Кутное» или «покутное» окно (около печи) считается первым по времени возникновения⁸. В X—XI вв. печь стоит рядом с входом, устьем она повернута к задней стене. В редких случаях печь располагалась в центре сруба⁹. Сени примыкали к избе на уровне второго яруса и опирались иногда на подсенье, а иногда на столбы. Сени существовали как рубленые, так и столбовые или каркасные. Сведения о древнерусском жилище можно почерпнуть и из былин. Былинные описания создают образ богатого дома XVI—XVII вв. Но образный строй, основные элементы жилища и их семантика остаются постоянными и малозависимыми от социального положения человека. Новгород в былинах описан наиболее конкретно, в отличие от Киева. «Хоромы» располагались в глубине двора. «Перенос» (с перилами) крыльцо вело в сени. Сеней в доме было несколько — передние и задние. Упомянуты помещения различного назначения: горница (переднее помещение для всякого рода торжественных собраний), гридница (столовая), повалуша (чулан), спальная полата. Над жилыми помещениями делались надстройки — вышки, чердаки, терема. Привлекает описание «наряда» хором. Он был двоякий, состоящий в украшении внутренности дома резьбой, росписью и «шатриый», состоящий в убранстве их мехами, сукном, различными тканями¹¹. Характер росписи во многом отвечал космологическим представлениям русичей.

Известная консервативность крестьянского зодчества делает необходимым привлечение этнографических материалов. Во всех типах планировки русского жилища сохраняется диагональ печь — «красный» угол¹². В языческих представлениях центром жилища была печь, в христианских — «божий» или «красный» угол. Кроме того, этнографический поможет нам в изучении семантических зон жилища. Жилище было не только функционально организованным пространством, но и образной системой. А. К. Байбурин считает, что придавая вещам форму животных, человек тем самым наделял их свойствами этих животных. Свойства вещей зависели от того, что на них изображено. Одной из целей украшения вещей было придание им особой силы¹³. Семантика понималась как «независимая магическая сила». Предмет имел ее сам по себе. Одна и та же вещь использовалась то чисто утилитарно, то как ритуальный символ, семантика которого менялась от случая к случаю. Существовала также группа ритуальных предметов, не имевших утилитарных функций¹⁴. Даже само практическое использование вещи регламентировалось рядом запретов и поверий¹⁵. Предметы вписывались в локальные семантические зоны жилого пространства.

Прежде всего выделяется «красный» угол. В доме все было сориентировано по отношению к красному углу. Христианство на Руси долгое время сосуществовало и переплеталось с элементами язычества. В свете сложившегося двоеверия красный угол предстает центром не только христианского, но и языческого ритуала. Понятие красного угла относилось не только к самой божнице, но и к значительному пространству между передней и боковой стеной, включая стол. Нет нужды говорить, что это пространство было парадным, в красный угол усаживали почетных гостей. Со столом, в свою очередь, связан целый комплекс представлений. Стол ме-тафоризирует небо — высоту¹⁶. В народном сознании проводилась параллель между столом в доме и престолом в церкви. Стол также играет ведущую роль в свадебном и похоронном обряде. Причем, закрепленность стола за красным углом — специфически восточно-славянская черта¹⁷. К красному углу тяготеют сразу несколько комплексов деревянных предметов. Вероятно, будет правомерным рассмотреть здесь группы вещей ритуального назначения. Маленькие деревянные крестики, украшенные резьбой (вероятно нательные) связаны с красным углом семантически и являются деталью костюма.

Одними из интереснейших находок являются человеческие изображения, вырезанные из дерева. Г. Н. Бочаровым высказывалось предположение, что это изображения домовых¹⁸. Т. Д. Панова определяет их как изображения языческих богов, служившие объектом поклонения в домах новгородцев долгое время после принятия христианства¹⁹. Предположения о магическом, ритуальном характере данных предметов подтверждаются и более поздними этнографическими данными. Например, поморские куклы «панки» напоминают один из видов новгородских антропоморфных фигурок. А. К. Чекалов считал их промежуточным звеном между древнейшими идолами и позднейшими игрушками²⁰. Г. Н. Бабаянц связывает их происхождение с культом предков. Деревянных кукол держали за иконами, а в праздник ставили на стол²¹. Можно предположить, что новгородские антропоморфные фигурки могли занимать в красном углу положение, равноценное иконам, но не заменять их.

Определенное положение в пространстве красного угла, на столе занимала деревянная посуда. Один и те же предметы посуды могли использоваться за столом во время трапезы и в ритуалах. 1 (Сама трапеза в некоторых случаях была ритуалом. В качестве примера можно привести праздничный пир — братчину, в которой использовалась деревянная братина). Ковш по своему семантическому значению выделяется из всех остальных видов посуды. Ковш с зооморфным изображением на рукояти использовался в качестве строительной жертвы при постройке дома. Находки таких ковшей были сделаны и в Новгороде²². Эта строительная жертва должна была уберечь дом от злых сил. Включенный в свадебный обряд, ковш пес символику, связанную с водой, солнцем, его дарили в знак Прибыли и счастья. Такой ковш не использовался в быту и хранился отдельно²³. Семантика образов на ручках ковшей носит охраняющий, оберегающий характер. Кроме того, многие образы полисемантически, сочетают в себе (а следовательно в предмете) и добрые и злые силы. Образ дракона соотносился со стихией света, воздуха, причислялся к категории чистых сил, близких к богам и святым. У многих

пародов водоемы считались жилищем могучего змея, олицетворявшего идею плодородия, здоровья²⁴. Другой распространенный образ — птица. Быстрота птичьего полета связывалась с движением спета, с дуновением ветра, с мгновенным блеском молнии. Гот же смысл вкладывался в образ коня. (В жилище многое связано с этим образом, начиная с конька на крыше избы. В интерьере немаловажным декоративным элементом был «коник» (лавка около входа); печной столб имеет второе название — «коновой столб»²⁵; даже полка-божница зачастую украшалась головами коней²⁶).

Ложка, как и любой другой вид посуды была вплетена в семантическую ткань трапезы. Существовали определенные правила пользования ложками. Считалось, что лишняя ложка, положенная на стол — для нечистой силы²⁷.

Мелкие бытовые вещи (такие как гребни, пеналы, маленькие точеные шкатулки, церы), вероятно, хранились в коробках. Нельзя с точностью указать место детских игрушек, так как оно связано с местом, отводимым в жилище ребенку. Одной из особенностей устройства народного жилища являлось то, что в нем не существовало персональных стабильных мест для каждого члена семьи, не было даже постоянного места для ночлега²⁸.

Как мы видим, большая часть художественных изделий из дерева сосредотачивается в пространстве красного угла. Предметы, находящиеся в парадном помещении дома, выделялись своим оформлением среди других предметов. В других частях дома художественно оформленных вещей гораздо меньше.

Печной угол или «куть» — место, ограниченное печью, боковой и передней стеной, традиционно считалось женским пространством. Семантика многих предметов, закрепленных за данной частью жилища, связана с функцией оберегания женщины и охраны пищи. В языческие времена печь имела исключительное значение. Она представляла собой источник тепла, обиталище божественного огня. Сам процесс выпечки хлеба с архаических времен воспринимался как священнодействие²⁹. Из деревянных предметов здесь присутствует кухонная утварь и столовая посуда (в основном будничная). Будничная посуда и утварь для приготовления пищи редко украшалась, поэтому из всех деревянных предметов, присутствующих на кухне, особо выделяются пряничные доски. Почти все они содержат изображение процветшего креста. Символика орнамента связывает их с красным углом и включает в рамки христианского ритуала. В этнографической литературе упоминаются также «прощальные», «поминальные», «свадебные» пряники; для их украшения мог использоваться тот же мотив³⁰. Можно предположить, что пряничные доски служили своеобразным украшением печного угла. В печном углу вместе с кухонной утварью находились предметы, связанные с прядением и ткачеством. Из орнаментированных предметов можно упомянуть прялки, юрки и веретена, украшенные несложной резьбой.

Пространство у входа — подпорожье — традиционно воспринималось как мужская территория. Здесь было рабочее место хозяина дома, хранились рабочие инструменты. «Конику», которым заканчивалась линия лавок, расположенных по периметру всей избы, придавалось особое значение. (Здесь хозяин дома часто чинил конскую упряжь и сбрую, что отразилось в традиционном оформлении³¹). Художественных предметов из дерева, относящиеся к этой зоне жилища, мы пока назвать не можем.

Связующим звеном, объединяющим все части дома, был архитектурный декор. Он отражал связи внутреннего и внешнего пространства, семиотику сооружения в целом. Мы объединяем архитектурную резьбу с мебельной. Это обусловлено не только единством принципов декора, но и тем, что мебель можно назвать архитектурой малых форм. Лишь немногие из найденных фрагментов архитектурного декора можно отнести к элементам внешнего убранства дома. Таким образом сведения об экстерьере дома древнего новгородца (принимая во внимание и письменные источники) весьма скупы. Одним из принципов в украшении интерьера было выделение границ³². Это относится и к границам внутреннего пространства с внешним миром (окнам, двери, крыше) и к границам между семантическими зонами внутри жилища. Ими служат конструктивные элементы: матица, печной столб, воронцы (брусья, идущие от печного столба к стенам: пирожный и полатный). Матица — основная балка, служила разделом между «передней» и «задней» («внутренней» и «внешней») частью дома, между пространством красного угла и подпорожья. Гость не заходил за матицу без приглашения хозяев³³. Следы печного столба при раскопках в Новгороде находят крайне редко. То же относится и к полатам. Вероятно, они сформировались позднее³⁴.

Количество мебели в древнерусском жилище было ограничено. Главными предметами мебели были срубленные в стену лавки. В городских домах к ним прибавились переносные скамьи и кресла (главным образом с XIII в.)³⁵ В былинах упоминается мебель из дуба с инкрустацией из «рыбьего зуба» (моржовые клыки) или слоновой кости, которая «исподернута» и «потянута» дорогими тканями³⁶. Столы — «дубовые», «кипарисные»; «белодубовые» скамьи («беседы») покрыты тканями. Были и большие скамьи, заменяющие кровать³⁷. Материалы раскопок дают представление в основном о декоративных элементах архитектурного декора. (К конструктивным элементам можно отнести лишь знаменитые резные колонны XI в., но они не могли быть принадлежностью обычного новгородского дома). Из декоративных деталей, известных по раскопкам, наиболее многочисленные группы составляют балясины и причелины различного вида. Причелинами могли быть оформлены опушки лавок. Балясины использовались в украшении кресел, стола, скамей. Нам также известны некоторые резные фрагменты. Скорее всего это детали мебели, но атрибутировать их более точно сложно. К мелким деталям интерьера относятся вешалки-крючки, некоторые из них представляют собой миниатюрные скульптуры. Образцы, используемые в этом виде изделий, те же, что и в оформлении ковшей и наверхий. Это еще одно подтверждение единства образной системы жилища.

Част! деревянных художественных изделий остается за пределами жилища, по они связаны с деятельностью человека, а значит и с жилищем, и с находящимися в нем предметами. К подобным предметам относятся, например, сани, традиционно украшавшиеся

резьбой. Орнамент сосредотачивался на копылах, грядках, спинках саней; по стилю резьбы он родственен мебельному декору. Об украшении древнерусских саней мы можем судить по миниатюрам и иконам. Например, миниатюра XIV в. из «Жития святого Бориса и Глеба», где изображены сани св. Бориса³⁸. Сани — непрменный атрибут похоронного и свадебного обряда, причем не только зимой, но и летом. Сани были не просто средством транспорте, но использовались в особо торжественных случаях. В XVII в. сани предпочитались патриархами при вступлении в звание, царями при коронации или других важнейших событиях³⁹. Наиболее древняя форма саней — ладьевидная (лодка, поставленная на полозья). Ладья, а позднее сани, в языческом погребальном обряде сжигались на погребальном костре⁴⁰. Сани также присутствуют во многих формах ритуала проводов на тот свет⁴¹. Вполне вероятно также, что сани могли восприниматься человеком как передвижной дом, жилище в миниатюре во время выездов из настоящего дома.

Для некоторых групп предметов, таких как наверхия или предметы, условно называемые «рукояти», трудно определить положение в жилище, учитывая неясность их назначения.

Мы попытались разместить художественные изделия в доме, распределить их по семантическим зонам. Необходимо отметить, что мы сознательно упускаем из поля своего зрения часть деревянных предметов, которые не имеют отношения к резьбе и росписи. Тем более нельзя считать нарисованную па-ми картину исчерпывающим описанием жилища. Ведь деревянные предметы находились всегда в сочетании и взаимодействии с предметами из глины, кости, стекла, кожи, тканями. Это и костяные гребни, шахматные фигурки, шкатулки; это многообразная глиняная посуда; игрушки и футляры из кожи; предметы и инструменты из металла.

- 1 Некрасова М. А. Ансамбль как образная система. // Искусство ансамбля. М., 1988. С. 56.
- 2 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 180.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(30\)](#) →

[Багетная мастерская \(м. Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Интернет-магазин HUNT-SHOP.ru](#)

Одежда, обувь, аксессуары для охоты и рыбалки. Бесплатная доставка!!!
www.hunt-shop.ru

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Аксессуары для луков и арбалетов](#)

Колчаны и чехлы, мишени, стрелы и болты, тетива, оптические прицелы

[Адрес и телефон](#) · arbaleta.net

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси

П. Г. Гайдуков, Н. А. Макаров

Среди костяных изделий, представленных на древнерусских археологических памятниках, выделяются предметы цилиндрической или усеченно-конической формы, иногда с вогнутыми боками, с продольным сквозным отверстием. Длина варьирует от 2,0 до 4,5 см, диаметр — от 1,5 до 3,0 см. Многие из этих предметов орнаментированы врезными кольцевыми линиями, обычно сдвоенными, реже строенными. Большая часть их изготовлена из рога, а не из кости. Практически все эти предметы выточены на токарном станке. Находки цилиндров из рога известны на всей территории Древней Руси: от Белорусского Попсманья на западе¹, до Белоозера и Поклязьменья на востоке²; от Подонья и Среднего Поднепровья на юге³, до Ладogi и Каргополя на севере⁴. Появление их в IX—X вв. документировано находками на Рюри-ковом и Сарском городищах, а также на поселениях Тимерев-ском и Крутик на Белозерье⁵. Однако значительная часть этих предметов датируется и более поздним временем — XII—XIII вв.б.

В публикациях цилиндры обычно называются обоймицами, навершиями или рукоятями. О. И. Давидан, публикуя костяные изделия из Старой Ладogi, привела довольно длинный список атрибуций этих предметов, предлагавшихся различными исследователями: вставки для гарпунов, игральные кости, манки, мундштуки боевых труб⁷ И. М. Линдер высказал предположение, что подобные цилиндры могли

быть основанием для составных шахматных фигур⁸. Однако чаще всего вопрос об их назначении при публикации¹ вообще не рассматривался.

Относительно недавняя находка серии подобных цилиндров в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском и находка 1992 г. из Новгорода позволяют атрибутировать их как «томары» — тупые наконечники стрел для охоты на пушного зверя. Эта атрибуция может показаться довольно неожиданной, поскольку древнерусские наконечники стрел сравнительно хорошо изучены, и ни в одной из работ по древнерусскому оружию мы не найдем упоминаний о костяных цилиндрах⁹.

Могильник Нефедьево находится на востоке Белозерья, между Шексной и Кубенским озером. Этот памятник, на площадке которого исследовано 113 погребений XI—XII вв., является сейчас наиболее крупным некрополем на территориях к востоку от Шексны и Белого озера. По антропологическим определениям в Нефедьево 48 мужских погребений, 31 женское и 35 ДС1СКНХ. Цилиндры со сквозными отверстиями найдены только в мужских погребениях.

10 роговых (или костяных) предметов со сквозными отверстиями имеют правильную цилиндрическую или усеченно-коническую форму, длина их колеблется от 2,5 до 4,3 см, диаметр — от 1,7 до 2,9 см. Диаметр сквозного внутреннего отверстия равен 1,1—1,5 см. Пять изделий орнаментированы параллельными врезными линиями (рис. 1). Внутри втулки у некоторых из них сохранились остатки дерева. Наряду с роговыми, в погребениях встречены пять очень близких им по форме железных цилиндров, которые имеют несколько меньшую длину (1,4—2,3 см), но внешний диаметр и диаметр внутреннего канала у них примерно такой же, как у роговых (1,9—2,8 см и 1,0—1,6 см). Роговые и железные цилиндры найдены в 11 погребениях, причем в двух из них найдено по два, а в одном — три цилиндра (см. табл.). В семи комплексах они встречены вместе с наконечниками стрел. В захоронениях цилиндры лежат там же, где и наконечники стрел: у колена погребенного справа (4 погребения), у бедра (1 погребение), в йогах (2 погребения), на животе (1 погребение), на груди или у плеча справа (3 погребения). В тех комплексах, где цилиндры встречены вместе с черешковыми наконечниками стрел, они почти всегда положены вместе.

Обычный набор вещей в мужском погребении могильника Нефедьево включал нож, топор, один или два наконечника стрел, кресало с кремнем, резе — шило и металлические детали пояса. Из 33 топоров, найденных здесь, лишь четыре могут быть атрибутированы как боевые, а среди 36 черешковых наконечников стрел отсутствуют граненые бронебойные. Этот набор вещей можно рассматривать скорее как походное снаряжение мужчины, занятого лесными промыслами, чем как боевое снаряжение воина. По частоте встречаемости цилиндры, найденные в 11 погребениях, уступают лишь ножам, топорам и наконечникам стрел, что безусловно свидетельствует о их важности в наборе «мужских» вещей. По мнению охотоведа В. Барщевского, они могли использоваться для охоты на крупного пушного зверя, прежде всего на бобра, промысел которого возможен в любое время года. Использование их для охоты на белку или куницу маловероятно — наконечники слишком велики для этого.

В Нефедьево томары встречены в погребениях мужчин всех возрастов: от юношей 20—22 лет, до лип старческого возраста. Пять из этих погребений датированы XI в., шесть — XII в. Весьма существенно, что пушная охота практиковалась мужчинами из «нефедьевской» группы с самого начала переселения их на новую территорию. Железный цилиндр и костяной черешковый наконечник стрелы найдены в древнейшем мужском погребении — погребении 19, относящемся к нерпой половине XI в. Поскольку цилиндры найдены примерно в трети всех ненарушенных мужских погребений, есть основания считать, что промысел пушного зверя с помощью лука и стрел, оснащенных томарами, имел в Нефедьево массовый характер.

Концентрация томаров в Нефедьево во многом объясняется особым положением небольшой группы колонистов, оставившей этот могильник. Продвинувшись далеко на восток Белозерья, она долго оставалась передовым отрядом колонизационного движения, обладая исключительно благоприятными возможностями для охоты на незаселенных территориях, простиравшихся на восток вплоть до верховий Сухоны. Видимо именно пушная охота являлась основным источником их благосостояния, выразившегося в исключительно богатом уборе женских погребений XI — первой половины XII в.

На севере Руси Нефедьево не единственный могильник с находками томаров цилиндрической формы в мужских погребениях. Железный цилиндр был обнаружен вместе с черешковым наконечником стрелы в одном из погребений могильника Никольское III на севере Белозерья¹⁰. Несколько комплексов с костяными (или роговыми) и железными цилиндрами известны в Юго-Восточном Приладожье¹¹. Вполне вероятно, что эти предметы, в особенности роговые цилиндры, не всегда сохраняются в погребениях и не всегда фиксировались во время раскопок. Тем не менее, единственная находка цилиндра в могильнике Никольское III, где исследовано более 70 погребений, показывает, что даже на Белозерье практика охоты на пушного зверя с помощью стрел, оснащенных цилиндрическими томарами, была неодинаково распределена среди различных коллективов.

Окончательную атрибуцию роговых цилиндров как наконечников для охотничьих стрел позволила сделать пахолка, обнаруженная при раскопках в Новгороде. Целая охотничья стрела обнаружена в августе 1992 г. при работах на Троицком X раскопе. Находка залегала на уровне 11 пласта (глубина 200—220 см), в квадрате 1134. Стрела находилась рядом с внутренней стороной бревна западной стены сруба 118, который отнесен к 23 строительному ярусу. Для этого яруса пока нет точных дендрохронологических дат, однако предварительно существование сруба № 118 можно датировать началом XII в. Размеры постройки составляют 3,5х3,5 м. В ней нет никаких следов печи или очага и ее следует, вероятно, рассматривать как сооружение хозяйственного назначения.

Стрела залегала в плотном темно-коричневом гумусированном слое. Она вплотную прилегла к стене сруба с внутренней стороны и была ориентирована вдоль нее. Вероятно изделие оказалось под полом постройки, благодаря чему и сохранилось целиком.

Стрела состоит из двух частей: деревянного древка и рогового наконечника. Древко было целым, однако при извлечении находки из культурного слоя по недосмотру рабочих оно было повреждено и сломано на четыре части. Длина обломков (считая от ушка) — 13,0; 8,0; 35,5 и 19,2 см. Они хорошо стыкуются по местам разломов. Длина всей стрелы составляет 75,7 см (рис. 2).

Древко представляет собой прямой, круглый в селении и хорошо оструганный деревянный стержень, гырезанный на сосны. Его диаметр у ушка 0,6 см. Двигаясь к наконечнику, древко постепенно расширяется до 1,0 см, а в месте его сочленения с наконечником диаметр составляет 1,1 см. Этим расширением создан упор, который не позволяет наконечнику двигаться дальше по древку. Под втулку наконечника диаметр древка заужен до 1,0 см. Размер этой части древка совпадает с длиной наконечника и равен 4,3 см. На конце стержня имеется продольный раскол глубиной 2,7 см. Он сделан для того, чтобы насаженный на древко наконечник можно было плотно закрепить при помощи вогнанного в раскол деревянного или металлического клина. Никаких следов подобного клина в стреле обнаружено не было. По верхнему, наиболее широкому краю древка, которая примыкает к наконечнику, вырезан орнаментальный поясик общей шириной 2,8 см. Он состоит из 3 крестообразных насечек, разделенных двойными врезными кольцевыми линиями, сплошными или прерывистыми.

На тыльном конце древка вырезано ушко для тетивы. Его глубина 0,5 см, ширина 0,6 см. На древке близ ушка нет никаких следов крепления оперения. Вполне вероятно, что некоторые стрелы для охоты на пушного зверя могли использоваться и без оперения. Цилиндрический роговой наконечник станке. Его длина 4,3 см. Диаметр тыльной стороны 1,7 см, двигаясь к верхнему рабочему краю он расширяется до 2,4 см. Верхний край слегка выпуклый, нижний — плоский. Диаметр сквозного канала 1,0 см. Толщина стенок изделия 0,3 — 0,7 см. Наконечник орнаментирован врезными кольцевыми одноопкыми и строенными линиями, которые делят его поверхность на три зоны (рис. 3).

Вполне возможно, что рассматриваемая находка изготовлена в Новгороде. О том, что в Новгороде делали стрелы повествует былина о Дюке Степановиче:

«А и еще есть во колчане три стрелы,
А и тем стрелам цены нет,
Цены не было и не сведомо.
Потому тем стрелкам цены не было, —
Колоты оне были из трость-древа,
Строганы те стрелки во Нове-городе,
Клеяны оне клеем осетра-рыбы,
Перены оне перьям сиза орла...»;

Роговой наконечник на древке не был закреплен клином, что может свидетельствовать о незавершенности изделия. В срубе № 118 Троицкого Х раскопа вполне могли заниматься обработкой деревянных заготовок, изготовлением древков и сборкой стрел.

Кстати заметим, что на этой же усадьбе, в непосредственной близости от стрелы, в 1990 г. в слое второй четверти XIII в. была обнаружена еще одна уникальная находка — целый охотничий лук из дуба 13. На луке не было ни костяных накладок, ни следов их крепления, что может свидетельствовать о его незавершенности.

Выходя за рамки древнерусских материалов следует прежде всего отметить значительную серию костяных (или роговых) цилиндров, собранных на средневековых памятниках Волго-Камья. Во многих публикациях назначение их никакие оговорено, но в некоторых случаях они атрибутируются как томары, впрочем без какой-либо аргументации.

Четыре подобных предмета, происходящих из Северной Скандинавии, опубликованы И. Захриссон. По размерам, форме и орнаментации они совершенно идентичны наконечникам из Новгорода и Нефедьева. Три предмета найдены на поселениях в Иурланнс, Ставе и Вестватне на севере Норвегии и датируются XI—XII вв., четвертый происходит из древнейшего саамского погребения по обряду ингумации в Гуф,ебер-гете (Шведская Лапландия). Комплекс вещей и радиоуглеродный анализ датируют это погребение XIV—XV вв. На всех скандинавских находках хорошо заметны продольные надрезы на боковой поверхности, которые, по мнению финского этнографа К. Вилкуны, заставляли стрелу вращаться в полете. Атрибутируя скандинавские находки как наконечники стрел для пушной охоты И. Захриссон ссылается на западносибирские аналогии — коллекцию остяцких стрел, оснащенных костяными (или роговыми) наконечниками, собранную в 1900 г. на Оби и хранящуюся в Национальном музее в Хельсинки. Сходство остяцких наконечников со скандинавскими и, добавим, с новгородскими и нефедьевскими, действительно очень велико. И. Захриссон полагает, что эти наконечники использовались для охоты на белку¹⁴.

И. Захриссон остались неизвестны точно такие же стрелы с роговыми наконечниками, находящиеся в экспозиции Национального музея в Будапеште, и относящиеся к несколько более раннему времени — XIII в.

Сибирские аналогии древнерусским наконечникам из рога не ограничиваются только нижеобским регионом. Подобные предметы в большом количестве представлены в поздне-средневековых памятниках Якутии, в материалах XIV—XVI и XVII—XVIII вв. Наконечники из Якутии как правило имеют не усеченно-коническую, а цилиндрическую или биконическую форму, но орнаментация их точно такая же, как у древнерусских, скандинавских и остяцких наконечников.

Бликие предметы овальной формы найдены в комплексе 20-х годов XVII в. на острове Фаддея и в слоях XVI—XVII вв. в Мангазе. Издатели памятника интерпретировали их как части наконечников стрел сложной конструкции, состоящих из рогового навершия и вставлявшегося в него железного наконечника стрелы¹⁵. Подобная интерпретация этих вещей возможна, однако необходимо отметить, что лишь внутри одного навершия, как пишут издатели, находился обломок железного черешка стрелы. Вполне возможно, что это не часть стрелы, а клин для фиксации навершия на древке. Остается неясным и конструктивный смысл сложных наконечников. Нам представляется, что часть овальных роговых предметов с продольным отверстием из Мангазеи использовалась без железной части и должна быть атрибутирована как томары.

И. Захриссон, публикуя скандинавские находки, отметила что стрелы с тупым наконечником использовались как оружие для охоты на пушного зверя на всей территории Северной Евразии — от Скандинавии до Чукотки. Ареал роговых цилиндров со сквозным отверстием оказывается весьма обширным, их невозможно связать с каким-либо одним относом или одной культурой. Важно однако заметить, что в Фешюскапдин эти предметы использовались лишь саамами — той частью финно-угорского населения, которая в минимальной степени испытала на себе влияние германских культур. Симптоматично, что в обширной коллекции охотничьих стрел, собранной в горных районах на юге Норвегии (на ледниках в Опдалс), представлены цельнодеревянные стрелы с тупым концом, но нет ни одной с цилиндрическим роговым наконечником¹⁶. Этот охотничий район использовался норвежцами, а не саамами. Создается впечатление, что в Северной Европе эти предметы должны рассматриваться как свидетельства старых связей с Восточной Европой и Уралом. В археологической литературе, посвященной оружию и охотничьему снаряжению, термин «томар» используется для обозначения костяных наконечников стрел любых форм и ти пов, обычно втульчатых, но иногда и черешковых. Подобное употребление этого слова входит в противоречие с материалами большинства словарей. Согласно И. И. Срезневскому, В. И. Далю, М. Фасмеру и «Словарю церковнославянского и русского языка», «томар», «томарка» — это стрела с костяным тупым наконечником для охоты на мелкого пушного зверя¹⁷. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона томарами названы тупоконечные стрелы, как цельнодеревянные, так и оснащенные костяными наконечниками¹⁸. Таким образом, следуя словарям, термин «томар» должен относиться к цилиндрическим наконечникам из рога и кости, о которых идет речь в настоящей публикации, а также к цельнодеревянными тупоконечным стрелам, хорошо известным по раскопкам в древнерусских городах с влажным культурным слоем.

1 Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок, Л, 1931. С. 1С9. Рис. 86, 3. - Голубева Л. А., Кочкуркии С. И. Белозерская весь (По материалам поселения Крутик IX—Xвв.). Петрозаводск, 1991, С. 94. Рис. 40, 7; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 87, 88. Табл. 9

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(27\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Стили "Эклектико-студио"](#)

Дизайн интерьеров, текстильные решения, элементы декора...

www.eclectico.ru · Москва

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.

www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

7/93

Приказная палата 17 века в Новгородском кремле

К вопросу о месте расположения и возможности сохранения ее остатков в подвальной части Присутственных мест

Л. А. Секретарь

В научно-популярной литературе послевоенных лет утвердилось мнение о том, что в подвальной части здания музея (бывших Присутственных мест) сохранились остатки приказной палаты XVI—XVII вв. 1. При этом авторы не подтверждают высказанное мнение ни результатами натурных исследований, ни документальными источниками. Нам представляется, что подобное утверждение не является таким уж бесспорным и требует серьезной аргументации.

Мы выскажем иную точку зрения, отличную от указанных выше авторов, и попытаемся обосновать ее на основе известного нам картографического и документального материала.

В первую очередь, следует полностью снять вопрос о постройке XVI в. В XVI в. приказная палата (в то время ее называли «дьячая изба») была деревянной. Она стояла вблизи от церкви Входа в Иерусалим, т. е. в северной части Детинца². Первое каменное здание приказной палаты было выстроено в 1670—71 гг. при новгородском воеводе князе Дмитрие Алексеевиче Долгорукове по указу царя Алексея Михайловича.³

Вывод о том, что государева приказная палата впервые в 1670—71 гг. была выстроена в камне, подтверждается документом 1681 г. 4. Это докладная записка воеводы И. А. Хованского и дьяка Мины Грובה государю. После осмотра городских укреплений воевода и дьяк

писали, что было бы лучше не чинить постоянно деревянный окольный город на Софийской стороне, а возвести новый каменный город. И как аргумент в пользу возведения каменных стен и башен воевода с дьяком привели следующий факт: «...Великом Новгороде построено вновь от прежних лет каменного дела Приказная палата и Пушечный двор, и о тех прежних делах весь мир благодарствует».

Где же построили каменную приказную палату? Как можно судить по вновь обнаруженному документу 1698—99 гг., она помещалась рядом с пушечным двором в связи с ним, состав-ляя единый архитектурный комплекс.

Для доказательства приведем следующий контекст: «В каменном городе двор пушечный, около двора стена каменная, крыта на обе стороны тесом. Да у того же пушечного двора сделаны на правой стороне караульня по три сажени с двумя вершки, да с левой стороны караульни и с сенни в длину семь сажен, подле той караульни зделана пушкарская палата и с сенни в длину пять сажен с четвертью, приделано к прежней палаты, а та палата в длину шесть сажен с полуаршином, и те все три палаты покрыты тесом, и от той палаты зделана стена каменная до приказной палаты, в той стены двои ворота, одне болшие створчатые, другие меншие с калиткою, накрыты те ворота бочками каменными и обиты чешуею.6

Данный контекст становится понятным при внимательном рассмотрении изображения Детинца на иконе, происходящей из церкви Михаила Архангела на Прусской улице (так называемой Михайловской иконе).7

Рядом с Пречистинской башней (к югу от нее) изображен комплекс построек в форме каре. На основе планов Новгорода пер. пол. XVIII в. он легко идентифицируется с пушечным двором. Пушечный двор застроен с трех сторон. С западной стороны он ограничен каменной стеной с двумя воротами, крытыми бочками. Ограда объединяет северную линию застройки пушечного двора и протяженное здание, примыкающее к пушечному двору с юго-запада, которое, как явствует из текста, и является приказной палатой. Автор, описывая пушечный двор, представлял всю ситуацию как бы стоя перед главными воротами в каменной стене.

Приказная палата представляла собой двухэтажное сильно вытянутое с востока на запад здание, перекрытое двускатной кровлей. К основному объему с севера примыкало перпендикулярно каменное крыльцо, крытое шатром, — типичная черта архитектуры XVII в. К южному фасаду под прямым углом примыкал узкий объем, который объединялся с основным объемом каменной стеной.8

После отмены при Петре I в 1720-х гг. приказной системы, приказная палата была преобразована в «губернскую», а затем в губернскую канцелярию, что нашло отражение на планах Новгорода 1720—1760-ых гг. Но в сравнении с приказной палатой, изображенной на Михайловской иконе, здание губернской канцелярии на планах XVIII в. показано значительно короче. В связи с этим возникает вопрос, не было ли перестроено здание приказной палаты в пер. пол. XVIII в. Ситуацию проясняет подробное описание пушечного двора и губернской канцелярии (с размерами), сделанное в 1745 г. московским архитектором А. П. Рославлевым в связи с необходимостью ремонтно-восстановительных работ,9 и неопубликованный чертеж, подписанный петербургским архитектором А. Вистом10). Чертеж не датирован, но, как можно предполагать, выполнен после 1745 г. Это проект перестройки старого здания губернской канцелярии, которое к тому времени требовало капитального ремонта. Судя по описанию А. Рославлева в аварийном состоянии находилась восточная стена, в сводах и стенах здания образовались трещины («седины»), требовалась полная замена столярки.

Сравнение подробной описи губернской канцелярии А. Рославлева с изображением приказной палаты на Михайловской иконе и чертежом А. Виста позволяет сделать вывод, что к середине XVIII в. здание приказной палаты сохранилось, хотя и не в полном объеме.

Идентифицировать приказную палату, изображенную на Михайловской иконе с губернской канцелярией, зафиксированной на чертеже А. Виста, позволяют следующие характерные особенности постройки:

1. Разбивка восточного фасада, обращенного на пушечный двор, на три оконных оси.
2. примыкание к южному фасаду узкого выступающего объема и каменной ограды, объединяющей основной объем с выступающей частью и образующей замкнутый двор.
3. Примыкание к северному фасаду большого крыльца развернутого перпендикулярно к зданию

На чертеже Виста крыльцо показано пунктирными линиями, т. к. оно предназначалось к разборке. Но в отличие от изображения на иконе, крыльцо на чертеже обозначено не в центре, а у западного угла здания. Это отличие позволяет заключить, что западная часть здания к 1745 г. по какой-то причине была разобрана.

Четко обозначенные на планах А. Виста размеры старой части здания, количество и размеры помещений совпадают со словесным описанием губернской канцелярии, составленным в 1745 г. А. Рославлевым. Идентична длина здания — 17 саж. 1 аршин, ширина и длина флигеля (выступающей части здания) — 7 аршин x 5 сажений. Флигель, судя по описанию, сообщался с главным зданием. Вход во флигель осуществлялся из секретарской палаты, которая занимала восточное помещение, как следует из описи и как показано на чертеже. Зафиксированная; на чертеже каменная стена, объединяющая флигель и главное здание также упоминается в описи 1745 г. «да назади у оной губернской канцелярии огорожено каменной стеной и на ней нарублено деревом...».11

Опись содержит интересные подробности, которые дополняют представление об архитектурном облике постройки.

Становится известно, что помещения обоих этажей («апартаментов-1) имели сводчатые перекрытия. Крыльцо представляло собой широкую площадку с более узким лестничным переходом, устроенным на столбах. Здание обогревалось изразцовыми и простыми кирпичными печами. Временные перегородки устроены были из досок, сверху которых устанавливались балюстрады точеные». Полы в некоторых помещениях выстланы из кирпича.

Были ли воплощены в жизнь рекомендации Л. Рославлева, касающиеся главным образом инженерного укрепления здания, (разборки восточной стены и ее замены, разборки некоторых внутренних стен, заделки трещин в сводах и т. д.), а также проектные предложения А. Виста, остается неизвестным. Во всяком случае, в 1766 г. был составлен проект нового здания губернской канцелярии. Проектные чертежи подписаны петербургскими архитекторами С. Волковым и П. Шпекле.¹²

И наконец, последним и важным является решение вопроса с возможности включения остатков приказной палаты в структуру здания бывших Присутственных мест, возведенных в 1783—86 гг.

Нам представляется, что постройка XVII в. не могла быть включена в состав вновь возведенного в XVIII в. здания. Такой вывод позволяют сделать следующие факты.

1. На генеральном плане застройки Новгорода 1778 г. пушечный двор и губернская канцелярия отмечены пунктирными линиями.¹³ Таким образом они предполагались к разборке. Очертания их совпадают с планами 1746 и 1750-х гг. При строительстве Присутственных мест на плане обозначены две территории. Одна из них показана на границе со старым зданием губернской канцелярии к югу от него. Это совпадает с существующей ныне ситуацией.
2. На поэтажных планах А. Виста никакой палаты не обозначено. А, как известно, основным аргументом в пользу мнения о включении в состав Присутственных мест приказной палаты является именно существование в центральной части полуподвала одностолпной палаты.
3. Как можно судить по обмерным чертежам И. Жигалова, выполненным в 1800 г., в полуподвальном этаже существовало несколько одностолпных палат: в центральной части основного объема, в центральном выступающем объеме и в северо-западном помещении основного объема.¹⁴
4. В 1784 г., когда осуществлялось строительство второго корпуса для Присутственных мест (они строились «сплошной фасадой» в два строительных сезона), здание губернской канцелярии еще существовало.¹⁸ В нем размещались уголовная и гражданская палаты. Старое здание разобрали, вероятно, вскоре после возведения второго корпуса, куда бы ли перемещены уголовная и гражданская палаты. Во всяком случае, на плане Кремля В. Поливанова, выполненном до 1809 г., это здание не отмечено.
5. Перед началом строительных работ в 1783 г. Закупался различный материал, в том числе, булыжник и плита для возведения фундамента здания.

Остатки приказной палаты таким образом следует искать за пределами Присутственных мест к северу от него. План Новгорода 1746 г.). В одной связи с пушечным двором у юго-западного угла его неизменно фиксируется «губернаменская» (на планах 1720—30-ых гг.) или губернская (на плане 1746 г.) канцелярия.

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Этно-культурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья

И. В. Исланова

Проблемы характера и этапов славянского расселения на Северо-Западе лесной зоны Восточной Европы длительное время являются объектом пристального изучения историков и археологов. Решение этих вопросов тесно связано с выяснением культурной и этнической основы, на которой в дальнейшем происходит сложение Северной Руси. Современные концепции опираются в основном на материалы погребальных памятников второй половины 1 тыс. н. э. (грунтовые могильники с сожжением, насыпи культуры длинных курганов и культуры сопок). В зоне строительства Калининской АЭС в 1979 г. и с 1984 по 1989 гг. экспедициями и отрядами Института археологии РАН была стационарно исследована серия сельских поселений, материалы с которых позволяют несколько по-иному взглянуть на проходившие культурные процессы в 1 тыс. н. э. на участке Волго-Балтийского водораздела.

Удомельское Поозерье — озерный край, лежащий северо-восточнее Вышнего Волочка- Почвенный состав и характер рельефа здесь определяют отроги Валдайской возвышенности — Удомельско-Лесная гряда. В эпоху раннего железа в конце 1 тыс. до н. э. — начале 1 тыс. н. э. Удомельское Поозерье входит в обширную зону распространения сетчатой керамики и дьяковских грузиков. Материальная культура близка дьяковской, и возможно, представляет ее вариант (материалы городища Юрьевская Горка и нижнего слоя селища Курово 2). На втором этапе железного века, во второй четверти — середине 1 тыс. н. э., при сохранении элементов предшествующего

времени (дьяковские грузики), происходит довольно резкое изменение керамического набора. На селище Троица I преобладает посуда из плотного керамического теста с мелкими примесями, с хорошо заглаженной, иногда лощенной, поверхностью. Для керамических форм характерно наличие высокой прямой или слабо изогнутой шейки, короткого, часто в виде бортика, плечика. В инвентаре появляются пластинчатые кресала. Судя по керамическому и вещевому материалу, на втором этапе происходит культурная переориентация с районов западной части Волго-Окского междуречья на районы Верхнего Поволжья и Верхнего Поднепровья. В гидро- и топонимии явственно прослеживается прибалтийско-финский языковый пласт (р. Кеза, оз. Кезадро, р. Тихомандрица, оз. Кубыч, оз. Лосатынь), скорее всего относящийся к первой половине 1 тыс. н. э.

Многочисленные подвижки населения в южных областях Восточной Европы во второй и третьей четверти 1 тыс. н. э. отозвались в этнокультурной ситуации Удомельского Поозерья. Здесь фиксируется новый Удомельский тип памятников, ярко представленный материалами поселения и могильника Юрьевская Горка. Появление новой или новых групп населения прослеживаются по массовому материалу, явно изготовленному на месте. Это глиняные, прежде всего, биконические пряслица и сосуды стройных пропорций с наибольшим расширением в верхней трети, округлым туловом, положим плечиком, небольшой шейкой, боченковидные и горшки с ребром в месте перехода от плечика в конусовидное тулово. Отмечается многообразие в приемах домостроительства. Среди построек выделяется полуземляночное жилище с печью-каменкой з углом и полуземляночные хозяйственные постройки. Вещевой набор характеризуется отсутствием находок дьяковских грузиков. Погребальный памятник представлен грунтовым могильником с сожжением на стороне. Остатки кремации с единичным инвентарем помещались в округлые ямки, выкопанные сразу под дерном. Особенность обряда — обмазка пенок ямки глиной или забутовка сверху кусками обожженной глины.

Одновременно на Юрьевской Горке отчетливо фиксируются местные финские элементы, корни которых лежат в предшествующих, древностях. Это ряд керамических форм: банковидные, мисковидные и поронковидные горшки, сосуды с высокой шейкой и коротким плечиком, находки обломков бронзовых шумящих украшений и глиняной фигурки животного. Остаются не ясными причины ориентированности некоторых вещевых находок на Балтийские древности и, прежде всего, на земли западных балтов (наконечник дротика, звенья трехчастных удил, пряжка с расширением язычка). Судя по отдельным типам керамики и инвентаря (высокие слабопрофилированные сосуды и ребристые низкие горшки?, бронзовые обоймица и спиралька), нельзя отрицать связь с древностями КДК псковско-новгородской или боровичской группы. С одной стороны, это могли быть контакты с живший по соседству населением (ближайшие насыпи КДК лежат в 12 км южнее Удомли). С другой стороны — источником появления культурной близости между КДК и Удомельским типом мог являться присутствовавший в этих древностях один и тот же славянский? компонент. По керамике и основной массе инвентаря, приток нового населения в Удомельское Поозерье прослеживается откуда-то с юго-запада, возможна связь с раннеславянскими древностями типа Корчак, Банцеровщина, Колочин, Волынцево. В целом, новые группы населения были ранне-славянскими, а местное прибалтийско-финское население регион не покидает. Удомельский тип памятников заполняет территориальную и хронологическую лакуну, существующую в результате нестыковки ранее известных в лесной зоне памятников КДК псковско-новгородской группы и сопок: насыпи КДК появились на три-четыре века раньше сопок, размещение тех и других — чересполосное.

В конце 1 тыс. н. э. потепление климата и понижение уровня водоемов привело к перемещению поселений на приозерные участки. Однако, коренных изменений в ландшафтной и почвенной приуроченности не произошло, по сравнению с населенными пунктами третьей четверти 1 тыс. н. э. Культура сопок Удомельского Поозерья — генетически связана с предшествующим периодом. Об этом свидетельствуют сохранившиеся традиции в изготовлении массового материала: лепной посуды (горшки баночной и хорошо профилированной формы, некоторые варианты высоких и низких сосудов с ребром в верхней трети, слабопрофилированные горшки) глиняных биконических пряслиц; в относительно простой технологии железных ножей и элементах домостроительства (наземные постройки со сдвоенными ямами в материке, одна из которых подпечная, другая — хозяйственная). Одновременно явственно фиксируется приток новых групп населения по Мете и Съеже из районов Приильменья и Поволховья, и намечается культурная ориентированность памятников (селище Бережок, Троица 1, Курово 2, Курово 3), в целом, на Балтийский регион. Об этом свидетельствуют многочисленные находки стеклянных бус и бисера, железные ножи в технике трехслойного пакета, наконечники стрел и дротика, некоторые типы посуды (каннелированные горшки, ребристые банки, варианты высоких и язких ребристых сосудов). Через Удомельское Поозерье, лежащее на одном из ключевых водораздельных участков, проходит один из торговых путей из Новгорода на Волгу и в Бежецкий Верх. В конце 1 тыс. н. э. регион входит в состав Новгородской земли.

Раскопки сопки Мерлугино позволяют говорить о сходстве внутренней структуры высоких насыпей Удомельского Поозерья с сопками иных районов: многоэтапность, каменные конструкции, захоронение по обряду сожжения на стороне в верхней части насыпи. При этом, раскопанная сопка оказалась не столько погребальным, сколько культовым сооружением, своеобразным древним «храмом», возобновлявшемся путем досыпок, увеличиваясь в высоту, причем на каждом из этапов возводились культовые конструкции. Этно-культурная проблематика небольшого региона тесно связана с общими вопросами славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы. У большинства исследователей не вызывает сомнения, что ареал культуры сопок фиксирует особую этническую общность — летописных «новгородских словен». 1 Возникновение культуры сопок и собственно причины появления высоких насыпей остаются слабо разработанными вопросами в раннесредневековой археологии. 2 В последнее время исследователи склонны связывать сооружение сопок с

социальными изменениями, а территорию первоначального появления высоких насыпей — со Старой Ладогой. ¹ Источником новой волны населения, послуживший толчком к формированию культуры, склонны искать в западнославянских землях.⁴

Результаты работ в Удомельском Поозерье позволяют несколько по-иному охарактеризовать процессы, проходившие в последней четверти 1 тыс. н. э. Не отрицая перемещений отдельных славянских групп и влияния КДК (борович-ская группа), можно предположить, что формирование культуры сопок, по крайней мере на рассматриваемой территории, проходило все-таки на месте. Основным ядром новой культуры явилось население (славянское и финское), оставившее памятники третьей четверти 1 тыс. н. э. Удомельского типа, возникших в тех ландшафтных зонах, которые впоследствии будут заняты сопками

Такая схема подтверждается преемственностью культурных элементов между поселениями Юрьевская Горка и Бережок, раскопанными широкой площадью. Наиболее рельефно этот процесс фиксируется по развитию ребристой посуды, ставшей типичной для культуры сопок и получившей название керамики «ладожского типа»: третья четверть 1 тыс. н. э. (Юрьевская Горка) — последняя четверть — конец 1 тыс. н. э. (сопка Мерлугино, селища Бережок и Курово 2) — начало II тыс. н. э. (селище Курово 3). Возможно, следами схожих процессов культурной трансформации являются выявленные А. В. Плоховым две группы керамики на сопочных поселениях в бассейне Ловати, в Приильменье и Помостье.⁵

Не исключено, что культурные изменения, связанные с несколькими волнами нового славянского населения во второй половине 1 тыс. н. э., могли отразиться в гидро- и топонимии Удомельского Поозерья. Здесь прослеживается интересная особенность: концентрация на площади 15X25 км названий с эпентетическим «л» (оз. Удомля, оз. Котемля, оз. Большая Кжемля, оз. Малая Кжемля, д. Кжемля, д. Гадомля, бывш- д. Окжемля.). В ближайших окрестностях Мстинско-Моложского междуречья известно еще 9 названий на -ль/ля. Основная масса наименований — это славянское оформление иноязычной основы или целиком, славянские (сообщения Р. А. Агеевой).

Так как ойконимы позднего происхождения здесь отсутствуют, то вполне допустимо связывать указанные гидро-и топонимы с праславянским диалектным явлением, появившимся с V—VI вв. Следовательно названия на -ль/ля в Удомельском Поозерье предположительно могут отражать проникновение раннеславянских групп и их взаимодействие с местным населением, что фиксируется по археологическим материалам третьей четверти I тыс. н. э.

1 Седов В. В. Новгородские сопки. САИ. Вып. EI-8. М., 1970.

С. 29—33; Носов Е. Н. Новгородская земля IX—XI вв. Автореферат диссертации... докт. ист. наук. СПб, 1992. С. 11—12.

2 Седов В. В. Новгородские сопки... С. 33.

3 Конецкий В. Я. К изучению социальных структур славянского населения Приильменья в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 128.

4 Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 66.

5 Плохов А. В. Лепная керамика Центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 120—122.

6 Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. С. 174—176.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции 7/93

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогге: социокультурная позиция в «блоке» погребальных традиций Северного Поволховья

Н. И. Петров

- ...Это неправильная могила, — сказал я.
— Если вдуматься, так все могилы неправильные, — сказал он.
— Нет, — сказал я. — Есть могилы правильные и неправильные, все равно как умереть можно вовремя и не вовремя.
Рэй Брэдбери. Машина до Килиманджаро.

Разнообразие погребальных традиций населения Северного Поволховья в эпоху раннего средневековья не раз отмечалось исследователями. Очевидной представляется их связь с различными этносоциальными группами, и качестве одной из наиболее ярких иллюстраций подобного различия можно, пожалуй, рассматривать покос «противостояние» курганного могильника в урочище Плакун, являвшегося в 860-х—950-х гг. 2 местом захоронения представителей военно-административного аппарата княжеской власти, и монументальных погребальных насыпей, связанных с местной племенной верхушкой, — сопок. При этом, важно отметить, что проблема изучения соотношения различных погребальных традиций (и, соответственно, их предметного воплощения — погребальных

сооружений) зачастую непосредственно связана с необходимостью выявления их этносоциальной/ социальной «приуроченности». «Тенденция к упорядочению обрядности, — справедливо заметил В. Я. Петрухин, — связана с формирующим влиянием социальной структуры на погребальный культ». 4 Это обстоятельство вызывает, в свою очередь, необходимость выделения «социологически детерминативных типов ритуала». 5 Определение позиции каждого такого типа в том или ином территориально-хронологическом «блоке» погребальных традиций в целом дает возможность реконструкции структуры их соотношения.

В рамках отмеченного выше «противостояния» курганного могильника в урочище Плакун и сопки, расположенных в ближайшей округе Старой Ладозы, чрезвычайно любопытной представляется позиция сопковидной насыпи близ урочища Плакун (рис. 1, раскопки В. А. Назаренко 1971 г., Е. Н. Носова 1972—1973 гг.). Подробная публикация результатов раскопок⁶ дает возможность предельно кратко остановиться здесь на основных особенностях данного погребального сооружения.

Основой для возведения сопковидной насыпи послужил уплощенный, овальный в плане курган, содержащий три погребения IX в. по обряду трупосожжения на стороне (рис. 3). Курган был сооружен по принципу горизонтально-вертикального сочленения нескольких секций, каждой из которых соответствовало одно погребение. 7 Е. Н. Носов справедливо, на мой взгляд, включил первоначальную погребальную насыпь в этносоциально-топографический «контекст» курганного могильника в урочище Плакун, несмотря на ряд «ярко выраженных индивидуальных черт», отличающих ее от «всех прочих скандинавских курганов Плакуна». Впоследствии на месте первоначального кургана была возведена насыпь высотой около 6 м, в верхней части которой располагалось погребение-труположение на помосте из корабельных досок, сопровождавшееся богатым инвентарем и захоронением двух коней

Однако, важно отметить, что сам по себе процесс («технология») строительства высокой насыпи близ урочища Плакун однозначно соотносится с «технологией» возведения сопок — наращивание высоты погребального сооружения производится за счет периодического насыпания кольцевых или полукольцевых (подковообразных) валиков с последующим заполнением грунтом пространства внутри очередного валика. Подобный процесс возведения сопок не раз фиксировался в ареале их распространения, в том числе — в Северном Поволховье. Наличие аналогичных конструктивных элементов в рассматриваемой сопковидной насыпи маркировано прослеживаемыми в размерах сегментовидными в сечении прослойками коричневой глины, иногда — с гумусными включениями. Данное обстоятельство (с учетом размеров погребального сооружения) не позволяет выносить, по крайней мере, «технологический» аспект позиции последнего за пределы собственно сопочной традиции.

С другой стороны, бесспорной представляется связь погребенных в сопковидной насыпи с этносоциальной группой населения Ладозы, оставившей курганный могильник в урочище Плакун: речь идет о «ладожско-новгородской Руси, возглавляемой Рюриком и Игорем-Олегом». 17 Таким образом, в первом приближении можно говорить о некоей «промежуточной» позиции сопковидной насыпи, занимаемой ею по отношению к погребальным традициям воплощенным в курганах Плакуна (сходный этносоциальный статус погребенных), с одной стороны, и в сопках Северного Поволховья (сходная «технология» возведения) — с другой.

Конкретизация рассматриваемой позиции данного погребального сооружения, на мой взгляд, напрямую связана с чрезвычайно перспективной возможностью сопоставления сопковидной насыпи и курганного могильника в урочище Плакун с тенденциями развития собственно скандинавских погребальных традиций IX—X вв. Правомерность подобного сопоставления вряд ли может вызывать сомнения. Стоит, однако, подчеркнуть, что речь здесь может идти лишь о сопоставлении тенденций развития погребальных обрядов; региональная историко-культурная специфика Северного Поволховья исключает возможность поиска каких-либо однозначных соответствий.

«Социологически детерминативным типом ритуала» в Скандинавии IX в. выступают, по Г. С. Лебедеву, погребения по обряду трупосожжения на месте в ладье, с захоронением останков в урне или на кострище под курганной насыпью (иногда с каменной оградкой по основанию) с сопровождающим погребальным инвентарем (тип Vi-2). По мнению исследователя, подобные захоронения отражают погребальный обряд «новых общественных сил» — дружин викингов. 18 Данному типу скандинавских погребений полностью соответствует значительная часть курганов, исследованных в урочище Плакун. 19 Помимо чисто типологического и хронологического соответствия, очевидным представляется и соответствие этносоциального «статуса» рассматриваемых погребальных сооружений. Однако, гораздо более любопытным, в рамках подобного сопоставления, является труположение в верхней части сопковидной насыпи. Типологически данное погребение (вне связи с погребальным сооружением в целом) безусловно соотносится лишь со скандинавскими погребениями типа F — труположениями в камере со специальным уступом для захоронения верхового коня, часто — с сопровождающим женским погребением, под курганной насыпью, с разнообразным погребальным инвентарем. Появление подобной традиции в Скандинавии относится к X в. 20 На опубликованном Г. С. Лебедевым схематическом разрезе погребения типа F умерший находится в сидячем положении (рис. 2). 21 В связи с этим необходимо отметить, что, по подсчетам исследователя, известно «примерно равное число достоверных случаев» захоронений в положениях «сидя» и «лежа» среди погребений данного типа. Однозначное же определение положения захоронения умершего в верхней части сопковидной насыпи близ урочища Плакун в силу чрезвычайно плохой сохранности погребения не представляется возможным

С другой стороны, совершение данного погребения на помосте из корабельных досок (борт ладьи?) связывает его и с иной скандинавской традицией — труположением в ладье в грунтовой могиле, с сопровождающими захоронениями лошадей и собак, инвентарем (тип Vg). Этот тип погребений также получает распространение в Скандинавии в X в.. При этом важно отметить тесную связь,

прослеживаемую между данными типами — F и Bg. По мнению Г. С. Лебедева, подобная ситуация в развитии погребальной обрядности X в. связана с тем, что «на основе слияния нового слоя вооруженного населения со старыми «династиями» образуется особая, вероятно господствующая группа». Традиция погребений в камерных могилах (тип F) выступает при этом в качестве «социологически детерминативного типа ритуала» для поздней стадии эпохи викингов (X—XI вв.) и соотносится с королевскими дружинами, формирующимися на основе дружин викингов.

Полагаю, что существование некоторых типологических несоответствий труположения в вершине сопковидной насыпи близ урочища Плакун сходным типам погребений в Скандинавии (и прежде всего — отсутствие погребальной камеры) непосредственно связано с «включением» данного погребения в «контекст» погребального сооружения, соотносимого с традицией возведения сопок (см. выше). Причем последнее, судя по всему, не имеет в рассматриваемый период полных (т. е. «погребение + погребальное сооружение») аналогий в Северной Европе. Таким образом, данная сопковидная насыпь может рассматриваться как отражение процесса синтеза традиции сооружения сопки и, развивающимися в едином ритме со скандинавскими, погребальными традициями «ладожской Руси», получившими свое первоначальное предметное воплощение в курганах Плакуна. В связи с этим, чрезвычайно любопытным представляется размещение труположения на вершине сопковидной насыпи, что, в свою очередь, вызывает отдаленные ассоциации с так называемыми «поверхностными» захоронениями по обряду трупосожжения на стороне в сопках. Напомню, что подобные погребения в свете последних исследований выступают в качестве одной из наиболее ярких особенностей сопочной традиции.

Попутно, необходимо также отметить, что сам Г. С. Лебедев предполагал наличие ладьи на вершине рассматриваемой сопковидной насыпи; захоронение же двух коней находилось, по мнению исследователя, у форштевня судна. Неправомерность данного предположения убедительно показал Е. Н. Носов.

Синтезные варианты, подобные охарактеризованному выше, были, характерны для самых разных культурных традиций формирующихся в этот период раннегородских центров, каковым безусловно являлась в IX—X вв. Ладога. «Гибридизация» культуры господствующих слоев общества раскрывается как особая качественная характеристика раннефеодальной культуры». Таким образом, выяснение позиции сопковидной насыпи близ урочища Плакун в «блоке» погребальных традиций Северного Поволжья было бы неполным без обращения к историко-культурной подоснове отмеченного выше синтезного процесса.

Итак труположение в вершине сопковидной насыпи маркирует собой начало процесса восприятия на рубеже IX—X (в начале X) вв. представителями военно-административного аппарата княжеской власти в Ладозе («ладожская Русь») местной (по отношению к последним) сопочной погребальной традиции. Это предположение выглядит еще более вероятным с учетом того, что в 950-е гг. курганный могильник в урочище Плакун прекращает свое функционирование. Однако, очевидно, что представители отмеченной этносоциальной группы населения, видимо, продолжали пребывать, умирать и хоронить умерших в Ладозе и в более позднее время. В рассматриваемом же случае сам по себе ритуал погребения пока еще продолжает отражать собственно североευропейские тенденции развития обрядности, однако, «технология» возведения насыпи, местоположение захоронения в ней свидетельствуют о некоем «растворении» погребальной субкультуры «ладожской Руси» в сопочной традиции.

В целом, причины отмеченного выше процесса следует, надо полагать, искать в широко распространенных в рассматриваемую эпоху представлениях о некоей социальной престижности высокой погребальной насыпи. Это обстоятельство не раз отмечалось исследователями в отношении сопки, являвшимися погребальными сооружениями, связанными с представителями социальной верхушки ВОЗВОДИВШИХ их коллективов. Аналогичные причины приводили в некоторых случаях к появлению под влиянием сопочной традиции высоких погребальных насыпей в составе курганных могильников так называемой «культуры псковско-боровичских длинных курганов». ³¹ Думается, однако, что утрата «ладожской Русью» своей самобытности на уровне погребальной субкультуры связана и с определенными трансформациями на рубеже IX—X вв. социально-политической структуры северно-русского протогосударственного организма. Здесь необходимо сделать небольшое отступление и кратко осветить основные, на мой взгляд, этапы формирования последнего.

Предпринятый мною ранее анализ процесса сложения первоначальной протогосударственной структуры в Поволжье, маркированной системой укрепленных поселений в этом регионе, позволил связать начало ее формирования с рубежом VIII—IX вв., а возможно — с первым десятилетием IX в. ⁸² Центр рассматриваемой структуры, вне всяких сомнений располагавшийся в Северном Поволжье, соотносится с IV строительным ярусом Земляного городища Старой Ладозы, датирующимся 810—840 гг. (Здесь и далее используется ярусная стратиграфия поселения на месте Земляного городища по С. Л. Кузьмину и А. Д. Мачинской ³³). Доминирование в вещевом комплексе IV яруса элементов, связанных с лесной зоной Восточной Европы и практически полное отсутствие в нем вещей, указывавших бы на постоянное пребывание здесь скандинавов, позволяет условно охарактеризовать изначальный этносоциальный облик волховского протогосударства как «словенский». Видимо, именно с этим этапом и следует связывать начало массового распространения в данном регионе традиции сооружения сопки — к числу сопки Северного Поволжья, сооружение которых началось не позднее VIII в., В. П. Петренко отнес лишь две насыпи: 14—11 из северной группы сопки в урочище Победище и 5—III из южной группы сопки между Старой Ладозой и д. Велешей.

Полностью соглашаясь с возможностью привлечения сведений Вертинских анналов (839 г.) для характеристики волховской протогосударственной структуры, ⁸⁶ отмечу, что, на мой взгляд, утверждение этносоциума Rhos в Поволжье соотносится лишь с V ярусом Земляного городища, нижняя хронологическая граница которого связана с временным интервалом 838 (!) — 845 гг. (Условная датировка яруса в целом: 840 — около 865 гг.). В пользу подобного соотнесения говорит как фиксируемый по материалам V яруса

значительный приток населения из Скандинавии, так и отмеченный выше характер вещевого комплекса IV яруса." При этом, важно отметить, что летописные тексты, повествующие о сборе дани варягами со словен, живущих на побережье озера Ильмень (859 г.), в целом, не противоречат известию Вертинских анналов — основная масса словен действительно, надо полагать, была вытеснена в конце 830-х гг. из Северного Поволжья выходцами из Северной Европы. Учитывая различное происхождение указанных источников, я считаю вполне возможным допустить связь данных сообщений с одними и теми же историческими реалиями.

В связи с этим, любопытным представляется соответствие значительного большинства групп сопок Северного Поволжья поселениям ладожской округи. Непосредственно с центром волховского протогосударства — Ладогой — соотносится, пожалуй, лишь северная группа сопок в урочище Победище, состоявшая из четырех насыпей. Таким образом, основная масса сопок связана в этом регионе с поселениями, возникающими в период существования «словенского» протогосударства.

Принципиальные изменения структуры севернорусского социально-политического организма связаны с действиями Рюрика, призванного на основе договора местной племенной верхушкой после изгнания Rhos/варягов, и его преемника Олега. Именно в этот период происходит, видимо, внедрение в состав военно-административного аппарата «ладожско-новгородской Руси» какой-то (надо думать, более или менее значительной) части местных («словенских») социальных лидеров. Дальнейшие военно-политические акции Олега (поход 882 г.) приводят к окончательному включению волховской водной артерии в систему коммуникаций общегосударственного значения (так называемый «Путь из варяг в греки»), что безусловно делает данный процесс гораздо более интенсивным. В контексте этого процесса и следует рассматривать маркированное труположением (890-е—920-е гг.!) в вершине сопковидной насыпи близ урочища Плакун восприятие «ладожской Русью» традиции сооружения сопок. Общая направленность подобного восприятия («ладожская Русь» ориентируется на погребальные традиции местной племенной знати, а не наоборот) связана, как мне кажется, не столько с так Называемой «лидирующей» ролью местной («словенской») социальной верхушки, сколько с отмечавшейся выше некоей престижностью высокой погребальной насыпи.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Центр и периферия Приильменя: особенности социально-политического развития

В. Я. Конецкий

Возникновение Новгорода и формирование государственности на территории Северной Руси относится к кругу проблем, представляющих безусловный интерес для специалистов по древнерусской истории. Данные вопросы имеют большую историографическую традицию, которую детально проанализировать в рамках данной статьи не представляется возможным. Однако, в конечном счете, все разнообразие точек зрения сводится к различной оценке роли внешних и внутренних факторов в ходе указанных процессов. Если для историков XIX — первых десятилетий XX вв. важную роль в построениях обычно играло летописное «Сказание о призвании варягов», то с конца 30-х и, особенно, в 50-е годы абсолютно доминировали рассуждения в русле концепций автохтонизма и антинорманизма. Лишь в последние десятилетия, особенно в связи с изучением генезиса древнейших городов и функционирования трансконтинентальных торговых путей, и в первую очередь Балтийско-Волжского, в ряде работ внешним факторам формирования Древнерусского государства вновь стало придаваться важное значение!

Нынешний этап изучения данных вопросов характеризуется привлечением обширного круга археологических материалов, происходящих не только из города, но и in его широкой округи. Это создает возможность впервые представить фон, на котором происходит формирование будущего центра Северной Руси. Существенное расширение источниковой базы, происходящее за счет археологических данных, позволяет в ряде случаев оценить в новом контексте уже давно известные сведения письменных источников

В предлагаемой работе мы ХОТИМ обратить внимание на существенную специфику социально политического развития центра и периферии Приильмеш.я в конце I тыс. н. э.

Данное обстоятельство является серьезным аргументом против размещения здесь в догосударственный период единого социального организма — племенного союза «ильменских словен». Вместе с тем, отмеченные различия позволяют более объективно оценить ход исторического процесса в рассматриваемом регионе и не могут не учитываться при создании моделей формирующейся здесь раннегосударственной структуры.

Важнейшим исходным условием для рассмотрения вопросов возникновения города и государства в Северной Руси является объективная характеристика славянского расселения в данном регионе в первой половине IX в., т. е. времени, непосредственно предшествующем интересующим нас событиям.

Согласно современным представлениям, время появления славян на Северо-Западе по данным письменных источников определяется VIII в., чему не противоречат и археологические материалы. С этого периода в лесной зоне Восточной Европы распространяется специфический набор хозяйственно-бытового инвентаря, характеризующий только славянскую культуру и ранее фиксируемый на бесспорно славянских территориях². Для Приильменья эти новые черты связываются с культурой сопок-

Выделение древнейших славянских памятников на Северо-Западе сопряжено с определенными трудностями. Это обусловлено их очевидной немногочисленностью и характером сохранности культурного слоя. Единственным исключением здесь является Ладога, для которой в слоях третьей четверти VIII в. отмечены элементы культуры, соотносимые со славянами³. Однако, данный пункт, находящийся в отрыве от основного массива памятников культуры сопок и которому изначально были присущи торгово-ремесленные функции, конечно, не следует считать местом наиболее раннего присутствия славян на Северо-Западе.

Представляется справедливой точка зрения, согласно которой территорией первоначального закрепления славян в данном регионе является Ильменское Поозерье и район истока Волхова. В настоящее время здесь известно 28 селищ, на которых представлены материалы конца I тыс. н. э. Раскопки, проведенные на поселениях Холопий Городок, Прость, Георгий, показали, что на них безусловно присутствуют слои IX в. Восьмой век, как время возникновения этих памятников, по мнению Е. Н. Носова, не исключается, но для безоговорочных утверждений необходимы дальнейшие исследования⁴-

За пределами самого центра Приильменья поселения, возникшие в IX в, исследовались в бассейне Меты (Золотое Колено, Заручевье), Полю (Сельцо, Княжая Гора), Луги (Передольский Погост, Косицкое, Курская Гора), Шелопи (Куклнкское городище). Что касается хронологии сопок, то насыпи, относящиеся к VIII в., известны лишь в окрестностях Ладоги. За пределами данного микрорегиона они датируются обычно IX — X вв.⁵

Таким образом, существующая источниковая база позволяет предполагать, что подавляющее большинство известных ныне более, чем 600 памятников культуры сопок возникает в IX—X вв. и, прежде всего, во второй половине указанного периода. Судя по совместным находкам и соотношению лепной и раннегончарной керамики, основная масса известных ныне селищ существует в X в. В это время происходит заселение не только некоторых окраин ареала культуры сопок, как, например, низовье р. Великой, бассейнов Плюссы и Ордежа, если говорить о западных районах Новгородской земли, но, меняется и демографическая ситуация на важных магистралях славянского расселения в самом Приильменье, в частности, в долине Ловати.

Итак, территория, маркированная сопками, которую обычно связывают с племенем «ильменских словен» и принимают за исходную при рассмотрении формирования северно-русской государственности, на самом деле складывается лишь в X в., т. е. на 100—150 лет позднее интересующих нас событий. Реконструкция же демографической ситуации в Приильменье на середину IX в. в лучшем случае позволяет говорить лишь об рассеянном очаговом расселении. При этом особую роль, как уже упоминалось, играло Поозерье, характеризующееся наиболее благоприятными естественными условиями и удобством для защиты от внешней опасности.

Показательно, что на остальной территории Приильменья отмечены пункты раннего славянского присутствия, преимущественно городища. Некоторые из них, как например, Сельцо, Курская Гора, городок на р. Маяте в X в. были оставлены населением. Очевидно, мы здесь имеем дело с ситуацией, когда на начальных этапах славянской колонизации Приильменья опорными пунктами являлись укрепленные поселки, в которых было сосредоточено все население, осваивающее в дальнейшем близлежащую округу.

Как мы попытались показать, заселение Приильменья славянами представляло длительный процесс. При этом основной миграционный поток, очевидно, шел с юга- Аргументами в пользу этого, кроме уже упомянутого комплекса орудий труда, является распространение в горизонте Д Ладоги набора женских украшений верхнеднепровского происхождения, часть из которых имеет более отдаленные южные прототипы⁶. Особенно показателен здесь анализ керамического материала, предпринятый А. В. Плоховым, выделившим на поселениях Приильменья конца I тыс. н. э. два характерных типа лепной керамики⁷. Один из них, представленный горшками эсвидного профиля с небольшим венчиком, имеет сходство с керамикой славянских памятников VII—X вв. лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы, но особенно близок керамике культуры смоленских длинных курганов. На Северо-Западе данный тип представлен на всей территории славянского расселения

С южным культурно-демографическим импульсом связаны и некоторые другие компоненты керамического комплекса, имеющие более узкое распространение в рассматриваемом регионе. Так, например, глиняные сковородки — характерный элемент культуры славянских памятников Украины, отчетливо выступает лишь южнее оз. Ильмень — в долине Ловати⁸-

Иное направление культурных связей иллюстрирует другой характерный для Приильменья тип лепных горшков с четко выделенными

плечиками, а иногда и ребром при переходе от тулова к венчику. В литературе данный тип обычно называют «ладожским» по месту наиболее ранних и массовых находок. Керамика «ладожского типа» распространена в центральном и северном Приильменье, включая район Ладого, где она фиксируется с середины VIII в., т. е. с начала возникновения данного поселения. При рассмотрении прототипов данной керамики обычно указывают материалы, происходящие с западно-славянских памятников Балтийского побережья, хотя их серьезный сравнительный анализ до сих пор отсутствует. Тем не менее данный факт наряду с аргументами, привлекаемыми из других наук, в первую очередь из истории языка, служит для авторов основой выводов о заселении Приильменья выходцами из Польского Поморья.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют в пользу гетерогенного происхождения славянского населения Северо-Запада, и, в частности, Приильменья, не составляющего изначально культурного и диалектного единства. Заселение происходило в результате нескольких миграционных волн, исходящих из разных территорий. Это является серьезным аргументом против возможности размещения в Приильменье особого славянского племени в том смысле, который обычно приписывается летописным племенам в исторической и археологической литературе.

Что же в настоящее время можно сказать о социальной организации населения Приильменья в конце I тыс. н. э. Низовой социальной структурой и основой экономической ячейкой общества сопки была, очевидно, большая семья, или семейная община. Это подтверждается материалами полностью исследованного комплекса памятников, оставленного рядовой сопочной общиной в урочище Губинская Лука на Ловати, а также опосредованно характером усадеб древнейшего Новгорода.

Подобные образования имели в эпоху Средневековья широчайшее распространение как у славян, так и у других народов. В состав подобной общины, насчитывающей десятки человек наряду с лицами, связанными родством с ее главой, могло входить зависимое население. Главе общины принадлежала вся полнота власти в экономической и сакральной сферах.

Понять характер и особенности данной структуры у славян Приильменья в конце I тыс. н. э. невозможно без правильной оценки сопок — уникальных сакрально-погребальных сооружений, не имеющих аналогий в остальном славянском мире. Согласно традиционной интерпретации, абсолютно господствовавшей с конца 30-х до конца 60-х гг. и сохранившей определенное влияние до сих пор, сопки расцениваются как места захоронений всех членов, возводивших их общин, т. е. как коллективные усыпальницы, связанные в социологическом плане с первобытнородовой традицией. В связи с этим в литературе имеются указания на «десятки» погребений, якобы содержащихся в сопках, что абсолютно не соответствует истине. В любом случае приходится признать, что в сопках могла быть похоронена лишь незначительная часть населения. Данное обстоятельство с учетом размеров сопочных насыпей заставляет сделать вывод, что сопки связаны с захоронениями представителей социальной верхушки, поскольку именно количество труда, затраченного на совершение погребального обряда, считается в настоящее время объективным археологическим критерием определения социального статуса погребенных. При этом точные количественные подсчеты погребенных лишены смысла, поскольку погребения людей, ради которых возводились сопки, с высокой долей вероятности могут сопровождаться дополнительными захоронениями лиц, принесенных в жертву в связи с погребальным обрядом. На существование подобной практики у славян указывают многочисленные свидетельства древних авторов.

Судя по всему, погребальная функция сопок не является единственной. Несмотря на вариации в конкретном воплощении, эти памятники обладают устойчивым набором признаков, соотносимых с моделью мира. В архаических культурах подобная семантика присуща всем сакрально значимым объектам. Таким образом, сопки выступают как языческие храмы, связанные с культом предков в лице глав соответствующих общин.

В поисках истоков сопочного обряда внимание исследователей неизбежно обращается к Старой Ладоге — району наибольшей концентрации этих памятников и где находятся наиболее ранние из известных на сегодня подобные насыпи. По данным многолетних исследований Ладого, возникшая в середине VIII в., уже изначально предстает как торгово-ремесленное поселение с широкими международными связями, где активную роль играли выходцы из Скандинавии. В этих условиях, в среде разноэтничного и, прежде всего, славяно-скандинавского населения и возникает обычай возведения сопок. В его основе лежит перенесенная из Скандинавии идея сакральных социально-престижных курганов. Эти идеи, заложенные в сопочном обряде, были вполне созвучны устремлениям сельской общинной верхушки, что и обусловило заимствование в дальнейшем, в результате славянского расселения, широкое распространение сопок в Приильменье. Не исключено, что свою роль сыграли при этом импульсы ладожского населения, причиной которых были кризисные ситуации в Ладоге. Так Д. А. и А. Д. Мачинские пишут о разгроме «социальной верхушки первого русского протогосударства» в связи с волной экспансии викингов в 40-е гг. IX в.

Итак, широкое восприятие сопочного обряда верхушкой славянского общества является прежде всего выражением значительного экономического потенциала соответствующих общин, позволяющего вкладывать огромные трудовые ресурсы в непроизводственную сферу. Возможность организации столь масштабных работ свидетельствует также и о характере власти глав этих общин. Все это в конечном счете означает появление в славянском обществе достаточно широкого социального слоя, обладающего экономическими возможностями, сильной властью и нуждающегося в демонстрации своего социального престижа. Таким образом, очевидно, что по уровню социального развития славяне Приильменья в конце I тыс. н. э. уже далеко отстоят от стереотипных представлений о родоплеменном строе.

В ходе славянского заселения будущей Новгородской земли формируется целый ряд территориальных групп населения, фиксируемых

по концентрации сопок на участках в несколько десятков километров и отдаленных друг от друга обширными свободными пространствами, Наиболее крупные из них располагаются в верховьях Луги, средних течениях Ловати и Меты, районе озер Великое и Меглино и др. В литературе подобные образования связывают обычно с «малыми племенами», подобными, скажем, десяткам мелких племен, известных у западных славян. Однако, употребляя данный термин применительно к славянскому населению Приильменья в конце I тыс. н. э., следует иметь ввиду совершенно справедливое высказывание М. И. Артамонова, который считал, что формирующиеся в ходе славянской колонизации лесной зоны Восточной Европы территориальные объединения соответствуют традиционным племенам лишь по форме. Это представляется вполне справедливым, учитывая эпоху, о которой идет речь. Формирование подобных «племен» было обусловлено как характером колонизации, связанной с перемещением достаточно крупных групп населения, что свойственно эпохе «военной демократии», так и потребностями организации жизни на новых местах. Эти территориальные объединения гарантировали защиту входящих в них общин от посягательств со стороны соседних подобных группировок, обеспечивали на основе обычного права мир внутри племен. Кроме того, в конкретной ситуации Приильменья нельзя сбрасывать со счетов наличие в целом ряде районов иноэтничного населения культуры длинных курганов. И если в целом исход этого противостояния был исторически предрешен в пользу славян, то на микрорегиональном уровне соотношение сил могло быть самым различным.

С вопросом о «племенах» тесно связана проблема формирования локальных центров, которые интенсивно развиваются где-то с рубежа IX—X вв. Они характеризуются крупными сопочными могильниками, значительными размерами поселенческих комплексов, в состав которых наряду с неукрепленными участками нередко входят и городища. Появление подобных центров следует связать с процессом выделения наиболее сильных и знатных патриархальных родов, которые по мере своего усиления начинали оказывать влияние на жизнь всей округи.

Намечается определенная иерархия местных центров. Крупнейшие из них расположены в районе пос. Любытино на Мете и при Передольском погосте на р. Луге и являются центрами соответственно Мстиского и Луженого скоплений сопок. Пункт, близкий по значению вышеназванным, располагался также в д. Городище Сандовского района Тверской области, на восточной окраине сопочного ареала.

Центры более низкого ранга известны в различных частях коренной территории Новгородской земли. К ним можно отнести Нестеровичи, Заручевье в бассейне Мсты, в бассейне Плюссы и др. Хотя подобные памятники до сих пор исследованы еще недостаточно, можно говорить, что на них гораздо шире, чем на рядовых поселениях представлены женские украшения, являющиеся предметом импорта (прежде всего бусы), встречаются находки, связанные с дружинным бытом и торговлей. Все это подчеркивает высокий социальный статус их хозяев.

Итак, если попытаться в целом определить общественный строй населения Приильменья, возводившего сопки, то его безусловно, следует отнести к высшей ступени первобытности, к которой также применяют термин «варварское общество». Подобная социальная организация имела широкое распространение в различных регионах мира на стадии перехода от первобытности к классовому обществу. Исчерпывающая характеристика «варварского общества» на скандинавском материале дана Л. Я. Гуревичем¹⁷. Оно определяется распадом родовых отношений, по при этом роль родственных связей остается ведущей. Важнейшей хозяйственной и социальной ячейкой общества является большая семья (домовая община). Внутренне общество неоднородно. Его основу составляют свободные домохозяева-землевладельцы (главы патриархальных семей). Во главе общества стоит знать — наиболее родовитые, богатые и воинственные семьи. Прослойка несвободных людей состоит из пленных или единоплеменников, потерявших свободу. Указанные социальные ряды не составляют классов, так как и свободные землевладельцы, и знать не являются собственниками. Важнейшей особенностью варварского общества, как считает Л. Я. Гуревич, является его «стабильность и даже застойность». Внутренние возможности трансформации этой общественной системы крайне ограничены. При столкновении с более развитой системой происходит ее распад».¹⁸

Нетрудно заметить, что все это прекрасно вписывается в контекст облика славянского общества в Приильменья в конце I тыс. н. э., каким оно выступает по археологическим данным. При этом сам обычай сооружения сопок, являющийся «иррациональным» способом трансформации прибавочного продукта в обществе, в котором внутренние связи преобладают над внешними, выступает как наиболее яркое выражение той общественной системы, о которой речь шла выше.

Однако, анализируя распространение сопок и Приильменья, нельзя не обратить внимание на парадоксальный на первый взгляд факт. Дело в том, что в самом центре этой территории — Поозерье и южном Поволховье районе экономически наиболее развитом, данные памятники встречаются гораздо реже, чем за его пределами. Нельзя сказать, что этот факт прошел мимо внимания исследователей. И. И. Ляпушкин, например, видел в нем свидетельство неславянской принадлежности сопок¹⁹. После работ Е. Н. Носова стала ясна подлинная картина заселенности района, примыкающего к Новгороду в интересующую нас эпоху. И хотя число пунктов, где были обнаружены сопки или получены сведения о наличии их в прошлом, несколько увеличилось, количественная диспропорция между сопочными могильниками и селищами выступает весьма наглядно.

Конкретно это соотношение составляет 11:28. Важно отметить, что в подавляющем большинстве сопки данного района — небольшие одиночные насыпи. Е. Н. Носов видит главную причину этого в том, что «поскольку сопки как тип погребальных сооружений сложились непосредственно в Поволховье и Приильменья в процессе славянского расселения, было время, когда славяне продвинулись

сюда, а сопок еще не сооружали. Подобный период должен быть представлен славянскими селищами именно в Поозерье». Все это абсолютно справедливо. Но вместе с тем независимо от времени возникновения указанных 28 селищ, содержащих лепную и раннегончарную керамику, все они, безусловно, функционировали в X в., т. е. во времена сопочной традиции. Иначе говоря, существовали какие-то причины, тормозившие или рано оборвавшие обычай сооружения сопок в самом центре Новгородской земли. Очевидно, решение данного вопроса следует искать не в хронологии древнейших памятников, а в особенностях социально-политического развития данного района.

Как полагают многие современные исследователи, важнейшим фактором, повлиявшим на ход всей истории Северо-Запада в конце I — начале II тыс. н. э., было прохождение по данной территории крупных торговых и военных путей. Важнейшую роль из них играл Балтийско-Волжский путь, начавший функционировать во второй половине VIII в. Главной активной силой на нем выступали выходцы из Скандинавии, вступившей в данный момент в новый, характеризующийся повышенной внешней активностью период своей истории — «эпоху викингов». В целях обеспечения стабильного функционирования волховского участка пути наряду с Ладогой — древнейшим на Северо-Западе местом славяно-скандинавских контактов, к рубежу VIII—IX вв. возникает целый ряд укрепленных поселений. По мнению Е. Н. Носова, это свидетельствует о существовании некоей «организующей силы, стремившейся обеспечить регулировку движения по пути, и обладающей соответствующей властью. «Особое «стратегическое» значение при этом имел район истока Волхова. Здесь сходилась ряд вариантов пути в страны арабского Востока, а также путь «из варяг в греки».

Однако, имелись еще и внутренние факторы, определившие в конечном счете приоритет этих мест перед Ладогой. В отличие от последней, почти лишенной сельской округи, место будущего центра Северной Руси находилось внутри мощной поселенческой зоны, что еще более усиливало необходимость контроля над данным участком. Поэтому здесь, в самом центре сгустка поселений, у истока Малого Волхова из Волхова возникает «торгово-ремесленный и военно-административный центр» — Рюриково городище, которое Е. Н. Носов совершенно справедливо отождествляет с древнейшим летописным Новгородом. В настоящее время можно уверенно говорить о существовании поселения с середины IX в., однако — весьма вероятно и более раннее возникновение данного пункта, поскольку система контроля над водными путями в районе истока Волхова, судя по материалам Холмогорского городка, существует по крайней мере с начала IX в.

В IX—X вв. Городище было славяно-скандинавским поселением, причем какое-то количество выходцев «из-за моря» проживало здесь постоянно в качестве торговцев, воинов и ремесленников. Присутствие их здесь не могло не влиять на ход социальных процессов в центральном Приильменье. Славяно-скандинавское взаимодействие могло принимать различные формы и зависело от конкретного соотношения сил в разные периоды. Однако, главной тенденцией, очевидно, явилось стремление к Консолидации. Закрепившиеся в данном районе скандинавы, чтобы устоять против новых волн пришельцев, были с неизбежностью обречены искать союза с местной славянской верхушкой. Последняя же также была заинтересована в международной торговле и, видимо, не случайно несколько веков спустя летописец писал о происхождении новгородцев от рода варяжска».

Вся совокупность имеющихся данных позволяет считать, что в IX в. еще до времени Рюрика будущая Новгородская округа входила в состав раннегосударственного организма, центром которого в начале, видимо, была Ладога.

Характер хозяйственного развития центрального Приильменья безусловно обеспечивал наличие регулярного натурального добавочного продукта в объеме, достаточном для его (т. е. раннегосударственного организма) функционирования — содержания управленческого аппарата, дружинников, ремесленников, обслуживающих потребности высшего слоя общества и т. д. Важным стимулом для отчуждения прибавочного продукта от производителей являлась возможность его трансформации в социально престижные ценности посредством участия в международной торговле. Наличие внешней силы в лице варягов облегчало деформацию традиционных норм жизни и способствовало формированию публичной власти — т. е. власти отделившейся от основной массы населения. Как полагает А. Д. Мачинский, «в 810—830-е годы уже безусловно существует русское протогосударство в Поволховье, контролирующее торгово-данныческие пути в верхнем Поволжье (а возможно, и-пути по Ловати на верховья Двины и Днепра) и экономически ориентированные на торговлю с Халифатом через земли Хазарии»²⁴.

В условиях деформации прежних патриархальных структур и возникновения новой системы ценностей, обычай сооружения сопок не мог получить в центральном Приильменье существенного распространения. Густонаселенная в IX—X вв. зона с малым количеством сопок, охватывающая Поозерье и Южное Поволховье, на наш взгляд совпадает с основной территорией Новгородского протогосударства, центром которого было Рюриково городище — древнейший летописный Новгород. Пределы ранней «городовой волости», население которой имеет особый статус и обязанности по отношению к городу, видимо, отразилось и в поздних источниках. Так, в приписке к «Уставу о мостех» XIII в., перечисляются тигожане, коломляне, нередицане, верезжане и питьбляне²⁵. Независимо от характера повинностей, которые несет это население, очерченный район точно соответствует «малосопочной» зоне с некоторым естественным приращением мест позднего освоения по течению Волхова. Дальнейшее развитие государственности в будущей Новгородской земле шло по линии подчинения и обложения данью в пользу центра всего Приильменья. Это было обусловлено, помимо естественного стремления к увеличению объема отчуждаемого прибавочного продукта, ориентацией рассматриваемого социального организма на внешнюю торговлю. При этом характер экспортируемых товаров (продукция пушного промысла и бортничества, рабы) требовала экстенсивного развития эксплуатации.

По мнению Ю. В. Павленко раннегосударственные образования, состоящие из лидирующего центра, представляющего собой город-государство и обширной, обложенной данью периферии являются типичными для эпохи перехода к классовому обществу²⁶. Говорить о конкретном ходе и этапах подчинения Новгороду Приильменья достаточно сложно. Очевидно, это был отнюдь не разовый и не однонаправленный процесс. Он, безусловно, зависел от конкретной политической обстановки в центральном Приильменье. В данной связи безусловно следует выделить период во второй половине IX в., когда в Новгороде находились князья Рюрик и Олег, до ухода последнего в 882 г. со своей дружиной в Киев. Далее на протяжении более чем двух поколений княжеская власть в Новгороде отсутствует, что безусловно ослабило военные возможности центра формирующейся земли. Вероятно, именно с этим хронологическим отрезком следует связывать расцвет уже упоминавшихся мощных социальных структур «варварского типа» на периферии Приильменья. Зависимость данных процессов от «достигаемости» конкретных районов со стороны Новгорода хорошо иллюстрируется сопоставлением ситуаций, имевших место на Луге и Мете с одной стороны и на Ловати с другой. Если в первом случае фиксируется наличие крупных местных центров (в районе Передольского погоста и в устье р. Белой), то в долине Ловати, густонаселенном и, безусловно, экономически важном районе что-либо подобное отсутствует. Причина этого достаточно ясна. Ранее (с начала IX в.) включение Ловати в систему торгового пути «из варяг в греки» поставило население данной территории под контроль Новгородского протогосударства, что и стало препятствием для формирования здесь местного автономного центра²⁷. Вместе с тем, распространение зависимости от Новгорода не означало разрушения низовых социальных структур, о чем свидетельствует широкое бытование сопочного обряда в X в. и на Ловати, и в окрестностях Ладogi. Важный этап истории взаимоотношений центра и периферии Приильменья в X в. связан с деятельностью княгини Ольги. За последние годы в литературе получило распространение мнение, что походы Ольги на Мету и Лугу, отмеченные в летописи под 947 годом, были направлены на подавление крупнейших местных социально-политических центров, ставших в данный момент, если не соперниками Новгорода, то во всяком случае реальным препятствием распространения новгородской власти в Приильменье.²⁸ В процессе включения населения этих районов в систему дани интересы новгородской верхушки и центральной княжеской власти, безусловно, совпадали. Подтверждением этого служат неоднократные находки на новгородских усадьбах в слоях, начиная с X в. деревянных «цилиндров», связанных со сбором и перераспределением дани²⁹. В этот же ряд этапных моментов очевидно можно поставить и события, отраженные в летописи под 988 годом, и связанные с размещением князем Владимиром в южных порубежных крепостях «лучших людей от славян, кривичей, чуди и вятичей». А. В. Куза считал, что кроме организации отпора печенегам Владимир стремился укрепить собственное положение в Киеве за счет воинов, происходящих из области его первоначального княжения³⁰. Но при таком подходе непонятно появление в этом списке вятичей — племени, которое Владимир так и не смог покорить в результате двух походов и оказывавшем сопротивление киевским князьям вплоть до XII в. Если взглянуть на эти события под углом новгородской истории, то в них прослеживается, помимо прочего, попытка ослабить местную знать северных территорий, труднее всего контролируемых из Киева. Кстати сказать, именно таким образом объясняет эти действия относительно приладожской чуди А. Н. Кирпичников. Было бы крайне интересно сопоставить эти мероприятия князя Владимира с конкретной историей и упадком ряда местных центров среднего ранга в Приильменье (типа Нестеровичи, Заручевья и т. д.), но это требует дальнейших археологических изысканий. Итак, в конце I тыс. н. э. в Приильменье происходит формирование социально-политических структур двух типов. Если для центра этой территории (Поозерья и Южного По-волховья) уже для I половины IX в. можно говорить о наличии здесь протогосударственного организма, то на периферии региона, прежде всего, на Луге и в среднем течении Меты сложились социальные структуры архаичного, «варварского» облика. Развитие новгородской государственности шло по линии подчинения периферии Приильменья ее центру. Данный процесс привел во второй половине X в. к сложению коренной территории будущей Новгородской земли.

1 Здесь имеются в виду прежде всего работы А. Н. Кирпичникова, Г. С. Лебедева, А. Д. Мачинского и Е. Н. Носова,

2 Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24—29.

3 Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога / итоги археологических исследований. // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 17—18.

4 Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 173—183.

6 Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности). // Русский север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 23.

6 Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—IX вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 49—51.

7 Плохов А. В. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселения (к постановке

проблемы). // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 119—124.*

8 Конецкий В. Я. Исследования селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 197.*

9 Седов В. В. *Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 66;*

Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. // Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—83 гг.). М., 1986. С. 217—218.*

10 Седов В. В. *Восточные славяне... С. 269—271.*

11 Ср.: Седов В. В. 1) *Восточные славяне... С. 63;* 2) *Новгородские сопки. // САИ, ЕІ-8. М., 1970, С. 21—22.*

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

О формировании всаднической субкультуры в Древней Руси

К. А. Михайлов

Массовое появление в древнерусских погребальных и поселенческих памятниках большого количества импортных типов оружия, снаряжения всадника и коня и «социально престижных» типов вещей, распространение этого набора в восточноевропейских могильниках IX—XIII вв. традиционно связывается с древнерусской дружинной культурой. К ее изучению обращались многие отечественные археологи — А. В. Арциховский, М. Х. Алешковский, А. Н. Кирпичников и др. Нами сделана попытка рассмотреть модель развития части «дружинной» проблематики — всаднической. Под всаднической субкультурой (далее ВС) подразумевается комплекс снаряжения коня и всадника и набор оружия, связанный с этим комплексом, т. е. набор вещей, который отражает высокую степень освоения коня. На существование ВС могут указывать такие определенные типы погребального обряда, в которых присутствует конь или снаряжение воина-всадника, и сведения письменных источников

Выделяются три хронологические группы источников: «славянская» — до IX в., «варяго-русская» — с IX по XI в., «древнерусская» — с XI по XIII в. На первом этапе археологические находки памятников от Днепра до Волхова очень немногочисленны. Так из насыпей культуры смоленских длинных курганов (Цурковка, Демидовка, Слобода-Глушица и др.) происходят шпоры с пластинчатой дужкой и пуговицеобразными утолщениями или крючками на концах¹. Там же найдены четыре обломка удил, стрелы, трапецевидные железные подпружные пружки, бляшки от уздечных наборов, стрелы. Есть единичные находки оружия, шпор, пряжек, удил на

памятниках типа Тушемли-Бан-церовщины (Дедиловичи, Шугайлово, Новоквасино). Известны отдельные находки оружия и конской упряжи в псковских длинных курганах. В ареале культуры сопок к этому кругу древностей можно отнести железные удила из клада IX в. на городище Холопий Городок, зооморфные псалии, погребение коня с деталями уздечного набора и железное кнутовище с подвесками из сопок № 2 в урочище Плакун5. Предметов всаднического снаряжения и оружия в этот период известно очень немного. Они разбросаны на огромных территориях и мало характерны для вещевых наборов погребальных и поселенческих памятников Восточной Европы IV—IX вв., соотносимых со славянами. Археологическим материалам не противоречат синхронные им письменные источники. Некоторые из них относятся к действиям славян на Балканах, но, принимая дунайскую версию расселения восточных славян, можно считать использование этих свидетельств корректным.

(Иордан о событиях IV в.)... Херманарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за их (плохого) вооружения, но могучие своей численностью...

(Прокопий Кесарийский IV в.). Вступая же в битву, большинство (славян) идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда не надевают...

(Стратегикон Маврикия конец VI — нач. VII вв.). Каждый мужчина (славянин) вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами... Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса...

(Ибн-Русте VIII—IX вв.). Выючных лошадей у них (славян) мало, а верховых животных имеет только упомянутый муж. Оружие их — копья, щиты, дротики; у них (ничего), кроме этого.

Письменные источники, рассказывая о славянах, упоминают их плохое вооружение, пеший строй, партизанскую тактику ведения войны, отсутствие организации. Исключением является сообщение Прокопия Кесарийского об отряде конных византийских наемников состоящем «из гуннов, антов и славян». Также в рассказе об осаде Константинополя в 626 г. есть эпизод, когда славяне, бывшие союзниками авар, появились там вооруженные копьями, а некоторые в доспехах. Несмотря на бурный дунайский период с победами над византийской армией, захватами императорских табунов и оружия, постоянные стычки с врагами, славяне продолжают оставаться пешими, плоховооруженными и два вышеприведенных упоминания так и остаются исключительными. Первые изменения в этом фиксируются в Великой Моравии, где вместе с возникновением государства появляется княжеская дружина и многочисленные мужские погребения с оружием и снаряжением всадника. Однако, к славянам лесной зоны этот процесс не имел отношения. У Ибн-Русте и в «Стратегиконе» Маврикия они остаются пехотой и в военном отношении ставятся ниже также сражающихся пешими «рыжеволосых» варваров-германцев¹⁴. Вероятно, для этого периода можно отметить низкую степень развития военного дела и начало освоения коня. Последнее, видимо, произошло на территориях наибольшего соприкосновения славян с «конными» народами — на Дунае и в Панонии.

На следующем этапе появляются «дружинные» могильники на территории Руси: в Ладозе, Гнездово, Чернигове, Киеве и др., с погребениями с оружием и элементами ВС. Во всех из них известны погребения в камерах или срубных гробницах с наборами оружия, украшениями, снаряжением всадника и коня, захоронениями коней. К этому же кругу можно отнести, богатые сожжения - в больших насыпях Гнездово и Чернигова с аналогичным инвентарем. Значительная часть воинского снаряжения — ланцетовидные и удлинненно-треугольные наконечники копий, ланцетовидные наконечники стрел, каролингские мечи, скрамасаксы, круглые щиты с оковками по краю и сфероконические умбоны, некоторые типы уздечных наборов, ледоходные шипы, «звучащие» плети, некоторые типы топоров — связываются со скандинавским или североευропейским влиянием на Русь IX—XI вв. Большинство «дружинных» типов погребений имеют многочисленные аналогии в могильнике Бирка в Швеции, могильниках Дании и т. д. Другая часть воинского снаряжения — шлемы сфероконической формы, сложносоставные луки, конструкции седел, детали налучий и колчанов, кистени, булавы, чеканы с узким треугольным или трапецевидным лезвием, стремена, удила, нагайки, уздечные гарнитуры имеют восточное происхождение. Они, вероятнее всего, появлялись через степных соседей Руси. Подавляющая часть всаднических аксессуаров происходит не с поселений, а из погребальных памятников. Последние различаются по концентрации оружия, элементов ВС и встречаемости захоронений коня. Различия в «дружинной» погребальной обрядности позволили А. Н. Кирпичникову заключить, что с X в. в составе дружин русов сражались разновооруженные отряды пехоты и конницы. Это не подтверждается письменными источниками.

(Ибн-Русте VIII—IX вв.) Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набег и походы производят они на кораблях.

(Ауфи — X в.). Они (русы) совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его. Могуществом они превосходят все народы, только что у них нет лошадей....

(Ибн-Мискавейх — X—XI вв.). Сражаются они (русы) копьями и щитами, опоясываются мечом и привешивают дубину и орудие подобное кинжалу. И сражаются они пешими, особенно эти прибывшие (на судах)....

(Ибн-Фадлан — нач. X в.). С каждым из них (русов) имеется секира и меч и нож и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы сейчас упомянули. Мечи их плоские с бороздками, франкские.

(Лев Диакон — X в.). Скифы (русы) всегда сражаются в пешем строю... Тавроскифы (русы Святослава), увидев приближение умело

продвигающегося войска были поражены неожиданностью... Но все же они поспешно покрыли плечи щитами (щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног) выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев.

(Степанос Таронский — XI в.). Тогда весь народ, Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов²¹. В один ряд с этими отрывками можно поставить следующие сообщения: о битве Ярослава и Мстислава Владимировичей в 1024 г. под Лиственном, разгром лишившихся кораблей воинов Владимира Ярославича в 1043 г. под Варной; битву Ярослава с печенегами под Киевом, описанную в Пряди об Эймунде²². В этих и других событиях русы постоянно выступают в качестве тяжеловооруженной пехоты, что отметил еще Г. С. Лебедев²³. Можно допустить, что в этот период вместе с оружием и погребальной обрядностью скандинавское влияние выразилось на территории Восточной Европы в развитии и сохранении традиций пешего боя. В самой Скандинавии дружина и конунг сражались пешими вплоть до XIII в., что зафиксировано в Сагах и хрониках. Конь в Северной Европе долгое время использовался только как транспорт или для хозяйственных нужд состоятельными членами социума. Так ЗИМОЙ конунг и его дружина на санях объезжали страну. Вероятно, об аналогичном положении на Руси свидетельствуют сообщения ПВЛ, когда информируют о конных передвижениях княжеских дружин, но не упоминают о конных схватках в это время.

(968 г.)... Святослав вборзе всед на кони с дружиною своею, прииде ко Киеву...

(971—972 г.)... Рече ему воевода отень Свенельд: Поуде, княже, на конех около, стоять бо печенеги в порозех.

(977 г.). Побегошю же Олгу своими вой в град (на КОНЕХ)...

(1015 г.). Глеб же вборзе всед на кони с малою дружиною...

В письме Бруно Квертфуртского королю Генриху II зимой 1008 г. упоминается о том, что князь Ярослав с дружиною верхом сопровождал его до границы²⁹. В Пряди об Эймунде как наемники скандинавы, так и русы используют коня для поездок, но спешиваются перед боем³⁰. Единственное упоминание о коннице русов — это свидетельство Льва Диакона об эпизоде при осаде Доростола: «...скифы (русы) к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях»³¹. Но эту неудачную попытку историк привел как смехотворный курьез, который ни до, ни после не повторился. Этот способ ведения войны, по мнению Льва Диакона, был для них не характерен. Единственно, с кем на данном этапе связывался боевой конь — это военный вождь — князь. Это можно подтвердить несколькими примерами. Так малолетний Святослав открывает сражение с древлянами, сидя на коне, а его дружинники бросились на врага пешими. Одновременно византийцы могли видеть его же под Доростолом, сидящем на коне посреди пешей фаланги русов, когда его ранил Анемас из свиты императора Цимисхия³². В образе воинов-всадников предстают скандинавские и германские вожди Эпохи переселения народов и раннего Средневековья: Тотила — король остготов, Тьедрек с надписи на камне из Рек, Харальд Хардрада, Сверир и др.³³ Конунг-всадник перед пешей дружиной — обычная картина у германцев Тацита, остготов в Италии, франков до битвы при Пуатье, скандинавов и англо-саксов до 1066 г. Но тогда встает вопрос о том, как же быть со свидетельствами об участии в походах русских князей боеспособных отрядов конницы. Это несоответствие можно разрешить, если обратиться к Льву Диакону и Скилице, которые, рассказывая о войнах Святослава в Болгарии, упоминают, что вся его кавалерия состояла из венгров и печенегов³⁴. В походе 944 г. на Византию принимали участие печенеги, а под 985 г. ПВЛ сообщает, что Владимир и Добрыня шли на болгар в лодьях, союзные же им торки на конях шли берегом³⁵. В тех редких случаях, когда в составе войска русов упоминается конница, оказывается, что в походе участвовали союзники-степняки. Вероятно, использование конницы степняков было обычной практикой в Древней Руси и до и после XI в. Если считать, что конных отрядов у русов не было, то как же быть с многочисленными проявлениями ВС в погребальной обрядности в древнерусских могильниках? Этот вопрос можно разрешить, если вспомнить о том скандинавском влиянии, которое испытывала Русь до XI в. во всех сферах культуры и особенно в дружинной. Если рассмотреть скандинавские аналогии, то яснее станет картина и на наших территориях. Конь занимает важное место в скандинавских мифах и сагах, где он является спутником богов и героев, жертвенным и священным животным, сопровождал умершего в загробный мир. Образ умершего в качестве воина-всадника нашел яркое отражение в могилах Венделя и в камерных погребениях Бирки, на изображениях поминальных камней острова Готланд. На последних конь не только магический спутник и перевозчик умершего в мир мертвых, но он же подчеркивает социальный статус последнего, обеспечивает ему триумфальный въезд в Вальгаллу. Вероятно, именно эта сцена изображена на камне VIII—IX вв. из Лэрбо Тэгелгорда Г¹. Скорее всего, целая группа населения в Скандинавии ассоциировалась у современников с оружием и конем. Возможно, что представители именно этой группы похоронены и в иендельских могильниках, где были встречены богатый набор защитного и наступательного оружия и полный набор снаряжения всадника и копя, многочисленные захоронения лошадей. Стоит также отметить, что в это время на большей части Европы были распространены малорослые породы лошадей, которые были не приспособлены нести всадника в полном вооружении и участвовать в бою. Та же ситуация сохраняется и в эпоху викингов, когда были распространены лошади около 130 см в холке с толстой, короткой шеей. В то же время, на Востоке у народов, имеющих давние традиции конного боя, существовали специально приспособленные породы лошадей, которые кроме выносливости обладали высоким ростом (до 150 см в холке)³⁸.

В итоге, можно отметить, что на основании имеющихся данных нельзя говорить о существовании развитой ВС и конницы на территории державы Рюриковичей с IX по XI вв. Различные типы погребальной обрядности с конем, комплексами снаряжения воина-всадника и импортами, видимо, свидетельствуют о присутствии в Восточной Европе активных разноэтнических групп населения, распространении через скандинавов общеевропейских типов оружия, повышении роли коня как показателя престижности и освоении его

верхушкой социума в качестве верхового животного.

На третьем этапе — с середины XI в. до XIII в. можно отметить ряд существенных изменений. Так в результате христианизации населения Древней Руси исчезают богатые погребения «дружинного» типа городских могильников. Снаряжение коня и всадника, оружие исчезает из погребений сельских и городских могильников в XII в. или иногда встречается на границах государства. Основной материал по ВС для этого периода получен из словес древнерусских поселений. Одновременно происходит почти полная смена комплекса оборонительного и наступательного вооружения. Круглый щит с умбоном заменяется удобным для защиты всадника миндалевидным, шире чем прежде, распространяется доспех и различные типы шлемов, каролингские мечи сменяются романскими типами и т. д. От кочевников были заимствованы сабля, пика, кистень и булава, многие разновидности всаднического снаряжения. В последнем происходит качественный скачок: так исчезают «шумящие» металлические плети и широко распространяются шпоры с крупным шипом и нагайки, низкое седло сменяется жестким с высокой лукой, которое удобно для ближнего конного боя, появляются различные типы стремян и т. д. Эти археологические данные (собранные А. Н. Кирпичниковым), произведения изобразительного искусства домонгольской поры и письменные источники свидетельствуют о появлении в этот период профессионального конного воина. С началом этого же этапа можно связать и первое упоминание о конном сражении, в котором участвовали древнерусские дружинники — это битва под Сновском, где Святослав Ярославич с дружиной «ударил в конь» и разгромил половцев в 1069 г.³⁹ Далее упоминания в летописях конных сражений с применением древнерусской дружины становятся обычным явлением. Возможно, что этому способствовало появление в причерноморских степях новых орд кочевников и включение части степняков, в виде черноклобуцкого союза, в состав древнерусского государства. С середины — конца XI в. мы имеем сложившуюся государственную структуру, зафиксированную в законодательстве и других письменных источниках, общую для всей территории — древнерусскую культуру, т. е. только с этого момента, когда можно говорить собственно о государстве фиксируется появление тяжеловооруженной конницы, которую обычно связывают со структурами княжеской (феодальной) дружины. Аналогичное явление можно наблюдать в Польше Болеслава Храброго, у западных славян в правление князей Готшалка и Генриха в Дании Кнута Могучего, в Венгрии при короле Иштване и т. д.⁴⁰ Окончательное формирование ВС в древнерусском государстве происходит не ранее середины XI в., после длительного процесса освоения коня в Восточной Европе, многочисленных заимствований снаряжения всадника и коня, а также, вероятно, практических навыков коневодства и представлений о роли коня в культуре, у соседних народов. В X в. такое влияние могли оказывать скандинавы. Необходимо осторожнее относиться к погребальным древностям с оружием и элементами ВС в определении их как погребений конных воинов или дружинников, поскольку в варварском обществе иметь оружие должен был каждый свободный. Не следует прямо проецировать представления, связанные с погребальными традициями, на живую культуру Древней Руси

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Церы из раскопок в Новгороде

Е. А. Рыбина

Среди множества находок в Новгороде выделяется незначительная по количеству (11 экз.), но достаточно важная и не ординарная категория предметов, именуемых в отечественной литературе церами.

Историческая справка. Церы были широко распространены в античной и средневековой Европе, где они использовались для разного рода кратковременных записей: школьных упражнений, записи долгов, финансовых расчетов в том числе в городском управлении и особенно в торговой практике, ведения судебных протоколов, записи завещаний, молитв, заговоров. Нередко церы употреблялись в античности в качестве черновиков литературных произведений и особенно часто они использовались в переписке.

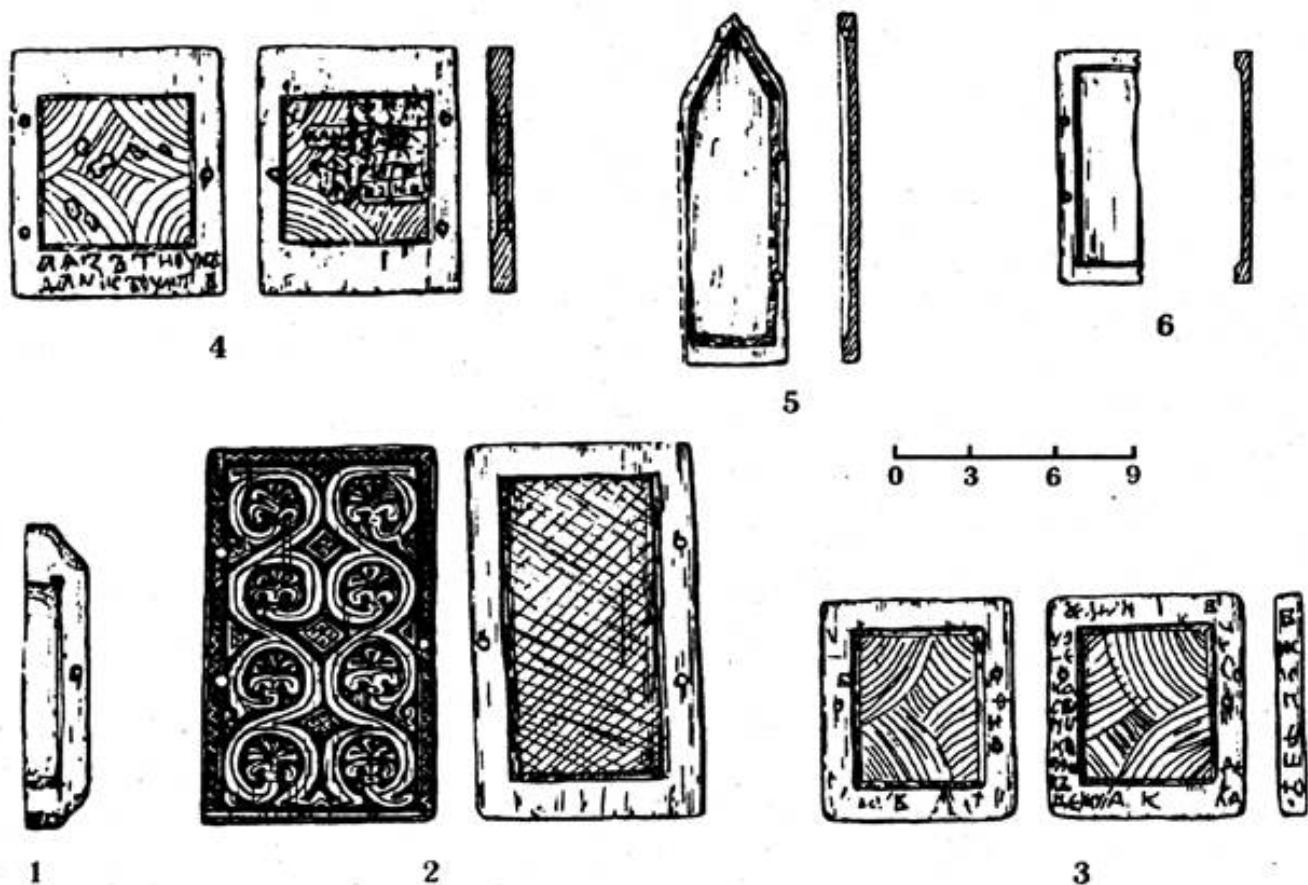


Рис. 1 Церы из раскопок в Новгороде

1-2 – 11 век, Неревский раскоп; 3-6 – 12 век, Троицкий раскоп

Церы представляют собой прямоугольные пластины (иногда с закругленным верхом) из дерева, реже из кости, с вырезанным внутренним пространством, которое заливалось воском черного или какого-нибудь иного цвета. Для того, чтобы воск прочнее держался на поверхности дерева внутреннее поле покрывалось насечками. Размеры пластин колебались от 8—9 до 20 см в высоту, от 5—6 до 10—15 см в ширину и от 0,5 до 1,5—2 см в толщину. Наиболее употребительными были церы в 9—12 см в высоту, такие таблички было удобно носить с собой.

На бортике каждой отдельной пластины делались отверстия для соединения с другими табличками, для чего употреблялись кожаные ремешки, шнурки или другой прочный материал. Таким образом составлялись диптихи, триптихи и полиптихи. У триптихов и полиптихов внутренние таблички имели выемки на обеих сторонах, а крайние таблички были своего рода обложками, у которых только одна сторона имела ковчег, а другая оставалась гладкой или украшалась геометрическим и растительным орнаментом или различными изображениями. Составленные из нескольких табличек полиптихи являлись непосредственным образцом для кодекса, т. е. были прообразом книжных манускриптов.

Записи на воске велись заостренным металлическим стержнем (стилем), у которого другой конец делался в виде головки или лопаточки, которыми можно было стирать (заглаживать) написанное.

Навощенные таблички давно привлекали внимание исследователей. Сохранившиеся в архивах европейских городов и обнаруживаемые при раскопках античных и средневековых городов (Помпеи, Любек и др.) они начали издаваться еще в середине прошлого века. Практически во всех работах, посвященных латинской палеографии, а также письменности, книжному делу в античности и средневековье, существуют специальные разделы о навощенных табличках.

Древнерусские церы известны из раскопок в Новгороде и Берестье.

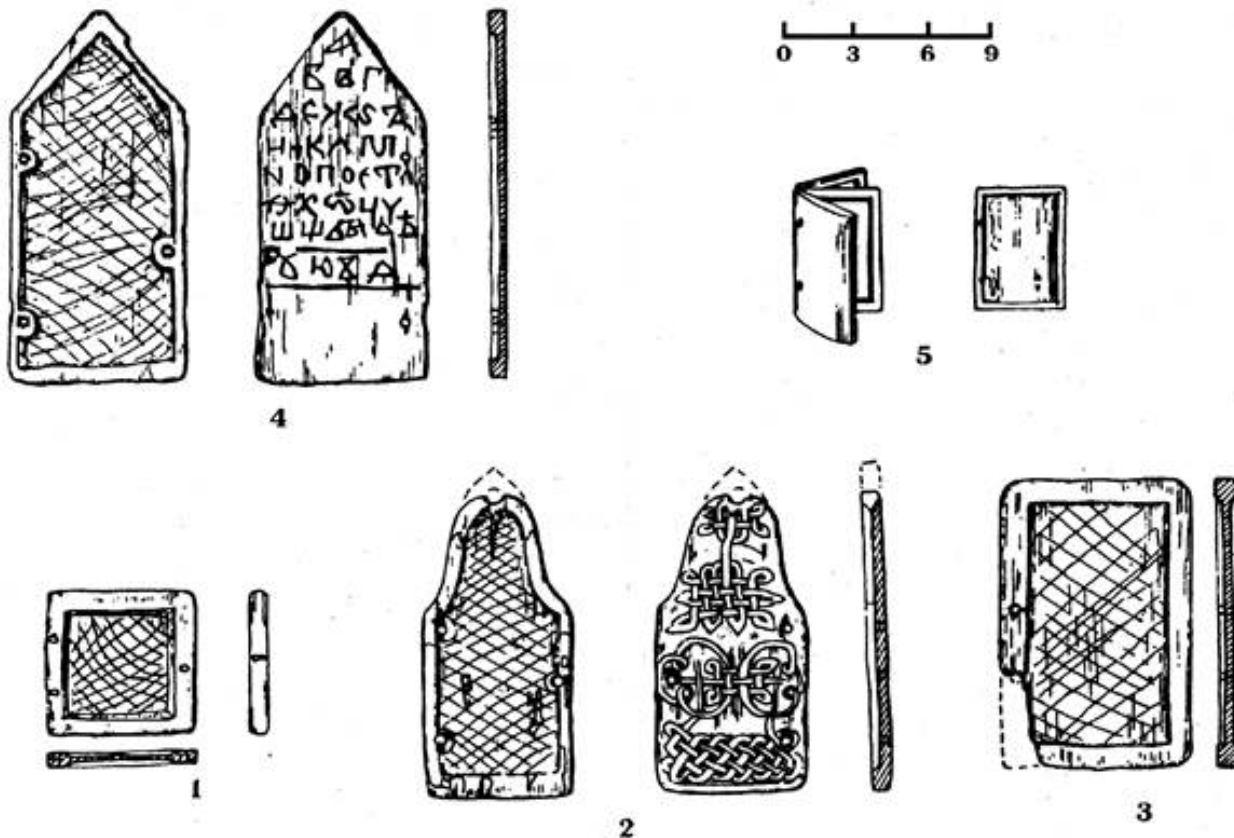


Рис. 2 Церы из раскопок в Новгороде

1 – 12 век, Троицкий раскоп; 2 – 13 век, Ильинский раскоп; 3 – 13-14 век, траншея на ул. Никитской; 4 – 14 век, Неревский раскоп; 5 – 14 век, Троицкий раскоп

Новгородские церы. В Новгороде за все годы раскопок (1932—1994 гг.), как уже отмечено, было обнаружено всего 11 табличек для письма по воску (см. Приложение). Все они изготовлены из плотного Дерева и, как правило, хорошо сохраняются после извлечения из культурного слоя.

Новгородские церы разнообразны по форме, размерам и оформлению, большинство из них имеет прямоугольную или подквадратную форму, а три таблички выделяются среди прочих вытянутой в виде треугольника верхней частью (рис. 1, 5; рис. 2: 2, 4). В составе новгородских цер находится 6 односторонних табличек, т. е. имеющих выемку для воска на одной стороне (рис. 1: 2, 5, 6, рис. 2: 2, 4), 4 — двусторонних (рис. 1: 3, 4; рис. 2: 1, 3). Кроме того, одна находка представляет собой очевидно, часть полиптиха, поскольку состоит из односторонней таблички (1 экз.) и двух двусторонних (рис. 2: 5). Все целиком сохранившиеся церы имеют по три отверстия для соединения с другими табличками: по два отверстия на одном бортике и одно — на другом. Внутреннее поле большинства односторонних и всех двусторонних табличек содержит насечки для того, чтобы прочнее держался воск.

Две односторонних церы (рис. 1: 2; рис. 2: 2) украшены богатым растительным орнаментом на внешней стороне, а на одной цере тщательно вырезан древнерусский алфавит от А до юса малого (рис. 2: 4).

Среди новгородских цер привлекают внимание две находки, происходящие с Троицкого раскопа из слоев XIII в. (рис. 1: 3, 4). Они почти одинакового размера с формой, близкой к квадратной и с декоративной штриховкой внутреннего поля, что отличает эти таблички от всех остальных экземпляров. На бортиках одной таблички (рис. 1: 3) тонко прочерчены хаотично расположенные надписи и буквы, а на ее торце четко и тщательно сверху вниз вырезаны буквы: Б, Ж, К, П, в, Ш, Ю. С первого взгляда это кажется случайным набором букв. Однако на берестяном листе № 199 из числа «грамот мальчика Онфима» содержится полная древнерусская азбука, записанная пятью столбиками, из которых второй столбик содержит почти тот же набор букв, что и на нашей цере (наблюдение А. А. Зализняка). Очевидно, данная цера являлась частью полиптиха, состоящего по крайней мере из пяти табличек, на торцах которых столбиками была записана вся азбука.

Особенно замечательна другая табличка из названной пары (рис. 1, 4), впервые сохранившая остатки воска с надписями: «...кланяю... язъ тиунъ...» К сожалению, из-за значительных утрат невозможно восстановить хотя бы частично текст записи. На нижнем бортике одной из сторон этой таблички содержится тонко прочерченная двустрочная надпись. Надежно прочитана пока верхняя строка, гласящая: «А язъ тиоуне».

На торце еще одной церы с Троицкого раскопа вырезана буква «В», (рис. 2: 1).

Три таблички (часть полиптиха) (рис. 2: 5), происходящие с Троицкого раскопа из слоя второй половины XIV в. выделяются среди прочих

своими размерами, оформлением, характером материала. Они имеют ближайшие аналогии в материалах ганзейских городов, в частности, Любека и обнаружены на одной из усадеб в составе других западноевропейских предметов (писало, рейнская керамика, фрагменты костяных рукоятей ножей).

Что касается датировки новгородских цер, то они обнаружены в слоях XI в. — 2 экз. (Неревский раскоп), XIII в. — 1 экз. (Ильинский раскоп), рубежа XIII—XIV вв. — 1 экз. (Плотницкий конец, траншея), XIV в. — 2 экз. (Неревский и Троицкий раскопы).

Хронология и топография новгородских цер свидетельствует о том, что они не были в постоянном и повсеместном употреблении в средневековом Новгороде. Их применение было локальным и носило частный характер. Примечательно, что почти половина из известных в Новгороде цер сосредоточена, на усадьбах Людина конца (Троицкий раскоп) в слоях XII в., где обнаружено скопление берестяных грамот, писал, а также зафиксировало существование профессионального писца. Не исключено, что здесь было организовано и обучение грамотности, для чего использовались церы, в том числе и упомянутая цер с азбукой.

В целом же в отличие от Западной Европы на Руси церы практически не употреблялись, поскольку здесь для повседневных деловых, бытовых и других записей активно применялась береста, о чем говорят многочисленные находки берестяных грамот в Новгороде и еще в 8 древнерусских городах.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Ножи охотничьи. Нержавейка.](#)

Ножи из нержавеющей стали. Подарок рыбаку и охотнику! 30 видов ножей.
sarmik.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода

А. Р. Артемьев

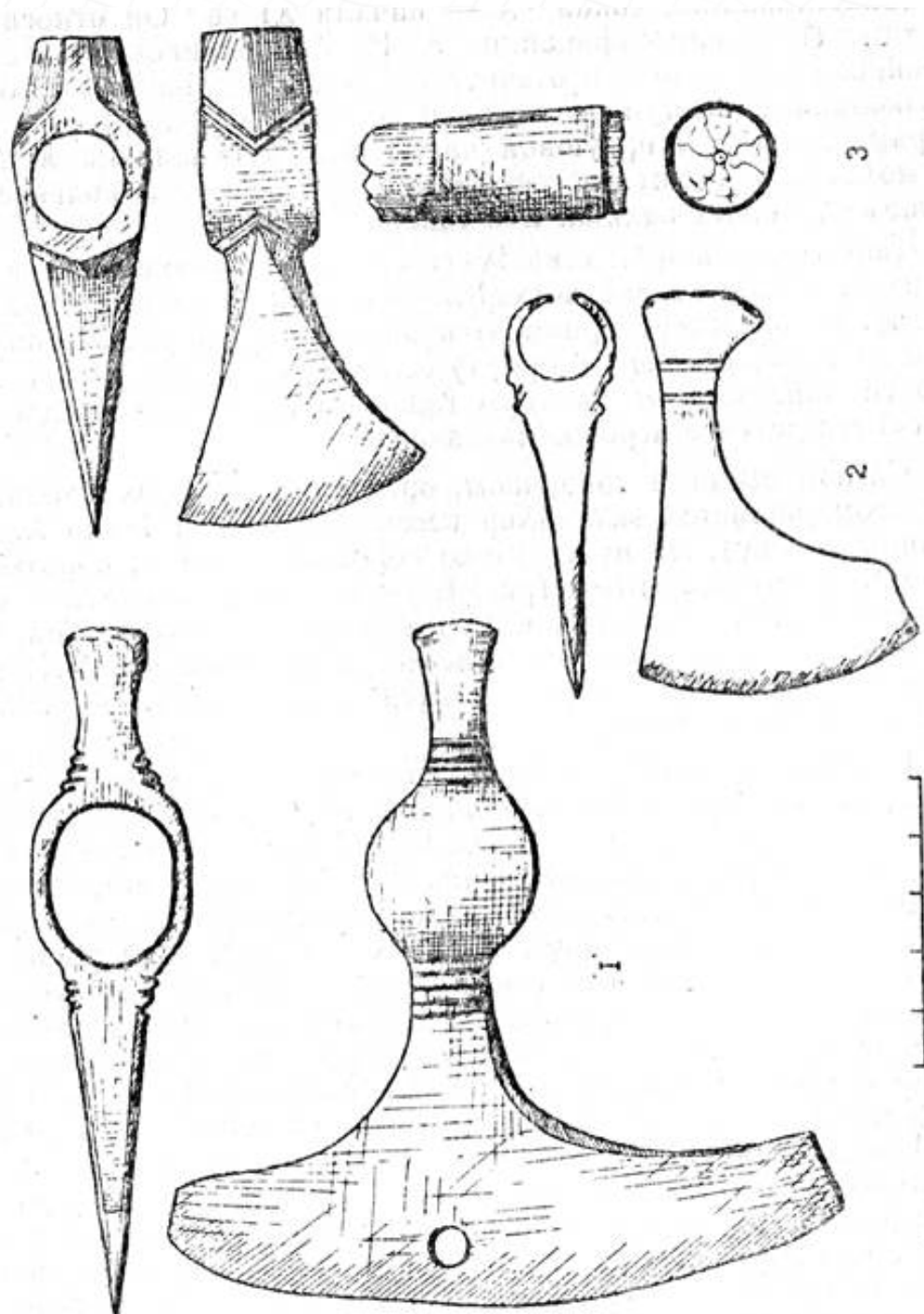
В отечественной археологической литературе за орнаментированными путем инкрустации топорами твердо установилось название декоративных. Между тем этот термин может быть применим только к миниатюрным бронзовым топорикам, использовавшимся в качестве подвесок. Помимо инкрустированных («декоративных») топоров в число орнаментированных нами включены также экземпляры, украшенные насечкой из точек, треугольников, кружков или гравированных линий, образующих узоры различной конфигурации.

Древнейшим из рассматриваемых нами топоров на сегодняшний день является экземпляр (25/26—460), найденный в напластованиях конца X — начала XI вв. Он относится к типу II по классификации А. Н. Кирпичникова и имеет секировидное лезвие с отверстием, а также граненый молоточковидный выступ на тыльной стороне обуха (рис. 1, 1). Примыкающие к проушной части топора основания лезвия и молоточка имеют соответственно четыре и три кольцевых орнаментальных валика. Вес топора — 194 г.

** При публикации археологических материалов из Новгорода принято при описании предмета снабжать его паспортными данными: первая цифра паспорта означает ярус, вторая пласт, в котором обнаружена находка, третья — квадрат. Если указаны только три цифры, то находка происходит с Неревского раскопа. В остальных случаях указаны начальные буквы названий других раскопок, а затем ярус, пласт и квадрат или*

только пласт и квадрат. Например, 1—7—21—50, означает, что находка происходит с Кировского раскопа, ярус 7, пласт 21, квадрат 50. Дубошин раскоп обозначен буквой Д, Нутный — Н

Еще один топорик типа IV (по А. Н. Кирпичникову), найденный в слое второй четверти — середины XI в. (24—29-2125), также имеет орнамент в виде двух выпуклых валиков на примыкающем к проуху основании лезвия (рис. 1, 2). Почти миниатюрные размеры топорика позволяют предположить его детское игровое назначение.



Р и с. 1. Топоры. 1 — конец X. — начало XI вв. (25/26—460);
2 — вторая четверть — середина XI в. (24—29—2125);
3 — конец XIV — начало XV вв. (5/6—7—1600).
1, 2 — железо; 3 — железо, дерево.

Самым поздним топориком, орнаментированным сходным образом, является экземпляр весом 135 г типа I (по А. Н. Кирпичникову). Он имеет узкое короткое лезвие и короткий, но массивный молоточек (рис. 1,3), что свидетельствует о его универсальном назначении. Верхняя граница бытования подобных топориков-чеканов, обычно, ограничивалась XII н. Новгородский экземпляр относится к концу XIV — началу XV вв. (5/6—7—1600).

Есть все основания утверждать, что происхождение орнамента в виде гравированных линий, образующих на поверхности предмета выпуклые валики, связано со скандинавской традицией. Гравированный орнамент очень часто встречается на тульях втулок почти всех

типов скандинавских копий, выделенных Я. Петерсеном⁵. В своде А. Н. Кирпичникова имеются изображения шести топоров-чеканов с гравированным орнаментом, найденных на памятниках, где скандинавское присутствие общепризнано. Два из них происходят из Юго-восточного Приладожья (X в.), один из Михайловского могильника юд Ярославлем (вторая половина X в.), один из Гнездова (X в.) и два с Владимирщины (X и X—XI вв.). Принято считать, что топоры этого типа восточного происхождения и заимствованы у кочевников, в чем немалую роль сыграли походы русских дружин в Поволжье и на Каспии. Преобладание в составе этих дружин варяжского контингента не вызывает сомнений. Поэтому мы в праве полагать, что топоры-чеканы были принесены в Верхнюю Русь норманнами, которые также как и местные оружейники сразу же стали изготавливать их сами. В 1980 г. на раннесредневековом некрополе Пскова было открыто типично скандинавское камерное погребение молодого воина — второй половины X в. — с топориком-чеканом. В дальнейшем орнамент в виде гравированных линий присутствует на топорах почти всех европейских типов.

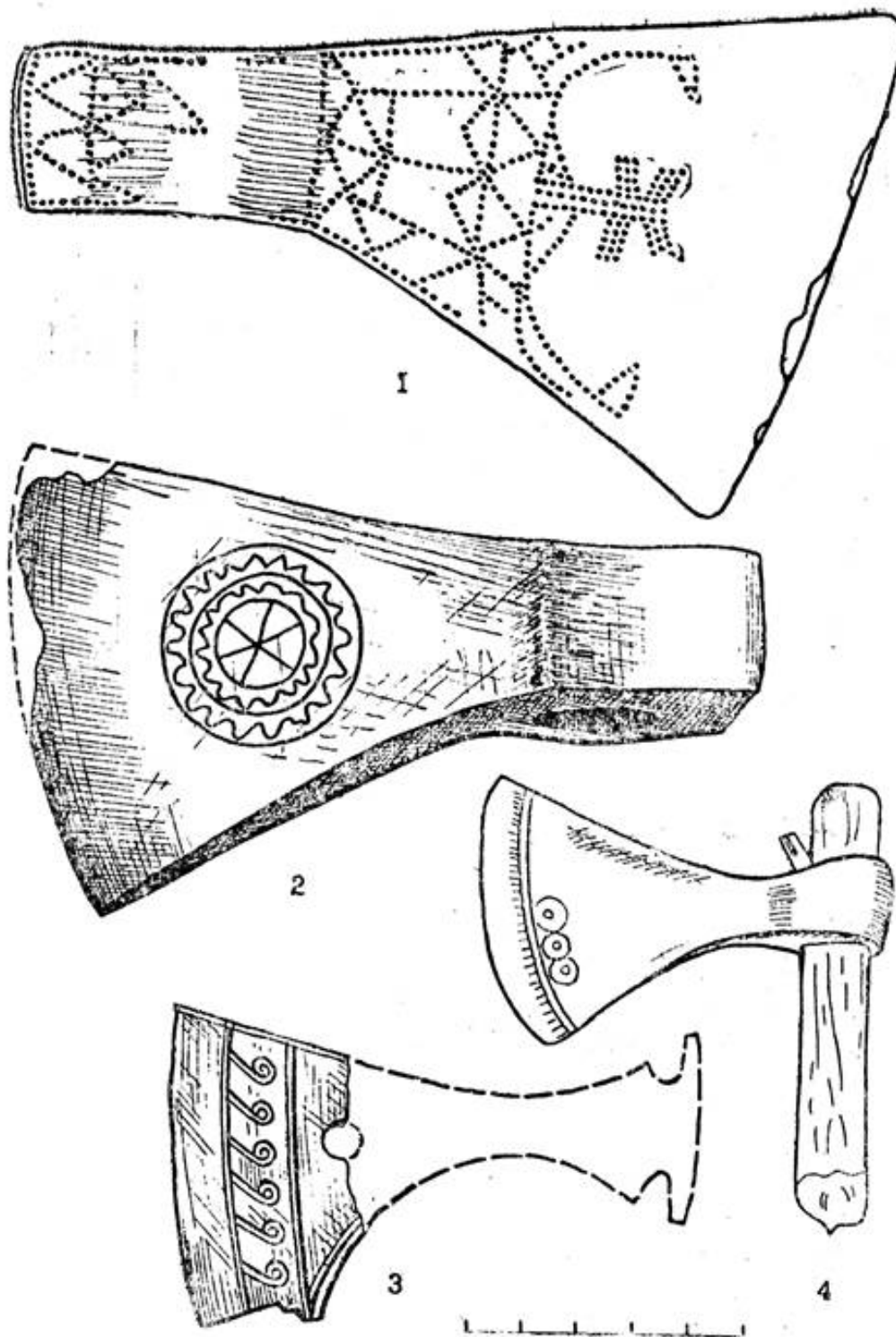


Рис. 4. Топоры. 1 — XIV в. (ц. Параскевы Пятницы); 2 — XIV в. (ц. Параскевы Пятницы); 3 — последняя четверть XIV в. (7—14—1445); 4 — 1322—1340 гг. (К—7—21—50).

1 — железо; 2 — железо, серебро; 3 — бронза; 4 — железо, дерево.

Два новгородских топора, относящихся к типу IV (по А. Н. Кирпичникову), входят в группу штампованных или нунсонированных топоров (по П. Паульсену). Оба они датируются XI в. Первый из них (Д—29/30 — зап. траншея) орнаментирован с обеих сторон в средней части лезвия двумя рядами штампованных треугольников, обрамленных точечной насечкой (рис. 2). Такая же насечка окружает отверстие в середине лезвия и образует бордюр вдоль краев лезвия до проуха. Сходный орнамент из двух рядов треугольников имеют топоры из Восточной Пруссии и Эстонии, а точечную насечку экземпляры из Тронхейма (Норвегия), Эстонии и Латвии. Однако, в комбинации, даже подобной имеющейся на новгородском топорике, оба вида орнамента нигде больше не встречены. Это обстоятельство позволяет считать его изделием местного новгородского мастера, объединившего два разных стиля орнаментации и дополнившего художественный облик топора оригинальными волютообразными в нижней части щекавицами и косицами.

Другой топор (Н—29 юж. траншея) также имеет орнаментацию в средней части лезвия от шпорцы до противоположного края в виде двух рядов округлых штампиков двух различных диаметров (рис. 3, 1). В центре треугольника, образованном линией орнамента и краями топора, находится небольшой круг, образованный штампиком меньшего диаметра с одним штампиком посередине. Обух топора обломан. Прямых аналогий этой орнаментальной композиции нет, что можно расценивать, как свидетельство об изготовлении топора в Новгороде. По-видимому, создавший его мастер был знаком с прибалтийскими топорами, украшенными пуансоном в виде треугольников и полуovalов с выпуклыми точками, подобными найденным в Турайде и Лиенае (Латвия) или Лайвяй (Зап. Литва), своеобразным развитием которых является его орнамент.

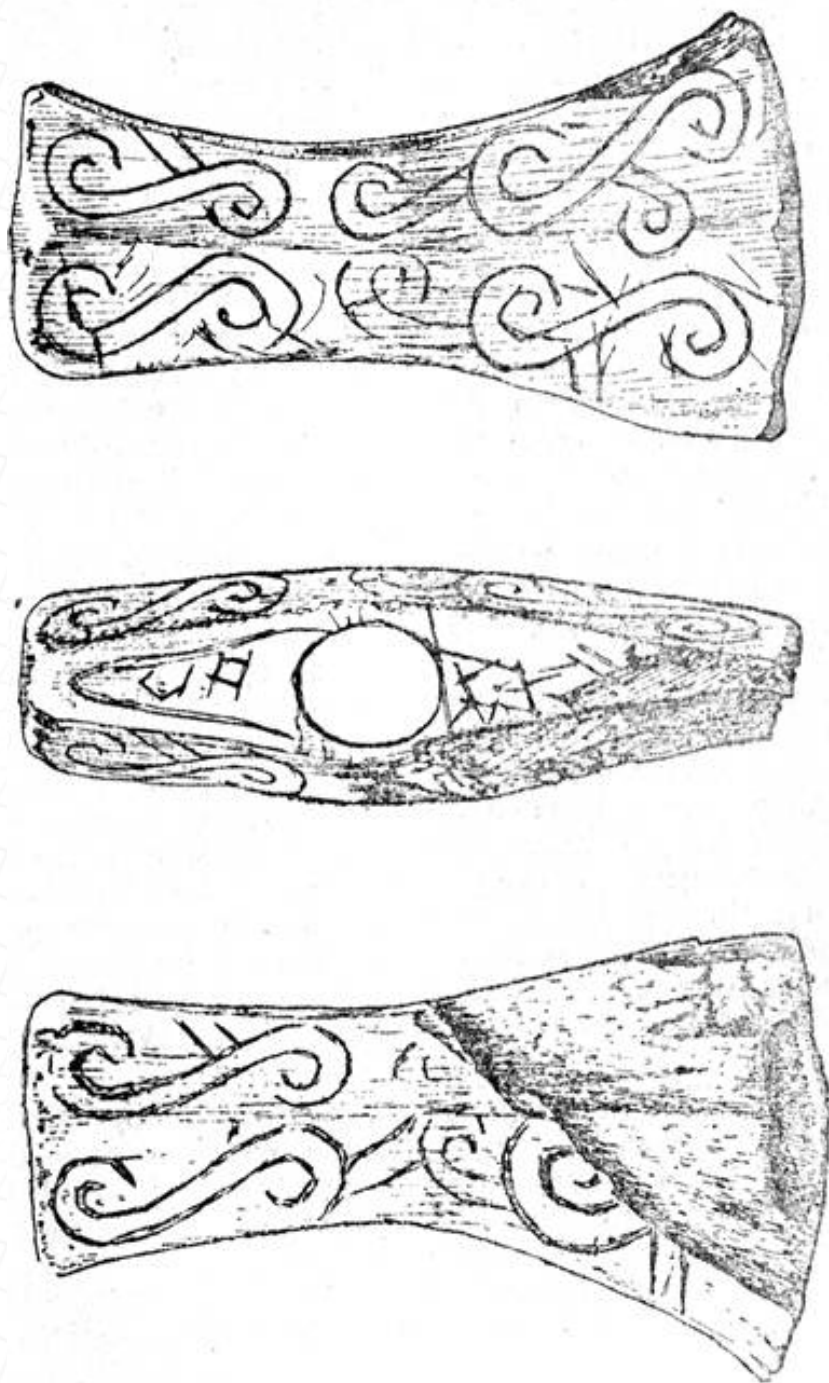


Рис. 5. Топор. Кость

Единственный, так называемый декоративный, топорик из Новгорода относится к типу IV (по А. Н. Кирпичникову) наиболее массовому по числу находок. Обух топора обломан, а оттянутое вниз лезвие имеет Ёлстун-шторцу (рис. 3,2). Вся поверхность топора с обеих сторон покрыта орнаментом, выполненным инкрустацией серебром. Он датируется первой половиной — серединой XII в. (19/20—17—1724) и относится к выделенной П. Паульсеном так называемой северо-балтийской группе¹⁴. К настоящему времени она включает 11 топоров, пять из которых найдены в Северной Руси, три в Прибалтике и по одному в Болгарах, Швеции и Германии¹⁵. По достаточно хорошо обоснованному мнению Н. А. Макарова, часть этих топориков, включая новгородский, с ободком по боковым краям, чешуйчатым орнаментом и бахромой из язычков, с некоторыми вариациями несомненно являются продукцией русских ремесленников. Однако первоначальным местом изготовления топоров северобалтийской группы является Прибалтика¹⁶.

Следующая группа из трех топоров происходит из слоя строительного мусора XIV в., заполнявшем западный притвор церкви Параскевы Пятницы на Ярославом Дворище. Они имеют форму секир-чеканов и по авторитетному мнению А. Н. Кирпичникова представляют собой заметную переработку домонгольских чеканов¹⁸. Два из них имеют монетовидные подобию клейм в виде выложенного серебром геометрического узора (рис. 4, 2). Топорик такого же типа с аналогичной инкрустацией был найден во Владимире. Орнамент на третьем экземпляре иной и выполнен насечкой из точек (рис. 4, 1). Два орнаментированных новгородских топорика, по-видимому, следует признать детскими игрушками. Они слишком малы для использования их даже для мелкой работы и в то же время не настолько, чтобы служить амулетами.

Первый из них, насаженный на топорнице, от которого сохранился небольшой обломок (рис. 4, 4), относится к типу VIII A (по А. Н. Кирпичникову) и датируется 1322—1340 гг. (К—7—21—50)²⁰. Орнамент на таких топорах встречается редко²¹. Новгородский экземпляр украшен двумя гравированными линиями, расположенными параллельно лезвию недалеко от его края и тремя кружками вдоль него, напоминающими циркульный орнамент.

Второй топорик бронзовый (рис. 4, 3). От него сохранилась лишь часть лезвия до места, где в нем находилось отверстие, которые присутствуют на большинстве топоров типа IV. Лезвие топорика украшено шестью палочками с завитками на концах, напоминающих навершия епископских посохов, нередко изображаемых на западно-европейских монетах. Они ограничены с двух сторон параллельными лезвию линиями. Найден топорик в слое последней четверти XIV в. (7—14—1445), хотя по своему облику он более древний.

Завершает серию новгородских орнаментированных топоров экземпляр из рога, покрытый вырезанными на нем S-видными завитками (рис. 5). Он найден случайно и датировать его трудно. П. Паульсен учел в Северной и Восточной Европе 11 топоров из рога, большинство из которых орнаментированы. Помимо новгородского к ним можно добавить экземпляры из Нижнего Новгорода и Пскова. Все три роговых топора, встреченных на древнерусской территории, однотипные, но различаются по орнаментации.

Очевидно, что в новгородской коллекции представлены почти все основные типы орнаментированных топоров, выделенных П. Петерсеном в Северной и Восточной Европе. Эта коллекция настолько уникальна по своему составу, что сопоставлять ее и говорить о ней можно только в рамках и на фоне находок со всей этой огромной территории.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Рясна с коническим верхом

Н. В. Жилина

Данная категория украшений определяется исследователями как височные подвески к головному убору. 1 Основная часть украшения: конусовидный (колоколовидный) верх, не открытый вниз, а имеющий донную, слегка выпуклую часть. И верхняя, и нижняя поверхности покрыты накладным декором из скани, зерни, гладкой проволоки, при этом верхняя — разделена на несколько подтреугольных частей. Конусовидная верхушка прикреплялась к головному убору с помощью петли, а с ее нижнего края и из центра донной части вниз свисали цепочки с бляшками. В народных славянских костюмах XIX—XX вв. в состав головного убора входят аналогичные подвески-кисти из нитей, ткани, бисера, стекляруса, прикрепленные к полосе ткани, проходящей под головным убором. 2 3 Древнерусские рясны занимали в головном уборе то же место и играли ту же роль, что и колты. Колты же, как известно, подвешивались на различных цепях из колодочек и из бляшек, также называемых ряснами. Цепочки с бляшками, и в ансамбле с колтами, и в ансамбле с колоколовидными ряснами соединяли головной ярус убора с плечевым.

Известно 11 относительно целых экземпляров рясен, 1 колоколовидный верх без цепочек, 12 фрагментов цепочек с бляшками, 2 оригинальных сетки из цепочек с бляшками — всего 26 находок. Материал происходит из кладов и городских раскопок, имеется случайная находка. Рясны найдены в Старой Рязани (11 находок), Москве (2 находки), с. Кресты Тульской обл. (2 находки), Ярополч Залесский (1 находка), на Киевщине (м. Мирополь, Мартыновка, Смела — 4 находки).

6 находок происходит из Новгорода и Новгородчины. Этому материалу принадлежит особая роль, он расширяет представления об этой категории украшений, позволяя говорить именно об особом варианте убора с рясами, отличном от убора с колтами. Дв-а украшения в виде сеток из цепочек с бляшками (бляшки аналогичных форм, что и на подвесных цепочках рясен) из клада с. Сельцы свидетельствуют о существовании ансамбля, комплекта украшений, выполнявших⁶ в стиле колоколовидных рясен. Полный набор украшений этого ансамбля не известен, но указание на то, что рясны не одиноки, чрезвычайно важно. Можно предполагать, что применение серебряных сеток с бляшками было аналогично применению мониста, известного и в более позднее время.

В каком соотношении убор с рясами находился с убором с колтами? Была ли разница хронологической, этнической, или иной другой — это интересный комплекс вопросов, на которые можно было бы попытаться ответить. Новгородский и старо-рязанский материал однако уже сейчас дает возможность утверждать, что разница не была социальной. Все четыре фрагмента цепочек от рясен из городских слоев Новгорода сделаны из золота, следовательно более дешевым и простонародным этот убор не являлся. Золотая цепочка к рясам входит в состав драгоценного клада 1822 г. из Старой Рязани. Цепь из Ярополча Залесского найдена на территории усадьбы тиуна. И в вопросе датирования новгородским находкам принадлежит основная роль, поскольку они происходят из датированных с точностью до десятилетий слоев. Таким образом общий период бытования рясен предварительно намечается так: вторая четверть XII — первая половина XIII вв. В русле этой даты находится и цепочка из Ярополча Залесского, также происходящая из датированного стратиграфического комплекса.⁴

Построение типологического ряда рясен позволяет наметить хронологическую разницу внутри этой категории находок. Типология строится в рамках общей типологии/разрабатываемой автором для украшений со сканью и зернью. В основе определения типа лежит форма предмета, подтипа — сочетание формы с основной орнаментальной композицией украшения (эта композиция, как правило, членит предмет на второстепенные орнаментальные зоны). При сложных украшениях, каковыми являются и рясны, типологизируются отдельные части украшений, поскольку они развиваются по-разному.

Все верхние части анализируемых рясен принадлежат к одному типу конических. Подтипы выделены на основании того количества треугольных частей, на которые разделены верхние и донные поверхности украшения.

I подтип: верх разделен на шесть частей, при этом донная часть разделена на семь треугольных частей, которым соответствует семь боковых цепочек (с. Мартыновка, Киевщика; Старая Рязань, 1967 г.);

II подтип: верх разделен на шесть частей, донная часть — на восемь, четыре или даже — шестнадцать частей; число боковых цепочек — восемь. (Старая Рязань, клады 1868—1887 гг., Москва, клад 1988 г., Кресты Тульской обл.);

III подтип: верх разделен на четыре части, при этом боковых цепочек — семь.

В типологическом ряду подвески выстроены от более сложного сочетания деления поверхностей (6/7) к более простому, состоящему из четных чисел, или — кратных четырем (6/2; 6/4; 6/16).

Типы бляшек выделены следующие: I — круглые; II — удлинненно-каплевидные; III — лунничные; IV — ромби е-ские. Для всех типов бляшек выделены общие подтипы: I подтип — двудольное деление по вертикали; II подтип — четырехместное деление; III подтип — совмещение I и II подтипов; IV — бордюрная орнаментация. Каждый тип бляшки проходит свой путь развития. У круглых бляшек, находящихся в верхней и средней частях цепи, происходит переход от дьудольной схемы композиции к четырехчастной. Развитие концевых удлинненных бляшек более сложно. Слегка удлинненный абрис бляшки (крест, прорастающий вниз из круга) сменяется удлинненно-каплевидной формой, при этом основное изображение внутри бляшки меняется: вместо креста, направленного вниз, появляется росток, направленный вверх. Орнаментация сканью и зернью упрощается, форма бляшки становится расширенной, появляется бордюрная орнаментация. Лунничные бляшки, на наш взгляд, развиваются из общего прототипа с удлинненно-каплевидными, продолжая форму разомкнутого круга. Орнаментация замкнутых лунниц упрощается, не сохраняя никаких крестообразных композиций.

Ромбические бляшки в начале ряда имеют перекрестье, выполненное сканью и поначалу подчеркнутое зернью в углах. Затем зернь исчезает, а последние звенья ряда показывают исчезновение перекрестья и замену его бордюрной орнаментацией.

Рясна I подтипа и начальные варианты рядов бляшек представляют собой более ранний хронологический комплекс, ориентировочно его можно относить к XII в. (в соответствии с дендрохронологической датой цепочки с бляшками Михайловского раскопа).⁵

Рясна II и III подтипов, по-видимому, следует относить к более позднему времени: 70—90 гг. XII — первая половина XIII в. (на основании дат: золотой бляшки с Неревского раскопа (1177—1197 гг.; цепи с Ильинского раскопа (1210—1230 гг.); лунничной бляшки с Неревского раскопа (1238—1268 гг.).

Размеры и технология украшений той и другой хронологических групп в целом едины. Следует отметить лишь, что серебряные бляшки крупнее золотых.

Крупная зернь, ряды которой делят конические верхушки на части, колеблется в диаметре от 1,5 до 2,8 мм. Эта зернь, уложенная между двух гладких проволок, меняет свой размер, плавно становясь мельче к вершине рясны. Мелкая зернь, из которой выкладываются орнаментальные композиции на коническом верш, колеблется от 0,25 до 1,0 мм в диаметре. Средний размер подобной зерни: 0,65—0,7 мм. Скань на рясах встречена двух видов. На бляшках применяется скань, круглая в сечении (общий диаметр скани из двух проволок равен 0,4—0,6 мм). Арки из скани (деталь орнаментальных композиций конического верха) выполнены сканью, развальцованной в пластину толщиной 0,4—0,5 мм, шириной 1,25—2,25 мм. Скань в виде развальцованной пластины присутствует на медальонах ожерелий из клада из Старой Рязани 1822 г. Данная аналогия указывает на возможные русские корни этого технологического явления в

противовес мнению об исключительно западноевропейских параллелях.

На треугольных частях конических вершук расположены орнаментальные композиции, также различные для первой и второй групп рясен. Композиции первой группы имеют аналогии в материале русских вышивок XVIII—XX вв., их сюжеты, имеющие языческую основу, определяются исследователями по-разному, однако в определениях чувствуется родственность. Нами прослежено на ряснах три основных сюжета, соответствующие им сюжеты на вышивках определяются Б. А. Рыбаковым так:

I. Рожаницы: мать и дочь;

II. Рожаница — рожаящая женщина; III. Макошь и рожаницы в храме. У Г. С. Масловой можно найти следующие распределения: I. Женская фигура — надгробное сооружение, женщина в позе лягушки; II. Женщина с птицами, женщина-дерево с парными подчиненными фигурами, женщина-вазон;

III. Языческое капище со столпообразными фигурами идолов. На ряснах первой группы эти сюжеты узнаваемы, детализированы изобразительными деталями. На ряснах второй группы композиции разрушаются, число членов меняется, некоторые утрачиваются, другие бессмысленно повторяются.

Изображение приобретает декоративность, стремится приспособиться к треугольной части украшения, слиться с ее границами в единый орнамент. I и II сюжеты сохраняют двухъярусность, но в ярусах расположено бессмысленное нагромождение элементов прежней композиции: арок, женских фигур. Затем и количество ярусов умножается до орнаментальности. III сюжет развивается в орнаментальную сетку.

Надеемся, что разделение материала рясен на две временные группы будет когда-либо подтверждено новым материалом. Основную базу для заключений по хронологии составил новгородский материал, удачно добавив к общему комплексу материала рясен как раз именно те данные, которые практически отсутствуют для материалов других регионов.

- 1 Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 17—18. Рис. 81.
- 2 Этнография восточных славян (очерки традиционной культуры). М., 1987. С. 286.
- 3 Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1981.
- 4 Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 50, 81, 126—127.
- 5 Шифр: Мих. 29—49.
- 6 Шифры: 17—19—1072; Ил. 11—20—69; 14—17—1048.
- 7 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 471—527.
- 8 Маелов А. Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 57—151.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Обработка железа в Новгороде

(По материалам Михайлоархангельского раскопа XII—XIV вв.)

Б. Д. Ершевский, Л. С. Розанова

По результатам археологических исследований раскопа уже ставились доклады на представительной научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология», а также опубликована статья в сборнике этой конференции. Вместе с тем позволим ненавязчиво отметить, что работы на Михайлоархангельском раскопе велись в течение 1990—1991 гг. Он был заложен строго по пятну строительства будущей пристройки к школе № 11 по ул. Желябова (Прусской), № 4. Топографически раскоп приходится на северо-западную окраину древнего Людина конца и расположен приблизительно в 50—70-ти метрах к северу от проходившей в древности здесь Прусской улицы.

Верхние слои раскопа датируются XIV в. Что же касается даты заселения этой территории, то здесь мы имеем результаты дендрохронологического анализа, выполненные в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН А. Ф. УрьевойЗ. Так дворовая вымостка, положенная на материк, датируется 1172—1182 гг., а часток в материке 1169—1170 гг.

Таким образом, по данным дендрохронологии раскопанная территория была заселена не ранее 70 годов XII в. Попытаемся эту датировку уточнить или подтвердить. В этой связи обратимся только к трем находкам, которые залегали в предматериковых и даже в материковых слоях.

1. Вислая свинцовая печать найдена в предматериковом слое. Она несет ростовое изображение св. Феодора с копьем и щитом, а на обороте пятистрочную греческую надпись: «Господи воззри на мя, протопроедра Ефстафия». Такой тип печати В. Л. Янин относит к первым новгородским посадникам, бывшим на должности в первое княжение в Новгороде Мстислава Владимировича, т. е. 1088—1094 гг. 4 Вторая находка — монетовидной формы привеска из биллона, найденная в материковом слое, на глубине 336 см. Она имитирует арабский дирхем, который находился в обращении в период VIII — нач. XI вв. По определению ведущего специалиста отдела нумизматики ГЭ И. Г. Добровольского эта имитация вполне конкретного дирхема, но в отличие от арабской монеты она не имеет надписей, а несет на обеих сторонах хорошо выполненные черточки с высоким уровнем подражания. По мнению специалиста такие изделия бытовали в безмонетный период, начало которого приходится на 30 годы XII в.

И, наконец, зооморфная подвеска в виде уточки с двумя подвижными лапками на восьмеркообразных или двойных перпендикулярных звеньях. Хвост вытянут вверх. По своду Е. А. Рябина она относится к XVIII типу, вариант 2. Время их бытования вторая половина XI—XII векаб.

Таким образом, характеристика только трех находок из нижних слоев показывает, что время их бытования приходится на вторую половину XI — середину XII вв., учитывая все данные считаем, что археологически исследованная территория была освоена в первой половине XII в.

Собрание железных изделий Михайлоархангельского раскопа насчитывает 159 находок, которые залегали в слоях 9—\7 пластов. В коллекцию входят ножи, замки, ключи, пробои дверные, кольца, пряжки, крюки, шилья, тесла, топоры, коса, ножницы, удила, кресала, сошник, стрелы, шипы ледоходные, ложкарь, скобель, пинцеты, писала, две крицы и 10 заготовок-полуфабрикатов.

Хронологически они распределялись так: 93 изделия залегали в слоях 1—2 строительного яруса, датировка которых сер. XIV — сер. XIII вв., 8 предметов найдены в слоях 3—5 ярусов, что соответствует 1-й пол. XIII в., 20 находок приходятся на слои 6—7 строительных ярусов, датированных нач. XIII — кон. XII в. и, наконец, 32 изделия обнаружены в слоях 9-го яруса, нижняя дата которого 70 годы XII в. Рис. 1.

Новгородский металл в полной мере хорошо изучен, прежде всего, в фундаментальных, глубоких исследованиях Б. А. Колчинаб, а также в серии работ Л. С. Розановой, В. И. Завьялова⁷. Но здесь уместно отметить одно обстоятельство — полное отсутствие исключительно на всех новгородских раскопах вещественных источников самого производства, которое хорошо представлено многочисленными и различными изделиями из железа. На Михайлоархангельском раскопе коллекцию железных предметов впервые "пополнили находки заготовок — полуфабрикатов, которые указывают на присутствие здесь железообрабатывающего производства. Среди десяти заготовок имеются: заготовка копья, шила, две заготовки стрелы, шипа ледоходного и пять поковок в виде железных брусков прямоугольной формы.

Залегание заготовок по ярусам следующая: Рис. 2. 2 находки в слоях 3—5 ярусов — I пол. XIII в., 6 заготовок найдены в слоях 6—7 ярусов, что соответствует нач. XIII — кон. XII в. и 2 находки в 9 ярусе — 70 г. XII в.

Часть коллекции железных изделий из раскопа была подвергнута металлографическому анализу, который проводился в Лаборатории естественно-научных методов одним из авторов. Для анализа были избраны 46 предметов, в число которых входят: ножи, кресала, косы, шилья, скобель, ножницы, писало. Цель такого исследования — не столько выяснение технологических характеристик (такая работа проводилась разными исследователями на больших сериях), сколько попытаться скорректировать даты заселения археологически изученной территории. Такое направление исследования вполне правомерно, поскольку общеизвестно, что существуют хронологические рубежи изменений новгородских производственных технологий. Напомним, что наиболее ярко прослежена эволюция технологии производства на таком универсальном орудии труда, как нож, а ножи в нашем случае составляют основу исследованной металлографически коллекции. Распределение предметов, подвергнутых металлографическому анализу по пластам, представлено таким образом: 9 пласт — 11 предметов, 10—12 пласты — 4 изделия, 13 пласт — 2 предмета. 14 пласт — 5 находок, 15 пласт — 8 изделий, 16 пласт — 16 предметов. Это составляет практически 30% от числа найденных на раскопе железных предметов. Однако этот процент можно считать вполне корректным, поскольку для металлографического анализа отобраны из общей коллекции лишь те изделия, которые в наибольшей степени содержат в себе информационный потенциал.

При соотношении данных металлографического анализа со стратиграфией культурного слоя выявляется следующая картина.

Из 11 предметов, относящихся к 9 пласту, датированного на основании дендрохронологического анализа I пол. XIV в., шесть ножей и два кресала изготовлены в технике наварки с последующей закалкой. Два ножа откованы из неравномерно науглероженной стали и закалены. Несколько особняком стоит процесс изготовления косы. При ее изготовлении была использована железная заготовка, которая в процессековки неоднократно проковывалась, вытягивалась, складывалась и сваривалась. Это длительная и трудоемкая работа, которая, однако, в конечном счете приводит к появлению орудия с тонким клинком, а после отбивки с острым лезвием.

Следующие 4 предмета (3 ножа и коса) происходят из 12 пласта, дендрохронологическая дата которого 3-я четверть XIII в. Технология этих изделий сводится к трем схемам: целиком из железа — 1 нож, торцевая наварка с закалкой — 2 ножа, вварка стальной полосы на косе в мягкой среде. Отметим высокую технику изготовления косы: тонкое стальное лезвие, вваренное в железную основу, соблюдение температурных норм сварочного режима, мягкая закалка — все это свидетельствует о высокой профессиональности кузнеца. Так как орудие отвечает всем нормам, предъявляемым к этому виду.

Из 13 пласта, датированного дендрохронологически I пол. XIII в., исследовано 2 ножа. Оба показали технологию трехслойного пакета с

последующей закалкой.

Из 14 пласта (нач. XIII в.) для металлографического анализа взято 5 предметов — 4 ножа и скобель. Наиболее примечателен скобель. Первокласное хорошо сохранившееся орудие для грубой обработки древесины. Технология его изготовления — торцевая наварка высокоуглеродистой стали на железную основу и закалка. Технология производства ножей представлена в трех вариантах: трехслойный пакет (2 экз.), варка (1 экз.) и многослойная пакетная заготовка из железа и малоуглеродистой стали (1 экз.).

15 пласт датируется дендроанализом кон. XII — нач. XIII вв. Взято на металлографический анализ 5 ножей и шило. Все ножи выполнены в сварной технике, представленной в виде пятислойного (2 экз.) и трехслойного пакета (3 экз.) с последующей закалкой клинков. Сварочные операции выполнены в правильных режимах, о чем свидетельствуют тонкие и чистые сварочные швы. Шило изготовлено простейшим способом — целиком из неравномерно-науглероженной стали.

Из 16 пласта, имеющего дендрохронологическую дату — 3-я четверть XII в., металлографически исследовались 8 ножей, ножницы и писало.

Технология ножей сводится к 3 схемам: целиком из сырцово-железной стали и закалка клинка — 4 экз. Торцевая наварка с последующей закалкой — 2 экз. Трехслойный пакет — 2 экз. Среди ножей с трехслойной технологией один нож выполнен не в «классическом» виде (железо, сталь, железо при поперечном рассмотрении), а в сочетании сталь, железо, сталь. Такие случаи «ошибок» ранее уже были известны на ножах из Неревского раскопа и на ножах из Троицкого раскопа в Людином конце.

Ножницы откованы, как показало металлографическое исследование, из сырцово-железной стали, писало (исследовалась заостренная часть) имело наварное и закаленное острие. Особый интерес вызывает найденная в последних двух пластах (15 и 16) серия предметов, которые могут быть идентифицированы как заготовки и бракованные изделия (ножи, наконечники стрел, кресала, шилья).

Интересно и то, что наблюдения над топографией залегания заготовок и бракованных изделий показывают, что все они сконцентрированы только в центральной, юго-западной части раскопа, которая в соответствующих ярусах была свободной от встройки. Это позволяет думать о наличии здесь кузнечного производства, которое, конечно, пожароопасно и требует нахождения вблизи водоема. Эти требования как будто бы в древности были соблюдены. Наблюдения за земляными работами в этом районе проводил С. Н. Орлов, который верно зафиксировал проулок Рогавка, частично вскрытый археологическими работами на раскопе, а также он отмечал нахождение здесь древнего ручья: «К северу, по-видимому, улица переходила за руслом древнего ручья, а затем шла вдоль ручья до вала Окольного города»¹.

Следовательно, правомерно говорить о том, что примерно в 30—40-м к северу от предполагаемого места расположения кузницы в древности протекал ручей. Иными словами, необходимые средства для тушения пожара находились рядом. Сама же кузница могла представлять собой легкую деревянную конструкцию. Косвенным подтверждением кузнечного производства здесь могут служить и находки 2-х криц, которые найдены в слоях кон. XII—нач. XIII вв. Все эти факты позволяют нам высказать мысль, что на территории древнего Новгорода впервые зафиксирована кузница-мастерская по изготовлению железных изделий. В пользу такого решения свидетельствует и то обстоятельство, что располагалась она на окраине города, вблизи древнего ручья. Время функционирования кузницы было не продолжительным. Вероятнее всего она работала с периода освоения территории до начала XIII в. На основании процентного (57) содержания в нижних напластованиях ножей, изготовленных по пятислойной и трехслойной технологиям, а также малочисленности ножей с наваркой, можно с уверенностью говорить о том, что освоение исследованной территории произошло в первой половине XII в.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Вислые свинцовые печати из находок 1990/1991 годов на Михайлоархангельском раскопе

Б. Д. Ершевский

Важность сфрагистики в вопросах истории Новгородской государственности периода независимости велика. Главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси с начала нынешнего столетия стало Городище под Новгородом, где возникла резиденция новгородских князей и с начала XII в. сформировался государственный архив документов, скрепленных вислыми свинцовыми буллами.

Вторым источником поступления в науку свинцовых печатей является культурный слой Новгорода, который планомерно археологически исследуется раскопами и пополняет собрание новгородских сфрагистических памятников новыми интересными находками. Еще печати поступают из числа случайных находок.

Михайлоархангельский раскоп был расположен в 200 м к западу от упомянутой в Новгородской I летописи церкви Михаила на Прусской улице 1. Площадь раскопа 612 кв. м. Он удален на 50 м к северу от древней Прусской улицы. Работы велись в течение двух полевых сезонов, за это время среди многочисленных находок были найдены пять свинцовых печатей, которые мы публикуем по очередности их находки.



Рис. 1



Рис. 2



Рис. 3





Печать обнаружена в слоях 1-го строительного яруса (XIV в.). Эта булла принадлежала новгородскому тысяцкому Григорию Ивановичу, который занимал должность около 1381 — 1391 гг. До нашей находки печати этого политического деятеля не были известны, а сам Григорий Иванович упомянут в договоре Великого Новгорода с ганзейскими городами в связи с Нибуровым миром. «А повѣстуете тако: намъ с вами опириши миръ. взявъ есте у нашихъ купцовъ товаръ в Новѣгородъ у Юрьевъцовъ и в иныхъ городоувъ и на смъ поморьи, и опасной грамотъ, что есте к намъ при-слалъ за посадницею печатью Василя Ивановича и тысяць-кого Григорьи Ивановича, а то есте отдалъ Новугороду».

2. Пласт 9. Квадрата 92. Круглая свинцовая печать диаметром 25 мм.

Л. С. Надпись в 4 строки ГР1ГО(Р)Е ПОС(АД)НИКА (ЫО)ВГ(Р)АЦ(КОГО), т. е. Григория посадника Новгороцского.

О. С. Всадник с копьем, св. Георгии.

Эта булла также найдена в слоях 1 яруса и может быть отнесена посаднику 80-х годов XIV века Григорию Якуновичу.

Булла пополнила круг именных печатей новгородских посадников с указанием их титула. Таких печатей известно очень немного. В своде Актowych печатей зафиксированы только 22 буллы, которые содержат в своих текстах 14 посадничьих имен. Причем из 22 именных булл только 11 найдено в земле, остальные сохранились при актах общегосударственного значения⁴.

В. Л. Янин считает, что посадничество Григория могло начаться задолго до 1384 г., а сведения о нем в письменных источниках исчезают, после 1389 г.⁵ Территориальная принадлежность этого посадника хорошо определяется его строительной деятельностью.

Новгородская I летопись под 1389 г. сообщает: «Того же лѣта Григории посадникъ Якунович постави церковь камену Покровъ святыя богородица на воротех». Эта каменная церковь была поставлена впервые еще Семеном Климовичем в 1305 г. на «воротех от Прусской улице», которая и сейчас видна у Покровской башни кремля.

Итак, Григорий Иванович представлял в государственном правлении Новгорода от боярства Прусской улицы. Эти упоминания относятся к 1389 г., а более раннее — к 1386 г., когда он назван в составе посольства, но не в должности посадника, а вместе с посадником Василием Федоровичем. Это посольство новгородцы отправляют в Ямны для передачи Дмитрию Донскому 8000 рублей выкупа за пограбленных на волоке московских купцов⁸.

В заключение рассуждений об этой печати отметим, что она первая и единственная булла, которая принадлежит этому политическому деятелю Новгородской истории 80-х годов XIV века и 12-я печать по счету, которая найдена в земле.

3. Пласт 9, квадрат 79. Круглая свинцовая "печать диаметром 27—30 мм (рис. 3). Найдена в слоях 1 яруса.

Л. С. Надпись в 4 строки ВЕЛИ (КО) ГО НО(ВГО)РО-Д(А) ПЕЧА(ТЬ), т. е. ВЕЛИКОГО Новгорода печать.

О. С. Плохое изображение всадника, влево. Эта группа печатей составляет одну из наиболее значительных сфрагистических категорий. В Свод вошло 76 булл, оттиснутых 50 парами матриц. Они подразделяются на две подгруппы. К первой относятся печати с надписью: Печать Новгородская. Известно 13 разновидностей. Вторая подгруппа включает печати с надписью «Печать Великого Новгорода» — 37 разновидностей⁹.

В. Л. Янин убедительно показал, что массовое распространение анонимной государственной буллы Новгорода после 1416—1417 гг. является следствием отвоевания посадником приоритета в смешном суде. Анонимная государственная печать приходит на смену не только именованным буллам посадников и тысяцких, но практически и на смену печати великокняжеского наместника, до крайности сужая сферу применения последней... Основная масса анонимных государственных булл бытовала до 1456 г.¹⁰

Публикуемая в работе печать как будто бы тяготеет ко второй подгруппе, но формула на лицевой стороне читается как бы в зеркальном варианте, т. е. не «Печать Великого Новгорода», а «Великого Новгорода печать». Несомненно она относится к кругу анонимных государственных печатей, но о времени возникновения этой буллы возьмем на себя смелость высказаться.

В этой связи отметим следующие обстоятельства. 1. Наша булла единственная и первая, которая несет на себе такую формулу.

Матрица, которой она оттиснута, ранее неизвестна. 2. Печать найдена в слоях середины 2-й половины XIV века. 3. Новгород начинает называться Великим только с конца XIV в. Об этом говорится в документе о Нибу-ровом мире, который был заключен в 1392 г. от «Великого Новгорода», а в летописи Новгород назван Великим под 1393 г.¹²

Все это позволяет высказать предположение, что наша печать могла возникнуть как экспериментальный вариант, который появился на рубеже XIV—XV вв. и предшествовал позднейшим анонимным государственным буллам. 4. Все 3 печати обнаружены на глубине 9 пласта с наружной стороны сруба № 1, отнесенного к 1-му строительному ярусу. Сруб получил дендродаты (1348—1350 гг.). Сооружение располагалось в юго-восточной части раскопа (кв. 79—81; 92—94). Размер внутри сруба на площади раскопа 3,4X4,2 м. Он может быть отнесен к жилым сооружениям.

Верхние слои на площади раскопа очень плохой сохранности, имеют значительные перекопы, они особенно заметны на участках залегания современных коммуникаций и глубина их залегания 8—9 пласты, которые в большей степени потревожены. Вот такое состояние культурного слоя в верхних пластах и определило возможность попадания в него более поздних сфрагистических памятников. 4. Пласт 9, квадрат 79. Круглая свинцовая печать диаметром 22—25 мм (рис. 4)..

Л. С. Погрудное изображение бородатого святого. Над левым плечом остатки колончатой надписи ОАПОС; справа остатки колончатой надписи имени святого Николая;

О. С. Погрудное изображение неизвестно бородатого святого.

В. Л. Янин мне любезно сообщил, что вероятно здесь изображен святитель, скорее всего Василий, а время бытования этой буллы не позднее 1-й четверти XII в., может быть рубежа XI—XII вв.

Это, конечно, княжеская печать, которая должна быть отнесена к типу булл с изображением святых тезоименитых владельцу на обеих сторонах. Эта группа памятников составляет наиболее значительный разряд русских булл XI—XIII вв. Сейчас известно 405 экземпляров такого типа, оттиснутых 150 парами разных матриц¹³.

В нашем случае мы имеем печать с изображением св. Николая. Она принадлежит к числу редчайших изображений на Новгородских печатях. Изображение Николая до нашей находки встречено только в двух сочетаниях: Николай—Михаил (4 экз.) и Николай — неопределенный святитель.

Печати с изображением архангела Михаила в сочетании со св. Николаем В. Л. Янин относит черниговскому князю Святославу Ольговичу, который дважды занимал Новгородский стол (1136—1138; 1139—1141)¹⁴ и в крещении был наречен Николаем.

Печать из Михайлоархангельского раскопа несет ранее неизвестное сочетание, что вызывает трудности ее конкретной атрибуции. В Новгороде на княжении в домонгольской период был только один князь, нареченный в крещении Николаем, а его отца Олега крестили Михаилом. Именно такое изображение и имеется на печатях Святослава—Николая.

Интересную мысль высказал В. Л. Янин: «...некоторую опору для самых предварительных предположений дает изображение на печати св. Николая, которое должно обязательно присутствовать на буллах всех сыновей Святослава Ольговича в качестве обозначения их христианского отчества.

Все дети Святослава были северскими князьями. Из них только Игорь известен по своему христианскому имени (Георгий). Имена Олега и Всеволода, полученные ими при крещении, летописец не сохранил¹⁵.

Отталкиваясь от этой мысли исследователя мы должны увидеть южное происхождение этой княжеской печати и осторожно предположить, что либо Олег Святославич, либо Всеволод Святославич могли в крещении называться Василием.

Обнаружение этой ранней по времени бытования печати в верхних слоях можно объяснить только перекопами, которые потревожили эти пласты.

5. Пласт 15, квадрат 103. Круглая свинцовая печать диаметром 20 мм.

Л. С. Изображение святого Федора в полный рост, с копьем и щитом.

О. С. пятистрочная греческая надпись «Воззри на меня, протопроедра Евстафия».

В своде зарегистрировано — 14 печатей. Все находки происходят из Новгорода и Новгородской земли. Одна печать найдена в Старой Ладозе, одна печать Евстафия была найдена на юге — в Белгородке под Киевом. За последние 25 лет собрание этих сфрагистических памятников существенно пополнилось. Было найдено 8 булл на Городище под Новгородом, по одной печати в Киеве и во Пскове, 3 буллы в культурном слое Новгорода. Две на Троицком и одна на Михайлоархангельском раскопе.

Эти памятники в полной мере изучены В. Л. Яниным, который датирует их временем княжения в Новгороде Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха (1088—1094; 1096—1117 гг.) и относит к первым Новгородским посадникам, бывшим на должности в первое княжение Мстислава в Новгороде¹⁷. В частности, эту группу булл исследователь относит первому посаднику, упоминаемому в Списке А под именем, Завид, полагая, что в крещении его называли Евстафием.

В заключение отметим, что печать Евстафия — Завида найдена в стратиграфически чистых предматериковых слоях, на глубине 322 см, что позволяет надежно датировать время освоения раскопанной территории.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(25\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Вы интересуетесь монетами?](#)

Нумизматический магазин для коллекционеров. Монеты России, СССР иностранные.
bonuman.ru

[Интернет-аукцион AUCTION.UA](#)

Рай для коллекционеров! Нумизматика, филателия и другое. Уникальные лоты.
auction.ua

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Новгородская булла Дмитрия Донского из собрания Государственного исторического музея

А. А. Молчанов, А. М. Колызин

Сфрагистическая коллекция Отдела нумизматики Государственного Исторического музея в Москве в последние годы пополнилась рядом интересных памятников. К их числу относится замечательная по сохранности и художественным качествам новгородская булла великого князя Дмитрия Донского.

Свинцовая вислая печать, диаметром 25—28 мм, весом 7,17 г, происходит из случайных находок в Новгороде (скорее всего она поднята в 1990 г. на Городище, где со второй половины XI в. размещалась княжеская резиденция с хранилищем документов). На одной стороне она несет изображение мужской головы с бородой и длинными волосами в трехчастной царской короне, окруженное двумя линейными ободками, между которыми заключена круговая надпись: ВСЕ СЯ М(ИНЕТ)Ь. Левый и нижний края сфрагистической композиции, выгравированной резчиком на матрице, не уместились на свинцовом кружке и легенда восстанавливается полностью по другим, уже изданным экземплярам данной печати. Другую сторону занимает пятистрочная, надпись: ПЕЧА - ТЬ ВЕЛ1 - КОГО КН(Я)ЗЯ - ДМ1ТР1Я - 1ВАНОВ(1ЧА). От букв нижней строки отпечатались только верхние части, поскольку отпечаток буллотирия и здесь оказался неполным. К настоящему времени опубликованы уже четыре экземпляра таких печатей (три из них происходят из Новгорода, одна — из-под Луги, то есть также из пределов Новгородской земли), причем все они хранятся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа.

Издаваемый нами пятый экземпляр, оттиснутый тем же буллотипом, приобретен А. М. Колызиным в 1991 г. и вскоре перешел в Государственный Исторический музей (инв. № 108174).

Рассматриваемая разновидность печати с именем великого князя Дмитрия Ивановича привлекла внимание исследователей уже с момента находки первого экземпляра в 1902 г. К ее изучению обращались такие крупнейшие специалисты в области русской сфрагистики и нумизматики, как А. В. Орешников, И. И. Толстой и Н. П. Лихачев. Наиболее полная атрибуция для нее предложена В. Л. Яниным⁵, создателем Корпуса древнерусских актов печатей. В указанном своде она отнесена к атрибутам власти великокняжеских наместников в Новгороде. Датировка печати определяется периодом княжения Дмитрия Донского (1362—1389 гг.), имя которого указано в сфрагистической легенде.

Большой интерес, как подчеркивает В. Л. Янин, представляют особенности композиционного оформления данной буллы. Обычным для XIV в. было помещение на княжеских вислых печатях помимо многострочной надписи с титулом и именем владельца еще и патронального изображения святого. Эта традиция нашла свое отражение в целой группе свинцовых булл, также принадлежавших Дмитрию Донскому и употреблявшихся в Новгороде. Сюда относятся прежде всего четыре разновидности с изображением святого Дмитрия Солунского в полный рост с копьем и щитомб. К ним непосредственно примыкает булла с конным святым, представляющая однако иную линию в эволюции княжеской эмблематики: как теперь установлено, изображение всадника, с нимбом святого или без него, уже в XIII в. приобретает для потомков Александра Невского значение переходящего по наследству фамильного герба

Рассматриваемая нами печать в типологическом отношении стоит особняком не только среди прочих булл Дмитрия Донского, но и вообще в древнерусском сфрагистическом материале XIV в. В. Л. Янин вполне убедительно истолковал тип ее лицевой стороны как изображение царя Давида, сопровождаемое связывавшейся с этим библейским персонажем крылатой фразой⁹. Тот же исследователь отметил присутствие аналогичных в принципе композиций среди русских монетных типов конца XIV — начала XV в., а в качестве ближайшей параллели он справедливо указал на тверские денги великого князя Ивана Михайловича (1399—1425 гг.)¹⁰. Тем самым выявляется один из ярких примеров иконографической взаимосвязи столь близких друг другу, по единой официальной сфере бытования и технике изготовления, образцов мелкой пластики — булл и монет.

Новая находка печати Дмитрия Донского прибавляет к прежде известным экземплярам от общего буллотипа еще один, по сохранности самый лучший. В связи с этим появляется возможность исправить ту небольшую неточность в реконструкции текста пятистрочной надписи на оборотной стороне буллы, которая вкралась в Корпус В. Л. Янина¹¹: в конце второй строки после Л стоит не восьмеричное, а десятеричное «и», то есть I.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Об одном явлении в сельском храмовом строительстве 16 века

(По материалам Новгородского, Копорского, Ямского и Ладожского уездов Водской пятины Новгородской земли)

А. А. Селин

Начало XVI столетия — последние годы княжения Ивана III и правление Василия III — были, вероятно, одними из самых благополучных лет Российской истории. Внешнеполитические успехи (присоединение Пскова, Смоленска, Рязани) сопровождалась мощным хозяйственным и культурным подъемом в 20—30-х гг. Эта ситуация, в целом, сохранялась и в начальные годы княжения Ивана IV. С середины же 60-х гг. начинается тот самый, печально известный, процесс кризиса в Московском государстве, длившийся, так или иначе, до начала XVII столетия. Опричнина, события и последствия Ливонской войны, особенно тяжелые для Северо-Западных уездов, т. е., собственно, для территории Новгородской и Псковской земель («немецкие люди», как известно, доходили до очень отдаленных территорий, к примеру, в Обонежье), были губительны для страны, контрастируя с благополучием первой половины столетия. При сравнении материалов переписей рубежа XV/XVI вв. и второй половины XVI столетия обращают на себя внимание факты, свидетельствующие о появлении в начале XVI века новых сельских храмов²; эти храмы возникают, в первую очередь, не на центральных погостских селениях, но в новых селах и сельцах. В то же время, на рубеже XV и XVI вв. подобной картины мы не наблюдаем. По подсчетам А. М. Андрияшева, в Шелонской пятине, к примеру, в 1498 г., кроме погостских церквей, сельские храмы существуют лишь в 12 селениях³ (вероятно, их было больше, ибо описание этой пятины 1498 г. сохранилось не полностью; замечу, что из этих 12 селений 4 находились в

Никольском Которском погосте). В рассматриваемой части Водской пятины я, для периода 1500—1505 гг., насчитываю 14 таких храмов (см. таблицу).

Анализируя материалы по Которскому погосту Шелонской пятины, я убедился в справедливости отмеченного выше наблюдения: к 1582 г. (время следующего сохранившегося описания) на его территории наблюдается (вместе с по-гостскими) уже не 5, а 9 храмов, из которых 2 стоят на погосте-месте, а остальные возникают в различных селах (впрочем, к 1582 г. все они «от литовской войны» стоят «бес пения»⁵). Этот же процесс протекает и на территории Бежецкой, Водской, Обонежской и Деревской пятин. Попробуем оценить наблюдаемое явление.

Общеизвестно, что административное деление Новгородской земли конца XV—XVIII вв. происходило по погостам-округам, большинство которых имело двучастное название: кроме локативной части еще и вторую — по посвящению главного (и, вероятно, древнейшего) храма погоста (об исключениях мы скажем ниже). Подобная система, которую, в более или менее полном виде, мы имеем возможность наблюдать с рубежа XV/XVI вв., предполагает, вероятно, в той или иной мере, совпадение административной единицы — погоста — и сельского прихода, во всяком случае, на определенном этапе. Вновь возникающие храмы именовались «выставками» погостов. Такая ситуация, в целом, сохраняется на протяжении всего XVI столетия.

Дошедшие до нас писцовые книги 20-х — 60-х гг. этого века сообщают о хоть и неравномерной, но достаточно заметной картине непрерывного храмового строительства. Чрезвычайно часто встречается формулировка: «церковь, стала ново», «стала после письма» и т. п. На многих погостах строятся вторые, «теплые» церкви; есть и погосты с тремя церквями.

Такая ситуация не могла не повлечь за собой изменений в расселенческой структуре: появившиеся в селениях храмы, естественно, изменяли их статус в иерархии поселений, шло практически непрерывное дробление приходов и т. д. В то же время, раз зафиксированное погостное деление уже не менялось, т. е. новых погостов-округов не возникало. Здесь, впрочем, можно усмотреть и стремление к фискальному комфорту — удобнее было определять разного рода повинности по раз и навсегда установленным административным единицам. Лишь в немногих случаях источники именуют погостом (причем — именно погостом-территорией) некие регионы, имевшие в своем центре храм, возникший в 20—30-е гг. XVI в., ранее не существовавший.

Наблюдаемая смещенность центров становится еще более заметной после «Литовского разорения», когда, подчас, «разорались» главные погостские храмы, а церкви, возникшие в волостках, продолжали «оставаться в целости»: в таких случаях приходские функции переходили к этим «выставкам» — периферийным храмам, их священники и дьячки скрепляли своей подписью различные документы, приносили присяги и т. д. В то же время территория таких погостов с разоренным и невозобновленным центром продолжала описываться под прежним названием вплоть до XVIII века: такова, к примеру, была судьба Дмитриевского Гдицкого (Вдицкого) погоста Водской пятины, уже упоминавшегося Никольского Которского погоста Шелонской пятины и др. Часто из двух погостских храмов, существовавших на одном месте сохранялась не первая — давшая всему погосту название-посвящение, и, вероятно, древнейшая, а вторая, более поздняя, с другим посвящением. В этих ух, за редким исключением, название погоста опять-таки не изменялось. Замечу, кстати, что такая ситуация дает нам интересную модель для реконструкции процессов на территориях, источники по которым не сохранились (или процессов, протекавших в более раннее время). Поясню: к примеру, в Михайловском погосте в Михайлове Конце Бежецкой пятины в 1572 г. мы знаем церковь, посвященную не Михаилу Архангелу, а пророку Илье. Вероятно предположить, что погост получил свое название по церкви архангела Михаила, позднее исчезнувшей, на месте которой воз-ник более поздний Ильинский храм. Та же модель может объяснить и существование в 1585 г. единственной каменной Успенской церкви в сельце Никольском Каменской губы Гдовского уезда.

Появление в большого числа новых сельских храмов за достаточно короткий срок преобразило, вероятно, и средневековый ландшафт: неоспоримо место церквей в системе пространственных ориентиров в качестве организующих сельский (как, впрочем и городской) ландшафт доминант и т. п.

Рассмотрим, как проходил этот процесс на территории Водской пятины. В 1500—1505 гг. мы знаем здесь 39 церквей на погостах, 11 сельских монастырей и 14 сел, в которых тоже стоят храмы. В течение 1505—1582 гг. возникает 51 новое селение с церквями, 3 монастыря; в 16 селениях строятся теплые и придельные церкви. Можно выделить четыре основных региона, где такое храмовое строительство шло наиболее интенсивно. В первую очередь — это территория Верхнего Полужья — зона раннего древнерусского освоения (причем еще большее количество новых храмов в этом регионе возникло на левом, Шелонском, берегу р. Луги, где, кстати, находились и все погостские церкви Полужья). Здесь, кстати, еще в 1500 г. мы фиксируем три храма, располагавшихся в селах, а не на погостах.

Вторым таким регионом было т. н. Ижорское Плато — административно, территория Ямского и Копорского уездов — также зона раннего древнерусского освоения.

Особо выступает третья группа селений со вновь возникшими церквями — район среднего и нижнего течения р. Оредеж. Важную роль в формировании новой сети сельских храмов сыграла здесь Ивангородская дорога — проходивший через эту территорию средневековый путь, соединявший Новгород с Ивангородом. С возобновлением в 30-х гг. XVI в. этой дороги, возможно, существовавшей еще в XIII в., вновь актуализируется в качестве нерядового поселения и известный по источникам XIII в., располагавшийся вблизи нее городок Тесов, в XIV—XV вв. исчезнувший со страниц летописи; после 1240 г. этот топоним вновь отмечается источниками лишь в документе середины XV в.: земля «в Тесове в Демьяницах»¹⁶. Вдоль возобновившейся Ивангородской дороги в районе Тесова возникают два из трех новых

монастырей и каменная церковь в с. Поляны.

Последней, четвертой зоной возникновения новых сельских храмов выступает район побережья Ладужского озера и ближайших примыкающих к нему территорий. Здесь, вероятно, важным фактором возникновения новых сельских храмов явился сам г. Ладога, занимавший особое место в системе новгородских пригородов. Отметим также, что 5 возникших здесь в XVI веке церквей располагались не на обычных сельских поселениях, но на рядках — в данном случае крупных рыбацких поселках.

Приуроченность возникавших церквей к зонам древнерусского освоения объяснима. Строительство храма в некоем селении может считаться одним из показателей его (селения) устойчивости, стабильности. Такая стабильность, кроме всего прочего, обеспечивалась, вероятно, и хозяйственными условиями данного поселения; с другой стороны, тяготение древнерусской колонизации к оптимальным, с точки зрения хозяйственной эксплуатации, землям представляется очевидным. Селения, в которых в тот или иной момент возникали храмы (имеем ввиду эпоху средневековья) могут считаться не только наиболее стабильными (кстати, практически все селения XVI с церквями без труда локализируются), но и, предположительно, теми, что выступали центрами, точками исхода внутренней колонизации, протекавшей на территории Водской пятины, видимо, в XIV—XV вв. По аналогии: известно, что в разоренной Смутным Временем России начала XVII в. центры многих погостов, пережившие Смуту, выступали в качестве «опорных пунктов освоения». Появление большого числа новых сельских церквей в Северо-Западных районах России в первой половине XVI века может быть соотнесено не только с общим хозяйственным и политическим подъемом в стране, но и с деятельностью новгородского архиепископа, а позднее общерусского митрополита Макария, который, как известно, будучи еще на новгородской кафедре, уделял много внимания обустройству епархии (достаточно вспомнить внедрение общежитель-ства в монастырях, проведение соборного постановления, запрещавшего совместное проживание монахов и монахинь и др.).

Характеризуя процесс церковного строительства, нельзя не сказать и о его кратковременности: начавшись в 20—30-е гг. XVI в., он практически завершился в 60-е гг.; мне удалось найти лишь два упоминания о строительстве церквей в Водской пятине около 1582 г. (с. Копцы в Заверья-жье²¹ и с. Водосца Грузинского погоста²²); позднее, после короткой передышки в правление Бориса Федоровича Годунова, наступают события Смутного времени, чрезвычайно изменившие всю поселенческую структуру Северо-Запада. Следует, впрочем, заметить, что в ряде случаев в конце XIX

— начале XX вв. мы встречаем вновь появляющиеся храмы именно в тех пунктах, где они отсутствовали со времен Ливонской войны (Яцера, Гузи и др.). Вероятно, здесь вновь вступает в силу тот самый эффект стабильности поселений, возникающий в системе традиционных топографических представлений и даже пристрастий: церковь, с одной стороны, является показателем высокого иерархического статуса селения, а значит и его стабильности; с другой стороны, мы знаем поселения, непрерывно существующие с 1498—1500 гг. до наших дней и пережившие Запустение и Смутное Время, в которых никогда не выстраивался храм — в этих случаях мы сталкиваемся именно с традиционными топографическими пристрастиями: церковь появляется там, где привыкли ее видеть; впрочем такая ситуация может объясняться и чисто топографическими условиями селений.

Хотелось бы сказать несколько слов о посвящениях сельских храмов XVI века в Водской пятине. Материалы писцовых книг XVI в. позволяют разделить храмы по трем хронологическим срезам (при данном анализе мы не рассматриваем посвящения монастырских храмов, которые, вероятно, обусловлены иными причинами, нежели посвящений рядовых сельских церквей). Я исхожу из того, что древнейшие сельские храмы — это храмы на погостах; церкви же в селах, отмеченные в 1500—1505 гг., возникли несколько позднее — это вторая группа; третью группу составляют храмы, возникшие в XVI в.; в особый раздел выделены посвящения приделов и теплых церквей (см. таблицу).

Прежде всего, обращает на себя внимание факт полного отсутствия храмов с Троицким посвящением в первых двух группах. Ближайшая аналогия этому — отсутствие до XVII в. Троицких посвящений в Псковской земле (здесь и ниже я пользуюсь заключениями А. М. Гордина). Но там причина такого отсутствия достаточно очевидна — «Троица» могла быть только одна, в самом Пскове, в детинце. Чем объяснить такое же положение дел в Водской пятине, пока сказать сложно.

Все посвящения «Господнего» цикла в этих двух группах Спасские (три погостских, т. е. более ранних, и одно — в селе) и Рождественские (два храма в селах Мскорицы и Белое). Картина меняется в XVI веке: возникают два Троицких храма (в северных частях Водской пятины, со смешанным населением); неожиданно появляются сразу 5 Воскресенских церквей, три из которых тяготеют к зоне позднего заселения — болотистому, юго-восточному углу Водской пятины.

Посвящения «Богородичного» цикла достаточно равномерны; преобладание принадлежит Покровским церквям (2 погостских- 3 ранних сельских, 6 — в селах XVI века). Обращают на себя внимание три храма, возникшие между 1500 и 1539 гг. с идентичным Покровским посвящением главного престола и с Никольским посвящением приделов. Все они также группируются в болотистой юго-восточной части пятины.

Говоря о храмах, посвященных отдельным святым даже не стоит подробно останавливаться на безусловном приоритете Никольских церквей: 8 погостских, 2 — в селах 1500—1505 гг., 16 — треть всех возникших в XVI веке и 7 придельных и теплых церквей. На ранних этапах в сравнительно большие группы выделяются также Егорьевские, Ильинские и Дмитриевские посвящения (соответственно — 5, 4 и 3 погостских храма), но уже во второй группе ситуация несколько меняется: выделяются 2 Михайловских храма, а из возникших в XVI веке св. арханг. Михаилу посвящено уже 3 церкви.

Остальные посвящения составляют совсем небольшие группы; стоит лишь отметить церковь св. Климента — папы римского в

Тесовском погосте, возникновение которой можно предположительно отнести ко времени существования городка Тесова²⁴, а также возникшие в XVI веке два придела во имя св. Федора Тирона: один на Федоровском (с главной церковью св. Федора Стратилата) Песоцком погосте, другой же — у Троицкой церкви в с. Тайвикала Егорьевского Лопского погоста, лежащего в относительной близости от Песоцкого погоста.

Любопытно, что между основными группами изображений, относимых М. В. Ломакиной и М. И. Артамоновым к определенным манерам, намечаются соответствия. Так, 1-я манера изображений, по М. В. Ломакиной, соответствует в целом 2-й группе, по М. И. Артамонову, 2-я манера — 1-й группе, 3-я манера — 3-й группе, 6-я манера — 4-й группе первой подгруппе, 8-я манера — 4-й группе 3-й подгруппе. Имя художника М. В. Ломакиной, чья первая персональная выставка состоялась лишь в 1993 г., спустя почти тридцать лет после смерти, в наши дни начинает занимать достойное место в новой истории искусства России.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

8/94

Новгород и Любек. Структура поселений двух торговых городов в сравнительном анализе*

Р. Хаммель-Кизов

Развитие пространственной структуры

* Перевод Е. А. Рыбиной. Настоящие заметки являются кратким изложением доклада автора, прочитанного им на заседании Ганзейского общества в июне 1992 г. в Новгороде. Полный текст доклада со всеми необходимыми примечаниями будет опубликован в материалах этого заседания.

1. Оба города были Новыми городами, предшествующие им поселения известны археологически. Перенос поселений в обоих случаях происходил в связи с насильственными изменениями. В случае с Любеком завоевание Вагрии Генрихом Бадевиде и немецкими поселенцами было предпосылкой основания города Адольфом II. Первое заселение трех древнейших концов Новгорода! родоплеменной знатью трех племен (словен, кривичей, мери), по гипотезе Янина, происходило для того, чтобы можно было контролировать сидящего на Городище князя. Городище и поселения трех племен существовали параллельно друг с другом, в то время как Старый Любек (Alt Liibeck) ко времени основания civitas Liubice был уже окончательно разрушен.

В Любеке осознавали, что прежнее поселение недостаточно для растущего притока переселенцев. Это обстоятельство было решающим для переноса поселения. В Новгороде о передаче функций поселения на Городище поначалу не было речи. В то время, как в Любеке оба поселения были связаны функционально с дальней торговлей, в Новгороде передача функций внешней торговли от Городища Новгороду, по-видимому, происходила лишь на более позднем этапе развития поселения (см. пункт 3).

2. Как в Старом Любеке, так и на Городище население было полиэтничным. Напротив, в новых поселениях определяющим был один этнос: в Новгороде — словенский, в Любеке — немецкий.

3. В паре Городище — Новгород мы наблюдаем смену старой формы поселения, основанной в общественном плане на «международных» связях (-мультиэтническая общественная структура), в экономическом плане на дальней торговле и на ремесленном производстве, другим типом поселения. Первоначально этот тип поселения был ориентирован на местное или локальное хозяйство, а в рамках развития «государственности» должен был превратиться в административный и прежде всего в новый церковный центр; в ходе перехода функций старого поселения новый тип поселения превзошел его по значению и, наконец, перенял также и внешнюю торговлю. В этом процессе Новгороду удалось до XIV—XV вв. подчинить себе территорию, которая простиралась от Эстонии на западе до Оби (по другую сторону Урала) на востоке, от Белого моря на севере до верхнего течения Волги на юге. Эта территория составляла около 2 млн. кв. км площади, представляла собой одну из самых больших областей Европы. Ввиду того, что хозяйственной основой такой обширной (а также слабо заселенной) территории были сельское хозяйство и промыслы, мне кажется, роль западной торговли в Новгороде (несомненно, немаловажной) в новейшей немецкой литературе преувеличена.

4. Тем самым устанавливается следующее различие в экономической базе руководящей верхушки обоих городов. В то время, как в Любеке с самого начала основой экономики была внешняя торговля, в Новгороде экономической базой руководящей верхушки было собиранье дани с подвластных земель, которую собирали вначале по поручению князя, а позднее бояре сделали это собственным правом.

Площадь поселения и число жителей

5. В течение четырех с половиной столетий Новгород превратился в обширный город размером 329 га; наибольшей плотности население достигло во второй половине XII в., когда на 1 га приходилось 125 жителей (площадь города в то время составляла около 120 га).

Напротив, Любек за полтора столетия к концу XIII в. достиг своих наибольших размеров — 135 га и сохранялся в таком виде вплоть до конца XIX в. Плотность населения в Любеке лишь в конце XIV в. достигла новгородской плотности населения XII века (Любек — от 111 до 150 жителей на 1 га в XIV в., Новгород около 125 жителей на 1 га в XII в.). Но уже в XV в. плотность населения в Любеке равнялась примерно 178 чел./га, что было вдвое выше тогдашней плотности населения в Новгороде, который был почти в два с половиной раза больше по размерам.

Правовая и административно-топографическая структура

6. Оба города образовались из различных частей, при этом о причинах их существования пока можно говорить лишь в тезисной форме. В Новгороде это были поселения родоплеменной верхушки в трех концах будущего Новгорода; в Любеке — *civitas* как «жилой город» немецких поселенцев, форум как место торговли, «Эгидиквартал» как поселение зависимых от епископа людей (?), северная часть полуострова как графский город позднего XII в. в противовес бюргерскому *civitas* или району, где находились лены городской верхушки. Для Любека письменные и археологические источники по этому вопросу отсутствуют, точно также не существует источников для решения вопроса о том, когда эти части поселения объединились в топографическом и административном отношении. Известно лишь, что топографическое членение города имело значение при управлении, в частности, при собирании налогов. Вместе с тем известно, что существовал общегородской совет и что городская община не была разделена по церковным округам или городским кварталам.

Напротив, Новгород имел федеративную структуру, в которой отдельные концы имели самостоятельное управление и только бояре образовывали общегородское вече.

7. Существенное различие между Любеком и Новгородом состояло в том, что в Любеке бюргеры и горожане (за исключением духовенства) подчинялись единому городскому праву при принципиально равных правах, что является признаком так называемого «коммунального» города, в то время как в Новгороде бояре вместе с живущими на их усадьбах зависимыми людьми, с одной стороны, и свободные купцы и свободные ремесленники — с другой, жили по соседству друг с другом, но в правовом отношении принадлежали к разным правовым системам. Такое состояние общества типично для «докоммунального» среднеевропейского города XII в. В то время как топографическая структура западноевропейского «докоммунального» города представляется нам слабо, а его внутренняя структура (топография усадеб) вообще неизвестна, в Новгороде предоставляется возможность познакомиться с топографической структурой «докоммунального» города (см. пункты 8—10).

Усадебная структура

8. Как в Новгороде, так и в Любеке поселенческая деятельность началась, согласно современному состоянию знаний, с планомерно заложенных дворов или усадебных комплексов на устроенных мостовых. Догородская фаза поселения в обоих городах в раскопанных до сих пор частях неуловима. Можно предположить, что поселенцы в Новгороде имели перед глазами в качестве примера Городище и, возможно, также Ладогу, поселенцы Любека, возможно, имели в качестве образца фландрские, а также вестфальские и саксонские города. Поэтому усадебная структура обоих городов была устроена очень планомерно. Примечательна в Новгороде чересполосица больших усадеб и узких прямоугольных владений, которые относились к двум в правовом отношении различным группам новгородского населения (при этом имеются различные мнения о социальном и, тем самым, правовом положении владельцев усадеб). Размеры владений в Новгороде с самого начала кажутся меньше по размерам (до 1.500 кв. м), но с большим постоянством границ на протяжении веков, чем в Любеке. Здесь большие размеры владений раннего времени (до 8.000 кв. м, при «нормальных» размерах в 1500—2000 кв. м) превратились уже в конце XIII в. в результате их дробления путем продажи или передачи ленов в относительно мелкодробную структуру поселения.

9. Разница в развитии внутренней дифференциации обоих городов, вероятно, может быть объяснена разницей в способах образования капитала. Возрастающая на основе денежного хозяйства дифференциация ремесел вела, наряду с постоянно увеличивающимся с X в. в Западной Европе населением, к постоянно растущему кругу потребителей, что способствовало росту производительных сил, а следовательно, и увеличению прибылей, что в свою очередь способствовало образованию капитала. Самым актуальным способом вложения капитала внутри города было приобретение собственного дома. Владение землей и домом было особенно важно для обеспечения кредитов (именно для ремесленных, так называемых средних слоев). Без кредитов в то бедное наличными средствами время был бы невозможен экономический подъем. Это значит, что с растущим числом средних и мелких состояний увеличивался спрос на средние и малые по размерам земельные владения в городе. О связи развития состояний (путь общего экономического развития) с увеличивающимся разделом земельных владений в Любеке мы можем судить для первых полутора столетий бурного экономического развития (около 1150 — около 1300 г) на основе археологических материалов и ретроспективной интерпретации современных усадебных границ; для времени подъема «длинного XVI в.» (в Любеке около 1530—1630 гг.) и второй половины XVIII в. по писцовым книгам. Неизменность размера усадеб в Новгороде, которая наблюдается по крайней мере до XV в., была результатом малой по сравнению с Любеком социальной дифференциации общества.

Тот факт, что земля в средневековой Руси не имела такого значения, как в Западной Европе, вероятно, может быть объяснен тем, что она была на Руси в избытке. Однако, для решения этой проблемы необходимо проведение дополнительных исследований.

10. Коммунальный характер западноевропейского города с его равноправными гражданами — вот городской портрет Любека, несмотря на всю обособленность позднесредневековых частных домов. Выстроенные из камня дома были «открыты» к улице, а окруженный стенами двор находился, как правило, во внутренней части строительного блока. Новгород, напротив, состоял из отражающих его социальную и правовую организацию «частных городков в городе» (по мнению Герке). Это были сооруженные из дерева дворовые постройки, окруженные заборами, снабженные крепостного вида башнями, что выражало автономное положение членов руководящей боярской группировки. С другой стороны небольшие (узкие, прямоугольные) усадьбы типа 2 также были окружены частокколами. Такой тип усадеб, отражавший замкнутость, свидетельствовал о противостоянии двух в правовом отношении различных групп новгородского населения, что не могло привести к образованию коммуны.

Социальная и профессиональная топография

11. Сравнение социальной и профессиональной топографии на микроуровне (участок за участком) пока не может быть предпринято в Новгороде из-за отсутствия необходимых исследований. Опубликованные до сих пор сведения позволяют однако узнать, что боярские дворы с живущими на них ремесленниками, купцами, клириками были существенным элементом профессионально-пространственной организации.

Так как на таких усадьбах происходила обработка продуктов, поступающих с боярских земель, ремесла, представленные на отдельных усадьбах, были (с известной оговоркой) одними и теми же. Концентрации определенных видов ремесел в связи с этим не происходило.

Иначе это могло быть на мелких усадьбах типа 2, населенных «черными людьми». Например, на Торговой стороне на регулярно устроенной Ильиной улице в середине XII в. находились дворы свободных ремесленников. Разумеется, пока имеется слишком мало подобных данных, чтобы можно было извлечь из этого профессионально-топографический факт.

Вполне допустимо, что новгородские купцы могли жить вблизи Торга и расположенных за ним на берегу Волхова причалов. Археологически это зафиксировано пока лишь на одной, частично раскопанной, усадьбе.

Организованное на боярских усадьбах вотчинное ремесло существенным образом отличается от того, что нам известно по источникам в Любеке с конца XIII в. Здесь ремесленники и торговцы селились, как правило, по профессиональному признаку, вблизи друг друга и, таким образом, это вело к образованию в городе отдельных районов, где доминировала та или иная профессиональная группа.

12. В заключение можно отметить, что несмотря на хронологическую разницу во времени возникновения обоих городов, их территориальные условия, частично одинаковые функции поселений и наличие социально и этнически различных групп людей привели к примерно одному и тому же процессу внешнего развития поселений. Но что касается внутреннего устройства, внутренней

топографической дифференциации, ставшей результатом различных общественно-социальных и экономически-правовых основ, то они в этих городах были различными. Наиболее отчетливо это проявляется в различной степени разделения земли (структура усадеб) и в различной, для Новгорода более археологически исследованной, для Любека известной по письменным документам, профессионально-территориальной структуре.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Социальная организация населения Приильменя и формирование коренной территории Новгородской Земли в конце 1 тысячелетия нашей эры

В. Я. Конецкий

В русской исторической науке существовала устойчивая традиция признания важнейшего значения Северо-Западного региона с центром в Новгороде на раннем этапе сложения древнерусской государственности. Однако, в течение ряда последних десятилетий (с конца 30-х до начала 80-х годов) официальными советскими историками (по причинам, не имеющим прямого отношения к науке) безусловный приоритет в данном процессе отдавался Киеву. Роль Новгорода при этом сводилась порой до незначительной крепости, построенной киевскими князьями на окраине их владений. Поэтому объективное рассмотрение социально-политических процессов, происходивших в конце 1 тыс. я. э. на Северо-Западе, имеет значение, несомненно выходящее за местные рамки.

В оценке сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, приведших к формированию в Приильменье раннегосударственных структур, первостепенное место имеет характеристика уровня развития славянского общества накануне известных событий середины IX века.

В советской исторической науке в данной связи важнейшее значение придавалось понятию «летописные древнерусские племена», которые одновременно фигурируют и под термином «союзы племен». Что же понимается под этими обозначениями?

Автор «Повести временных лет», сообщая о расселении славян, писал, что они «прозвашася имены своими, где сидят, на котором

месте». В исторической литературе эти подразделения стали именоваться племенами. С территорией будущей Новгородской земли соотносятся прежде всего словене, «севшие», согласно летописи, у Ильменя. С юга их соседями были кривичи, которых летописец размещает в верховьях Волги, Днепра и Двины, т. е. на территории древнего Оковского леса. При этом историки нередко считали словен лишь отраслью кривичей, не получившей собственного наименования.⁴

Изучение летописных племен имеет давнюю традицию в русской историографии, и тем не менее, данная проблема остается в настоящее время крайне запутанной. Еще в прошлом веке наметились различные подходы к их интерпретации. Многие историки считали «племена» лишь территориальными подразделениями, возникшими в ходе славянской колонизации, не придавая им особого значения в процессе сложения и развития Древнерусского государства.⁵ Иную позицию заняли языковеды, видевшие в этих образованиях этнические группировки, обладавшие собственными диалектами и оказавшие влияние на дальнейший ход восточно-славянского глоттогенеза.⁶ «Этническая идея» была подхвачена и археологами, попытавшимися выделить в материальной культуре «этнические признаки» отдельных племен.⁷ При этом одни исследователи считали возможным использовать материалы XI—XIII вв. — периода, когда племена уже, безусловно, сошли с исторической арены; другие гзели поиск среди древностей кануна образования Древнерусского государства.⁸ Но, несмотря на вспыхивающую порой ожесточенную полемику, представители обоих направлений стояли на одном и том же неверном теоретическом основании. Все они исходили из тезиса о жестком соответствии культуры и этноса. При этом анализу подвергался, естественно, не весь культурный комплекс, а лишь отдельные его элементы. В результате подобных штудий «племена» получили ареалы, мало схожие с их локализацией в летописи. В этом новом качестве они стали восприниматься историками. С середины 30-х годов нашего века в интерпретации летописных племен начали нарастать социологические аспекты. Этому способствовало господство антинорманистской концепции возникновения Древнерусского государства, что стимулировало поиск собственных истоков русской государственности в донорманский период. Летописные племена (или, иначе, союзы племен), которые стали трактоваться как раннегосударственные социальные организмы, вполне подходили на эту роль. Подобные взгляды имеют широкое распространение вплоть до настоящего времени.

Тем не менее, за последние годы постепенно начинает проявляться новый подход к племенам как к сложному неоднородному явлению. Очевидно, среди этих группировок, скрытых за этнонимами «Повести временных лет», имеются образования и сугубо территориальные и этнические, сформировавшиеся прежде всего за счет различных субстратных элементов.⁹ И, самое главное, данные «племена» находились на различных уровнях социального развития. Все это требует конкретного подхода в каждом отдельном случае. Неправомомерность традиционного подхода к летописным племенам может быть прекрасно проиллюстрирована на примере «ильменских словен». Начиная с середины 30-х гг. XX в., утвердилось мнение, что их памятниками древнейшего периода являются сопки, которые традиционно датируются VI—IX вв. н. э.¹⁰ Ареал более или менее плотного распространения этих памятников охватывает Ильменский бассейн (кроме верхнего течения Ловати), а также верховья Мологи, Луги и Плюссы. Данная территория и считается племенной территорией ильменских словен. Многие авторы предполагают, что еще в догосударственный период она представляла собой единое целое, а возникновение Новгорода, как племенного центра, было следствием процессов, происходящих в среде всего этого населения. В указанном качестве ильменские словене привлекаются для построений, связанных с дальнейшими эпизодами формирования севернорусской государственности (призвание варягов, образование союза словен, кривичей, мери и др.).¹¹

За последние два десятилетия в результате широких археологических исследований на Северо-Западе, были получены важные данные, имеющие прямое отношение к рассматриваемой теме. При этом существенное значение имело формирование на рубеже 70–80-х годов понятия «культура сопок» как конкретной археологической культуры славянского населения Приильмепья в конце I тыс. н. э., получившей свое название по важному, но отнюдь не определяющему признаку.¹²

В проблеме соотношения понятий «культура сопок» и традиционного понимания «ильменских словен» можно выделить три аспекта: территориально-демографический, этнокультурный и социальный.

Первый, территориально-демографический, связан во многом с хронологией славянских древностей Приильмепья. По существующим ныне представлениям начало славянской колонизации Северо-Запада относится к VIII в. Однако, для этого периода о присутствии славян можно говорить лишь для Ладogi и центрального Приильмепья — Поозерьи и района истока Волхова. Отдельные поселения IX в. известны в бассейнах Меты, Луги, Полы и Шелони. Что же касается хронологии сопок, то за пределами староладожского микрорегиона, где имеются насыпи VIII в., они датируются обычно IX—X вв. Таким образом, соответствующая источни-ковая база позволяет предположить, что подавляющее большинство известных ныне более 600 памятников культуры сопок возникает в IX—X вв., и, прежде всего, во второй половине указанного периода. При этом чрезвычайно быстрое увеличение численности населения на этом хронологическом отрезке трудно объяснить лишь естественным приростом. Судя по всему, здесь имел место неоднократный приток групп славянского населения извне.

Следовательно, территория, маркированная сопками, которую обычно связывают с племенем «ильменских словен» и принимают за исходную при рассмотрении формирования древнерусской государственности, на самом деле складывается лишь в X в., т. е. на 100—150 лет позднее интересующих нас событий. Реконструкция же демографической ситуации в Приильмепье на середину IX в. позволяет говорить лишь о рассеянном, очаговом расселении. На этом фоне особую роль играли Поозерьи и Северное Поволховье, обладавшие наиболее благоприятными природными условиями и удобством защиты от внешней опасности. Эта территория вполне соотносится с

летописной локализацией словен, которые «сели» у озера Ильмень.

Этнокультурный аспект проблемы предполагает оценку культурного единства населения Приильмения в VIII—X вв. В настоящее время по вопросу о происхождении ильменских славян среди исследователей высказываются различные мнения. Наряду с традиционной точкой зрения о их южных, по летописи — «дунайских», истоках, что подкрепляется и археологическими данными, 13 в последнее время определенное распространение получила версия о приходе славян в Приильмие с территории Северной Польши и Германии. 14 Не имея возможности подробно остановиться на данном вопросе, заметим, что речь здесь может идти лишь о проникновении в Приильмие отдельных западно-славянских групп, но отнюдь не о приходе с южнобалтийского побережья основной массы населения. Но и южный демографический импульс не выступает единым по своей культурной окраске. Так, анализ керамического материала показывает, что на общем северо-западном фоне, имеющем достаточно уловимые параллели с древностями Верхнего Поднепровья и более южными памятниками лесостепной зоны, выделяется южное Приильмие, где связи по керамике с коренными славянскими землями выступают более отчетливо. Особенно показательны здесь находки глиняных сковородок — характерного элемента славянской культуры южных территорий.

При этом, говоря как об основных о южных, дунайских корнях славянства в лесной зоне Восточной Европы, не следует абсолютизировать путь миграции лишь через территорию Украины. Исследователи допускают и дополнительный вариант движения — из Среднего Подунавья через южную Польшу, обходящий Карпатские горы с севера. 15 В данной связи обращает на себя внимание отмеченный А. А. Зализняком на основе анализа новгородских берестяных грамот факт сходства древненовгородского диалекта со словенским. 16 Таким образом, на современном уровне знаний можно говорить о сложном и неоднородном по истокам характере славянской колонизации Приильмения. Это является серьезным аргументом против размещения здесь целостного «племени» в том смысле, который обычно приписывается летописным племенам в литературе.

Однако культурная неоднородность рассматриваемого региона связана не только с вышеназванными причинами. В ряде районов Приильмения славяне вступали в той или иной степени в контакты с местным, финно-угорским в основе, населением — носителями культуры длинных курганов. В связи с этим имеются основания говорить если не о сложении отдельных групп метисного населения, то о формировании местных культурных особенностей. Они прослеживаются и в погребальном обряде и различных сферах материальной культуры. В частности, такой культурный синтез характерен, в определенной степени, для района пос. Любытино. Окончательное же изживание локальных этно-культурных различий в среде населения Приильмения относится лишь к XI—XII вв.

Социальный аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что в Приильмие в конце I тыс. н. э. функционируют одновременно два типа социально-политических структур. По периферии этой территории формируется целый ряд локальных групп населения, фиксируемых по скоплению памятников. В литературе подобные образования иногда называют «малыми племенами», в отличие от летописных «племен». Этот термин может быть принят лишь с конкретными оговорками. Данные структуры формируются в ходе расселения и базируются не на родственной, а на территориальной основе. Однако некоторые функции здесь совпадают с племенными: защита территории от посягательств извне, обеспечение на основе обычного права внутреннего мира, гарантия круга брачных связей.

С вопросом о «малых племенах» тесно связана проблема формирования локальных центров, которые интенсивно развиваются где-то с рубежа IX—X вв. Их появление следует связать с процессом выделения наиболее сильных и знатных патриархальных родов, начинающих оказывать влияние на жизнь всей округи. В иерархии подобных центров крупнейшими являются Вельский на Мете и Передольский на Луге, которые выступают как центры соответствующих территориальных скоплений памятников. В отношении археологического материала местные центры выделяются находками предметов, связанных с торговым и дружинным бытом, количеством женских украшений. Подобные центры характеризуются также гипертрофированным развитием сопочного обряда, проявляющемся в количестве и размерах насыпей, что также свидетельствует о концентрации в этих пунктах социальной верхушки.

Определяя общественный строй населения периферийных районов Приильмения в эпоху массового возведения сопок, его следует отнести к универсальной во времени и пространстве высшей ступени первобытности, к которой применяют термин «варварское общество». Оно определяется распадом первобытных отношений при сохранении ведущей роли родственных связей. Социальный и экономический костяк этого общества составляли свободные домохозяева-землевладельцы — главы больших патриархальных семей. Заметную роль играет знать — наиболее развитые, богатые и воинственные семьи. Имеется патриархальное рабство. Важной характеристикой этого общества является его застойность и ограниченная возможность трансформации. При столкновении с более развитой системой варварское общество распадается. 17 Все это прекрасно вписывается и контекст социального облика населения Приильмения, каким оно выступает по археологическим данным. При этом САМ обычай сооружения сопок, являющийся «иррациональным способом трансформации прибавочного продукта в обществе, в котором внутренние связи преобладают над внешними, выступает как наиболее яркое выражение данной социальной системы.

Совершенно иная ситуация сложилась в центральном Приильмие (Поозерье и Верхнее Поволжье). Этот район обладал в силу демографического и природного факторов наиболее высоким экономическим потенциалом. С рубежа VIII—IX вв. он оказался важным перекрестком международных торговых путей. По берегам Волхова возникает ряд укрепленных поселений, обеспечивающих контроль над этими путями и их нормальное функционирование. Изначально важнейшую роль при этом играла Ладога. Постепенно первенство переходит к району Новгорода, о чем свидетельствует значительное количество найденных здесь кладов арабского серебра IX—X вв.

Главной активной силой в торговле с Арабским Востоком и Византией были скандинавы. Появление их в центральном Приильменье, безусловно, влияло на ход социальных процессов в данном районе. Центром славяно-скандинавских контактов здесь стало Рюриково Городище, на котором в IX—X вв. постоянно проживало какое-то количество выходцев «из-за моря» в качестве торговцев, воинов и ремесленников. 18 Взаимодействие славянской верхушки со скандинавами могло принимать различные формы и зависело от конкретного соотношения сил в разные периоды. По главной тенденцией было стремление к консолидации. Закрепившись в данном районе, скандинавы, чтобы устоять против новых волн пришельцев, были обречены искать союза с местной верхушкой, Последняя также была заинтересована в международной торговле.

Итак, вся совокупность данных позволяет считать, что в IX в., еще до времени Рюрика, Новгородская округа входила в состав раннегосударственного организма с первоначальным центром в Ладоге. 19 Экономическое развитие Приильменья обеспечивало наличие регулярного прибавочного продукта в объеме, достаточном для функционирования данного социального образования. Важным стимулом для отчуждения прибавочного продукта от производителей являлась возможность его преобразования в социально престижные ценности посредством участия в международной торговле. Наличие внешней силы в лице варягов облегчало трансформацию традиционных норм в жизни и способствовало формированию публичной власти. В условиях деформации патриархальных структур и возникновения новой системы социальных ценностей обычаи сооружения сопок не мог получить в Центральном Приильменье существенного распространения, и имеющиеся его незначительные проявления связаны лишь с рядовыми общинами. Густонаселенная в IX—X вв. зона с малым количеством сопок, охватывающая Поозерье и Южное Поволховье, на наш взгляд совпадает с основной территорией Новгородского протогосударства, центром которого было Рюриково Городище — древнейший летописный Новгород.

Говорить о конкретном ходе и этапах подчинения Новгороду Приильменья достаточно сложно. Очевидно, это был отнюдь не разовый и не однородный процесс. Он, безусловно, зависел от конкретной политической обстановки в Центральном Приильменье. В данной связи безусловно следует выделить период во второй половине IX в., когда в Новгороде сидели князья Рюрик и Олег, до ухода последнего в 882 году со своей дружиной в Киев. Далее на протяжении более чем двух поколений княжеская власть в Новгороде отсутствовала, что явно ослабило военные возможности центра формирующейся земли. Вероятно, именно с этим хронологическим отрезком следует связывать расцвет уже упоминавшихся мощных социальных структур «варварского типа» на периферии Приильменья. Зависимость данных процессов от «достижимости» конкретных районов со стороны Новгорода хорошо иллюстрируется сопоставлением ситуаций, имевших место на Луге и Мете, с одной стороны, и на Ловати, с другой. Если в первом случае фиксируется наличие крупных местных центров (в районе Передольского погоста и в устье р. Белой), то в долине Ловати, густонаселенном и, безусловно, экономически важном районе, — что-либо подобное отсутствует. Причина этого достаточно ясна. Ранее (с начала IX в.) включение Ловати в систему торгового пути «из варяг в греки» поставило население данной территории под контроль Новгородского протогосударства, что и стало препятствием для формирования здесь местного автономного центра. 20 Вместе с тем, распространение зависимости от Новгорода не означало разрушения низовых

социальных структур, о чем свидетельствует широкое бытование сопочного обряда в X в. на Ловати и в окрестностях Ладоги.

Важный этап истории взаимоотношений центра и периферии Приильменья в X в. связан с деятельностью княгини Ольги. За последние годы в литературе получило распространение мнение, что походы Ольги на Мету и Лугу, отмеченные в летописи под 947 годом, были направлены на подавление крупнейших местных социально-политических центров, ставших в данный момент если не соперниками Новгорода, то во всяком случае реальным препятствием распространению новгородской власти в Приильмсье. 21 В процессе включения этих районов в систему данной территории интересы новгородской верхушки и центральной княжеской власти, безусловно, совпадали.

Итак, представления о существовании в Приильменье накануне образования Древнерусского государства (т. е. к середине IX века) единого социального организма в виде племенного союза ильменских словен, территориально охватившем ареал распространения сопок, не подтверждается фактическим материалом. В действительности в конце I тыс. и. э. в данном регионе происходит формирование социально-политических структур двух типов. Если для центра этой территории (Поозерья и Южного Поволховья) уже для первой половины IX в. можно говорить о наличии протогосударственной организации населения, то на периферии региона — прежде всего на Луге и в среднем течении Меты — сложились социальные структуры архаичного, «варварского» облика. Развитие новгородской государственности шло по линии подчинения периферии Приильменья се центру. Этот процесс привел к сложению во второй половине X века коренной территории будущей Новгородской земли.

1 Рыбаков Б. Л. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 55—108.

2 Там же. С. 309, 527.

3 Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 22.

4 Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1—2, М., 1993. С. 5 Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993 и др.

6 Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и народностей // ЖМНП. Вып. 4. СПб., 1899. С. 324—384.

- 7 Спицын А. А. Расселение древнерусских племен // ЖМНП. Вып. 8, СПб., 1899. С. 301—340.
- 8 Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. № 4. М.; Л., 1937. С. 31—35; Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов // Там же. С. 53—61.
- 9 Хабургаев Г. А. Этнония «Повести военных лет». М, 1979 С. 104—153.
- 10 "Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. М., 1982. С. 64.
- 11 Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 145—146.
- 12 Конецкий В. Я. К изучению социальных структур славянского населения Приильменья в конце I — начале II тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992 С. 92, 125.
- 13 Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7—23; Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Там же. С. 24—29.
- 14 Седов В. В. Восточные славяне. С. 66; Янин В. Л. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 23.
- 15 Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 51—52, карта с. 53.
- 18 Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-83 гг.), М., 1986. С. 217—218.
- 17 Гуревич А. Я. Свободное крестьянство в Леодальной Норвегии. М., 1967. С. 14—21.
- 18 "Носов Е. Н. Новгородское («Рюриково») Горощице. Л., 1990 С. 18-19, 21.
- 19 Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. М., 1986. С. 26.
- 20 Конецкий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли / Новгород и Новгородская земля. История и археология, Новгород, 1988. С. 26—30.
- 21 Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Вельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 76—81.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(29\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Практический Фэн Шуй 21-22 апреля](#)

Курс интенсивного обучения принципам Фэн Шуй и практическому их применению.
www.fenstudio.ru

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Академия китайской метафизики](#)

12-13 мая 2007 курс "Мастерство фэншуй" с экспертом Владимиром Захаровым
www.masteryacademy.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Сопки на реке Полонуха и озере Песьво

И. В. Исланова

В обширном ареале сопок выделяется восточный район, охватывающий Помостье и Помоложье. Здесь, кроме двух археологических комплексов, получивших в литературе известность: у пос. Любытино с 133 сопковидными насыпями вблизи Меты и у д. Городище в бассейне Средней Молоти с 55 сопковидными насыпями—находится еще одно скопление сопок и поселений. Третий комплекс занимает участок 1,25X2,25 км при слиянии рек Поповка и Полонуха, насчитывал свыше 39 высоких сопок, 9 насыпей ниже 2,5 м и четыре одновременных им селища. Вокруг некоторых сопок отмечены ровики, в группе близ д. Лньково в основании почти всех насыпей фиксировались выступающие из-под дерна валуны, в одном случае камни заполняли ровик.

По географическому местоположению и ландшафтной приуроченности комплекс близок Городищенскому: лежит от него в 36 км юго-западнее и как бы симметричен последнему по отношению к общей оси — р. Мологе. Небольшая р. Полонуха в верховьях мелководна, северо-западнее — водораздельный участок, а далее водосбор р. Поросла н оз. Меглино, где также известны отдельные сопки. Рельеф в верховьях Полонухи формировался во время Валдайского оледенения. Для местности характерно разное направление гряд, замкнутые чаши, бывшие короткое время озерами, большой контраст высот (перепад до 30—35 м) между гребнями озов и приозерными плоскостями. С севера, в межрядовой котловине, находится болото. Оно образовалось при таянии языка льда, тогда же по бокам отложилась морена и образовались озовые возвышения, затем поросшие лесом. К югу, к р. Полонухе местность резко понижается.

Правобережье Полонухи и район нижнего течения р. Поповки представляют софией почти плоскую равнину с супесчаными и суглинистыми почвами, занятую полями. Юго-западнее равнина переходит в следующую озерную чашу — ныне болото.

Новые материалы по внутренней структуре сопки и их функциям был получен при исследовании насыпи в 1984—85 гг., расположенной в Мерлугинской группе (Удомля I) на оз. Песьво (бассейн верхней Меты). Группа не менее, чем из трех сопки находилась в 500 м к СВ от бывш. д. Мерлугино, ныне окраины г. Удомля, на древнем береговом песчаном валу, на высоте 2—2,5 м над водой. Раскопанная насыпь № 2 выглядела 4-метровой и имела небольшие повреждения северного склона и примыкающей к подножию местности. Сопка состояла из песчаных прослоек разных оттенков материкового грунта и переотложенных напластований стоянок эпох мезолита и неолита. По находкам вещей и керамики ее примерная дата последняя четверть I тыс. н. э. (скорее всего IX в.). Выявленная истинная высота сопки 2,6—2,8 м при поперечнике основания 20—21 м.

В основании насыпи находился сакральный комплекс из предполагаемого жертвенника, каменных выкладок, завершенных крупным валуном, углистым слоем, жертвенными ямами с деревянными столбами, развалами битой керамики, рассыпанными жжеными косточками (Рис. 2). Углистый (кострищный) слой поперечниками С—Ю 16, 3—В 19 м мощностью до 0,2—0,25 м. По краям слой выклинивался, переходя в прослойку древнего погребенного дерна. Под кострищем — слой подзола 0,04—0,13 м. Явных следов прокала нет, поэтому не исключено, что угли специально приносили. Заключительный этап функционирования культового комплекса фиксируется по пятнам древесного тлена (остаткам каких-то не сгоревших конструкций) над углистым слоем.

Основные культовые сооружения расположены в направлении ЮЗ—СВ. Центральный участок занимает серия ям, расположенных в основном полукольцом. Отдельные ямы могли быть столбовыми, не менее 3-х ям использовались, как жертвенные (в заполнении единичные жженные кости, зубы свиньи). Яма в центре представляла собой основание столба (0,45X0,45 м) с плоской обтесанной юго-западной стороной. Возможно, этот столб сохранялся и на первом этапе сооружения сопки.

Ямы и столбы как бы охватывали сооружение, условно названное «жертвенником». Это конструкция из выложенных в виде правильного овала (1,1X1,8 м) слегка обожженных камней. За исключением двух восточных, камни лежали плашмя. Внутреннее заполнение «жертвенника» снизу вверх: подзол 0,1—0,15 м, темно-серый песок с углями до 0,03 м, ярко-красный (прокаленный?) песок 0,05—0,07 м, линза золы до 0,04 м, коричневый песок (следы древесного тлена) с угольками и единичными жжеными косточками. Кости неопределимы и малочисленны для того, чтобы считать их захоронением. В Юго-западном разрыве камней — обгоревшая плаха. Еще две плахи лежали на северном камне и за конструкцией. Очень похожий «жертвенник» был обнаружен при исследовании полуразрушенной сопки на берегу р. Меты в Воймерицах.

К юго-западу и юго-востоку от «жертвенника» тянутся две гряды камней, переходящие в центре в скопление крупных валунов, возглавляемую крупным гранитным камнем сразу к западу от «жертвенника», частично и в его заполнении. С северо-запада скопление керамики ограничено камнями. Здесь же лежало несколько жженных косточек. Под фрагментом сосуда у юго-восточной гряды камней найден медвежий клык.

Следы ритуальных действий прослежены также в 5,4 м к СВВ от «жертвенника». Кострищный слой здесь собран в грудку, на которой отмечено пятно древесного тлена (1,2X1,2—1,6 м) с золой и мелкими единичными жжеными косточками и развалом лепного мисковидного сосуда.

С северо-востока пятно окружено полукругом из трех столбовых ямок (подпрямоугольных по форме), с юга — столбовая ямка с каменной забутовкой. Вещевые находки единичны и напрямую не связаны с основными ритуальными сооружениями: бронзовое проволочное височное кольцо со спиральным завитком на конце внутрь, железный нож.

Можно говорить, по крайней мере, о трех периодах существования сакрального комплекса в основании сопки: 1) возникновение небольшого углистого слоя и некоторых ям, 2) сооружение «жертвенника», увеличение мощности кострища, битие керамики, функционирование культовых ям, возведение столбов и каменных кладок, 3) образование коричневого слоя древесного тлена, положены плахи, рассыпаны мелкие кости, разбиваются сосуды, продолжает возводиться каменная выкладка, венчаемая крупным валуном.

Наблюдения за стратиграфией позволили выделить несколько этапов в сооружении сопки

ЭТАП I. Над культовым комплексом в центре возводится насыпь высотой 1 м, по форме основания овальная ЮЗ—СВ 10X7 м, вершина слегка выпуклая. Новый ритуальный центр несколько смещен к юго-западу, но находится почти над предыдущим. На вершине — выкладка из 6 валунов, с северо-востока — Гумусирова «НО» пятно с угольками, слабо сожженной человеческой костью и мелким кусочком керамики. На юго-западном склоне насыпи над западной стенкой «жертвенника» — 3 обгоревшие плахи в направлении ЮЗ—СВ. Северо-восточный склон насыпи оконтурен валунами, не образующими сплошной стенки. Вдоль боковых длинных сторон насыпи — два ровика-канавки. В ровиках — слабая углистая прослойка, по стенкам — отдельные валуны (нельзя однако исключать возможность появления ровиков на этапе функционирования сакрального комплекса в основании).

ЭТАП 1а. Возведение насыпи, перекрывшей весь углистый слой в основании. Высота достигла 1,2 м, поперечники 16X18 м вершина уплощена. В песке насыпи найдена железная пластина и обломок лезвия ножа, в слабо гумусированном слое насыпи — грузик дьякова типа, видимо, попавший случайно, например, из разрушенного слоя поселения железного века.

ЭТАП 2. На уплощенной вершине возведена насыпь высотой до 0,6 м поперечниками около 16 м. Общая высота сопки достигла 1,8 м. Склоны фиксируются по прослойкам серого песка, возможно, погребенного дерна. На вершине вплотную друг к другу положено 3 плоских валуна и несколько мелких камней. Отдельные камни — на склонах пасьгли. Продолжает фиксироваться ось ЮЗ—СВ. На юго-западном

склоне в пятне углей лежит плаха. На северо-западном склоне — обширное гумусированное пятно (1,6X 1,25 м толщиной 0,26 м), назначение которого осталось неясным. В пятне — два фрагмента лепной керамики. Предположительно, на этом этапе у южной полы возведена каменная выкладка — гряда валунов в 2—3 яруса на площади 3—В 2,3X1.4 м. Вокруг основания сопки выкопан первый внешний ровик (нельзя исключать его возникновение на этапе 1а), поврежденный при последующем возведении насыпи.

ЭТАП 2а. Подсыпка на склоны насыпи, в результате чего на вершине образуется площадка поперечником около 9 м. Общая высота прежняя, поперечники основания достигли 20—21 м. В центре возведена каменная выкладка — гряда валунов в 2—3 яруса на площади 0,9X1,0 м. Между камнями серый песок с мелкими углями. Отдельные валуны фиксируются к северо-востоку и юго-западу от центра. На юго-западном склоне — остатки костра площадью 0,8X1.5 м. На восточном и западном склонах — одна и две ямки — следы столбов диаметром 0,2 м. Выкопан второй внешний ровик (или ровики) вокруг основания. Целиком ров вскрыть не удалось. Его ширина 2,2 м, склоны крутые, глубина 0,7—0,8 м от основания сопки. Через определенные промежутки на дне встречены овальные углубления, на дне которых — прослойки углей, плахи, обожженные камни, прокаленный песок.

ЭТАП 3. Сооружение верхней насыпи 0,8 м и помещение в нее погребения по обряду сожжения на стороне. Общая высота сопки 2,6—2,8 м, поперечники основания 20—21 м. Кости были рассыпаны при возведении верхнего центрального участка. Ямки не обнаружено. Площадь скопления костей 1,2X2 м, толщина слоя 0,3 м, углей нет. Основная масса костей принадлежит взрослому человеку (определение Г. П. Романовой). Здесь же встречены мелкие кости какого-то животного, развалы двух лепных сосудов (Рис. 3:8, 9), желтая бисерина, точильный камень, бронзовая пряжка с вогнутыми боками и железным язычком. Возможно, с захоронением связаны остатки костров во втором внешнем ровике.

Итак, исследованная сопка оказалась не столько погребальным, сколько культовым сооружением. Основные черты следующие:

1. Вертикальная ось, маркируемая на разных этапах столбом (идолом?), каменными выкладками, а наверху — захоронением.
2. Горизонтальная ось на нижних этапах с направлением ЮЗ — СВ.
3. Сложный сакральный комплекс в основании сопки.
4. Стремление к созданию площадок с помощью промежуточных досыпок.
5. Ритуальные элементы на всех этапах возведения насыпи.
6. Фиксация камнями склонов, краев рвов, при отсутствии сплошного каменного кольца.
7. Каменная выкладка на южном поле у основания сопки.
8. Ровики на всех основных этапах, их ритуальные функции.

Временные промежутки в этапах сооружения сопки могли быть не очень короткими, так как прослежены отдельные прослойки — следы успешного образоваться дерна.

За исключением одного признака — наличия ровиков — Мерлугинская сопка с оговорками может быть отнесена к так называемым «классическим» насыпям, по С. Л. Кузьмину⁵, и ко второй традиции сооружения, по Н. И. Петрову⁶—Такие сопки являются «своеобразными языческими храмами», по удачно найденному определению В. Я. Концецкого⁷. На заключительном этапе на вершине сопки мог быть погребен человек, имевший особый социальный статус, например, жрец или жрица. Вполне допустимо, что исследованный объект — это святилище, капище, последовательно возобновляемое по мере совершения тех или иных обрядов. В этой связи представляет интерес крупный валун в центре основания сопки, имевший слегка подтесанный выступ-площадку. Здесь возможны прямые параллели с сохранявшимся до недавнего времени поклонением священным камням, причем не обязательно имевшими изображения следов. К сожалению, не удалось полностью исследовать примыкающее к сопке пространство, и вопрос о возможных захоронениях вокруг насыпи остался открытым.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Захоронение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций викингов

К. А. Михайлов

С момента раскопок погребения с двумя конями на вершине плакунской насыпи в 1971 г., его полной публикации Е. Н. Носовым в 1985 г. и вплоть до настоящего времени к проблеме интерпретации этого захоронения археологи возвращались неоднократно. Несмотря на то, что в разные годы по этой проблематике уже было высказано несколько различных суждений, сложный и неоднозначный памятник оставляет место для нового своего прочтения.

На вершине насыпи, в осытях в обресе склона, после грабительских раскопок было открыто погребение по обряду ингумации. В нем зафиксирован слой древесного тлена с остатками деревянных плашек. Там же находились отдельные кости скелета погребенного. К востоку от них, вне тлена, обнаружены скелеты двух коней, которые располагались по линии север — юг, головами на юг. Среди ребер одного коня и у ног другого были обнаружены два железных ледоходных шипа. У ног погребенного, компактно, в непотревоженном виде, остриями на север лежали 14 наконечников стрел. Сами условия этой находки говорили о нахождении стрел в колчане или связке. Так же при погребении найдены семь узких железных пластин — фрагменты оковок деревянного ведра, две заклепки и бусина желтого стекла. Большинство находок происходит из переотложенных слоев или грабительских ям: костяное острие с навершием в виде дракона или волка, бронзовая пряжка трапецевидной формы с циркулярным орнаментом, две серебряные с позолотой

бляшки с тремя лепестками и одна в форме стилизованной звериной морды, устройство, состоящее из железного кольца и закрепленного в нем подвижного штыря, нож с серебряной обмоткой деревянной рукоятки, обломок ледоходного шипа, три ладейные заклепки, оковки ведра, обломок витого железного предмета с петлями на концах (скорее всего — фрагмент удил), обломки железных пластин с заклепками. Кроме того, к инвентарю этого погребения можно отнести вещи, найденные на склоне насыпи под дерном в 1972 г.: серебряную бляшку в форме стилизованной звериной морды, обломок ножа, пять ладейных заклепок и два гвоздя.

В 1977 г. Г. С. Лебедев предположил, что это захоронение было совершено в корабле с конями у форштевня. Е. Н. Носов опроверг это мнение и, в свою очередь, выдвинул версию, что погребение с конями совершено на помосте из корабельных досок или части борта ладьи. Он же связал обряд погребения со скандинавскими традициями и датировал его X в.

Однако, ни в скандинавских, ни в древнерусских, ни в каких-либо других могильниках балтийского региона подобных погребений на помостах мне обнаружить не удалось. Тогда к кругу каких погребальных сооружений можно отнести плакунское захоронение? После изучения всей полевой документации, сохранившихся вещей, всех вероятных аналогий можно сделать вывод, что это скандинавские камерные погребения с конем (по А. С. Грёслунд) или тип F (по Г. С. Лебедеву). В пользу этого утверждения можно привести ряд особенностей данного захоронения, которые в полном объеме характерны только для камер.

Так, при раскопках 1971 г. в разных частях могилы были зафиксированы три прослойки древесного тлена, разделенные прослойками глины. На разрезе насыпи по линии север — юг (и на полевом чертеже, и в публикации) заметно, что погребение находилось в яме глубиной около 0,4 м и длиной около 3 м. На том же разрезе насыпи зафиксирована деревянная конструкция «помоста», которая прогибается от краев к центру ямы.

Как мне кажется, эти факты свидетельствуют о том, что в насыпи находилось объемное деревянное сооружение, а не плоский помост. Так же сами размеры могилы очень близки к размерам погребальных камер. Небольшое количество заклепок и гвоздей, скорее всего, служило для скрепления частей погребального сооружения, но могло находиться и в корабельных или тележных досках. Положение коней вне древесного тлена можно объяснить тем, что они находились между стенками камеры и ямы. Примеры подобного расположения коней в погребении известны в могильниках Бирки, кургане № 17 могильника «в Березках» в Чернигове и некоторых других.

Показателен и состав погребального инвентаря, в котором соседствуют вещи как западного, так и восточного происхождения. По тем остаткам вещевого набора, которые дошли до нас, можно говорить о присутствии в этой могиле богатого набора снаряжения всадника и коня, набора оружия, ведра. Присутствие набора из нескольких видов вооружения вероятно потому, что в X в. стрелы обычно не встречаются обособленно, без других типов оружия.

Все это, наряду с объемной погребальной конструкцией из дерева, захоронением двух целых коней с ледоходными шипами у копыт, скорее всего, указывает на скандинавские погребения в камерах как на единственный приемлемый крут аналогий для плакунского захоронения. Среди довольно многочисленной группы камер, где конь находится не в ногах, а рядом с умершим, можно назвать погребение IV могильника Рекста (Швеция), Ц — 191 и 255 в Гнездово, захоронение у д. Гушино под Черниговом.

Еще один вопрос, который возникает в связи с этим захоронением — почему оно оказалось на вершине высокого кургана, а не в материковой яме под едва заметной насыпью. В 1985 г. Е. Н. Носов предположил, что особенности сооружения плакунской насыпи и верхнего погребения связаны с влиянием ладожского населения, соорудившего сопки, хотя признать типичной сопкой эту насыпь отказался. Он склоняется к признанию смешения в ее обряде сопочных и скандинавских традиций. Развивая эту точку зрения, Н. И. Петров пишет, что сопковидная насыпь явилась результатом «восприятия ладожской Русью традиции сооружения сопок... и смешением скандинавской и словенской погребальных традиций, примером слияния двух социальных групп».

Однако, следует вспомнить, что традиция сооружения высоких погребальных насыпей на севере Европы не являлась монополией населения Культуры Сопок. Начиная с А. Л. Спицына в историографии существует «северная (скандинавская) версия» происхождения ладожских сопок, которую активно поддерживают В. Я. Конецкий и Д. А. Мачинский. В Скандинавии высокие курганы очень широко представлены как во время переселения народов, так и в эпоху Венделя (см: М. Мюллер — Вилле). После Венделя этот обряд сохраняется в виде немногочисленных высоких курганов с богатым инвентарем, которые принадлежали высшему слою скандинавской родовой аристократии (курганы в Хедебю, Ладбю, Гокстаде и др.). В этом контексте высокая плакун-ская насыпь, которая занимает иной, чем сопки, природный ландшафт, связанного скандинавским могильником в урочище Плакун, содержащая в себе чуждые сойкам погребальные традиции, скорее всего, связана именно со скандинавской традицией сооружения высоких элитных курганов. Одной из возможных аналогий плакунской насыпи может оказаться северный курган или курган Тюры в Эллинге (Дания). Эта насыпь была сооружена на небольшом кургане эпохи бронзы, а внутри кургана находилась погребальная камера с остатками богатого инвентаря. Кроме погребений в камере и высоких насыпей, эти два захоронения сближает и тот факт, что в обоих случаях на уже готовую курганную насыпь установили камеру, а затем насыпь досыпали.

По датировке плакунского погребения сказать можно немного. Так, О. И. Богуславский и А. Д. Мачинская предложили для него дату между 890 и 920 гг., на основании присутствия в курганах Юго-Восточного Приладожья отдельных типов вещей из плакунского комплекса. Эта дата представляется спорной хотя бы потому, что предложенная хронологическая шкала О. И. Богуславского создавалась для изолированного региона со специфическими памятниками, а для датировки данного захоронения требуется привлечение материалов

классических могильников эпохи викингов. Так как в Скандинавии подобные погребения датируются первой половиной — серединой X в., а в древнерусских «дружинных» некрополях существуют камеры с концом второй половины X в., то для узкой даты оснований пока нет.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(25\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Ножи охотничьи. Нержавейка.](#)

Ножи из нержавеющей стали. Подарок рыбаку и охотнику! 30 видов ножей.
sarmik.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Новые сведения о древнем Ладожском поселении

(по материалам археологического досмотра траншей IX и XI)

З. Д. Бессарабова

Светлой памяти Александра Сергеевича Туберозова, сотрудника Староладожского музея

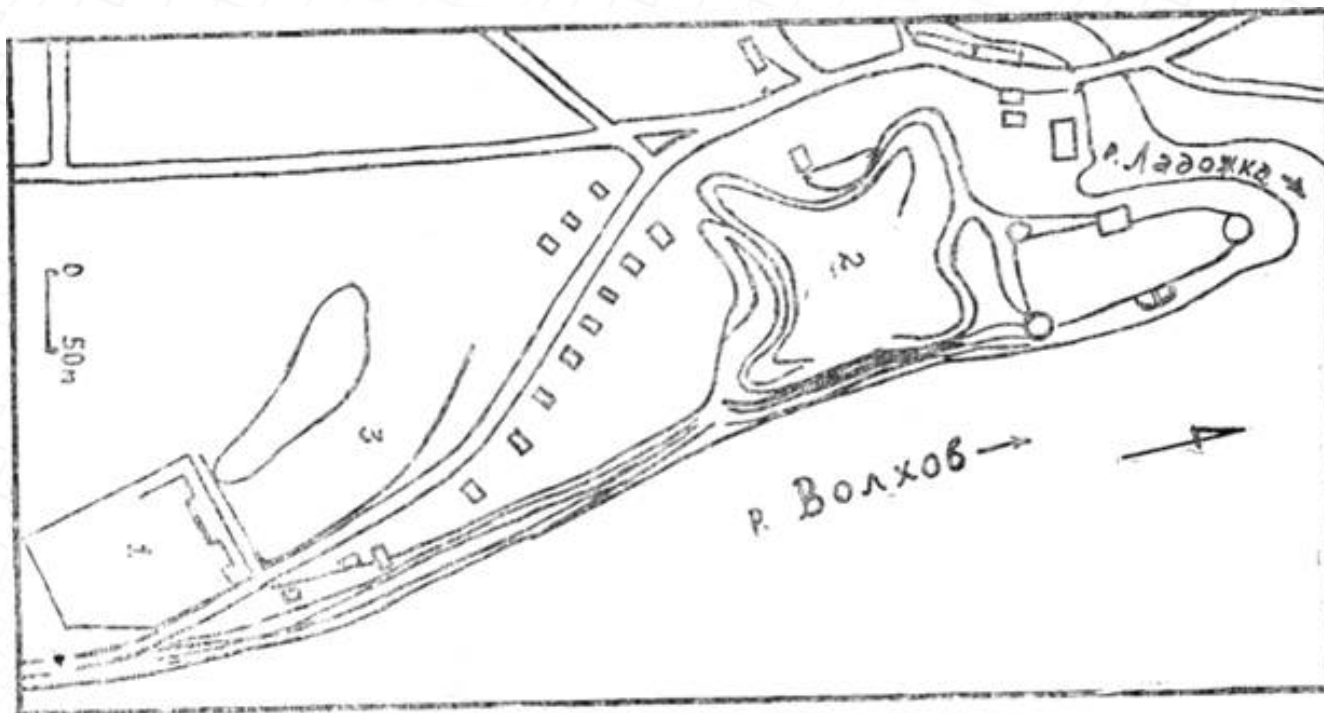


Рис. 1. Траншея XI. Ситуационный план. 1 — Никольский монастырь, 2 — Земляное городище, 3 — траншея XI.

Траншея XI была проложена в 1984 году в южной части Старой Ладоги с целью установки для жителей ул. Никольской водоразборной колонки (рис. 1 и 2). Годом ранее была вырыта траншея IX, тогда же обследованная автором². Она отходила от асфальтированной дороги, идущей вдоль северной стороны Никольского монастыря. Траншея XI стала продолжением траншеи IX. Она прошла сначала вдоль указанной дороги, по южному краю картофельного поля (отрезок О—А). Обогнув угол огорода (т. А), траншея шла далее по его восточной обочине, вдоль ул. Никольской, до т. С, где и была установлена колонка. Длина тр. IX — 3 м, отрезка О—А — 19 м, участка А—С — 214 м. Общая длина траншей IX и XI — 236 м.

Для изучения и фиксации стратиграфии в траншеях производились зачистки стенок. Значительное внимание было уделено просмотру отвальной земли и сбору подъемного материала на обширном картофельном поле, по краю которого прошла траншея³.

Зачистка 1 (рис. 2). Участок О—А, южная стенка. В 2—15,40 м от О к востоку (по ходу траншеи). Длина зачистки 13,40 м. Участок зачистки от т. 4 м до 15,40 м от О был зачерчен. Фрагмент чертежа дается на рис. 3.

От дневной поверхности до глубины 0,14—0,50 м «дет перемешанный слой пестрой окраски, содержащий позднейшие отложения. Ниже залегает слой темной гумусной земли мощностью 0,20—0,48 м. Верхняя часть общего гумуса, по толщине составляющая большую его часть или половину, — это довольно рыхлая аморфная черная земля. В ней встречаются небольшие камни, обломки костей животных, гончарные и изредка лепные черепки. Нижняя часть слоя общего гумуса — это более плотная и вязкая глинистая темно-серая земля. На ней, т. е. примерно посередине общего гумусного слоя или в его нижней части, залегает слой времени древней Ладоги (слой «л»). Чаще всего он имел вид двуцветной «горелой» прослойки: тонкий пласт угля, на котором лежит тонкая прослойка желтовато-белого цвета, напоминающая глину. Слой «л» содержит фрагменты лепных ладожских сосудов, обломки костей животных и рыб, в т. ч. очень измельченные, рыбью чешую, мелкие обломки кальцинированных костей; найдены три железных предмета. Максимальная толщина слоя «л» 4—5 см. Местами двуцветная прослойка не наблюдалась, но на уровне ее залегания встречались обычные для этого слоя находки. Со слоем «л» в районе зачистки 1 связаны три скопления камней и культурных остатков. Так, в 9—10 м от О к востоку наблюдалось скопление 4 (рис. 3): с небольшим пологим углублением связаны три горелые прослойки, небольшая конструкция из камней и лежащие отдельно плоские камни. Здесь встречены обломки лепной керамики, много рыбьих костей и чешуи, «ость животного».

Под общим гумусным слоем залегает пласт стерильной серовато-зеленоватой глины мощностью 0,30—0,60 м. Сразу под глиной лежит тонкая, около 1 см толщиной, глинистая прослойка почти черного цвета, содержащая угольки. Грунт ее — измельченный, производящий впечатление культурного слоя. С ней связана полоса темно-серого пятнистого песка шириной 7—15 см. Этот лежащий под глиной слой обозначен нами как слой «н».

Ниже идет чистый ярко-желтый материковый песок.

Стратиграфия зачистки 1 отражает основные этапы исторического освоения данной территории. Слой «н» — это, по-видимому, древнейшая почва, на которой оставили следы своего пребывания неолитические охотники и рыболовы. Слой неолита был погребен под мощным пластом зеленоватой глины в результате ладожской трансгрессии. Со временем на глине образуется новый почвенный слой — темно-серая глинистая земля. В конце I тысячелетия н. э. эту территорию осваивают ладожане. Остатки их жизнедеятельности наслаиваются на древнюю почву — темно-серую землю. Со временем слой «л» перекрывается более поздними культурными

отложениями, образовавшими верхний черный гумусный слой.

Зачистка 1—А. Участок О—А, северная стенка. Археологические наблюдения производились на участке от 1,75 до 10,10 м от О к востоку. Здесь та же стратиграфическая картина, что и на южной стенке, но верхние слои из-за близости к огороду нарушены гораздо сильнее. Так, иногда куски кирпича в стенке траншеи залетают всего в 2—3 см над слоем «л». С ладожским слоем связано скопление 2, находящееся напротив скопления 4 южной стенки. Очевидно, это единый комплекс — неглубокая яма хозяйственного назначения. В районе скопления 2 в верхней части темно-серой глинистой земли был найден кремневый отщеп эпохи раннего металла — раннего железа.

Траншея IX (1983 г.). Зачистка А. Западная стенка траншеи, в 2 м к северу от южного ее конца. Верхний слой, толщиной 0,20—0,25 м, — серая огородно-почвенная земля. Ниже лежит пласт очень плотной глинистой желто-серой земли мощностью 0,40—0,55 м. Он идет до глубины 0,60—0,75 м от дневной поверхности, содержит позднейшие отложения, иногда встречаются гончарные черепки. Ниже залегает собственно культурный слой — темный, почти черный гумус мощностью 0,30—0,35 м. В нем встречаются обломки керамики — гончарной, в т. ч. поздней, и лепной (в нижней части слоя), а также угольки, обломки камней, иногда — мелкая кирпичная крошка. Слой «л» здесь не наблюдается, гумусный слой кажется более однородным и более нарушенным, чем на участке О—А. Ниже, до глубины 1,30—1,45 м. идет пласт темной серой глины. Под ней прослеживается слой «н». Еще ниже, в материковых слоях, залегают камни.

Аналогичная свита напластований наблюдается и на восточной стенке траншеи IX.

Последующие зачистки были выполнены на основном участке траншеи — А—С. Здесь на стенках местами виден горелый слой времени древней Ладозы, более интенсивный, чем на отрезке О—А.

Зачистка 2. Западная стенка траншеи, 84,40—86,30 м от А к северу (то ходу траншеи). Длина зачистки — 1,90 м. Здесь, близ т. Б, где сначала предполагалось установить колонку, траншея расширяется до 1,5 м, и западная стенка проходит уже по огороду. Было важно выяснить состояние древнего слоя в условиях раскопки. От дневной поверхности до пласта светлой глины идет аморфный перемешанный слой темно-серой, почти черной земли. Мощность его в средней и северной части зачистки — 0,18—0,30 м. Здесь в нижней части гумуса встречены гончарные черепки. В северной части зачистки в 2 см над глиной найдена сильно окислившаяся железная ладейная заклепка. У южной границы зачистки наблюдается край какой-то ямы, глубиной до 0,40 м от дневной поверхности. В основании ямы, в черной земле, среди камней, был найден фрагмент бронзового пластинчатого орнаментированного браслета XIII—XIV вв. Здесь же встречены обломки гончарной керамики и лепная стенка. Под гумусным слоем залегает пласт глины мощностью 0,16—0,65 м. Зачистка показала, что общий гумусный слой, включая ладожский, здесь разрушен пахотой.

Зачистка 3. Восточная стенка траншеи. 72,30—73,65 м от А к северу. Длина зачистки — 1,35 м. У дневной поверхности лежит аморфный черный гумусный слой, содержащий много камней и угольки. Встречались фрагменты гончарной и лепной керамики. Мощность его невелика. Уже в 0,23—0,25 м от дневной поверхности начинается слой темно-серой глинистой земли, на котором лежит ладожский слой, несколько отличающийся от двуцветных горелых прослоек отрезка О—А. Это «горелый» слой черного цвета, толщиной 4—7 см. Он более интенсивно насыщен углем, в том числе измельченным. Угля больше в основании слоя, на древней почве. Иногда наблюдалась зола. В этом слое собрано немало обломков лепной керамики, многие из них повреждены огнем. Найден фрагмент керамического тигелька. В горелом слое встречались также мелкие обломки костей животных, рыбы кости и чешуя, камни. Горелый слой продолжается к северу и югу от зачистки, протяженность его около 4 м. Создается впечатление, что здесь сгорела какая-то легкая деревянная постройка. Толщина слоя древней почвы — 12—15 см. Под ним лежит пласт глины мощностью 0,18—0,24 м. Зачистка 4. Восточная стенка траншеи. 87—89,60 м от

А к северу. Длина зачистки 2,60 м. Среднюю и южную часть зачистки занимает скопление камней и культурных остатков, связанных с пологой ямой, врезавшейся в пласт зеленоватой глины и почти уничтожившей его. В основании ямы лежит горелая прослойка, немного выше — другая. В заполнении ямы лежат небольшие камни. В скоплении залегало много обломков лепной ладожской керамики, встречались рыбы кости и чешуя, кусочки обугленной черной бересты, изредка — обломки костей животных. Среди углей попадаются мягкие сгоревшие стебельки. Под ямой — остатки пласта светлой глины, толщиной 2—3 см. Стратиграфия северной части зачистки, за пределами ямы: от дневной поверхности идет явно перемешанный черный гумусный слой мощностью до 0,18 м, ниже залегает слой древней почвы толщиной до 0,15 м. Под ним — пласт серо-зеленоватой глины толщиной 0,08—0,16 м.

Зачистка 5. Восточная стенка траншеи, 173,40—177,40 м от А к северу. Длина зачистки — 4 м. От дневной поверхности идет неровный слой общего гумуса, лежащий на материке — мощном пласте светлого щебня (в верхней части — с оранжевым песком). Ни пласта глины, ни слоя «н» здесь нет. Максимальная мощность общего гумусного слоя — 0,53 м. В крайних точках зачистки материк залегает от дневной поверхности всего в 0,27 м. Слой общего гумуса поврежден пахотой и четкой структуры не имеет. При его зачистке встречались камни, обломки гончарной и лепной керамики (лепная встречалась даже в верхней части слоя), кости животных и рыб, чешуя (последняя — не только в нижней, но и в средней части общего гумуса). Отложения ладожского времени встречались в основном в нижней части общего гумуса, обычно в 3—7 см над материком, а также на материке. Это многочисленные обломки лепной ладожской керамики, рыбы кости и чешуя, обломки «костей животных». Среди лепных черепков есть крупные; удалось склеить части некоторых сосудов, в том числе миниатюрного сосудика. Найдены костяной конек для катания на льду и заготовка изделия из рога. У северного края зачистки на материке найдена архаичная костяная проколка, относящаяся, возможно, к эпохе неолита или раннего металла.

Далее от зачистки 5 к т. С культурный слой почти сходит на нет. Так, в 186—188 м от А мощность гумусного слоя от дневной поверхности до материка на западной стенке траншеи составляет 15—20 см, на восточной — не более 15 см. Этот слой лежит на массиве белого материкового щебня и гальки. В 207 м от А толщина гумуса на западной стенке — около 15 см, на восточной — около 10 см.

Зачистка 6. Конец траншеи, западная стенка (на восточной слоя почти нет). 0,40—1,90 м к югу от С. Длина зачистки — 1,50 м. От дневной поверхности до материка — белого щебня — идет гумусный слой. В северном конце зачистки его толщина 0,17—0,18 м, в южном — 0,09—0,10 м. Большую часть зачистки занимает пологая яма глубиной 0,42 м от дневной поверхности, заполненная гумусным слоем. В основании гумуса залегают камни. Нижняя часть гумусного слоя — рыхлая черная земля, содержащая угли, обломки лепной ладожской керамики, много рыбьих костей и чешуи. Здесь же найден маленький обломок бронзового круглого в сечении стерженька. Эта нижняя часть гумуса образует полосу толщиной 12—16 см. На материке также встречаются лепные черенки, рыбы кости и чешуя, угольки. Верхняя часть гумусного слоя — более плотная, более светлая, здесь встречаются небольшие камни и щебень. Таким образом, в районе зачистки 6 выявлена еще одна яма хозяйственного назначения древне ладожского времени. Нижняя часть ее заполнения выглядит еще не нарушенной. Но культурный слой, лежащий у поверхности и имеющий небольшую мощность, здесь разрушен пахотой. Об этом говорит не только характер его, но и находка современного предмета на материке у северного конца зачистки.

На стенках траншеи А—С кроме неглубоких ям, выявленных в зачистках 2, 4 и 6, наблюдается ряд прорезанных траншей разновременных ям, иногда довольно глубоких, уходящих ниже дна траншеи. Большинство ям — явно более позднего времени, чем VIII—X вв., судя по их заполнению. Это ямы 1, 2, 3, 6, 9 и, по-видимому, яма 4. Характер ямы 8 неясен.

На западной стенке траншеи на участке в 7—21,2 м от А к северу, т. е. на протяжении около 14 м, прослеживается пологое понижение гумусного слоя (яма — ?), рис. 2, № 10. Гумусный слой опущен в пласт материковой глины до глубины 1 м от дневной поверхности. В районе этого понижения на стенке траншеи видны черная земля, щебень, камни. На восточной стенке траншеи это понижение культурного слоя почти не заметно.

Ямы 5 и 7 относятся ко времени древней Ладоги, Они имеют 'Производственный характер. Так, в яме 5 на дне или близко ко дну были найдены обломки керамических тигельков и бронзовый слиток в виде 'Маленького неправильного шарика.

В зачистках, отвалах земли и на поверхности картофельного поля «был собран большой вещественный материал, который дополняет картину исторического освоения данной территории, запечатленную в стратиграфии. Найдены предметы из кремня и других пород камня, из глины и стекла, кости и рога, железа и цветных металлов, шлаки, кости животных, обломки гончарной керамики. Получено более 600 фрагментов лепной ладожской керамики. 4

Древнейшие находки датируются временем неолита: отбойник из гранита, отбойник-ретушер кремневый, нуклеус кварцитовый в начальной стадии, два кремневых отщепов с ретушью по одному краю, фрагмент костяного орудия «под углом 45°». К эпохе неолита — раннего металла относятся сланцевый шлифованный топор и кремневые предметы: три сработанных нуклеуса, скобель, нож на отщепе, два скребка на отщепе, массивный отщеп и, возможно, еще два отщепов кремня. По-видимому, к эпохе неолита или раннего металла относится костяная проколка, найденная в зачистке 5 на материке.

С неолитом связывается слой «н». Он прослежен в траншее IX; на участке 0—А; в южной части участка А—С. Далее к северу по ходу траншеи он деградирует — отсутствуют угольки (зачистки 2—4), а затем исчезают вовсе (зачистки 5 и 6). Находки неолитических орудий, при отсутствии керамики этого времени, и характер слоя позволяют думать, что данный участок входил в состав территории, прилегающей к расположенной где-то неподалеку стоянке.

Единичные находки эпохи раннего металла и раннего железного века свидетельствуют, быть может, о попытках освоения этой местности еще в доладожский период.

Наиболее ярко выражен на данной территории слой времени древней Ладоги. К этому периоду относятся скопления камней и культурных остатков, связанных с приготовлением пищи, с чисткой рыбы; неглубокие хозяйственные ямы, две ямы производственного назначения.

Кажется, что на этом участке занимались, в основном хозяйственной и производственной деятельностью: бронзолитейным делом (яма 5), возможно, металлообработкой (яма 7), готовили на открытом воздухе пищу и, возможно, заготавливали рыбу впрок.

Рыболовство играло большую роль в хозяйстве ладожан. Па дне ямы 7 найден маленький железный наконечник составной трехзубой остроги. Эта хозяйственная деятельность протекала вблизи жилищ, о чем свидетельствует обилие лепной керамики, но все же, вероятно, несколько в стороне от них. Этому способствовало окраинное положение данного участка.

Непосредственно в ладожском слое (в зачистках и ямах 5 и 7) собраны обломки лепных сосудов и вещи, среди которых 6 железных предметов, бронзовый слиток, фрагменты керамических тигельков, 2 костяных предмета, 1 — каменный, шлаки. На картофельном поле найдены 2 стеклянных бусины IX—X вв.

В зачистках, отвалах и на картофельном поле собрана целая коллекция в основном переотложенных вещей, относящихся к кругу древностей времени древней Ладоги — древней Руси. Это изделия из железа: заклепки ладейные, зубило, гвоздь, обломок косы-горбуши; бронзовые предметы: фрагмент узкомассивного литого браслета, 2 слитка (сырье ювелира), обрезки и фрагмент бронзового листа; обломки керамических тигельков и льячки, керамические пряслица и 1 костяное, обломки привозных амфор, кусок рога лося со следами пиления и заготовка костяной поделки, фрагмент массивного точильного камня — плиты, несколько стеклянных бус, в т. ч. фрагмент

очень редкой полихромной.

Траншея XI прошла, в основном, по обочине огорода, где ладожский слой местами еще уцелел от распашки. Часть слоя была уничтожена более поздними ямами. На территории же картофельного поля, издавна подвергавшегося распашке, ладожский слой, надо думать, в значительной степени или полностью уничтожен. Об этом говорят и довольно многочисленные древние предметы, оказавшиеся на поверхности огорода.

Вскрытый траншеями IX—XI участок являлся, по-видимому, юго-западной окраиной первоначального ладожского поселения. Участок был заселен не позднее IX века, но вполне возможной датой нам кажется VIII век. Об этом позволяет думать керамический материал. Культурный слой времени ранней Ладони района картофельного поля, возможно, составлял единое целое со слоем этого времени на территории Никольского монастыря, открытым в 1978 году отрядом Ленфилиала Института «Спецпроектреставрация» под руководством О. М. Иоаннианя.⁵

1 По нумерации траншей, археологический досмотр которых был осуществлен автором.

2 Первоначальный осмотр траншеи IX был проведен совместно с Г. С. Лебедевым.

3 За консультации во время моей работы в траншее я признательна А. Н. Кирпичникову и В. А. Назаренко. Я благодарю Ю. Н. Урбана за помощь в атрибуции каменных орудий и З. А. Львову за постоянную помощь в определении стеклянных бус.

4 Объем статьи не позволяет подробно рассмотреть здесь ямы 5 и 7, вещевой материал и лепную керамику. Этим темам автор предполагает посвятить специальные работы.

5 Иоанниан О. М., Гусева О. Г., Стеценко Н. К. Раскопки в Никольском монастыре в Старой Ладозе // АО 1978 года. М., 1979. С. И—12.

Иоанниан О. М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Никольском соборе в Старой Ладозе в 1978 году и камеральной обработке коллекции. Л., 1979. (Библиотека Староладожского музея).

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(21\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Старинные гравюры](#)

Антикварные гравюры - изысканный выбор для подарка и украшения интерьера
www.gravura.ru · Москва

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

О сопках в низовьях реки Ниши в Восточном Приильменье

И. И. Еремеев

Средневековые памятники восточного побережья оз. Ильмень, в отличие от подробно описанных древностей Поозерья и южного берега озера, почти не подвергались исследованию и мало известны в научной литературе. В частности, это относится к сопкам — погребальным сооружениям, получившим распространение в Приильменье в посл. четв. I тыс. н. э. Нам хотелось бы уточнить систему размещения этих памятников в одном из выделяющихся здесь земледельческих микрорегионов — на ряде пологих возвышенностей, расположенных между дельтой р. Меты и правым берегом р. Ниши, впадающей с востока в оз. Ильмень (рис. 1). По природно-географическим характеристикам этот регион близок Поозерью — здесь распространены легкие и плодородные аллювиальные почвы. Большие площади занимают заливные луга.

Единственная сопка на этой территории, известная по публикациям, была зафиксирована в 1909 г. А. А. Спицыным. Находилась она между деревнями Чавищи и Бронницы, в трех верстах от последней, близ ур. Ямно. Насыпь имела диаметр около 30 м, высоту до 2 м и была окружена рвом. По словам местных жителей, в сопке была 'Некогда найдена 'стена, выложенная из камней. 1 Памятник фигурирует в сводах И. С. Романцева и В. В. Седова. 2 До наших дней памятник 'Не сохранился.

В настоящее время в 6 км к югу от упомянутой сопки зафиксирована еще одна насыпь, почти полностью уничтоженная распахкой. Остаток ее, высотой 0,5 м и диаметром 30 м, расположен на пашне в 40 м к северу от кладбища на северной окраине д. Наволок. По

словам жителей деревни, до недавнего времени из насыпи выпавались камни. Значительные размеры сохранившейся несмотря на многолетнюю распашку части сооружения позволяют отнести его к сопкам. С памятником связана традиционная легенда о «литовском разорении». В 300—400 м к северу от останца сопки, на западном берегу зал. Воецкий, на холме, возвышающемся над урезом воды на 5 м, находится селище. Здесь, на пашне, на площади 150X150 м, встречается гончарная керамика X—XV вв. (рис. 2—2,3,4). Единичные фрагменты гончарной керамики X—XI вв. найдены также на мысу на южной окраине д. Наволок, где, видимо, тоже существовало поселение (рис. 2—1). Оба селища можно связать с сопкой.

Третий пункт в указанном микрорегионе, где следует отметить существование некогда сопки, — пас. Бронницы, известный расположенным в нем на высоком холме городищем. Неоднократные упоминания о бывших тут погребальных насыпях мы находим в документах XVIII в. Первое из них связано с историей прославленной Сибирской экспедиции Академии наук 1733—1742 гг. 19 августа 1733 г. в Бронницы прибыли направлявшиеся в Сибирь члены экспедиции — профессора Гмелин, Миллер и Кроер. Путешественники имели указание попутно осмотреть Бронницкую гору, которая к тому времени была уже известна в петербургских ученых кругах как геологическая и историческая достопримечательность дороги из Петербурга в Москву. В первом рапорте сенату, содержащем отчет о деятельности участников экспедиции в Новгороде и Бронницах, помимо описания известного холма и прочего, ученые сообщали: «А внизу сей горы (Бронницкой — И. Е.), к востоку находятся 2 небольшие пригорка, которые по всему виду не что иное, как тутошних древних языческих жителей кладбища мертвых суть: для того что они имеющимся в Германии и в других землях таким пригоркам во всем подобны». 25 августа под наблюдением академиков были произведены раскопки обоих курганов колодцами на глубину до трех метров, при этом в одном из них на глубине около 2 м были обнаружены угли. Ученые намеревались исследовать насыпи на всю высоту «до подошвы», однако из-за препятствий, чинимых местной администрацией, дальнейшие работы организовать не удалось и экспедиция, «все оставя», 28 августа отправилась далее. Так неудачно завершились первые археологические раскопки средневековых древностей Новгородской округи. 4

В кон. XVIII — нач. XIX вв. в России получила распространение серия гравюр, носившая название «Собрание Российских и Сибирских городов», составленная в значительной степени за счет изображений, выполненных с рисунков художников, участвовавших в Сибирской экспедиции. В серию вошла и гравюра, изображающая Бронницкий холм, выполненная в 1770 г. мастером А. М. Шухиным по рисунку одного из сопровождавших экспедицию живописцев. Ряд оттисков хранится ныне в Русском музее (ГРМ, гр. 7230, 37021). 5 Рисунок был сделан во время описанных событий августа 1733 г. предположительно художником И. В. Люрсениусом. 6 На гравюре на фоне горы выделяются две крутые конусообразные возвышенности, которые и являются заинтересовавшими ученых курганами. Форма и, видимо, значительные размеры возвышенностей, которые выглядят внушительно даже рядом с огромной горой, позволяют утверждать, что это сопки. О размерах сооружений можно судить и по тому, что, согласно отчету, ученые, прокопав насыпи на глубину 3 м, основания их не достигли. Отметим заодно, что гравюра дает и некоторое представление о характере укреплений на городище — на изображении хорошо прослеживаются следы эскар-пировки склонов холма. 7

Можно проследить и дальнейшую судьбу Бронницких сопки. В 1768 г. известный ботаник и естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук П.-С. Паллас, проезжая через село в первую свою экспедицию, задержался для осмотра знаменитой горы. Позднее в своих записках ученый отмечал: «Бронницкая страна кроме того еще примечания достойна по некоторым недалеко от дороги находящимся могильным курганам, кои, может быть служат к истории тамошнего места, и надлежало бы по времени оные исследовать». 8 Но, по-видимому, уже к концу XVIII в. бронницкие сопки были скрыты. Так, на дошедшей до нас гравюре Х.-Г. Гейслера, бывшего спутником П.-С. Палласа в его второй экспедиции, изображающей Бронницкий холм таким, каким его увидели путешественники в 1794 г., курганы у его подножия уже отсутствуют. 9 Не видно уже и следов укреплений на вершине горы. Ничего не сообщает о сопках и академик Н. Я.-Озерецковский, проезжавший через Бронницы в своем путешествии вокруг Ильменя в 1805 году. Известно, что Озерецковский интересовался древностями и, вероятно, не преминул бы отметить в своих записках стоявшие возле дороги курганы, в том случае, если бы они к тому времени сохранились.

Таким образом, на участке Бронницы — Наволок реконструируется цепочка из несохранившихся до наших дней трех могильников, включавших в себя в общей сложности не менее четырех сопки. Возможно, их было здесь больше. В д. Наволок рассказывают о нескольких давно скрытых «горбах», оставшихся после «прохождения литвы» и стоявших некогда у деревни, и хотя здесь достоверно зафиксированы следы лишь одной насыпи, «е исключено, что тут находилась группа сопки. Сейчас этот вопрос могут решить разве что данные аэрофотосъемки. В д. Войцы в 1,5 км южнее Наволока также, по рассказам стариков, стоял некогда какой-то «бугор», в котором якобы находили кости.

Но и достоверно известное в микрорегионе на сегодняшний день количество сопки свидетельствует о сравнительной многочисленности насыпавшего их местного населения в конце I тыс. н. э. Учитывая, что он входит в состав ближайшей Новгородской округи, это не может не вызвать интереса. Особо следует подчеркнуть, что с введением в научный оборот бронницкой группы сопки встанут вопросы о постановке в ряд пришьменских древностей, восходящих к эпохе викингов, такого яркого и пока еще загадочного памятника, как городище на Бронницком холме, и о связи его с населением, оставившим сопки. Близость этого памятника, имевшего важное стратегическое положение — у устья р. Меты, — с сопками тем более привлекает внимание, что большинство ключевых укреплений Новгородской округи (Рюриково городище, Холопий городок, городище Георгиевское), хотя и несут в своем инвентаре характерные черты культуры сопки, но не могут быть безапелляционно связаны с тем или иным «сопочным» могильником. Исключением в этом

отношении, видимо, является городище у д. Сергово на р. Веряже. Насыпи же у подножия Бронницкого городища говорят сами за себя. Роль этого, одного из самых неприступных городищ Новго-родчины, в ранней истории Новгородской округи и место его в системе средневековых приильменских поселений еще предстоит выяснить. Пока, учитывая вышесказанное, можно указать, что на правом берегу р. Ниша существовало несколько поселений «сопочного» населения, тяготевших, видимо, вместе с некоторыми другими памятниками этого круга, расположенными близ дельты р. Меты (сопка, например, отмечена в Новоселицах в 7 км к северу от Бронниц, на ручье Миашке в 9 км к северо-западу от них) к городищу на Бронницкой горе, составляя его округу, а вместе с ним, возможно, некую территориальную единицу — группу открытых поселений с защищающим их городищем-убежищем. Несомненно, памятники восточного берега оз. Ильмень в дальнейшем могут существенно дополнить представления о структуре расселения славян на берегах озера в конце I тыс. я. э.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Нетипичные элементы в средневековой погребальной обрядности Новгородской Земли

В. В. Мильков

В 1980—1992 гг. в бассейне рек Меты и Сяси исследовано несколько средневековых могильников, раскопки на которых проводились большими площадями. На этой территории на смену трупосожжениям пришло несколько типов захоронений: жальничные погребения (д. Бор Окуловского р-на) и грунтовые могильники, не имевшие никаких внешних признаков (д. Заручевье Окуловского района, д. Дрегли Любытинского р-на). Оба типа захоронений соседствуют с курганными могильниками, содержащими труположения в ямах. При этом есть основания говорить, что грунтовые погребения были синхронны подкурганным. По крайней мере, один и тот же инвентарь фиксируется под курганами и в грунтовых захоронениях у д. Заручевье и у д. Дрегли. Он датируется XI и, возможно, началом XII столетия. Жальничные находки датируются XI—XII столетиями. В процессе раскопок перечисленных объектов среди типичных для данной категории памятников захоронений встречаются весьма необычные элементы ритуала, которые требуют осмысления.

В 1983 г. на жальнике у д. Бор в ряду обычных жальничных могил, обложенных валунными обкладками из массивных крапчатых валунов, расчищено два погребения в слое золы и угля (раскоп II 1983 г., погребения 4, 5). На поверхности эти погребения были обложены валунным венцом прямоугольной формы, размерами 3—3,6X3 м. Посредине коллективная оградка была символически разделена пополам рядом камней, располагавшихся у самой поверхности (рис. 1). Внутренний периметр оградки был заполнен светлым песком. Толщина заполнения равна высоте валунной обкладки: 0,5—0,6 м. Под этим заполнением, непосредственно на материке, залегал слой золы и

углей толщиной 0,1 — 0,5 м. Ниже зольного пятна, по внутреннему периметру оградки, открылась общая для обоих погребений яма, заполненная серым рыхлым песком, смешанным с угольками и золой (рис. 1). Размеры ямы 2,2Х2,6 м, углубление в материк 0,6 м. В месте расположения костяков прослеживаются небольшие углубления (до 0,1 м). Размер углубления вокруг погребения 4—0,9Х1,8 м. Все внутреннее пространство заполняет слой углей. По периметру ямы расчищены небольшие головни от легкой сгоревшей деревянной конструкций.

Среди золы и углей расчищен детский костяк плохой сохранности в положении на спине, головой на ЮЗЗ. Длина костяка 1,2 м, в ногах в верхней части заполнения ямы расчищен развал кругового сосуда грубой выработки с примесью дресвы в тесте. Овальное плечико украшено ногтевыми насечками. Других находок нет.

Располагавшееся южнее захоронение 5 находилось в углублении 2,0Х0>7 м. Погребенный, от которого сохранился только череп и кости, также лежал в слое золы. Ориентация аналогичная погребению 4. У пояса с правой стороны обнаружен лож.

Восстанавливается следующая картина устройства захоронений: в какой-то момент функционирования могильника, во внутреннем периметре, объединявшем два захоронения, была выкопана небольшая котловинообразная яма, достигавшая уровня залегания погребенных, но на 0,05—0,1 м выше, чем донные части двух, располагавшихся по соседству, индивидуальных жальничных ям. В этот котлован была впущена легкая деревянная конструкция, разделенная перемычкой на две секции соответственно числу захоронений. Затем конструкцию сожгли, а зольный слой от нее перекрыл погребенных. Огонь был верховой, потому что сами костяки следы обжига на себе не несут. Однако от воздействия этого огня, а возможно еще и от повторного кострища на месте засыпанной сожженной конструкции, гранитные валуны коллективной обкладки жальника с внутренней ее стороны несут на себе следы обжига. По завершении огненного ритуала пространство в пределах выкопанной ямы было заполнено чистым песком, принесенным со стороны, а по поверхности выложен чисто символический ряд из небольших камней, размечающий деление оградки на части. Характерно, что с восточной стороны, в ногах у погребения 5 был поставлен столб, на месте которого расчищена яма, забутованная камнем.

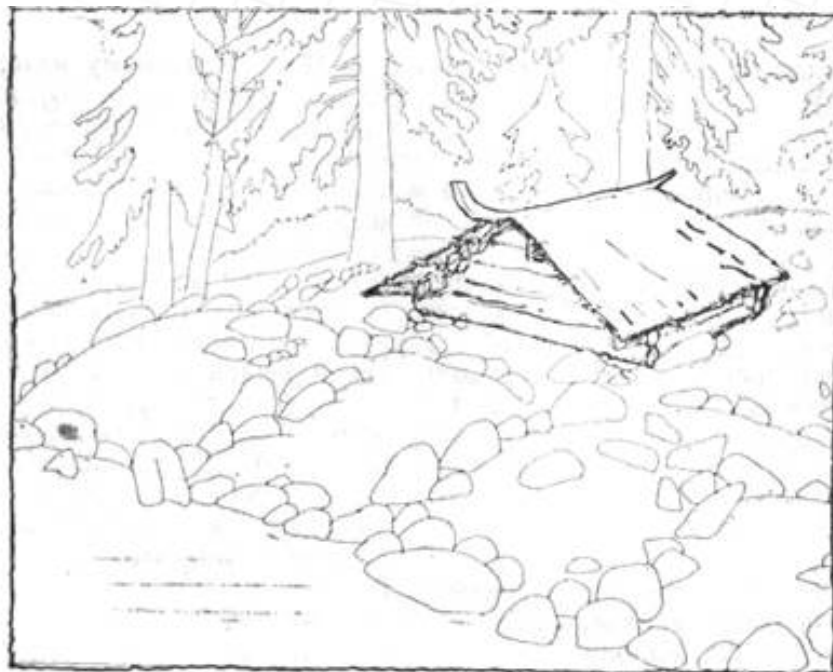
В 1990 г. при раскопках грунтового могильника Заручевье VI в северо-западной части участка Б расчищено погребение 5 (№ 3 по сводной нумерации), которое было сооружено в яме, ориентированной по продольной оси с запада на восток (рис. 2б). Яма эта имела неправильные очертания и неровные пологие" стенки, образовавшиеся в результате того, что засыпка ямы вскоре после совершения захоронения раскапывалась. Внешние размеры ямы 3,05Х1,1>5—2,0 м, заглубление в материк 0,85—0,97 м. На дне ямы расчищены остатки костяка плохой сохранности, в положении на спине головой на запад. У правого плеча обнаружена половинка монеты, а в ногах горшок. С северной стороны ямы выкопана "ступенька размерами 0,6Х1,4—2,2 м, заглубленная на 0,5 м. После «распечатывания» могилы наверху был разведен огонь, от которого по периметру ямы и в верхней части ее заполнения фиксировались скопления угля и золы. 1 На дне ступеньки и по верхнему краю могильной ямы под золь-но-угольными остатками фиксируются участки прокала. Параллельно южной кромке погребальной ямы, в 0,55—0,8 м от нее, в материке расчищен отпечаток сгоревшего бревна длиной 3,15 м, шириной 0,3 м, толщиной 0,15 м. Не исключено, что по периметру захоронения было возведено сооружение из дерева, которое, судя по отпечаткам бревна, могло иметь размер 3,2Х3,2' м. Огонь был разведен после того, как по краям раскопанной могильной ямы было возведено массивное бревенчатое онование кострища, либо сооружение. После исполнения огненного ритуала яма была вновь засыпана, при этом сам погребенный воздействию огня не подвергался.

Могли ли во время огненного ритуала по периметру раскопанных ям возводить сооружения, или просто разводили большой костер? В пользу того, что над некоторыми из средневековых захоронений в определенных случаях возводились сооружения, говорит правильное расположение довольно крупных обугленных остатков, а главное, то обстоятельство, что на жальнике у д. Бор было открыто основание несожженной деревянной постройки, которая вместо каменного венца крепила небольшую песчаную насыпь над погребением (Раскоп I, 1983 г.). Деревянная конструкция находилась в ряду обычных жальничных могил, поэтому сам факт ее присутствия на жальнике говорит в пользу того, что аналогичные деревянные конструкции могли сооружаться и для проведения огненного ритуала.

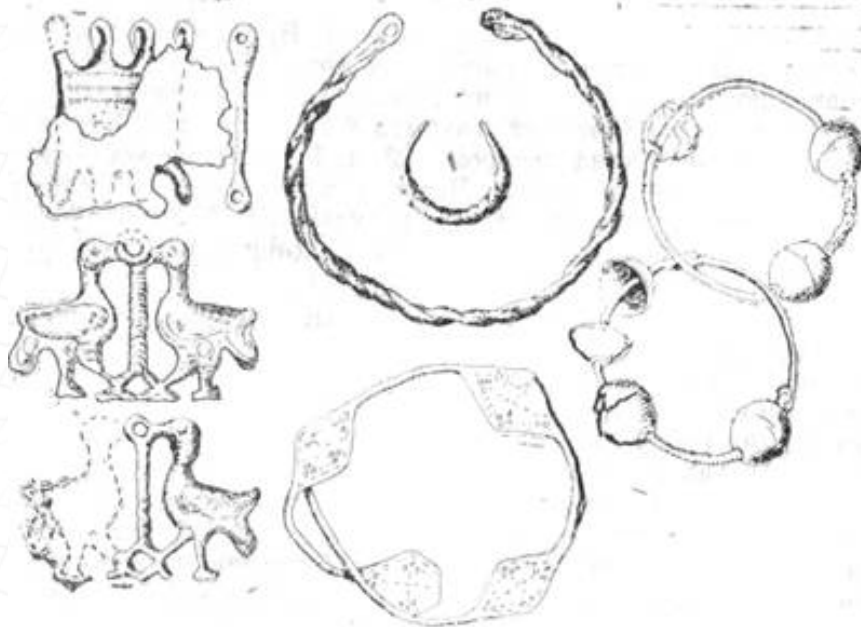
"" В ходе раскопок этого уникального для жальника объекта выявлена следующая картина. Сначала между валунами обкладок фиксировалась небольшая расплывчатая насыпь прямоугольных в плане очертаний, которая по внешнему виду напоминала небольшой курган. После послойной расчистки участка было установлено, что насыпь состоит из перемешанного желтого песка и имеет наибольшую высоту в центре (0,5 м). Профиль насыпи — уплощенно-сегментовидный, длина 5 м, ширина 5,5 м. По зачищенному четко читалась могильная яма. По периметру вокруг ЯМЫ на фоне желтого песка в материке обозначились черцые полосы шириной 0,2—0,3 м, периметрально окружавшие ПЯ1 но могильной ямы. Стенки ямы параллельны направлению полос (рис. 2а). При расчистке заполнения полос по всем их длине выбрано желобообразное углубление, заниженное от верхней границы материка на 0,1—0,2 м. Желобообра.ч-ные углубления, периметрально окружающие могильную яму, представляют собой отпечатки в материке нижнего венца бревенчатой конструкции, укреплявшей насыпь над могилой. Подтверждением тому является и прямоугольная форма насыпи, и отсутствие обычной в подобных случаях каменной оградки. Размеры сруба 4,0Х3,2 м, ориентация строго по линии В—3. С востока конструкция имела скошенные углы. Рисунок отпечатка этой части конструкции в материке напоминает в плане апсидообразные очертания маленьких деревянных часовен. Внутреннее пространство сруба было заполнено песком. Таким образом, деревянная конструкция выполняла ту же роль, что и каменная оградка жальников, отличаясь от них несколько большими размерами. Высота стенок, судя по объему насыпи, составляла 0,5—0,7 м (если считать, что внутреннее пространство сруба заполнялось песком до самого верха). Внутри несожженной деревянной конструкции расчищена могильная яма 2,8Х1 Дм, совпадающая по ориентации

с осевой линией стен сооружения. Края ямы отвесные, глубина 0,2—0,4 м. На дне находился костяк, длина которого 1,8 м. Положение костяка на спине, головой на запад. Левая рука сложена в области таза, правая — вытянута вдоль туловища. У левого локтя обнаружены железные пружинные ножницы, на левой руке бронзовое ложновитое кольцо (рис. 2а).

Этнографам известны намогильные сооружения в виде жилищ на Русском Севере и в Поволжье.² Независимо от размеров и конструктивных особенностей, намогильные жилища имели оконце и ВХОД во внутреннее пространство сооружений. Преобладала двускатная форма завершения построек (реконструкцию на основе этнографических материалов см. рис. 3). Последнее время домики мертвых фиксируются археологически на севере Восточной Европы. Традиция возведения построек над могилой сохранялась в средневековье.³ Возможно, с ней связаны многочисленные часовни на жальниках.



Находки с жальника



нс яльник
Реконструкция деревянной постройки над захоронением по материалам раскопа.
Находки с жальника

Возведение своего рода жилищ-макетов можно предполагать и в вышеописанных случаях сожжения конструкций над грунтовыми захоронениями. Необычность ритуала была связана, видимо, с каким-то экстраординарным обстоятельством, ибо конструкции возводились над раскопанными могилами и, в конечном итоге, сжигались.

Уникален случай фиксации средневекового обряда «выкапывания» покойника. Этот явно нехристианский обычай обличали Серапион Владимирский (в 1273 г.) и Максим Грек (в 1506 г.).⁴ При раскопках грунтового могильника у д. Дрегли Любытинского р-на среди захоронений, окруженных кольцевыми канавками, на участке А раскопа 1991 г. расчищено два погребения (№№ 28—29), охваченных

единым кольцом (рис. 4). Диаметр кольцевой канавки (видимо, от оградки обозначающей место захоронения) — 4,5 м. В южной части располагалась яма 2,26X0,47 м, глубиной 0,42 м. На дне лежал женский костяк в положении на спине головой на запад (погр. 28). В области таза расчищено бронзовое колечко и железный нож. Соседнее мужское погребение, располагавшееся к северу (№ 29), было устроено в яме, ориентированной с ЮЗЗ на СВВ. Западная половина ямы, имевшей размеры 2,55X0,72 м, потревожена перекопом, вдоль юго-западной пологой стенки которого расчищен костяк мужчины. При этом череп и верхняя часть грудной клетки находилась на уровне материка, а ноги, точнее коленная часть берцовых костей касались дна могилы, заглублённой на 0,44 м от поверхности. Голова и верхние ребра были смещены со своих мест в результате поздних перемещений прилегающего к поверхности грунта. Остальные кости лежали в анатомическом порядке. Положить их так на наклонной плоскости ямы можно было только в то время, когда плоть еще не распалась. Характерно, что границы перекопа ямы пришлись на коленный сустав, который был перерублен, а труп вытасчен на поверхность, при этом в районе пояса сохранилось изначальное положение ножа на погребенном. Кости ног ниже колен залетают на своем месте в восточной части ямы. Археологическая фиксация обряда выкапывания покойника имеет дату на 1,5—2 столетия более раннюю, чем упоминание этого обряда Серапионом. Этнография фиксирует этот стойко державшийся обычай в XIX в.⁵ Думается, что все перечисленные выше как нетипичные для средневековых могильников ритуалы взаимосвязаны. Такие действия с умершими, как выкапывание, частичное или полное сожжение и захоронение, направлены на обезвреживание покойника.⁶ Они обуславливались языческими воззрениями. Однако, в случаях с сожжениями сооружений это не были простые пережитки трупосожжения, а отражение более сложного воззрения на загробную жизнь.

1 Остатки огненного ритуала в виде зольно-угольных линз небольшого размера неоднократно фиксировались в других погребениях. Приблизительно каждое десятое грунтовое погребение на исследованных памятниках перекрыто кострищем, помещавшимся обычно в головах. Только на жальнике у д. Бор такой ритуал фиксируется один раз, и то за пределами могильной ямы.

2 Орубленных надмогильных сооружениях см.: Маковецкий И. Заметки о памятниках деревянной архитектуры Поволжья // Сообщения Ин-лга истории искусств. Вып. 1. М., 1951. С. 47; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1986.

3 В надмогильном «струбце» нашел пристанище от преследователей князь Даниил Александрович (см.: Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М., Л., 1964. С. 202).

4 Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 151; Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской Духовной Академии. Казань, 1862. Ч. 3. С. 170—171.

5 См.: Зеленин Д. К. К вопросу о русалках (Культе покойников, умерших неестественной смертью у русских и у финнов) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913 гг. М., 1994. С. 247 и след.

6 См.: Виноградова Л. Н. Чтобы покойник «не ходил»: комплекс мер в составе погребального обряда // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Тезисы докладов. М., 1993. С. 39—42.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiqnuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

К проблеме интерпретации сопок Северо-западной Руси: летописные и фольклорные источники

Н. И. Петров

Наиболее убедительное определение «позиции», занимаемой сопками в «сети» погребальных Традиций населения Северо-Запада эпохи раннего средневековья, представлено в работах В. Я. Конецкого. Подобные насыпи рассматриваются исследователем в качестве монументальных сакрально-погребальных сооружений, связанных с представителями социальной элиты возводивших их коллективов. Традиция возведения сопок, сформировавшаяся в Северном Поволховье, получает широкое распространение на территории Северо-Западной Руси в IX—XI вв. В роли одного из основных индикаторов связи той или иной высокой погребальной насыпи с данной традицией выступает некая регулярность расположения различных ее элементов относительно вертикальной центральной оси всего сооружения в целом.¹

Чрезвычайно ярко выделяющиеся на «фоне» иных погребальных археологических памятников Северо-Запада ово-им «монументальным своеобразием», сойки не раз «провоцировали» исследователей предпринимать попытки их сопоставления с сообщением ввводной части Повести временных лет о традиции совершения погребений по обряду трупосожжения на стороне «на столпе на путех». («И. Радимичи и Вятичи и Северь одинъ обычаи имяху, живяху в лесе, якоже [и] всякий зверь. [...] аще кто оумряше, творяху трыз-но надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику и възложа-хуть и на кладу мртвца, сожьжаху, и по семь собравше кости, вложяху в судину малу и поставяху на

столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи [и] прочий погани»²).

В 1868 г. А. Котляревский предположил, что слово «столпь» в данном тексте означает погребальную насыпь («возвышение из земли и камней, высокая могила»).³ Впоследствии Н. Е. Бранденбург, опираясь на это соображение, счел возможным отождествить «столпь» летописи с сопками Северо-Запада, которые «могут являться практическим осуществлением этого термина...»⁴ (Любопытно, что десятилетием ранее Л. К. Ивановский использовал рассматриваемое известие Повести временных лет в качестве эпиграфа к публикации результатов раскопок сопок на р. Ловать⁵).

Сравнительно недавно подобное сопоставление было вновь предпринято С. Л. Кузьминым. Поводом для этого послужили материалы раскопок исследователем ряда погребальных насыпей, относящихся к сопочной традиции, позволившие принципиально уточнить наши представления о характере функционирования такого рода сооружений. Большая часть раскопанных к настоящему времени сопок (в свете указанных исследований), судя по всему, представляла собой насыпи, погребальные функции которых «реализовывались» лишь после их окончательного (или почти окончательного) возведения. Остатки кремаций на стороне помещались на вершины подобных сопок неоднократно и не одновременно, образуя так называемые «поверхностные захоронения». Таким образом, практически полностью сооруженная сопка какое-то время выступала в качестве действующего погребального объекта¹.

«Помещение остатков кремации на вершины сопок, — отметил С. Л. Кузьмин, — вызывает ассоциацию с летописным рассказом о совершении погребений «на столпе на путех». Никакой аргументации, обосновывавшей бы эту «ассоциацию», исследователь не приводит, за исключением указания на то, что «датировка захоронений на вершинах сопок (X — первая половина XI, а возможно и весь XI в.) свидетельствуют о незначительном разрыве во времени между летописной записью (нач. XII в.) и реально бытовавшей традицией...»¹.

На мой взгляд, рассматриваемое сопоставление ни в коем случае нельзя признать правомерным. Летописец недвусмысленно связывает погребения «на столпе на путех», прежде всего, с радимичами, вятичами, северянами и, возможно (?), кривичами.⁸ Говорить же о каком-либо соответствии территорий расселения данных этногрупп (даже с учетом «расплывчатости» их локализации) ареалу распространения традиции сооружения сопок не приходится. С другой стороны, в древнерусском языке слово «столпь» и производные от него обозначают, как правило, различные деревянные или каменные сооружения — столб, ограду, стену, башню и т. п. Случаи использования данного слова для обозначения земляной (каменно-земляной) насыпи в древнерусских письменных источниках не известны.⁹ Видимо, ближе всего к истине стоят исследователи, полагающие, что в рассматриваемом летописном сообщении отразилась связь размещения остатков кремации с деревянными погребальными сооружениями — домовинами. Подобные конструкции (функционировавшие вплоть до XI в. включительно) и были выявлены при раскопках курганов, расположенных на территориях, соотносимых с областями расселения радимичей, вятичей и северян.¹⁰ Однако, стоит все же отметить, что поиск тех или иных соответствий летописным погребениям «на столпе на путех» среди погребальных древностей указанных регионов требует специального исследования.

Для определения того места, которое занимали сопки в представлениях возводивших их коллективов о загробном мире (точнее говоря — о пути в загробный мир), чрезвычайно перспективным видится привлечение фольклорных текстов И, прежде всего, волшебных сказок. Последние, как справедливо заключил В. Н. Топоров, отражают «не только обряд инициации (по В. Я-Проппу" — Н. П.), но и — через него — соответствующий похоронный обряд, моделируемый при инициации».¹²

Элементы, объединяющие их мотивы и сюжеты волшебной сказки, уже привлекались исследователями при интерпретации погребальных археологических памятников: сопоставление так называемых «домиков мертвых», использовавшихся в Юго-восточном Приладожье в течение IX—XI вв. для захоронения остатков кремации умерших, с избушкой в лесу и ее обитательницей Ягой, встречающихся (в волшебной сказке) на пути героя в «тридесятое царство», — с другой, было предпринято В. А. и Ю. А. Назаренко. В рамках данного сопоставления исследователям удалось определять семантическую нагрузку основных элементов подобных погребальных сооружений.¹³

В качестве «главной системообразующей» для «домиков мертвых» Юго-Восточного Приладожья В. А. и Ю. А. Назаренко рассматривали некую «идею дома», в которой, по их мнению, «нашла отражение и распространенная во многих погребальных культурах идея дороги в загробный мир»¹⁴. В связи с этим, хотелось бы отметить, что некие «составляющие» представлений о пути умершего на «тот свет» (отразившихся в продвижении героя волшебной сказки к «тридесятому царству»), из числа имеющих потенциальную возможность предметного воплощения IV роли основной «идеи» того или иного погребального сооружения, характеризуются значительным разнообразием (избушка в лесу, дерево, лестница, гора, корабль и т. д.). Думается, что в процессе предметного воплощения определенной погребальной традиции в виде конкретного погребального сооружения, актуализированная данной традицией одна из таких «составляющих» подчиняла себе (подавляла?) остальные, формируя тем самым своеобразие подобных сооружений в целом. Следует, однако, подчеркнуть: «подавление» одной из указанных «составляющих» других здесь необходимо рассматривать лишь в рамках «плана выражения». Вряд ли следует, как это делает, например, Ю. М. Лесман¹⁵, основываясь на выявлении некоей «предметной доминанты» того или иного погребального сооружения, выделять в определенных совокупностях могильных конструкций (выходя «а уровень «плана содержания») погребения, воспринимавшиеся в качестве жилища умершего, и погребения, рассматривавшиеся как средства отправки покойника .на «тот свет». Комбинированность представлений о жизни мертвеца в могиле и его путешествии в

загробный мир (в конкретных случаях) была прослежена В. Я- Петрухиным в Скандинавии эпохи викингов¹⁶ и вполне может служить своеобразным «предостережением» от такого рода интерпретаций.

Что же касается традиции возведения сопок, то в данном случае монументальность подобных насыпей (о стремлении выразить которую красноречиво свидетельствует их высота) позволяет предположить связь таких сооружений с представлениями о горе, отделяющей мир мертвых от мира живых, а также о локализации «того света» на горе¹⁷. (Замечу попутно, что предположению об актуализации в сопочной традиции представлений о существовании горы на пути в загробный мир полностью соответствует подчиненность (по крайней мере, на «конструктивном» уровне) основных элементов насыпи задаче возведения монументального сооружения¹⁸).

В волшебной сказке восхождение на гору неоднократно представлено в качестве «средства» достижения героем «тридцатого царства». Вершина горы, судя по всему, непосредственно маркирует в таких случаях границу двух миров, пересечение которой означает проникновение героя на «тот свет». 19 «...Конкретные обозначения переходов из одного мира в другой, — отмечает Т. В. Цивьян, — ... прежде всего характеризуются изменением уровня (понижение/повышение), на котором находится герой...»²⁰. Любопытно, что иногда, появляясь на вершине горы («въехал на гору»), он встречает там Ягу, которая «сидит в избе»²¹ и, как показал В. Я. Пропп, может рассматриваться «как охранительница входа в тридцатое царство»²².

Таким образом, пора в волшебной сказке (впрочем, равно как и в фольклорных текстах, относящихся к иным жанрам) «фигурирует... при «оспроиэведении рубежных ситуаций, связанных с бинарной структурой мира... и поэтому не может восприниматься однозначно внутри одного мира (то есть, мира живых или «того света» — Н. П.)»²³. «Пограничную» позицию занимает гора и в различных мифологических традициях, включающих в себя мотив горы как входа в верхний/нижний мир²⁴. Наконец, в славянских погребальных обрядах и в связанных с ними вербальных текстах 17-20 вв. одной из «метафор», репрезентирующих «тему пути» (в загробный мир), является «лестница-гора»²⁵.

Учитывая все изложенное выше, полагаю, что сопоставление сопок Северо-Запада, площадки на вершинах которых служили местом захоронения остатков трушождений на стороне, с горой волшебной сказки (восходящий на нее оказывается в «тридцатом царстве») вполне правомерно. Подчеркну: речь здесь ни в коем случае не идет об отражении в сказке неких представлений о сопках, связанных с возводившими их коллективами. Наоборот, одна из «составляющих» широко распространенных представлений о пути умершего «а «тот свет» (гора), прослеживаемая в подобных фольклорных текстах, обнаруживает свое предметное воплощение в сопочной традиции. С учетом этого обстоятельства сопка, функционировавшая в качестве действующего погребального сооружения, может быть условно охарактеризована как «ГОРА РУКОТВОРНАЯ».

1 Конецкий В. Я- Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII—X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 141—144; Конецкий В. Я- Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н. э. // НИС, 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 3, 7—12. См. также: Кузьмин С. Л. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й половины I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 54.

1 Текст цитируется по Лаврентьевской летописи (см.: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. // ГЮРЛ. Т. I. М., 1962. Стлб. 13—14). Следует отметить, что в Радзиви-ловской летописи и в рукописи бывш. Московской Духовной Академии вместо «на столпе» стоит «на столе» (см. постраничные примечания в указанной публикации). Судя по всему, это ошибка переписчика — ср. значение слова «столь» в древнерусском языке (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, Т. III. СПб., 1912. Стлб. 516—518; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 97). В Летописце Переяславля Суздальского, отражающем Владимирский летописный свод 'начала XIII 2 Творогов О. В. Летописец Переяславля Суздальского. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 234'—235) и являющимся своего рода «комментарием» к рассматриваемому тексту Повести временных лет (см.: Рыбаков В. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 87), как и в Лаврентьевской летописи речь идет о «стльпе» (Летописец Переяславля-Суздаль-екого ©оставленный в начале XIII века, (между 1214 и 1219 годов), издай К. М. Оболенским. М., 1851. С. 34)

3 Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 122—123. См. также Гальковский П. М. Бмьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. X ар шиш, 1016, С. 74.

4 Бранденбург Н. Е. О признаках курганных могил языческих славян в северной полюсе России. // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. Т. I. М., 1890. С. 22—23.

5 Ивановский Л. К. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии. // Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 2. СПб., 1881. С. 57.

8 Кузьмин С. Л. Оредежские сопки. // Население Ленинградской области- материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 22—24. См. также: Петров Н. И. О судьбах традиции сооружения сопок в Северо-Западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии. // Новгород и Новгородская земля. История и археологом. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 79—81.

- 7 Кузьмин С. Л. Оредежские сопки. С. 24.
- 8 Заключительное (по отношению к рассматриваемому сообщению) замечание Повести временных лет («си же творяху обычая Кривичи [и] прочий погани, не введуще закона Бжя, но творяще сами себе законъ») связано, надо полагать, не столько с описанием традиции погребения остатков 'Сожжения «на столпе на путех», 'Сколько с общей характеристикой образа жизни, «обычая» радимичей, вятичей и северян. «Кривичи [и] прочии погани», как справедливо отметил Г. С. Лебедев, в аспекте описания «по контексту не отличаются от названных выше образом жизни, но еще менее интересуют летописца...» (Лебедев Г. С. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет». // Историческая этнография: традиции и современность. (Проблемы археологии и этнографии. Вып. 2). Л., 1983. С. 107).
- 9 Срезневский И. И. Материалы... Т. 3. Стлб. 579—581; Львов А. С. Лексика... С. 128—129. О значении слова «столпъ» в древнерусском языке см. также: Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. // МИА. № 176. (Древние славяне и их соседи). М., 1970. С. 43.
- 10 Седов В. В. Ранние курганы вятичей. // КСИА. № 135. М., 1973. С. 14. Рис. 4; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 144—147; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 89—92. Необходимым представляется отметить и точку зрения А. В. Арциховского, полагавшего, что данное летописное известие следует понимать буквально, исходя из значения слова «столпъ» — столб, колонна, бревно. «Понятно, — заключил исследователь, — что от такого обряда ничего не остается на долю археологов». (Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 151—152).
- 11 Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 352—354.
- 12 Топоров В. И. Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождение у балтов и славян. // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 98.
- 13 Назаренко В. А., Пазаренко Ю. А. «Домики мертвых» и погребальная обрядность приладожской чуди (некоторые аспекты ее представления о загробном мире). // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 38—41.
- 14 Назаренко В. А., Назаренко Ю. А. «Домики мертвых»...
- 15 Лееман Ю. М. Погребальный ритуал и погребальные сооружения. (К осмыслению археологического материала Восточной Европы второй половины I — первой половины II тыс. н. э.). // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 54—56.
- 16 Петрухи и В. Я. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX—XI вв.) // СЭ. № 1. М., 1975. С. 48-50.
- 17 Пропп В. Я. Исторические корни... С. 2:13, 282.
- 18 Кои едкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов... С. 7—9.
- 19 Пропп В. Я. Исторические корни... С. 213, 282.
- 20 Цивьям Т. В. К семантике пространства элементов в алтейной сказке (на материале албанской сказки). // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 200.
- 21 Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. I. М., 1984. С. 372—373 (№ 178). Сюжет № 551 по указателю Аарне-Томпсона.
- 22 Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки С. 71.
- 23 Девонин А. В. Семантика горы в русской фольклорной традиции. // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция, 11—14 мая 1994 г. Тез. докл. (...) Секция 8. Этнографические проблемы духовной культуры. (...) Сыктывкар, 1994. С. 54.
- 24 Топоров В. Н. Гора. // Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 313. См. также: Элиаде М. Шаманизм и космология. // Элиада М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987. С. 154.
- 25 Ссдакова О. А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян). Авторсф. дисс., ... канд. филол. наук. М., 1983. С. 6—7.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Раннегончарная керамика Рюрикова Городища

В. М. Горюнова

При изучении возникновения, и распространения гончарного круга в раннегородских центрах Северной Руси керамическому комплексу Рюриков а городища следует придавать приоритетное значение не только в силу особой роли этого памятника в становлении Новгорода, но прежде всего потому, что на примере его материалов мы имеем возможность построения шкалы развития наиболее ранних форм гончарной керамики с привязкой к дендродатам более древним, чем в самом Новгороде.

База данных по керамике городища за последние десятилетия существенно пополнилась новым материалом, что позволяет дополнить уже существующую типологическую схему раннегончарных форм этого памятника. Вся совокупность раннегончарного материала городища распадается на две группы, неравные как в количественном, так и в качественном отношении.

Первая группа весьма немногочисленна, представлена единичными фрагментами. В технологическом плане представляет собой переход от лепной керамики к раннегончарной. Формы ее повторяют формы лепных сосудов. Легкая наружная правка. Орнамент нерегулярен, волны находят друг на друга и переплетаются. Имеет широкие аналогии от местных (Старая Ладога, Псков) до северопольских и северогерманских памятников VIII—X вв. (Голаншч, Санток, Гросс Раден и мн. др.).

В эту же группу включен уникальной формы фрагмент от сосуда, имеющего явно не местное происхождение. Шарообразное тулово, резко отогнутый венчик со срезом, — все эти признаки соответствуют ранним формам фельдбергской посуды, распространенной в том же

польском Поморье. Особенно характерны для памятников вильцев и отдельных, ярких центров таких, как Магдебург, Мекленбург, Ольденбург. Датировки польских и немецких археологов ограничивают VIII—IX вв.

Вторая группа раннегончарной керамики городища технологически соответствует переходу от второй к третьей и третьей стадиям развития функций гончарного круга по А. А. Бобринскому, т. е. сосуд правлен снаружи на всю высоту, изнутри — только в верхней части. Венчик имеет срез, иногда частично профилирован с помощью машинной обработки. По формам распадается на 3 типа с вариантами: Эсовидные горшки; Сосуды с ребром в верхней трети; Горшки с вертикальным слегка наклоненным внутрь или наружу венчиком. Среди сосудов с ребром в верхней трети единичные экземпляры связаны своим происхождением с южным побережьем Балтики, где доля подобных керамических материалов составляет 36%. Валикообразная орнаментация с наколами, мелкая небрежная многорядная волна, слегка отогнутый со срезом венчик дают им атрибуцию в качестве типа Щецин или типа Гросс Раден. Хронологические рамки их не выходят за пределы X в.

Хронологическая шкала развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища построена на материалах раскопа северного берега Сиверсова канала 1977—1979 гг. Здесь древнейшие напластования перекрыты мощным слоем песка и они имеют серию дендродат от 897 г. до 944—947 гг.

Керамика распределена по 13 пластам. С 13 по 7 пласты обнаружено 175 фрагментов лепной керамики. Единичные, чаще всего невыразительные фрагменты стенок раннегончарной посуды появились в 8—10 пластах (3 фрагмента). Дендродаты — рубеж IX—X вв., 905—907 гг. С 7 по 5 пласты керамика первой группы (с путанной волной) и отдельные типы второй группы (эсовидный и с вертикальным венчиком) аюлучили дендродаты — 910 г. и 944—947 гг. Материал с 3 по 2 пласты датирован второй половиной X в. по стратиграфическим данным. 1 пласт, перекрытый леском, содержит керамику стадии РФК-3, эсовидную с развитым капелированным венчиком с легкой оттяжкой. По вещевому комплексу (кольцевидная фибула с треугольным сечением, -пластинчатый широкосердечный перстень с завязанными концами и др.) она датирована финалом X — началом XI вв.

Полученная стратифицированная колонка керамических форм с дендродатами и привлечение керамики из некоторых ям, структура комплексов которых давала аналогию каким-то отрезкам колонки, позволила установить более или менее устойчивую схему развития ранне-гончарной посуды Рюрикова городища. Выделяются три этапа развития. Первый (с рубежа IX—X вв. или начала X в. до середины X в.) характеризуется наличием группы переходной от лепной керамики к гончарной с путанной волной. Встречаются отдельные экземпляры привозных фелдбергских сосудов. Обязательно присутствие горшка с эсовидным профилем и широко раскрытых реберчатых сосудов с заглаженной почти до лоска поверхностью, украшенных мелкозубчатым штампом. По-видимому, в заключение этого этапа появляется тип, своим происхождением связанный с южным побережьем Балтики (тип Щецин или Гросс Раден).

Второй этап наступает после середины X в., когда: а) переходная группа исчезает; б) реберчатая огрубляется, гребенчатые отпечатки исчезают, остается только линейный орнамент; в) увеличивается разнообразие сосудов с эсовидным профилем (появляются с укороченным и резко отогнутым венчиком, у части горшков изменяются пропорции, т. е. появляются мисковидные сосуды); г) характерны формы с вертикальным венчиком с легкой оттяжкой по краю, слабо-профильные и лированные.

Третьему этапу (конец X — начало XI вв.) присущи изменения, происходящие в результате применения более прогрессивной технологии — профилировки венчика с помощью вращения круга и машинного заглаживания основной части емкости с внутренней стороны сосуда. Отсутствуют реберчатые горшки. Продолжают возникать новые варианты сосудов эсовидного профиля: появляется вздутость в верхней части и большая округлобкость, на внешнем обресе венчика формируются различного рода оттяжки и желобки, преобладают укороченные и резко отогнутые венчики.

Разделение на этапы имеет некоторую условность. 13 комплексах и в части культурных напластований, не нарушенных перекопами, всегда имеем как бы «примесь» от предшествующего или последующего этапов, правда, весьма незначительную — 1—2 фрагмента, не более. В результате чего появляется такая примесь? Это — результат закономерного развития или следствие механических перемещений культурного слоя, которое не фиксируется в силу несовершенства наших методических приемов его исследования? В конце концов, данная схема все равно работает, она открыта для пополнения новыми материалами и послужит добротным инструментом для планиграфических штудий на Рюриковом городище, а также для сопоставлений и построения общей структурно-хронологической шкалы развития раннегончарных керамических форм Приильменья.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(23\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Сувенир - полотенце с логотипом!](#)

Для рекламной акции и как бизнес сувенир! С нами работают крупнейшие бренды
www.signtex.ru

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[АудиоКниги](#)

Всегда большие скидки! Можно купить и скачать. От 1000р бесплатно доставка.
www.akniga.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Булавки с головками сложных форм

Л. В. Покровская

Среди женских украшений, найденных при археологических раскопках в Новгороде, булавки из цветного металла занимают особое место. Дело в том, что использование булавок для скрепления верхней одежды или платка было характерно для балтских и западнофинских племен. Среди славянских украшений булавки, как правило, не встречаются. Тем не менее, в Новгороде одежные булавки разнообразных типов распространяются довольно широко. Они появляются в городских слоях со второй половины X века и встречаются до начала XIV века. В настоящее время в археологической коллекции Новгорода известно более 100 экземпляров булавок различных типов.

Самой ранней группой одежных булавок в Новгороде являются массивные бронзовые прибалтийские булавки. Они встречаются в городских слоях уже со второй половины X века. Известно всего 9 таких булавок (включая местные подражания).

В начале XII века в Новгороде появляются булавки с кольцом, продетым через головку. Подобные булавки были широко распространены в Прибалтике. В Новгороде их известно около 20, большая часть булавок этого типа ограничена хронологическими рамками конца XII века — первой половиной XIII века (12 экземпляров).

Стилизованные и трехлопастные булавки можно считать типично новгородскими, поскольку они известны практически только по материалам археологических раскопок в Новгороде. Время распространения трехлопастных булавок не выходит за рамки XIII — начала XIV вв. В Новгороде таких булавок около 30 экземпляров. Группа стилизованных булавок объединяет в себе булавки с головками,

напоминающими петушиный гребень¹, и булавки с головками в виде крылатого зверя. Основная часть булавок этой группы относится ко второй половине XIII — началу XIV века (около 30 экземпляров).

В результате, на основе датированных экземпляров булавок, найденных в Новгороде, можно составить хронологическую цепочку развития от поэтических форм булавок к типично городским формам.

Однако в этой логической цепочке наблюдается некоторая хронологическая лакуна, т. е. практически выпадает XII век. В это время в Новгороде появляется группа булавок, получивших название «булавки с загнутым стержнем». У этих булавок плоские сложные головки, орнаментированные переплетающимися ниточками ложной филигранны, между которыми помещаются круглые или прямоугольные гнезда для вставок, некоторые из них украшены ложной зернью. В основном эти булавки отливались в каменных двусторонних формах и лишь одна отлита по восковой модели². В настоящее время известно 32 булавки, относящиеся к этой группе, еще 5 булавок с загнутыми стержнями и утраченной головкой по некоторым признакам можно также отнести к этой группе.

Булавок с загнутым стержнем посвящена статья М. В. Седовой и одна из глав ее книги «Ювелирные изделия древнего Новгорода»³. М. В. Седова выделяет по форме головки три типа: предметы со звездчатыми головками, предметы с головками квадрифолийной формы и предметы с головками в виде ростка криня (к четвертому типу М. В. Седова относит булавки с головками в виде крылатого зверя)⁴. М. В. Седова отмечает, что назначение этих предметов не совсем ясно. Она предполагает, что булавки могли использоваться в качестве заколок для волос или головных уборов, приводя в пример поздние румынские аналогии. В то же время, ссылаясь на Б. А. Рыбакова, М. В. Седова склонна считать их вотивными украшениями⁵.

Основой типологической классификации одежных и головных булавок традиционно является форма их головки. Если исходить из общего принципа классификации булавок (по форме головки), то, видимо, загнутый стержень булавок описываемой группы не может быть положен в основу типологии и имеет конструктивное значение. Поэтому, обозначая эту группу булавок как «булавки с головками сложных форм», предлагается несколько иная типология. Для составления типологической схемы булавок с головками сложных форм была использована математическая формула, предложенная Я- А. Шероме.

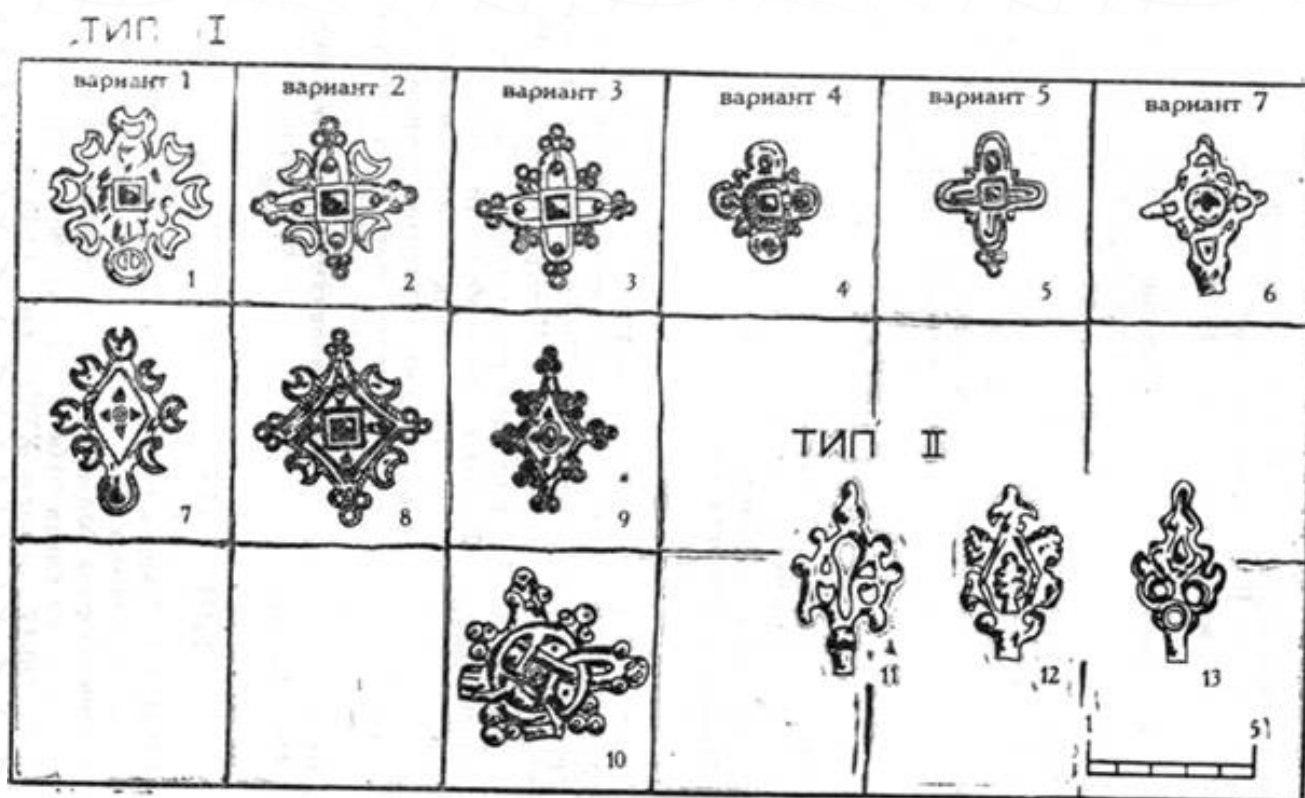
Различия в форме головок этих булавок прослеживаются по двум основным направлениям: во-первых, по форме, во-вторых, по оформлению краев головки.

В результате подсчета по степени близости и составления гистограмм оказалось, что выделяется два типа булавок с головками сложных форм:

I. Булавки с геометрическими головками. Признаки, характеризующие оформление краев головки, образуют варианты типа: 1. Восемь лунниц. 2. Четыре лунницы, четыре пирамидки. 3. Восемь пирамидок. 4. Четыре лунницы. 5. Четыре пирамидки. 6. Две или одна пирамидки. 7. Без оформления краев головки. Формы головок образуют серии (многогранные, ромбовидные, круглые). Таким образом, оказалось, что I тип булавок имеет семь вариантов, которые характеризуют хронологическое развитие этого типа от сложных форм к более простым.

II. Булавки с клиновидными головками. Головки булавок этого типа украшались, как правило, трилистниками.

ТИП I. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ



ВАРИАНТ 1. Восемь лунниц — 3 экз. У этого варианта булавок головки оформлены лунницами. Видимо, это наиболее ранние формы головки. Одна из булавок 1 варианта происходит из слоев рубежа XI—XII вв. с Неревского раскопа (21/20-17 — раек. XXVII, рис. 1:1); эта булавка восьмиконечная (или звездчатая), семь ее лопастей украшены лунницами, восьмая лунница трансформировалась в кольцо, к которому, вероятно, крепился стержень. Вторая булавка — тоже с Неревского раскопа и относится к слоям третьей четверти XII века (17/16-16-1097, рис. 1:7); головка этой булавки ромбовидная, три вершины ромба и его стороны украшены лунницами, вместо восьмой лунницы — кольцо, к которому, как и у предыдущей булавки, крепился стержень. Третья булавка происходит с Федоровского раскопа из слоев XII в.; эта булавка тоже ромбовидная (пл. 17, кв. 36, рис. 2:1).

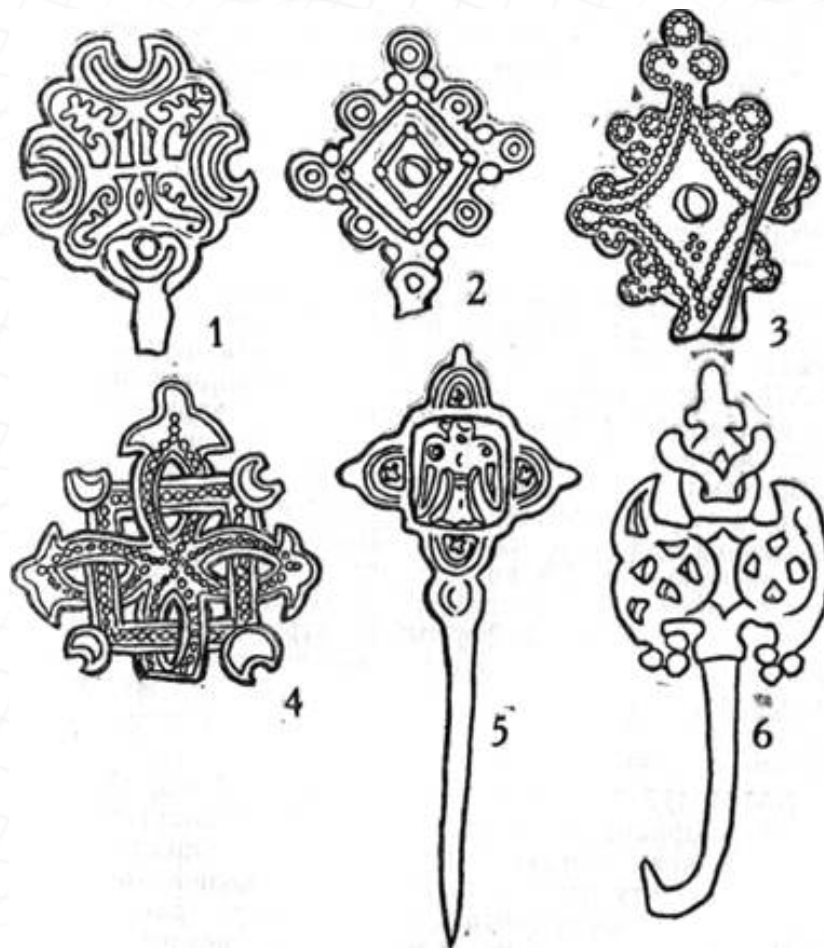


Рис. 2

ВАРИАНТ 2. Четыре лунницы, четыре пирамидки — 14 экз. У булавок этого варианта лунницы чередуются с тремя шариками, уложенными пирамидкой. Вероятно, этот вариант является хронологическим развитием предыдущего. Две булавки представляют собой «классический вариант», т. е. обладают вышеперечисленными признаками полностью. Обе булавки происходят с Неревского раскопа. Одна из них крестовидная (или звездчатая — 18-19-934, рис. 1:2) относится к слоям второй четверти XII века, на основных лопастях этой булавки вместо лунниц расположены пирамидки, а между лопастями — лунницы; стержень сохранился частично; головка булавки разделена на самостоятельные ячейки припаянными на ребро металлическими лентами⁷. Видимо, ячейки были заполнены эмалью. Вторая булавка происходит из слоев второй четверти XIII века (14-23-1408, рис. 1:8); головка — ромбовидная, вершины ромба украшены пирамидками, а по сторонам ромба расположены лунницы; стержень загнутый, головка украшена треугольниками ложной зерни и филигранными нитями, в центре — гнездо для вставки.

Еще две булавки из последних находок можно отнести к этому варианту. Одна из них происходит с Федоровского раскопа (пл. 17, кв. 365, рис. 2:2) из слоев первой половины XII века; головка этой булавки ромбовидная, на вершинах ромба, как и у других булавок этого варианта, — пирамидки, но по сторонам ромба вместо лунниц окружности с шариками ложной зерни в центре, которые, судя по всему, имели то же значение, что и лунницы; в центре головки расположено гнездо для вставки. Вторая булавка — с Троицкого раскопа (пл. 7/6, кв. 795, рис. 2:4 XIII в. (?)); головка этой булавки представляет собой квадрат, переплетенный лопастями лепестковой формы; на вершинах квадрата расположены лунницы, а на вершинах лопастей — трилистники, имеющие, в данном случае, вероятно, то же значение, что и пирамидки; стержень этой булавки утрачен, головка украшена ложной зернью.

ВАРИАНТ 3. Восемь пирамидок — 10 экз. У булавок третьего варианта в декоре уже полностью отсутствуют лунницы, а края головки украшены только пирамидками. К этому варианту относится наибольшее количество булавок, поэтому его можно считать самым распространенным.

Три булавки — многогранные (или звездчатые). Одна из них происходит с Неревского раскопа из слоев второй четверти XIII века (13-12-528, рис. 1:3), в центре головки расположено гнездо для вставки, стержень утрачен. Две другие булавки — с Троицкого раскопа (пл. 13, кв. 253; п.г', кв. 937). У первой булавки стержень сохранился полностью, головка украшена ложной зернью, в центре — гнездо для вставки; булавка относится к слоям XIII века. Головка второй булавки разделена на ячейки припаянными на ребро металлическими лентами (аналогичная по технике исполнения булавка известна на Неревском раскопе 18-19-934 и относится ко второму варианту. У пяти булавок этого варианта в основе головки лежит ромб, на вершинах и по сторонам которого располагаются пирамидки. Две булавки происходят с Троицкого раскопа, видимо, из слоев XIII века (пл. 6/8, бп, пл. 9, кв. 96), две — с Неревского (15-22-629, 14-11-1729) из слоев начала XIII века, одна — с Лукинского раскопа (пл. 9/10, кв. 22-23, рис. 2:3). Все эти булавки

украшены ложной филигранью или ложной зернью. Стержень сохранился только у булавки с Троицкого раскопа (пл. 9, кв. 96) и у булавки с Лукинского раскопа.

В основе головок двух булавок третьего варианта —> круг, по краям которого также расположены восемь пирамидок. Булавка с Людогощинского раскопа (кв. 11, трап-шея) украшена ложной зернью, в центре и по краям — гнезда для вставок; по технике исполнения эта булавка может относиться к XII веку. Булавка с Троицкого раскопа (пл. 2, кв. 871, рис. 1, 10) представляет собой позднюю интерпретацию предыдущей; вместо ложной зерни головка этой булавки украшена жгутиками, а вместо гнезд для вставок напаяны шарики. Стержни у обоих экземпляров утрачены. ВАРИАНТ 4. Четыре лунницы — 1 экз. Среди последних находок Федоровского раскопа — многогранная (звездчатая) булавка, у которой основные лопасти заменены лун-пицами, а боковые — без украшений (пл. 17, кв. 163, рис. 2:1). Булавка относится к слоям XII века (?), стержень отсутствует.

ВАРИАНТ 5. Четыре пирамидки — 3 экз. У булавок этого варианта пирамидки сохраняются только между основными лопастями (или вершинами). Две булавки четвертого варианта — многогранные (звездчатые). Одна из них происходит с Ильинского раскопа из слоев XIII века — (пл. 18, кв. 921, рис. 1:4); головка булавки украшена ложной зернью, в центре — гнездо для вставки, изогнутый стержень сохранился полностью; практически полное отсутствие боковых лопастей придает ей крестовидную форму. Вторая булавка — с Людогощинского раскопа (пл. 12, кв. 6, XIII век); на основных лопастях головки — по одному шару, на вспомогательных, имеющих вытянутую форму, — пирамидки; булавка орнаментирована ложной зернью, стержень утрачен. Третья булавка происходит с Федоровского раскопа (пл. 14, кв. 400) из слоев XIII века (?); пирамидки расположены между основными лопастями, стержень отсутствует; булавка украшена ложной филигранью и ложной зернью, в центре — гнездо для вставки.

ВАРИАНТ 6. Две или одна пирамидки — 2 экз. Одна из булавок этого варианта происходит с Ильинского раскопа из слоев рубежа XII—XIII вв. (яр. 11, пл. 21/22, кв. 33); это многогранная (звездчатая) булавка, ее основные и дополнительные лопасти округлой формы, в центре головки на основных лопастях — гнезда для вставочек, пирамидки есть только на нижней левой дополнительной лопасти и на нижней основной, которая переходит в богато орнаментированный загнутый стержень; булавка украшена ложной зернью. Вторая булавка — с Троицкого раскопа (пл. 7, кв. 672, XIII век (?), рис. 1:5); эта булавка имеет, скорее, крестовидную форму, дополнительные лопасти практически отсутствуют и заменены небольшими выступами, единственная пирамидка расположена внизу, у начала изогнутого стержня.

ВАРИАНТ 7. Без оформления краев головки — 5 экз. Одна из булавок этого варианта — многогранная (звездчатая) происходит с Неревского раскопа из слоев первой половины XIII века (14-10-669), на трех основных лопастях имеются выступы с отверстиями, четвертая лопасть заканчивается загнутым стержнем, боковые лопасти видоизменены и приобрели лепестковую форму. Три булавки этого варианта были отнесены М. В. Седовой к группе булавок квадрифолийной формы⁸. Все три булавки найдены на Неревском раскопе. Одна из них украшена выемчатой эмалью, на основных лопастях — выступы без отверстий, стержень сохранился неполностью (17-22-220, 3-я четв. XII в., рис. 1:6). Вторая булавка найдена в слоях XV века и, вероятно, попала в эти слои случайно (2-12-764); вытянутые основные лопасти этой булавки заканчиваются выступами с отверстиями, центральная часть головки представляет собой квадрат, в центре которого изображение двуглавой птицы, стержень загнут; булавка отлита по восковой модели.⁹ Подобная ей найдена на Федоровском раскопе (пл. 16, кв. 26£, рис. 2:5) и в слоях XII века (?), стержень — прямой.

ТИП II. КРИНОВИДНЫЕ — 4 экз.

Булавки этого типа имеют форму ростка крина. Вторым обобщающим признаком можно считать присутствие на вершинах головок трилистника.

К концу XII века относится ажурная булавка с Неревского раскопа (16-25-1391, рис. 1:11); стержень ее сохранился неполностью. Еще одна булавка этого типа с Неревского раскопа происходит из слоев середины XIII века (13-16-38, рис. 1:12); по краям головки и в центре — изображение лепестков, стержень загнут. Булавка с Троицкого раскопа (пл. 8/10, кв. 1199а, траншея, рис. 1:13) происходит, вероятно, из слоев XIII века; внизу, у основания головки, три отверстия, расположенных пирамидкой, стержень загнут. Еще одна булавка (ажурная) этого типа была найдена на Рю-риковом городище (подъемный материал, рис. 2:6).

Таким образом, можно говорить о развитии оформления краев головки булавок I типа от лунниц к пирамидкам, а впоследствии об отсутствии украшений по краям головки. Что касается булавок II типа, то по имеющимся в нашем распоряжении экземплярам сложно судить о развитии этого типа.

За пределами Новгорода булавки с головками сложных форм известны в Старой Рязани, на городище Воищина (Смоленская область), в Серенске и в Пскове¹⁰. Булавка из Старой Рязани криновидной формы (II тип с утраченным стержнем). Две булавки из Воищина — квадрифолийные, их можно отнести к первому типу (7 вариант), сюда же относится булавка из Серенска. Изображение птицы в центре головки располагается горизонтально по отношению к стержню, а загнутый стержень с двойным крючком. Вторая находка из Серенска представляет собой литейную форму булавки первого типа (3 вариант, звездчатая), ее стержень с двойным крючком. Булавки из Пскова не опубликованы. Несмотря на то, что в Новгороде пока неизвестны мастерские, которые связывались бы с производством булавок с головками сложных форм, здесь их значительно больше, чем на остальных территориях Древней Руси, поэтому можно предполагать их новгородское происхождение.

В результате схему развития форм новгородских одежных булавок можно считать завершенной, поскольку булавки с головками сложных форм органично в нее вписываются.

Таким образом, в Новгороде в начале XII века появляется группа одежных булавок, выполненных в технике, характерной для городского ювелирного ремесла этого времени. В начале XII века украшения еще изготавливались на заказ, а мастерство ювелиров позволяло создавать имитацию зерни и филигрны. Дальнейшее же развитие ремесленных технологий изготовления ювелирных изделий шло по пути упрощения конструкций предмета, т. е. предмет рассчитывался на массовое производство". Поэтому в конце XII — начале XIII вв. появляются более простые — стилизованные и трехлопастные булавки.

- 1 Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XIV вв.). М., 1981. С. 77.
- 2 Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. 1963. № 117. С. 254.
- 3 Седова М. В. Об одной группе металлических изделий из Новгорода. // Новое в археологии. М, 1972. С. 229—233; Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 77—82.
- 4 Там же. С. 78.
- 5 Там же. С. 82.
- 6 Шер Я-А. Интуиция и логика в археологических исследованиях (к формализации типологического метода в археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1971. С. 14.
- 7 Рындина Н. В. Технология производств... С. 254.
- 8 Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 78.
- 9 Рындина Н. В. Технология производств... С. 255.
- 10 Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (XIII—XV вв.) // МИА. 1960. С. 92. Рис. 33 (9,2); М о н - г а й т А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967. Рис. 12 (в); Никольская Т. Н. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л., 1974. Рис. 1 (3,9).
- 11 Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 28.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Кожаные футляры в виде коробочек

Т. С. Варфоломеева

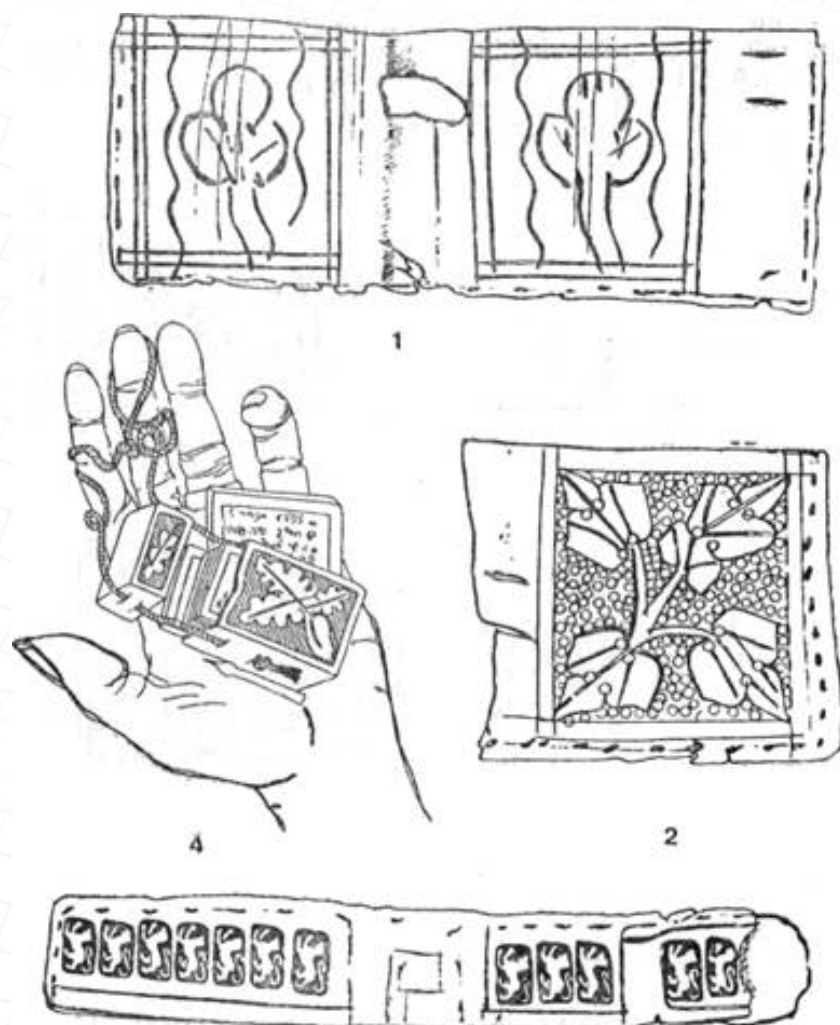
В составе коллекции кожаных предметов из раскопок в Новгороде есть 6 изделий неопределенного назначения. Одному из них в результате реставрации была придана форма узкой прямоугольной коробочки (рис. 1: 1). Остальные пять находок, видимо, представляют собой детали или фрагменты подобных изделий. Все они хранятся в фондах Новгородского музея.

«Коробочка» (рис. 1: 1) была найдена на Дмитриевском раскопе. Она сформована из цельной кожаной заготовки без каких-либо соединительных швов. На ее Соковых гранях сделаны прорезы. Лицевые же стороны украшены очень своеобразным рисунком. Верх «коробочки» был обрезан, и недостающую часть декора можно восстановить лишь предположительно. В целом же рисунок состоит из кривых линий и окружностей. Возможно, это стилизованное изображение листьев и плодов. Эта необычная композиция дополнена фоном из маленьких окружностей и помещена в рамку. При этом рамка и кривые линии надрезаны острым инструментом, а все окружности, большие и маленькие, оттиснуты пуансоном. Кроме того на поверхности предмета сохранились остатки красной краски. Она довольно размыта. Но, наверное, «коробочка» была раскрашена, и красными были, скорее всего, большие круги — «плоды».

Кроме находки с Дмитриевского раскопа к подобным, бесшовным, кожаным «коробочкам» относятся, вероятно, еще два предмета. Один из них происходит с раскопа на ул. Кирова (рис. 1:2). Он представляет собой обрезок «коробочки». Изделие декорировано, по из-за плохой сохранности рисунок очень не разборчив. Здесь использован мотив переплетающихся побегов с пятилисточниками. На лопастях листьев

прорисованы прожилки и поставлены точки. Заметны следы рамки. Все линии декора проведены, вероятно, острым инструментом. Кроме того с помощью зубчатого колесика нанесен фон из пунктирных линий.

Вторая - бесшовная «коробочка» была найдена на Готском раскопе (рис. 1: 3). Сохранившийся от нее обрезанный фрагмент тоже украшен изображениями листьев.



Из упомянутых трех деталей лучше всего сохранилась находка с Неревского раскопа (рис. 2: 1). Лицевые грани этой «коробочки» украшены трилистниками (трехлопастными листьями с толстыми черешками). На лопастях листьев прочерчены прожилки и поставлено несколько точек. По обе стороны от листьев проведены волнистые линии. Рисунок заключен в рамку из двойных линий, параллельных краям грани. Все линии нанесены тупым инструментом.

Фрагмент детали другой кожаной «коробочки» происходит с раскопа на ул. Кирова (рис. 2: 2). Она украшена орнаментом из соединенных черешками пятилистника и трилистников. Эта композиция помещена в двойную рамку. Помимо того нанесен фон из маленьких окружностей. Этот декор, хоть и довольно не сложный, выполнен разными способами. Контуры листьев и рамка надрезаны острым инструментом. Прожилки на листьях проведены тупым инструментом. Для фона же использован штамп с круглым отверстием. Еще одна деталь с Неревского раскопа (рис. 2: 3) значительно уже всех упомянутых предметов. Эта находка интересна по своей отделке. Она украшена отпечатками маленького прямоугольного штампа с геральдическим изображением львоподобного леопарда. Как и на описанных выше деталях, здесь тоже тупым инструментом прочерчена рамка.

В целом рассматриваемые «коробочки» довольно маленькие. Их лицевые, квадратные или прямоугольные грани имеют стороны 4,5—6 см. Ширина боковых граней 1,7—2 см.

Три находки датированы по дендродатам, которые укладываются в промежутке между 1328 и 1382 гг. Коробочки с Дмитриевского¹ и Готского² раскопов, судя по материалам >тих раскопов, могут относиться к XIV—XV векам.

Конструкция и назначение интересующих нас новгородских находок становятся понятными, если обратиться к европейским аналогиям. Пять похожих кожаных «коробочек» хранятся в Амстердаме,³ три — в Кельне.⁴ Четыре подобных предмета известны по английским публикациям.⁵ Один был найден в Стокгольме.⁶ Все они относятся к тому же времени, но и новгородские, и датируются в основном XIV веком. Европейские коробочки гораздо лучшей сохранности и более разнообразны, чем новгородские находки. Это футляры, и многие из них даже дошли до нас с хранившимися в них вещами.

Такие объемные футляры состоят из двух половинок ((рис. 2: 4). На каждой половинке сделано по паре прорезей, через которые пропущен

ремешок или шнурок. Верхняя часть немного меньше нижней и служит крышечкой. Чтобы открыть или закрыть такой футляр, нужно передвинуть крышечку по ремешку.

Форма рассматриваемых вместилищ близка к очертаниям предметов, для которых они предназначены. Большинство европейских объемных футляров сделаны в виде коробочек с прямоугольными гранями. Но есть и округлые футляры (для ложек и для складной лупы). А один футляр даже имеет форму уплощенной сферы.

Остановимся подробнее на вопросе об использовании раздвижных объемных кожаных футляров. В английском городе Йорке в слоях XIV века был найден прямоугольный футляр этого типа с деревянными церами и железным стилем. Футляр сохранился полностью, с крышечкой. Остатки органического материала позволяют предположить, что через прорезы на крышечке и основном вместилище была продета льняная или пеньковая веревочка. Обе части футляра украшены изображениями дубовых листьев. По своим размерам: 5X3XU5 см — Йоркская находка несколько меньше новгородских «коробочек». Деревянные церы есть и среди новгородского археологического материала. Они различны по форме и размерам, по среди них выделяются небольшие прямоугольные дощечки, которые было удобно носить с собой. Судя по форме и размерам, новгородские кожаные «коробочки» представляют собой вполне подходящее вместилище для маленьких цер. Ко времени распространения «коробочек», XIV веку, относятся три церы, составлявшие часть книжечки-полиптиха. Их размеры: 6,3X5X0,2 см. Как уже отмечалось, ширина лицевых граней новгородских коробочек 4,5—6 см, а ширина их боковых граней 1,7—2 см. Следует также учесть, что при высыхании кожаные детали стягиваются и деформируются. Таким образом, сравниваемые вещи относятся к одному хронологическому периоду и довольно близки по размерам.⁹ Это говорит о том, что новгородские коробочки вполне могли использоваться для цер. В этой связи ценно следующее замечание, сделанное относительно табличек полиптиха с Троицкого раскопа. Среди прочих цер они выделяются своими маленькими размерами, оформлением и характером материала. «Пни имеют ближайšie аналогии в материалах ганзейских і родов, в частности, Любека, и обнаружены на одной из усадеб в составе других западно-европейских предметов (писало, рейнская керамика, фрагменты костяных рукоятей ножей)». Тем более, что в отличие от Западной Европы на Руси церы практически не употреблялись.¹⁰ Следовательно, к кожаные коробочки, и церы были равно необычны для местного новгородского материала и наоборот распространены и Западной Европе. Это не противоречит выводу о возможном применении новгородских коробочек для ношения цер. В числе предметов, для которых могли использоваться западноевропейские раздвижные коробочки, названы маленькие книжки. Подходящая по размеру книжечка из бересты была найдена в Новгороде на Ильинском раскопе. В ней записаны тексты молитв. Книжечка имеет почти квадратную форму: высота ее страниц — 4,6—4,7 см, а их ширина — 4,9—5,1 см. Предполагается, что книжечка была изготовлена для священника, но, скорее всего, для певчего. Во втором случае ее владельцем мог быть любой обитатель усадьбы, на которой книжечка была найдена.¹¹ Сама книжечка относится к концу XIII века, то есть она несколько древнее интересующих нас кожаных коробочек. Но ведь подобные книжечки могли существовать и позднее, и их тоже могли носить при себе.

Помимо письменных принадлежностей и книжечек, среди предметов, которые хранились в европейских раздвижных кожаных футлярах, названы также ложки, иглы и булавки, складная лупа, очки, камень для определения пробы золота. В средневековом же Новгороде для ложек и игл изготавливали футляры, отличающиеся по конструкции и даже из другого материала. А остальные предметы, упоминаемые в связи с назначением рассматриваемых футляров, а именно: лупа, очки, пробирный камень — среди средневековых предметов, найденных в Новгороде, не встречаются. Все это свидетельствует о том, что раздвижные кожаные футляры вряд ли были так же распространены и использовались столь же повсеместно, как на Западе.

Как и новгородские, все европейские раздвижные футляры декорированы. Среди использованных мотивов и сюжетов можно назвать листья (трилистники, пятилистники, дубовые листья), простейшие геометрические элементы, геральдические изображения, и даже сцену грехопадения. Нередко разные орнаментальные мотивы комбинировали, например, помещая фигуру животного в завиток, образованный изгибом ветви растения. Растительный орнамент преобладает. Рисунок чаще всего помещен в рамку. Обычным было также использование фона из мелких кружков и точек. Для отделки раздвижных коробочек западноевропейские мастера использовали разнообразную технику. Так, линии проводили тупым или острым инструментом. Фон наносился одноотверстиевым пуансоном или зубчатым колесиком. Использовалось также тиснение и небольшие штампы. На некоторых футлярах сохранились следы раскраски. Почти все те же способы декорирования кожаных изделий применяли и новгородские мастера. Но использование острого инструмента, мелких штампов и зубчатого колесика для новгородских кожаных изделий все же нехарактерно.

Что же касается декора именно новгородских «коробочек», то создается впечатление, что в одних случаях он выполнен уверенной рукой (например, рис. 2: 2), а в других — нанесен несколько неумело или, может быть, небрежно (например, рис. 1: 2). Рисунок довольно прост, иногда в нем допущены неточности. Но стоит отметить, что при всей простоте и выраженной схематичности рисунка на новгородских «коробочках» неизменно повторяются такие, казалось бы, необязательные детали, как прожилки и точки на лопастях листьев, а также рамки. Все это наталкивает на мысль о существовании каких-то образцов, по которым изготавливались эти коробочки.

Каково происхождение этих образцов? Изображения, украшающие новгородские «коробочки», готические по своему характеру. Это наблюдение подтверждается и в результате сравнения новгородских находок с их западноевропейскими аналогиями. Стилистически декор новгородских находок очень близок к отделке голландских и английских¹² кожаных изделий. Тем не менее, орнаментальные мотивы и приемы их нанесения, использованные для декорирования раздвижных кожаных футляров, распространены гораздо шире самих

футляров как территориально, так и во временном отношении.

В решении вопроса о происхождении новгородских кожаных «коробочек» может помочь обращение к их топографии. Не вызывает особого сомнения западное происхождение деталей с Готского раскопа и раскопа на ул. Кирова, где прослежена тесная связь с жизнью иностранных купцов.¹³ Готский раскоп был заложен на месте Готского двора. А медь известно, что иностранные купцы в Новгороде жили довольно изолированно от местного населения и все необходимые в быту вещи они привозили с собой.¹⁴ Поэтому кожаная коробочка, скорее всего, была личной принадлежностью какого-нибудь иноземного гостя. Раскоп на ул. Кирова граничил с территорией бывшего Немецкого двора. Как уже отмечалось, с этого раскопа происходят две детали кожаных «коробочек». Одна из них (рис. 1: 2), видимо, является самой ранней из подобных вещей. Украшающий ее рисунок очень напоминает растительный орнамент на детали кожаной коробочки из Амстердама.¹⁵ Это сходство не представляется случайным, ведь новгородская находка датируется второй четвертью XIV века. А именно в XIV веке в Новгороде получают широкое распространение шерстяные ткани, которые ввозились из Фландрии (занимающей часть нынешних Нидерландов).¹⁶ При этом коробочку с раскопа на ул. Кирова не обязательно считать привозной вещью. Нанесенный на нее растительный орнамент выполнен не очень качественно. К тому же на усадьбе, где была найдена коробочка, изготавливали обувь. Поэтому не стоит исключать, что кожаная коробочка могла быть сделана местным мастером как подражание западноевропейскому образцу. Обе кожаные коробочки были найдены рядом с усадьбой, с которой происходит много западноевропейских изделий, в том числе и предметов быта. Вещевой материал свидетельствует о высоком художественном вкусе и культурном уровне жителей усадьбы. Предполагается, что «владельцем этого участка в XIV веке был богатый новгородский купец, который вел активную торговлю с Западом и кроме того организовал на своей усадьбе ремесленное производство различных изделий, необходимых на внутреннем рынке».¹⁷

Три остальные «коробочки» были найдены при раскопках территории бывшего Неревского конца Новгорода. Две находки происходят с Неревского раскопа. Одна из них, деталь, украшенная трилистниками, была найдена на усадьбе, принадлежавшей боярам из богатейшего посаднического рода Онцифоровичей.¹⁸ Появление такой редкой вещи на боярской усадьбе представляется очень естественным. Коробочка с Дмитриевского раскопа происходит с усадьбы, принадлежавшей приходскому священнику, который был связан с кожевным ремеслом.¹⁹ Как уже отмечалось, она очень отличается по нанесенному на нее рисунку от остальных подобных футляров. Допустимо, что такую коробочку мог сделать живший на усадьбе кожевник.

Исследованный материал немногочислен. Но необычность конструкции рассмотренных новгородских находок, готический характер их декора и наличие довольно большого разнообразия подобных изделий в Западной и Северной Европе при отсутствии аналогий в других местах указывает на то, что они относятся к типу раздвижных декорированных кожаных футляров, имеющему западноевропейское происхождение. Футляры этого типа датируются XIV—XV вв. Такие вещи, по всей видимости, привозили в Новгород с Запада. Хотя не исключено, что, по крайней мере, две кожаные коробочки могли быть изготовлены в самом Новгороде под влиянием западных образцов. Предназначались новгородские коробочки, скорее всего, для письменных принадлежностей.

1 Хорошо» Л. С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

2 Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 224.

3 *Opgravingen in Amsterdam*. Amst., 1977. S. 98, tabl. 35—39.

4 Очень интересна история кельнских футляров. Они были собственностью богатого кельнского купца и хранителя архиепископской печати Германа фон Гоха. В 1398 году он был казнен по обвинению в участии готовящегося переворота. При аресте, как было принято, с него сняли пояс с висевшими на нем многочисленными сумочками и вещами. Исходя из даты казни, эти вещи относятся ко времени не позднее конца XIV века. Среди поясного снаряжения упоминаются футляры для складной ложки, пробирного камня, буланок. По своей конструкции и внешнему виду эти три футляра напоминают новгородские находки. Кельнские футляры искусно украшены затейливым растительным орнаментом. (*Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Hamburg, 1989. Bd. 2. S. 204—205.

5 *The archaeological album*. London, 1845. На стр. 39. изображен футляр в форме уплощенной сферы из Harbledown (недалеко от пролива Па-де-Кале), предположительно датируемый XIV веком. Подобный пенал принадлежал королю Генри VI. На стр. 84 помещена миниатюра из средневековой книги, на которой изображен мужчина, читающий книгу с помощью лупы или складных очков. На поясе у него висит футляр для лупы.

6 Футляр для ложки (*Strandberg — Zerpe B. Skor och andra lader-foremal*. // *Helgeandsholmen 1000 ar i Stockholms strom*. 1982. S. 238, Fig. 209. 201

7 O'Connor S., Tweddle D. A set of waxed tablets from Swine-gate, York. // *Bibliologia* 12. Brepols, 1991.

8 Рыбина Е. А. Церы из раскопок в Новгороде // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород, 1994. Вып. 8.

- 9 Кожаный футляр с книжечкой из цер и стилем, датируемый XV веком, хранится и в музее Гамбурга. Гамбургский футляр отличается по своей конструкции от раздвижных (он закрывается с помощью клапана), но он также сделан в виде объемной прямоугольной коробочки и украшен растительным орнаментом. По размерам: 10X?X4 см, — он немного больше новгородских «коробочек». (Die Hanse, Bd. 2. S. 202).
- 10 Рыбина Е. А. Церы из раскопок в Новгороде. С. 132.
- 11 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 24—27.
- 12 Одинаковые контуры имеют листья на детали с Готского раскопа и листья лозы, украшающие седло XIV века, хранящееся в Лондонском музее // *Medieval catalogue. London museum. L., 1967. Pl. XLVII.*
- 13 Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова //Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, С. 234.
- 14 Рыбина Е. А. Готский раскоп. С. 218.
- 15 *Opgravningen in Amsterdam. S., 98, tabl. 35.*
- 16 Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова. С. 233.
- 17 Там же. С. 237.
- 18 Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 98—104.
- 19 Хоросhev А. С. Новые материалы по археологии Неревского конца. С. 265.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(22\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Интересуетесь оружием?](#)

Луки и арбалеты – от недорогих традиционных моделей до авторских работ.

[Адрес и телефон](#) · arbaleta.net

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде

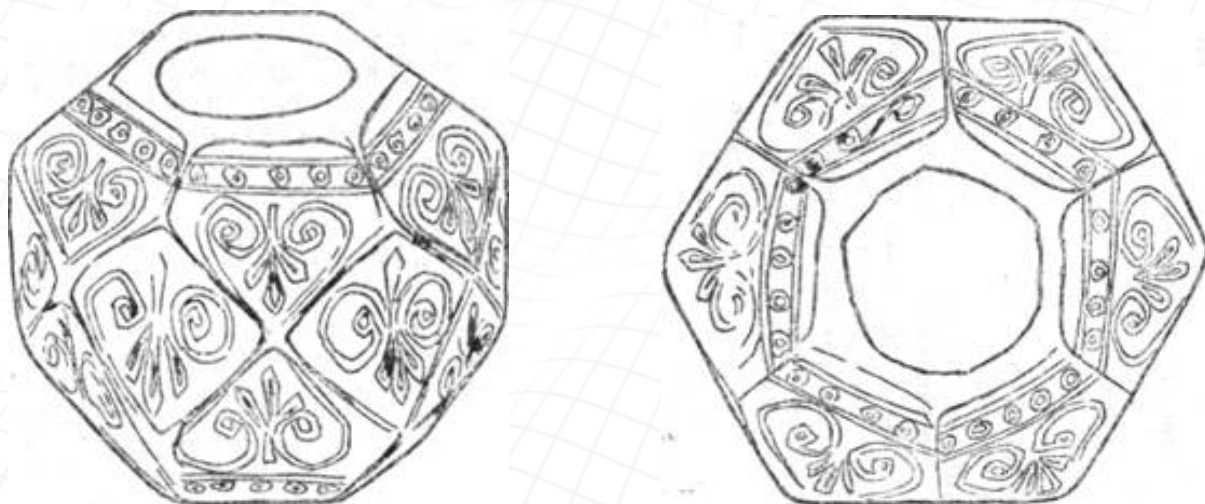
А. Р. Артемьев, П. Г. Гайдуков

Как известно, многие из булав, найденных на древнерусских памятниках, являются не только предметами вооружения, но и высокохудожественными изделиями средневековых ремесленников. В первую очередь это относится к цельнолитым бронзовым булавам XII—XIII вв. с шипами и выпуклым орнаментом в виде веревочного плетения и мелких округлых выпуклостей между ними, которые в своде А. Н. Кирпичникова выделены в типы III и IV. Они встречены в Киеве, Новгороде, Литве, Латвии и Самбии. 1 Значительно реже встречаются бронзовые со свинцовой заливкой булавы XII—XIII вв. в форме приплюснутого шара с ребрами и без них, орнаментированные выпуклыми бугорками различной формы и насечкой. Такие булавы найдены только в Новгороде, Изборске и Лукомле. 2 В единственном экземпляре известна булава-шестопер с перьями в виде зооморфных фигур с городища Прудники, которая тоже датирована ее издателями XII—XIII вв., 3 но, по-видимому, относится все-таки к более позднему времени. Также единственным экземпляром представлена уникальная семиперая булава XII—XIII вв. из Новгорода, у которой грани перьев украшены растительным орнаментом, выполненным путем инкрустации серебром. 1

В 1990 г. на Троицком XI раскопе Новгорода в напластованиях середины XIII в. была обнаружена еще одна уникальная булава. Она

железная, многогранная и шестиугольная в поперечном сечении (рис. 1). Точных аналогий ей и древнерусских материалах нет. Однако, находка в Новгороде еще одной железной булавы аналогичных очертаний, но меньших размеров, позволяет выделить их в самостоятельный тип V классификации новгородских наконечников булав. Исключительность описываемого экземпляра заключается в инкрустированном оловом орнаменте, покрывающем все грани этого оружия и выявленном благодаря мастерству реставратора В. А. Понсова. Несомненно, что эта булава, так же как и описанные выше единичные высокохудожественные экземпляры, была парадной. Нельзя исключить и ее использование в качестве символа военачалия, каковыми, по мнению А. Н. Кирпичникова, начинают становиться в XIII в. шестоперы и булавы.⁵

Не меньший интерес представляет другая булава, найденная в слое конца XIII в. на Троицком IX раскопе в 1989 г. Она дошла до нас в готовом к практическому употреблению состоянии — на целиком сохранившейся рукояти (рис. 2). Булавы с обломками рукоятей встречались в Новгороде, Пскове, Турове и раньше, но полностью сохранившихся экземпляров не было. Известны, правда, два экземпляра булав, случайно найденных в Букине на Киевщине,⁶ однако подлинность их рукоятей по ряду соображений представляется невероятной. Длина рукояти от новгородской булавы составляет 64,2 см при диаметре 2,8 см. В 3,5 см от конца рукояти в ней находится отверстие для ремешка, на котором оружие могло фиксироваться на кисти руки или подвешиваться в походном положении. Надо полагать, что отверстие было проделано уже после изготовления рукояти, и скорее всего даже после насадки на него булавы. Во всяком случае при сверлении отверстия был поврежден резной орнамент, покрывающий почти 2/3 длины рукояти. Отсутствие орнамента на той части рукояти, которая непосредственно примыкает к наконечнику булавы, можно объяснить как утилитарным его назначением, для уменьшения скольжения в руке или руках, и следственно ненужности его там, так и неизбежности повреждения его в этой части при использовании булавы по назначению.



Само наконечники булавы — железное, в форме призмы со срезанными углами типа III по классификации новгородских булав. Наконечники булав сходных очертаний объединены А. Н. Кирпичниковым в тип II и составляют наиболее представительную группу древнерусских наконечников булав XII—XIII вв.⁸ Хорошо сохранились приспособления, закреплявшие наконечники на рукояти (рис. 2). Они представлены двумя звездчатыми клиньями. Один из них имеет большую бесформенную шляпку, а заостренный конец другого загнут с таким расчетом, чтобы удерживать булаву на рукояти, если она начнет сползать с нее.

Таков новый и, как всегда, бесценный вклад новгородской археологии в источниковую базу отечественного оружиеведения.

1 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. // СЛИ. Вып. Е1-36. 1966. С. 51—53.

2 Артемьев А. Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 11, 12. Рис. 9: 1, 4, 5.

3 Шадыро В. И. Раскопки поселений близ д. Прудники // АО 1986 г. М. 1988. С. 385; Ласка вы Г. В. Узбраенне вошау XII—XIII ст. 3 феадальных сядз 16 замкау пауночнага захаду Полацкай зяшш (на матэрыялах раскопок гарадзшчау Прудни

4 Маскавчы) // Старонкі гісторыі Беларусі Мінск. 1992. С. 50. Рис. 2: 25. "Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 11, 12. Рис. 9: 2.

5 Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л. 1976. С. 28, 29.

6 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Табл. XXVII, 6, 7.

7 Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 12.

8 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 48.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Блочное судно с Ярославова Дворища

Г.Е. Дубровин

Долбленки или суда, изготовленные по субтрактивной технологии (уменьшение объема цельнодревесного тела при выдалбливании и снятии стружки), могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся однодеревки, т. е. лодки, имеющие цельное выдолбленное днище («трубу»), ко второй — т. н. блочные суда, обладающие отдельными выдолбленными элементами конструкции (бортами и/или штевневными блоками) и дощатым днищем. Встречаются также суда переходного типа, сочетающие в себе признаки первой и второй групп. Так, например, зафиксированные в Финляндии «пятичастные лодки» (five piece boats) имеют низкое разведенное однодеревое днище с присоединенными к нему сверху выдолбленными штевневными блоками и два пояса набойных досок. Такие лодки представляют третью разновидность долбленок, или группу блочно-однодеревых судов. Блочное долбленое судно является своеобразной производной от однодеревых долбленок. Появление такого рода судов связано с недостатком больших деревьев, из которых можно было бы изготавливать крупные однодеревки, а также с потребностью в увеличении габаритов и грузоподъемности плавсредств. Одним из путей здесь был переход к дощатым судам, не зависящим от размеров исходного древесного ствола. Другой же путь состоял в использовании на судне сочетания различных элементов дощатой и однодеревной конструкции.

Подобное судно, эксплуатировавшееся еще в 40-х гг. XX в. в Готтмунде (Германия), было описано Д. Элмерсом. Местные жители для

того, чтобы сделать лодку более широкой, чем древесный ствол, из которого она была выдолблена, раскалывали выдолбленное бревно в длину, между получившимися половинками размещали днищевую доску и объединяли эти три части, приколачивая поперек них днищевые шпангоуты. Таким образом получалось трехчастное сплошное гладкое днище. Для того, чтобы закрыть разрывы на носу и борту судна, туда вставляли оконечности от другой, более широкой лодки однодеревки — т. н. блоки, которые и дали название такому типу судов — *block-kahn*. Эти лодки получались шире обычных однодеревок, сохраняя при этом присущую им характерную форму. Для усиления конструкции и для увеличения высоты бортов здесь устанавливались также дополнительные бортовые доски (рис. 2).² Иногда на таких судах вместо выдолбленных оконечностей на носу размещали треугольный мощный стемпост, а на корме просто широкую транцевую поперечину.³

В европейском археологическом материале блочные долбленые суда прослеживаются по крайней мере с первых веков до н. э. Так, монолитные выдолбленные штевневые блоки, соединенные с досками бортовой и днищевой обшивки, были зафиксированы на ладье из Хьортшпринг (Дания), датируемой IV—III вв. до н. э.⁴ К блочным долбленкам может быть отнесено судно XIII в., найденное около Meinerswijk к югу от Arnhem (Нидерланды) в 1976 году. У этого судна серповидные в сечении борта образовывались двумя половинками выдолбленных бревен с надставленными сверху набойными досками, а днище состояло из трех досок. Носовая оконечность судна была незаостренной и образовывалась досками, установленными под углом 55° к горизонту, а кормовая оконечность не сохранилась.⁵

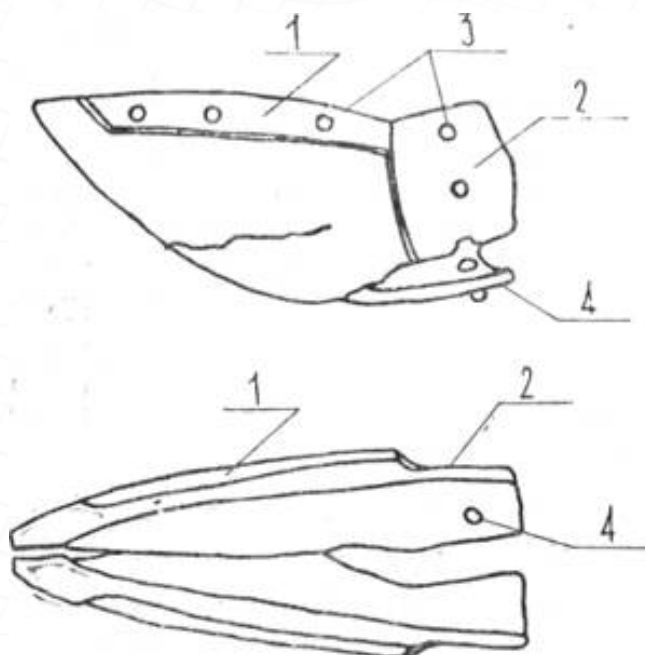


Рис. 1. Нос судна XII—XIII вв. с Ярославова дворища в Новгороде

1 — верхний шпунт; 2 — задний шпунт; 3 — нагельные отверстия; 4 — нагель, соединявший нос с днищевой доской.

Следует также упомянуть и то, что на некоторых судах викингов отмечены штевни или части составных штевней, выдолбленные из одной массивной штуки дерева. Примером здесь могут служить большой и малый кнорре из Скуллелева (Дания), датируемые X—XI вв.⁶ Не исключено, что блочные суда упоминались и в письменных источниках. Так, Д. Элмерс предполагает, что в Гамбургской таможенной книге они фигурируют под термином *kahnsplocke* (1254 г.).⁷ В 1947 году во время раскопок на Ярославова дворище в Новгороде была обнаружена выдолбленная оконечность судна.⁸ А. В. Арциховский, исходя из предполагаемой датировки нижних слоев данного раскопа X в., относил эту находку к XI—XII вв., однако, позднейшие исследования показали, что древнейшие слои на Ярославова дворище вряд ли относятся к периоду ранее рубежа XI—XII вв.⁹ Исходя из этого, более вероятной датировкой рассматриваемой оконечности судна можно считать XII—XIII вв.

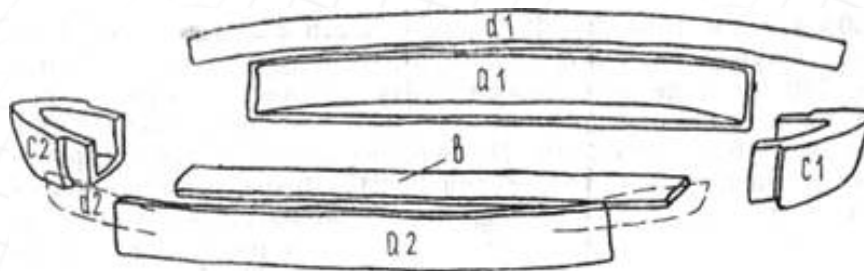
Нос судна с Ярославова дворища имел габариты 1218Х460Х475 мм (рис. 1). В верхней части с двух сторон имелись шпунты глубиной 17 мм, высотой 70—85 мм и длиной ок. 760 мм. Еще по одному шпунту на каждый борт, идущему, на всю высоту носа, имелось в его задней части. Они имели глубину до 32 мм. На верхних шпунтах зафиксировано по три нагельных отверстия 0 24—30 мм, а на задних — также по три 0 24—35 мм. Еще одно нагельное отверстие с сохранившимся в нем обломком нагеля имелось в днищевой части носа. Диаметр этого отверстия 30 мм, нагель выступает вниз на длину ок. 40 мм. Толщина стенок носа от 25 мм (под задним шпунтом) до 165 мм (в днищевой части). Никаких следов смоления и металлического крепежа не обнаружено.

При рассмотрении данной судовой детали сразу же бросается в глаза ее очень близкое сходство с носовой оконечностью судна *block-kahn* из Готмунда (рис. 2): та же выдолбленная из одной штуки дерева конструкция со шпунтами.

Однако, есть и отличия. Так, например, у *block-kahn* Нef верхнего шпунта, зато имеется шпунт в днищевой части для установки досок днища.

Реконструкция судна с Ярославова дворища может быть представлена следующим образом.

1. Судно, безусловно, обладало двумя поясами бортовой обшивки: нижним из досок шириной не менее 430—440 мм и толщиной до 32 мм и верхним шириной более 85 мм. Не исключено, что на месте нижнего пояса в действительности было два пояса досок шириной 170 и 270 мм, один из которых соединялся с носом двумя нагелями, а другой — одним. Однако, в принципе ширина досок судовой обшивки в 440 мм для Новгорода не является слишком большой, 10 поэтому пояс мог быть и один. Нижний пояс входил в задний шпунт и присоединялся к носу с помощью нагелей 0 24—35 мм. Верхний пояс обшивки входил в верхний шпунт и прибивался к носу нагелями 0 24—30 мм. Доски верхнего пояса, подходящие к носу, очевидно, имели трапецевидную форму, что объясняется самой конфигурацией всей носовой оконечности.



Р и с. 2. Конструктивная схема судна 40-х гг. XX в. block-kahn из Готмунда (Германия)

a1, a2 — бортовые выдолбленные доски;
в — днищевая доска;
c1, c2 — носовой и кормовой блоки;
d1, d2 — набойные доски (по Д. Эллмерсу). 16

Теперь относительно стыковки поясов обшивки. Первый вариант, который здесь напрашивается, что соединение верхнего и нижнего поясов в клинкер с помощью нагелей. В этом случае ряд из трех нагелей, которыми верхний пояс присоединялся к носу, как бы продолжался и дальше, причем следующие за этими тремя нагели соединяли бы между собой доски двух поясов. Сопоставление глубин верхнего и заднего шпунтов показывает, что для того, чтобы торец доски нижнего пояса не выходил за внешнюю поверхность носа и в то же время, чтобы верхний пояс плотно ложился и шпунт, толщина доски нижнего пояса должна была бы быть уменьшена до 15 мм или же на ней в месте клинкерного перекрытия должна была бы быть сделана выборка глубиной также 15 мм. Более вероятным представляется второй вариант. Верхний пояс, или набойная доска (как она более правильно при данной схеме стыковки поясов должна быть названа), в данном случае может и не иметь связи со шпангоутами, если же она такую связь имела, то шпангоуты; скорее всего, должны были обладать соответствующей ступенчатой формой.

Судно могло иметь и гладкую обшивку. Тогда для выравнивания глубин верхнего и заднего шпунтов у доски верхнего пояса должна была бы быть выборка глубиной 17 мм и длиной, соответствующей длине верхнего шпунта. При таком варианте доски поясов не имели бы непосредственной связи между собой, а присоединялись бы только к долбленным оконечностям и к шпангоутам на этот раз уже не ступенчатой, а обычной гладкой формы. Вероятно, этот вариант можно считать наиболее оптимальным, т. к. он менее трудоемок — выборку надо делать не на всю длину стыковки поясов, а только на длину верхнего шпунта, да и шпангоуты здесь требуются менее сложные.

2. Судно имело днищевую плоскую доску толщиной не менее 40 мм (именно на столько выступает нагель в днищевой части носа). Доска вероятно крепилась к днищевой части носа двумя нагелями 0 ок. 30 мм. Сохранился один из этих нагелей, а на месте, где должен был располагаться второй, часть дерева утрачена. Как уже говорилось выше, днищевой шпунта, который имелся у немецкого аналога данного судна (block-kahn), в нашем случае не наблюдается. Поэтому, очевидно, днищевая доска просто прибивалась снизу. Эта доска должна была повторять своей формой очертания носа в плане. Вряд ли можно считать надежным соединение днищевой доски с носом всего двумя нагелями. Дело в том, что самый край носовой части судна в данном случае оказывается местом крайне непрочного сопряжения днищевой доски и носового блока (расстояние от этой точки до нагелей ок. 500 мм). Поэтому представляется весьма вероятным или наличие металлического крепежа, следы которого полностью утрачены, или же применение дополнительной соединительной планки типа фальстема на штевневой части носа, или же сочетание того и другого. К сожалению, через штевневую часть носа в диаметральной плоскости проходит разлом и дерево здесь утрачено, поэтому найти каких-либо следов креплений, доказывающих наличие фальстема, не удалось.

Еще один важный момент — это соединение днищевой доски с доской нижнего пояса бортовой обшивки. Никаких данных об этом соединении, к сожалению, нет. Можно лишь предположить, что нижний край доски нижнего бортового пояса мог, например, приколачиваться к боковому торцу днищевой доски нагелями или гвоздями. Подобные соединения зафиксированы на средневековых судах из Нидерландов" и вполне вероятно могли применяться и на новгородских дощатых плоскодонных судах. Наличие же в данном случае переходной подворотной доски или долбленных бортов как на block-kahn вряд ли может быть доказано на основе той информации, которую несет в себе находка с Ярославова дворища.

Таким образом, можно констатировать, что судно XII— XIII вв. с Ярославова дворища относится к типу блочных долбленок и по своей

конструкции весьма близко к немецкому судну 40-х гг. XX в. из Готмунда. Высота бортов новгородского судна составляла не менее 650 мм, оно имело два пояса обшивки и днищевую доску (одну?) толщиной до 40 мм. Обращает на себя внимание также сходство судна с Ярославова дворица с «пятичастными» блочно-однодеревяными лодками из Финляндии (самая ранняя находка датируется XII—XIII вв.).¹² Эти лодки также имели выдолбленные штевневые блоки, к которым присоединялась выдолбленная однодеревяная «труба» и два пояса обшивки.¹³ Основное отличие от них новгородского судна заключается в наличии нагельных соединений (жестких связей) и дощатого днища. Нагели здесь использовались вместо вицевого связок типа *nite* из корней хвойных деревьев, применявшихся на финских судах.¹⁴ Но, несмотря на эти отличия, типологическое сходство в данном случае очевидно, и оно наталкивает на мысль, что блочные суда с нагельным или иным жестким креплением типа *block-kahn* из Готмунда или судна с Ярославова дворица имели своими предшественниками шитые (связанные) блочно-однодеревяные суда. Причем переходным типом здесь может выступить ладья из Хьортшпринг, являвшаяся блочным шитым судном (ее детали соединялись лыковыми связками).¹⁵ Невзирая на отсутствие хронологической последовательности, здесь, тем не менее, прослеживается явная эволюционная цепочка, которая может быть представлена следующим образом: однодеревки - однодеревки с набоями блочно-однодеревяные шитые (связанные) суда - блочные шитые (связанные) суда - блочные суда с жесткими связями.

- 1 Forssell H. Sewn Boats in Finland // Sewn Plank Boats. BAR. Jnt. Series 276. Greenwich, 1985. P. 201.
- 2 Ellmers D. The Cog of Bremen and related boats // The Archaeology of Medieval Ships and Harbours in Northern Europe. BAR. Int. series 66. Greenwich, 1977. P. 5.
- 3 Ellmers D. The Cog of Bremen... P. 5.
- 4 Фон Фиркс И. Суда викингов. Л., 1982. С. 20.
- 5 Reinders R. Drie middeleeuwse rivierschepen, gevonden bij Meinerswijk (Arnhem) // Flevoverich 221. Lelystad, 1984. P. 41—42.
- 6 Фон Фиркс И. Суда викингов... С. 73, 77.
- 7 Ellmers D. Friihmittelalterliche Handelschiffahrt in Mittelemd Nordeuropa. Neumiinster, 1984. P. 112.
- 8 Арциховский А. В. Новгородская экспедиция // КСИИМК Вып. 27. М., 1949. С. 115; Рис. 41.
- 9 Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 106; Хорошев А. С. К вопросу о «языческом могильнике» на Ярославова дворица // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 96—98.
- 10 Дубровин Г. Е. Настилы¹ из корабельных досок с Троицкого Храскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 68.
- 11 Reinders R. Drie middeleeuwse... P. 40; Reinders H. R. Drie schepen uit de late Middeleeuwen // Flevovericht. 166. Lelystad, 1980. P. 48.
- 12 Forssell H. Sewn boath... P. 205.
- 13 Forssell H. Sewn boats... P. 201.
- 14 Forssell H. Sewn boats... P. 200—201.
- 15 Фон Фиркс И. Суда викингов... С. 20.
- 16 Ellmers D. The Cog of Bremen... Fig 1.2.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Бронзовые двери Софийского собора в Новгороде

А. Н. Трифонова

Восточную часть южной — Мартирьевской — паперти Новгородской Софии занимает придел Рождества Богоматери, созданный в середине XI в. в процессе строительства Собора 1. При входе в придел висят двухстворчатые двери. Их деревянная основа, относящаяся к концу XIX в. 2, украшена древней бронзовой облицовкой, которая состоит из следующих частей.

На створках дверей — по три прямоугольные филенки. Вся плоскость филенок занимают литые накладные детали: плоские шестиконечные кресты, помещенные под полуциркульные арочки, которые опираются на тонкие витые колонки. Перекладины крестов узкие, слегка расширяющиеся на концах. Горизонтальные перекладины высоко подняты. Нижняя перекладина — со «слезками». От основания крестов отходят симметричные побеги стебля с отростками. В парных кругообразных завитках стебля — ажурные трехлепестковые цветы. Кресты обезображены креплениями в виде шурупов с круглыми шайбами, которые появились в период реставрации памятника конца XIX в. и в более позднее время. В древности кресты крепились к филенкам при помощи заклепок, не видимых с лицевой стороны 3.

Филенки заглублены по отношению к полям. Скосы полей оформлены полуваликом с уступом. Поля широкие, крепятся к основе болтами с массивными литыми «головками» в виде выпуклых восьмилепестковых розеток 4. На полях выгравированы и прочеканены растительные орнаменты. Основной мотив узора — побеги цветов типа «тюльпана» в картушах овальной и многолопастной формы. Встречаются

крупные и мелкие многолепестковые розетки. На центральных вертикальных полях дверные ручки, представляющие собой небольшие безгривые львиные маски с кольцами, выполненные в технике литья⁵.

Впервые двери придела Рождества Богоматери упоминаются в описях Софийского собора XVIII в., где они именуются Корсунскими⁶. В соборной описи 1803 г. они обозначены как «немецкие» («двери медные литые с крестами немецкой работы»)⁷. Изменение названия дверей на рубеже XVIII—XIX вв., очевидно, было связано с изданием в 1784 г. третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева. В ней автор приводит сообщение из не дошедшего до нас источника о появлении в 1336 г. в Софии «медных» дверей, которые архиепископ Василий «привезше из Немец, купи ценою великою»⁸.

Бронзовые врата, исполненные в немецком городе Магдебурге в XII в., издавна украшают центральный — западный — портал собора. Длительное время они также носили название Корсунских. Созданная в середине XV в. в кругу новгородского архиепископа Евфимия легенда, утверждающая, что это греческая реликвия, которую привез на Русь великий князь Владимир, в течение нескольких веков безоговорочно принималась на веру, несмотря на присутствие на дверях латинских надписей⁹. Однако в 1823 г. вышел в свет труд Ф. Аделунга, где были обстоятельно изложены многочисленные свидетельства романского происхождения западных врат Софии¹⁰. В результате стало очевидным, что известие «Истории» В. Н. Татищева относится именно к ним, а отнюдь не к дверям Рождественского придела.

Последние именуются в работе Ф. Аделунга Шведскими, или Сигтунскими. По этому поводу приводится предание о вратах шведской столицы Сигтуны, вывезенных будто бы в Новгород в 1187 г. в качестве военного трофея. Материалы, приведенные Ф. Аделунгом, позволяют судить о том, что предание было почерпнуто им из шведских источников, а утверждение о давности его бытования в Новгороде не имело оснований¹¹. И все-таки с легкой руки немецкого исследователя название «Сигтунские врата» надолго закрепилось за дверями с изображениями процветших крестов¹².

Справедливости ради надо отметить, что сам Ф. Аделунг сомневался в исторической достоверности «сигтунской» легенды¹³. Признавая сходство крестов новгородских дверей с декором византийских врат 1070 г. из церкви Сан Паоло Фуори ле мура в Риме, он все-таки считал, что двери Софийского собора «принадлежат к новейшему времени», о чем, по его мнению, свидетельствует гравированный орнамент полей¹⁴.

Свои сомнения по поводу правильности названия «Сигтунские врата» высказывал и Н. П. Кондаков. Он писал, что двери с крестами «должно считать» подлинно Корсунскими вратами, так как они «по характеру орнаментации и техники, действительно, тождественны с византийскими вратами Равелло, Салерно, Амальфи в Италии»¹⁵.

О византийском происхождении дверей Рождественского придела неоднократно писали впоследствии¹⁶. С. А. Беляев выдвинул гипотезу о том, что двери были изготовлены византийскими мастерами во второй половине VIII — первой половине IX в. и потому действительно могли быть привезены из Корсуни¹⁷. К «корсунской» версии происхождения врат склонялись Т. В. Николаева и А. Л. Якобсон, датировавшие памятник X в.¹⁸ Однако А. Л. Якобсон полагал, что древнейшим дверям Софии принадлежат только филенки с крестами, поля же с гравированным орнаментом появились в XVI в.¹⁹

Г. Н. Бочаров, неоднократно писавший о дверях Софии²⁰, также не исключает возможности изготовления филенок и полей врат в разное время, причем поля он относит ко второй половине XVI — первой половине XVII вв. По поводу филенок с крестами он пишет, что «самую близкую аналогию корсунским вратам дает посадничья печать середины — второй половины XII в. с изображением Прокопия на одной стороне и процветшего креста на другой» из Новгорода²¹. По мнению автора, двери были исполнены в мастерской новгородского архиепископа Нифонта в период с 1144 по 1151 г.²²

А. В. Банк указала на недостаточность аргументации Г. Н. Бочарова в пользу новгородского происхождения памятника и датировки его серединой XII в. Она отметила, что разновидность крестов дверей Софии встречается на византийских моливдовулах более раннего времени. Проводя сравнение с итальянскими дверями константинопольской работы второй половины XI в., она однако не пришла к определенным выводам о времени и месте создания новгородского памятника²³.

И. А. Стерлигова относит древнейшие части бронзовых дверей ко времени возведения Софийского собора при новгородском князе Владимире или же обновления Софии после ее разграбления полоцким войском в 1066 г. Она подчеркивает, что кресты дверей действительно имеют наиболее близкие аналогии в изображениях на константинопольских вратах церкви Сан Паоло в Риме (1070 г.) и на византийских свинцовых печатях XI столетия²⁴. Эта точка зрения представляется мне наиболее убедительной, так как определяет место бронзовых дверей в кругу близких им по стилю произведений искусства, составлявших первоначальное драгоценное убранство Новгородской Софии²⁵.

По всей видимости, С. А. Беляев и Г. Н. Бочаров правы, считая, что в древности двери, украшенные крестами (далее я буду называть их Корсунскими, как это принято в современной литературе), висели на главном — западном — портале Софии. Однако оба автора исходят из ошибочной предпосылки о том, что на протяжении многовековой истории Корсунских дверей их структура и размеры оставались неизменными

Исследования дверей, проведенные в 1980 г. сотрудниками Всесоюзного (ныне Всероссийского) научно-исследовательского института реставрации, выявили значительные различия сплавов, из которых изготовлены кресты и пластины рамы²⁶. Это подтверждает предположение о том, что соборным дверям XI в. принадлежит только декор филенок. Сейчас он находится на вратах более позднего времени, имеющих иные размеры и структуру по сравнению с древнейшими западными дверями Софии.

В 1962 г. Г. М. Штендер обнаружил северную притолоку западного портала XI в., который соединял Софийский собор с его полуоткрытой папертью²⁸. В результате была ориентировочно определена ширина дверного проема, растесанного в конце XVII в. При центричном расположении входа она составляла около 220 см²⁹. Если, как и сейчас, западный вход в собор был смещен к югу³⁰, ширина древнего портала равнялась 230 см. Высота портала была не менее 350 см, о чем можно судить по размеру Магдебургских дверей, установленных в нем в XIV в.³¹ Таким образом, древний западный портал Софии значительно превосходил по своим параметрам Корсунские двери, имеющие размеры 250X158 см (вместе с деревянной основой конца XIX в. 270X180 см).

Ориентировочно определив размеры соборных дверей XI в. (350X220—230 см), можно сделать некоторые предположения по поводу их структуры. Параметры их филенок были заданы формой арок и вписанных в них крестов и потому при реконструкции дверей скорее всего остались прежними (55X39 см). Если первоначально на дверях было всего шесть филенок (по три на каждой створке), поля, ширина которых на Корсунских вратах составляет 22,5 см, должны были бы быть гораздо шире, что представляется маловероятным. Искомый размер врат получается при размещении на плоскости двух створок двадцати филенок — пяти по вертикали, четырех по горизонтали, при ширине полей около 10 см. Замечу, что многочастная структура, большое количество филенок, обрамленных узкими полями, — характерная черта византийских бронзовых дверей XI — начала XII вв., с которыми обычно сравнивают Корсунские врата.

Она присуща и всем средневековым бронзовым дверям русских храмов, за исключением новгородских и так называемых Тверских врат.³² Преобладание декора филенок, обрамленных узкими полями, отличает четырехчастные двери VII в. экзонартекса Софии Константинопольской, орнаментика которых послужила образцом для дверей Новгородской Софии.³³

Дата реконструкции дверей Софийского собора, при которой кресты XI в. были перенесены на новую основу, устанавливается достаточно точно при рассмотрении следующих обстоятельств. Как показала Т. В. Николаева, по своей структуре Корсунские врата практически тождественны Тверским дверям середины XIV в., находящимся в Троицком (Покровском) соборе Александровской слободы; эти два памятника имеют абсолютно одинаковые львиные маски-рукояти и розетки-болты, крепящие пластины рамы к основе.³⁴ К рукоятям дверей типологически близки безгривые, трактованные предельно условно львиные маски врат, исполненных в 1336 г. по заказу архиепископа Василия для Рождественского придела Софии.³⁵

Связь Тверских врат с новгородскими памятниками — факт очевидный. Однако, вслед за Н. Малицким,³⁶ Т. В. Николаева и А. В. Рындина разрабатывают гипотезу о том, что в Александровской слободе оказались двери Спасо-Преображенского собора Твери, созданные в 1344—1345 гг. или в 1357 г.³⁷ Как всякая гипотеза, основанная на прочтении кратких летописных текстов и толковании глухих местных преданий, она не может считаться безусловно доказанной. Тем более, что приведенные в работах Т. В. Николаевой и А. В. Рындимой аналогии единственному изображению Тверских врат — гравированной «Троице», хотя и обосновывают датировку памятника серединой XIV в., не обнаруживают специфически «тверских» черт в его иконографии и стилистике.

Сходство конструкции и деталей Тверских и Корсунских врат Т. В. Николаева объясняла сознательным копированием тверскими мастерами древнего памятника с использованием его точных обмеров. # Думаю, что дело обстояло иначе. Тверские двери создавались одновременно с реконструкцией Корсунских врат и также предназначались для Софийского собора. Хочу обратить внимание на убедительное сравнение «Троицы» Тверских врат с алтарной фреской новгородской церкви Успения на Волотовом поле. Оно принадлежит Л. И. Лифшицу, который датирует фреску 1352 г. — временем построения Успенского храма³⁸. Л. И. Лифшиц считает, что врата были исполнены новгородскими мастерами не позднее середины XIV в.

В отличие от Корсунских, Тверские врата сохранили свою древнюю дубовую основу. Судя по ее размерам — 350X170 см — в XIV в. те и другие двери имели четырех-филенчатые створки прямоугольной формы.⁴⁰ Все говорит о том, что двери были сделаны парными и предназначались для симметричных входов — тех, что соединяли собор с северной и южной галереями. Создание Корсунских и Тверских врат, на мой взгляд, было связано с изготовлением в 1336 г. дверей Рождественского придела и с приобретением в этом или в последующие годы правления владыки Василия (умер в 1352 г.) немецких бронзовых дверей XII в.: они были помещены в западном портале собора, там, где раньше висели двери XI в.⁴¹ Отметим, что во времена архиепископа Василия все «медные» двери собора были наружными, так как галереи Софии оставались полуоткрытыми. В них вели сквозные арки, расположенные на концах центрального креста храма.⁴²

В 1450 г. при архиепископе Евфимии II арочные проемы западной — Корсунской — паперти были заложены. Немецкие двери, отреставрированные мастером Аврамом и переименованные в Корсунские, были перенесены в новый западный портал.⁴³ Трое других врат оставались на своих местах до 1570 г., когда Васильевские и Тверские двери были вывезены по приказу Ивана IV в Александровскую слободу.⁴⁴ Однако еще раньше их переделали: их верх был сделан закругленным, а в декор были внесены изменения.

Состав реставрационных дополнений Васильевских врат определил В. Н. Лазарев. Большую часть новых пластин: полукруглый верх с изображениями «Моления Анны», «Введения во храм», «Рождества Богоматери», «Моления Иоакима», клейма «Сошествие святого Духа» и «Единоборство Давида с Голиафом», изображение «Гурия, Самона и Авива» на центральном валу — В. Н. Лазарев отнес к деятельности новгородского архиепископа Макария (1526—1542) и связал с перенесением дверей в придел Гурия, Самона и Авива; образ Иоанна Предтечи над тремя святыми, «Богоматерь», «Матфея», «Козьму» и «Лавра» на медальонах, верхнее поле и медальоны в нижних регистрах — к 1570 г.; орнаментированные притолоки дверей и их навершие — к XVII в.⁴⁵ Т. В. Николаева заметила, что «Иоанн Предтеча» и «Гурий, Самон и Авив» представлены на одной пластине. Она считала, что Васильевские врата были «поновлены» Макарием

в 1530 г. в связи с рождением Ивана IV и перемещением врат в соборный придел трех святых.⁴⁶ Сразу оговорюсь, что придел Гурия, Самона и Авива, примыкающий к юго-западному углу собора, очень мал. В начале XVII в. в нем находились только царские двери и один местный образ, а для ведения службы «и сосуды, и книги, и ризы» приносили из Софии.⁴⁸ Двери 1336 г., почти равные по высоте — 335 см — входным соборным дверям, не могли поместиться в его дверном проеме.

По всей видимости, реконструкцию дверей следует связать с ремонтом Мартирьевской паперти, поднятием ее полов и перестройкой порталов. По расположению каменных надгробных плит В. Л. Янин определил, что в XVI в. полы в паперти поднимались дважды: после 1510 г. на 34 см и в середине — второй половине столетия — на 10 см.⁴⁹ Последняя дата уточняется сообщением об устройстве в 1560 г. южных дверей Софии («резных злаченых со святыми»), что не противоречит датировке кладки наружного портала Мартирьевской паперти.⁵⁰ Форма портала Рождественского придела, увенчанного стрельчатой аркой, также соответствует этому времени.

Ремонту южной паперти предшествовала перестройка в 1558 г. соседнего с ней придела Иоакима и Анны и создание для него нового иконостаса, украшенного серебряными басменными окладами.⁵¹ Изображения на пластинах Васильевских врат имеют прямые аналогии в живописи иконостаса: в иконографии «Рождества Богоматери» и «Введения во храм» из праздничного ряда, в манере «письма», где главную роль играет легкий виртуозный рисунок, а образы, отличающиеся особым изяществом, наполнены тихой грустью.⁵² Орнаментика навершия и притолок врат, левого поля правой створки близка к узорам басмы царских дверей и местной иконы «Троица». Узор «репьев» оклада «Троицы» повторен в медальонах нижних регистров Васильевских дверей.

В 1560 г. в Софийском соборе было сооружено новое владычное место, украшенное живописью, орнаментальной резьбой и рельефами с изображениями святых. Графика рельефов, исполненных мастером Евтропием Степановым, находит параллели в иконных образах полукруглого верха Васильевских врат, орнаменты навершия врат и верхнего поля их створок — в декоре карнизов, столбцов и стенок святительского трона, а также в орнаментальной резьбе раки архиепископа Иоанна, установленной в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи годом ранее.⁵³ Иконография «Рождества Богоматери» «златых» дверей была повторена в центральном клейме большой житийной иконы Рождественского собора Антониева монастыря. Басма этой иконы, датированной второй половиной XVI в., имеет аналогии в декоре навершия и притолок Васильевских дверей.⁵⁴

Таким образом, все поздние элементы врат 1336 г. были исполнены в процессе реконструкции памятника, осуществленной при проведении архиепископом Пименом в конце 1550-х — начале 1560-х гг. ремонта и «обновления» интерьера Софии.

Закругленная форма верха Тверских дверей (верхний ярус Корсунских врат не сохранился) свидетельствует о том, что южный и северный порталы собора были также перестроены, а их входные двери реконструированы. К этому времени относится гравированный орнамент полей Корсунских врат. А. Л. Якобсон указал на его сходство с декором деревянных резных изделий XVI в., в том числе святительского места 1560 г. " Не меньший интерес, на мой взгляд, представляет орнамент, украшающий резную коробку с надписью 1560 г. из Новгородского музея.⁵⁶ В отличие от аналогий, приведенных А. Л. Якобсоном, он содержит такой же мотив «тюльпана», как и на бронзовых дверях. Широкое распространение в русском искусстве этот мотив получает только в конце XVI—XVII вв.

И, наконец, в последней четверти XVII в. Корсунские врата приобретают привычный для нас облик. В 1688 г. митрополит Корнилий начинает капитальный ремонт Софийского собора, длившийся несколько лет.⁵⁷ «Светлости ради» стены, отделявшие собор от его галерей, во время ремонта были растесаны, и широкие арки объединили основной объем храма с пространством притворов.

Соответственно были уничтожены внутренние порталы собора.⁵³ В одном из них (северном или южном) висели Корсунские двери, которые по окончании работ (после 1692 г.) были перенесены в придел Рождества Богоматери.

Летопись сообщает, что при Корнилии в соборе и его приделах был поднят «мост».⁵³ Поднятие пола привело к уменьшению высоты дверного проема Рождественского придела, который, судя по размерам Васильевских врат, и до этого был несколько меньше соборных входов. Вот почему Корсунские двери были сделаны трехъярусными. Перемонтировка бронзовой облицовки врат в последней четверти XVII в. и во время замены их деревянной основы в конце XIX столетия являются причиной того разнобоя в декоре Памятника, который особенно заметен в несоответствии друг другу пластин с гравированным орнаментом XVI в.

1 Штендер Г. М. Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни Новгородской Софии // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 30—54 (особенно 39—40).

2 НГОМЗ. Архив. № 1544—П; Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации. Разработка методических рекомендаций по реставрации и реставрация. Корсунских врат. М, 1982. Л. 16. О замене деревянной основы дверей Софии во время реставрации конца XIX в. см.: Конкордин А. Описание новгородского Софийского собора. Новгород. 1901. С. 84. Примечание 251.

3 НГОМЗ. Архив. № 1544-П. Л. 9—10.

4 Некоторые розетки являются реставрационными дополнениями разного времени. См: НГОМЗ. Архив. № 1544-П. Л. 20—21.

5 О технике, в которой исполнены детали врат, см.: НГОМЗ. Архив. № 1544-П. Л. 4, 9-14.

- 6 *Описи имущества новгородского Софийского собора XVIII—начала XIX вв.* М, Л., 1988. С. 105.
- 7 НГОМЗ. Отдел письменных источников. № 11389. Л. 36. 8 Татищев В. Н- История Российская. Кн. IV. СПб. 1784. С. 134. Изд. 2-е: Т. V. М.; Л., 1965. С. 88.
- 9 Трифонова А. Н. Русские рельефы западных дверей Софийского собора в Новгороде // Декоративно-прикладное искусство Новгорода Великого. Художественный металл XI—XV вв. М., 1995. С. 259—267.
- 10 На русский язык работа Ф. Аделунга переведена в 1834 г. См.: Аделунг Ф. Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе. М., 1834.
- 11 Там же. С. 111, 147—161.
- 12 См.: НГОМЗ. ОПИ. № 11337. Дело о ремонте Софийского собора. 1830-е гг. Л.; 805 об. (1835 г.); № 11391. *Опись Софийского собора.* 1850 г. Л. 24; Соловьев П. *Описание Новгородского Софийского собора.* СПб., 1858. С. 129—139; Макарий, архимандрит. *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях.* Ч. II. М., 1860. С. 275—276; Конкордин А. *Описание.* С. 5, 83—93; Ласковский В. П. *Путеводитель по Новгороду.* Новгород., 1910. С. 34; Уваров А. С. *Двери бронзовые, византийские и русские* // Сборник мелких трудов. Т. 1. М., 1910. С. 65.
- 13 Аделунг Ф. *Корсунские врата.* С. 160.
- 14 Там же. С. 149, 160.
- 15 Толстой И., Кондаков Н. *Русские древности в памятниках искусства.* Вып. 5. СПб., 1897. С. 33. Рис. 25 См. также: Вып. 6. СПб., 1899. С. 111—112. Рис. 132.
- 16 Муравьев Н. В. *Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель.* Л., 1927. С. 14; Каргер М. К. *Новгород.* Л.; М., 1970. С. 85, 86; Никитина Ю. И. *Софийский собор.* Л., 1980. С. 22; *Новгород. Текст В. Л. Янина.* М., 1991. С. 79. Илл. на с. 78. Ю. И. Никитина и В. Л. Янин датируют памятник XI в.
- 17 Беляев С. А. *Корсунские двери новгородского Софийского собора* // *Древняя Русь и славяне.* М., 1978. С. 300—310 239 "

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовоения, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Из истории борьбы новгородских крестьян за землю в 14-15 веках

И. Ю. Анкудинов

1. Берестяные грамоты, находимые при археологических раскопках в Новгороде, дают нам новые материалы для изучения социально-экономической истории русского средневековья. Одним из вопросов, по которому они сообщают новые сведения, является вопрос о роли социальной организации крестьян в их борьбе за землю.
2. В берестяной грамоте № 311, найденной в 1957 году на Неревском раскопе в слоях конца XIV — начала XV в., 1 речь идет о конфликте крестьян-череншан с Климецом Опариним. Согласно интерпретации грамоты, предложенной А. Я. Дегтяревым, Климец Опарин — это крестьянин-новоприходец, получивший от господина однодворную деревню. Крестьяне-старожильцы (в этот термин нами не вкладывается никакого социального содержания, он лишь обозначает крестьян, долгое время живущих в какой-либо местности) коллективно выступают против новоприходца, мотивируя это тем, что он «не суседней человеке» (т. е. плохой сосед, человек, не признающий правил соседства и т. п.). Такая мотивировка свидетельствует о важности социально-психологических факторов в складывании крестьянских объединений.² Привлечение берестяной грамоты № 477 позволяет связать эту ситуацию не только с действием социально-психологических факторов, но и с борьбой за землю.
3. Другой документ, рисующий внутрикрестьянский конфликт, — берестяная грамота № 477, найденная в 1970 году на Михайловском

(Суворовском) раскопе в слоях второй половины XIV в.3

Самонаименование автора грамоты («Микифор з Дорофеева жеребея») свидетельствует, что это крестьянин-новоприходец. От Анны (очевидно, вотчинницы) он получил «жеребей» земли и две пожни — «в Быкощине» и «другую» пожню. Но сенокосные угодья у него отняли Шюега и Осипко. Известно, что запустевшие угодья обычно обрабатывались «наездом»; по-видимому, Шюега и Осипко захватили незанятые угодья и затем не желали отдавать их новому крестьянину.

Ситуация, отраженная в грамоте, может быть интерпретирована следующим образом: Микифор был «посажен» на запустевший участок земли, дополнительно к этому участку ему были выделены и сенокосные угодья; с этим не пожелали примириться его соседи — Шюега и Осипко — очевидно, старые крестьяне. Примечателен способ, каким Микифор отстаивает свои интересы: он доводит конфликт до сведения госпожи, фактически отказывается от «другой» пожни, но при этом просит «дать» ему вместо «пожни в Быкощине» все «место Быковщину».4

Перед нами — конфликт новоприходца со старожильцами, отраженный с точки зрения самого новоприходца. Несомненно, что и старожильцы должны были предпринять какие-либо действия по отстаиванию своих интересов. Таким действием могла быть, например, челобитная в отношении Микифора, подобная грамоте № 311.

4. Конфликт иного рода отражен берестяной грамотой № 53, найденной в 1952 году на Неревском раскопе в слоях второй четверти XIV в.5 У Петра, покосившего купленную им пожню, «озерици» (очевидно, жители одноименной деревни или местности) отняли сено. Петр косил эту пожню впервые: на это указывает то, что он не знал точных границ участка. Петр, скорее всего, является горожанином (т. к. его письмо найдено в Новгороде), приобретшим пожню в результате акта купли-продажи. Несомнен коллективный характер действий «озеричей». Перед нами — борьба крестьян за свои хозяйственные интересы против вторжения в них «грамотчика» (владельца по грамотам).6

5. Рассмотренные документы позволяют сделать ряд наблюдений. Новгородские крестьяне в XIV—XV вв. активно борются против вторжения в их среду новых людей, будь то землевладелец-грамотчик (как в гр. № 53) или крестьяне-новоприходцы (как в гр. №№ 311 и 477). Причиной этой борьбы является, прежде всего, нарушение хозяйственных интересов крестьян-старожильцев, но не следует сбрасывать со счета и социально-психологические факторы (отраженные в гр. № 311). При этом крестьяне выступают коллективно (коллективный характер их действий отражен в гр. №№ 311 и 53, можно предположить его и в гр. № 477), т. е. опираясь на свою крестьянскую организацию. Хотя внешне эта борьба проявлялась в выступлении против новоприходцев, по сути это было противостояние крестьян и феодалов, стремящихся повысить доходность своих владений путем призыва новых работников. В то же время она косвенно отражает и борьбу внутри крестьянства за хозяйственные угодья.

1 Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 144—145.

2 Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Л., 1980. С. 51—53; см. также Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 180.

3 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 71.

4 А. В. Арциховский и В. Л. Янин предполагают, что Микифор просит выдать ему грамоту на «место Быковщину». (Там же. С. 73), но нам неизвестно, чтобы крестьянам-порядчикам выдавались какие-либо грамоты на обрабатываемые ими угодья.

5 Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

6 Термин Ю. Г. Алексеева (см.: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 113—118).

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовоения, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Новгородско-Литовско-Тверские отношения в третьей четверти 13 века

А. Н. Хохлов

1263 год во многом стал переломным в истории Древней Руси. 14 ноября 1263 г. на пути из Орды умер Александр Ярославич, великий князь владимирский, князь новгородский. Его смерть повлекла за собой неизбежную смену лидеров и политических ориентиров. 5 августа того же года произошло еще одно событие, сыгравшее огромную роль в истории широкого региона от Прибалтики до Северо-Восточной Руси. В результате заговора князей-родственников был убит великий литовский князь Миндовг. Усобицы, последовавшие за этой смертью, привели в конечном итоге не только к смене правящей династии, но и к бегству многих литовских князей из своих родовых владений или их физическому уничтожению. В последующие 10 лет произошли события, во многом определившие взаимоотношения таких государственных образований, как Новгородская земля, Тверское княжество, Великое Литовское княжество не только в конце XIII, но и в первой половине XIV в. Для того, чтобы понять значение этих событий, необходимо рассмотреть их на широком фоне предшествующих событий.

Наиболее полное и последовательное изложение истории интересующего нас региона в третьей четверти XIII в. дано в Ипатьевской летописи¹ и Новгородской I летописи старшего и младшего изводов.² Большое количество интересных подробностей, особенно о событиях 60-х годов, содержится в Псковской I и Новгородской IV летописях.³ Кратко, но с дополнительными уточнениями, описывает происходившее Рогожский летописец.⁴

К концу 30-х гг. XIII века социальные и политические процессы у литовских племен достигли уровня становления государственности. В 40-х гг. ошмянский князь Миндовг был приглашен в Новгородок, который, вероятно, на какое-то время стал столицей его молодого государства.⁵ В это время литовское княжество представляло собой сложный конгломерат из населения западнорусских земель и литовских племен. Вероятно, в целях консолидации своих владений Миндовг вместе с дружиной принял православие. В условиях усиливающейся экспансии сил Ордена в Прибалтике Миндовг активно использовал сложную политическую ситуацию в Полоцке, который представлял собой естественный плацдарм на стыке древнерусских государственных образований.⁶

Положение Новгорода 40-х гг. неоднократно описывалось в литературе. Остается добавить лишь, что необходимость отражения натиска орденских немцев и шведов требовала максимального напряжения экономики города на Волхове и его пригородов. Юго-восточная и южная часть Новгородской земли со стороны Селигера и Верхней Волги, казалось, находилась на участке наиболее безопасном для внешнего вторжения, потому что именно здесь располагалась территория сформировавшегося в 40-е годы XIII в. Тверского княжества. Ярослав Ярославич, первый Тверской князь, получивший свои владения на Верхней Волге не позднее 1247 г./ в первые годы самостоятельного правления не мог проводить активную наступательную политику.

Именно Полоцкие земли на стыке юго-западной и южной границы Новгородской земли, северо-западной и западной границы Тверского княжества и северной границы Смоленского княжества, служившие в 20-е гг. мишенью для литовских ударов,⁸ в 40—50-е гг. активно использовались литовцами для глубоких тыловых рейдов в русские земли.⁹ Летописи фиксируют литовские походы под 1245 г. («... Воеваша Литва около Торжку и Бежицы...»),¹⁰ под 1253 г. («...Воеваша Литва Волость Новгородскую»),¹¹ под 1258 г. («...приходиша Литва к Торжку...»).¹² Тактическое решение этих рейдов, вероятно, было сходным — через Полоцк — верховья Западной Двины — верховья Торопы — Верхневолжские озера (Селигер) — Осузу — в среднее течение Тверцы к Торжку. Отрезок этого маршрута от Селигера к Торжку был хорошо известен в средневековье как один из вариантов «Селигерского пути». Не исключено, что во время похода на Псковщину в 1247 г., когда «...избиша Литва Пскович на Кудепи...»,¹³ также использовался Полоцкий плацдарм. Важное значение «Полоцкого коридора» подчеркивают события 1258 г., когда Литва перед- рейдом к Торжку активно поддержала Полоцк в борьбе со Смоленском («... Придоша Литва с Полочаны к Смоленску, и взяша Воинщину на щит...»).¹⁵

Агрессивные действия Миндовга, направленные, в основном, против Новгорода и его пригородов, в меньшей мере — против Твери и Смоленска, достаточно хорошо укладывались в контекст компромиссных отношений Миндовга с Орденом в конце 50-х годов. Ослабление Волховской столицы до определенного момента устраивало Миндовга и полностью соответствовало планам Ордена. Но во второй половине 50-х годов ситуация изменилась. В 1258 г. «...Взяша та-тарове всю землю Литовскую, а самех избеша...». Этим воспользовался Орден, фактически захвативший Жмудь. Такое развитие событий подтолкнуло Миндовга к активным действиям против меченосцев. Миндовгу в этой ситуации был остро необходим надежный и сильный союзник.

Положение Новгорода в 50-е годы было осложнено событиями, связанными с татарским посольством о «Числе», восстанием 1259 года, проведением переписи и сбором новых налогов. Нейтрализация в такой ситуации одного из активных противников и привлечение его на свою сторону было крайне необходимо и новгородцам.

Под 1262 год летопись сообщает: «...Срубиша Новгородцы город Нов, а с Литвою мир взяша...». ¹⁷ Договор 1262 года не сохранился, мы не знаем точно, что он включал в себя, кто его подписал от имени Великого Литовского княжества: сам Миндовг или его племянник Товтивил — наместник великого князя в Полоцке, который еще в 50-е годы вошел в сферу политических интересов литовского государства, кто его подписал со стороны Новгорода. Но такой договор безусловно был, и последующие события показывают, что кроме статьи о мире, он, вероятно, содержал и другие взаимные обязательства сторон.

«Того же лета, в осинине идоша Новгородцы с князем Дмитрием Александровичем великим полком под Юрьев, были тогда и Константин, зять Александров, и Ярослав, брат Александров, с свои мужи, и Полоцкий князь Товтивил, а с ним Полочан и Литвы 500...». ¹⁸ Совместный поход на один из сильнейших орденских городов был блестяще завершен. «Сии град... одним приступлением взят бысть,.. и взята товара бесчисла и полна...» — сообщает летописец. Отметим, что результатом юрьевского похода можно считать не только успешный итог совместных действий Новгорода и Литвы, но и первое личное знакомство тверского князя Ярослава Ярославича и тверских бояр с Товтивилом, его литовским и полоцким окружением. Этот контакт был крайне важным, поскольку земли, контролируемые Товтивилом, фактически доходили до западных границ Тверского княжества.

Но уже в следующем году расстановка сил изменилась.

«В лето 6771 приде князь Александр из татар... и пострижеса в 14 месяца ноября и преставишася...». ²⁰ «Того же лета в Литве бысть мятеж., всташася сами на ся, и убиша князя Великого Миндовга свои родици, свещашиеся отай всех».

Великокняжеский стол после смерти Александра в 1263 году получил его брат Ярослав Тверской. Источники дают различную датировку следующих событий. В. Л. Янин убедительно показал, что сведения Новгородской I летописи, подтверждаемые текстами княжеских докончаний, наиболее достоверно передают хронологическую канву происшедшего. В 1265 году «посадиша в Новгороде на столе князя Ярослава Ярославича месяца января в 27.. Ярослав занял Новгородский стол по приглашению новгородцев как великий князь Владимирский. Вместе с тем, Эгхехард Клюг, вслед за С. М. Соловьевым, полагает, что анализ летописных материалов показывает, что Ярослав жил то в Твери, то в Новгороде, то во Владимире, и не опровергает мнение о том, что Ярослав правил великим княжеством из Твери.²⁴ Это связано, возможно, с тем, что в своем стольном городе, находившемся между Ильменем и Клязьмой, Ярослав не испытывал давления городского боярства и, одновременно, не терял возможности активного вмешательства в дела Новгорода.

Тверь в 60-е годы XII века представляла собой быстро растущий, интенсивно набирающий силу город. Археологические исследования последних лет показали, что в это время тверской Кремль, обнесенный новой линией укреплений, достигал площади 20 га. У стен Кремля располагались обширные Загородский и Затьмацкий посады, общая площадь города достигала в это время 60—70 га. Экономический потенциал позволял выставлять на поле боя значительные силы. Это проявилось в 1247 году под Торопцем и в 1262 году под Юрьевым. Опиравшийся на силы Твери и низовских княжеств, Ярослав, тем не менее, вскоре после призвания на стол женился в Новгороде на Ксении Юрьевне, дочери Юрия Михайловича. Вероятно, породнившись с одной из боярских группировок, князь рассчитывал усилить свое положение.

Кризис, начавшийся со смертью Миндовга, потряс все Великое княжество Литовское. «Того же лета распрешесе убоицы Миндовгови о товар его, убиша добра князя Полотьского Товтовила, а бояры полотские исковаша, и просиша у полочан сына Товтовилова убити же. И он вбежа в Новгород с мужи своими. Тогда Литва посадиша свои князь в Полотське и мир взяша...»

Для нашего сюжета важны два момента:

1) Новгородский летописец характеризует своего союзника Товтовила как «доброто князя Полотского».

2) Сын Товтовила, спасаясь от резни, бежит со своими боярами именно в Новгород.

Под 1263 годом Ипатьевская летопись отмечает, что сын Миндовга Воишелк «...поиде в Литву княжить. Литва же вся прияша... с радостью своего господича». 27 Новгородская I летопись подробно, с элементами христианской моралистики, рассказывает, как князь-монах Воишелк, сняв с себя по обету ризу, «...шед на поганую Литву, и победи я, и стоя на земле их все лето». Уже в следующем, 1264 г. «...Воишелк же нача княжити во вси земли Литовской и поча вороги свое избивати. Изби их бецисленое множество, а друзие разбегошася камо кто видя...».

Действия Войшелка, которым, вероятно, во многом руководили мотивы кровной мести за смерть отца и двоюродного брата, привели к тому, что князья, замешанные в убийстве Миндовга и Товтивила, вынуждены были бежать из Литвы. «...Вбегаша в Плесков с 300 Литвы с женами, и с детьми, и крести я Святослав с паны Плесковскими и с пле-сковичи; а новгородци хотеша их иссечи, но не выда их князь Ярослав и не избиени быша». 30 В. Л. Янин, рассматривая это сообщение Новгородской I летописи, считает, что речь в нем идет о пребывании во Пскове с новгородским полком Ярослава Ярославича, который лично оперативно выступил в защиту литовцев.³¹ Не отвергая полностью эту версию, заметим, что она не объясняет многие моменты, содержащиеся в летописной записи. Ни один источник не упоминает под 1264—65 гг. о нахождении новгородского полка во Пскове, нигде прямо не указывается, что в этом году Литва угрожала Пскову (как это предполагает В. Л. Янин). В случае нахождения Ярослава в Пскове остается непонятно, почему крайне важная церемония массового крещения язычников проходит под руководством и в присутствии Святослава Ярославича, а не самого великого князя.

Представляется, что возможен иной вариант трактовки описанных событий.

Прежде всего, почему беглецы направились во Псков? Из контекста летописных статей ясно, что часть беглецов участвовала в заговоре против Миндовга и убийстве Товтивила. Отношения Новгорода к последнему выражено характеристикой «добрый князь Полотский». Кроме того, именно в Новгороде находился в это время сын Товтивила со своими боярами. Иначе говоря, беглецам пришлось (!) направиться во второй по величине и значению город Северо-Западной Руси, расположенный вблизи границ Литвы. Прибытие в город 300 воинов с женами и детьми было крайне важно и для Святослава, сидевшего на псковском столе, и для псковичей, живших в условиях перманентной войны и испытывавших острую нехватку в боеспособных, преданных городу мужчинах, и для псковского клира. Однако торжественный акт, крещения и обустройство в Новгородском пригороде литовцев, причастных к убийству Товтивила, должны были вызвать протест сына убитого, его окружения и поддержавшей их части новгородцев. Не исключено, что в несохранившемся договоре могла содержаться статья, регламентирующая подобную ситуацию. Инициатива части новгородцев, предлагавших применить к беглецам норму обычного права («смерть за смерть»), была пресечена Ярославом Ярославичем, заинтересованным в укреплении позиций своего сына во Пскове.

Под 1266 год тот же новгородский источник сообщает: «...посадиша Плесковичи у себе князя Довмонта Литовского». Псковская I летопись рассказывает об этом торжественно, с элементами агиографического прославления: «Блаженный же князь Домант с дружиною своею и с всем родом своим, оставил отечество свое землю Литовскую, и прибеже в Плесков... И крещен бысть в соборной церкви в святой Троицы, и наречено бысть имя ему в святости крещении Тимофей... И посадиша его мужи Псковичи па княжение во граде Пскове...». Входил ли Довмонт в первую волну беглецов? Сообщения Ипатьевской летописи не подтверждают эту точку зрения. Рогожский летописец лаконично поясняет: «...Домонт прибеже в Плесков в 70 другов и крестися...».

Нальшанского князя Довмонта историографическая традиция связывает с заговором против Миндовга. В то же время, он не был замешан в убийстве Товтивила. Довмонт, пришедший во Псков со своей дружиной, устраивал как военный лидер и политическая фигура и псковичей, и новгородцев. Вероятно, это и послужило причиной для передачи литовскому князю псковского стола.

О действиях Святослава Ярославича источники ничего не сообщают. Вероятно, после того, как его свели со стола, сын великого князя, а с ним и часть литовских беглецов «первой волны», опасавшихся за свою жизнь, вынуждены были уйти в Тверь. Закрепившись во Пскове, Довмонт-Тимофей уже в 1266 году предпринимает два похода в Литовско-Полоцкие владения, убивает несколько литовских князей, захватывает жену князя Герденя (полоцкого наместника Воишелка), убивает самого Герденя.³⁸ Активные антилитовские действия Довмонта вызвали одобрение новгородцев, не связанных договорными отношениями с новыми литовскими князьями. Именно поэтому

попытка Ярослава Ярославича с помощью низовских полков свести Тимофея с псковского стола натолкнулась на мощное противодействие новгородцев.

В следующем (1267) году новгородцы, стремясь максимально ослабить погрязшего в усобицах возможного противника, ходили на Литву с Довмонтом и псковичами-40

Достигнув определенного ослабления Литвы на Полоцком рубеже в 1268 году, новгородцы предприняли попытку усилить свое положение на северо-западной границе. Совместный поход новгородских полков и низовских (в том числе и тверских) дружин на Раковор, во время которого войска ордена потерпели крупное поражение, повысили роль Новгорода в Прибалтике.

Переход в 70-х годах Полоцка под власть Рижского епископа на четверть века отодвинул границы Великого княжества Литовского от границ Новгородской земли и Тверского княжества⁴¹. Смерть в 1271 году великого князя Ярослава Ярославича также внесла изменение в расстановку сил. В последней четверти XIII века взаимоотношения Новгород — Литва — Тверь превращаются в новгородско-тверские взаимоотношения.

Итак, новгородско-литовско-тверские отношения в третьей четверти XIII века прошли по меньшей мере три стадии в своем развитии. 1 этап. Начало 50-х годов — 1258—60 годы. Литва, выступая союзником Ордена, занимает по отношению к Новгороду откровенно враждебную позицию. Земли только что сформировавшегося Тверского княжества частично попадают под удары, направленные против южных Новгородских волостей.

2 этап. 1262—1263 годы. Период союзнических отношений. Литва, Новгород и Тверь (последняя — в качестве вассала великого князя) выступают против Ордена. Время личных контактов Тверского князя и тверских бояр с литовским князем, новгородским, литовским и полоцким боярством, контактов, сыгравших большую роль в формировании политических симпатий в конце XIII — первой половине XIV вв.

3 этап. 1263—64 годы — 1270-е годы. Усобицы в Литве.

Отсутствие взаимных договорных обязательств, стремление Новгорода ослабить Великое княжество Литовское. Участие выходцев из Литвы в антилитовских военных действиях Новгорода в пограничных землях. Контакты тверских князей и бояр с выходцами из Литвы, возможный переход части литовцев в Тверь.

Подводя итог, отметим, что узел новгородско-литовско-тверских отношений непосредственно связан с расширением территории, контролируемой Великим княжеством Литовским, непосредственно до границ Новгородской земли и Тверского княжества. Выход в последней четверти XIII в. Полоцкого княжества из-под контроля Литвы привел к смене политических приоритетов и как следствие — к исчезновению из источников сведений о новгородско-литовско-тверских отношениях вплоть до первой половины XIV века.

1 ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.

2 НПЛ. М., Л., 1950.

3 ПСРЛ. Т. 4. Спб., 1848.

4 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965.

5 Гуревич Ф. Д., Древний Новгородок. Посад-окольный город. Л., 1981. С. 3—4.

6 Алексеев Л. В. Полоцкая земля. // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 238—239.

7 Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 68—69; К л ю г Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 52—53.

8 "Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 239.

9 Янин В. Л. Новгород в XIII в.: внешний фактор и состояние культуры. I) Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. (Тезисы докладов). СПб., 1994. С. 48. В. Л. Янин указывает, что «...с конца первой четверти XIII в. плацдармом литовских нападений на Русь, Торжок и Бежецкий Верх становится Торопецкая земля...». При этом необходимо подчеркнуть, что политически независимая от Литвы Торопецкая земля являлась первоочередным объектом нападения, через который прорывались литовцы на пути в новгородские волости.

10 НПЛ. С. 79.

11 Там же. С. 80.

12 Там же. С. 82.

13 Соглашаясь с общей оценкой В. Л. Янина значения «Селигерского пути» как пути из Новгорода в Торжок и Низовские земли (Янин В. Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 146—158.), отметим, что более достоверным представляется вариант движения от Торжка к Селигеру не по Волге, а по долине реки Осуги (Малыгин П. Д. Древний Торжок. Историко-археологические очерки. Торжок, 1990. С. 29).

14 ПСРЛ. Т. 4. С. 180.

15 НПЛ. С. 82.

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Новгородско-Московские отношения и Бежецкий Верх в 15 веке

А. С. Дворников

В XIV в. границы московского великого княжения вошли в соприкосновение с землями Великого Новгорода. Северные московские владения достигают Белоозера. Еще при Иване Калите белозерские князья становятся вассалами Москвы. При Дмитрии Донском большая часть Белозерья уже контролируется москвичами. Дмитрий Донской передает Белоозеро своему сыну Андрею. Не случайно, в начале войны Москвы с Новгородом 1393 г. белозерский князь Константин Иванович сражается на стороне Новгорода за возвращение своего княжения. Другому своему сыну — Юрию — Дмитрий Донской завещает в придачу к подмосковному Звенигороду северный Галич. Третий сын Донского — Константин — владел Ржевой и Угличем, а также селами в Бежецком Верхе. После московско-тверской войны 1375 г. Дмитрий Донской берет под свою защиту и покровительство Ярославское княжество. Таким образом, новгородско-московская граница протянулась от Ржева и Волока Ламского до Белоозера и Галича.

Стремление московских князей к подчинению соседних русских земель привело уже в XIV в. к ряду пограничных столкновений. Причем, наиболее уязвимыми новгородскими пунктами на пограничье были Волок Ламский, Торжок, Вологда и Бежецкий Верх.

Наряду с открытыми вторжениями на новгородское по-граничье, московские князья исподволь вторгаются в Бежецкий Верх, приобретая здесь села во владение. Села эти становились как экономическими центрами московского влияния, так и плацдармами для распространения политического давления. Не случайно в 1371—72 гг. развернулась московско-тверская борьба за село Кесьму в

новгородском Бежецком Верхе.

В 1397 г. москвичи полностью оккупировали Бежецкий Верх и удерживали его в дальнейшем за собой вопреки претензиям новгородцев и заключаемым с Новгородом договорам. По окончании войны 1397—98 гг. был заключен мир. Брат великого князя Андрей отправился для выполнения условий договора в Новгород, где «... бояре даша князю честь велику». Вероятно, выбор Андрея в качестве главы московского посольства не случаен. Владея пограничным Белоозером, Андрей был в курсе московско-новгородских пограничных проблем. Юрий Дмитриевич, наследовавший Галич, так же не оставался в стороне от северной политики Москвы. В 1391 г. он совместно с дядей Владимиром Андреевичем руководил походом против Новгорода. Тогда были заняты Торжок, Волок Ламский и Вологда. Вероятнее всего, те же Юрий и Андрей Дмитриевичи руководили частью московских войск, оккупировавших в 1397 г. Двинскую землю, Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду. Возможно, мир, достигнутый Андреем, не вполне удовлетворил обе стороны, т. к. пограничные земли продолжали оставаться спорными.

Ни источники, ни историография не дают к настоящему времени четкого представления о времени и условиях перехода Бежецкого Верха от Новгорода к Москве. Московские источники считают Бежецкий Верх своим с 1397 г., новгородские — числят Бежецкий Верх за собой еще около 80 лет, вплоть до 70-х гг. XV в., т. е. фактически до падения независимости самого Новгорода. Историки, следуя тем или иным источникам, не приходят к единому мнению. По мнению Л. В. Черепнина, пограничный Бежецкий Верх, уже освоенный москвичами, в середине 30-х гг. XV в. был опять уступлен новгородцам. Большая часть исследователей сходятся на том, что Бежецкий Верх находился в смесном владении Москвы и Новгорода.

Напряженность на новгородско-московском пограничье усугублялась тяжелым положением самого Новгорода. Как отмечал В. Л. Янин, в конце XIV — первой четверти XV вв. политика Новгорода находилась в упадке⁴. В. Н. Вернадским выделены периоды наибольшего политического напряжения. В 1399—1400, 1412—14 и 1420—28 гг. обострялись конфликты с Литвой, доходившие до открытых военных действий⁵. В 1392—1411 и 1445—48 гг. усиливается натиск немцев и шведов⁶. В 1391—1401 гг. московские князья оккупировали практически все доступное им новгородское пограничье, а в 1417 г. вторглись уже во внутренние районы новгородской земли. В 1440—41 гг. москвичи воюют с Новгородом в союзе с Борисом Александровичем тверским. В 1443—45 гг. тверские войска разорили все южные новгородские волости.

Пользуясь ослаблением Новгорода, соседи скупали земли на новгородском пограничье, особенно на спорных территориях, которые фактически уже не контролировались новгородцами. Анализ политических событий первой половины XV в. привел нас к выводу о большей политической активности москвичей в Бежецком Верхе. Активность же новгородцев сводится к просьбам к великому князю установить границы «по старине», что на деле не выполнялось. Попытки новгородцев в 1398 и 1435 гг. вернуть себе Бежецкий Верх не увенчались успехом. В Бежецком Верхе закрепляются галицкие князья — представители боковой ветви московского великокняжеского дома⁷. В 40-х — начале 50-х гг. XV вв. складывается впечатление новгородского присутствия в Бежецком Верхе. Однако, это может быть связано с княжением Дмитрия Юрьевича галицкого в Новгороде⁸.

В настоящей статье мы попытались обратить внимание на фактическое разделение земель в Бежецком Верхе между московскими и новгородскими землевладельцами.

Официально Бежецкий Верх только в 1433 г. обещан Юрию Дмитриевичу галицкому, а в 1434 г. уже в уделе его сына Дмитрия Красного. Однако, из договора Юрия и Дмитрия с Василием II 1433 г. видно, что землями к этому времени здесь уже владели многие московские землевладельцы. Часть земель принадлежала князю Константину Дмитриевичу, дяде великого князя, часть — боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому — бывшему фавориту великого князя, часть «иных сел» — принадлежала самому великому князю. (Среди великокняжеских сел нам известны село Кесьма — купля И. Калиты, в духовной Василия I 1423 г. упоминается село Антонове, а в его духовной 1406 г. — при-селье Макашовское⁹. Кроме того, в договоре упоминаются, по-видимому, многочисленные московские землевладельцы, у которых были «в Бежецком Верхе грамоты жалованные отца твоего великого князя (т- е. Василия I, умершего в 1425 г), или твои (т. е. Василия II) у бояр или на слободы, или у инога у кого; и в тех грамотах волен яз, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочю жаловати»¹⁰).

Рассмотрение актового материала позволило установить личности некоторых землевладельцев.

Уже в конце XIV в. московский боярин Федор Андреевич Свиблов владел селом Алабузино¹¹.

К 20-м — 30-м гг. XV в. бояре Головкины владели в Бежецком Верхе крупной вотчиной, располагавшейся южнее Городецко в междуречье Мологн и Остречипы, и севернее низовьев Остречипы. Позднее, во второй половине XV в. их вотчина постепенно была скуплена монахами Троице-Сергиева монастыря¹². Часть земель Головкиных в 1420-х — 1430-х гг. приобрел некий десятичник Александр¹³, -вдова которого в 1430-х — 40-х гг. отдает тому же Троице-Сергиеву монастырю село Фралевское с деревнями: Раменье, Рукулино, Микитино, Голузино, Ивановское, Ондрейково, Глебени с пожьями, нивами, перевесьями, езами, ловищамп и другими угодьями¹⁴.

До 1430-х — 40-х гг. князь Дмитрий Александрович Щена-Ростовский владел купленными им деревнями: Старое Ягрепево, Фролово, Боркино, Икорниково, проданными затем в Троицкий монастырь¹⁵.

Частью земель в Бежецком Верхе владел Василий Михайлович Морозов, принадлежавший, по выражению С. Б. Веселовского, к одному из первостепеннейших московских боярских родов¹⁶. Перед 1440 г. он упоминается среди послухов в купчей князя Дмитрия Юрьевича Красного на земли в Бежецком Верхе¹⁷.

До 1447 г. землями в северной части Бежецкого Верха владел Михаил Федорович Сабуров, получивший боярство в конце княжения Василия

I, т. е. до 1425 г. Село Весь Егонская, принадлежавшее М. Ф. Сабурову, находилось неподалеку от великокняжеского села Кесьмы. В 1447 г. Сабуров вложил Вось Егонскую в подмосковный Симонов монастырь. В старости М. Ф. Сабуров становится старцем Симонова монастыря Мисаилом Сабуровым, пользовавшимся большим влиянием в монастыре. В 1460 г. он назван вторым, после архимандрита, «сидевшим у духовной»¹⁸.

Землевладелец Иван Юрьевич, а позднее его вдова Фетинья и сын Дмитрий владеют до 30-х гг. XV в. крупной вотчиной с центром в селе Присеки. Позднее вотчина была куплена князем Дмитрием Юрьевичем Красным, завещавшим ее в Троице-Сергиев монастырь. Доверительные отношения между князем и Фетиньей позволяют предполагать московское происхождение бывших владельцев¹⁹. Даже далекие суздальско-нижегородские князья к середине XV в. приобрели в Бежецком Верху свои владения²⁰, где, возможно, слились их интересы с интересами галицких князей, что было возможно, либо в период короткого московского княжения Шемяки, либо в более продолжительное их совместное пребывание в Новгороде и Пскове.

Источники второй половины XV в. упоминают среди бежецких землевладельцев князей суздальских, ростовских и ярославских, уже утративших свою независимость и подчиненных Москве²¹.

Кроме того, в 30-х — 60-х гг. XV в. в Бежецком Верху находились со своими дворами князья промосковской ориентации: Дмитрий Юрьевич Красный, Иван Андреевич Можайский, Василий Ярославич Боровский, Андрей Васильевич Большой. Значительное влияние на Бежецкий Верх имели князья Юрий Дмитриевич галицкий и его сын Дмитрий Шемяка, бывшие некоторое время великими московскими князьями. С Бежецким Верхом был тесно связан боярин Григорий Васильевич Заболотский, бывший наместником Василия II в Новгороде²².

Вместе с московской аристократией в Бежецком Верху оседают и московские представители служилого класса. Из жалованной грамоты Василия II Троице-Сергиеву монастырю на село Присеки, датированной 1432—45 гг., известны великокняжеские «десятинницы... Бежецкого Верха и их тиуны»,²³ а также введенные великокняжеские бояре. Из жалованной грамоты, датированной 26 сентября 1432 г. или 1433 г. тому же монастырю известны еще и великокняжеские приставы.²⁴ Грамоты 1440 и 1441 гг. упоминают наместников бежецких и их тиунов с дворянами.²⁵ Грамота 1445—53 гг. называет еще праведщиков, доводчиков, волостелей.²⁶ Грамоты писались княжескими дьяками.²⁷ В купчей 1455—57 гг. Троице-Сергиева монастыря на село Никольское Сукромное великокняжеский дьяк упомянут в числе послухов, а грамоту писал сын дьяков.²⁸ В той же грамоте упоминаются «князя великого... люди из иных станом». ²⁹ Тесную связь, послухов данной грамоты с местным краем подчеркивает соответствие их прозвищ с названиями соседних деревень: Максами Толстик и дер. Толстиково, Логин Княжьской и село Княжеио, Сидор Селятиньской и дер. Селятино, Филипко Сукромской и село Сукромны, прозвище Опцыфора Мо-лоцкого явно связано с рекой Мологой.³⁰ Т. е. в середине XV в. и со стороны продавцов села (московских бояр Головкиных) и со стороны покупателя (подмосковного Троице-Сергиева монастыря) послухами выступают старожилы, тесно связанные с местным краем.

В то же время и старая новгородская аристократия продолжала владеть землями в Бежецком Верху. Так новгородский боярин Андрей Будьвольнин в 30-х гг. XV в. вкладывает в Симонов монастырь село Кузьмодемьянское с деревнями и пустошами в Бежецком Верху.³¹ Старинный новгородский род бояр Нелединских владел землями в бассейне рек Меличи и Неледицы. Позднее Нелединские стали основателями на своей земле Краснохолмского Николаевского Аптопиева монастыря,³² тесно связанного с московской великокняжеской династией. Свои земли Нелединские вкладывали и продавали Троице-Сергиеву и Ап-тониеву монастырям.

Видимо, новгородцем по происхождению является и послух по купчей грамоте Троице-Сергиева монастыря на село Никольское Сукромное 1455—57 гг. Онцыфор Молоцкой, однако, к середине XV в. он уже защищал интересы подмосковного монастыря.

Подмосковные монастыри, особенно Троице-Сергиев Симонов, активно приобретали земли в Бежецком Верху. Внедрившись в Бежецкий Верх в 30-х—40-х гг. XV в., Троице-Сергиев монастырь путем дальнейших покупок и вкладов значительно увеличил свои владения. Симонов монастырь, по мнению Л. И. Ивиной, вырос именно во время феодальной войны. «Если до войны в Московском уезде, по сохранившимся данным, у монастыря было 3 сельца и монастырек-пустынька»,³³ то «во время феодальной войны сфера распространения земельных владений монастыря увеличилась». В частности, он приобрел «два сел (Весь Егонское и Кузьмодемьянское) в Бежецком Верху». ³⁴ Село Кузьмодемьянское «ранее принадлежало Андрею Буд-Еюльницу», а с 30-х гг. XV в. — Симонову монастырю.³⁵ Село Вось Егонская приобретено монастырем в 40-х гг. у Михаила Сабурова.³⁶

«Бежецкий Верх, видимо, привлекал монастырь иммунитетными привилегиями, которыми пользовались многие крупные феодалы во время борьбы с удельно-княжеской оппозицией». ³⁷ Враждующие князья как бы соревновались в выдаче щедрых иммунитетных грамот монастырям на пограничье, привлекая их на свою сторону. Так Дмитрий Шемяка, Василий II и Иван Можайский по очереди в 1440, 1441 и 1443 гг., ссылаясь на «старину» выдают близкие по содержанию жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на село При-секи, отставив при этом свои приоритеты.³⁸ В 1447 г. Василий II выдает жалованную грамоту Симонову монастырю на село Вось Егонское, пользуясь ослаблением позиций Шемяки в Бежецком Верху и переходом владельца села на Московскую службу.³⁹ Щедрые пожалования должны были укрепить моральные позиции и политическую поддержку жалователя в регионе.

Примечательно отсутствие сведений о владениях в Бежецком Верху новгородских монастырей.

Таким образом, уже в начале XV в. и Бежецкий Верх активно проникают московские землевладельцы и монастыри. В 30-х—40-х гг. москвичи уже безраздельно господствуют в Бежецком Верху, а сохранившиеся островки владений старой новгородской аристократии исчезают к середине XV в. Их владельцы либо открыто переходят на московскую службу, либо вкладывают земли в подмосковные

монастыри.

Следовательно, анализ фактического землевладения в Бежецком Верху подтверждает наблюдения, сделанные на основе анализа политических событий, 40 о том, что в первой половине XV в. Новгород фактически потерял Бежецкий Верх, утратив здесь как политическое, так и экономическое влияние.

- 1 Вернадский В. Н. Новгород и Новгородская земли в XV веке. М.; Л., 1961. С. 215—216.
- 2 Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С. В. Бахрушина. М, 1909. С. 26.
- 3 НПЛ. С. 394.
- 4 Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 113,
- 5 Вернадский В. Н. Новгород... С. 203.
- 6 «Вернадский В. Н. Новгород... С. 233, 234, 248.
- 7 Дворников А. С. К вопросу о вхождении 'Бежецкого Верха в состав Московского государства // Материалы II заседания научного семинара «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья» в декабре 1994 г. (В печати).
- 8 Там же.
- 9 Готье Ю. Замосковный край в XVII веке. М., 1937. С. 373.
- 10 Духовные и договорные... С. 110.
- 11 Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М, 1947. С. 170.
- 12 Там же.
- 13 АСЭИ. Т. I. М.; Л., 1952. С. 63. № 69.
- 14 АСЭИ. Т. I. С. ПО. № 146.
- 15 АСЭИ. Т. I. С. 111. № 147; С. 112. № 148; Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. С. 174. № 93.
- 16 Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 199, 433.
- 20 Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 63—64; Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI века и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 35—36.
- 21 Кобрин В. Б. Землевладельческие права... С. 35—48.
- 22 Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 75.
- я АСЭИ. Т. I. С. 67. № 76.
- 24 АСЭИ. Т. I. С. 65—66. № 74.
- 25 АСЭИ. Т. I. С. 124. № 170; С. 121. № 165.
- 26 АСЭИ. Т. II. С. 342. № 345.
- 27 АСЭИ. Т. I. С. 119. № 163; С. 120, 164.
- 28 АСЭИ. Т. I. С. 187. № 258,
- 29 Там же. С. 188. № 258 а.
- 30 Там же.
- 31 АСЭИ. Т. I. С. 342. № 345; Ивина Л. И. Крупная вотчина... С. 58.
- 32 Ивина Л. И. Крупная вотчина... С. 51.
- 33 Там же. 34 Там же. 35 Там же. 36 Там же.
- 37 Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М.; Л., 1951. С. 145—149; Ивина Л. И. Крупная вотчина... С. 68.
- 38 АСЭИ. Т. I. С. 121. № 165; С. 123. № 170; С. 129—130. № 179.
- 39 АСЭИ. Т. III. М., 1964. С. 342. № 345; Ивина Л. И. Крупная вотчина... С. 59.
- 40 Дворников А. С. К вопросу...

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

«Провалившаяся церковь». Археология и фольклор

А. А. Панченко

Настоящая работа посвящена некоторым проблемам функциональной атрибуции мотива, достаточно распространенного в русской народной прозе и известного под названием «провалившаяся (утонувшая) церковь» (место церкви здесь может занимать колокол, монастырь, город и т. д.). Моя нынешняя цель состоит не в определении истории, географии или общего значения сказаний этого рода (а также их отношений с другими темами несказочной прозы), но лишь в указании (применительно к рассматриваемым материалам) на некоторые возможности исследования фольклорной культуры в связи с ее функциональными и, так сказать, «контекстуальными» характеристиками; конкретные примеры, используемые в этой работе, избраны потому, что в них достаточно отчетливо проступают особенности народной «мифологии пространства».

Упомянутый мотив привлекает внимание отечественных исследователей с конца XIX — начала XX вв. (прежде всего — в связи с легендами о «граде Китеже»).¹ Установлено, что сказания о провалившихся городах, монастырях, храмах и т. д. имеют общеевропейское распространение и чаще всего связаны с мотивами святотатства, наказания за грехи или, наоборот, — чудесного спасения от врагов и насильников. Эти рассказы могут распространяться в форме легенды и новеллистической сказки (и в этом случае они оторваны от конкретных местностей) или предания, приуроченного к определенному ландшафтному объекту (последнее, в свою очередь, может быть дополнено и развито «шлейфом» дочерних меморатов и фбулатов). Наконец, указанная тема может

проникать и в литературные памятники, а из них вновь возвращаться в устную традицию. (При этом следует помнить, что фольклорный мотив «проваливания» и «потопления» — как одного из способов проникновения в «нижний мир» — вообще распространен гораздо шире и входит в художественную систему многих жанров²).

В народных преданиях русского Северо-Запада мотив провалившейся церкви представлен довольно широко.³ Чаще всего он связывается с археологическими памятниками, почитаемыми местами, определенными ландшафтными объектами, иногда — с местами реально существовавших в эпоху средневековья церквей.⁴ При этом рассказы о провалившейся церкви не составляют отдельного и закрытого корпуса текстов; они взаимодействуют с большинством мотивов того вида русской несказочной прозы, который принято именовать «преданиями»⁶

Обратимся к выбранным примерам из народной культуры северо-запада России. Среди многочисленных археологических памятников округа Передольского погоста (ныне — д. Подгорье) в верхнем Полужье⁷ особенно выделяется сопочная группа Запаолье I. Самая большая насыпь в ней (№ 5 по нумерации Н. И. Платоновой) имеет двухступенчатую форму, высоту 12 м и диаметр до 100 м. Народные названия ее — «Шум-гора», «Большая» или «Крестовая Сопка». Благодаря сообщению сына местного священника Ильи Быстрова, опубликованному в IX томе Известий имп. Русского археологического общества, мы располагаем достаточно подробными сведениями о народном почитании этого памятника.⁸

«Когда и для чего насыпана сопка, неизвестно. Крестьяне относят ее ко временам Литовского нашествия. При этом деревенские рационалисты говорят, что это батарея, что на плечах и вершине ее ставили пушки (согласно сообщению автора, такое объяснение не связано с местной традицией и появилось незадолго до написания статьи — Л. П.). (...) Другие рассказы о происхождении сопки принадлежат уже собственно местным жителям. По их словам, здесь когда-то, еще задолго до Литовского нашествия, стояла церковь. За что-то Бог прогневался на народ, и церковь во время богослужения провалилась сквозь землю вместе с богомольцами, а на месте церкви явилась сопка. Другой рассказ составляет почти только вариант этого. По нему здесь стояла церковь; пришли во время богослужения какие-то неприятели (неизвестно какие, едва ли не Литва), богомольцев избили, а церковь разрушили и потом засыпали землю, и таким образом произошла на свет сопка. На этом-то основании, говорят, и ставились кресты на вершине сопки».⁹ (Согласно тому же автору, в 1820-х гг. на ней стояло три деревянных креста, а в середине века — один).

В первое воскресенье по Троице (неделю Всех Святых) сюда собирались жители окрестных деревень. Считалось, что в этот день сопка может исцелить от головной боли; если же опустить голову в яму на ее вершине, то удастся «услышать звон» колокола провалившейся церкви. В середине XIX в. к «Шум-горе» ходил крестный ход; на ней служили молебны. Богомольцы, чаявшие исцеления, трижды обходили вокруг насыпи с зажженными свечами (иногда — на коленях), а после этого поднимались на вершину и «слушали звон». В ту же яму на вершине насыпи клали деньги, лоскутки ситца и обрывки лент. Люди, страдавшие головной болью, клали себе в уши песок из ямы, а иногда брали его домой.

В остальные дни сопка считалась опасным и нечистым местом. Следует также отметить запрет на рубку деревьев, росших на ней в конце прошлого века. Согласно одному из народных рассказов, семья крестьянина, срубившего ель на северном склоне насыпи, была наказана смертью.

Другой пример происходит из моих собственных полевых наблюдений. В этом случае рассказы о провалившейся церкви относятся к почитаемому колодцу близ д. Мелекса, стоящей на берегу реки Сясь в юго-восточной части Волховского района Ленинградской области.¹⁰ Летом 1994 г. здесь удалось записать следующие рассказы о почитаемом колодце (местные жители называют его «озерком», несмотря на малые размеры: примерно 2х2 м)¹¹:

1. «Тут рассказывали, я слыхала от родителей, что, яко бы, стояла на этом месте церковь Казанской Божьей Матери, и почему-то она утонула. И вот на это место так все время и идет из поколения в поколение».

2. (Вопр.: Говорят, что там церковь утонула?) «Ну, это слышали, так это може болтовня... А може быть и правда. Этого не знаю. Говорят, что оно выставило оттуда наверх, видали... (Вопр.: А как говорили, почему она утонула?) Почему утонула? Стало быть, так надо было. Провалилось туда — и все. А потом вот, вишь, показывалось. Вот за то и верят, шо вот и молимся ходим и все, шо помогает!»

Почитаемый колодец находится в 1,5 км от деревни, на краю заболоченной поймы р. Сясь, в смешанном лесу. Жители этой части района собираются сюда на праздник Явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани (8 июля ст. ст.; местное название — «Казанская Божья Матерь»), хотя многие приходят и приезжают за водой из колодца и в другие дни. До войны сюда приезжал священник и служил молебен. Богомольцы бросали в колодец монеты (по словам информанта, это — «жертва» Казанской Божьей Матери) и вешали «по завету» полотенца, головные платки и ленточки на растущие рядом деревья. Этот обычай сохраняется и по сей день. Вода из колодца считается целебной от всех болезней. Ею «обдавались», кропили скот в Егорьев день. Раньше к колодцу носили новорожденных детей и даже сами крестили их там. В окрестных деревнях бытуют многочисленные рассказы о людях, исцелившихся благодаря чудесной силе колодца.

Во время войны здесь начали хоронить покойников, и к настоящему времени кладбище насчитывает уже около 50 могил. Несмотря на представление о «святости» почитаемого места, оно может считаться и опасным. Так, по словам информанта, одного из местных жителей «пугало» около колодца.

«А его, вишь, попугало там. Болтал, мбже быть, а мбже быть — и правда. (Вопр.: А как пугало? Ну, попугало. Не знаю, что его там —

привиделось или поговорило. Вроде как покричало что-то ему. И он испугался».

Еще один рассказ о провалившейся церкви связывался в конце XIX в. с почитаемым местом у с. Заполье (ныне — Плюсский район Псковской области). Вот что сообщал о нем местный священник: «В народе особенно уважается икона св. Анастасии Римлянки (29-го октября), находящаяся в кладбищенской часовне. На месте кладбища, устроенного в начале 40-х годов, была в густом лесу небольшая часовня; к этому лесу крестьяне чувствуют особенное уважение и страх. Говорят, что одна девица собрала кору с березы около часовни, для своей надобности; береза подсохла, а девица, за оскорбление святыни, лишилась зрения. Когда она на месте посохшей березы посадила другую, ее зрение поправилось, хотя и не совсем. Один крестьянин села Заполья тихонько ночью срубил у часовни дерево и привез его домой. На утро его скорчило, а срубленное дерево оказалось снова у часовни. Крестьянин вскоре умер. (...) По преданию, тут была «искони веков» церковь, будто бы разоренная Литовцами или провалившаяся под землю. (...) Дели» преподобной Анастасии (29-го октября)1) празднуется всенощным, крестным ходом и молебнами. Богомольцы приносят в часовню шерсть и леи, которые продаются в пользу церкви».12

Очевидно, что все три вышеописанных объекта следует отнести к категории «деревенских святынь» — местных святилищ, не подразумеваемых канонической практикой, по весьма почитаемых крестьянами и обладающих определенными функциями в народной культуре.13

Необходимо заметить, что народные рассказы о деревенских святынях можно разделить на две основные группы. Тексты первой из них повествуют о происхождении чудесных свойств, «святости» того или иного места. Их действие относится к абстрактному прошлому; в этом смысле они сопоставимы с жанром предания. Вторая группа текстов связана с представлениями о реализации этих свойств; к ней принадлежат рассказы о чудесных исцелениях и о несчастьях, постигших нарушителей запретов. Такие тексты можно квалифицировать как мифологические мемораты и фабулаты, они соответствуют быличкам и бывальщинам. В трех упомянутых случаях мы, кажется, наблюдаем сходную картину. Говоря о несказочной прозе, следует иметь в виду, что сюжеты и мотивы, относящиеся к этой области фольклора, не только теснейшим образом связаны между собой, но и могут менять свои функции и признаки в зависимости от «внелитературного» контекста.14 В связи с этим естественным кажется вопрос: почему к деревенским святыням могут относиться рассказы о провалившейся церкви? Какие функции выполняет в этом случае исследуемый мотив, и как они связаны с его морфологическим строением? Приурочение таких рассказов к местам, почитаемым святыми, случай, по крайней мере, не единичный. Здесь нужно добавить, что и культ града Китежа (впрочем, в народных рассказах о нем чаще упоминается монастырь или церковь), связанный с озером Светлояр, имеет ту же природу. Насколько можно судить по данным, опубликованным В. Л. Комаровичем, В. Н. Басиловым и Н. И. Савушкиной,15 с этим озером связаны поверья и обряды, аналогичные перечисленным выше; правда, китежский культ до некоторой степени окрашен местными раскольническими традициями, имеющими широкое распространение в заволжских лесах.16

Общая структура исследуемых преданий может быть описана следующим образом: стоящая на земле церковь (или город, монастырь и т. д.) становится местом приложения конфликта, развивающегося в рамках оппозиций «крещенное — нечистое» и «свое — чужое» (мотивы святотатства, Божьего гнева, нашествия интервентов), после чего церковь проваливается или тонет. Иногда проваливались заменяется разрушением. В народных рассказах исходный конфликт часто опускается, но его функциональная значимость очевидна, так как он объясняет причины «проваливания». В «дочерних» текстах эта тема развивается и дополняется; они, тем или иным способом, подтверждают исходное предание: церковь иногда «показывается» в определенные дни можно услышать звон ее колоколов и т. д. (в китежском фольклоре часто встречаются рассказы о людях, побывавших в провалившемся городе и возвратившихся оттуда17). В случаях приурочения рассказов о провалившейся церкви к почитаемым местам дочерние тексты повествуют также о чудесных свойствах святыни, исцелениях, наказаниях за нарушение запретов и т. д.

Дореволюционные исследователи, касавшиеся проблем интерпретации мотива «проваливания», видели его исторические корни в представлениях о святотатстве и Господнем гневе и указывали при этом на библейский рассказ о Содоме и Гоморре - (Быт. 19, 23—28), а также на сходные повествования в западноевропейской литературной традиции. В то же время они приводили реальные примеры опускания небольших участков земли по различным геологическим причинам — как могущие послужить источником для соответствующих легенд и преданий.18 Однако все эти наблюдения не могут объяснить ни исторических условий развития этого мотива, ни особенностей его бытования в фольклорной традиции. Кроме того, сама проблема исторических корней фольклорного мотива или сюжета настолько сложна, что пытаться дать какие-либо объяснения здесь можно лишь после всестороннего изучения всех характеристик соответствующей сюжетной единицы. Я не могу полностью разделить и точку зрения Н. А. Криничной, согласно которой «моделью мотива погружения колокола (эквивалент: церкви, избы, города, людей) в известной мере послужили тотемические представления об «уходе» мифического предка в источник, землю, гору, равно как и поверья, связанные с не дающимся в руки «зачарованным кладом»19 (такая трактовка вполне совпадает с концепцией генетической связи преданий с мифом, выдвинутой этой исследовательницей20). Усматривать генетическую преемственность между культурными формами, относящимися к стадийно различным эпохам, довольно опасно: в этом случае игнорируются механизмы исторического развития религиозно-мифологического сознания. Здесь, может быть, следует говорить о совпадении функций, порождающем типологически близкие структуры текста; однако это — отдельная тема, плохо изученная и ставящая перед исследователем немало проблем. Так или иначе, начинать все же следует именно с функциональной атрибуции текста.

Мне представляется, что деревенские святыни служат в ил родной культуре «точками контакта», местами соприкосновения сакрального и профанного миров. Соответствующие им народные рассказы призваны, таким образом, объяснить и раскрыть медиативную роль конкретных ландшафтных объектов; поведать об «иерофании» (если воспользоваться термином М. Элиаде²¹). Их морфологическое строение, как кажется, можно отразить в следующей модели: после исходного конфликта, связанного с коллизией священного и профанного (или «нечистого»), мифологический персонаж (resp. сакральный предмет) перемещается в «иной» мир, оставляя следы своего пребывания в конкретной ландшафтной точке. Последняя затем становится местом поклонения, представляя собой, таким образом, открытый «канал» в сакральную сферу.²² Что же до упомянутого конфликта, то он, кажется, может быть отнесен к разряду явлений, называемому в практике структуральных исследований культуры «медиацией» и подразумевающему снятие фундаментальных противоречий путем понижения уровня противопоставлений.²³ В данном случае фундаментальное противоречие между сакральным и профанным мирами снижается благодаря противопоставлению «священных» и «нечистых» персонажей или действий. Очевидно, что предания о провалившейся церкви вполне соответствуют описанной структуре и повествуют, таким образом, о контакте сакрального и профанного миров. Функции рассказов этого рода, приуроченных к почитаемым местам, тождественны функциям других преданий о деревенских святынях. Представления об открытом канале между «тем» и «этим» светом здесь дополняются и конкретизируются верой в то, что церковь действительно находится под землей или водой и в определенное время может подать о себе весть.

Народные воззрения на храм, зафиксированные этнографами и фольклористами XIX—XX вв., представляют его как место встречи с мифологическими персонажами — и доброжелательными, и опасными. Достаточно вспомнить распространенный на севере России обычай узнавать судьбу «у церковного замка» в ночь на Пасху. Т. В. Цивьян по этому поводу замечает: «В типичной для народной традиции контаминации языческого и христианского церковь становится как бы заклтым местом, аналогичным пустому дому, мельнице и т. п., т. с. локусам встречи со сверхъестественными существами, крайне опасными... при этом так и остается неизвестным, от кого исходит предсказание».²⁴ В то же время рассказы об уходящей, перемещающейся с места на место, исчезающей церкви довольно часто встречаются в восточнославянской фольклорной традиции; такое представление ставит церковь в один ряд с почитаемыми иконами, крестами и т. п.²⁵

Приведенные материалы и соображения могут, кажется, помочь и в объяснении приурочения рассказов о провалившейся церкви к местам древних могильников и поселений. В современной научной литературе иногда приходится встречать указания на «культ предков» и «протоархеологическое сознание» применительно к подобным материалам. На мой взгляд, однако, место того, что мы называем археологическими памятниками, в народной культуре не сводится к почитанию умерших предков или, наоборот, к представлениям о «заложных» (нечистых) покойниках (или же к «протоархеологическому» интересу к древностям). Скорее всего эти памятники тоже можно представить как точки взаимодействия двух миров; в каждом конкретном случае их функции могут различаться, однако общая структура мифологических представлений и ритуальных действий, соотношенных с ними, остается неизменной. Следует также помнить о весьма значительном корпусе мотивов, связанном с археологическими памятниками в народной культуре восточных славян. Более того, вся область несказочной прозы в той или иной степени проецируется на реальные ландшафтные объекты и создает в этом смысле особую мифологическую модель пространства. Главный механизм образования указанной структуры также можно искать в- представлениях о различных формах контакта сакрального и профанного. В связи с этим весьма актуальной кажется концепция, указывающая на принципиальную «диалогичность» архаических и фольклорных верований, представляющих окружающую эмпирическую реальность как репрезентацию «иноного», священного и неведомого мира.²⁶

1 См.: Сумцов Н. Ф. О провалившихся городах. // Сб. Харьковского историко-филологического общества. Т. 8. Харьков, 1896; Перетц В. II. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. Литовские предания об исчезнувших городах // СЭ. Басилов В. Н. О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. XII. М., 1964; Савушкина Н. И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор. Т. XIII, Л., 1972.

2 Савушкина Н. И. Легенда о граде Китеже... С. 62; Пропп И. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 48—49; Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа М., 1975. С. 200—202.

3 См., например: Волкенштейн А. П. Несколько слов об антропологии жальников Валдайского уезда // Труды II археологического съезда. Т. II. М., 1881. С. 8—9; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб., 1884. С. 487; Вып. 10. СПб., 1885. С. 177; Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива имп, Русского географического общества. Вып. III. Пг., 1916. С. 1153-1154 (№ 39) и др.

4 Селин Л. Л. Сельское расселение в Среднем Пооредее в XVI—XVIII вв. (историко-археологические этюды) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 193—194.

5.6 Обзор этих мотивов и публикацию соответствующих текстов можно найти в следующих изданиях: Соколова В. К- Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / изд. подгот. Н. Л. Кршшчная. Л., 1978; Криничная Н. Л. Русская

народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987; Она же. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988; Она же. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

7 См. Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 76-77.

8 Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, С.-Петербургской губернии // Известия Русского археологического общества. Т. IX. Вып. 4. СПб., 1879. Стб. 389—393; (ср.: Муравьев М. О курганах и древних могильниках, находящихся на берегу р. Луги // Археологические известия и заметки Московского археологического общества. Т. IV. М., 1896. С. 60).

9 Там же. Стб. 392.

10 Приводящиеся здесь материалы собраны мной совместно с А. А. Селиным.

11 Первый рассказ — от Веры Степановны Соловьевой, 1927 г. р., уроженки д. Мелекса; второй — от Марии Васильевны Киселевой, 1912 г. р., также местной уроженки.

12 Историко-статистические сведения... Вып. 9. С. 487.

13 См.: Панченко А. А. Русский культ св. Параскевы Пятницы и почитаемые камни Новгородской земли // Ладожский Дивинец. Вып. I

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(25\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Монеты](#)

Монеты из драгоценных металлов от 1 грамма до 5 килограммов

[Адрес и телефон](#) · mezmat.ru · Москва

[Интернет-аукцион AUCTION.UA](#)

Рай для коллекционеров! Нумизматика, филателия и другое. Уникальные лоты.
auction.ua

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

9/95

Типология и датировка полушек 16-17 веков с надписью «государь»

Светлой Памяти друга юности этнографа Александра Ивановича Пики, трагически погибшего на Чукотке в сентябре 1995 г., посвящается

П. Г. Гайдуков

Среди всех русских полушек XVI—XVII вв. стилистическим единообразием в оформлении заметно выделяются полушки с изображением птички на одной стороне и надписью «государь», выполненной вязью, — на другой. К осени 1995 г. мне было известно о 1681 подобной монете, которые по штемпелям разделяются на восемь типов. Почти все монеты осмотрены и взвешены автором. Они происходят из беспаспортных музейных коллекций, кладовых комплексов, а также единичных находок из сборов в разных средневековых городах по берегам рек. В задачи настоящей статьи входит введение в научный оборот всех этих полушек, а также попытка на имеющемся материале датировки чеканки отдельных типов монет.

Привожу описание типов полушек. Прорисовки монет, выполненные художником С. А. Колгановой по фотографиям с увеличением в 2 раза, помещены на прилагаемой таблице. Номера на таблице и в описании совпадают.



Тип 1. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок.

О. с. Надпись ГОСДАРЬ вязью; в конце надписи стоит точка; над надписью титло; вокруг линейный ободок.

610 экз. Средний вес 0,155 г (по 546 экз.).

Тип 2. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок.

О. с. Надпись ГОСДАРЬ вязью; над надписью титло; вокруг линейный ободок.

161 экз. Средний вес 0,15 г (по 158 экз.).

Тип 3. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве цветок.

О. с. Надпись ГОСДАРЬ вязью; над надписью титло; вокруг точечно-линейный ободок.

17 экз. Средний вес 0,15 г (по 13 экз.).

Тип 4. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве цветок. б. с. Надпись ГОСДАРЬ вязью; над надписью титло. 3 экз. Средний вес 0,12 г.

Тип 5. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве неопределенный предмет.

О. с. Тот же штемпель, что и в типе 4. 6 экз. Средний вес 0,11 г.

Тип 6. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями.

О. с. Надпись ГДРЬ вязью; в конце надписи стоит точка; над надписью выносное С и титло.

61 экз. Средний вес 0,15 г. Тип 7. Л. с. Тот же штемпель, что и в типе 6.

О. с. Надпись ГДРЬ вязью; в конце надписи стоит точка; над надписью титло.

112 экз. Средний вес 0,12 г.

Тип 8. Л. с. Птица вправо с распростертыми крыльями.

О. с. Тот же штемпель, что и в типе 7.

711 экз. Средний вес 0,12 г (по 580 экз.).

Из всех описанных монет опубликованы лишь полушки первого, шестого и восьмого типов. Причем хорошо известны лишь полушки типа 1.

Впервые подобная монета была опубликована еще в 1834 г. основоположником средневековой русской нумизматики А. Д. Чертковым¹. В более позднее время эта полушка описывалась во всех нумизматических каталогах². Датировали ее нумизматы по-разному: И. П. Сахаров, Д. П. Сонцов и С. И. Шодуар отнесли такую полушку к правлению Ивана III (1462—1505), А. В. Орешников описал ее среди безымянных монет времени Ивана III и Василия Ивановича (1462—1533), Э. К Гуттен-Чапский и Ф. Ф. Шуберт относили ее ко времени Ивана IV, как великого князя (1533—1547). А. Д. Чертков склонен был датировать эту полушку временем до 1547 г., а Я. Я- Рейхель вообще не датировал ее, поместив в раздел с описанием монет без имени великого князя. В 1911 г. С. И. Чижов посвятил этим полушкам отдельную заметку³. Он подробно разобрал историографию вопроса, привлек для исследования вес монет из своего собрания (8 экз.) и из собрания Исторического музея (9 экз.), а также проанализировал рисунок из книги А. Олгария с изображением нескольких русских монет XVI—XVII вв. (в том числе и двух полушек). В результате проведенного исследования С. И. Чижов пришел к выводу о том, что рассматриваемые монеты изготавливались во время правления Ивана IV, как великого князя (1535—1547). В 1950 г. эти полушки были проанализированы Г. Б. Федоровым, который также как и С. И. Чижов датировал их 1535—1547 гг.⁴ С такой датировкой согласился И. Г. Спасский⁵. В более позднее время А. С. Мельникова на основе анализа состава кладов монет царя Ивана IV выпуск полушек с монограммой «государь» отнесла к самому началу проведения денежной реформы Елены Глинской, т. е. к 1535 г.⁶

Фото полушки типа 6 (без описания) впервые было опубликовано В. Н. Рябцевичем в 1993 г. Без всякого обоснования эта монета была отнесена ко времени в. к. Ивана IV (1533—1547)⁷.

Фото полушки типа 8 (без описания) впервые было опубликовано В. "Л. Яниным в 1978 г. В подписи эта монета отнесена к правлению Михаила Федоровича (1613-1645) и датирована 1626—1645 гг.⁸ В 1989 г. в фундаментальном исследовании русских монет XVI—XVII вв.

А. С. Мельникова на основании анализа состава клада монет из Костромы, датирующегося 30-ми годами XVII в. и содержащего в своем составе 943 полушки разных типов (см. Приложение, клад № 13), пришла к выводу о том, что полушки типа 8 относятся ко времени Михаила Федоровича и чеканились в Москве⁹.

Большинство полушек изготавливалось, вероятно, в Москве. Лишь для монет типов 3—5 есть некоторые данные, которые позволяют ставить вопрос об их чеканке на Псковском денежном дворе.

Для определения времени изготовления описанных выше полушек никакой информации невозможно получить от беспаспортных музейных коллекций, а также от коллекций единичных находок, собранных в городах по берегам рек. В хронологии их чеканки и обращения помогают разобраться только клады.

Летом 1995 г. мне было известно 16 кладов русских монет XVI—XVII вв., в состав которых входят рассматриваемые полушки. Краткие сведения об этих монетных комплексах приведены в Приложении. В 13 кладах полушки удалось осмотреть, сфотографировать и взвесить. В кладе № 11 монета атрибутирована по присланной в письме протирке. Клады № 5 и 15 осмотреть пока не удалось. Все рассматриваемые в настоящей работе полушки, вероятно, есть в грандиозном кладе с Красной площади в Москве № 15). Однако, до его публикации говорить об этом лишь предположительно.

Полушки типа 1 имеются, почти во всех кладах № 11), что свидетельствует об очень долгом их бытовании; Полной неожиданностью оказалось обнаружение этих монет в Смоленском кладе (№ 1), захоронение которого можно отнести к первой трети XVI в. Есть такая же монета и в кладе № 2, датирующимся тем же временем. Вес полушек в этих кладах составляет 0,18—0,19 г. Это обстоятельство позволяет отнести начало их изготовления ко времени правления ц. Василия III (1505—1533). Среди группы монет без имени великого князя времени Ивана III и Василия Ивановича (1462—1533) есть денги, оборотную сторону которых занимает надпись вязью «государь всея Руси»¹⁰. Стилистически вязь на денгах и полушках близка! и эти монеты могли бытовать в одно и то же время. По реформе Елены Глинской штемпели этих полушек, в отличие от всех остальных монет, были оставлены для изготовления тех же привычных населению полушек, но с весом, ориентированным на новую трехрублевую стопу — 0,17 г. О прекращении чеканки полушек типа 1 говорить затруднительно. Вероятно, с большей или меньшей интенсивностью, эти монеты изготавливались на протяжении всего правления ц. Ивана IV (1533—1584). Обращение же их по кладам прослеживается практически на протяжении всего XVII в. — до времени ц. Федора Алексеевича (клад № 16).

Полушки типа 2 есть в четырех кладах (№ 11 — 13, 16). Древнейший клад с одной такой монетой датируется временем Василия Шуйского (1606—1610). Полушка сильно потерта. В кладе из д. Сущево Костромской обл. (№ 12, захоронен в 1614 г.) их насчитывается 13 экз. Все они плохой сохранности. В Костромском кладе (№ 13, захоронен в конце 1630-х гг.) содержится 72 такие монеты. В кладе из с. Выползово Рязанской обл. (№ 16, конец 70-х — начало 80-х гг. XVII в.) этих полушек 4 экз. Средний вес полушек типа 2 составляет 0,15 г. Чеканились они, без всякого сомнения, по трехрублевой стопе. Начало их изготовления следует относить, вероятно, к ц. Федору Ивановичу (1584—1598), поскольку уже в первом кладе времени Василия Шуйского (№ 11) рассматриваемая монета плохой сохранности. Не исключена также возможность чеканки этих полушек и при ц. Борисе Годунове (1598—1605). Судя по кладам, эти монеты, как и полушки типа 1, находились в денежном обращении по крайней мере до начала 1680-х гг.

Полушек типа 3 известно 17 экз. Их средний вес составляет 0,15 г. Чеканились они по трехрублевой стопе. Присутствуют лишь в одном кладе из Костромы (№ 13, захоронен в конце 1630-х гг.), где их насчитывается 4 экз. плохой сохранности. На монетах третьего типа птица держит в клюве цветок. Среди полушек времени ц. Ивана IV с названием города есть псковские полушки с изображением птицы вправо с цветком. В связи с этим можно высказать предположение о том, что монеты третьего типа изготавливались в Пскове. Этому предположению не противоречат как их малочисленность, так и топография находок: одна из них найдена в Пскове, две — в Изборске, две — в Новгороде. Начало изготовления полушек типа 3 следует относить, вероятно, как и предыдущие монеты, к правлению ц. Федора Ивановича (1584—1598).

Монеты типов 4 и 5 следует рассматривать вместе. Это самые редкие монеты. Полушек четвертого типа известно 3 экз., пятого — 6 экз. Они изготовлены при помощи одного штемпеля оборотной и двух штемпелей лицевой стороны. Средний вес составляет 0,12 и 0,11 г., что свидетельствует об их изготовлении уже по четырехрублевой стопе. Датировать чеканку полушек этих типов можно началом правления ц. Михаила Федоровича (1613—1645). Единственный клад (Костромской), в котором есть четыре такие монеты, не противоречит этому (№ 13, захоронен в 1630-х гг.). Птичка на полушках типов 4 и 5, держит в клюве цветок. Вполне возможно, что они, как и монеты типа 3, чеканились в Пскове.

Полушки типа 6 присутствуют в двух кладах. В кладе из д. Сущево (№ 12, захоронен в 1614 г.) есть 13 таких монет очень хорошей сохранности. В Костромском кладе (№ 13, захоронен в 1630-х гг.) подобных монет насчитывается 39 экз. Значительная часть их сильно потерта. Средний вес 61 монеты этого типа равен 0,15 г. Однако график весовой диаграммы дает двувосходящую кривую: наряду с основным пиком в 0,16 г (23 монеты) есть небольшой пик с весом 0,12 г (6 монет). Если в будущем, с накоплением нового материала, монет с весом 0,12 г прибавится, то можно будет с уверенностью говорить о том, что рассматриваемые полушки начали чеканить по трехрублевой стопе, а продолжили — по четырехрублевой. Пока же следует ограничиться констатацией того, что основная масса этих монет была изготовлена с уставным весом 0,17 г. Судя по Суцевскому кладу, начало чеканки полушек шестого типа следует относить ко времени правления ц. Василия Шуйского (1606—1610). Вполне возможно, что при ц. Михаиле Федоровиче чеканка полушек этими штемпелями была продолжена.

Полушки типа 7 есть только в Костромском кладе (№ 13, захоронен в 1630-х гг.), где их насчитывается ПО экз. Сохранность монет разная: есть и новые, и сильно потертые. Их средний вес составляет 0,12 г. Лицевая сторона этих монет изготовлена штемпелем полушки типа 6, а оборотная — новым штемпелем. Все это свидетельствует о том, что чеканка полушек типа 7 началась после выпуска полушек типа 6 и производилась по норме четырехрублевой стопы. С уверенностью эти полушки можно датировать началом правления царя Михаила Федоровича.

Полушки типа 8 имеются в двух кладах. В Костромском кладе (№ 13, захоронен в 1630-х гг.) таких полушек насчитывается 618 экз., в кладе из с. Выползово Рязанской обл. (№ 16, конец 70-х — начало 80-х гг. XVII в.) — 57 экз. Их средний вес составляет 0,12 г. Лицевая сторона этих монет изготовлена новым штемпелем, а оборотная — штемпелем для полушек типа 7. Изготавливались они в более позднее время, чем полушки типа 7. Вполне возможно, что выпуск полушек типа 8 был начат после 1626 г. в связи с переходом к новой монетной стопе: чеканке 425 копеек из гривенки серебра. Однако метрологически этот тезис пока никак не подтвержден: средний вес обеих монет составляет 0,12 г. В денежном обращении эти монеты находились, вероятно, до конца XVII в.

Итак, выше были подробно рассмотрены все типы полушек с надписью «государь» и предпринята первая попытка датировки их выпусков. Следует признать, что для некоторых монет имеется слишком мало материала и эти датировки пока надо считать предварительными. Дальнейшее выявление кладов с полушками, хранящихся в различных музеях России, а также публикация состава полушек в грандиозном кладе с Красной площади в Москве (клад № 15), позволит уточнить и конкретизировать датировки, предложенные в этой работе.

1 Чертков А. Д. Описание древних русских монет. М., 1834. С. 66, № 135, табл. VII, рис. 8.

2 Шодуар С. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Ч. П. СПб., 1841. С. 32. № 199; Шодуар С. Обзорение русских денег... Собрание изображений. СПб., 1837. Табл. II, 3, рис. 11; Reichel J. Die Reichelsche Muenzsammlung in St.-Petersburg. Th. I. Russland. SPb., 1842. S. 19. №398—406; Сахаров И. Летопись русской нумизматики: Отделение первое. СПб., 1842 С. 62. № 163; Шуберт Ф. Ф. Описание русских монет и медалей. Ч. I. СПб., 1843. С. 81. № 332; Сонцов Д. Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные. М., 1860. С. 96. № 116; Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. СПб., 1875. С. 117. № 542; Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 128. № 686. Табл. XI, рис. 533.

3 Чижов С. Серебряные полушки с надписями «царь» и «государь» // Нумизматический сборник. Т. I. М., 1911. С. 389—391.

4 Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. // Известия АН СССР: Серия истории и философии. Т. VII. № 5 М., 1950. С. 554—556.

6 Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г.: Историко-нумизматическое исследование // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. (МИЛ, IV» 44). М., 1955. С. 291. Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533—1598) // НЭ. Т. XIII. М., 1980. С. 86, 104. Табл. VIII, 1; Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М., 1989. С. 25, 26. Т. 3. а.

7 Рабцэ в іq В. Н. Палушка // Археалопя І нуашматыка Беларуска-сі: Энцыклапедыя. Мінск, 1993. С. 479: ил.

8 Янин В. Л. Краткий очерк истории русской денежной системы до конца XVII в. // Дьячков А. Н., Уздепнкон В. В. Монеты России и СССР. М., 1978. С. 49. Рис. 21 : 10.

9 Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного... С. 164. Табл. прорисей 9, А-А.

10 Орешников А. В. Русские монеты... С. 128. № 682, 683. Табл. XI, рис. 529, 530; Чижов С. И. Азбаский клад. М., 1911. С. 39. №107, рис. 11. С. 41. № 118, рис. 12.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

Вся библиотека >>>

Оглавление книги >>>

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Данные о системе земледелия культуры Смоленско-Полоцких длинных курганов

В. С. Нефедов

Проблема реконструкции систем земледелия раннесредневековых этнокультурных общностей Восточной Европы в последнее время стала одной из наиболее актуальных в славяно-русской археологии. Приходится, однако, констатировать, что на фоне достаточно хорошей изученности систем земледелия культур VIII—X вв. северо-запада и лесостепной зоны Восточной Европы культура смоленско-полоцких длинных курганов (КСДК) по сей день остается обширным белым пятном, отчасти потому, что археологические источники по этой проблеме отсутствуют практически полностью. Между тем в результате целой серии комплексных исследований средневекового сельского расселения была доказана тесная и закономерная связь систем хозяйства древних социумов с размещением оставленных ими археологических памятников в строго определенных типах ландшафтов.¹

Целью настоящей работы является реконструкция системы земледелия КСДК на основе изучения почвенно-ландшафтной приуроченности памятников этой археологической культуры в восточной части ее основного ареала — в Смоленском Поднепровье и Подвинье.

Интересующий нас регион подразделяется на две основные ландшафтные зоны. Западная часть Днепро-Двинского междуречья характеризуется ярко выраженными гляциальными и перегляциальными ландшафтами краевых образований максимального этапа валдайского оледенения, типичными для всего северо-запада Восточной Европы. Большую часть бассейнов Каспли и Березины, а также

поречье Западной Двины занимают пониженные песчано-супесчаные занд-ровые равнины, на которых распространены малопродуктивные ржавоземные почвы. В области моренных образований, особенно на конечной морене (в целом более легкой и разнообразной по механическому составу, чем равнинная), часто встречаются дерново-карбонатные почвы, отличающиеся высоким плодородием. Местами морена перекрыта лессовидными суглинками небольшой мощности, которые не образуют сплошной чехол, а залегают спорадически.

Основная часть Смоленского Поднепровья (Смоленская и Духовщинская возвышенности) представляет собой высокую моренную равнину московского оледенения, покрытую мощными отложениями карбонатных лессовидных суглинков и перерезанную хорошо разработанными, богатыми долинами крупных рек, в первую очередь Днепра и Вопи. По краям равнины лессовидные суглинки имеют легкий, а в центре — средний механический состав. Сложенные на них почвы, хотя и содержат обычно подзольный горизонт, в целом более плодородны, чем почвы, сложенные на морене. Междуречье Вихры и Хмары занимает Смоленско-Починковское ополье. Покровные суглинки здесь в основном легкие, а ландшафты близки пойменным, что связано с их генезисом. Почвы ополья имеют второй гумусовый горизонт — реликтовую луговую дерново-карбонатную почву, и отличаются повышенной биопродуктивностью, особенно в начале их сельскохозяйственного освоения. Кроме того, к югу от Днепра и к западу от Сожа в некоторых местах имеются поверхностные выходы известковых осадочных пород, на которых развиты выщелоченные перегнойно-карбонатные почвы.

Общие закономерности почвенно-ландшафтной приуроченности памятников КСДК отражены на рис. 1. Нетрудно заметить, что поселения и курганы КСДК в основном располагаются: а) на валдайской конечной морене и подстилаемых ею маломощных лессовидных суглинках. При этом памятники тяготеют к краям конечноморенных гряд, где обычно аккумулируется наиболее легкий материал — от опесчаненных суглинков до легких супесей; б) в долинах крупных рек, покрытых аллювиальными отложениями; в) на территории Смоленско-Починковского ополья. По меньшей мере 3 из находящихся здесь памятников (Боровая, Цурковка, Кушляница) точно приурочены к островкам перегнойно-карбонатных почв. В перечисленных почвенно-ландшафтных условиях находятся 85% памятников КСДК. Остальные размещены на периферии ареала мощных лессовидных суглинков (9%) и во флювиогляциальных ландшафтах, но преимущественно по краям водно-ледниковых равнин (6%).

Между прочим, приведенные данные объясняют отсутствие курганов КСДК в окрестностях Полоцка, центра западной ветви смоленско-полоцких кривичей. Это обстоятельство не раз вызывало недоумение исследователей. 2 «Белое пятно» вокруг Полоцка совпадает с территорией озерно-ледниковой равнины с песчано-супесчаными почвами (восточная часть Полоцкого ледникового озера). Как выясняется, такие условия были неприемлемы для носителей КСДК. Полоцк, следовательно, выпадает из системы сельского расселения конца I тыс.

Данные о почвенно-ландшафтной приуроченности памятников КСДК могут быть существенно дополнены анализом их локальной топографии (размещения по отношению к водоемам), которой уже уделялось внимание в литературе. 3 Необходимо, однако, внести в эти представления некоторые количественные показатели.

Прежде всего следует отметить, что топография поселений и курганов КСДК абсолютно одинакова. Примерно 60% из них находятся ниже 4 м, а подавляющее большинство остальных — не выше 6 м от водного источника, т. е. в поймах и на низких надпойменных террасах. Исключение составляют памятники, расположенные на правом берегу Днепра, где пойма очень высокая (около 10 м). Примечательно, что более половины памятников, расположенных на территории ополья, занимают относительно высокие берега рек (выше 4 м), что в целом для культуры не характерно. Кроме того, около 70% поселений и курганов КСДК находятся на теплых склонах берегов рек и озер, т. е. на склонах южной или восточной экспозиции. Несомненную важность представляет также степень компактности поселенческих комплексов КСДК, комплексов типа «поселение—могильник». В 8 случаях из 11, о которых имеются соответствующие данные, расстояние между поселениями и курганами составляет менее 100 м, обычно курганы находятся практически на краю селищ. Подведем некоторые итоги. Весьма жесткая приуроченность памятников КСДК к легким и плодородным супесчано-суглинистым, часто карбонатным и в особенности аллювиальным и близким им почвам определенно свидетельствует о наличии у носителей этой культуры пашенного земледелия. Именно такие почвы издавна причислялись к разряду «лучших» и «хороших». 4 Сделанный нами вывод подтверждается также совпадением почвенно-ландшафтных условий, в которых селились смоленско-полоцкие кривичи и носители ряда синхронных культур Восточной Европы (роменской, сопок, могильников Латгалии), несомненно обладавших пашенным земледелием. Об этом говорят хотя бы находки на их памятниках железных наконечников пахотных орудий. 5 Вместе с тем, отсутствие памятников КСДК на средних и тяжелых суглинистых почвах и относительно редкое их расположение на высоких террасах и коренных берегах рек и озер, где почвы обычно тяжелее, чем в поймах и на низких террасах, и к тому же изобилуют корнями деревьев, может говорить о том, что носители этой культуры не использовали пахотные орудия с железными наконечниками.

Важными аргументами в пользу наличия у смоленско-полоцких кривичей пашенного земледелия служат также компактность их поселенческих комплексов и расположена.. последних на теплых пологих склонах пойм и надпойменных террас, что очень существенно для продуктивности пахотных угодий и пастбищ. Напрашивается вывод о том, что каждый коллектив носителей КСДК осваивал крайне ограниченную по площади, но удобную для сельскохозяйственной деятельности территорию, когда поля и другие угодья располагались в непосредственной близости от поселения, в тех же или близких топографических условиях. Кроме того, преимущественное освоение пойм косвенно подтверждает значительный удельный вес скотоводства в хозяйстве кривичей. Прямым же доказательством этого

является частая встречаемость остатков кремации коня в мужских погребениях КСДК.6 Общеизвестно, что развитие скотоводства сопровождало в лесной зоне переход к пашенному земледелию.7

Приведенные нами данные позволяют говорить о том, что носители КСДК практиковали архаичную, экстенсивную форму пашенного земледелия. Это подтверждают, во-первых, различия в топографии памятников КСДК и таких археологических культур, как роменская и Луки-Райковецкой, а также большинства древнерусских памятников XI—XIII вв. Все они обычно расположены довольно высоко от воды. Вероятно, это связано как с возможностью распашки больших площадей на высоких террасах и коренных берегах рек, что достигается благодаря применению пахотных орудий с железными наконечниками, так и с частичным выходом пойм из сельскохозяйственного употребления в результате использования систем севооборота. Во-вторых, следует обратить внимание на явную недолговременность поселений КСДК, культурный слой которых практически не прослеживается, а также на небольшие размеры курганных групп, в основном насчитывающих не более 15 насыпей с 1—4 погребениями в каждой. Складывается впечатление, что оседлость коллективов кривичей в VIII—X вв. была неполной, а это, конечно, невозможно при интенсивных системах землепользования. Не противоречит сказанное и общим представлениям о развитии хозяйства в лесной зоне Восточной Европы, согласно которым паровая система земледелия проникает туда не ранее рубежа I и II тыс.8

По-видимому, подсечно-огневое земледелие не играло важной роли в хозяйстве носителей КСДК. По крайней мере не оно диктовало выбор ими мест для поселений. Нельзя не учитывать и тот факт, что почти все памятники КСДК находятся на месте селищ культуры типа Тушемли-Банцеровщины. Если опереться на предложенные варианты ее верхней даты (VII, VIII и даже IX в.), то придется признать либо отсутствие, либо небольшую продолжительность перерыва в освоении одних и тех же урочищ тушемлиноким и длиннокурганным населением. Поэтому следует, видимо, согласиться: точкой зрения Е. А. Шмидта о том, что носители КСДК продолжали использование угодий, которые были первоначально расчищены от леса в предшествующий период.9 Таким образом, роль сведения лесов (тем более, первичных) представляется несущественной при освоении коллективами кривичей территорий своих поселенческих и хозяйственных комплексов. Вероятно, их привлекали луговые ландшафты, которые могли быть приспособлены для сельскохозяйственных НУЖД при наименьшей затрате сил.

На основании изложенного земледелие смоленско-полоцких кривичей VIII—X вв. можно в целом охарактеризовать как пашенное в форме лугового перелога. Расселение коллективов носителей КСДК в пограничных ландшафтных зонах и в хорошо разработанных долинах рек, концентрация их жизнедеятельности преимущественно в низкой части речных долин и озерных котловин на аллювиальных и делювиальных почвах давали им широкие возможности выбора оптимальных ландшафтных и микроклиматических условий для организации небольших по площади пашей, огородов и пастбищ.

В современных климатических и гидрологических условиях поймы и низкие террасы даже в летнее время отличаются слабой дренированностью, а весной многие памятники КСДК и окружающие их урочища заливаются половодьем. Однако в раннем средневековье, когда междуречные равнины были сплошь покрыты лесом, дренированность пониженных элементов долинного рельефа была гораздо лучшей. Еще более важно, что время существования КСДК приходится на наиболее сухой период малого климатического оптимума. Палинологические исследования верхней части эталонных для центра Русской равнины торфяных отложений Половецко-Купанского болота показали, что в VIII—X вв. в лесной зоне Восточной Европы среднегодовые температуры превышали современные до 1,5°, а среднегодовое количество осадков упало до 50 мм ниже современного.10 Важным доказательством низкой увлажненности в этот период является значительное падение уровня Каспийского моря — на 4 м за VIII—IX вв.11 Несомненно, что в период существования КСДК часть нынешних пойм (особенно высокие поймы) функционировала в режиме первых подпойменных террас, другие же, если и затопливались, то, видимо, не полностью и нерегулярно. Процесс почвообразования в поймах преобладал над осадконакоплением, что подтверждают, например, палеопочвенные исследования в Курском Посемье.12 Таким образом, возникновение и эффективное функционирование системы земледелия КСДК стало возможным во многом благодаря оптимальным климатическим условиям последней четверти I тыс., которые благоприятствовали освоению высокопродуктивных и открытых пойменных ландшафтов.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiqnuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника

К. А. Михайлов

В 1968 г. Староладожским отрядом ЛОИА под руководством Г. Ф. Корзухиной в урочище Плакун в Старой Ладозе было исследовано погребение в кургане № 11. Предварительную публикацию этих раскопок Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан осуществили в 1969 г., а в 1985 г. В. А. Назаренко опубликовал его полностью вместе с другими захоронениями скандинавского некрополя на Плакуне. 1

Погребение в кургане № 11 совершено в дощатом гробовище длиной 2,15 м, шириной 0,95 м, высотой 0,35—0,40 м. Ориентированное по оси СЗ-ЮВ, гробовище находилось в яме размерами 2,8X1.75X0,7 м, дно которой было выстлано берестой. Пространство между стенками ямы и гробовищем заполнено бревнами. В. А. Назаренко считает, что сверху яма была перекрыта частью борта ладьи или настилом из досок. В пользу этого предположения свидетельствовали обнаруженные на уровне погребенной почвы до 40 заклепок, гвоздей и их обломков, а также фрагменты горелого дерева. Вероятно, именно на этом настиле находились обломки каменных плит и булыжники. Со временем настил вместе с камнями рухнул в камеру. На дне гробовища находились остатки мужского костяка. Умерший (60—70 лет) лежал головой на северо-запад. В его ногах обнаружена часть деревянного корытца и стенка берестяной коробочки. К инвентарю погребения можно отнести и найденный в заполнении могильной ямы фрагмент деревянного блюда или чаши. Справа от погребенного, видимо, лежали какие-то металлические предметы, так как с этой стороны зафиксировали окислы железа и бронзы. Повсюду в гробовище находились остатки органики, среди которых определили войлок и мех. 2

По мнению Н. Б. Черных, время роста и время рубки бревен из кургана падает на тот же хронологический период, что и бревен из постройки горизонта E1 Староладожского Земляного Городища. Этот горизонт она датировала началом 60-х гг. — концом IX в. В. А. Назаренко дает еще более узкую дату для этого погребения — 880—900 гг., ссылаясь на ту же Н. Б. Черных.⁴

В первой публикации Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан отметили, что тип погребального сооружения кургана № 11 — гробовище в камере, заваленное бревнами и камнями, с остатками сожженной ладьи или корабельных досок над крышей, необычен для Приладожья.⁵ В. А. Назаренко повторил это определение. Опираясь на исследования Г. Ф. Корзухиной, Г. С. Лебедева, на материалах могильника Бирка, выделил даже особый тип погребений в камере с гробовищем (тип 4, тип E или камеры типа «плакун»). В Бирке он обнаружил пять подобных погребений: 838, 842, 854, 861 и 1154. Все они, по мнению Г. С. Лебедева, обнаруживают сходство с погребением на Плакуне и для всех их характерна конструктивная особенность — двойная погребальная конструкция (гробовище в камере), когда пространство между стенками погребального сооружения и ямы заполнено камнями или бревнами. Захоронения этого типа Г. С. Лебедев считает результатом усложнения первоначальной конструкции погребальных камер, продуктом эволюции данного типа скандинавского погребального обряда. Он также связывает их появление с формированием новой господствующей социальной группы — «королевской дружины».⁷

Этим практически исчерпываются научные изыскания по данному вопросу. Представляется, что исследователями далеко не полностью использованы возможности интерпретации материалов плакунской камеры. Действенным может оказаться обращение к работам скандинавских исследователей. Так, в публикации Х. Арбмана «Бирка», у пяти вышеназванных погребений не обнаруживаются те черты, которые так характерны для плакунской камеры. Все пять камер, перечисленные Г. С. Лебедевым, имеют достаточно обычную конструкцию со стенками из досок и только погребение № 842 являлось камерой с захоронением коня на специальной приступке.⁸ Для всех этих камер, как и для многих других, характерны несколько большие размеры могильной ямы по сравнению с размерами деревянных деталей самой камеры (например, в погребении № 838 Бирки размеры ямы — 3,65X1,8 м, а камеры — 2,5X1,5 м), но ни в одном из этих погребальных сооружений гроб не зафиксирован. Погребенные были положены прямо на пол камерных гробниц. В захоронениях № 842, 838, 861 между стенками камеры и ямы зафиксировали несколько камней. Однако Х. Арбман не упоминает ни одного погребения в камере с гробовищем среди захоронений Бирки. Современная шведская исследовательница А.-С. Греслунд прямо пишет, что среди камер Бирки нет погребений с гробовищем.⁹ Единственный случай, который она упоминает, — это погребение № 605, где в камеру, через какое-то время после ее сооружения, было «впущено» вторичное захоронение в гробу.¹⁰ Таким образом, в могильнике Бирка нет захоронений по обряду погребения близких к кургану № 11 Плакуна.

Все известные мне погребения в камерах с гробовищем, аналогичные плакунскому, происходят с территории Дании и Шлезвиг-Гольштейна. Всего известно 12 достоверных погребений из 9 могильников эпохи викингов (рис. 1).¹¹ Большая часть этих захоронений сосредоточена в южной части Ютландского полуострова, в районе Хедебю (Хедебю, камеры VI и VIII; Сюдербараруп, камера IV, Тумби-Бенебек, камеры 7, 19, 21, 51, 54А; Трёхеде, погр. № 227),¹² это скопление камер является как самым компактным и многочисленным, так и самым ранним среди памятников этого типа в Дании. Большинство погребений южной группы датируются концом IX — началом или первой половиной X в. Вторая группа этих захоронений выделяется на севере Дании и датируется 970/971 г. (Маммен) или концом X в. (Хёрни:г).¹³ Все погребения этого типа объединяет конструкция погребального сооружения, обряд захоронения, общий регион распространения и единый хронологический период. Во всех зафиксированы погребения по обряду труположения в камере с гробовищем. В ряде случаев роль гробовища выполнял тележный кузов, скрепленный ладейными заклепками (камеры могильника Тумби-Бенебек, камера в Хёрнин-ге). Все погребения этого типа, с некоторыми отклонениями, ориентированы по оси восток-запад.

Как пример подобного захоронения, можно привести погребение в Хёрнингкирке, где под курганом диаметром около 20 м находилась камера размерами 1,6X2,6 м, сооруженная из вертикально поставленных досок. В камере находился тележный кузов, использовавшийся вместо гроба (об этом упоминают сами исследователи погребения).¹⁴ В кузове, по оси В-3, головой на запад лежали останки умершей. В ногах у погребенной женщины, на полу камеры, были поставлены деревянное ведро, бронзовая миска, деревянный столик. Вместе с погребенной обнаружили несколько стеклянных бусин и остатки серебряного шитья.



Рис 1 Датские могильники эпохи викингов с погребениями в камерах с гробовищем

1. Haithabu; 2. Sudebrarup; 3. Ihumby-Bienebek; 4. rPTraehedeV 5 Grimstrup; 6. Esbjerg; 7. Mammen; 8. Hoving kirbe; 9. Rosenlund).

Можно также добавить, что с Южной Скандинавией пла-кунский курган связывает и такая специфическая деталь погребального обряда, как разведение на крыше камеры ритуального костра после предания земле тела умершего. Подобная деталь обряда была зафиксирована в камерных захоронениях датского острова Лангелан.¹⁸ Видимо, на связи с тем же южноскандинавским регионом указывает находка в кургане № 7 Плакуна так называемого «фризского* кувшина. Подобные сосуды распространялись из района Нижнего Рейна (Фрисландия) и бытовали в IX в. в Северной Германии, Дании, Южной Норвегии и Бирке, тесно связанной с фризской торговлей и франкским государством.¹⁷

Следует отметить, что определенные аналогии обряду плакунской камеры существуют и в восточно-европейских могильниках эпохи викингов. Так, в кургане № 100 Тиме-ревского некрополя зафиксировали обгоревшие бэлки перекрытия, рухнувшие на пол камеры, что свидетельствует о костре, горевшем на крыше только что воздвигнутой камеры.¹⁸ Камера Ц-171 гнездовского могильника особо отмечена в работе Ю. Э. Жарнова в связи с необычным для Гнез-дова сочетанием гроба, сбитого 30 гвоздями, содержавшего останки женщины, и камеры столбовой конструкции, в которую гроб был помещен.¹⁹ Исследователь обратил внимание и на некоторые датские параллели этому погребению. Известно также, что перед сооружением камеры в некоторых гнездовских курганах разводился костер, а затем в прогоревшее кострище «впускалась» могильная яма.²⁰ Однако более прямых и многочисленных аналогий, чем в Дании, плакунская камера пока не имеет.

По по1воду происхождения этого характерного обряда можно сказать не много. Погребения, по конструкции напоминающие датские камеры с гробоищем, известны у германцев и датируются VI—VIII вв. Некоторые исследователи связывают их появление у скандинавов с франкским влиянием. Так, М. Мюллер-Вилле относит эти камеры к захоронениям христианизирующейся германской аристократии и как примеры приводит погребения из могильников Моркен и Бекум.²¹ В связи с этим следует вспомнить мнение Т. Арне и Х. Арбмана о происхождении обряда погребения в камерах из среды германских племен, связанных с Империей франков.²² Эта точка зрения на появление камерных гробниц в Скандинавии эпохи викингов находит подтверждение в работах М. Мюллер-Вилле и А.-С. Грёслунд. Они виШут об аналогиях скандинавским камерам в могильниках аллема-нов, франков, тюрвнгов.²³ Следует отметить, что в самой Дании интересующий нас погребальный обряд фиксируется в первую очередь в Южной Ютландии в

районе Хедебю на пограничной с Каролингской Империей территории. Т. е. именно там, где Империя, судя по сведениям письменных источников, наиболее активно контактировала со скандинавским миром.²⁴ Характерно и то, что погребения в камерах с гробовищем не имеется в Дании предшествующей традиции подобных захоронений. Эти захоронения появляются в Ютландии в уже сложившемся виде, существуют в пределах одного столетия и почти «е претерпевают каких-либо изменений.

Вполне вероятно предположение о появлении этого обряда в связи с началом христианизации датчан. Первые опыты крещения скандинавов связаны именно с районом Южной Ютландии. Можно вспомнить о крещении в IX в. конунгов Хедебю, Рорика Фрисландского и ряда представителей рода Скиолдунгов.²⁵ На определенное христианское влияние в данных погребениях указывает как помещение умерших в гроб, ориентировка могил по оси восток-запад, так и наличие свечей в Маммене и серебряного крестика в женском погребении № 21 могильника Тумби-Бенибек.²⁶ О том, что погребенные в Маммене и Хёрнинге являлись христианами, по мнению датских исследователей, свидетельствуют их даты. Первое продатировали по дендроматериалам зимой 970/71 гг., а второе — концом X в.²⁷ Т. е. они оба были сооружены уже после официального крещения Дании, которое состоялось в 960-е гг.²⁸

Также можно добавить и то, что скандинавские исследователи склонны интерпретировать все камеры, в том числе и с гробовищем, как захоронения представителей высших слоев скандинавского общества эпохи викингов.²⁹ Это относится как к бесспорно не рядовым погребениям Мам-мена, Розенлунда и Хёрнинга, так и к таким, как плакунская, небольшим и малоинвентарным камерам.

Если резюмировать все вышеизложенное, то с плакунской камере можно сказать следующее:

южноскандинавское происхождение камеры, в связи с уже сказанным, кажется мне наиболее вероятным; вполне вероятным также являются как достаточно высокий социальный статус погребенного, так и принадлежность его самого или его окружения к христианской общине.

Зная, что наиболее ранние погребения плакунского типа появляются в конце IX в. в южной Дании, можно предположить, что погребенный на Плакуне мужчина прибыл в Ладугу именно из этого региона. В связи с этим возникают вполне определенные исторические параллели. Регион распространения камер типа «плакун» — Южная Ютландия и датировка (достаточно спорная) плакунской камеры — 880—900 гг. заставляют вспомнить существующую в историографии точку зрения о тождественности Рюрика Новгородского и Рорика Фрисландского (Ютландского). Было бы заманчиво увидеть в погребенном на Плакуне если не самого Рюрика, то хотя бы одного из его спутников (последнего мнения придерживается В. А. Назаренко). Но это предположение пока не имеет достаточных обоснований ни в археологических, ни в исторических материалах.³¹ Плакунская камера свидетельствует только о том, что на рубеже IX—X вв. в Ладуге присутствовала группа скандинавов, имевших представление о специфическом погребальном обряде франкско-датского пограничья. Это в определенной степени коррелирует с мнением о тождестве Рюрика русских летописей с Рориком Фрисландским — конкретной исторической личностью середины — второй половины IX в

1 Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладуги. // АО 1968. М., 1969. С. 16—17; Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун. // Средневековая Ладуга Л., 1985. С. 156, 162, 168.

2 Назаренко В. А. Указ. соч. С. 162, 168; Корзухина Г. Ф. Отчет о раскопке могильника на урочище Плакун. // Архив ИИМК. РАН, ф. 35, оп. 1, №№ 65—69.

3 Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладуги. // Средневековая Ладуга. Л., 1985. С. 78, 80.

4 Назаренко В. А. Указ. соч. С. 165.

5 Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун... С. 17.

6 Лебедев Г. С. 1) Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Канд. дисс. ЛГУ, 1972. С. 175, 189, 190; 2) Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972. С. 15; 3)

Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 186; 4) Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке. И Скандинавский Сборник. № 22. Таллин, 1977, С. 147, 150; 5) Погребальный обряд как источник социологической реконструкции. // КСИА. № 148. М., 1977. С. 25.

20 Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове. // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 209.

21 Muller-Wille M. Royal and aristocratic graves in central and western Europe in the Merovingian period. // Studies the Museum of National Antiquities. Vendel Period Studies Vofl 2. Stocholm, 1983. pp. 112—113.

22 Arbm an H. Schweden und Karolingische Reich. Stockholm, 1937. S. 243; Arne T. J. Skandinavische Holzkammergraber aus der Wikingerzeit in der Ukrain. // Acta Archeologica. Vol. II T. 3 Kobenhavn, 1931. . 285—302.

23 Graslund A.-S. Birka IV... pp. 46; Miiller-Wille M. Royal and aristocratic graves... pp. 301—302.

24 Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. // Скандинавский Сборник. № 7. Таллин, 1963. С. 229—238; Херрман И. Указ. соч. С. 60—61.

25 Ловмянский Г. Указ. соч. С. 231.

26 Iversen M., Nasman U. The contents of Mammen grave. // JASS. t. XXVIII. 1991. p. 65, Fig. 15; Muller-Wille M. Das wikingerzeitliche... // Offa-Bucher. Bd. 36. Neumiinster, 1976. S. 55, Taf. 35, 7; 38, 3.

27 Andersen H. The dendrochronological dating of the grave at Mammen. // JASS. t. XXVIII. 1991. p. 44; Voss O. The Horning grave... JASS. t. XXVIII. 1991. p, 203.

- 28 Iversen M., Na sman U. The contents.. // JASS. t. XXVIII. 1991. pp. 65—66.
29 Gzon O., Krag A. H., Bennke P. Vikingetidsgravpladser... 1994. S. 154—155.
30 Ловмянский Г. Указ. соч. С. 221—250.
31 Дата плакунской камеры была занижена, т. к. внешние годовые кольца у спиля отсутствовали. Погребенный на Плакуне мужчина был захоронен уже после «эпохи Рюрика». Г. Ловмянский считал, что в 70-е гг. IX в. Рорик Фрисландский уже умер и довольно убедительно аргументировал это, основываясь на данных письменных источников.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Европейский интернет-сервис](#)

Товары новые и б/у. Проверь сам. Круглосуточная поддержка.

www.aukro.ru · Москва

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов

www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Горшки с железными обручами в древнерусских погребениях северо-запада

(К вопросу об одном «этноопределяющем признаке»)

В. Я. Конецкий, С. Е. Торопов

Сложение древнерусской народности и ее культуры на Северо-Западе представляло собой сложный процесс, в котором приняли участие различные этнические компоненты. Кроме славян, игравших определяющую роль, в этом участвовали финно-угры, балты и скандинавы. Определение роли и места каждого из этих этносов является одной из актуальнейших задач, стоящих перед исследователями. Особый интерес в этом отношении представляет вклад скандинавов, роль которых из-за идеологического фактора долгое время не могла быть предметом объективного и беспристрастного изучения.

Скудность информации в письменных источниках по теме межэтнических отношений в эпоху раннего Средневековья выдвигает на первый план данные археологии ввиду их массовости и способности отражать региональные особенности этнокультурных процессов. Этнические проблемы применительно к древнерусским погребальным памятникам Северо-Запада поднимались в работах археологов еще в конце XIX века. Но особый интерес к этим темам начал проявляться с 50-х годов нашего столетия после краха «теории стадильности». В работах 50-70-х годов исследователи пытались выделить археологические признаки, характерные для неславянского населения, которые, по их мнению, прежде всего отражались в специфике женских украшений и особенностях погребального обряда. При этом имели место и отдельные критические высказывания, не отрицавшие данного подхода в целом.

Уверенность в неограниченных возможностях археологии в сфере этнических определений базировалась, в конечном счете, на постулате о соответствии археологической культуры и этноса. В ходе дискуссии, развернувшейся в 60—70-е годы по проблемам выделения и интерпретации археологической культуры, стала очевидной неправомерность жесткого соотнесения данных понятий. В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что названные этнические признаки являются отнюдь не равноценными и отражают разные аспекты культурогенеза, который связан с этногенезом, но не тождественен ему.

Так, особенности ориентировки погребенных в отдельных случаях, видимо, могут свидетельствовать об участии автохтонов в формировании конкретных локальных групп древнерусского населения Северо-Запада, но лишь в их происхождении, а не этническом самосознании в XI—XIII вв.

Женские украшения отражают пути формирования культуры, свойственной населению более или менее обширных территорий, и мало что значат для выяснения этнической специфики их конкретных носителей.²

В целом, что касается вещевого инвентаря, следует дифференцировать предметы, которые могут быть объектом торговли, и бытовые вещи, которые изготавливаются для использования внутри определенных коллективов и скорее могут отражать конкретную этнокультурную традицию. В этой связи представляет интерес такая категория находок, как горшки, стянутые под венчиком железными обручами. Их рассмотрению и посвящена данная статья.

По мнению Л. А. Голубевой, появление этих предметов связано со скандинавской традицией приготовления пищи в котлах, подвешиваемых над огнем. «Горшок, окованный по венчику железным обручем, — пишет исследовательница, — употреблялся вместо котла для подвешивания над костром или очагом, что диктовалось условиями кочевой или походной жизни. Найденные первоначально в скандинавских погребениях с трупосожжениями, такие горшки появились и в финских погребениях Юго-Восточного Приладожья, исключительно в захоронениях мужчин».³ Конкретно, Голубева считает этот элемент культуры характерным для племени весь и придает ему значение этнического индикатора.⁴

Действительно, обычай приготовления пищи в котлах был чужд славянам. Но, к сожалению, реальные факты не позволяют согласиться с приведенной интерпретацией рассматриваемой категории предметов.

Количество подобных находок на Северо-Западе относительно невелико. Л. А. Голубева приводит конкретные сведения о погребениях с такими горшками в семи пунктах и вскользь упоминает еще о нескольких находках. Из их числа шесть связаны с Юго-Восточным Приладожьем, несколько отмечено на смежной территории бассейна Шексны и один, наиболее удаленный пункт, — в Тверском Поволжье. Подобное территориальное распределение находок, очевидно, не могло не сказаться на выводах автора. Говоря о причинах такой неравномерности, помимо всего прочего, мы должны учитывать диспропорцию в исследованности различных районов Северо-Запада.

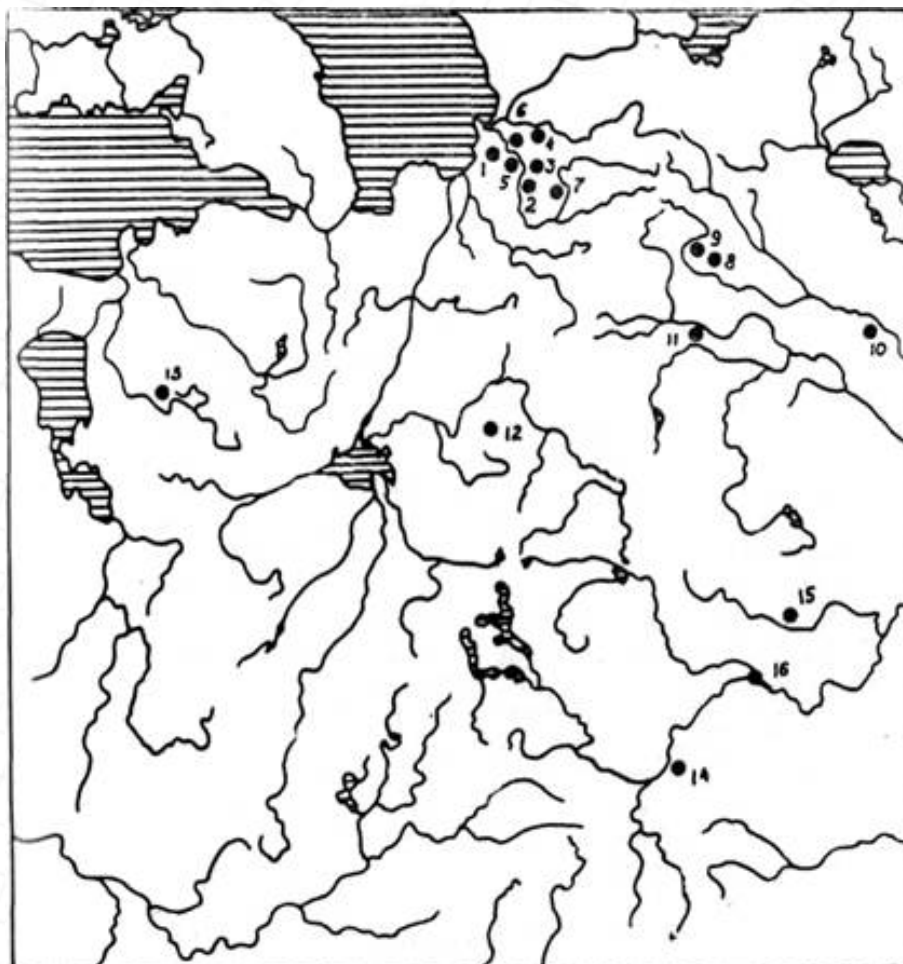


Рис. 1. Карта распространения горшков с железными обручами

1 — Балдино, 2 — Вахрушево, 3 — Леоново, 4 — Мерзино, 5 — Сязне-га, 6 — Новая, 7 — Виногора, 8 — Степанове, 9 — Новинки, 10 — Кривей, 11 — Кабожа, 12 — Заручевье, 13 — Которск, 14 - Бобково, 15 — Посады. 16 — Тверь.

К настоящему времени количество раскопанных в Приладожье древнерусских курганов значительно превышает число исследованных погребальных памятников этого периода на более южных территориях, что в значительной мере связано со спецификой погребального обряда, выразившейся в почти полном отсутствии традиции сооружения курганов в центральных районах Новгородской земли. Тем не менее, за последние годы такие горшки были найдены в погребальных памятниках, расположенных в бассейнах Шексны, Верхней Волги, Меты, Плюссы и Мологи. Кроме того, один экземпляр, происходящий из дореволюционных раскопок курганов в Верхнем Поволжье, был обнаружен в фондах ГИМ. К настоящему времени мы располагаем следующими данными о находках рассматриваемой категории погребального инвентаря:

1. Балдино. Курган 22. Обломки гончарного сосуда и железный обруч «с петлей и крючком на концах» находились на очаге. Погребения не зафиксированы. 5
 2. Вахрушево. Курган 116. Гончарный горшок, стянутый по горлу железным обручем с крючком и петлей на концах и накрытый перевернутой сковородой, находился на очаге в центре кургана вместе с другим очажным инвентарем. Курган содержал пять погребений, из которых одно - труположение, сожжение коня и захоронение трех черепов. По мнению С. И. Кочуркиной, одно из погребений является скандинавским. 6
 3. Леоново. Курган 111. Гончарный горшок, стянутый железным обручем, стоял в ногах костяка. Кроме названного, в насыпи зафиксированы еще два труположения и очаг с бытовым инвентарем. 7
 4. Мерзино. Курган 13. Опрокинутый вверх дном орнаментированный сосуд с железным обручем вокруг шейки стоял вблизи кострища с очажным инвентарем. Кроме того, зафиксированы три могильные ямы без погребений. 8
 5. Сязнига. Курган 1. Гончарный сосуд с железным обручем вокруг шейки находился в ногах женского погребения с височными кольцами и подвесками — монетами. Кроме того, курган содержал еще два мужских погребения и очаг с бытовым инвентарем. Курган 2. Гончарный горшок с обручем на шейке находился на очаге в центре основания кургана вместе с другим бытовым инвентарем. В насыпи обнаружены мужское и женское погребения с богатым инвентарем и гончарными сосудами в ногах. 9
 6. Новая. Курган 2. Гончарный сосуд с железным обручем вокруг шейки находился в южной части насыпи, под дерном. В насыпи — женское погребение с погребальным инвентарем. 10
 7. Виногора. Курган 1. Фрагменты лепной керамики со следами железного обруча встречены в разных частях на сыпи. Сохранились останки трех труположений. Курган 4. Обломки гончарного сосуда со следами обруча обнаружены в различных частях насыпи. В основании кургана зафиксированы останки четырех разрушенных труположений. "
 8. Степанове Курган 8. Лепной горшок с железным обручем был помещен в ногах мужского костяка. 12
 9. Новинки. Лепные горшки с железным обручем по венчику находились в ногах труположений с западной ориентировкой. Погребальный инвентарь содержал височные кольца и серебро-стеклянные бусы. 13 Судя по описанию, речь идет о четырех горшках. 14
 10. Кривец. Лепной горшок с обручем зафиксирован в межкурганном пространстве, рядом с разрушенным женским погребением. Сопровождающий инвентарь: браслетообразные височные кольца, золотостеклянные бусы. 14
 11. Кабожа. Курган 48. Лепной сосуд с железным обручем по венчику стоял в ногах женского костяка. Всего расчищено девять погребений. 15
 12. Заручевье. Грунтовое погребение 4. Развалы двух горшков со следами железных обручей зафиксированы в ногах мужского костяка. 16
 13. Которск. Курган 4/2. Лепной горшок с железным обручем по венчику найден в ногах женского погребения с височными трехбусинными кольцами и золотосеклянными бусинами
 14. Бобково. Курган 92 (25). Горшок с железным обручем находился в ногах мужского костяка. 18
 15. Посады. Курган 2. Гончарный горшок с железным обручем находился в ногах женского (?) погребения. Обруч имел прямоугольное сечение, сохранившийся его конец был оформлен в виде крючка. В нашем каталоге не отражены два пункта, упоминаемые Л. А. Голубевой:
 16. Окрестности г. Тихвина, где А. Колмогоровым в одном из курганов был найден горшок с железным обручем — из-за отсутствия точного описания и привязки.
 17. Костино. В данном случае в комплексе вещей женского трупосожжения было обнаружено разомкнутое «кольцо из железа с крючком и петлей на концах». Однако исследователь ничего не пишет о находках керамики, что не дает возможности однозначно трактовать найденное железное кольцо как обруч от горшка. Таким образом, к настоящему времени нам достоверно известно около двух десятков (минимум 19) сосудов, происходящих из шестнадцати пунктов. Указать более точное число невозможно, так как в некоторых случаях исследователи отмечали факты находок таких горшков, не называя их количество.
- Датировка известных ныне комплексов не выходит за рамки X—XII вв., причем основная их масса, как справедливо отмечает Л. А. Голубева, приходится на XI в. 22 При этом наиболее ранний из них (Вахрушево), содержащий, что следует подчеркнуть, гончарный сосуд,

датируется исследователями X веком.

Что же представляет из себя рассматриваемая категория предметов? Это гончарные или лепные сосуды, единственным отличием которых от обычных горшков является наличие железного обруча под венчиком. Обручи чаще всего имеют плохую сохранность, и их описание, как правило, сводится лишь к констатации факта наличия этой детали. Но даже в тех случаях, когда обручи сохраняются хорошо, авторы раскопок обычно не идут далее краткого упоминания. Исключения составляют лишь Н. Е. Бранденбург, который описал способы соединения этих обручей посредством крючка на одном из концов и петли на другом,²⁴ и А. Н. Хохлов, также отметивший наличие подобного крючка.²⁵ Судя по публикациям, обручи могут иметь различное сечение (круглое, подквадратное или уплощенное). Даже предварительное обращение к фактическому материалу показывает, что эти детали ни коим образом не могли выполнять тех функций, которые приписывает им Л. А. Голубева. Впрочем, исследовательница не утруждает себя аргументацией выводов, указывая лишь на то, что иногда обручи имели петлю или крючок для подвешивания над очагом или костром. Но, как было сказано выше, крючок и петля служили лишь для соединения концов обруча. Если бы обруч применялся для подвешивания, то он должен был иметь, как минимум, еще одну петлю на диаметрально противоположной от места соединения концов стороне.

Против трактовки функционального назначения этих горшков по Голубевой как связанных с кочевым или охотничьим бытом, помимо отмеченных конструктивных особенностей, свидетельствует тот факт, что они встречаются не только в мужских, но и женских погребениях, причем последние даже преобладают.

Применительно к приладожским курганам с очагами их славянская (финская) принадлежность не вызывает сомнения у исследователей. За пределами же Приладожья погребения, содержащие Горшки с обручами, ни по обряду, ни по инвентарю ничем не отличаются от обычных древнерусских, характерных для Северо-Запада. Обычно это погребения в могильных ямах, м in, реже, на горизонте, с горшками в ногах. Таким образом, рассматриваемый элемент культуры связан с различными погребальными традициями и, следовательно, этнической нагрузки не несет. Добавим, кстати, что в Скандинавии подобные находки вообще неизвестны.

Какую же функцию выполняли рассматриваемые железные обручи? На наш взгляд — самую утилитарную. Ими MI или стягивать шейки треснувших горшков, удлиняя тем самым срок их службы. Факты, свидетельствующие в пользу указанной трактовки, отмечались исследователями. Так inприок из кургана у д. Посады, описанный А. Н. Хохловым, имел на тулове «широкую трещину». По его мнению, «возможно, треснувший сосуд был отремонтирован — скреплен по венчику обручем».²⁷ Четко видна трещина и на рисунке горшка из Сязниги.²⁸ Функционально подобный способ ремонта сосудов, с использованием других материалов (бересты), хорошо известен по этнографическим данным в живой традиции буквально до недавнего времени.

Обручи явно могли использоваться и для профилактического укрепления сосудов. Использование бересты именно с такой целью отмечается в этнографической литературе.²⁹ Как указывает Д. К- Зеленин: «Непрочные горшки с трещинами севернорусские оборачивают полосками бересты и называют их молостов, берестень».³⁰

Может возникнуть вопрос: если рассматриваемый элемент носил чисто утилитарный, бытовой характер, то почему он встречается только в составе погребального инвентаря? Ответ здесь очевиден. Находки на поселениях целых сосудов или даже развалов in situ не столь уж массовы. Тем не менее случай фиксации горшка с обручем на поселении известен.

При раскопках на территории Затьмацкого посада в Твери в котловане постройки XII — начала XIII вв. были обнаружены два развала гончарных горшков, на венчике одного из которых зафиксированы остатки обруча.³¹ Помимо вышесказанного, значение данной находки заключается в том, что она происходит из города — среды, где сохранение иноэтнических архаических традиций просто невозможно, что лишний раз подчеркивает правомерность нашей интерпретации.

Таким образом, горшки с железными обручами безусловно не могут рассматриваться как «этноопределяющий» признак. Данная категория предметов представляется отличительным, хотя и не часто встречающимся, культурно-территориальным элементом древнерусской культуры Северо-Запада. Он возник в X веке, в период появления в сельской местности круговой керамики, дорогой и престижной в этот период, и был направлен, в конечном счете, на увеличение срока ее службы. В дальнейшем, как практическое изобретение, железные обручи иногда использовались и для укрепления лепных горшков в районах их массового бытования в XI веке, прежде всего, на востоке Новгородской земли.

И последнее, частное обстоятельство. В археологической литературе такие обручи иногда называются гривнами. Очевидно, причиной этого является ассоциативная связь с фактами находок шейных гривен, свободно одетых на погребальные урны в тех случаях, когда последние имели меньший диаметр. Такие находки отмечены для скандинавских погребений в Бирке и Гнездове.³² Но между собой эти явления никак не могут быть связаны. Рассмотренные обручи, исходя из их облика и конструкции, нельзя отождествлять с хорошо известными шейными гривнами. И кроме того, не было зафиксировано ни одного случая использования горшков с железными обручами в качестве погребальных урн.

1 Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895. Т. 18. С. 153; Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. 1899. Т. 19. С. 6, 37; его же. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. Вып. VIII. С. 318—334; и др.

2 Конецкий В. Я. Об этнической проблематике в исследованиях древнерусских погребальных памятников

Новгородской земли (по материалам Федовского могильника) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 139, 143.

3 Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белоозере в X—XIII вв. М., 1973. С. 49.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Резчик.Ру - профессионалы](#)

Любые резные деревянные изделия на заказ для Вас! Примеры работ на сайте:
www.rezchik.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Новгородские гребни из моржового клыка

Л. И. Смирнова

Наиболее редким и дорогим видом сырья для костерезов древнего Новгорода был клык моржа, или «рыбий зуб», как его тогда называли. В древней Руси морских млекопитающих считали рыбами, эти представления отразились в сказочном образе чудо-юдо рыбы-кота знаменитой ершовской сказки «Конек-горбунок».

Как поделочный материал моржовый клык не уступает бивням слона и мамонта. 1 Клыки моржей добывали охотой в Северном море около Мезеня, у острова Вайгач, у Новой Земли, Мурманского берега, у Шницбергена (Груманта), у устья Печоры. Проникновение новгородцев в эти земли начинается в XI в. В XII—XIII вв. там имелись уже крупнейшие вотчинные владения новгородской знати. В письменных источниках XII—XIII вв. встречаются редкие упоминания о «рыбьем зубе». Ипатьевская летопись под 1160 г. рассказывает о дарах Ростислава Мстиславича Святославу Ольговичу: «И бысть же радость в ть день межю има, и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболями, и горностаими, и черными кунами, и песци, и белыми волки, и рыбьими зубы». 2 Н. Аристов указывал, что еще арабские писатели рассказывали предание о том, что с севера из земли веся и юры привозили в Булгар и затем в Хорезм зубы неизвестных животных, походившие на слоновую кость и продававшиеся по высокой цене. 3 По свидетельству византийского писателя Иоанна Тцетца, жившего в XII в., русская резьба по кости отличалась высокими художественными достоинствами, работу же некоего резчика из «русов» можно было сравнить лишь с резьбой легендарного Дедала. 4

До начала систематического археологического изучения Новгорода считалось, что самые ранние из сохранившихся резных изделий русской работы из моржового клыка относятся к XIV—XV вв. Это главным образом предметы религиозного культа (иконки, кресты, панагиары). Сейчас значительный объем накопленного материала позволяет убедительно говорить о том, что «рыбий зуб» был известен новгородцам по крайней мере с рубежа X—XI вв., что из этого вне всякого сомнения редкого и дорогого материала наряду с исключительными по своим художественным достоинствам вещами, пополнившими сокровищницу произведений средневекового декоративно-прикладного искусства, вырезали и вытачивали огромный ассортимент массовых бытовых изделий. Коллекция бытовых предметов из моржового клыка представлена гребнями и рукоятками ножей, напершиями плетей и пуговицами, копоушками и бусами, игральными костями и фишками, печатями и даже вертлюгами; найденными в напластованиях XI — начала XV вв. Ни в одном другом древнерусском городе нет такого изобилия и такого разнообразия изделий из моржового клыка. По мнению О. В. Овсянникова, до конца XV в. основной продукт беломорского моржового промысла поступал на рынок Новгорода Великого.⁵

Если в слоях XII—XV вв. других древнерусских городов изредка встречаются изделия из моржового клыка, то отходы из этого материала в виде опилок и обрезков находят только в Новгороде. Доля моржового клыка в составе сырья костерезов Новгорода невелика (около 4%)⁶ Однако стоит учитывать, что к такому редкому, дорогому и труднодоступному материалу относились бережно, а значит и отходов «рыбьего зуба» оседало в культурном слое меньше, чем плотного рога и животной кости. Необходимо отметить и тот факт, что клык как исходное сырье костереза практически целиком пригоден к работе, в этом смысле ему уступает даже плотный рог лося, дающий низкий процент «чистых» отходов. Таким образом, доля моржового клыка в составе сырья костерезов средневекового Новгорода в действительности должна быть значительно выше.

В пределах раскопанной части города опилки клыка распределились следующим образом: 1 на Михаило-Архангельском раскопе площадью 656 кв. м (Загородский конец), 3 на Троицких раскопах общей площадью 4556 кв. м (Лю-дин конец), 14 на Неревских раскопах общей площадью 8840 кв. м (Неревский конец) и 19 на Федоровских раскопах общей площадью 1800 кв. м (Плотницкий конец). Заметим, что на Михаило-Архангельском раскопе, где был исследован интересный комплекс, связанный с обработкой плотного рога лося, был найден череп моржа.⁷ Из напластований первой половины XII в. Троицкого VII раскопа происходит редкая находка: процарапанное изображение моржей на пластине мыльного камня. Поразительно умение средневекового человека создать столь выразительный образ диковинного животного при помощи нескольких четких лаконичных линий.⁸

Комплексы Неревского и Федоровского раскопов любопытны не столько многочисленностью, сколько тем, что они демонстрируют явные концентрации материала. Так 11 из 14 неревских находок происходят с небольшого (около 140 кв.м) участка усадьбы Д (ярусы 17—19), примыкающего к перекрестку Великой и Кузьмодемьянской улиц, и датируются второй половиной XII в. Эта усадьба являлась ядром усадебной патриимии, принадлежавшей боярскому роду Онцифоровичей. Среди уникальных находок Неревского раскопа стоит упомянуть обломок пениса моржа с процарапанной надписью «домо», происходящий из напластований второй половины XII в. усадьбы Б (ГИМ оп. 1966/2496) (рис. 1).

19 опилок моржового клыка найдены на территории по крайней мере двух примыкающих друг к другу усадеб на площади около 450 кв. м в пределах Федоровских IV и V раскопов. Датирование осложняется многочисленными поздними перекопами, однако, большая часть находок относится к 13 ярусам, имеющим дендрохронологическую датировку рубеж XI—XII — конец XII в.

Новгородские двусторонние гребни — одна из наиболее ярких категорий средневековых древностей. Типология и \ринология двусторонних гребней была предложена Б. А. Колчиным.⁹ До недавнего времени гребни условно назывались костяными (сделанными из костных тканей). Ныне нами произведены определения вида костной ткани и установлено, что цельные гребни изготавливались преимущественно из плотного рога лося, составные чаще делались из компакты трубчатых костей лошадей и крупного рогатого скота, реже из рога лося.

35 двусторонних гребней из раскопок в Новгороде сделаны из моржового клыка. Двусторонние гребни традиционно подразделяются на наборные и цельные.

НАБОРНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ГРЕБНИ. Б. А. Колчин выделял 5 типов. В нашей выборке представлены гребни трех типов (рис. 2).

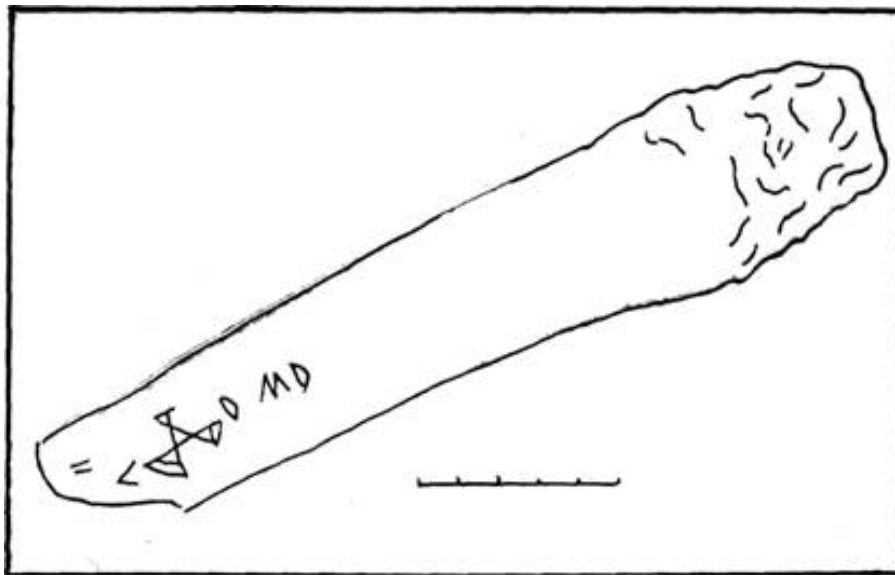


Рис. 1. Остпенис моржа с надписью «Домо» (хрен моржовый)

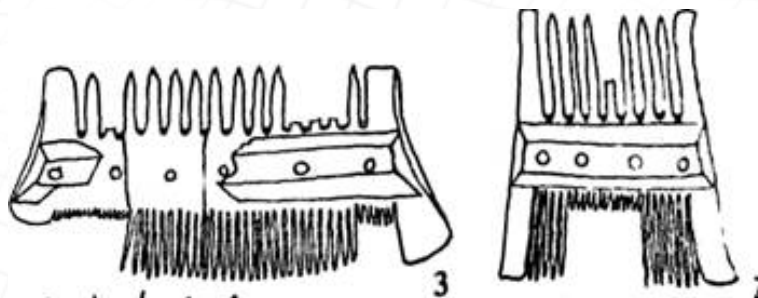


Рис. 2. Двусторонние составные гребни (номера по каталогу)

Типы Ж и З (по Б. А. Колчину) характеризуются трапецевидной формой и изогнутой линией боковой грани. Выделение двух типов основано на различиях в пропорциях. Гребни типа Ж укороченных пропорций датируются началом XII — концом XIII в. Гребни типа З удлиненных пропорций и датированы второй половиной XII — концом XIII в. Нам представляется неоправданным выделение двух типов. Дабы не вносить путаницу новой классификацией, назовем данный тип Ж/З. К данному типу относятся 3 гребня из нашей выборки. Пластины, имеющие с одной стороны редкий, а с другой стороны частый зуб, соединяются двумя накладками и шпеньками цветного металла. В двух случаях накладки сделаны из рога лося, в одном — из животной кости. Накладки трапецевидной формы в продольном и поперечном сечении. Гребни данного типа найдены на Неревском, Троицком и Дубошине раскопах.

Тип К. Гребни прямоугольной или трапецевидной формы удлиненных пропорций с прямой линией боковой грани. Б. А. Колчин датирует этот тип второй четвертью XII — первой четвертью XIV в. К сожалению, три гребня найдены на Неревских и Федоровском раскопах либо вне стратиграфического контекста, либо происходят из недатированных комплексов. Форма накладок совпадает с формой накладок гребней типа Ж/З. Накладки делались либо из рога лося, либо из животной кости.

ЦЕЛЬНЫЕ ГРЕБНИ. Гребни этой группы в зависимости от формы, пропорций и орнаментации делятся Б. А. Колчиным на 6 типов. В данной выборке представлены гребни типов Л, М, Н и стоящего несколько особняком типа прямоугольных плоских гребней (рис. 3).

Прямоугольные плоские гребни бытовали в Новгороде с начала XIV в. и позднее. Из моржового клыка сделаны два. Обломок великолепного по качеству изготовления гребня происходит с усадьбы Д Неревского раскопа из напластований, датированных 70—90-ми гг. XIV в., когда хозяином усадьбы был посадник Онцифор. Миниатюрный гребешок найден случайно на берегу Волхова на Софийской стороне.

Деление на типы Л, М, Н, предложенное Б. А. Колчиным, нам представляется искусственным и излишне формальным. На значительно более многочисленном материале аналогичных гребней из рога лося четко прослеживается зависимость формы и пропорций изделия от исходного сырья, иными словами от параметров заготовок, из которых вырезался гребень.

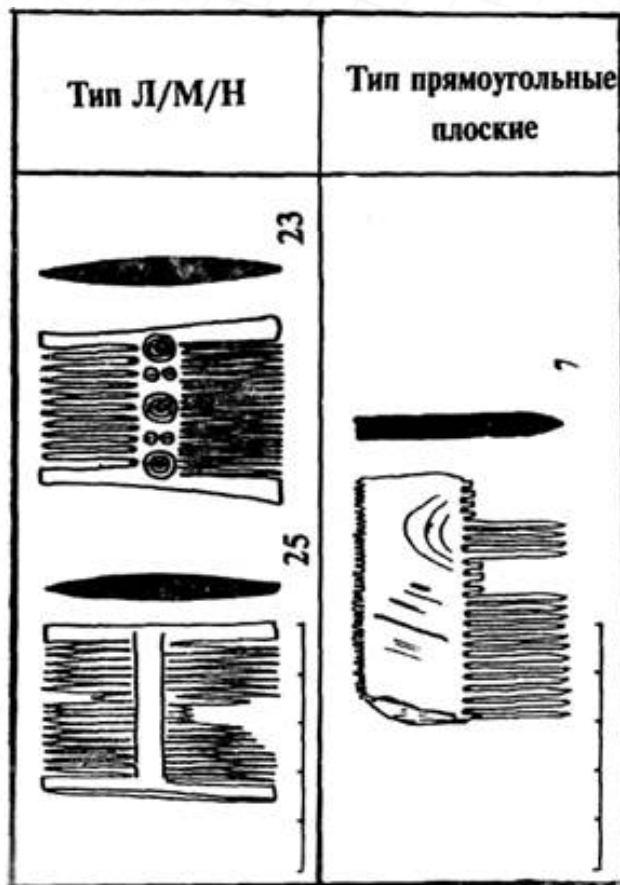


Рис. 3. Двусторонние цельные гребни (номера по каталогу)

Тип Л/М/Н объединяет цельные двусторонние гребни с частым и редким зубом подпрямоугольной или трапецевидной формы. Это наиболее распространенный тип. Новгородская коллекция насчитывает 27 экземпляров таких гребней из моржового клыка. Линия боковой грани прямая или слегка вогнутая. Все гребни данного типа имеют линзовидное сечение. По виду орнамента выделяются два подтипа. Гребни с линейным поясковым орнаментом (Л/М/Н1): поясok из одной, двух или трех линий отчеркивает линии нарезки зубьев. Они бытуют со второй четверти XI в. до 70-х гг. XIII в. Гребни с циркульным орнаментом появляются в первой половине XII в. и существуют до конца XIII в. (Л/М/Н2). Самая ранняя находка датируется концом X — первой четвертью XI в. Это небольшой грубо сработанный гребешок с одинаковой на обеих сторонах частотой широких зубьев, небрежно нарезанных на разную глубину, украшенный шестью неумело и неровно прорезанными линиями, сделан из поверхностного продольного скола моржового клыка. Гребень найден на усадьбе Е1 Неревского раскопа в напластованиях 25/26 ярусов.

3 гребня с линейным орнаментом, датирующиеся второй четвертью XI — началом XII в., сработаны уже с большим искусством. Все они из материалов Неревского раскопа (усадьбы Д, Е1, мостовая Великой улицы).

9 гребней, датирующихся в пределах XII в., представлены обоими подтипами. Размеры их варьируют от 2,6 до 6 см в ширину. Один происходит с усадьбы 3 Троицкого раскопа. Остальные с усадеб А, Б, Д(2), Д1, Е1 и И2 и К Неревского раскопа.

Гребни конца XII—XIII вв. небольшие, шириной 3,1—4,9 см, с линейным и циркульным орнаментом. Найдены на усадьбах А, 3, Ж, К Троицкого раскопа и усадьбах В и И Неревского раскопа.

Наконец, стоит особо остановиться на коллекции цельных гребней данного типа с Федоровского раскопа. 16 гребней Неревского раскопа и 5 гребней Троицкого раскопа найдены на участках площадью 8840 и 4556 кв. м соответственно. 7 гребней Федоровского раскопа происходят с несравненно меньшей по площади территории (менее 1800 кв. м). К сожалению, слой на описываемом участке был в значительной степени потревожен позднейшими перекопами, что невероятно осложняет датирование. Однако отталкиваясь от особенностей самих гребней и учитывая все косвенные данные стратиграфического характера, мы считаем наиболее вероятной датировку этих гребней XII в.

Любопытно отметить тот факт, что гребни из моржового клыка происходят с территорий исключительно богатых боярских городских усадеб. Наиболее определенно это прослеживается на материалах Неревского раскопа, топография, стратиграфия и хронология которого изучена монографически. 10 Думается, находки изделий из моржового клыка служат своеобразным индикатором высокого социально-экономического статуса хозяев рассматриваемых усадеб. Особо интересной в этом смысле нам представляется интерпретация материалов Федоровского раскопа. Первоначально представлялось, что данная территория, заселявшаяся по данным письменных источников не ранее XII в. и вплоть до XIV в. и представлявшая собой северо-восточную окраину Плотницкого конца, 11 вряд ли отводилась под крупные боярские владения. 12 Характер находок Федоровского раскопа, в том числе и из костных тканей, заставляет по новому оценивать данный комплекс.

- 1 Смирнова Л. И. Состав сырья костерезов Древнего Новгорода (опыт анализа отходов костерезного производства по материалам Троицкого раскопа). // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 122.
- 2 ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 86.
- 3 Аристов Н. *Промышленность древней Руси*. СПб., 1866. С. 29.
- 4 Ioanni Tzetzae Epistolae. Leipzig, 1972. Ed P. Leone. P. 119(6).
- 5 Овсянников О. В. О торговле «рыбьим зубом» в средневековой Руси (XV—XVII вв.). // *Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы докладов к симпозиуму*. Л., 1972. С. 31.
- 6 Смирнова Л. И. Указ. соч. С. 121.
- 7 Федорук И. С. *Костерезное производство Новгорода (по материалам Михайло-Архангельского раскопа)*. Дипломная работа, защищенная в Новгородском пединституте в 1993 г.
- 8 Rybina E. A. Recent finds from excavations in Novgorod. // *The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland. The Society for Medieval Archaeology Monograph Series: NO 13*. Lincoln, 1992. P. 169, Fig. V. 4.1.
- 9 Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М., 1982. С. 164—166.
- 10 Засурцев П. И. Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции Т. IV. // *МИА*. № 123. М., 1963. С. 105—148.
- 11 Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде*. М., 1982. С. 114.
- 12 Rybina E. A. Op. cit. P. 188

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптура Живопись Рисунок](#)

Сайт скульптора, художника Торопыгина О.А. - члена союза художников России
www.skulptu.ru · Москва

[Резчик.Ру - профессионалы](#)

Любые резные деревянные изделия на заказ для Вас! Примеры работ на сайте:
www.rezchik.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Антропоморфное деревянное навершие с Троицкого 11 раскопа

П. Г. Гайдуков, Г. Е. Дубровин

В июле 1995 года во время работ на Троицком XI раскопе было обнаружено целиком сохранившееся деревянное навершие (7/8-2-1261), набалдашник которого был выполнен в виде объемного скульптурного изображения мужской головы (рис. 1). Лицо довольно выразительное, с короткой бородой и четко выделенными зубами. Прическа представляет собой прядь волос, заплетенных в тугую косичку. Уши не обозначены. Голова имеет размеры 5,2Х5,3Х5,2 см. Длина рукоятки 77,5 см, диаметр — 1,0—1,5 см. находка была обнаружена в жилом срубе ярусов 7/8, датированном (предварительно) 2-й пол. XIV в.

Деревянные антропоморфные навершия являются довольно редкой, но хорошо известной категорией находок средневекового Новгорода. Первая подобная находка была сделана на Неревском раскопе еще в 1952 году. Всего к настоящему времени в Новгороде обнаружено уже 10 антропоморфных наверший: 7 на Неревском раскопе, 1 — на Михайловском и 2 на Троицком. Их паспортные данные: Нер. 27-25-998, Нер. 26-24-991, Нер. 15-19-329, Нер. 13/14-18-296, Нер. 11/12-13-1901, Нер. 11-10-1681, Нер. 10/11-12-919; Мих. 14/15-23-54; Тр. IV. 18/19 (по Черницыной улице) — 17-234; Тр. XI. 7/8-2-1261.

Кроме Новгорода по одному антропоморфному навершию обнаружено в Риге (XII—XIII вв.) 1 и Старой Руссе (предварительная датировка — рубеж XIII—XIV вв., раскопки В. Г. Мироновой).

Большинство исследователей, изучавших данную категорию находок, связывает их с языческими верованиями. В антропоморфных

навершиях видели изображения домовых,² представителей высшего языческого пантеона — Перуна, Белеса и т. д.,³ каких-то неопределенных идолов,⁴ или же, в общем виде, «предметы, связанные с культом или магическим ритуалом».⁵ Особые точки зрения высказывали М. В. Фехнер, считавшая навершия ручками переносных шахматных досок,⁶ и В. П. Даркевич, сравнивавший их с маротами — жезлами средневековых шутов.⁷

Стратиграфическое распределение новгородских антропоморфных наверший показывает, что большинство этих предметов (7 из 10) датируются 2-й четв. XIII — 2-й пол. XIV вв. Два навершия относятся к кон. X — нач. XI в. и одно — к рубежу XI—XII вв. Подобное распределение рассматриваемых предметов вряд ли может свидетельствовать об их соотношении с языческими верованиями. Ведь на дохристианское время (или время крещения Новгорода) приходится всего две находки, основная же их масса связана с далеко не языческими временами. Пытаясь объяснить этот феномен, Б. А. Рыбаков выдвинул версию относительно своеобразного «языческого ренессанса» в Новгороде в XIII в.⁸ Однако, во-первых, события, с которыми исследователь связывал возрождение язычества, приходятся на начало XIII в. (казнь волхвов и антикреликальные волнения), а большинство антропоморфных наверший появляются позднее. Во-вторых, вообще сама идея о возрождении язычества в это время выглядит малоубедительной. Ведь именно в XIII—XIV вв. усиливается влияние церкви, консолидирующей русское общество во 1 время монголо-татарского ига. Странно было бы ожидать именно тогда возрождения одной из наиболее преследуемых христианской церковью внешних форм язычества, т. е. сотворения кумиров.

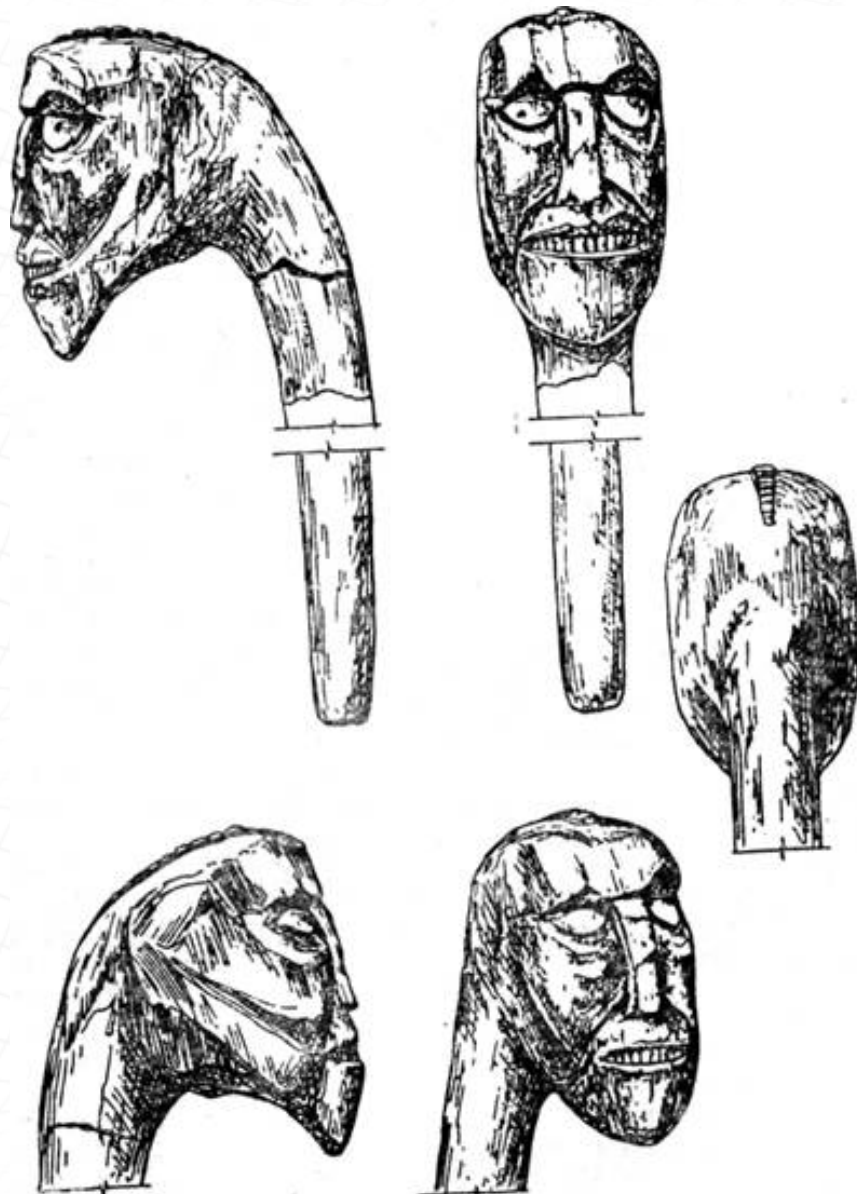


Рис 1 Антропоморфное деревянное навершие с Троицкого XI раскопа.

(Тр. XI. 7/8-2-1261). Рисунок Т. В. Родыгиной.

Может быть, было бы более целесообразно рассмотреть общие тенденции развития прикладного искусства в Новгороде? Материалы раскопок показывают, что в XIII в. появляется большое число антропоморфных изображений на различных бытовых предметах: на берестяных поплавках и туесах, прялках, каменных рыболовных грузилах и т. д. Еще один интересный момент выявляется при сопоставлении антропоморфных наверший с изображением человеческой головы с навершиями в виде руки, держащей палку. Для Неревского раскопа время бытования тех и других в основном совпадает (ярусы 15—10). Вряд ли можно говорить здесь о совпадении

назначения этих предметов, но их одновременное существование, да еще синхронное появлению большого количества антропоморфных изображений на бытовых вещах, может говорить о какой-то общей тенденции в прикладном искусстве и духовной жизни новгородского населения XIII—XIV вв. Не исключено, что определенный импульс был здесь привнесен в результате усиления контактов (в первую очередь, торговых) с католическим Западом, в искусстве которого широко представлены объемные антропоморфные изображения. Впрочем, это предмет дальнейших, в первую очередь искусствоведческих, исследований.

1 Saune A. 12—13 gs antropomorfie kokgriezumi // LPSR za vestis 1981. P. 67.

2 Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 33; Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. EI-55. М., 1971. С. 42; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975. С. 74—75; Бочаров Г. И. Русская деревянная скульптура // Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М., 1987. С. 127; Василенко В. М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление I в. до н. э. — XIII в. н. э. М., 1977. С. 368.

3 Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1937. С. 684; Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X—XIV вв. // СА. 1989. № 2.

4 Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 80—81.

5 Saune A. Op. cit. P. 67.

6 Фехнер М. В. Одна из маленьких загадок археологии // МИА. № 169. М., 1969. С. 271.

7 Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988. С. 155.

8 Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 666—667.

9 Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XV вв. М., 1978. С. 78, 83—84; Она же. Западноевропейские находки XIII—XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 1994. С. 87—89.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовоения, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле ВИНОМ

И. В. Волков

Амфоры — это особенный вид изделий, назначение которого и общие закономерности распространения уже давно установлены археологами, преимущественно античниками.

- 1. Амфора предназначалась для перевозки вина (в значительно меньшей мере — растительного масла) морским транспортом.*
- 2. Массовое производство амфор поэтому появляется в районах товарного виноделия (или производства растительного масла).*
- 3. Производство этой тары почти всегда находилось под контролем государства.*
- 4. Вторичное использование амфор (для хранения и черпания воды и других жидкостей) в областях потребления импортного вина было непродолжительным.*

Отклонения от этих правил были настолько немногочисленными, и с ними связано настолько малое количество находок, что при начальном общем анализе этими отклонениями можно пренебречь.

Византийское вино в домонгольское время регулярно поступало на территорию Древней Руси. Новгород, несмотря на отдаленность от источников этого продукта, не был исключением. Находки фрагментов амфор в культурном слое этого города фиксируются и берутся как индивидуальные находки. За время раскопок в Новгороде собрана коллекция приблизительно из 3000 фрагментов, часть из них

отреставрирована, что дает представление о форме сосудов. Большая часть находок происходит с Неревского (около 447 фрагментов) и Троицкого (около 1800 фрагментов). Поскольку находки имеют относительно точные дендрохронологические даты, их анализ позволяет выявить некоторые закономерности не только в поступлении вина в Древнюю Русь, но и получить ценную информацию для определения происхождения и эволюции византийских амфор. В X—XIII вв. на территорию Древней Руси поступали четыре основные группы амфор. Остальные группы исключительно редки.

1. «Трапезундская» группа. Амфоры этой группы самые многочисленные в Причерноморье после X в. В настоящее время можно говорить об их эволюции в течение IX—XIV вв. Отличительными особенностями формовочной массы являются цвет, примеси слюды и мелких минеральных отощителей (в основном, остроугольные и резкоугольные зерна кварца и полевого шпата), придающих очень устойчивый вид поверхности черепка. Но есть и устойчивые отличия по цвету и составу внутри группы: от ярко-красного до желтого (обычно с небольшим количеством отощителей).

В пределах времени поступления в Новгород амфоры этой группы изменялись по пропорциям и по технологии. В XI в. тулово полностью вытягивалось из одного куска глины по емкостно-донной программе, а затем вытягивалось горло из дополнительного глиняного кольца или излишков глины тулова. Ручки в это время крепились значительно ниже венчика. На рубеже XI—XII вв. отдельно вытягивается не только само горло, но и небольшая верхняя часть тулова.

В дальнейшем величина этого верхнего элемента тулова возрастает (на внутренней стороне граница отдельно сформированных частей фиксируется по стыковочному валику, на внешней — по гладкому поясу без рифления). Для первой половины XII в. характерны амфоры, стыковочный валик которых расположен выше нижнего прилепа ручек (в это время часто верхний элемент сделан из глины отличающегося от основной емкости состава: с примесью кварцевого песка в концентрации до 25%, фракция — до 2 мм). Около середины XII в. стыковочный валик опускается ниже уровня нижнего прилепа ручек. В это же время или несколько раньше появляются два пояса отпечатков от мерной линейки на внутренней поверхности. Только один экземпляр с Неревского раскопа имеет следы от мерной линейки, расположенные на месте максимального диаметра, а стыковочный шов — чуть выше уровня максимального диаметра (переход к более поздней технологической схеме).

Происхождение группы не может считаться окончательно определенным. Несколько раз я уже делал обоснование трапезундского происхождения этой группы амфор, поэтому его не стоит здесь воспроизводить полностью, а указать лишь на основные доводы. В первую очередь приходится ориентироваться на поведение фрагментов в культурных слоях и на сведения письменных источников о торговле вином. Находки таких амфор в течение всего периода их бытования максимально концентрируются в Причерноморье, следовательно, их источник должен находиться в его пределах или поблизости. К сожалению, большая часть письменных сведений о торговле вином относится к более позднему времени, к XIII—XV вв. В это время почти единственным и очень крупным экспортером вина в Причерноморье был Трапезунд (вернее, вся область Понт).

Такое определение происхождения группы было признано в некоторых публикациях. Известно и одно возражение.² Однако из самого текста этого возражения видно, что авторы излагают предложенную аргументацию с грубыми фактическими ошибками (возникают сомнения в самом факте чтения текста, на который авторы ссылаются).

Начиная с 1991 г. ведется целенаправленный поиск мастерских по производству амфор на северном побережье Мраморного моря. Турецкая исследовательница Нергис Гюнсенин издала серию статей о своих разведках, раскопках керамических печей и обследованиях района мастерских геофизическими методами.³ Ганос признан ею как раз тем местом, где производили амфоры «трапезундской» группы. Казалось бы, трапезундскую версию происхождения группы можно сразу отбросить. Однако ряд фактов пока не позволяет этого сделать. Во-первых, среди находок из Ганоса нет экземпляров, выходящих за рамки XI в. (преимущественно, его второй половины). Временный приход на это место мастеров при том, что группа существовала и эволюционировала в течение X—XV вв., объяснить по крайней мере трудно. Примечательно, что именно на время бытования амфорных находок из Ганоса приходится сельджукское завоевание, при котором основной поставщик вина для столицы (западная часть Малой Азии) на какой-то период вышел из-под контроля империи, а Трапезунд остался верным. Во-вторых, при исследовании горнов не найдено ни одного образца специфического печного припаса для амфор — цилиндрических или усеченно-конических подставок. В-третьих, среди находок нет ничего, что можно достоверно признать браком (ошлакованные и деформированные фрагменты даже в Новгороде не являются редкостью, но это не повод для обсуждения возможности их местного производства). Как видим, пока нельзя однозначно утверждать, что группа происходила из Трапезундской империи, но и все возражения легко опровергаются. Удовлетворительный ответ можно было бы получить, например, обнаружив в любом месте Трапезунда массовую кухонную посуду с признаками группы.

2. «Триллийская» группа. Амфоры изготовлены на промежуточном этапе РФК-6-7 путем вытягивания на круге по частям с применением неполного монолитного двухэлементного начина. В процессе изготовления сначала вытягивали тулово амфоры от стенок ко дну, затем тулово переворачивали и на его верхнюю часть налепливали глиняное кольцо, из которого вытягивали горло. Примечательно, что схема формовки амфор этой группы оставалась постоянной в течение всего периода их существования. Формовочная масса, из которой изготовлены амфоры этой группы, имеет незначительную примесь крупнодробленого (до 2 мм в поперечнике) шамота в концентрации до 10% и редкие карбонатные включения. Примечательно, что в процессе обжига эти карбонатные включения часто приводили к разрывам на поверхности черепка, а вокруг образовавшихся пор обычно появлялся небольшой ореол иного цвета с четким

контуром. В формовочной массе присутствует также небольшое число пор, ориентированных при вытягивании на круге. Цвет черепка красно-коричневый или кремовый с фиолетовым оттенком. Ручки на образцах XII в. сделаны из формовочной массы другого состава — с обильной (до 1/3) примесью навоза. Это говорит о том, что между формовкой основной части сосуда и наклеиванием ручек был перерыв во времени и разницу в усадке стремились компенсировать с помощью добавки.

В течение X—XII вв. форма существенно эволюционирует. Ранние образцы — с массивным воротничковым венчиком и ручками (еще без существенных отличий по составу глины), прилепленными к горлу под венчиком; изгиб ручек не поднимается выше уровня венчика. Внешняя поверхность в это время гладкая, за исключением 3—5 рельефных волн рифления на уровне нижнего прилепа ручки, а также рифления у дна. Постепенно ручка приближается к воротничку венчика, затем сливается с ним. К первой половине XII в. относятся образцы, у которых венчик становится не воротничковым, а раструбным, широкое рифление в это время распространяется на 2/3 внешней поверхности тулова сверху. С середины XII в. «трилийские» амфоры приобретают более стройные пропорции, мелкое гребенчатое рифление покрывает 3/4 внешней поверхности тулова сверху, ручки крепятся к венчику с валиком снаружи и резко поднимаются над ним.

Но численности эта группа весьма представительна, хотя и уступает «трапезундской» приблизительно в 4 раза на материалах Неревского раскопа и приблизительно в 6 раз на материалах Троицкого. (В Новгороде разрыв в их численности больше — 1:Ш).⁴ Приблизительно таким же в целом соотношением мы сталкиваемся на памятниках Северного Причерноморья. Идентификация экспортера может быть проведена по уже использованной для «трапезундской» группы схеме. Поступление этих амфор в Северное Причерноморье продолжалось и в золотоордынское время, но численное соотношение с «трапезундской» группой стало значительно меньшим — приблизительно 1; 100 (другая керамическая винная тара в это время стала представлена еще хуже). Следующим по распространенности после трапезундского в XIII—XIV вв. было вино из Триллин (на южном берегу Мраморного моря — Triglia, совр. Тирилье).⁵ Поскольку в XI—XIII вв. амфоры этой группы были распространены в Причерноморье значительно шире, чем за его пределами,⁶ следует признать, что самый вероятный их источник — это Триллия. Впрочем, очевидна недостаточность источников для окончательного вывода. С этим прекрасно согласуется тот факт, что после падения Константинополя, импорт этой группы керамики в Северное Причерноморье резко сократился (если не прекратился вообще).

Яркую картину этого дают собственно материалы из Новгорода. Однако гистограммы распределения фрагментов амфор с Неревского раскопа по двум основным группам (рис. 6) однозначно указывают на то, что амфоры «трилийской» группы перестали поступать в Новгород на один ярус раньше, чем амфоры «трапезундской». До 16 яруса (1197 г.) их количество постепенно возрастало, а в 15 резко сокращается. Следовательно, это должно было произойти в самом начале XIII в. Естественно, напрашивается вывод о том, что это связано с падением Константинополя в 1204 г. и временной нестабильностью в Проливах, а также с ущемлением интересов греческих торговцев, подчиненных Никее. (То, что на поступлении в Северное Причерноморье амфор «трапезундской» группы практически не сказались последствия IV крестового похода, служит еще одним аргументом в пользу их происхождения из Понта).

Требуется объяснения еще один факт в распределении амфор «трилийской» группы по ярусам Неревского раскопа. В несоответствии с общим соотношением между фрагментами основных групп находятся показатели ранних ярусов вплоть до 22-го (1076 г.). До этого времени «трилийская» группа или является самой многочисленной, или сопоставима по количеству с «трапезундской». С 21 яруса (1096 г.) это соотношение меняется на 1:10 и в дальнейшем не претерпевает кардинальных изменений.

Бросается в глаза хронологическая близость этого перелома с битвой при Манцикерте и последующим завоеванием сельджуками большей части Малой Азии (Трапезунд с областью Понта в это время остался верным империи). Это должно свидетельствовать о том, что экспортер амфор «трилийской» группы попадал на территорию, захваченную сельджуками, сильно пострадал от них, но затем вернулся в состав империи.

3. Группа клейма SSS. Эта группа немногочисленна, причем настолько, что она не попала ни в одну отечественную обобщающую работу по амфорам, а по отдельным публикациям практически не может быть узнана. Единственное клеймо на амфоре этой группы было найдено в Новгороде. Именно оно позволило объединить эти амфоры в группу клейма SSS.⁷ На всем Троицком раскопе в Новгороде были найдены развалы двух амфор этой группы и отдельные фрагменты, принадлежащие, видимо, еще двум (общее количество фрагментов — 57). Большая часть находок относится к XII в.

Их специфической особенностью является формовочная масса коричневого цвета со значительной, около 1/3, примесью неокатанных зерен и чешуек минерала, более всего напоминающего гидробитит. Размер частиц — до 1,5—2,5 мм. Имеющиеся фрагменты позволяют говорить о том, что амфоры сделаны по емкостно-донной программе, но каково количество составляющих элементов в настоящее время сказать трудно. Верхняя часть имела полусферическую форму, близкую к «трапезундской», а нижняя — вытянутую коническую. Форма ручек также очень близка к «трапезундской» — верхним концом они прилеплены на венчик, затем поднимаются вверх и после плавного перегиба опускаются на плечико. Верхняя часть (плечико) этих амфор покрыта рифлением специфической профилировки и темно-коричневым ангобом, стекающим полосами на нижнюю часть. Амфорам этой группы присущи морфологические особенности: 1) «треугольное» сечение жгута ручки в месте верхнего прилепа; 2) отрицательный угол наклона ручек рядом с нижним прилепом; 3) специфическая профилировка рифления.

Мне известна только одна опубликованная аналогичная амфора из отечественных коллекций⁸ и одна из зарубежных.⁹ В музейных причерноморских коллекциях удалось обнаружить еще три предмета, достоверно относящиеся к этой группе.

Если допустить, что на эпонимном клейме изображены латинские буквы, то источник придется искать или где-то далеко на западе, т. е. в XII в. левантийские владения итальянцев были еще незначительны, или напротив, на территории государств крестоносцев. В первом случае следовало бы ожидать продолжения и увеличения поставок этой группы в XIV в. Факты иллюстрируют обратное. Общеизвестно, что Восточное Средиземноморье было одним из важнейших поставщиков оливкового масла во всей Романии и Леванте. В раннем средневековье этот район был еще и прославленным экспортером вина.

Местная керамика Палестины "характеризуется большим содержанием кальцита, использованного в качестве отощите-ля.¹⁰ Отощитель рассматриваемой группы мог быть определен как кальцит в том случае, если исследователи Палестины обращались за быстрыми определениями к геологам (есть спайность, бурно реагирует с 10% раствором HCl без нагревания). Однако на самом деле бурную реакцию с HCl дает сама керамическая масса, а не диагностический минерал.

Плано Карпини в 1247 г. видел в Киеве купцов, которые приехали в Русию из Константинополя через землю татар (т. е. уже после взятия Киева монголами, когда амфорный импорт уже перестал поступать в северо-западные и северо-восточные города Руси). «Имена же этих купцов следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные». ¹¹ Обращаю внимание на то, что один купец происходил непосредственно из Иерусалимского королевства, а венецианцы и генуэзцы были постоянными посетителями Святой Земли.

Для более позднего времени наблюдения основаны на небольшом количестве фактов. Можно определенно утверждать, что после падения Латинской империи поступление «триллийских» амфор в Причерноморье восстанавливается, а группа клейма SSS напротив исчезает. Это исчезновение наиболее резонно связывать утратой крестоносцами палестинских владений (верхняя дата — 1291 г.). 4. Группа маломерных желтоглиняных амфор. В настоящее время невозможно построить ее эволюционный ряд, хотя допустимо ее развитие вплоть до XIV в. В Новгороде находки весьма однообразны по форме, хотя есть существенные различия в цвете глины. Общее количество — около 98 фрагментов. Поступление этих амфор в Новгород продолжалось вплоть до монгольского нашествия. После завоевания они также продолжали поступать в Северное Причерноморье. Следовательно, их источник должен или лежать в бассейне Черного моря, или попадать во владения латинян и их союзников. Первый вариант предпочтительнее отбросить, т. к. их находки в Причерноморье немногочисленны, а также совершенно не представлен неамфорный ассортимент керамики этой группы. Единичные находки фрагментов таких амфор в золотоордынских городах позволяют обратиться к данным письменных источников XIV—XV вв. Поскольку существуют единичные упоминания об экспорте вина с Хиоса в это время, ¹² можно выдвинуть зыбкую гипотезу о происхождении группы с этого острова. Однако, надежных фактов для определения происхождения группы почти нет. В связи с этой группой отмечу еще одну находку, не поддающуюся пока объяснению. В Новгороде была найдена клейменная ручка, по большинству морфологических признаков относящаяся именно к «хиосской» группе, но отличающаяся по составу и плотности формовочной массы. ¹³ Клеймо очень простое — крест в круге. Других находок клейм на амфорах этой группы мне не известно.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(18\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Европейский интернет-сервис](#)

Товары новые и б/у. Проверь сам. Круглосуточная поддержка.

www.aukro.ru · Москва

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов

www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Композиция декора ювелирных изделий Новгорода 10 – 15 веков

Ю. М. Лесман

Композиция декора древнерусских украшений почти не привлекала пока специального, внимания исследователей, между тем анализ ее позволяет не только детализировать хронологию, но и проследить некоторые общие тенденции изменения как облика ювелирных изделий, так и эстетических вкусов средневекового человека. Особенно благодатный для исследований материал дает Новгород с его богатейшей коллекцией хорошо датированных находок второй половины X — первой половины XV вв.2

Говоря о композиции я имею в виду рассмотрение декора в трех аспектах (не считая самого факта наличия или отсутствия декора):

- 1) структурная организация декора с выделением (или невыделением) на декорируемой поверхности орнаментальных зон;*
- 2) равномерность (или неравномерность) размещения декора на внешней поверхности украшения, преимущественное размещение декора в центре или на периферии декорируемой поверхности;*
- 3) использование (или неиспользование) в построении декора основных принципов симметричной организации орнамента (бордюр, решетка, розетка, осевая и зеркальная симметрия), уравновешенность композиции изображения (близость условного центра тяжести изображения к геометрическому центру).*

Рассмотрение декора будет вестись преимущественно в рамках хронологически значимых типов, принципы выделения и датировки которых обсуждались ранее.3 Не будут анализироваться ложновитые изделия с имитирующим витые орнаментом — это

целесообразнее делать в комплекс с витыми прототипами.

Самое большое поле для декора предоставляют браслеты, точнее две их разновидности — пластинчатые и массивные. Наиболее раннюю группу среди пластинчатых образуют неорнаментированные браслеты (20 экз., распространены по крайней мере с середины X в. до 1281 г. т. е. до 13 яруса — рис. 1:1). Декорированные пластинчатые браслеты сосуществуют с недекорированными, но бытуют до конца XIV в., причем декор на всех экземплярах подчиняется зеркальной симметрии как в продольном, так и в поперечном направлении! (асимметрична в одном из направлений лишь часть створчатых браслетов), поэтому применительно к ним корректно говорить об орнаменте. Примерно в середине XI в. появляются браслеты с орнаментом, организованным в единый бордюр вдоль всего поля браслета (34 экз., распространены с 1055 до 1369 г., т. е. в 23—9 ярусах — рис. 1:2).

С рубежа XI—XII вв. начинается усложнение структуры орнамента на пластинчатых браслетах. Сначала появляются браслеты, у которых орнаментальное поле разделено на две зоны продольной осью симметрии, которая передана линией или рельефным валиком (30 экз., распространены после 1096 г., т. е. в 21 ярусе и выше — рис. 1:3), несколько позже начинают носить браслеты с тремя поперечными орнаментальными зонами, четко выделенными продольными линиями (33 экз., распространены после 1116 г., т. е. в 20 ярусе и выше — рис. 1:4). Примерно через столетия структуру орнамента начинают членить на зоны и в продольном направлении — получают распространение браслеты с четко выделенной поперечными линиями центральной орнаментальной зоной (15 экз., распространены с 1177, возможно 1161 г. до 1382 г., т. е. в 17—8, возможно 18—8 ярусах — рис. 1:5), причем может члениться и сама центральная зона (обычно на три зоны — узкие боковые и широкую собственно центральную), однако такие браслеты быстро выходят из употребления и в конце XIII в. уже не встречаются (11 экз., распространены, с оговоркой на немногочисленность, с 1177, возможно, с 1161 г. до 1281 г., т. е. в 17—13, возможно, в 18—13 ярусах — рис. 1:6). То есть к концу XIII в. проявляет себя новая тенденция к упрощению структуры декора пластинчатых браслетов, продолжает действовать она и позже.

Меняется на протяжении XI—XIV вв. степень декорированности разных частей орнаментального поля пластинчатых и литых браслетов. У большинства браслетов декор занимает всю поверхность, но среди наиболее ранних выделяется группа, для которой характерна декорированность преимущественно концов, при отсутствии или слабой насыщенности декора в центральной части. Немногочисленность таких браслетов (6 экз.8 — рис. 1:9). не позволяет надежно их датировать, но все они происходят из слоев не позже XII в. В свою очередь обратное размещение декора — только в центральной части при недекорированных концах — получает распространение лишь во второй половине XI в. и популярно почти до конца XIII в. (16 экз., распространены с 1055 до 1281 г., т. е. в 23—13 ярусах — рис. 1:10). Примерно тогда же появляются браслеты со свободной от декора центральной поперечной зоной (занимающей как четко выделенную центральную зону, так и почти всю поверхность) и орнаментом вдоль краев (15 экз., распространены с 1055, возможно, с 1025 г. до 1396 г., т. е. в 23—7, возможно, 24—7 ярусах — рис. 1:11).

В последней четверти XI в. основное орнаментальное поле браслетов дополняется пластинчатыми щитками на концах, которые появляются сначала на проволочных и ложнопроволочных браслетах, а с XII в. и на пластинчатых. Почти сразу же на щитках появляется декор, но можно говорить о, в тенденции, несколько более позднем бытовании браслетов с декорированными щитками (браслеты щитковоконечные с недекорированными щитками — 18 экз., распространены с 1076 до 1313 г., т. е. в 22—11 ярусах; с декорированными щитками — 32 экз., распространены с 1096 до 1382 г., т. е. в 21—8 ярусах — рис. 1:8).

Как уже упоминалось, декор всех новгородских браслетов построен на принципах симметрии, но на семи" (рис. 1:2) створчатых браслетах зеркальная симметрия выдержана лишь в продольном направлении, поперечная же отсутствует, а на одном' — наоборот, лишь в поперечном направлении. Еще на одном пластинчатом загнутоконечном браслете асимметричную в поперечном направлении композицию образует бордюр с трехкратно повторяющимся мотивом. Хотя группа эта и немногочисленна, что делает невозможной надежную ее датировку, обращает на себя внимание, что все находки датируются узким промежутком времени: самые ранние относятся к третьей четверти XII в, а наиболее поздние не выходят в конец XIII в.9

Организация декора перстней, особенно пластинчатых, близка браслетам, с учетом, с одной стороны, меньших размеров, а с другой, — иного соотношения длины и ширины декоративного поля. Декор подавляющего большинства пластинчатых перстней характеризуется зеркальной симметрией и в продольном, и в поперечном направлении, у многих щитковых перстней декор щитка представляет собой розетку (нередко сохраняя и двойную зеркальную симметрию). Уже самые ранние новгородские пластинчатые перстни несут структурированный декор — их орнаментальное поле разделено на две зоны продольной осью симметрии, которая передана линией (одинарной или двойной, углубленной или выпуклой, сплошной или пунктирной, в том числе рядом ложной зерни или углубленных кружков), но такая организация орнамента пользовалась популярностью лишь до конца XII в. (12 экз., распространены до 1197, возможно, до 1268 г., т. е. до 17, возможно до 14 яруса — рис. 2:1). Орнамент наиболее ранних новгородских пластинчатых перстней образует сплошной бордюр, который на широкосрединные кольца наносился до конца XIII в. (15 экз., распространены до 1299 г., т. е. до 12 яруса — рис. 2:2), а на ровные пластинчатые до XV в. и позже. Со второй четверти XI в. получают распространение широкосрединные перстни (пластинчатые, литые пластинчато-щитковые и массивные узкие и средние) со слабоструктурированным декором: без линии — продольной оси симметрии (28 экз., распространены с 1025 до 1340 г., т. е. в 24—10 ярусах — рис. 2:3) и без линейного бордюра по краю перстня (19 экз., распространены с 1025 до 1340 г., т. е. в 24—10 ярусах — рис. 2:4). А в последней четверти XI в. появляются и вообще лишенные декора широкосрединные перстни (19 экз., распространены с 1076 до 1313 г., т. е. в 22—11 ярусах — рис. 2:5). Со второй половины XII в. композиция декора вновь начинает усложняться (для этого времени рассмотрению подлежат уже не только

пластинчатые, но и вошедшие в моду щитковые, в том числе печатные перстни). Получают распространение перстни с выделенной центральной декоративной зоной (34 экз., встречаются после 1161 г., т. е. после 18 яруса — рис. 2:6—9). Сначала центральная зона выделяется линиями лишь в продольном направлении (рис. 2:6), но уже с рубежа XIII в. входят в употребление перстни с декоративной зоной, ограниченной и в продольном и в поперечном направлениях (28 экз., распространены после 1197 г., т. е. после 16 яруса — рис. 2:7—2:9). Постепенно расширяется выбор вариантов формы центральной зоны — у наиболее ранних перстней она исключительно прямоугольная, во второй четверти XIII в. появляется ромб (10 экз., 10 распространены, с оговоркой на немногочисленность, с 1224 до 1409 г., т. е. в 15—6 ярусах — рис. 2:9), а с середины столетия центральная декоративная зона может иметь округлую форму (круг, линза, прямоугольник с выпуклыми сторонами) — 13 экз., распространены после 1238 г., т. е. после 14 яруса — рис. 2:8). Использование декоративного эффекта неорнаментированной блестящей поверхности металла не прекращается в начале XIV в. с отказом от использования неорнаментированных пластинчатых перстней. Со второй четверти XIII в. в Новгороде начинают носить пластинчато-щитковые, а затем и собственно щитковые перстни с недекорированным щитком (10 экз., распространены, с оговоркой на немногочисленность, после 1224 г., т. е. после 15 яруса — рис. 2:10). Упрощение декора, не затрагивающее, однако, основную декоративную зону перстней, фиксирует к концу XIV в. выход из употребления перстней с декорированным, в том числе фигурным, переходом от дужки к щитку у щитковых перстней (включая сюда и перстни с печатками и щитками — оправами вставок) и от утончающихся концов пластинчатых перстней к центральной декоративной зоне (59 экз., распространены, начиная с появления щитковых перстней — с 1055 г. и до 1396 г., т. е. в 23—7 ярусах — рис. 2:11).

Декор наиболее ранних пластинчатых перстней занимает всю их поверхность (если не считать утончающиеся концы), и такое размещение декора на перстнях популярно по крайней мере до XV в. Однако во второй четверти XI в. появляются и бытуют почти до конца XIV в. перстни (пластинчатые широкосрединные и щитковые) с декором, тяготеющим к центру при неорнаментированных краях (12 экз., распространены с 1025 до 1382 г., т. е. в 24—8 ярусах — рис. 2:12). Изменение в размещении декора на поверхности перстней фиксирует появление в середине XIII в. пластинчатых (широкосрединных и ровных) и щитковых перстней с недекорированной или слабодекорированной центральной частью декоративного поля при наличии орнамента ближе к краям (26 экз., распространены после 1238 г., т. е. после 14 яруса — рис. 2:13).

В подавляющем большинстве случаев декор перстней построен на принципах симметрии, причем преобладает симметрия вращения или двойная зеркальная (с осями вдоль и поперек щитка). Однако, во второй половине XIII в. появляются перстни как с неуравновешенными изображениями (чаще всего рук), так и с асимметричной композицией декора (16 экз., распространены с 1268 до 1409 г., т. е. в 13—6 ярусах — рис. 2:15). А еще раньше, во второй половине XII в., получают распространение перстни с ослабленной симметрией: с ориентированными, хотя и уравновешенными, изображениями или орнаментом, имеющим лишь одну поперечную ось зеркальной симметрии (при отсутствии симметрии вращения). Вместе с перстнями, декорированными неуравновешенным изображением или асимметричным декором, они образуют достаточно надежно датирующуюся группу (26 экз., распространены после 1116 г., т. е. после 18 яруса — рис. 2:14—15).

Декоративное поле подковообразных фибул по своей организации аналогично браслетам, с той лишь разницей, что декорируемая поверхность изогнута не по поверхности цилиндра, а в собственной плоскости, образуя незамкнутое круговое кольцо. При таком подходе головки фибул являются аналогами щитков на концах браслетов. Декор новгородских подковообразных фибул всегда подчиняется симметрии. Для декора дуг это зеркальная симметрия с осями вдоль дуги (с учетом искажений, вызванных изгибом оси) и по центру поперек, иногда дополняющаяся бордюром; для головок — сочетание двойной зеркальной симметрии с симметрией вращения, для спиралей игл — зеркальная симметрия с осью, идущей вдоль иглы. Единственное отклонение — фибула первой половины XIV в. с несохранившимся крестообразным выступом в центре дуги. Наиболее ранние фибулы имеют дуги, декорированные сплошным бордюром или вообще не декорированные. В порядке выхода из употребления это следующие типы: в последней четверти XII в. перестают носить фибулы с дугой, декорированной сплошным невитым бордюром от головки до головки (12 экз., распространены предположительно до 1177 г., т. е. до 18 яруса — рис. 3:1); во второй четверти XIII в. выходят из употребления фибулы с ровной или несильно (меньше чем в два раза) утончающейся к головкам дугой, декорированной сплошным бордюром от головки до головки или, за исключением концов дуги, примыкающих к головкам (14 экз., распространены до 1224 г., т. е. до 16 яруса — рис. 3:2), а в начале XIV в. с таким же орнаментом на дуге любой фермы (16 экз., распространены до 1313 г., т. е. до 11 яруса — рис. 3:2—3). Подковообразные фибулы с недекорированной дугой продолжали носить по крайней мере до XV в. (рис. 3:6), но недекорированные фибулы с дугой из круглого в сечении дрота бытовали лишь до середины XIII в. (29 экз., распространены до 1268 г., т. е. до 14 яруса — рис. 3:4).

Усложнение структуры орнамента на фибулах фиксирует появление в последней четверти XI в. фибул, дуга которых декорирована орнаментом с зеркально симметричной центрической композицией, центральная зона которой, отличаясь от периферийной использованием иных мотивов, может, однако, и не выделяться поперечными линиями (12 экз., распространены с 1076 до 1382 г., т. е. в 22—8 ярусах — рис. 3:5). Последующее упрощение структуры декора связано с исчезновением с фибул всякого орнамента, за исключением имитации витья. Это происходит во второй половине XIV в. (фибулы с дугой, декорированной без подражания витью — 25 экз., распространены до 1382 г., т. е. до 8 яруса — рис. 3:1—3, 5).

Размещение декора по поверхности фибулы изменяется во времени с тенденцией к усилению декоративной роли центра дуги. Распространенные в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии фибулы с декором, тяготеющим к концам дуги, в Новгороде не известны,

но характерно, что на ранних новгородских экземплярах орнамент занимает всю дугу (см. выше фибулы с декором от головки до головки — до 1177 г., рис. 3:1, 7), орнамент, занимающий более половины дуги, был распространен примерно на сто лет дольше (21 экз., найдены в слоях до 1281 г., т. е. до 13 яруса — рис. 3:7—8), при этом фибулы, декор которых по дуге не доходит до головок, появляются в третьей четверти XI в. (14 экз., распространены с 1076 до 1382 г., т. е. в 22—8 ярусах — рис. 3:8—9). У наиболее поздних подковообразных фибул декор, до тех пор пока он есть, размещается в центре и занимает не более половины дуги (рис. 3:9). Ту же тенденцию стягивания декора к центру отражает и аекорированность головок фибул. Декор на головки наносился лишь до первой половины XIV в. (16 экз., распространены до 1340 г., т. е. до 10 яруса — рис. 3:11), а у всех более поздних фибул головки не орнаментировались. Дополняют картину кольца игл, при ношении примыкавшие к центральной части дуги. Их начали систематически декорировать лишь с третьей четверти XI в. (19 экз. — фибулы подковообразные с орнаментированным сильно- или среднерасширенным кольцом иглы, распространены после 1076 г., т. е. после 22 яруса — рис. 3:12, до этого известна лишь единичная для Новгорода игла с рельефным орнаментом на узком кольце), то есть одновременно с распространением симметричной центрической композиции декора дуг.

Развитие композиции декора замкнутых фибул, несмотря на морфологические «х отличия от подковообразных, идет в том же русле. Почти все (44 из 47 экз.) замкнутые фибулы — кольцевые, что предопределило преобладание в декоре кольцевого же бордюра. Однако у 9 фибул, 12 датирующихся временем начиная со Второй четверти XIII в., орнамент занимает лишь половину окружности (по одну сторону от иглы), такого количества находок недостаточно для надежной датировки, но вместе с подковообразными фибулами, декор которых также занимает половину и менее от окружности дуги, они образуют достаточно многочисленный тип, датирующийся тем же временем (16 экз., распространены после 1224 г., т. е. после 15 яруса — рис. 3:9—10).

Последняя рассматриваемая группа украшений — подвески, точнее, две их наиболее массовые и разнообразно декорированные морфологические группы: круглые (включая иконки, но не включая панагии) и кресты. Форма круглых привесок диктует основной принцип организации декора — образующую розетку симметрию вращения, которой подчиняется и круговой бордюр (его, хотя бы в виде одинарной линии, имеют все декорированные привески). Часть привесок (преимущественно с крестовидными изображениями) несет орнамент лишь с зеркальной симметрией. Неуравновешенность изображений минимальна (косая перекардина креста, голова птицы, жезл архангела и т. п.). Наиболее раннюю группу образуют круглые привески, декорированные без выделения центральной и периферийной орнаментальных зон (25 экз., распространены до 1281 г., т. е. до 13 яруса — рис. 4:1). Такие зоны четко выделяются лишь с XII века (40 экз., распространены после 1116 г., т. е. после 20 яруса — рис. 4:2—4). У наиболее ранних привесок этой группы периферийная зона орнаментирована сплошным неструктурированным бордюром, а несколько позже я сплошной круговой надписью (22 экз., распространены с 1116 до 1340 гг., возможно, до 1382 г., т. е. в 20—10, возможно, в 20—8 ярусах — рис. 4:2). Во второй четверти XIII в. появляются подвески, у которых орнамент кольцевой зоны приобретает структуру, дающую крестовидное изображение (чаще всего орнаментируются участки снизу, сверху и по бокам — 12 экз., распространены, с оговоркой на немногочисленность, с 1224 до 1340 гг., т. е. в 15—10 ярусах — рис. 4:3). Однако в первой половине XIV в. намечается смена тенденции — идет упрощение структуры декора — самые поздние, хотя и немногочисленные (6 экз./3 «- рис. 4:4) подвески сохраняют периферийную зону, но декор в ней исчезает. Изменения в размещении декора на круглых подвесках демонстрируют тенденцию к стягиванию его к центру. Наиболее ранние подвески имеют целиком заполненное декором поле (45 экз., распространены до 1340 г., с возможным расширением до 1382 г., т. е. до 10 яруса, ВОЗМОЖНО ДО 8 яруса — рис. 4:1—2). Во второй четверти XIII в. появляются подвески со слабодекорированной периферийной зоной (заполнено орнаментом меньше чем наполовину 10 экз., распространены, с оговоркой на немногочисленность, с 1224 до 1340 г., т. е. в 15 К) яруса* рис. 4:3). Наиболее поздние подвески, как уже упоминалось, имеют чистую периферийную декоративную зону, но из-за немногочисленности достаточно надежно могут датироваться лишь в рамках более широкой группы, включающей и подвески со слабодекорированной периферийной зоной (16 экз., распространены с 1224 до 1382 гг., т. е. в 15—8 ярусах — рис. 4:3 4).

Как уже упоминалось, для декора всех круглых привесок характерна уравновешенность изображений и симметрия орнамента. Однако глубина симметрии может различаться. С этой точки зрения наиболее слабой является зеркальная симметрия. Во времени распространение подвесок с такой относительно ослабленной (зеркальной с одной, реже с двумя осями) симметрией декора, не несущего антропо- или зооморфных изображений, приходится на XII в. (10 экз., распространены после 1116 г., т. е. после 20 яруса — рис. 4:5). Декор крестов, как и круглых подвесок, организован с соблюдением симметрии орнамента и уравновешенности изображений, но, с учетом функциональной формы, господствует зеркальная симметрия с вертикальной осью. Функции креста диктуют во многом и композицию декора. Поверхность древнейших новгородских крестов не структурирована и целиком занята изображением распятия. Эта группа немногочисленна (8 экз. 14 — рис. 4:6), но хронологически не выходит за рамки XIII в. Зонирование появляется на крестах раньше, чем на других украшениях. Уже во второй четверти XI в. распространяются кресты с четко выделенными декоративными зонами на концах лопастей (2! экз., распространены после 1025 г., т. е. после 24 яруса — рис. 4:7). В третьей четверти XI в. появляются кресты с четко выделенной декоративной зоной, занимающей собственно средокрестие (25 экз., распространены после 1076 г., т. е. после 22 яруса — рис. 4:8—11). Сначала центральная декоративная зона делалась в форме круга, шестиугольника, квадрата, а со второй половины XIII в. распространяются кресты с ромбом в средокрестии (15 экз., включая и изображения ромба и ромбический щиток, распространены после 1268 г., т. е. после 13 яруса — рис. 4:11). Характерная для других групп украшений тенденция к упрощению композиции декора выражена у крестов относительно слабо. Четко структурированные композиции с выделением нескольких зон популярны до XV в. и

позже, хотя в последней четверти 12 в. и появляются кресты либо вообще не декодированные, либо орнаментированные единой нерасчлененной орнаментальной композицией (18 экз., распространены после 1177 г., т. е. после 17 яруса — рис. 4:12—13). Подведем некоторые итоги. Основные тенденции развития композиции декора новгородских браслетов, перстней, фибул, подвесок на протяжении XI—XII вв. совпадают. Происходит усложнение композиции. Раньше всего, уже в первой половине XI в., этот процесс начинается у крестов (под влиянием византийских прототипов), затем следуют браслеты, фибулы, привески и лишь во второй половине XII в. перстни. Однако декор перстней уже к середине X в. имел относительно сложную структуру (на XI в. пришлось даже некоторое упрощение). Ко второй четверти XIII в. весь рассматриваемый набор украшений (к нему можно добавить и булавки) характеризуется максимальной сложностью и разнообразием. Но вскоре — во второй половине столетия — начинается заметное упрощение композиции декора браслетов, а затем и круглых привесок. Это связано, по-видимому, прежде всего с последовавшим за монгольским завоеванием обеднением княжеского убора (хотя первые шаги к упрощению фиксируются уже накануне завоевания), на который в качестве престижного образца ориентировались рядовые горожане. На протяжении середины — второй половины XIV в. процесс упрощения находит свое завершение, когда исчезает или сводится к минимуму декор на подковообразных фибулах, круглых подвесках, а пластинчатые браслеты и вовсе становятся редкостью (декором наиболее поздние браслеты подражают ордынским). К концу XIV в. происходит общее обеднение декора ювелирных изделий, что связано, скорее всего, с определенной аскетизацией материальной культуры под воздействием христианства.⁶ Несколько слабее процесс упрощения композиции декора затронул кресты и перстни, что не удивительно, так как эти предметы являлись не только и, подчас, не столько украшениями, сколько знаками (принадлежности к православию, брака, личными печатями).

Перенос внимания с периферийной части украшений на центр, по-видимому, находится в русле протекавшего в XI—XII вв. изживания древнерусской культурой североевропейских традиций эпохи викингов.

Заслуживает внимания фиксируемое на протяжении 12-13 вв. ослабление роли симметрии в декоре, что, с одной стороны, находит себе параллели в аналогичных процессах в Западной Европе при переходе от романского, стиля к готике, а с другой стороны, является, возможно, первым проявлением тех изменений во вкусах новгородцев, которые впоследствии приведут к столь типичной асимметрии архитектурного декора.

*** От ред.** По техническим причинам редколлегия вынуждена была, к сожалению, опустить большинство списков шифров, относящихся к типам вещей. Сохранены списки лишь для тех малочисленных типов, которые не войдут в подготавливаемую в настоящее время К). М. Лесманом монографию.

- 1 Выполненный в эмали и черни орнамент элитарных золотых и серебряных украшений детально анализировала Т. И. Макарова *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 370—378; *Черневое дело древней Руси*. М., 1986. С. 14—24). Однако она рассматривает преимущественно мотивы декора и локальные композиции, комбинация которых украшала вещь, в то время как в настоящей статье предпринимается попытка анализа композиции декора, изделия в целом. В подавляющем большинстве исследуемые Т. И. Макаровой украшения не имеют надежной датировки, что резко ограничивает возможности интерпретации.
- 2 Основной массив находок из раскопок, стратиграфия и хронология которых уже разработана, опубликован М. В. Седовой (*Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. М., 1981). См. также: Кол-чин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. *Усадьба новгородского художника*. М., 1981; Гайдуков П. Г. *Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп*. М., 1992.
- 3 Лесман Ю. М. 1) К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 82—87; 2) Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // *Материалы по археологии Новгорода*. 1988. М., 1990. С. 29—98; 3) *Этюд об украшениях* // Клейн Л. С. *Археологическая типология*. Л., 1991. С. 305—314. Там же оговариваются и критерии выбраковки находок с ненадежной датировкой.
- 4 Рубежи дат бытования типов условно указываются с точностью до года, традиционно приписываемого времени строительства уличной мостовой соответствующего яруса Неревского раскопа. Возможные уточнения дендрохронологических определений (Урьева А. Ф., Черных Н. Б. *Дендрошкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки* // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 9. Новгород, 1994. С. 111—112) могут лишь незначительно скорректировать время постройки конкретных мостовых и построек, не меняя общей картины. Возможные уточнения стратиграфических привязок конкретных находок, учитывая относительную многочисленность рассматриваемых типов (не менее 10, а желательнее, не менее 12 экз., в среднем же около 20 экз.), не могут заметно сказаться на их датировке.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(39\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Искусство прозрачного](#)

Стеклянные двери и перегородки. Остекление торговых центров. Проекты.
www.steklo.net

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.
www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Опыт восстановления Новгородских берестяных грамот

В. И. Поветкин

После того, как в 1951 г. в Новгороде археологами были впервые открыты древние берестяные грамоты, возникла необходимость в разработке способов их хранения и реставрации. Считалось, что береста, пролежавшая несколько сотен лет под слоем влажной земли, превратилась в неведомый и, вероятнее всего, разрушающийся материал. Поэтому поначалу были учтены, казалось, все меры предосторожности в обращении с грамотами; их пытались хранить в громоздких гипсовых упаковках (ГИМ). Позднее приспособились зажимать каждую грамоту между двумя стеклами и окантовывать края стекол полосками проклеенной плотной ткани. Так грамоты меньше коробились, их стало удобнее хранить и рассматривать.

Некоторые извлеченные из земли грамоты полностью уцелели: их береста, со временем приобретшая изнутри голубовато-серый оттенок, не утратила своей природной эластичности, а тексты, выдавленные острым писалом, видны так же, как в древности. Но чаще — это все же документы поврежденные, иногда до крайности: изорванные, изрезанные, с коробящимися и трудно соединимыми между собой обрывками или частицами. На долю М. Н. Кислова — первого реставратора и исполнителя научных прорисовок берестяных грамот — выпало немало трудностей, сопряженных с поиском специальных клеящих веществ и способов, скрепления распадающихся на части документов.

М. Н. Кислое опробовал доступные ему в 1950—1960 гг. клеи. Как правило, необратимые. С их помощью возможно было привести к

экспозиционному виду лишь некоторые, не слишком поврежденные грамоты. Тексты остальных грамот приходилось изучать, бегая взглядом с обрывка на обрывок и рискуя таким образом ошибиться. Требовался быстросохнущий обратимый клей. Без него невозможно было состыковать, например, усыхающие прямо на глазах, хрупкие, словно ракушки, кусочки бересты. Коварна и расщелившаяся береста: ее нежнейшие лепестки, иной раз донельзя узкие и неподвластные никакому пинцету, даже при наличии специального клея норовят заплестись в непоправимый ком.

Разумеется, задача собрать воедино разрозненные куски грамот ставилась не ради лишь удобства их хранения и экспонирования. Главное — это работа по их расшифровке. Ею занимались известные ученые — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и другие. Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот осуществляли Р. И. Аванесов и В. И. Борковский. Это был начальный период в истории реставрации и прочтения берестяных посланий. Последующие работы по расшифровке грамот, проводившиеся В. Л. Яниным и А. А. Зализняком, привели к замечательным результатам, в частности к открытию древненовгородского диалекта. 1 Помимо Находимых археологами новых грамот, в последние полтора десятилетия были заново изучены все прежде изданные берестяные документы, в первую очередь те, в которых имелись разного рода повреждения. Особый дар А. А. Зализняка — это умение языковедчески обоснованно реконструировать текст грамот в местах утрат, что способствовало точному определению букв, знаков по их иногда еле приметным остаткам в местах обрывов или иных повреждений бересты. Качественно новый уровень изучения свидетельств древней письменности выдвинул и высокие требования к их реставрации, а значит, и к научным прорисям.

Процесс восстановления грамоты, причем не только ее формы, но и содержания, начинается фактически с момента ее извлечения из влажного культурного слоя. Найденная грамота — это, как правило, свиток, внутри которого, согласно природным свойствам березовой коры, оказывается ее наружная белая сторона. Наружные слои сильнее усыхают и являются причиной скручивания бересты, они сравнительно хрупки, и потому редко использовались для письма. Обычно тексты писались на эластичной коричневатого оттенка внутренней стороне березовой коры.

Итак, доставленный с места археологических раскопок берестяной свиток, целый или поврежденный, помещают в ванночку и заливают кипятком, размягчая таким образом бересту. Затем аккуратно разворачивают и одновременно промывают, удаляют грязь, для чего желательно иметь средней жесткости кисточку и деревянную лопаточку с притупленными гранями и углами. Тут же, насколько позволяют возможности, делают первые попытки чтения открывающегося текста. Развернутую грамоту — накрывают стеклом и, не вынимая из воды, держат некоторое время под гнетом, то есть сразу же готовят ее к последующему выгодному для экспонирования виду. Обновив несколько раз кипяток, грамоту и принадлежащие ей обрывки извлекают из ванночки; промакнув сухой тканью, ее помещают между двух стекол и вновь прижимают грузом. Начальные работы окончены. Береста начинает подсыхать. И в местах трещин ее следует незамедлительно подклеивать.

В начале 1980-х гг. для склеивания бересты был опробован полибутилметакрилат, иначе, — ПБМА. При его разбавлении могут использоваться быстро или медленно испаряющиеся растворители: толуол, ксилол, ацетон. Для работы с берестой оказался более удобен ПБМА, разведенный ацетоном. Ацетон довольно быстро застывает, вместе с тем он оставляет время, чтобы поправить или установить более точно склеиваемые обрывки. ПБМА — клей обратимый: отвердевший, он в случае надобности может быть полностью растворен и удален. Он ценен тем, что не впитывается в бересту, следовательно, не разрушает ее структуру. Соприкасаясь с берестой лишь поверхностно, он в то же время достаточно вязок, чтобы удерживать в целостности обрывки грамоты. Важно и то, что он не пристаёт к стеклам, между которыми хранится склеенная грамота. Наконец, он не растворим в воде — это его свойство оказалось незаменимым при восстановлении некоторых из числа самых пострадавших грамот. Токсичен ли ПБМА? Разрушителен ли, хотя бы в далеком будущем, для такого материала, как береста? На этот вопрос отвечать рано. Можно отметить лишь одно: склеенные им около 15 лет назад берестяные грамоты визуально ни в чем не изменились.

Девизом реставратора берестяных грамот должно быть — все во имя прочтения текста! Вот почему иной раз в ущерб внешним художественным свойствам документа приходится подыскивать наиболее выразительную связь начертанных на нем знаков. И вот почему на той стороне, на которой написан текст, может не быть видно следов клея, зато с изнанки грамота вся будет в клеевых подтеках. Кстати, подтеки, точнее, излишки клея в местах трещин способствуют лучшему скреплению берестяных обрывков; они необходимы при профилактике угрожающих выпадением «чечевичек» — этих столь характерных для берестяной коры темно-коричневых пробкообразных по составу полосок.

Прежде, чем приступить к склейке пострадавшей грамоты, желательно привести все составляющие ее части к одинаковой толщине. Свилеватые, бородавчатые и прочие наросты, если на них не приходятся знаки текста, лучше срезать, иначе они не позволят зажать грамоту между стекол. Грамоту, написанную на толстой, не расслоенной в древности бересте, полезно бывает расслоить. Это нужно, во-первых, хотя бы для выявления изначального ее контура. В противном случае слои, подверженные сильной усушке, не совпадая по длине со слоями эластичными, будут создавать излишнее нагромождение контуров. Во-вторых, это нужно для лучшей сохранности и удобочитаемости документа, ибо опять-таки все те же усыхающие слои могут тянуть за собой и собирать в гармошку ту сторону грамоты, на которой написан текст. В-третьих, удачно отслоенная нижняя часть грамоты, так называемая «подложка» в некоторых случаях сама является важнейшим документом. Если, к примеру, на лицевой стороне грамоты текст как-либо поврежден и не читается, то может статься, что оттиснутый на подложке, он остался невредим.

После проведения указанных операций, а иногда и одновременно с ними, при помощи тонкой металлической спицы на места,

нуждающиеся в склейке, наносится ПБМА. Излишки клея, проступившие на лицевую сторону грамоты, удаляются лишь тогда, когда он затвердел. Для чего используется закрепленный на кончике пинцета маленький ватный тампон. Окуная его время от времени в ацетон, протирают грамоту и смывают с нее излишки клея. Надо следить, чтобы не растворить лишнего.

Бывает, что полузастывший клей требуется в отдельных местах грамоты расправить, уплотнить и ускорить тем самым его высыхание. Удобнее всего это сделать увлажненными пальцами: к увлажненным не пристаёт клей, кроме того, пальцы ощущают бересту как живой материал. Вообще чувствительным пальцам доверяется едва ли не основная часть работы. Не пинцетом, например, а влажным кончиком пальца доставляются к соответствующим местам в грамоте легчайшие кусочки бересты. С участием пальцев осуществляется аккуратное расслоение бересты. Ни один инструмент, кроме пальцев, не определит, до какого предела возможно растягивать бересту. Задачи такого рода возникают, если, к примеру, еще в древности куски разорванной и разбросанной грамоты оказались в культурном слое в неодинаковых деформирующих условиях; позже, не прилегающие один к другому, они будут нуждаться в правке. То же произойдет, если полоски разорванной бересты были в древности превращены в тугий узел, через столетия высвобожденные из такого узла берестяные полоски на разных их участках будут неравномерно потянуты, а кое-где, наоборот, скомканы, сжаты. Исправление их — дело необычайно ответственное: малейшая потеря бдительности — и береста разорвется поперек волокон. Разумеется, не простыми усилиями пальцев осуществляется исправление подобных грамот. Впервые поучительный опыт работы с сильно деформированными берестяными грамотами состоялся в середине 1980-х гг. Одну грамоту из числа ранних находок, хранящуюся в Новгородском музее-заповеднике, потребовалось проверить на предмет правильности ее прежде опубликованного варианта прочтения. Она долгое время покоилась в упаковке из стекол в виде разрозненных двух основных и нескольких мелких кусков бересты. Мелкие куски к большим были подклеены без особых затруднений. Когда же началась склейка больших кусков — а это делается с ориентацией на точное совпадение разорванных знаков текста — то соприкосновения пришлось лишь на некоторые короткие участки грамоты. Промежутки между ними поочередно то справа, то слева вдоль линии склейки возвышались волнами до 1,5 см высотой. Ни о каком дальнейшем хранении грамоты в стеклянной упаковке, казалось, не могло быть речи. Попытки размягчить бересту в кипящей воде мало что изменили. Правда, они позволили оценить достоинства ПБМА, который, хотя и не в полную меру, но продолжал скреплять смазанные им участки грамоты. Последней попыткой повлиять на бересту — причем уже без надежды на успех — была обработка ее струей горячего водяного пара. Не тотчас и едва ли не случайно был уловлен момент, когда береста становится способной до некоторого предела растягиваться. Это именно то положение, когда береста находится под горячей струей. Рискуя обжечь пальцы, оказалось возможным слегка растянуть бересту на ее небольшом участке. Чтобы закрепить полученный результат, необходимо было, удерживая бересту в натянутом положении, удалить ее от пара и дать остыть; она как бы закалилась в новом для нее состоянии. Тем же способом, но организуя усилия пальцев в противоположном направлении, удалось и ужать грамоту на ее слишком растянутых в древности участках. Так, сантиметр за сантиметром обрабатывая паром и тут же подклеивая новые стыкующиеся участки, стало возможным полностью выровнять грамоту. Это было похоже на чудесное превращение.

Позднее указанным способом были выправлены все самые пострадавшие берестяные документы из новгородской коллекции. В частности, теперь не составляет особых усилий выравнять неестественно изогнутые, как коромысло, грамоты. Что важно и для их художественного облика, и для работы с написанным на них текстом.

Трудности могут возникать при реставрации грамот, у которых береста структурно деградировала. Извлеченная из слоя земли, она, кажется, никогда не высохнет. Вдруг, подсыхая, растрескивается на множество хрупких ракушек. Ее отщепленные вдоль волокон полоски стремительно ответвляются, круто заворачиваются в стороны от общего направления. Она, как правило, теряет способность расслаиваться. Столь неприятного процесса не избежать. Но ослабить его возможно. Необходимо все места с намечающимися трещинами закрепить с помощью ПБМА. И нельзя допускать ответвлений бересты: замешкавшись, не спасешь положения ни кипятком, ни паром, ни химикатами. Если же ответвления состоялись раньше, чем грамота попала в руки реставратора, в таком случае остается одно: искусственно сделать трещины в тех местах берестяного листа, в которых они не мешают письменным знакам, и придать полоскам их изначальное положение.

Особую категорию грамот составляют и те, на которых текст написан с обеих сторон. Их обычно не удается расслоить. А потому склейка берестяных обрывков должна быть ювелирной — крепкой и не мешающей чтению текста. Излишки затвердевшего ПБМА необходимо с помощью ацетона убрать как с одной, так и с другой стороны документа.

С большим трудом восстанавливаются грамоты, изъятые из земли в виде разрозненных мелких кусочков, и тем более если кусочков недостаточно, чтобы собрать грамоту целиком. Из числа таковых грамота № 754, открытая в Новгороде в сезон археологических раскопок 1995 г. Ее многочисленные хрупкие кусочки пришлось приращивать один к другому в режиме напряженной, иногда круглосуточной работы в течение месяца с лишним. Когда работа подошла к концу, вдруг осенило: не будь столь удобного клея, как ПБМА — содержание этого берестяного послания XIV в. так бы и осталось загадкой. Впрочем загадкой оно не осталось и по другой причине. В его восстановлении — как и вообще в подобных случаях — решающее значение имели совместные усилия разных специалистов — историка, палеографа, лингвиста.* И чем явственнее оконтуривались берестяные обрывки с утраченным на них текстом, тем и большие права в работе над грамотой вступал языковед. Только он способен предложить обоснованный вариант прочтения грамоты целиком, а значит и всего того, что в ней усилиями реставратора уже не восстановить.

Описанные способы обработки поврежденных берестяных грамот являются основными. В большей или меньшей мере они могут

использоваться при восстановлении грамот с самыми разнообразными повреждениями. В то же время реставратор должен быть готовым к любым неожиданностям: тот или иной не встречавшийся ранее дефект, один или в комплексе с другими, может потребовать для его устранения новых, непредвиденных средств.

Сложившиеся в Новгороде способы реставрации написанных на бересте грамот были успешно применены и при восстановлении берестяных грамот, обнаруженных археологами в других городах, — Старой Руссе, Пскове, Смоленске, Торжке, Москве.

20—21 сентября 1995 г. после прочтения настоящего доклада на научной конференции, посвященной 130-летию Новгородского музея, один из слушателей высказал недоумение. Суть его в следующем: представленный опыт реставрации берестяных грамот почему-то не включает в себя ни исследований о многочисленных березовых породах, ни химического анализа изъятых из слоя земли образцов бересты, как это соответствовало бы принятым нормам публикации, различных технологий.

В самом деле, стремясь к идеальной разработке методики реставрации берестяных грамот, следовало бы изучить березовые породы и провести различные лабораторные анализы их древних образцов. Не исключено, что все это когда-то осуществится и, представим, даже состоится открытие секрета восстановления здоровой структуры в деградированной бересте. Но если такое открытие и грянет, — что кажется почти невероятным, — то его не совсем еще поздно будет присовокупить к имеющемуся опыту. В последнем предусмотрена возможность удаления клея с берестяных грамот и возвращения их в исходное состояние, хотя, к сожалению, и не абсолютное. Абсолютным можно назвать то состояние, когда береста, изъятая из влажного культурного слоя, не подверглась усушке. Однако приходится делать выбор: или, храня в воде разрозненные обрывки бересты, ожидать открытия химиками секрета восстановления деградированной бересты, или же, подвергая берестяную грамоту усушке, подклеивая одни к другому ее кусочки, все же получить возможность ее прочтения. Выбор сделан в пользу прочтения текста, ибо он является предметом главного научного интереса. Кроме того, если бы, к примеру, и удалось сохранить внешнее благообразие некоторых грамот в большей степени, чем нынче, то ни качество, ни количество написанного на бересте текста, по сути, не изменилось бы. Следует помнить также и о том, что именно представленный опыт реставрации позволил вернуть целому ряду «тяжелых» грамот одновременно с их прочтением и внешний, пусть в известной мере не идеальный, но все же экспозиционный облик, чего не удавалось прежде. Вообще начало едва ли не всякому опыту или методике дают пробы, ведущие в неизвестность. Тогда ошибки и успехи равно поучительны. И, естественно, те же признаки содержит в себе накапливавшийся десятилетиями опыт восстановления древних грамот. Очевидно, что берестяная грамота — объект сложный: это и свидетельство, требующее особых форм хранения, это и экспонат, у которого должны быть выявлены присущие ему художественные достоинства, это предмет, нуждающийся в реставрации, но одновременно это и такой документ, в котором, если он с утратами, желательно реконструировать текст. Можно назвать счастливым стечением обстоятельств тот факт, что в последние около пятнадцати лет над расшифровкой грамот, объединив усилия, успешно трудятся крупнейшие специалисты в области древней русской истории, языка, письменности. Но этот же факт с неменьшей убежденностью можно признать закономерным, подготовленным всеми предшествовавшими ему удачами и недочетами первых исследователей, их поисками, быть может, самыми трудными, рискованными и необходимыми. Каково бы происхождение этого факта ни было, но в начале 1980-х гг. он предстал столь явным, что не способствовать ему средствами реставрации и подготовкой выверенных научных прорисей грамот стало невозможно. Стечения обстоятельств такого рода крайне редки, упускать их нельзя. Недосуг было в ту пору заниматься анализом различных степеней деградации березовых пород или ожидать того же, причем не известно как долго, от специалистов химиков. Таков последний довод в пользу сложившегося опыта реставрации древних берестяных грамот.

1 Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Свинцовые печати из раскопок в Кореле

А. И. Сакса, В. Л. Янин

В ходе археологических раскопок в средневековой крепости Корела (г. Приозерск Ленинградской обл.) в 1989 г. был обнаружен компактный комплекс из восьми свинцовых вислых печатей. Раскоп, площадью 66 кв. м, в котором они найдены, был разбит в северо-восточном углу крепостного двора, между восточной куртиной и раскопом А. Н. Кирпичникова 1976 г. 1 Большую его часть занимала шведская постройка второй половины XVII в., мощность степ которой достигала 2 м.

Печати были найдены с западной (внешней) стороны этой постройки, в юго-западном углу раскопа на пространстве чуть более 4 кв. м. Они извлечены из слоя черной «жирной» земли, который был перекрыт мощным (толщиной в 1—1,3 м) напластованием более светлой земли, содержащей строительные остатки в виде обломков кирпичей и кусков извести, а также гвозди, кости животных и др. Этот перекрывающий слой образовался в результате строительной деятельности нового времени, начиная с шведских работ конца XVI—XVII вв.

Между слоем строительных остатков и тем, в котором обнаружены печати (мощность последнего достигает 20—70 см), пролегают прослойки глины толщиной в 20—30 см, особенно выраженные в юго-западной части раскопа. Слой черной земли, в котором найдены печати, на месте их обнаружения не превышал 40 см

При продолжении работ в 1990 г. была найдена заготовка свинцовой печати меньшего размера. Она не имеет отношения к

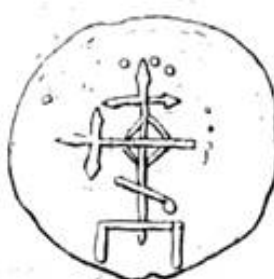
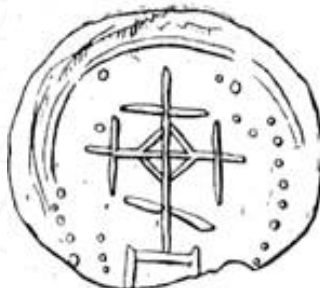
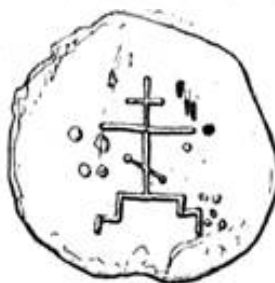
сфрагистическому комплексу 1989 г., будучи обнаружена в юго-восточном углу раскопа в слое крупнозернистого песка, содержащем прослойки и скопления щепы, а также заметное количество изделий из мета ила (в том числе карельские украшения XII—XIII вв.), рыболовных грузил, глиняных пряслиц, керамики. Этот слой перекрыт горизонтом деревянных построек, дендрохронологическая дата которого укладывается в рамки 1330-х—1370-х гг. (определения П. Зеттерберга из университета Йюенсуу, Финляндия). Если учесть изношенность и обработку дерева в процессе использования бревен, возможно расширить эти рамки до начала XV в., приняв возможный максимальный допуск в 50 лет. Совершенно очевидно, что для сооружения этой деревянной конструкции, подстилавшей слой с рассматриваемыми печатями, использовались в значительном количестве уже бывшие в употреблении бревна. В этом слое изобилует щепка, но практически нет вещей.

Таким образом, печати находились в прослойке, перекрытой остатками строительной деятельности конца XVI—XVII вв. и подстилаемой слоем середины XIV—начала XV вв. В этой прослойке, помимо печатей, встречены обломки глиняных сосудов, янтарный нательный крестик с процарапанным на его поверхности восьмиконечным крестом, игральная фишка.

Исследования прилегающей к раскопу 1989—1990 гг. куртины, продолженные в 1992 г., внесли некоторые уточнения в стратиграфию Корелы: отсутствующие слои московского периода (1470-х—1580-х гг.) оказались в куртине. Наиболее вероятно, что она была возведена в конце шведского периода и для нее использовали землю с площадки крепостного двора, когда ненадежная каменная стена мощностью всего в 2 м, обнаруженная раскопками 1992 г. внутри куртины, была заменена укреплением бастионного типа.

Обнаруженные в Кореле печати являются материальным остатком небольшого «семейного» архива документов, несомненно, однородных по содержанию, поскольку скреплявшие их печати все без исключения принадлежат к одному и тому же институту наместников новгородского владыки, утверждавших акты землевладения. В ряде случаев эта принадлежность выражена прямым указанием в тексте легенды (в публикуемых ниже текстах легенд печатей буквы, отсутствующие в современном алфавите, по техническим причинам заменяются своими аналогами, выносные буквы вносятся в строку, восстанавливаемые утраченные буквы заключаются в квадратные скобки; аутентичное воспроизведение этих текстов — см. на прорисях печатей) и во всех случаях — изображением креста на подножии — формального индикатора системы владычного управления.





Захарья Федотович

Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЪ ЗАХАРИИ ФЕДОРОВИЧА Вокруг точечный ободок. Изображение восьмиконечного креста на подножии. По краю, между точечными ободками: ВЛДЧНАИ НАМЕСНИКА

Иван Онцифорович

Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЪ ИВАНОВА ОНЦИФОРОВИЧА Вокруг точечный ободок.

Изображение восьмиконечного креста на подножии. По сторонам розетки. Вокруг точечный ободок. 25—30 мм.

Надпись в пять строк: [П]ЕЧ[А]ТЪ ИВАШНА ОНЦИФОРОВИЧА Вокруг точечный ободок. Изображение восьмиконечного креста на подножии.

Вокруг точечный ободок.

29—31 мм. Оттиснулись лишь центральная часть в зоне утолщения заготовки вдоль канала для шнура и круговые ободки. Иван Яковлевич

Надпись в пять строк: ПЕЧАТЪ ИВАНОВА ЯКОВЛЕВИЧА ВЛИЦА НАМЕСНИКА ВЛДЧНЯ Изображение восьмиконечного креста на подножии. По сторонам следы титлов

Климентий Михеевич

Надпись в четыре строки: [ПЕЧАТЪ] КЛИМЕНТИЯ МИХЕЕВИЧА

Изображение восьмиконечного креста на ступенчатом подножии.

Онисим Микифорович

Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЪ ОНИСИМА МИКИФОРОВИЧА Вокруг точечный ободок. Изображение сложного восьмиконечного креста на подножии. Вокруг точечный ободок.

Надпись в четыре строки: [П]ЕЧ[А]ТЪ ОНИСИМА МИКИФОРОВИЧА О. с. Изображение сложного восьмиконечного креста на подножии. Д. — 33 мм

Надпись в пять строк: ПЕЧАТЪ СЕМЕНА ВЛДЧНА НАМЕСНИКА Вокруг точечный ободок. О. с. Изображение шестиконечного креста на фигурном подножии. Вокруг точечный ободок. Д. — 30 мм

Все шесть имен владычных наместников встречены в материалах новгородской сфрагистики впервые. Ближайшую аналогию рассматриваемой группе составляют наместничьи печати двинских актов, известные уже в нескольких десятках экземпляров, но на них читаются иные имена. Между Корелой и областью действия двинских владычных наместников простираются обширные земли Обонежья. Однако, судя по обонежским актам, сохранившим наместничьи буллы, на этой территории осуществляли свою деятельность новгородские наместники владыки, которые пользовались печатью с изображением креста на одной стороне и Богородицы на другой. Поэтому имеются основания предполагать существование особой территориальной группы корелоских

наместников новгородского владыки, к числу которых принадлежали владельцы рассматриваемых печатей Захария Федотович, Иван Онцифорович, Иван Яковлевич, Климентий Михеевич, Онисим Микифорович и Семен. Их хронологическая принадлежность к XV в. определена как стилистическими особенностями булл, так и стратиграфическими обстоятельствами их обнаружения. Можно попытаться кое-что уточнить, имея в виду достаточно широкие временные рамки деятельности перечисленных наместников и формирования обнаруженного в 1989 г. архивного комплекса. Его хронологическая протяженность демонстрируется наличием вариантов печатей Ивана Онцифоровича и Онисима Микифоровича.

Не исключено, что именно наместник Иван Яковлевич упомянут в одном из дошедших до нас в списке 1633 г. — грамоте Марии Ивановой дочери, жены Луки Федоровича, Соловецкому монастырю с просьбой о поминании ее родных за вклад: «От Луки Федоровича жены его Марьи. Л что пожни мои и села мои морские, а тое сама отдала . пятому Спасу на Соловки. А кто буди изумен и священни-мы, и вы оспода, напишите деда моего Якова и Фатьяна, Марью и Устинью, и батка моего Ивана, и матку мою Федотью, и мужа моего Луку, да и мене Марью да детей моих: сына моего Василья, дочь мою Окулину. Пишите, осподо, нас вседеную».

Лука Федорович, сын посадника Федора Яковлевича, в 1462 г. был новгородским тысяцким, но стал посадником уже к 1471 г., когда принимал участие в заключении Коро-Т.ынского мира. Как посадник он упомянут также под 1472, 1475, 1476 и 1478 гг. Писцовые книги числят его среди вотчинников; следовательно, он дожил до боярского вывода 80-х гг. Вкладом его жены Марьи, вероятно, является ее независимая от владельческих прав мужа волостка, полученная ею в приданое. Марья во вкладной книге Соловецкого монастыря названа с ее родовым прозвищем — «Кадская», т. е. Кавская, а эта семья имела значительные владения в Обонежье. Документ датируется 70-ми или 80-ми гг. XV в., но, как это очевидно, деятельность отца Марьи — Ивана Яковлевича — относится к эпохе предшествующего поколения.

К 60-м или 70-м гг. XV в. относится двинская купчая грамота Константина Дементьева с братьями на участки земли у Климуши Михеева. Редкое сочетание имени и отчества дает возможность предположить тождество этого землевладельца с наместником Климентием Михеевичем. Нас не должно смущать то обстоятельство, что фиксированные документами земельные владения Ивана Яковлевича и Климентия Михеевича расположены не на Карельском перешейке, а в Обонежье и на Двине. Лоскутный характер как боярского, так и небоярского новгородского землевладения достаточно хорошо известен.

Если приведенные сопоставления верны, то датировать комплекс корельских печатей следует серединой — третьей четвертью XV в.

1 Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Раскопки древней Корелы // АО 1976 г. М., 1977. С. 16—17.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(44\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Индивидуальный отдых](#)

Интересные путешествия, отдых в удовольствие!

www.renaissancetour.ru

[Weekend Tour](#)

Туры выходного дня.

[Адрес и телефон](#) · www.weekendtour.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

10/96

Экспериментальное судостроение и проблемы изучения средневекового судоходства на северо-западе Руси

П. Е. Сорокин

Изучение проблем древнего судоходства представляет собой отдельное направление в морской или гидроархеологии. Первоначально для этого используются письменные документы и изучаются топонимы на судоходных трассах. Позднее начинают привлекаться археологические признаки, указывающие на функционирование водных путей: 1) наличие на их побережье находок импортов и иностранных монет, 2) существование на водных путях укрепленных пунктов и сторожевых постов, контролировавших продвижение по ним, 3) наличие археологических памятников в ключевых точках пути (порожистые участки, места смены условий плавания), 4) частично островной характер расселения в рамках одной культуры, с приуроченностью зон оседлости к трассе пути, 5) находки судовых деталей в археологических слоях прибрежных поселений и в погребениях. В последнее время перспективным направлением в изучении средневекового судоходства стало моделирование плаваний с использованием различных типов судов, включая копии древних — представляющие собой реконструкции археологических находок. Это позволяет не только определить оптимальные типы плавсредств и скорость движения их на отдельных участках пути, но и лучше понять взаимосвязь размещения

археологических памятников с существовавшей в древности системой судоходства.

В историографии уже длительное время продолжается дискуссия о типах судов, плававших по Балтике и внутренним водным системам, связанным с ней. По мнению шведского археолога Э. Нюлена, большие корабли викингов типа Гокстадского и Усебергского использовались для Атлантического плавания, на Балтике же применялись плавсредства типа «море—река», которые должны были легко и быстро передвигаться как на веслах, так и под парусом, без особых затруднений преодолевать водоразделы и при этом иметь достаточные размеры и грузоподъемность для морского плавания. К таким судам исследователь отнес судно, обнаруженное в озере Тингтаде на Готланде, с размерами 8 м в длину и 2 м в ширину. Датский ученый О. Крумли-Педерсен полагает, что суда, проходившие из Швеции через русские реки в Византию, были легкие и узкие, длиной до 12—16 м, что обеспечивало их маневренность при преодолении порожистых рек. Он исключает возможность использования для таких мероприятий судов, аналогичных найденным в Скульделеве и Гокстаде.

Отдельным аспектом этой проблемы является вопрос о водном сообщении между Скандинавией и Северо-Западной Русью. К выводу о разнотипности судов, ходивших из Балтики до нижнего течения Волхова и далее по рекам Восточной Европы, пришли в своих работах В. А. Брим и Е. А. Рыдзевская, по мнению которых смена больших морских судов на речные плоскодонные происходила в Старой Ладого. Другой позиции по этому вопросу придерживался А. М. Микляев, полагавший, что водное сообщение по Волхову в эпоху викингов отсутствовало, а поездки из Ладого в Новгород совершались по суше.

По нашему мнению, Старая Ладога посещалась большими судами викингов, включая и суда таких размеров, как Гокстадское и Усебергское. Некоторые из обнаруженных здесь археологических судовых деталей: заклепки, стойка корабельного навеса, граффити на бересте с изображением большого морского корабля, — позволяют с достаточной степенью уверенности утверждать это. В раннее время — до X в. — килевые клинкерные суда средних размеров поднимались и вверх по Волхову. Начиная же с этого столетия движение по этой реке осуществлялось преимущественно на малых килевых (типа лодей 1—3 из Гокстада), однодревных и больших плоскодонных судах. Причинами этого изменения навигационной системы, подтверждаемого как письменными, так и археологическими данными, были понижение уровня воды в Волхове, что усложнило прохождение порожистых участков на нем, а также; вероятно, происшедшие на Севере Руси политические изменения, приведшие к тому, что конечным пунктом плавания морских судов — единственным морским портом региона становится Старая Ладога.

В последнее время данные письменных и археологических источников по средневековому судоходству, все чаще дополняются материалами, полученными в результате проведения научных экспериментов. Наиболее ценные научные результаты дают эксперименты, проводимые с использованием точных копий (реплик) археологических судов на водных путях с условиями судоходства, адекватными тем, которые существовали в средневековье.

Работы по реконструкции судов эпохи викингов начинаются в скандинавских странах сразу же после появления первых археологических находок такого рода. Уже в 1893 г. в Норвегии была сделана реконструкция корабля из Гокстада, использованная для путешествия в Америку. Однако массовое строительство копий судов викингов начинается только в середине нашего столетия. К настоящему времени выполнено уже несколько десятков таких реконструкций, и если первоначально они строились, преимущественно, в целях популяризации исторического прошлого, то в последнее время задачами таких проектов все чаще становится изучение средневекового судостроения и судоходства. Крупнейшим научным центром, занимающимся этой проблематикой, является музей судов викингов в Роскильде (Дания). В 1984 г. здесь была построена реплика археологического судна XI в. Скульделев 3, получившая название *Roar Ege*. Особенностями этого проекта было то, что в его рамках реконструировался не только внешний облик судна, но и средневековый технологический процесс, включая способы изготовления железных заклепок, обработки древесины, строительства судна и его оснащения.⁵ Два года спустя в 1986 г. в Швеции, при участии датских специалистов, на основе тех же принципов было построено судно Арнлот, представляющее собой реконструкцию археологической лодьи из погребения Вальсгерде 14. Специфика этого проекта состояла в том, что деревянные детали судна не сохранились и воссоздание осуществлялось только на основе судовых заклепок, размеры и расположение которых позволяли получить информацию о параметрах и устройстве погребенной лодьи.⁶

Именно такие суда используются в скандинавских странах для моделирования раннесредневековых плаваний. При этом учитываются и изменения условий судоходства на средневековых водных маршрутах — так, О. Крумли-Педерсен считает, что исчезновение порожистых участков на реках Восточной Европы не позволяет выдерживать здесь чистоту эксперимента и поэтому проводить его необходимо в других более диких местах, к примеру на реках Южной Америки, где условия судоходства могут быть сопоставимы с древне-европейскими. Именно в таких регионах следует, по его мнению, искать этнографические аналогии судам, проходившим в средневековье по восточноевропейским водным трассам.⁷

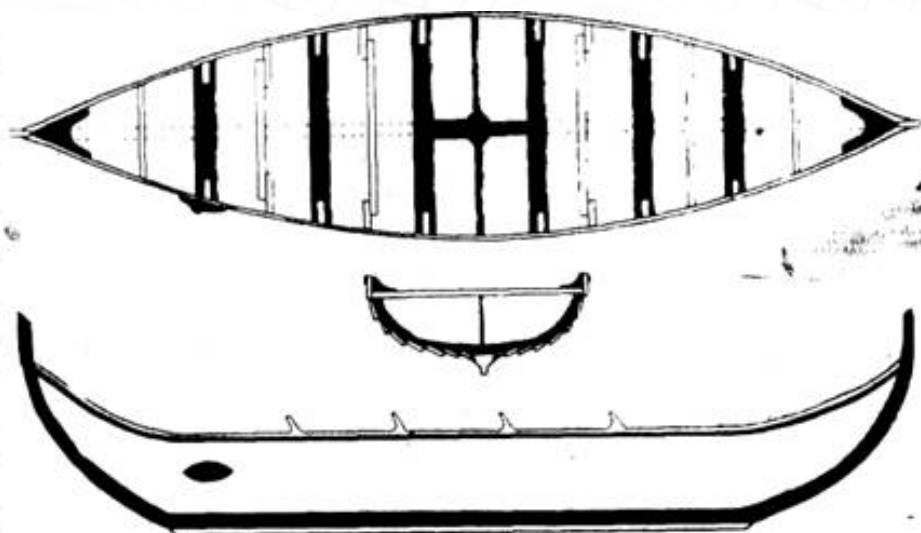
В последние годы экспериментальные работы были осуществлены и в водах Северо-Запада России. В 1986 г. северный участок пути «из варяг в греки» был пройден на ялах экспедицией «Нево». Позднее — в 1990—1993 гг. здесь были осуществлены экспериментальные плавания на судах «Скинфакс» (уменьшенная копия датского торгового судна XI в. — Скульделев 3), «Хаверн» (уменьшенная копия Гокстадского корабля), «Нево» (гипотетическая реконструкция древнерусской морской лодьи).

В 1994 г. по историческому водному пути из Центральной Швеции в Северо-Западную Русь проходила научно-исследовательская экспедиция на судне «Айфур». Это судно, представляющее собой собирательную реконструкцию, основанную на материалах более

раннего шведского проекта «Краммакен» (1979—80 гг.), судовых находок из могильника Вальсгерде, изображениях судов на рунических камнях, было построено на Готланде в 1991—92 гг. группой энтузиастов, объединенных в ассоциацию. Размеры его составляют — 9 м в длину и 2,2 в ширину. Для его изготовления использовались различные материалы: сосновые доски обшивки были соединены в клинкер медными Заклёпками; шпангоуты были изготовлены из ели, а руль и судовые блоки из дуба. В движение судно приводится с помощью прямоугольного паруса площадью 20 кв. м и восемь гребными веслами, расположенными по четыре с каждого борта.

С 27 июня по 15 июля Айфур проследовал из озера Меларен к Аландским островам и далее вдоль побережья Финляндии, находясь все время в пределах видимости берега, дошел до Выборгского залива. На этом участке маршрута было сделано несколько дневных остановок и плавание в условиях открытого моря, в основном, совершалось под парусом.

Участие в проекте российской стороны началось с момента вхождения судна в территориальные воды России. Содействие в осуществлении проекта и культурные мероприятия были организованы Выборгским, Староладожским и Новгородским музеями-заповедниками, Санкт-Петербургским отделением РАН, а также экспедициями ИИМК РАН в Старой Ладозе и на Рюриковом городище. Общая протяженность пути в водах северо-западной России составляла около 550 км. Плавание здесь происходило в 3 этапа: 1 — Выборг — Санкт-Петербург с 17 по 19 июля, 2 — Санкт-Петербург — Старая Ладога с 21 по 28 июля, 3 — Старая Ладога — Новгород, Рюриково городище с 30 июля по 6 августа. Наибольшая часть маршрута — около 310 км, в основном по рекам Неве и Волхову, была пройдена на веслах — в условиях почти полного отсутствия ветра; около 200 км преимущественно в Финском заливе и на Ладозе, прошли под парусом; и около 40 км, в местах с быстрым течением (районы Ивановских порогов на Неве, Волховских и Пчевских порогов на Волхове), были преодолены путем переволакивания судна с помощью каната вдоль берега. На все это плавание было затрачено около 155 часов чистого времени, таким образом средняя скорость составляла около 3,5 км/ч. Наибольшая скорость достигалась в Финском заливе — 6,4 км/ч., а наименьшая при прохождении Невы — 2,1 км/ч.



Чистота научного эксперимента по ряду причин объективного и субъективного характера нарушалась, однако фиксация этих отклонений и введение соответствующих поправок в полученные показатели позволили избежать значительных ошибок в результатах моделируемого плавания. Несомненно, условия судоходства на водном пути из Балтики в Приильменье подверглись значительным изменениям с эпохи средневековья. Исчезновение порожистых участков на Неве и Волхове, обозначение фарватеров знаками, наличие маяков и использование навигационных карт и приборов существенно облегчает судоходство. Однако, с другой стороны, такие сооружения, как мосты, лодочные гаражи, плотины и дамбы, напротив, значительно осложняют его. На участке от Петербурга до Новгорода экспедиция сопровождалась группой на грузовом автомобиле, в задачу которой входила транспортировка снаряжения, заготовка продуктов и воды. Экипаж судна, состоявший из 9—10 человек, менялся в процессе экспедиции, за исключением нескольких человек, прошедших весь маршрут от Сигтуны до Рюрикова городища. Учитывая, что в состав экспедиции входили представители самых различных социальных групп и профессий, не имевшие, в основном, специальной физической подготовки, плавание происходило, в среднем 6—11 часов в сутки и задача прохождения максимально возможных расстояний не ставилась.

Влияние всех этих факторов на результаты эксперимента достаточно велико, однако обстоятельства, облегчающие современное судоходство по сравнению со средневековым, в основном уравновешиваются условиями его осложняющими, поэтому данные, полученные в ходе плавания, можно считать близкими к моделируемому и использовать для решения поставленных проблем. Так, при ежедневном 12-часовом плавании путь от Выборга до Новгорода занял бы около ..13 суток, а среднесуточная проходимость . составила бы 42,3. км. Путешествие от Сигтуны до Выборга, занявшее около двух недель времени, могло бы быть значительно . ускорено при условии круглосуточного плавания, что представляется достаточно вероятным для морских участков пути, когда оно, преимущественно, совершается под парусом.

Полученные данные, в основном, совпадают со сведениями на этот счет, имеющимися в письменных источниках и с результатами

ранее проведенных экспериментов. Таким образом, можно констатировать: плавание по маршруту Бирка — Рюриково городище в зависимости от погоды, типа судна и режима движения занимало две-четыре недели времени. Анализ полученных в результате экспериментов данных, свидетельствующих о значительных вариациях суточной проходимости судов, при различных условиях, не позволяет говорить о строгой этапности в движении по водным путям, поэтому остановки на них делались, преимущественно, в ключевых пунктах и при необходимости в крупных центрах

Для получения более ясной картины о судоходстве на Волховско-Ладожско-Невском пути в средневековье необходимо проведение экспериментов с копиями других основных типов судов, распространенных здесь в это время, — больших плоскодонных плавсредств с прямыми бортами и судов, созданных на однодревной основе. Помимо исследования скорости движения и условий плавания по водным путям, требуется организация экспериментов по грузоперевозкам и транспортировкам групп людей. Все это даст новую информацию, которая существенно расширит наши представления о средневековом судовом деле и о месте различных типов судов в инфраструктуре древнерусской экономики.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(36\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Стили "Эклектико-студио"](#)

Дизайн интерьеров, текстильные решения, элементы декора...

www.eclectico.ru · Москва

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.

www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным

А. С. Хорошев

Одним из существенно важных достижений новгородской археологии является полномасштабное исследование городских дворов, благодаря которому стало возможным конкретизированное изучение усадебной планировки в различных микрорайонах Новгорода. Аналитический материал для планировочной ретроспекции дают только раскопки широким профилем, подобные неревским, Ильинским, троицким, федоровским. Примечательно, что до их начала, т. е. в 30-х - 40-х гг., специалисты при издании материалов исследований оперировали категорией "дом". Неревский материал впервые позволил ввести в оборот исследователей категорию "усадьба (двор)", понимая под этим комплекс одновременно существовавших построек, составляющих единое хозяйственное и архитектурное целое, выходивший на городскую магистраль - улицу и огражденный от соседних участков забором-частоклом. На неревском материале были выработаны основные критерии систематизации усадебной планировки и принципиально связанная с ними концепция о характере усадебного владения в средневековом Новгороде (В. Л. Янин). Вкратце эти положения следующие. Возможные, обусловленные бытовыми причинами, изменения внутренней планировки усадьбы не отражаются на ее общей площади, что фиксируется традиционностью фронтальных линий частокла. Второе: в основе этого постоянства - отражение социально-владельческой принадлежности усадеб. Третье: для Новгорода характерно размещение усадеб боярского и сотенного населения в пределах одной и той же улицы. Данные положения концепции В. Л. Янина остаются в силе и являются основой для аналитического осмысления

результатов исследований в других районах города.

Продолжение работ широкими площадями расширили пла-нографическую картину новгородских усадеб дополнительными нюансами. Сегодня мы можем определить участки постоянного усадебовладения (боярские неревские, сотенные федоровские) и участки переменного усадебовладения (ильинские и троицкие). При этом, если изменение характера ильинских усадебовладений (сотенного на ранней фазе к боярско-сотенному в поздний период) в целом соответствует исторической тенденции наступления боярства, его внедрения в сотенную администрацию (новгородские тысяцкие со второй половины XIV в. - представители олигархических семейств); то "противоестественное" изменение боярской планографии ранних троицких усадеб на сотенную в начале XIII в. - результат экстраординарной ситуации, связанной с вечаевой ликвидацией владельческого домена Мирошкиничей, после обвинений последних в узурпации власти.

Однако, изложенные нюансы в конечном счете оставляют неколебимым принцип сосуществования в Новгороде двух систем землевладения: личного — боярской патронимии и общественного — сотенного населения. При этом позднейшая планография ильинских усадеб демонстрирует сосуществование в пределах одного микрорайона боярской и сотенной территорий. Стабильность высказанных положений была нарушена В. А. Буровым, который продекларировал мнение о едином, общинно-уличанском характере городского землевладения. Исследователь исходит из традиционности фронтальных линий частоколов, в которых усматривает межучичанское членение городской территории, что, по его мнению, делает невозможным существование боярских патронимии и, как следствие, низводит новгородскую аристократию до положения усадебо-держателей уличанской собственности. Своё наблюдение Буров подкрепляет участием уличан (как корпорации усадебодержателей) в общественных работах, в частности, возведении Окольного вала, участки насыпи которого и проезды башни были закреплены за населением отдельных магистралей. При этом Бурову необходимо было, на наш взгляд, доказать, что улицы, перпендикулярные Волхову (а именно вдоль них располагаются фронтальные линии частоколов) являются градообразующими магистралями. Есть сторонники первичности магистралей, расположенных вдоль Волхова, и они высказывают в пользу того свои аргументы. Но, главное, что основное свидетельство Бурова нивелируется материалами нижних горизонтов Троицкого раскопа, где в напластованиях середины X - начала XI в. на участке к западу от Пробойной улицы зафиксирована единая усадебная территория, занимавшая все пространство между Ярышевой и Черницыной улицами. Цельность усадебной площади, исключая возможность ее деления частоколом, подчеркнута наличием дворовой вымостки от Ярышевой до Черницыной, объединяющей в единое планографическое целое все сооружения усады. Дополнительные наблюдения, противоречащие аргументу Бурова, демонстрируют давно введенные в научный оборот материалы Буяного раскопа. Планография раскопа при всей ее фрагментарности из-за небольшой исследованной площади достаточно очевидно свидетельствует об изменении трассы фронтального частоккола, причем не заднего, а переднефасадного, непосредственно выходящего на улицу. Его существенная подвижка произошла после прокладки городской магистрали в 20-х гг. XII в., которая, кстати, была проложена по живой, уже освоенной территории.

Материалы Буяного раскопа дезавуируют одно из положений гипотезы Бурова: частоколы появляются там и тогда, где и когда прокладывается уличная магистраль. Буянские частоколы появляются как минимум за столетие до уличного мощения и нет никаких следов того, что на месте прокладки мостовой ранее существовала грунтовая дорога. Ситуация, аналогичная той, что была обнаружена на Буяном раскопе, зафиксирована новгородскими археологами в ходе довоенных работ в южной части Кремля. Столь же неубедителен и второй аргумент Бурова. Наши возражения касаются не факта участия улиц в возведении Окольного вала, хотя можно здесь было бы отметить удаленность в ряде мест городских магистралей от трассы оборонительных сооружений, но, главное, что данная акция была разовым мероприятием. В то же время существовала постоянная обязанность уличан: ремонт и обновление уличных мостовых. При учете мнения Бурова, что земля, занятая мостовой, была корпоративной собственностью, логично предположение об одновременном мощении улицы на всю ее длину. Однако, изучение конструктивных особенностей мостовых доказывает, что ее мощение производилось участками, четко совпадавшими с длинниками уличных фасадов усадеб. Это фиксируется как наличием "швов" в полотне мостовых, так и периодическими ремонтами только владельческого участка, не затрагивающими соседей, что подтверждается дендрохронологическим анализом древесины. Таким образом, мощение производилось не корпоративно — улицей, а индивидуально — усадебовладельцами. О том же свидетельствует используемая Буровым конфликтная ситуация на Михайловой улице, жители которой воспрепятствовали сужению полотна мостовой, произведенного приказчиком Готского двора, что было бы невозможным при корпоративном общеуличном мощении трассы.

Наконец, пропагандируемому Буровым положению о едином для Новгорода уличанском землевладении противоречит целый ряд исторических свидетельств. Так с его идеей отсутствия личного землевладения в Новгороде не согласуется факт существования в городе, пусть и кратковременного (с начала XI в. до 30-х гг. XII в.), княжеской резиденции. То, что княжеский двор при всех спорах о его местоположении, безусловно был связан с уличными магистралями неоспоримо, и, следуя логике Бурова, новгородский князь, подобно боярам был уличанином и должен был, соответственно, нести повинности, подобно своим соседям по усадебовладению. Здесь же обратим внимание на неоднократно фиксируемую летописцами персонафикацию боярских усадеб, что было бы неоправданным в случае их (бояр) временного арендодержательства уличанской земли. С тем же вряд ли можно согласовать интенсивное боярское церковное строительство, индивидуальное по своему характеру, отличавшееся от корпоративного, которое специально фиксировалось летописцами. Вспомним, как хронист подчеркнул строительство владыкой Давыдом церкви в Неревском конце "на своем дворищи". На

аналогичном Петрятином дворище была поставлена церковь Иоанна Предтечи. Это противоречит мнению Бурова еще и в том, что вымороченная, либо выведенная из хозяйственного использования усадебная территория (дворище) переходила под уличанскую юрисдикцию. Кроме того этому же противоречит принцип материального обеспечения новгородских монастырей-ктиторий и церквей, строители которых выделили земельный надел из своих домениальных владений. В случае признания существования уличанского землевладения (и только его, как настаивает Буров) становится неподдающейся объяснению передача ключей ратманами Немецкого двора при его консервации новгородскому владыке, а не администрации улицы, на земле которой располагалась фактория. Однако при этом мы не отрицаем наличия в системе новгородского самоуправления уличной администрации. Наши возражения касаются только закрепления за ней (и только за ней) владельческих прав и ее возникновения на архаичной стадии Новгорода, на чем настаивает Буров. Тем более, что весь комплекс рассмотренных нами археологических данных подтверждает концепцию Янина о сосуществовании в Новгороде двух систем землевладения: боярской патронимии и сотенной организации свободных горожан.

Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии //Археологическое изучение Новгорода. М., 1978; Янин В. Л. О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде.//СА, 1979, № 4. Буров В. А. Уличанская община по археологическим данным//СА, 1985, № 4; Он же. К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода // СА, 1989, № 4.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

О размерах усадеб Древнего Новгорода

М. И. Петров, А. Н. Сорокин

Городские усадьбы, по образному определению В. Л. Янина, являлись "основными структурными ячейками" сложного организма. Среди вопросов, связанных с их изучением, особое место занимает выяснение размеров городских владений. Это обусловлено тем обстоятельством, что с размерами дворов связывают социальную принадлежность их владельцев.

Наибольший успех здесь может быть достигнут, когда в площадь раскопа усадьба попадает целиком, а еще лучше, когда археологическими исследованиями охватывается несколько соседних дворов. Однако полный размер усадьбы может быть установлен и в других случаях при стечении благоприятных обстоятельств. Примером могут служить дворы Ильинского раскопа, размеры которых реконструированы с учетом того, что они располагались между древней Ильиной улицей и переулком, зафиксированными в шурфах вблизи раскопа.

Однако даже при новгородских масштабах археологических исследований количество полностью вскрытых усадеб невелико. К 1982 г. Новгородской археологической экспедицией изучено свыше 40 усадеб, среди которых только 15-16 дворов вошли в раскопы целиком или своей большей частью.

На основе изучения археологических материалов, главным образом Неревского и Ильинского раскопов, был сделан принципиальный вывод о существовании в древнем Новгороде двух типов усадеб. К первому отнесены дворы Неревского, Михайловского, Троицкого и Ильменского

раскопов, имевшие по различным оценкам площадь от 750 до 2000 кв. м; ко второму - "стандартные по величине" дворы Ильинского раскопа, площадь которых определяется в 400 - 465 кв. м.

В археологической литературе утверждается, что большой размер усадеб уже сам по себе "содержит социальную характеристику владельцев, бывших, несомненно, очень богатыми людьми", причем не просто богатыми, а принадлежавшими "к экономически устойчивому сословию"; поэтому всеми исследователями большие усадьбы безоговорочно относятся к боярским "гнездам-патриимиям", на которых, кроме семьи хозяина, проживало население, находившееся "в той или иной форме зависимости от дворовладельца".

Второй тип получил определение "городских усадеб", которое следует признать не вполне удачным, так как боярские дворы также были городскими; считается, что малые усадьбы принадлежали свободным горожанам, входившим в сотенную организацию Новгорода⁷. Положение о двух типах усадеб древнего Новгорода прочно закрепилось в сознании не только специалистов-археологов, занимающихся новгородской тематикой. Однако сведение всех городских усадеб только к ним и их атрибуция как дворов бояр и свободного сотенного населения неоправданно упрощает стратификацию новгородского общества. Археологические источники подтверждают высказанное сомнение. А. С. Хорошев, формально соглашаясь с выделением только двух типов усадеб, в то же время указывает факты, которые этому противоречат. Он выделяет три типа усадеб - параметрами не менее 1500 кв. м, и до 276 кв. м, но считает, что их существование раздельно во времени⁸. Материалы раскопок других древнерусских городов также свидетельствуют о многообразии размеров усадеб⁹.

В этой связи следует указать на имеющиеся в научной литературе противоречия относительно размеров усадеб, открытых на Неревском раскопе. Наряду с приведенной выше точкой зрения о наличии там только больших усадеб, высказывались и другие оценки. Так, Б. А. Рыбаков определял "среднюю площадь одного двора" на Неревском "примерно в 400 кв. м"¹⁰; П. И. Засурцев утверждал, что размеры усадеб были различны и "колебались в среднем от 650 до 850 кв. м"¹¹; А. И. Кутовой привел данные, противоречащие общепринятому мнению, что на Неревском раскопе были открыты только большие боярские усадьбы площадью свыше 1000 кв. м: усадьба Б-54-40х47-20 м, усадьба Е-34х18 м, усадьба Е-1 - 34х26 м, усадьба Д-26х26 м, усадьба И-36х27 м, усадьба К-26х20 м.¹²

Выявленное противоречие заставляет вновь обратиться к размерам дворов Неревского раскопа на основе исследования П. И. Засурцева. Для этого необходимо, прежде всего, определить полностью раскопанные дворы или те, площадь которых на основании косвенных данных может быть теоретически реконструирована. Уже на данном этапе выявляется противоречие в количестве таких усадеб. По данным П. И. Засурцева, "полностью (или почти полностью) вскрыты шесть усадеб: Б, Е, Д, И, И-1 и К"¹³ по подсчетам других исследователей - только "три (усады Б, Д, И) были вскрыты практически на всю их площадь"¹⁴. Б. А. Колчин ориентировался на другие величины, приведенные в ранней работе П. И. Засурцева: 18 раскопанных усадеб, из которых 10 вскрыты целиком или почти полностью¹⁵. Фактически в итоговом исследовании П. И. Засурцева можно обнаружить данные по девяти таким усадьбам различных хронологических периодов: Б, В, Г, Д, Е, Е-1, И, И-1, К.

П. И. Засурцев не занимался специально размерами дворов и даже не всегда прямо указывал их значение в линейных или квадратных мерах". Поэтому размеры усадеб приходится реконструировать на основе косвенных данных. Вот, например, как определялась площадь усадьбы Е в первой половине 13 в. По данным П. И. Засурцева, "северная граница усадеб Е и Е-1 отодвинулась примерно на 10 м к югу и проходила теперь строго параллельно Кузьмодемьянской на расстоянии 35 м от нее. В последующих ярусах этого периода уже прослеживалась граница, разделявшая две усадьбы (Е и Е-1 - авт.) и проходившая на расстоянии 35 м от Великой улицы".¹⁷ На основании этих данных выясняется, что усадьба Е имела квадратную в плане форму размером 35х35 м, а ее площадь составляла 1225 кв. м. В разных работах П. И. Засурцевым указывались неодинаковые размеры одной и той же усадьбы в один и тот же хронологический период. Нередко приводились не точные размеры, а их диапазон. В этих случаях высчитывалось среднее арифметическое значение.

К статистической обработке были привлечены также данные по тем усадьбам Ильинского и Троицкого раскопов, которые вскрыты целиком или не менее чем на 80% своей площади и у которых имелись четко зафиксированные границы в виде оград. В общей сложности по трем раскопам выделены 58 усадеб, отвечающих поставленным условиям (таб. 1).

В результате проведенного исследования удалось выделить несколько классов усадеб, различающихся своими размерами (рис. 1). К первой группе относятся усадьбы площадью от 150 до 450 кв. м. Внутри нее выделяется три группы "малых" усадеб - 200±50 кв. м., 300±50 кв. м и 400±50 кв. м. График распределения размеров усадеб достаточно уверенно позволяет выделить два верхних класса "средних" и "больших" усадеб площадью соответственно 600 - 800 кв. м и свыше 800 кв. м. Следует отметить, что на протяжении 10-15 вв. встречаются усадьбы всех размеров. Однако с 14 в. возрастает количество небольших дворов.

Для усадеб Троицкого раскопа дополнительно проведен анализ расширенных количественных характеристик: соотношение количества построек на усадьбе и их суммарной площади без учета дворовых мощений и пространств между строениями. Отношение суммарной площади построек к площади усадьбы получило условное определение коэффициента плотности застройки усадьбы. Линейной зависимости между размерами усадеб и количеством располагавшихся на них построек не выявлено. Однако представляет интерес значение коэффициента плотности застройки усадьбы, значения которого колеблются от 0,12 до 0,47, из чего постройки никогда не занимали более 50% площади усадеб. На графике достаточно четко выделяется плотное облако значений с коэффициентом свыше 0,25 и не входящие в него значения ниже этой границы (рис. 2). Таким образом, на основании имеющихся данных можно утверждать, что большинство усадеб имело довольно плотную застройку. Кроме того, на графике прослеживается тенденция уменьшения

коэффициента площади застройки при увеличении размера усадьбы, при этом "средние" усадьбы второго класса характеризуются исключительно разреженной плотностью застройки.

Вопрос о соотношении усадеб определенного размера с конкретными социальными группами городского населения является очень деликатным и вряд ли данный показатель может служить единственным критерием. Например, неревская усадьба "Е" в один из периодов своего существования занимала площадь 874 кв. м 18 и, основываясь на логике предыдущих исследований, должна относиться к боярским. Однако П. И. Засурцев придерживался совершенно иного мнения по данному вопросу: "Несомненно, что усадьба в этот период принадлежала какому-то небогатому горожанину, вероятно, ремесленнику...".¹⁹ С аналогичным явлением сталкиваются исследователи и в других древнерусских городах.

Не существует какого-то единственного признака, который позволил бы однозначно определить социальное положение владельца двора: для этого необходимо учитывать не только размеры усадеб, но и характер строительных и вещевых комплексов, берестяных грамот, а также местоположение усадеб в системе городской застройки. Так, например, все новгородские усадьбы XIV в., где были открыты каменные терема, располагались на уличных перекрестках: усадьба "Б" Неревского раскопа - на пересечении Великой и Кузьмодемьянской улиц; усадьба "А1" Ильинского раскопа - Ильиной улицы и Дубошина переулка; усадьба "Г" Нутного раскопа - Большой Славной и Нутной улиц. Таким образом, размер усадьбы для определения социального статуса ее владельца не является ведущим.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(24\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Музыкальные инструменты](#)

Музыкальные инструменты (пианино, рояли, гитары и др.). Салон "Лира".

[Адрес и телефон](#) · www.lira-salon.ru · Москва

[Магазин музыкальных инструментов!](#)

Огромный ассортимент музыкального оборудования, инструментов и аксессуаров!
www.muzzdvor.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Слово о музыкальной археологии России

В.И. Поветкин

К тридцатилетию открытия Борисом Александровичем Колчиным музыкального инструментария древних новгородцев

В общем понятии российской археологии как бы сам собою возник, стал привычным и естественным, особенно в последние годы, совершенно новый предмет или направление - музыкальная археология. За рубежом, скажем, на Западе Европы такой предмет получил известность значительно раньше. Что в немалой мере способствовало созданию мнения о культуре Древней Руси как о "культуре великого молчания".

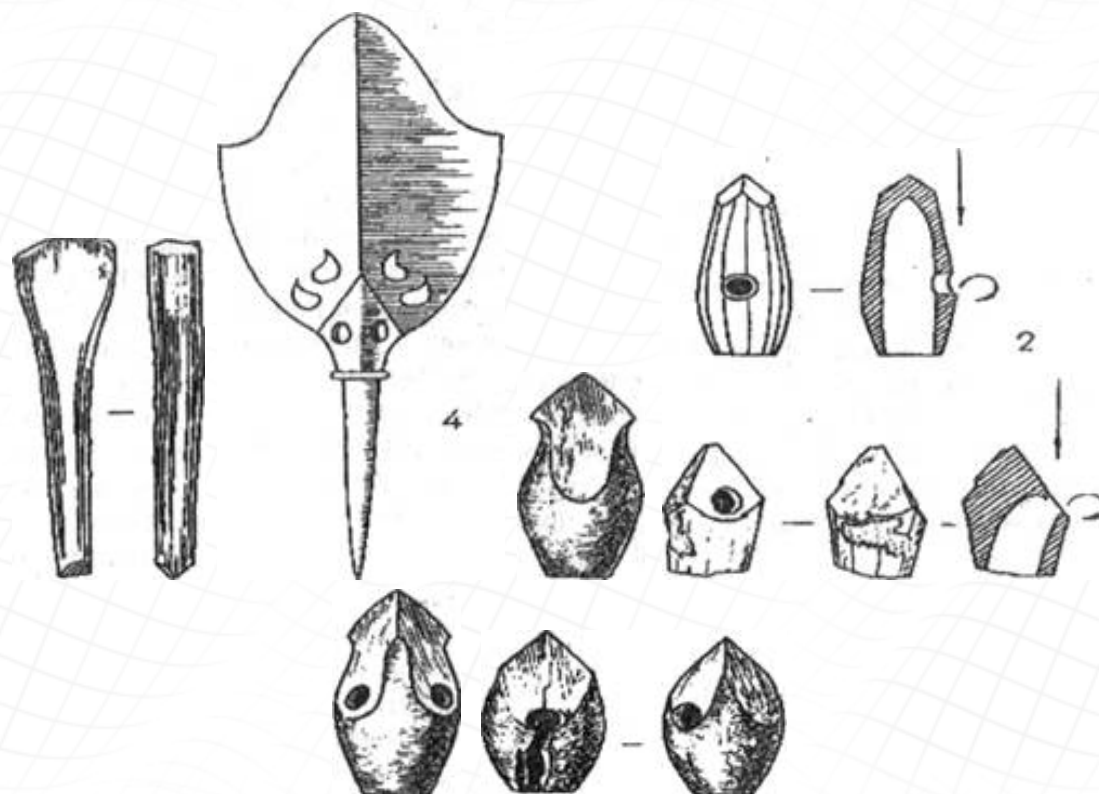
В самом деле, противоречивое представление о древнерусской музыке, музыкантах, казалось, так и останется вечно противоречивым. Казалось, никогда не удастся понять, как выглядели, как звучали те музыкальные инструменты, которые в русских устных и письменных источниках скрывались, к примеру, под названием "гусли". Оставался бесконечно спорным вопрос: какие же музыкальные инструменты - местные или зарубежные - изображались в древнерусских книгах, настенных росписях, скульптурах, предметах декоративно-прикладного

искусства. Были попытки соотнести формы известных в поздней русской традиции музыкальных инструментов со сведениями древнейших историков, начиная с Феофилакта Симокатты, жившего в VI в. и рассказавшего в своей "Истории" о троих славянах-музыкантах. Отсюда над популярными инструментами типа балалайки возникал ореол ложной древности. Единичные археологические свидетельства опять-таки в виде изображений музыкальных сцен, как, например, гудец с гусями, награвированный на драгоценном обруче из Киевского клада XII в., или, тем более, турьи рога X в. из Черной Могилы в Чернигове, воспринимавшиеся поначалу как охотничьи сигнальные инструменты - все это еще более вовлекало исследователей в мир фантазии. Вместе с тем нельзя не восхититься успехами таких историков русской инструментальной музыки, как А. С. Фаминцын, Н. И. Привалов, Н. Ф. Финдейзен. Они работали в конце XIX - начале XX вв. Некоторые их выводы и рассуждения, казавшиеся до поры до времени слишком смелыми, нынче поражают своей точностью. И все же богатому своду накопленных ими материалов по русскому музыкальному инструментарию явно недоставало какого-то основного источника, посредством которого этот свод получил бы бесспорное объяснение.

Источник этот явился раньше, нежели он был осознан как факт. И уж тем более не тотчас оказалось возможным постигнуть его богатство и значение для всей русской истории. Таково ежегодно пополняющееся благодаря археологическим исследованиям собрание музыкальных древностей Новгорода.

Извлечение из влажного культурного слоя свидетельств музыкальных инструментов - металлических, глиняных, костяных и, самое важное, деревянных - началось на Неревском раскопе уже в 1951 г. Однако определить загадочные детали и обломки как некогда принадлежавшие варганам, гудкам, гусям, сопелям удалось лишь во второй половине 1960-х гг. Честь такого открытия принадлежит выдающемуся деятелю новгородской археологии Борису Александровичу Колчину. Следствием открытия явились усилия ученого, направленные на восстановление древнего облика инструментов. Это было важно как для музейного показа, так и для всевозможных публикаций. Не вдаваясь в подробности означенных работ, заметим одно: с 1968-го по 1980-й г. типологический круг изучавшихся Б. А. Колчиным музыкальных инструментов оставался неизменным. В него входили: две разновидности щипковых малострунных гуслей - древнейшие, с игровым окном, иначе, лиробразные и пришедшие им на смену гусли без игрового окна, иначе, звончатые (по К. А. Верткову, обе разновидности причислены к типу гуслей крыловидных); смычковый инструмент - гудок трехструнный; духовой свистковый - сопель; и из группы самозвучащих - металлический варган.1 Б. А. Кол-чину, конечно же, были известны такие археологические находки, как жестяное ботало, бронзовые колокольчики, бубенчики, глиняные погремушки и свистульки. О некоторых из них он делал сообщения, однако в числе музыкальных древностей не рассматривал, быть может, по причине их общеизвестности. Или, быть может, обобщенному, широкому взгляду на данный вопрос в то время еще только подходил свой черед. В любом случае трудами Б. А. Колчина был начат умноженный впоследствии неповторимый в России и Европе опыт выявления археологических остатков музыкальных древностей, опыт их реконструкции и одновременного согласования с устными, письменными, изобразительными, вообще всеми далекими и близкими во времени свидетельствами использования звукообразующих устройств в русском быту.

Собрание музыкальных древностей Новгорода - самое крупное в Европе. К примеру, только свидетельств различных струнных инструментов на конец 1996 г. выявлено не менее 84. Это собрание способствовало верному определению, а иногда даже и убедительной реконструкции, целого ряда археологических находок музыкальных инструментов в других, удаленных от Новгорода местах раскопок. Очевидное сходство с новгородскими древними гудками и гусями, их частями, деталями или заготовками обнаружено археологами в Хедебю - это граница Германии и Дании, 2 в Польше в городах Ополе и Гданьске, 1 на территории России - в Пскове, 4 а совсем недавно - в Старой Ладогe.5 Староладожская находка - это изготовленный не позднее X в. деревянный шпенек (колок), изображение которого для данной публикации любезно предоставила З. Д. Бессарабова (рис. 1). Конструктивно шпенек мог бы равно принадлежать гусям или гудку, но по времени его бытования, он, вероятнее, составлял комплект гудка: согласно материалам новгородской археологии, в слоях X в. пока что надежно отмечаются именно смычковые гудки. Старая Ладога - третий в России город после Новгорода и Пскова, в котором обнаружено столь важное свидетельство, как деревянная деталь древнего сложно устроенного музыкального инструмента.



1. Шпенек (колок) струнного музыкального инструмента. Дерево.
Не позднее X в. Старая Ладога.
2. Наконечник стрелы-свиста
3. Наконечник стрелы-свиста
4. Наконечник стрелы-свиста.
5. Наконечник стрелы-свиста
6. Наконечник стрелы-свиста

Сохранности деревянных вещей, в частности, остатков музыкальных инструментов, способствуют пропитанные водой культурные напластования, свойственные районам Русского Северо-Запада. В других городах и селениях Древней Руси, где культурные слои складывались не столь благоприятно для дерева, также, вероятно бытовал достаточно широкий набор музыкальных инструментов, в том числе и "благородных" деревянных - струнных и духовых. Подтверждением тому служат знаменитые драгоценные обручи из княжеских и боярских кладов ХП-ХШ вв., на которых показаны обрядовые дохристианские сцены с участвующими в них гудцами-скоморохами. Особенно выразителен обруч из Старой Рязани. На его створках изображены плясунья в долгорукавке и двое Гудцов - один с гусями, другой с сопелью; причем оба инструмента поразительно похожи на открытые в Новгороде образцы деревянных сопелей и гуслей, доказательно восстановленных ныне в их формах и звучании. Однако, как уже отмечалось, голосами "благородных" музыкальных инструментов не ограничивалось богатство мира искусственных звуков Древней Руси.

Пытаясь проследить истоки сложно устроенных музыкальных инструментов, нередко приходится обнаруживать конструктивные их идеи в инструментах или звукообразующих приспособлениях, не имеющих прямого отношения к музыке, тем более профессиональной. Вот почему очевидной задачей новгородской, а значит и общероссийской, музыкальной археологии стало выявление, исследование практически любых некогда призванных издавать звук предметов. Отсюда понятие о музыкальной культуре Древней Руси предстает в бесчисленных связях профессионального музицирования скоморохов со всем былым укладом жизни - дохристианским и христианским, мирным, охотничьим и ратным, со всеми голосами и сигналами - услаждающими и чарующими, тревожными и оберегающими, тихими и громогласными.

За последние лет пятнадцать число звукообразующих устройств, именуемых с определенной условностью древненовгородским музыкальным инструментарием, значительно увеличилось. Типологический ряд последнего с большей или меньшей полнотой охватывает четыре основные группы:

Самозвучащие (идиофоны)

Металлические блюдо (гонг), колокол, звонец или колокольчик, бубенчики нескольких разновидностей, шумящие привески-амулеты, ботало литое и жестяное, варган, глиняные погремушки, деревянные лопаточные трещотки (новгородские), колотушка ночного сторожа или щелкотуха с деревянным шаром-ударником, било;

Мембранные (мембранофоны)

Бубен (обнаружены деревянные колотушки);

Духовые (аэрофоны)

Костяная брунчалка, глиняная свистулька, деревянная сопель;

Струнные (х о р д о ф о и ы)

Гусли, три разновидности - лирообразные, звончатые, гусли-псалтирь; гудок, две разновидности - трехструнный и однострунный.

Подробные сведения о перечисленных типах инструментов содержатся в публикациях последних лет.

Данный перечень - это музыкальные древности Новгорода. Но если собрать сведения о всех типах инструментов, открытых археологами на огромных пространствах бывшей Древней Руси, то перечень почти не изменится. Разве что группу духовых инструментов можно дополнить козицей, иначе, дудой или волынкой. В г. Серенске Калужской обл. выявлен, пусть и не сам инструмент, но его изображение на обломке каменной формы, предназначавшейся в ХП-ХШ вв. для отливки створчатого обруча. В Или, наконец, возможным было использование в древнерусском, конкретно опять-таки древненовгородском быту еще одного звуко-образующего приспособления, способного войти все в ту же группу духовых.

В 1991 г. в Новгороде на Федоровском раскопе в слоях второй половины XII-XIV вв. были найдены два костяных наконечника стрел (Ф-17-42; Ф-17-102). Необычность их состоит в том, что у каждого из них имеется по одному боковому отверстию (рис. 2-3). Каково назначение таких стрел?

В труде И. Е. Забелина "Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст." сообщается о различных стрелах: "Да ящик, а в нем северги и тамарики и срезни и свисты. Пять гнезд свистов и в том числе гнездо свистов серебряных; четыре гнезда костяных; в том числе гнездо писаных".⁹ Значит наряду с прочими стрелами использовались и стрелы звучащие - свисты. По важности назначения, по качеству изготовления они не уступали другим стрелам: "Гнездо стрел ябланных свисты костяные слононьи кости с белохвостовым перьем под перьем у свистов перевито золотом...". Материалом для их изготовления часто служила кость: "Свисты костяные слононьи нового дела; (...) свисты костяные рыбьи кости нового дела".¹⁰ Звучащие стрелы различались и по устройству и по назначению. Вариант охотничьих стрел представлен в "Загонной охоте" М. Н. Хангалова: "Приведем теперь сведения, сообщенные у Палласа об облаве у бурят, которую видел наш путешественник около станицы Акшинской 25 мая 1772 г.: /.../ и лишь только Дзерены (дикие козы) промышленников увидят, то бросятся все в бег, а промышленники со своей стороны отовсюду на них во весь опор скачут, и так окружив и криком и свистящими стрелами, обезумливают зверя и повергают, сколько могут /.../ или когда стадо обойти не могли, а зверь востормошился, то в таком случае пуцают вперед вышеупомянутые свистящие стрелы, чтоб тем их пугнуть и назад в круг оборотить. - В примечании сказано: - Таковые стрелы называются по-русски свистунами, а по-мунгальски Дзы. Они тяжелы, на конце имеют тонкое и преострое железо, ширину пальца на четыре, наподобие косоугольного; под железом приделывается пустой костяной желвак с несколькими дырами, сквозь которые воздух прорывается. Как скоро стрелу пустит, то оныя будто шипит, но весьма пронизательно, и где попадет, тут-уже рана смертельная". - Изображение свистящей поражающей стрелы, очень похожей на вышеописанную, имеется в каталоге музыкальных древностей Японии. Там же специально обращено внимание на пустотелость костяных желваков, принадлежавших слож-носоставным свистящим стрелам.¹²

Вопрос о костяных наконечниках с одним, а чаще с двумя боковыми отверстиями как принадлежности свистящих стрел, которыми в XVII в. пользовались русские полярники у берегов Таймырского полуострова, затронули С. И. Руденко и Я. В. Станкевич в 1951 г. "Спустя тридцать лет О. В. Овсянников и В. Ф. Старков пришли к иному выводу: "...боковые отверстия имели не "музыкальное", а конструктивное значение. /.../ ...просверленные отверстия служили для небольших костяных "заклепок" - нагельков, острые концы которых заклинивали деревянное древко в канале наконечника..."; "...внутренняя часть предмета вырезана (кость как бы выбрана) /.../ Вероятно, это делалось, чтобы облегчить вес наконечника".

Невозможно согласиться с тем, что, облегчая наконечник, надо было его лишнюю массу удалять изнутри, а не снаружи. К чему этот сложный, трудоемкий путь в ущерб простому? Оправданием его может быть лишь одно: в наконечнике для чего-то требовалась именно полость. И, конечно, теряется смысл тут же эту полость заполнить деревком, заклинить древко опять-таки костяными "нагельками", сверля в наконечнике отверстия. Во всем этом очевидны неоправданные технологические сложности, причем касающиеся почему-то далеко и далеко не всех втульча-тых наконечников стрел. Более убедительную оценку загадочным предметам дали С. И. Руденко и Я. В. Станкевич. Что подтверждается подобными образцами сложносоставных наконечников свистящих стрел, включенных в свод музыкальных древностей Японии.*

Таким образом, кроме письменных сведений о свистах или свистунах как разновидности стрел, имевших место в древнем русском быту, возникает представление и об их устройстве. Признаком костяных свистов является полый наконечник или желвак с одним, двумя или, быть может, несколькими боковыми отверстиями, посредством которых обдуваемая встречным потоком воздуха летящая стрела звучит. Согласно свидетельствам, приведенным в работе М. Н. Хангалова, свистящие стрелы использовались по-разному: одни - поражающие зверя, другие - вспугивающие его, то есть чисто сигнальные. Если в первом случае свистящий костяной желвак был снабжен смертоносным металлическим черешковым наконечником, то во втором - металлический наконечник, наверное, мог изыматься, и стрела оставалась с одним лишь свистящим приспособлением.

На примере рассмотренных охотничьих свистов или свистунов можно предполагать, что в русской истории были и другие типы свистящих стрел - охотничьи и, возможно, ратные-различавшиеся как по назначению, так и по конструкции. Что и подтверждается археологическими находками в Новгороде.

Два костяных наконечника с одинарными боковыми отверстиями, обнаруженные на Федоровском раскопе, представляются как весьма древние свидетельства русских свистов. От вышерассмотренных они отличаются отсутствием в их вершине паза для насадки черешкового металлического наконечника. То есть их формы завершены. Значит именно они или им подобные, скажем, при составлении описей преимущественно могли бы числиться в гнезде "костяных свистов". В означенных новгородских наконечниках угадываются общие конструктивные признаки, которые выражены в "заточке" верхней, "рабочей" их части посредством трехсторонних срезов. По общему принципу размещались у них и боковые свистковые отверстия, а именно - на грани, поверхности, приходящейся под острым углом к встречному ветру. Вместе с тем с первого же взгляда понятно, что оба наконечника весьма различны и по форме, и по манере изготовления.

Один из них при длине 43 мм и наибольшем наружном диаметре 16 мм имеет изящные формы (рис. 2). Вся его поверхность поделена на двенадцать продольных граней, которые, скупое его украшая, придают ему стройность. Полость насколько хватает длины наконечника выбрана перовым сверлом, диаметр ее на выходе равен 8 мм. Древко стрелы, смазанное клеем или смолой, вставлялось в полость лишь на часть ее глубины, примерно на 10-13 мм. Как бы закупоривая полость, оно не должно было перекрывать свисткового отверстия, также аккуратно просверленного и достигающего в диаметре 4,5 мм. Словом все сработано образцово. Стрела с таким наконечником вполне могла бы быть перевита в месте ее оперения золотом, как княжеская или боярская. Использовалась она, по-видимому, во время охоты на птицу или мелкого зверя, а также и как сигнальная на поле брани.

Иначе мастерился второй наконечник. О нем едва ли не в прямом смысле можно сказать: "Топорная работа". Его готовили наспех, не заботясь о красоте, словно для какого-то немедленного сигнала - одного, и не более. Его длина - 30 мм, наружный диаметр не превышает 16 мм, сбившийся в сторону от осевой линии полый канал рассчитывался для древка диаметром 8 мм. Непосредственно на одном из трех срезов, образующих острую вершину, сделано свистковое отверстие, примерный диаметр которого - 4 мм (рис. 3).

Каково было звучание открытых в Новгороде костяных наконечников? Полость первого явно большая, нежели второго. Отсюда и высота звука у первого наконечника ниже, чем у второго. У первого свист чистый и легко возникающий, у второго - шепелявый, образуется труднее. В звучании таких наконечников было, надо полагать, и нечто общее. Летящая стрела, вращаясь вокруг своей оси, испытывала сопротивление не только встречного, искусственного потока воздуха, но с той или иной стороны еще и ветра, зависящего от погоды, естественного. Поэтому от периодического соприкосновения свисткового отверстия, допустим, с боковым ветром звук не мог быть постоянным и равномерным, он чаще был прерывистым, "мерцающим", похожим на тремоло, что придавало ему своеобразной красоты, а одновременно могло наводить ужас - и на зверя во время облавы, и на человека на поле брани.

Археологических образцов свистящих стрел собрано сравнительно мало. В специальном труде А. Ф. Медведева, посвященном древнему ручному метательному оружию, на таблицах показаны несколько металлических и один костяной наконечники стрел с боковыми отверстиями. Правда, они рассматривались автором как свисты. Костяной наконечник был найден в Биляре (Татария) в слое XI - XIII вв. При некоторой своеобразии его внешних форм, он конструктивно весьма сходен с первым из рассмотренных двух новгородских костяных свистов. Следовательно, согласно определениям Медведева, оба они представляют тип томаров с трехгранным фигурным острием. 15 Второй из рассмотренных выше новгородских свистящих наконечников, согласно тем же материалам Медведева, соответствует типу тупых массивных томаров, использовавшихся в X - XIV вв. "Черешковые металлические звучащие наконечники стрел, причем несколько типов, обнаружены на различных древнерусских поселениях, и в частности, в Новгороде. Здесь из слоя конца XIII - первой половины XIV вв. был извлечен наконечник с боковыми отверстиями не только в его шейке, исполнявшей функцию желвака, но и в лопасти, иначе, пере. Он причислен А. Ф. Медведевым к типу кунжутolistных наконечников, которые наряду со срезня-ми в виде узкой вытянутой лопаточки и фигурнолистными или пламевидными наконечниками встречаются на городищах, разрушенных ордой Батые в XIII в." (рис. 4).

Выходит, что и срезни, и томары, и другие типы наконечников стрел - из кости или из металла - могли называться свистами, стоило только их оформить боковыми отверстиями.

По всему видно, что практика использования на Руси свистящих стрел находилась в тесной связи с традициями степных народов. Особенно она проявилась после нашествия Батые в XIII в.

Нельзя не вспомнить о трепетном отношении на Руси к свистящим звукам вообще. Тому немало свидетельств. Это и былинные сюжеты, - например, с посвистами Соловья-разбойника, - и сказки, и поговорки, и, очень важно, летописи, в которых к перечисляемым в них ратным сигнальным инструментам - бубнам, арганам, трубам, наконец, сопелям и посвистелям, к лязгу топоров и копий, к воинским плачам и победным кличам, как теперь можно представить, прибавлялись оглашавшие поле битвы своим жутким клекотом специальные стрелы - свисты.

Итоги данной статьи. В отечественной археологии сформировалось отдельное направление и определилось его понятие - музыкальная археология; область его исследования проходит на границе двух дисциплин - музыкального инструментоведения и археологии. Основу Российской музыкальной археологии составили музыкальные древности Новгорода. К городам, в которых обнаружены свидетельства сложных деревянных музыкальных инструментов, то есть к Новгороду и Пскову прибавился третий город - Старая Ладога. В Старой Ладоге в слое не позднее X в. обнаружен шпенек - деталь струнного музыкального инструмента, вероятно, гудка. Это чрезвычайно важное открытие осуществилось благодаря высокому профессионализму археолога - Зои Дмитриевны Бессарабовой. Поскольку объектами внимания музыкальной археологии являются всевозможные звукообразующие приспособления, конструктивные идеи которых могли быть использованы при создании специально музыкальных инструментов, то по этой причине были рассмотрены на

предмет звучания стрелы древних луков.

С точки зрения музыкального инструментоведения в металлических наконечниках стрел-свистов использовался в одних случаях принцип открытых звучащих труб (флейт), в других - закупоренных труб, в третьих - тех и других совместно. В костяных втульчатых наконечниках, в их ранних образцах использовался принцип закупоренных труб. С чем соотносить такие сведения? Понятно, что сходства между стрелами-свистами и известными археологическими образцами бытовавших на Руси духовых инструментов не наблюдается. Но коль скоро в древнерусском обиходе имели место такие способы получения звука, какие отмечены в стрелах-свистах, значит можно предполагать, что уже тогда, начиная по крайней мере с XII в., существовали основанные на подобных же принципах звукообразования и специально музыкальные инструменты. К ним могли бы относиться, например, такие свистковые инструменты, как дожившие в обрядовой сельской среде до XX в. в южнорусских областях травяные дудки с двумя открытыми концами и кугиклы - тростниковые трубочки с одним закупоренным концом (тип флейты Пана).

Разумеется, тема стрел-свистов не ограничивается только числом рассмотренных образцов: пока что первой задачей было выявить из огромного количества всевозможных типов стрел именно те их разновидности, которые предназначались для подачи звуковых сигналов. Прекрасным дополнением к вышеизложенному материалу могли бы служить, например, еще две новгородские находки. Это обнаруженные на Троицком раскопе в 1986 г. костяные наконечники стрел-свистов примерно середины XII в. Типологически один из них (Тр-12-667) относится к томарам с трехгранным фигурным острием (рис. 5), а другой (Тр-12-784) - к томарам тупым массивным (рис. 6). Оба они добротны были исполнены. Главная же их особенность состоит в том, что у каждого из них на гранях просверлено не по одному, а по два частичковых отверстия. Однако выявление свидетельств стрел-свистов в Новгороде и других местах раскопок, возможное расширение их типологического ряда, наконец, количественный подсчет - отдельная задача.

1 Б. А. Кол чин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (Свод археологических источников. Вып. Е1-55); Б. А. Кол чин. Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода //Славяне и Русь. М., 1968. С. 66-1; Б. А. Кол чин. Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода II Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник - 1978. Л., 1979. С. 174-1К7; Б. А. Кол чин. Инструментальная музыка древнего Новгорода // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. М., 1980. С. 66-68.

G. Lawson. Zwei Saiteninstrumente aus Haithabu. // Das archa'ologische I undmaterial. Neumiinster, 1984. IV. Abb. I. 1 K. Jazdzewski. O zagadnieniu polskich instrumentow strunowych z wczesnego rcdniowecza. // Prace i materialy. Museum archeologicznego i etnograficznego w l.odzi. Seria archeologiczna, 12. Lodz, 1966. S. 8-0;

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

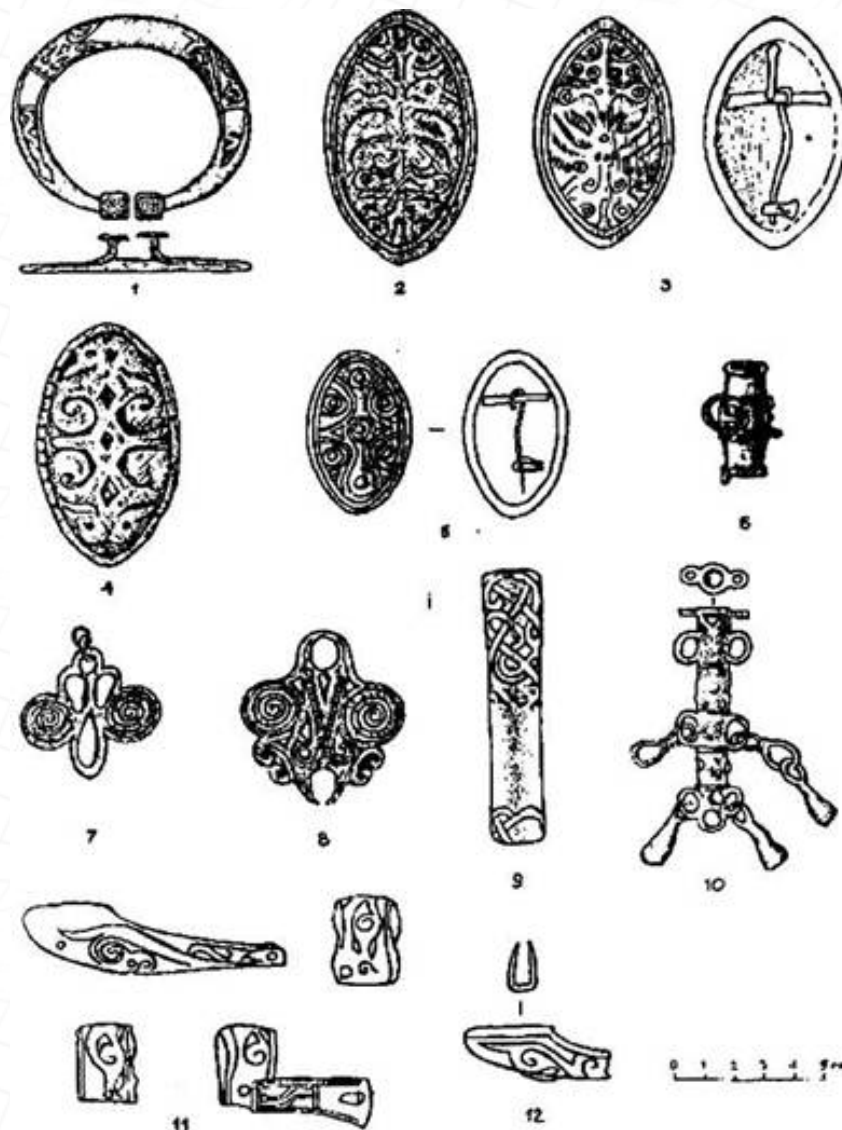
История и археология

11/97

Карельские древности в Новгороде (Опыт топографирования)

А. Б. Варенов

Автором настоящей работы выделены основные категории карельских древностей в Новгороде, относящиеся преимущественно к женскому этнографическому костюму, которые не могли быть предметом импорта. К их числу относятся: фибула пластинчатая - подковообразные орнаментированные (1 экз.), фибулы овально-выпуклые (4 экз.), цепедержатели биспиральные (4 экз.) и крестообразные (1 экз.), ф - видные пронизки (6 экз.), рукояти ножей бронзовые с "романским" орнаментом (4 экз.), ножны составные женских ножей с "аканфовым" орнаментом (3 экз.), ножны цельнометаллические женских ножей (1 экз.), бусы бронзовые орнаментированные (20 экз.), копоушка бронзовая ажурная (1 экз.). 1 (рис. 1) Все перечисленные предметы корреспондируются "карельскими" берестяными грамотами, выделенными А. В. Арциховским, В. Л. Яниным, А. М. Спиридоновым, и некоторыми другими вещами финно-угорского круга древностей.



Особый интерес представляет топография карельских древностей в Новгороде. После публикации В. Л. Яниным восьми "карельских" берестяных грамот с Неревского раскопа усадьба Е прочно вошла в науку как усадьба "карельского данника".² В своей последней аннотированной публикации А. М. Спиридонов насчитывает более 10 таких грамот на весь Новгород.¹ Он анализирует в хронологическом порядке грамоты №№ 590, 292, 286, 278, 275, 266, 130, 403, 248, 249, 243. Уже проделанный подробный исторический (В. Л. Янин, А. А. Медынцева, Л. В. Черепнин, И. Н. Шаскольский, А. М. Спиридонов) и лингвистический (А. А. Зализняк, Ю. С. Елисеев, Н. А. Мещерский, Е. А. Хелимский, М. Хаавио) анализ избавляет автора от необходимости подробно разбирать каждую из грамот. По нашему мнению, круг "карельских" берестяных грамот может быть расширен. Для автора важны информативные возможности вещевого материала в контексте вышеупомянутых берестяных грамот.

Остановимся на находках с усадьбы Е Неревского раскопа. Автор рассматривает культурный слой в пределах границ усадеб Новгорода, как большой археологический комплекс открытого типа, разбитый на более мелкие комплексы соответственно отдельным постройкам на территории усадеб, относящихся к одному ярусу.

Ярус 18 (1161 - 1171 гг.) - К ярусу относится грамота № 159, адресованная "Цюдицу и жене от Клиша". Сохранился только заголовок.⁴ Какой имеется в виду Чудим сказать трудно. Во всяком случае это не летописный боярин Микула - Николай Чу-дин, известный вместе со своим братом Туки, как финны попавшие в Киев во время походов Владимира. Он же участник составления Правды Ярославичей, человек, оставивший свой автограф, по мнению А. А. Медынцевой, на стенах Новгородского Софийского собора в виде посвятельной надписи № 182, тот о котором В. П. Татищев убежденно писал: "Чудин в Новгороде был посадник, он внук Добрыни, вуй Владимирова". Между Микулой Чудиным и Чудиным грамоты № 159 разница не менее 100 лет. Прозвище Чудин образовано от этнонима Чудь, которым новгородцы именовали первоначально прибалтийских финнов.⁶ По мнению В. А. Егорова, "Внук Чудин у деда славянина может быть понятен только, как сын его дочери выданной замуж за Чудина". Формулировка Чудину и жене предполагает, что адресат проживал на усадьбе Е вместе с семьей, что объясняет находки предметов женского чудского убора на ее территории. Во всяком случае, грамота № 159, хотя собственно карельской ее не назовешь, свидетельствует о контактах жителей усадьбы Е с финно-угорскими провинциями не позднее 2-ой половины XII века.

Ярус 16 (1197-1224 гг.) Полая подвеска - конек. Эти подвески явились предметом монографического рассмотрения автора вместе с Л. А. Голубевой.⁷ Выявляется три очага особо плотной концентрации и, очевидно, производства этих подвесок: Новгород (1/4 всех находок

найдена в городе), Ижорское плато, и Костромское Поволжье. На территории Карельского перешейка известно 11 экз. полых коньков - подвесок, в Финляндии - 4 экз.9

Ярус 14 (1238-1268 гг.) Грамота № 292 - заклинание "божьей стрелы" - молнии на прибалтийско - финском языке в кириллическом написании. Лингвистами предложено три варианта перевода (Ю. С. Елисеев, Е. А. Хелимский и М. Хаавио). Наиболее часто в публикациях приводится перевод Ю. С. Елисеева: "Божья і зрела, 10 имен твоих, стрела та она принадлежит Богу. Бог удный направляет."10 Перевод и предложение М. Хаавио считать, что грамота является записью клятвы подверглась критике И. А. Хелимского. По мнению автора, грамота является записью шклинания, которое удачно передают переводы Ю. С. Елисеева и А. Хелимского. Заклинания, согласно Н. Н. Велецкой, дели-иись на благопожелательные и вредоносные. В случае с грамотой № 292 следует видеть, возможно, второй вариант. Интересно шметить, что документ найден под сгоревшим срубом.

В том же ярусе найден наконечник ножен карельского женского ножа с "акаифовым" орнаментом.

Ярус 13 (1268-1281 гг.). Найдена овално - выпуклая бронзовая фибула типа Н по Ю. Айлио."

Ярус 12 (1281 - 1299 гг.). Полая подвеска - конек. Бронзовая рукоять карельского женского ножа с "романским" орнаментом.

Ярус 11 (1299-1313 гг.). Две полые подвески - коньки.

Ярус 10 (1313- 1340 гг.). Полая подвеска - конек.

Ярус 9 (1340-1349 гг.). Грамота № 286. Переписка карельских чайников Димитра и Григория: "Ныне ця послале Кореле на Каяно море" о заключении мира на "меже Юрия князя", под которой, как убедительно показал В. Л. Янин, имеется в виду рубеж Ореховского мирного договора 12 августа 1323 года, зак-июченног между Новгородом (при князе Юрии Даниловиче) и шведами. Сама политическая ситуация написания грамоты № 286 соответствует зиме 1338-1339 гг., когда новгородцы послали "Кузьму Твердиславица и Олександра Борисовича посольством и привезоша мир, доконцавше по тому миру, что доконцали с нсликим князем Юрьем в Неве..."12 К тому же ярусу относится бронзовая рукоять ножа с "романским" орнаментом и Ф- видная пронизка.

Ярус 8 (1369- 1389 гг.). Грамота № 278 найдена в срубе Е8С. <)бразец "присловия", т. е. записи изъятия податей (термин взят из грамоты № 286). Грамота содержит прибалтийско - финские имена: Икагал, Иголас, Леинул, Сидуй, Авиница, Истовной, Му-иомел, Игалин; топонимы: Лаидикола, Калитица, Курола. Документ написан почерком Григория, писавшего грамоту № 286.

Грамота № 279 - челобитная Михаила и всех "Паозерчан" Максиму, Онанье и Кесту. Топоним Пашозеро полукалька (полуперевод) - переведена вторая половина топонима - "jarv" - озеро.

Согласно М. Фасмеру, "полукалька" один из распространенных способов адаптации славяноязычным населением Севера финно - угорской топонимики. А. В. Арциховский локализует топоним в восточной части С - Петербургской области: исток р. Паши, притока р. Свири.

Ярус 7 (1382-1396 гг.). Этноопределяющих находок не зафиксировано.

Грамота № 281 Обращение Наума и Григория к "даннику Новгородскому" рассматривается В. Л. Яниным в одном ряду с "карельскими" берестяными грамотами.14

Ярус 6 (1396-1409 гг.). Грамота № 130 представляет собой образец "присловия": "У Вигаря 20 локоте хери без локоти. У Валита в Кюлолакси 14 локотей хери. У Ваиваса у Ваякшина 12 локтей водмола и полотретьянацате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти херп". is "Херь" и "водмол" - сорта ткани. Валит - характерное карельское полуимя - полужвание. Карельский топоним Курола уже упоминался в грамоте № 278.

В слое яруса найдено многобусенное височное кольцо - форма, характерная для древностей воды."

Ярус 5 (1409- 1422 гг.). Грамоты №№ 248 и 249 - две части одного документа, найдены вне сооружений. Он содержит обращение "корилы погоской" Кюлолакшской и Кюриекской Господину Великому Новгороду с жалобой на обиды с "немечской", т. е. шведской половины.

Грамоты подробно разбирались В. Л. Яниным, А. М. Спиридоновым, Л. В. Черепниным, И. П. Шас-кольским. Упоминаемые в грамотах топонимы Коневые Воды у Жабия Носа (калька карельского топонима Orivesi), Севилакша, Кюлолакша, уже упоминавшиеся в грамоте № 130, четко топог-рафируются на Карельском перешейке."

Жалоба карел в документе соответствует политической ситуации 1396 года: "В лето 6904 того же лета пришедше немцы в Карельскую землю и повоеваша два погоста Кюръекский и Кю-лолакский и церковь сожгоша, и князь Константин с корелюу гнася по них и язык изыма и приела в Новьгород..."

В том же ярусе на кв. 993 найдена булла двинского посадника Кирилла Дмитриевича.

Ярус 4 (1422 - 1429 гг.). К данному ярусу относится пластинчатая конская двухглавая подвеска (4-9-11356), являющаяся отголоском XV в. прикамских пластинчатых подвесок VII - XI вв., исследованных Л. А. Голубевой.20 В основное время своего бытования они проникали на западе в Швецию. Исследователи карельских древностей А. Н. Кирпичников и В. П. Петренко отметили ту особенность, что в слоях XIV - XV вв. встречаются вещи вполне синхронные своему слою и в то же время являющиеся анахронизмом, т. е. воспроизводящие и переосмысливающие форму предметов гораздо более ранних.21

В том же ярусе - грамота № 243 от Семена Корелина к господину с просьбой пожаловать селом Пытаевым.22 К "карельским" берестяным грамотам письмо отнесено из - за прозвища Корелин, образованного по тому же принципу как и Чудин.

Таким образом со 2-ой пол. XII века по 1-ю треть XV века прослеживается отчетливый континуум в переписке усадьбы с Карельским перешейком и вещевом материале карельского происхождения, свидетельствующем о проживании на усадьбе выходцев из Карелии с семьями, как свидетельствует грамота № 159. Своеобразия в архитектуре и планировке жилищ ус. Е не прослеживается.

Известная концентрация и хронологическая последовательность находок финно - угорского происхождения наблюдается на усадьбе И Неревского раскопа, впрочем без "карельских" берестяных грамот, что не позволяет однозначно отнести к числу "карельских".

Ярус 15 - 14. Дужка многобусенного височного кольца.

Ярус 14. Проволочное браслетообразное височное кольцо. Пластинчатая двухголовая зооморфная подвеска необычной формы (14- 15- 1791).²³ Ближайшие аналогии ей М. В. Седова видит в находках из курганов южного Приладожья (XI в.) и могильниках верхнего Прикамья. Бубенчик полой подвески - конька.

Ярус 13 (1268-1281 гг.). Овально - выпуклая фибула с лилие-видным орнаментом типа Y по Ю. Айлио. По мнению О. Халльстрёма и В. В. Седова они более характерны для памятников Хяме (Еми), чем для Карелии.

На том же квадрате цельнометаллические бронзовые ножны женского ножа (13-16-1916), впервые опубликованные П. И. Засурцевым.²⁵ Ножны такого типа характерны для эстонского женского этнографического костюма, при котором они выполняли не только практические и декоративные функции, но и маги-ческо - апотропейные.²¹ На территории Эстонии, по данным Ю. Селиранда, их известно 33 экз. и где они выходят из употребления в XIV веке. Из Эстонии известное количество их попадало в Финляндию и единицы в Карелию.²⁷ Два экземпляра происходят с Ижорского плато (Мануйлово, Волховитцы), где датируются XIII - XIV вв.²⁸

Бронзовая рукоять женского ножа с "романским" орнаментом. Горизонтальный бронзовый игольник с шумящими привесками (13- 16- 1609), которому М. В. Седова находит аналогии в Приладожье, Латвии, Эстонии, в Скандинавии и Финляндии.²⁹

Ярус 12 (1281 - 1299 гг.). Фрагмент оловянного браслета с концом в виде головки гуся (утки) с раскрытым клювом. Аналогичный браслет известен только на Людогощинском раскопе (1972 г.).

На ус. И - 1 в этом ярусе - ф - видная пронизка; полый конек - подвеска; бубенчик от такой же подвески.

Ус. И - 2. Такой же бубенчик

Ярус 11 (1299-1313 гг.). Полая подвеска - конек и 2 фрагмента таких же подвесок.

Ус. И-1. Полный набор обоймиц кожаных ножен карельского женского ножа с "аканфовым" орнаментом. Фрагмент шумящего браслета с колечками.⁵⁰

Ярус 10 (1313-1340 гг.). Полая подвеска - конек. Ус. И-1. Полая подвеска - конек.

Ярус 9. Без этноопределяющих находок.

Ярус 8. Две полые подвески - коньки. Фибула подковообразная с зооморфными концами прибалтийского типа.

Упоминания карел или других чудских народов в берестяных грамотах усадьбы И отсутствуют. По мнению В. А. Букова, в период 16-14 ярусов усадьбой владела купеческая семья, имеющая отношение к военным делам. Грамота № 332 содержит просьбу Кирьяка к Вышене выслать коня и воинское снаряжение в случае "ежи князь поиде". К этим ярусам относятся хрестоматийные рисунки мальчика Онфима. (Гр. №№ 199 - 208, 210). С яруса 13 по 9, т. е. 2 - ой пол. XIII века по 2 - ю пол. XIV усадьбой владеют духовные лица, возможно, связанные с миссионерской деятельностью.¹¹ Этот вывод вытекает из этикетки № 323 "Марии черницы", обрывка молитвы № 331, этикетки № 319 "Еваиово Попове". Особенно показательна грамота № 313, содержащая проклятие в адрес "поганных", т. е. язычников.¹² С 9 яруса усадьба становится владением Мишиничей - Онцифоровичей. Вещевой материал свидетельствует, что в это время на территории усадьбы находились выходцы из северо - западных провинций Новгорода, возможно из Эстонии или даже Восточной Финляндии, особенно, в период 13 яруса - 2-ой пол. XIII века.

Неревским раскопом "карельское" эпистолярное наследие в Новгороде не ограничивается. Так в котловане новгородского универмага при наблюдении за работами была найдена грамота № 403 - яркий образец "присловия" с приложением карело - славянского глоссария - разговорника. "Карельских вещей при этом зафиксировано не было.

На других раскопах (Нутном и Троицком) наблюдается такая же, как и на усадьбе Е, взаимосвязь между свидетельствами берестяных грамот и вещевого материала.

Грамота № 590, содержащая древнейшее упоминание карел в новгородских письменных источниках: "Литва встала на Коре-лоу" датируется 1065 - 1085 (23 ярус по друсолонии Нутного раскопа). Она сопровождается находкой карельской овально - выпуклой фибулы типа Б по Ю. Айлио (дата 1257 - 1276 гг.), полой подвеской - коньком (Нут. 14/13- 19-49) типа 3 по Л. А. Голубевой, А. Б. Варенову, фрагментами полых коньков - подвесок, многобусенными височными кольцами, конусовидной шумящей привеской, характерной для фишю - угорских древностей.³⁴

Примерно такая картина наблюдается и на Троицком раскопе, втором по величине в Новгороде после Неревского раскопа. (Людин конец). Ученый из материалов раскопа карельский вещевой материал корреспондируется берестяной грамотой № 589, адресованной "От Жилы к Чудину" (стратиграфически сер. 20 - х - 50-е годы XIV века), содержащей просьбу вернуть долги.³⁵ Это третий Чудин после двух упомянутых выше. Особая концентрация карельских древностей на раскопе: пластинчатая подковообразная орнаментированная фибула, овально - выпуклая фибула типа Н по Ю. Айлио, двуспиральный цепедержатель, бронзовый игольник и другие предметы связываются Л. В. Покровской с усадьбой В. 16 Более определенные и более полные выводы могут быть сделаны после полноценной публикации материалов Троицкого раскопа, а также отработки и синхронизации дендрохронологи-ческой шкалы и ярусологии раскопа.

Карельские этнохарактерные вещи встречены не на всех раскопах Новгорода. Они известны на Неревском, котлован Универмага (Неревский конец), Троицком, Кировском, Тихвинском, Дмитровском, Нутном раскопах и Рюриковом городище (рис. 2). На Ильменском, Готском, Михайловском, Торговом, Рогатицком, Людогощинском, Козьмодемьянском раскопах они не встречены. Раскопы с карельскими

вещами относятся к трем древнейшим концам города: Неревскому, Славепскому и Людину. Изначальной этнической замкнутости в пределах одного конца в XII - XV веках не существовало. Карелы появлялись и проживали одновременно в трех основных концах и пригородной княжеской резиденции, какой было Рюриково городище. Визиты карел начали происходить, очевидно, со 2-ой половины XII века и продолжались, по всей видимости, вплоть до присоединения Новгорода к Москве в 1478 году. В сферу новгородских интересов Карельский перешеек попадает не позднее 2-ой половины XI века, как свидетельствует грамота № 590. Публикация данных топографирования этноопределяющего вещевого материала в свете находок "карельских" серебряных грамот должна помочь восстановить доверие к вещам, как к источнику по этнической истории Новгорода, что неоднократно ставилось под сомнение в археологической литературе."

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(25\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим:зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Монеты](#)

Монеты из драгоценных металлов от 1 грамма до 5 килограммов

[Адрес и телефон](#) · mezmat.ru · Москва

[Интернет-аукцион AUCTION.UA](#)

Рай для коллекционеров! Нумизматика, филателия и другое.Уникальные лоты.
auction.ua

[Вся библиотека >>>](#)

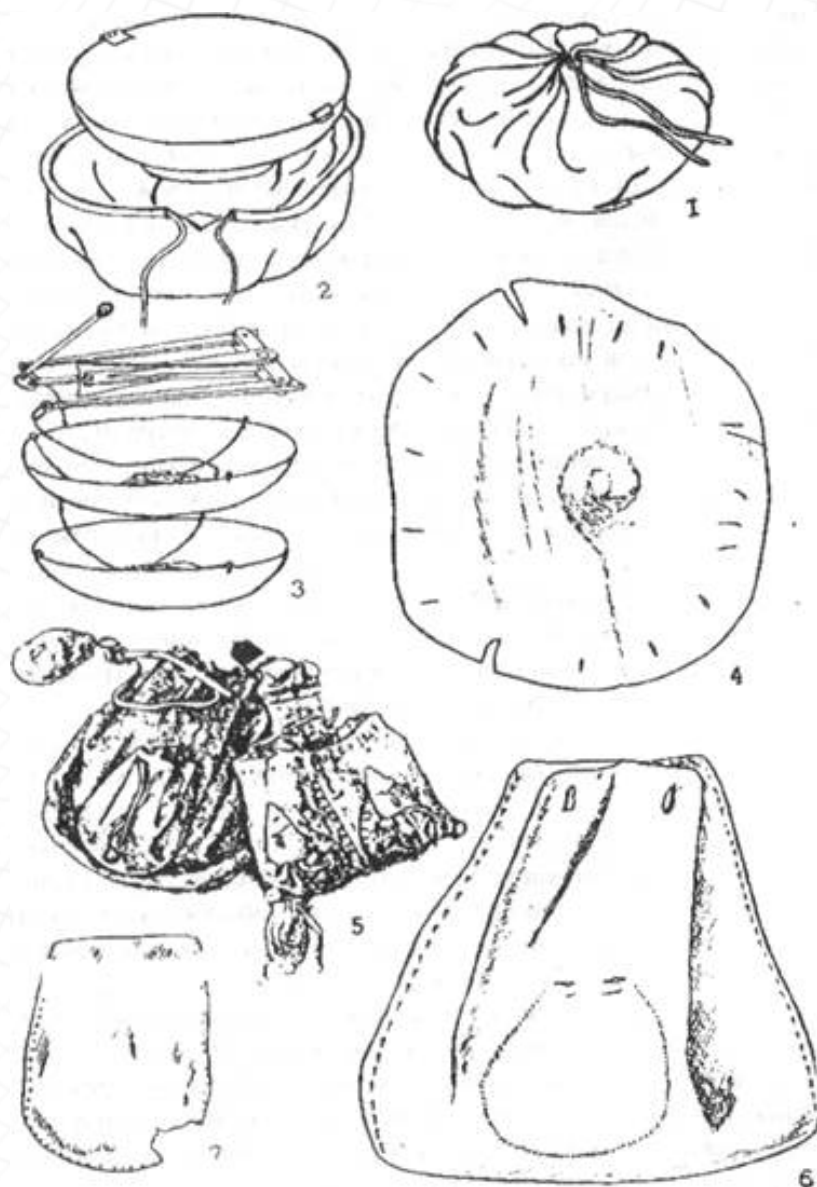
[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Средневековые кожаные кошельки



В составе богатой коллекции кожаных изделий, хранящейся в археологических фондах Новгородского музея, есть немало разнообразных сумочек и мешочков, точное назначение и использование которых неизвестно. Из них только две сумочки дошли до нас вместе с содержимым. Все остальные сумочки и мешочки были найдены пустыми, что обычно для городского культурного слоя. Судя по форме: обычно прямоугольные и округлые, сравнительно плоские и объемные - и варьирующимся размерам, эти сумочки и мешочки могли быть довольно универсальными по назначению. Подобные вместилища, например, использовались для хранения и ношения как отдельных предметов, так и набора пещей или разнообразных веществ, включая: огниво (кресало, кремь, трут, трубочка для трута), принадлежности торгово-денежного инвентаря (см. ниже), всевозможные амулеты, пряности, ядовитые вещества и т. д. Средневековые сумочки и мешочки часто называют кошельками, что не совсем удачно из-за некоторой неопределенности и многозначности этого слова. Сейчас под названием кошелек обычно понимают кошелек для денег. В древнерусском же языке и в русском языке более позднего времени слово кошелек и его производные обозначали разнообразные вместилища разного назначения из разных материалов и разных размеров. В то же время в письменных и устных источниках встречаются и другие названия вместилищ, в которых держали деньги, это: гаман, калита, карман, мешок, мошна и т. д. Подобная неопределенность слова кошелек присуща и другим европейским языкам. Все это затрудняет ориентацию в литературе по кожаным изделиям, так как не всегда ясно, что имеется в виду: именно денежный кошелек или просто вместилище. Не отказываясь от привычного названия, будем использовать слово "кошелек" и далее, но только при условном обозначении вместилищ для торгово-денежного инвентаря.

Определение средневековых сумочек и мешочков как "кошельков" нередко спорно и требует уточнения. Так, кошельками долгое время считали небольшие плоские прямоугольные футляры с клапанами, которые Е. А. Рыбина затем убедительно атрибутировала как футляры для гребней. Настоящим же "кошельком" XII-XV вв. Е. А. Рыбина считает распространенную в это время стяжную кистеобразную мошну, или калиту, шириной 11-14 см и высотой 12-20 см, поскольку в ней было бы удобно носить и гривны, и полтины, и предметы, заменявшие мелкую монету.²

Рассмотрим подробнее возможность атрибуции средневековых "кошельков" и ее критерии. Для этого стоит уточнить, что в целом известно о средневековых кожаных "кошельках" - вместилищах для торгово-денежного инвентаря, в состав которого входили разного

рода деньги, а именно: монеты, золото и серебро в той или иной форме, товаро-деньги (например, шиферные пряслица, бусины), - складные чашечные весы для малых взвешиваний в специальном футляре (бронзовом или деревянном), гирьки и всевозможные разновесы, камни для определения пробы драгоценных металлов, жетоны, амулеты.

В этой связи особенно важным представляется обращение к вещевому материалу - "кошелькам", дошедшим до нас с содержимым. К сожалению, даже когда содержимое известно, нередко плохая сохранность органики не позволяет реконструировать внешний вид "кошелька". Большой интерес представляют изобразительные и письменные источники. Использование их, однако, также связано с определенными трудностями, например, не всегда можно быть уверенным в том, что изображенная сумка является "кошельком", или, наоборот, зная названия разных кожаных вместилищ и даже их содержимое, часто нельзя понять, чем они отличались друг от друга, и как они выглядели.

Анализируя вещевой материал, будем рассматривать "кошельки" по группам в зависимости, в первую очередь, от способа их закрывания. Одну такую группу составляют тяжные вместилища, устье которых стягивалось ремешком или шнуром, обычно продетым через специальные прорезы. Другую группу образуют "кошельки" с клапанами. К третьей группе можно отнести вместилища, закрывавшиеся с помощью крышечки, которая передвигалась по ремешку или шнурку, закрепленному на тулове.

Простейшими "кошельками" были небольшие тяжные вместилища, встречающиеся повсеместно на протяжении всего средневековья. Делали их из заготовки в виде круга диаметром до 20 см, прямоугольника, трубы или цельного мешочка.

В "кошельках" из круглой заготовки держали складные чашечные весы (рис. 1, 1-3),⁴ как свидетельствует, например, находка второй пол. X в. из Вальсгэрде в Швеции. В новгородской коллекции есть округлая кожаная заготовка с полусферической выпуклостью, оставшейся, возможно, от тяжелой гирьки (рис. 1, 4)⁵. Найдены круглые "кошельки" с монетами: они есть в погребениях X в. в шведской Бирке; около 13 таких же "кошельков" XII-XV вв. происходят из Осло.⁶

В погребениях Бирки встречаются и прямоугольные тяжные "кошельки" с монетами и гирьками.⁷ Своеобразен прямоугольный тяжной "кошелек" из белой кожи XIV в., принадлежавший кельнскому купцу (рис. 1, 5).⁸ На его основное вместилище нашиты маленькие кармашки, тоже тяжные, которые, как предполагается, использовались для разных видов денег. К подобным "кошелькам" с кармашками, видимо, можно отнести и две новгородские находки: на тяжной мешочек (рис. 1, 6),⁹ судя по отверстиям от шва к прорезам, тоже был нашит тяжной кармашек, и похожим тяжным кармашком могла служить деталь (рис. 1, 7)¹⁰. К началу XVI века относится найденный в Лондоне тяжной прямоугольный "кошелек" из белой кожи с двумя нюрнбергскими жетонами.¹¹ К "кошелькам" с клапанами относятся две сумки из Новгорода. Одна - найденный в Кремле в слое перв. пол. XI в. прямоугольный "кошелек" с клапаном размером 17x10,5 см; внутри находились складные чашечные весы с разновесками общим весом более полкилограмма (рис. 2, 1).¹² Вторая сумка - поясная, размером 23,3x18,2 см, случайная находка, с монетами перв. пол. XVI в. и письменным прибором (рис. 2, 4).¹³ Клапан сумки, украшенный бронзовыми накладками, закрывается на бронзовый замочек. Внутри сумки три отделения и потайной кармашек, все со своими клапанами. Стенки отделений и клапаны сшиты из парных деталей, сложенных друг с другом бахтармой (нижней стороной кожи). Дно сумки выкроено отдельно. В верхней части сумки, над клапаном, предусмотрена широкая петля, в которую продевался поясной ремень.

В фондах Новгородского музея хранится еще немало деталей разных сумочек с клапанами, относящихся к XIII-XV вв. Размеры самой маленькой сумочки: 12x9 см. Ширина самой большой сумки - 24 см. На одной из небольших сумочек, украшенной тисненым орнаментом, сохранился отпечаток круглого предмета диаметром 6 см.¹⁴ Не исключено, что такой отпечаток мог остаться от чашечки складных весов. Похожие по форме сумки, но более ранние, времени викингов, происходят из погребений в Бирке. Среди их содержимого есть гирьки, но, по мнению шведской исследовательницы А. С. Грэслунд, этот тип округлых сумочек с клапаном "кошельком" не являлся.¹⁵

В погребениях той же Бирки найдено около двадцати необычных "кошельков". Согласно предложенной реконструкции (рис. 3, 1), у этих, вероятно, дорожных, "конвертообразных кошельков" было несколько нашитых друг на друга кармашков, в которые по отдельности помещали целые монеты, обрезки монет и гирьки. Похожий "кошелек" из Голландии датируется IX в.¹⁶

Известно немало средневековых кожаных "кошельков" с металлическими каркасами. К наиболее ранним находкам относится роскошная крышка/клапан "кошелька" с монетами из погребального комплекса англо-саксонского короля VII в. Саттон Ху. В X в. в прибалтийско-скандинавском регионе получают распространение "кошельки" с лировидным каркасом.¹⁷ В Бирке большая часть таких "кошельков" содержала серебряные монеты; встречаются и лировидные "кошельки" с гирьками (рис. 3, 2).¹⁸ Лировидную и грушевидную форму имеют, кстати, и некоторые новгородские футляры с клапанами.



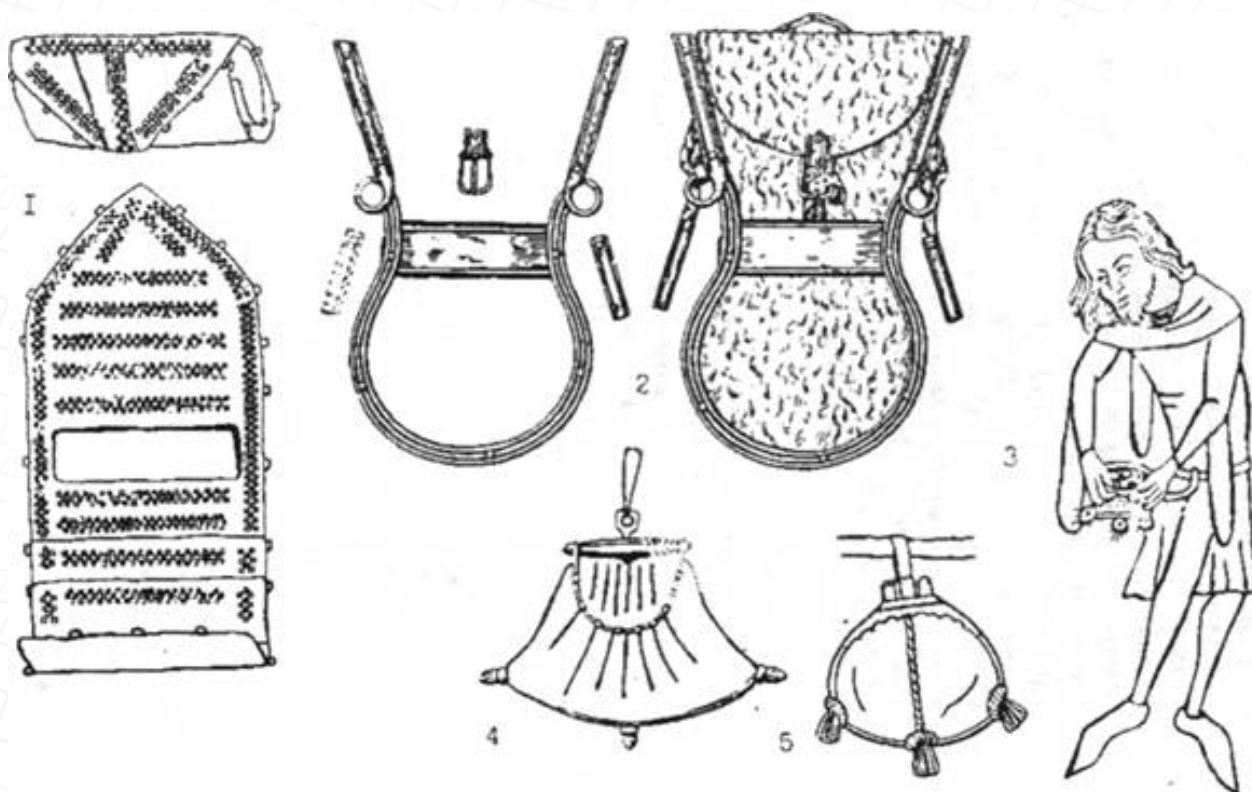
Во второй пол. XV - пер. пол. XVI в. в Европе были распространены мешкообразные сумки на металлических рамках. Они, фактически, исключая другие типы, были постоянной чертой городского костюма.¹⁹ Сохранилось много всевозможных изображений таких сумок, в том числе, рисунок мужчины, пересчитывающего свои деньги, (рис. 3, 3-5).²⁰

В Новгороде сумки с металлическими каркасами, видимо, не найдены.

Для принадлежностей торгово-денежного инвентаря использовали и кожаные футляры с крышечкой. Такой футляр изготавливали, видимо, по размерам и форме вещи, для которой он предназначался. Сохранился пробирный камень в богато орнаментированном футляре с крышечкой. Они принадлежали уже упомянутому кельнскому купцу и датируется XIV в.²¹

Как следует из вышеизложенного, кожаные мешочки, сумочки, футляры, использовавшиеся для торгово-денежного инвентаря, разнообразны по форме, конструкции, размерам. Многие из них имели более или менее универсальное назначение и совсем не обязательно служили "кошельками" изначально. В то же время, существовали и вместителища, наиболее удобные для торгово-денежного инвентаря. Принадлежности торгово-денежного инвентаря находились в "кошельках" в разных количествах и в разных сочетаниях, отдельно или вместе с другими вещами. Выбор какого-либо определенного типа "кошелька" зависел, видимо, в основном от его предполагаемого содержимого и возможного использования последнего.²²

Наиболее полный набор торгово-денежного инвентаря должен быть связан с проведением товарно-денежных операций, например: купли, продажи, сбором налогов.²³ Когда весь необходимый инвентарь держали в одном месте, наиболее удобными были "кошельки" с кармашками и с несколькими отделениями. Встречаются изображения средневековых купцов второй пол. XV-XVI вв. с одной большой сумкой на поясе (рис. 2, 3,).²⁴ Однако, чем больше размеры "кошелька", тем менее вероятно его назначение именно для торгово-денежного инвентаря. Так, сумки довольно больших размеров считаются дорожными. Они предназначались для требующихся в пути вещей, в частности, для огнива, и были обычной деталью костюма средневекового человека.



Разные принадлежности торгово-денежного инвентаря могли быть помещены и отдельно в разные мешочки, сумочки. Обычно при этом использовали небольшие стяжные вместителища, которые подвешивали на пояском ремне, носили на шее или, наверное, могли положить в большую по размерам сумку. В отдельном мешочке часто держали весы и разновески.²⁵ Выше уже упоминался пробирный камень в специально для него изготовленном футляре. Деньги, обычно монеты, тоже хранили отдельно. Предназначались они при этом для разных целей, в том числе: для раздачи милостыни,²⁶ возможно, специально для внесения пожертвований, в дар, как отложенные сбережения, в том числе в виде кладов.

Важно было уберечь "кошелек" от кражи.²⁷ Для этого, например, их прятали под верхней одеждой, снабженной специальными прорезями для просовывания рук на уровне пояса.²⁸ Предполагается, что в охранных целях к "кошельку" могли прикреплять бубенчики.²⁹ Опасность кражи, видимо, уменьшилась с появлением в XVI-XVII вв. одежды с карманами. Одновременно стал выходить из моды обычай носить на поясе разнообразные сумочки и мешочки.

1 Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975 - Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.

2 Рыбина Е. А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода. / Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. С. 153-160.

3 Много ценных сведений о средневековых кошельках содержится в таких сводных работах, как: GrasLund A. - S. 16:1-6. Beute! und Taschen. (Birka. I Stockholm, 1940. s. 141-154.

London museum. Medieval catalogue. Purses. London, 1975. P. 158-171. Kulturhistorisk lexikon for nordisk medeltid. Malmff, 1968. Bd. XIII: Schonbac k B. Penning vaska och pung. S. 186-190. Grieg S. Pengev'askor og pung. S. 190-194. Sogar H. S. 194.

4 Рус. из: Vikingen. Spanien, 1988. S. 175.

5 Нер-55 14-1603 № 5392; 1299-1313 гг.; диам. 12 см.

6 Graslung A. S. Op. cit. S. 142-143. Schia E. Dagliglivets gjenstander. Del II, Ovre Ervik, 1991. F. Pungur. / De arkeologiske utgravningcn i Gjamlebyen. Oslo, 1991. Bd. 8. S. 143-150.

7 Graslung A.-S. Op cit. S. 142-143.

* Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Hamburg, 1989. Bd. 2. S. 204-205.

4 Нер-57 4-1629 № 3058; первая пол. XV в.; 12,5x12 см.

"" Тр-IX-90 3-943 № 149; 7x5 и 5,2x4,7 см.

11 Journal of the British archaeological Association. 1858 XIV Pl. 9.1.

12 Моу г а й т А. Л. Археологические заметки. Новгородские гирьки. / КСИИМК. М., 1951. Вып. 41. С. 133-137. КП 37669 - 70. В фондах Новгородского музея-заповедника есть кожаная деталь, похожая на дно рассматриваемой сумки: Нер-53 2-275 № II; вторая треть XV в.; 16,4x7,3 см.

14 КП 37584/A 116-1100; Тр X-89 +2-1164 № 76; 15,7x11 см.

15 G za si und A. S. Op. cit. S. 142-143.

- 16 Ibid. S. 143-146.
- 21 Die Hanse. Op. cit. S. 204-205.
- 22 То, насколько "кошелек" был обычным для средневекового человека, зависело, в первую очередь, от степени употребления торгово-денежного инвентаря. В связи с этим норвежский исследователь Э. Шиа рассматривает найденные в Осло средневековые "кошельки" как дополнительный источник по монетаризации экономики. Schia E. Op. cit.
- 23 Большинство "кошельков" с содержимым найдены в погребениях. Столь интересный материал не всегда отражает именно жизненные реалии и проблема тичен для трактовки. Так, например, А. С. Грэслунд считает, что происходящие из погребений в шведской Бирке "конвертообразные кошельки" (с монетами, весами, гирьками и т. д.) принадлежали членам купеческой семьи: и мужчинам, и женщинам. Наряду с этим она предполагает, что в данном случае это могли быть "кошельки" с дорожными деньгами / Reizegeld, необходимыми покойному в его путешествии на тот свет. Graslund A. S. Op. cit. S. 154.
- 24 Рис. из: Gutarp E. M. Op. cit. S. 13.
- 25 Постоянно обсуждается вопрос о специальной характеристике владельцев "кошельков" с весами и гирьками. См.: Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из Смоленского Поднепровья. / Смоленск и Гнездово. М., 1991. с. 226-243. норвежский исследователь С. Грин предполагает существование общескандинавского обычая, по которому весы с гирьками были признаком полноправия совершеннолетнего мужчины. Grieg S. Op. cit. S. 191.
- 26 Сумки для милостыни упоминает Г. Вейс. В е й с Г. Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней. М, 1875. Т. 2. Ч. 2 С. 195.
- 27 До нас дошли средневековые записи судебных дел о краже кошельков и сумок. В них, в частности, приводятся описания содержимого украденных сумочек.
- 28 Gutarp E. M. Op. cit. S. 35.
- 29 Die Hanse. Op. cit. S. 204-205.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Раннегончарная керамика Новгорода

(по материалам Троицкого X раскопа)

В. М. Горюнова

В данной статье представлены итоги предварительного анализа керамического материала, собранного в нижней части культурных отложений (15-21 пласты, 26-31 ярус построек) Троицкого X раскопа. Необходимость такого исследования продиктована потребностью в выявлении общих этапов развития раннегончарных форм керамики Новгорода и Рюрикова городища, и в последующей синхронизации полученных стратифицированных типологических схем этих двух центров.

Наша задача по обработке материалов Троицкого X раскопа была существенно облегчена тем, что в археологической литературе уже опубликованы типологические разработки новгородской керамики по Неревскому и Троицкому VIII раскопам. 1

Учет процентного распределения отдельных групп сосудов, особых форм по фиксированным в поле искусственным пластам культурного слоя, а затем перевод полученных данных в систему ярусов весьма затруднен, так как на месте Троицкого X раскопа наклон материка к востоку составил 62-80 см, с юга на север 15 - 30 см. Ясно, что пластография не отражает естественной стратиграфии; пласты по уровню не всегда соответствуют ярусам и чем ближе к материка, тем больше расхождений между двумя системами. Так, например, 17 пласт включает в себя конструкции части 27, почти всего 28 и части 29 ярусов. Та же ситуация и с 18 пластом. В нем располагаются конструкции 28 - 30 ярусов. Падение древнего рельефа внутри пластов составляло от 15-20 см (на уровне 25 яруса) до 30 - 40 см (на

уровне 28 яруса). Поэтому на первоначальных этапах исследования пришлось ограничиться данными только пластографии. На данный момент дендрохронология раскопа не готова.

Хронологические реперы, которыми мы располагаем, следующие: в 14 пласте (ярус 25) найден клад монет, самые младшие монеты которого датируются не позднее 1025, 1029 гг., в пласте 15 (ярус 26/27) найдена печать Ярослава Мудрого, предварительно датированная авторами раскопок не позднее 20-х годов XI в. В полевом отчете дана предварительная дата для 15-21 пластов - середина X - первая четверть XI вв.

Вся совокупность керамического материала (свыше четырех тысяч фрагментов) по своим технологическим признакам (в соответствии с методикой А. А. Бобринского) делится на несколько групп. Сосуды, занимающие промежуточное положение между РФК - 2 и РФК - 3; группа керамики, связанная с РФК - 3, и наконец, горшки, обработанные на уровне РФК-4, Тесто ранне-гончарной посуды, за редким исключением, рыхловато со значительной примесью дресвы.

Керамический материал предматериковых отложений Троицкого X раскопа был нами разделен предварительно на несколько групп по особенностям профилировки верхней трети сосуда, без особого учета изменений общих пропорций посуды. При этом мы руководствовались тем, что временным изменениям у древнерусской посуды подвергается прежде всего профилировка венчика, шейки и плеча. Не исключаем при дальнейшей работе эту систему сделать более строгой с точки зрения общих требований, предъявляемых к типологическим построениям.

I группа объединяет сосуды эвидной профилировки с архаичными признаками, обусловленными тем, что профилировка венчика почти не связана с обработкой на круге. Венчик плавно отогнут наружу. С внутренней стороны на шейке, как правило, имеется утолщение - след соединения краев лент. Край венчика имеет прямой срез ножом.

Подгруппа первая отличается сравнительно длинным венчиком, плавным профилированием шейки и плеча. Степень выпуклости плеча несколько варьирует от почти невыделенного до хорошо выраженного (рис. 1: 2, 3, 6).

Подгруппа вторая - с более укороченным венчиком. При сохранившейся достаточно плавной профилировке венчик бывает более отогнутым наружу, но сохраняет архаическое утолщение изнутри на шейке и прямой срез по краю. Иногда на срезе появляется оттяжка вниз (рис. 1:4, 4А).

Подгруппа третья имеет венчик с несколькими срезами ножом, в результате чего он приобретает гранчатую форму (рис. 1:5).

Подгруппа четвертая отличается формой шейки. При обработке на круге шейка сосуда формируется широким желобчатым выемом. Край венчика при этом сохраняет архаичный признак - прямой срез ножом, сделанный под косым углом (рис. 1:1).

Сосуды I группы орнаментированы либо волнистым, либо линейным орнаментом, нанесенным гребенкой. Иногда линейный орнамент наносился довольно небрежно, палочкой.

II группе принадлежат сосуды также эвидной профилировки, но венчик, а чаще всего и вся верхняя треть у них подвергнуты существенной обработке на гончарном круге. Она как раз и обуславливает особенности профилировки венчика. Он у этой группы сосудов сравнительно короток и, за редкими исключениями, которые можно наблюдать на экземплярах, занимающих промежуточное положение между I и II группами (рис. 2:1, 2), резко отогнут наружу, утончен. Внутренняя часть плеча большей части сосудов сформована с помощью бочарки (рис. 2:3 - 6). Эта группа распадается на две большие подгруппы: первая с венчиками, край которых закруглен различными способами (рис. 2), и вторая с венчиками, имеющими в разной степени выраженные оттяжки вверх и желобок или округлую впадину на внутренней стороне его края (рис. 3). На сосуды этой группы нанесен линейный или линейно - волнистый орнамент палочкой или гребенкой.

Есть особые комбинации этого вида орнаментации (например: рис. 2:8).

III группа представлена горшками с коническим туловом, выпуклыми плечами и цилиндрическим горлом с вертикально поставленным венчиком, который часто имеет оттяжки и желобки по срезу, направленному косо внутрь (рис. 4). Отдельные экземпляры сохраняют архаичную черту - прямой срез верхнего края венчика (рис. 4:8, 9). Орнаментация у этой группы составлена из псевдоваликов, многорядных линий и волн, различного рода наколов. Все мотивы орнамента нанесены гребенчатым штампом, изредка палочкой. Иногда орнаментация отличается особой пышностью (рис. 4:3), а на внутренней стороне венчика появляется многорядная волна (рис. 4:6, 3).

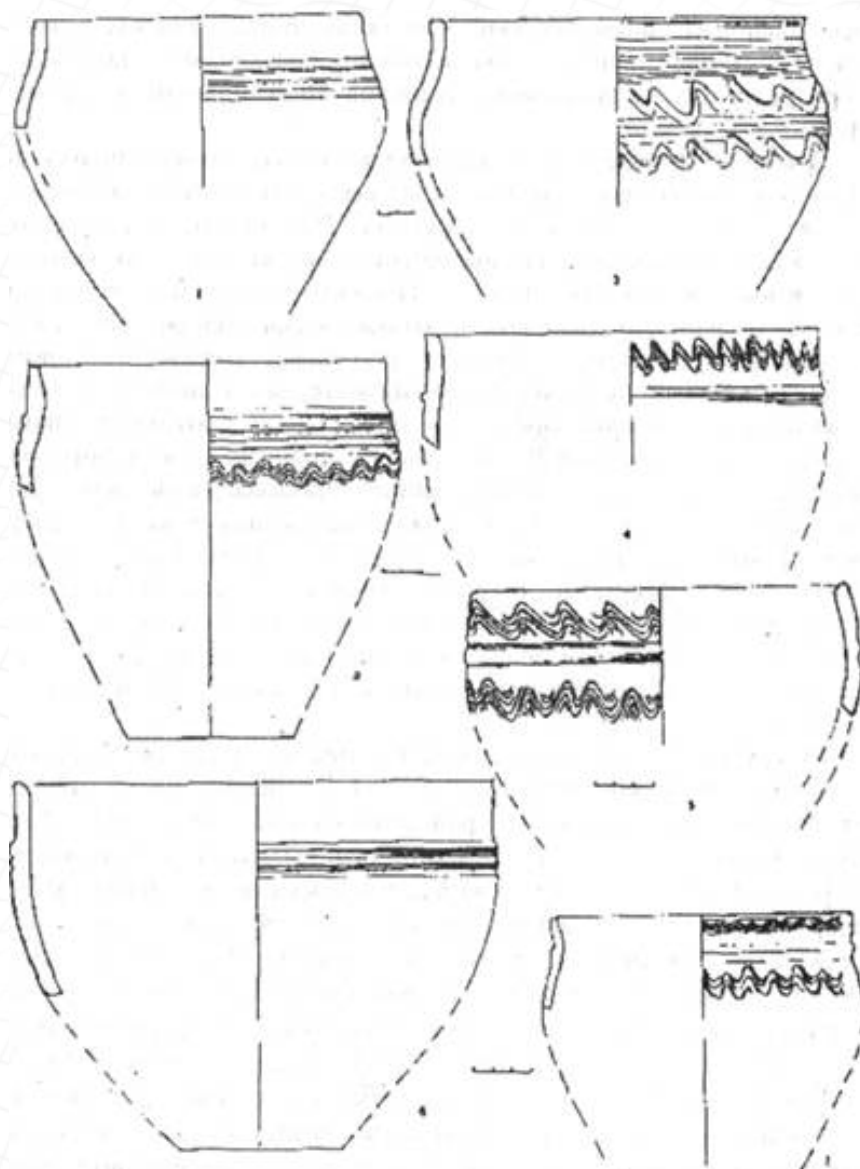
Выделенные выше три группы сосудов в типологическом плане ничего особенного не представляют. Такие формы присутствуют во всех до настоящего времени известных публикациях, посвященных типологии новгородской посуды. Широкое распространение подобной профилировки венчиков на северо - западе древней Руси подчеркивалось в литературе неоднократно. Ниже у нас пойдет речь об особых группах новгородской посуды, своим происхождением либо напрямую, либо опосредованно связанных с западнославянским миром.

В материалах предматериковой части культурных отложений Новгорода можно выделить достаточно значительное число керамики с западнославянскими чертами. В свое время Г. П. Смирнова посвятила западнославянским формам новгородской керамики специальную статью. Ею были выделены три группы сосудов, аналогии которым она приводила из Врлина, Щецина, Гданьска, а также из Германии и Швеции. Атрибутировала она их в качестве позднего Фрезендорфа и Тетеров (Смирнова Г. П. 1974, С. 17-22).

На наш взгляд из всех трех групп, проанализированных Г. П. Смирновой, лишь вариант I первой группы безусловно соответствует приведенным аналогиям, т. е. мы можем связывать ее с фрезендорфской группой западнославянской керамики. Задачи атрибутирования сложны еще из - за того, что не всегда можно быть категоричным в определении границ того или иного типа, а картина

взаимодействия древних локальных групп западнославянской керамики в Германии и Польше представляется немного более усложненной, чем это считалось раньше. Установлено взаимодействие менкендорфской посуды с торновской, дискутируются возможности влияния Фрезендорфа на Менкендорф. Не исключено, что фельдбергский тип также принял участие в изменении профилей ранних менкендорфских сосудов, отсюда появление среди них округлобких горшков со вздутиями в верхней трети. Особенно данное явление характерно для территории польского Поморья, памятники которого чаще всего дают наиболее полные соответствия керамическому материалу Новгорода, причем соответствия комплексного. Первостепенное значение в этом отношении имеют материалы Волина. Подавляющую часть керамики Волина польские исследователи относят к фрезендорфскому типу, который в польской литературе обозначен волинским типом. Значительный процент керамических материалов Волина принадлежит также и менкендорфскому типу. Наряду с этими группами сосудов часть керамики Волина имеет синкретический набор признаков, что говорит о незаконченном процессе становления новых форм. Подобное явление можно наблюдать и на ряде сосудов Новгорода. Здесь мы в гораздо большем числе случаев имеем дело с формами, которые возникли в местной среде под опосредованным влиянием западнославянских гибридных форм, подобных отмеченным выше в коллекции Волина. Такова IV группа посуды, выделенной нами в коллекции Троицкого X раскопа.

IV группа состоит из приземистых широкооткрытых горшков с вертикальным венчиком (рис. 5: 1-4, 7). Венчик часто отделен от тулова одним валиком. Край венчика имеет архаичную форму, с прямым срезом. Г. П. Смирнова выделила в материалах Неревского раскопа восемь вариантов сосудов, подобных экземпляру с рис. 5:7, и вполне справедливо считала их исходной формой для горшков с вертикальным горлом. Но сама исходная форма, на наш взгляд, возникла под влиянием не чисто фрезендорфских типов, истоки ее скорее связаны с теми формами Менкендорфа, которые еще в начале своего существования (в IX - X вв.) подверглись воздействию фельдбергского или фрезендорфского типов и поэтому приобрели более раздутую верхнюю часть, валик и накольчатый орнамент. Уже в восточнославянской среде на новгородской почве они трансформировались в сосуды с вертикальным венчиком IV группы. Этапы этой трансформации прослеживаются на примере сосудов, представленных на рис. 5: 1 - 4. В дальнейшем своем развитии они дают типичнейшую новгородскую форму сосудов с коническим туловом, выпуклым плечом, цилиндрическим горлом и валиковой орнаментацией группы III. Это тот редкий случай, когда, получив импульс с запада, керамическая форма продолжает активно развиваться на новгородской почве.





В связи с этим хотелось бы обратить внимание на происхождение еще одной формы новгородской посуды, объединенной нами в группу V. V группа представлена по сути одним из нетипичных видов эсовидных сосудов, отличающихся псевдоваликовой орнаментацией и обилием различного рода наколов в сочетании с обычной линейно - волнистой орнаментацией (рис. 6:2 - 6, 8). В этой группе можно выделить подгруппу с упрощенной эсовидной профилировкой (первая) (рис. 6:2, 3) и с усложненной, (вторая), в которой венчики с оттяжкой и желобками, а изнутри на шейке присутствует уступ, либо плечо приобретает резкую, угловатую профилировку (рис. 6:4 - 6, 8).

Не будет слишком большой натяжкой наше предположение, что исходной формой для них послужил гросс - раденский тип, присутствовавший во второй половине X в. на Рюриковом городище. Конечно, в коллекции Новгорода отсутствуют промежуточные формы между сосудом из Рюрикова городища и новгородскими экземплярами. Но такое связующее звено мы можем наблюдать в материалах псковского могильника (рис. 6:7). И эта контаминация будет тем более правомерной, что в Пскове, в свою очередь, существует набор подобной "многоваликовой" посуды, в какой - то мере повторяющей профилировку новгородских сосудов, на пример таких, как на рис. 6:2, 3.6

Только что рассмотренные последние два примера с самобытной трансформацией инновационных элементов культуры, единственные имели более или менее длительную историю существования в Новгородской земле. Все остальные западнославянские явления, которые мы рассмотрим ниже, хотя и вызывали какую-то ответную реакцию в среде местных гончарных форм в виде создания гибридов или подражаний им, дальнейшего самостоятельного развития не получили.

VI группа объединяет редкие, но типичные чисто западнославянские формы, подражания им и гибриды, возникшие на их основе (рис. 7-9). Здесь мы прежде всего должны вспомнить сосуды первого варианта первой группы Г. П. Смирновой, которые, как уже отмечалось выше, вполне корректно атрибутированы ею в качестве фрезендорфской посуды. На наших рисунках такая керамика представлена двумя экземплярами из предмете-риковых пластов Троицкого VII раскопа (рис. 5:5, 6). В новых материалах Троицкого X раскопа есть единственный фрагмент типичного Фрезендорфа несколько иной модификации, чем у Г. П. Смирновой. Он принадлежит горшку с округлым изломом в верхней трети, с невыделенным венчиком, имеющим косо срезанный внутрь край и легкую оттяжку с внешнего края, с тремя псевдоваликами на плече, украшенными гребенчатыми наколами (рис. 7:1). Целый экземпляр такого сосуда происходит из могильника Боково (рис. 7:2), который позволил сделать более или менее верную реконструкцию сильно фрагментированного сосуда Новгорода. На Рюриковом городище есть достаточно хорошо реконструированный сосуд, близкий поздним вариантам фрезендорфского типа (рис. 10:3). Этот экземпляр имеет наиболее полную аналогию в Лунде, которая датируется первой четвертью XI в. На Рюриковом городище он, к сожалению, не имеет достаточно точной хронологической привязки. Предположительно его можно связывать с третьим этапом изменений керамического комплекса городища, но не исключено присутствие подобных сосудов в период возобновления княжеской резиденции на Рюриковом городище (вторая половина XI в.).

В материалах Новгорода известна керамика типично менкен-дорфской профилировки (рис. 8:1, 2). И если один из этих сосудов, найденный на Троицком VI раскопе, имеет не совсем типичную орнаментацию (линейно - волнистый орнамент нанесен палочкой), то другой (раскоп Троицкий X) украшен типично менкендорфскими приемами: щепкой нанесен городчатый орнамент, составленный из крест - накрест пересекающихся линий. Возможно этот экземпляр вообще является импортным, так как в тесте его довольно много крупнозернистого песка - отощитель малохарактерный для новгородской керамики.

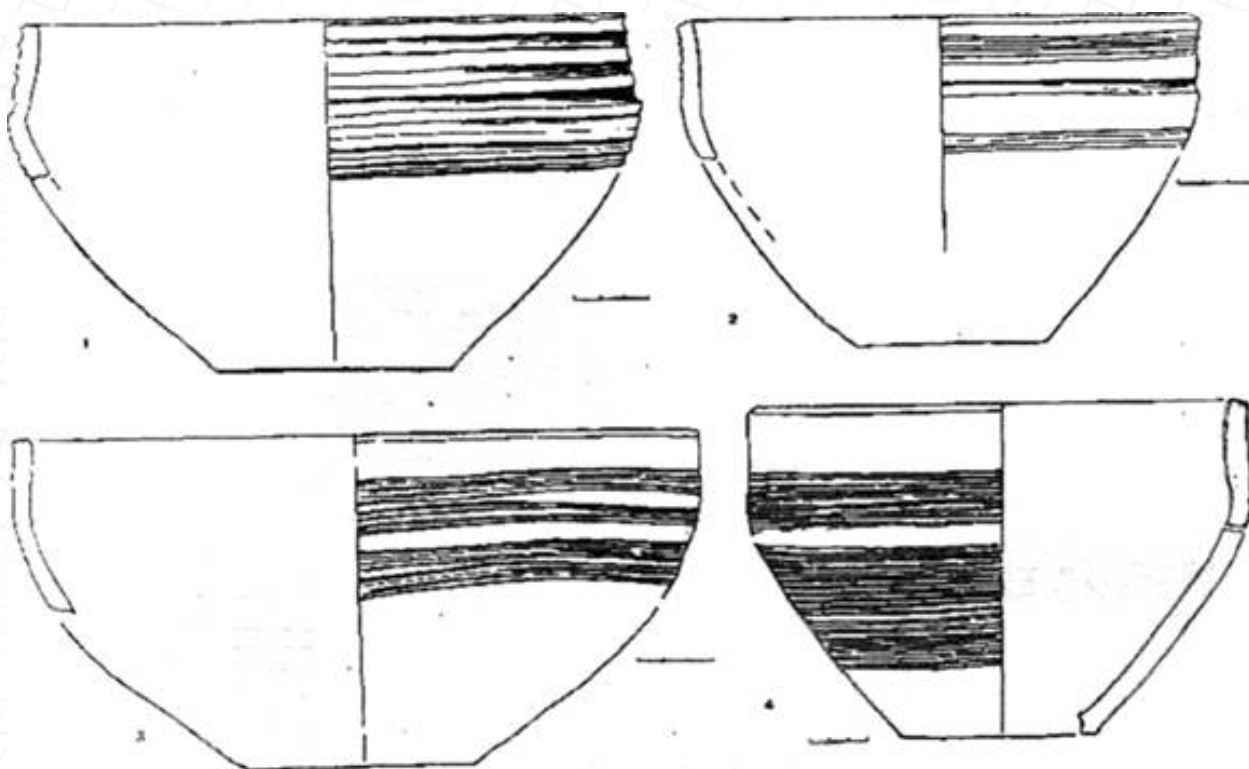
Кроме этих весьма немногочисленных, но вполне определенно атрибутируемых в качестве западнославянских (возможно, привозных) экземпляров на Троицком X раскопе мы имеем дело с гибридными формами. Это прежде всего, приземистые широкооткрытые горшки с вертикальной, иногда плавно прогнутой верхней третью. Они имеют псевдоваликовую орнаментацию с наколами, гребенчатым штампом либо обычную, линейно - волнистую (рис. 7:4-6). Целый горшок подобной гибридной формы происходит из могильника Деревяницы (рис. 7:3). Вторую гибридную группу составляют мисковидные сосуды (рис. 9), широко раскрытые, с вертикальной верхней частью и округлым изломом на месте перехода в тулово. Они имеют горизонтальный или слегка скошенный наружу срез венчика. Верхняя треть, а иногда и все тулово покрыто группами линий, часто переходящих в глубокие канелюры (рис. 9: 1, 2, 3), создающие псевдоваликовую орнаментацию. Фрагменты подобных сосудов присутствуют в коллекции Рюрикова городища. Там они имеют состав теста и качество обжига, резко отличные от качества новгородской керамики: очень плотный с мелким песком в качестве примеси, охристо красный, прокаленный до звонкости черепок, орнамент нанесен очень частой, с тонкими зубцами гребенкой (рис. 9:4). Третья гибридная подгруппа возникла явно не без влияния фрезендорфского типа и в какой - то степени менкендорфского. Это сосуды со слегка прогнутой верхней третью, несущей следы округлого излома, подобные представленным на рис. 10:1, 2. Композиция орнаментальных мотивов с включением гребенчатого штампа напоминает валиковую орнаментацию сосуда из курганного могильника Боково (ср. рис. 7:2), но венчик при этом хотя и сохраняет скошенный внутрь срез, чаще принимает более вертикальное положение, сосуд становится более раскрытым. Возможно близки таким сосудам и некоторые фрагменты, встречающиеся в предмете-риковой части культурного слоя Новгорода, но они как правило очень редко поддаются вразумительной реконструкции (рис. 8:3), гораздо более определенно этот тип выступает в раннегончарных комплексах Рюрикова городища на третьем этапе его развития (рис. 10:1, 2).

Присутствуют такие сосуды и в Городке на Ловати (рис. 10:4).

Распределение всех выделенных нами групп (с I по VI) по пластам с количественными подсчетами в данном сообщении дано на примере участка Г (см. табл. I). Начиная с предматерика и по 19 пласт включительно, в культурном слое Троицкого X раскопа наблюдается почти абсолютное преобладание эсовидной архаичной формы горшков группы I. Причем, значительный перевес приходится на долю второй подгруппы, с укороченным венчиком (рис. 1:4, 4A). В 18 пласте группа I составляет уже чуть больше половины всех форм и затем, резко сокращаясь в объеме, в 15 пласте практически исчезает.

В 19 пласте появляются первые фрагменты горшков более развитого эсовидного профиля: с резко отогнутым, укороченным венчиком с закругленным краем (II группа, первая подгруппа рис. 2). В этом пласте все фрагменты имеют еще переходный облик, сохраняющий архаическое утолщение на шейке внутри сосуда (рис. 2:1, 2), которое в последующих пластах почти у всех сосудов утрачивается. В процентном отношении максимум сосуда первой подгруппы II группы достигают в 16 пласте (28, 53%). Эсовидные горшки с оттяжкой вверх и желобком по внутреннему краю венчика второй подгруппы II группы (рис. 3) распространяются только с 18 пласта и выше, достигая максимума в 15 пласте (75 %). Причем, если в начале своего появления большая часть фрагментов имеет только намек на оттяжку и желобок, то ко времени максимума своего распространения оттяжка и желобок приобретают наибольшую выразительность у подавляющей части второй подгруппы. Она к тому же является и самой многочисленной в керамической коллекции Троицкого X раскопа.

IV группа архаичных сосудов с вертикальным венчиком, несущая на себе признаки явного западнославянского воздействия (рис. 5:1-4, 7), характерна только для 19 пласта, где составляет 4,3 %. Горшки с вертикальным венчиком развитого типа: конусовидные, с цилиндрическим горлом, зачастую с обильной орнаментацией, многоваликовой с наколами (группа III, рис. 4:1 - 7), - появляются только с 17 пласта довольно компактной и обращающей на себя внимание группой (9, 19 %). Как уже отмечалось, группа III генетически связана с группой IV, поэтому вызывает некоторое недоумение полное отсутствие как тех, так и других сосудов в пласте 18. Но на наш взгляд, некоторая противоречивость данного положения снимается, если обратить внимание на тот факт, что в 18 пласте находится большая часть гибридных "западноновгородских" форм (группа VI, рис. 7:5, 6). Возможно они заполняют эту нишу? Может быть какая-то часть этих форм тоже была причастна к выработке горшков с цилиндрическим горлом группы III? Особенно, если учесть наличие в этой группе форм типа рис. 4:8, 9. Дальнейшее накопление материала позволит нам в будущем выстроить более безупречную цепочку генезиса керамики группы III из группы IV. Гибридные формы группы VI на участке Г продолжают изредка встречаться и выше (пласты 17, 16), но это чаще всего бывает узкоспециализированный разряд посуды - миски (рис. 9).



Особо обстоят дела с группой V. Ее подгруппы и с более простой эсовидной профилировкой (первая) и с усложненной (вторая) появляются одновременно в 18 пласте. Причем, вторая, более развитая, повторяющая и даже немного опережающая в своем усложнении профиля венчика и плеча основную группу II поздних эсовидных сосудов, однозначно преобладает над первой, достигая максимума в 17 пласте (1 - 1,72 %. 2 - 9,78 %). Обе подгруппы, первая - к 16, вторая - к 15 пластам исчезают. Исчезая, они как бы передают, "усиливают" свою "многовалико-вость" в орнаментике, сочетающуюся с наколами и волнами, группе III с цилиндрическим горлом. В 16 и 15 пластах эта группа начинает несколько сокращаться в своем объеме: в 16 пласте на ее долю приходится 8,28%, а в 15 пласте - 7,61 %, но зато у нее

становится разнообразнее орнаментация, наиболее пышно украшенные экземпляры встречаются именно в 15 пласте.

Итак, рубеж трансформаций, перемен и кристаллизация нового облика керамического комплекса Троицкого Х раскопа на примере участка Г падает на 19-18 пласты. По сути, именно в этих пластах он приобретает "лицо", которое будет присуще ему весь развитый XI в.

Теперь, если обратиться к стратифицированной колонке раннегончарной посуды Рюрикова городища (в основе ее лежит серия дендродат) и сравнить ее с полученными в этой статье данными по Троицкому Х раскопу, то можно констатировать следующее. Первое. Возникновение и начальная стадия развития ранне-гончарных форм не фиксируются в новгородском керамическом материале, в отличие от Рюрикова городища. Этот момент выходит за рамки новгородской хронологии, т. к. фиксируется он где-то в промежутке с рубежа IX/X вв., и до конца второго десятилетия X в.

Второе. Наиболее полное совпадение форм сосудов и по группам и по первым признакам усложнения профилировки венчика в керамике Рюрикова городища и Новгорода наблюдается на третьем этапе развития комплекса Рюрикова городища и в пред-материке, 20-19 пластах Новгорода (Троицкий Х раскоп). Третий этап развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища падает на конец - начало XI в. Согласно стратифицированной типологической схеме резко возрастает число вариантов горшков с эсвидной профилировкой, меняются пропорции сосудов; появляются большая округленность и вздутость в верхней части, - все это является результатом применения гончарного круга для внутренней поверхности, заглаживания и профилировки с помощью бочарки. На внешнем образе венчика формируются различного рода оттяжки, желобки, грани, как следствие применения ножа и использования быстрого вращения круга для профилировки верхней части сосуда. При этом преобладает укороченный и резко отогнутый венчик. Наблюдаются отдельные фрагменты примитивных, архаичных форм с вертикальным венчиком с косым срезом (см. рис. 10:1,2).⁷

На этом этапе развития раннегончарная посуда Рюрикова городища по всем морфологическим признакам полностью вписывается в структуру раннегончарного комплекса самых ранних предматериковых отложений Троицкого Х раскопа. Но когда мы накладываем типологическую схему развития керамики Рюрикова городища на ранний отрезок типологической схемы Новгорода, то сталкиваемся с хронологическим несоответствием морфологически совпадающих отрезков этих двух шкал развития раннегончарной керамики. С учетом представленных в начале статьи датировок 15, 14 пластов двадцатыми и тридцатыми годами XI в. по печати Ярослава Мудрого, монетам клада и предварительной общей дате для напластований, начиная от предматери-ка и по 15 пласты включительно, вторая половина X - первая четверть XI вв., 20 - 18 пласты авторы раскопок однозначно относят ко второй половине X в. Налицо расхождение по крайней мере в четверть века, а то и более того. Сопрягать же третий отрезок стратифицированной колонки керамического комплекса Рюрикова городища с комплексами вышележащих 18-15 пластов Троицкого Х раскопа нам не представляется возможным еще и в силу других серьезных и пока еще не до конца объяснимых причин.

Так в новгородских керамических комплексах отсутствует реберчатая керамика, сосуды типа Гросс Раден. А на Рюриковом городище, в свою очередь, нет и признаков присутствия в период накануне переноса княжеской резиденции в Новгород, таких ярких групп новгородской посуды, как группа V с многоваликовой орнаментацией, производной от Гросс Раден, существующей с 18 пласта, как группа III - развитые формы с цилиндрическим горлом и многоваликовой орнаментацией, существующие с 17 пласта.

Таким образом, намечается серьезная задача, решение которой предстоит в будущем. Вероятно, даже вновь полученные дендродаты по Троицкому Х раскопу не устроят намеченного противоречия, т. к. данная ситуация еще усугубляется, видимо, существующей проблемой корректировки всех дендрохронологических шкал Новгорода.

На Рюриковом городище к тому же отсутствуют импортные сосуды фрезендорфского типа, присутствие которого в Новгороде ощутимо. И хотя на Рюриковом городище есть менкендорфский тип посуды, но это его более ранний, чем в Новгороде, более слабопрофилированный вариант. Если все же брать за точку отсчета новгородские даты, т. е. даты предматериковых пластов 20-19, а следовательно датировать и третий этап развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища второй половиной X в., то тогда отсутствие на Троицком Х раскопе характерных для Рюрикова городища реберчатых форм, форм Гросс - Раден и гибридных фрезендорфско-торновских совершенно необъяснимо, так как близкое соседство этих памятников полностью исключает какие-то локальные особенности в наборе одновременно существующих керамических комплексов.

1 Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951 - 1954 гг.). // МИА, вып. 55. М. 1956. С. 228-248. Она же. О трех группах Новгородской керамики X - начала XI вв. // КСИА. Вып. 139 М. 1974. С. 17-22; Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д. Керамика X в. Троицкого VIII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научн. конференции. Вып. 3. Новгород 1990. С. 64-66.

2 Янин В. Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. Археологические исследования в Людином конце Новгорода в 1993 году (Троицкий Раскоп). // Новгород и Новгородская земля. Тезисы науч. конференции. Вып. 8. Новгород 1994. С.

7. Он и же. Работа Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе. // Археологические открытия 1994 г. М. 1995. С. 36.

8 Он и же. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

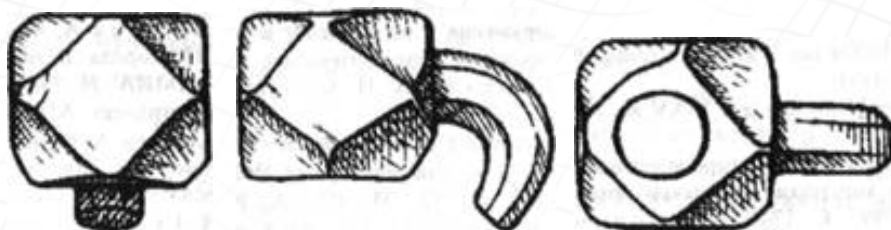
История и археология

11/97

Булава «клевец» из раскопок в Новгороде

А. Н. Кирпичников, П. Г. Гайдуков

В июле 1996 г. во время работ Новгородской экспедиции на Троицком XI раскопе обнаружена металлическая булава в виде куба со срезанными углами, с одной стороны которой устроен клювовидный выступ. находка залегала на трассе мостовой Пробойной улицы, на уровне ее 16 или 17 яруса (кв. 1298, гл.-199 см.). Булава отлита из сплава олова (основной компонент) со свинцом с добавлением для прочности небольшого количества меди и железа, причем меди содержится больше, чем железа ($Su+Pb+Cu+Fe$). Размеры вещи: ширина 2,5 см, высота 2,2 см, хоботообразный отросток выступает на 1,5 см, диаметр круглого отверстия для рукояти 1,2 см. Вес 76 г. (рис. 1)



По своему устройству булава напоминает аналогичные изделия, происходящие из городища у села Городище Хмельницкой обл. на Украине (древний Изяславль, раскопки М. К. Каргера в 1957-1959 гг.) и Казанского Поволжья².

Общую дату ранее известных находок - XII перв. пол. XIII вв. - новгородская находка может уточнить. Время существования 17 яруса мостовой Прбойной улицы (судя по дендродатам) относится к 1178-1197 гг., а 16 ярусов - к 1197-1212 гг. Таким образом, булава датируется поел. четв. XII - нач. XIII в. Именно в этот период в развитии русской боевой техники, в том числе ударной, разворачиваются поиски новых форм, связанных с определенным утяжелением вооружения. Клювовидный отросток на одной стороне булавы, вероятно, свидетельствует о локальной направленности травмирующего удара. В данном случае отросток выполнил роль бьющего выступа, вроде тех, что присущи и 4-х- 12-ти лопастным булавам, только расположенного лишь с одной стороны оружия. Этим достигалась целевая заданность удара, рассчитанного на наибольший эффект при относительно небольшом весе оружия. Кроме того, клювовидный выступ мог служить для подвешивания булавы или удобного ношения ее в руке.

Новгородская находка существенно уточняет наши представления о времени появления и распространения ударного оружия описанного типа. Речь, по-видимому, идет об изобретении в рамках нескольких десятилетий предмонгольского времени новинки, которая употреблялась не только на юге, но и на севере Руси, а также проникла к волжским булгарам.

Булавы-"клевыцы" описанного устройства для более позднего периода неизвестны, но их употребление в поел. четв. XII-перв. десятилетий XIII вв. предвосхитило появление булав-топоров' и "мо-ютов с клювом сокола", распространенных в XV в. как средство дробления тяжелого защитного доспеха.

1 Рентгено-флюоресцентный энергодисперсионный анализ состава металла булавы был проведен в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ. Авторы глубоко признательны Р. А. Митояну за проведение металлографического анализа находки, а также Н. В. Енносковой, содействовавшей этой работе.

2 К и р п и ч и к о в А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы. (боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. (САИ, вып. EI-36). М.-Л.. 1966, с. IX, табл. XXV, 4; Измайлова С, Измайлов И. Булгарское вооружение. Казань, б/г, рис. б/н; Две бронзовые булавы с клювовидными выступами из Волжской Булгарии см. в рисунках к трудам Второго Археологического съезда (СПб., 1876. Вып. 1. Табл. 11,7,9).

3 Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. (МИА, №65.). М., 1959, с. 132, рис. 5,5-6.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(37\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Стили "Эклектико-студио"](#)

Дизайн интерьеров, текстильные решения, элементы декора...

www.eclectico.ru · Москва

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.

www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Реставрация живописи 14 века церкви Успения на Волотовом Поле (РАБОТЫ 1993 - 1996 ГОДОВ)

Т. И. Анисимова, А. Н. Трифонова

Церковь Успения на Волотовом поле 1352 года была разрушена в период второй мировой войны. Осыпавшиеся со стен фрески составлявшие выдающиеся по своему качеству и полноте ансамбль монументальной живописи XIV века, оказались погребенными под руинами храма. Через 10 лет после окончания войны, в 1955 году, Новгородская специальная научно-реставрационная мастерская провела консервацию руин памятника (автор консервации и исследования Леонид Егорович Красноречьев). 1 Церковь снаружи была полностью освобождена от завалов грунта и строительного мусора. Северный придел, где живопись отсутствовала, был расчищен и внутри.

При раскопках, которыми руководил Н. А. Чернышев, велась выборка фрагментов фресок. В фондах Новгородского музея-заповедника хранятся найденные тогда 3033 фрагмента волотов-ской живописи. Внутри основного объема и в западном притворе раскопки не велось. Уцелевшие остатки стен храма высотой от одного до четырех метров были достроены до одного уровня. Лучше других сохранилась северная стена. Надкладки на центральном объеме подняли выше, чем на апсиде и притворе. Под кровлей в стенах оставили небольшие вентиляционные продухи. Объемы здания были перекрыты вальмовыми крышами с верхом из оцинкованного железа. По окончании археологических и строительных работ памятник был поставлен на баланс Отдела охраны памятников истории и культуры

Новгородской области.

Счастье, что консервацию руин волотовского храма провели сорок лет назад, что спасло завал с фрагментами фресок от разорения. Церковь удалена от города всего на четыре километра и находится в центре деревни Волоново, стоящей на московской трассе. Храм окружен действующим кладбищем, причем могилы почти вплотную подходят к его стенам. Место это оживленное, и несмотря на то, что все дверные и оконные проемы храма были замурованы, за четыре десятилетия внутрь здания многократно проникали через проломы. Последний пролом был обнаружен в стене апсиды в августе 1992 года. Тогда же - в которой раз - все повреждения кладки были устранены.

В результате проникновений и несанкционированных "раскопок" изменился рельеф завала Успенской церкви. На фотографиях 1955 года завал центрального объема имел примерно одну высоту три - четыре метра, с незначительным понижением уровня в центре. Общая высота завала сохранилась. Но в восточной части был явно потревожен рельеф. В жертвеннике мы обнаружили яму глубиной около одного метра. В диаконике была устроена землянка - яма, перекрытая досками. Велась работа у северной стены, где была откопана верхняя часть дверного проема и углублен лаз в придел.

В процессе реставрационных работ внутри здания выяснилась еще одна серьезная причина гибели фрагментов. В местах протечек кровли верхние пласты завала насыщались влагой, отчего содержащиеся в них фрагменты превратились буквально в прах. Мы обнаружили несколько таких участков в алтаре, центральном и северо-западном объеме памятника.

Все это противоречило распространенному представлению о том, что руинированная живопись, "законсервированная" в завале, может находиться там неопределенно длительный срок. Наоборот, было очевидно, что чем дольше лежат фрагменты волотовских фресок в завале, тем меньше надежды на относительно полное восстановление росписи Успенской церкви в будущем.

Ясно было и то, что комплексная реставрация волотовского храма - задача вполне реальная. Ее решению способствует счастливое сочетание целого ряда факторов. Первый - большой опыт работы с руинированной монументальной живописью, накопленный в послевоенные десятилетия в отечественной и, в частности, новгородской реставрации. 2 Второй - существование обмеров и проекта архитектурной реставрации Успенской церкви, сделанных Л. Д. Красцоречьевым. Третий - хорошая сохранность живописного ансамбля в предвоенное время, которая отмечалась всеми исследователями, видевшими ее до разрушения. Четвертый фактор - наличие многочисленных источников, дающих объективную информацию о волотовских фресках, - фотоснимков, чертежей, копий, калек, карандашных зарисовок, акварелей и живописных этюдов, а также словесных описаний живописи, выполненных в конце XIX - первых десятилетиях XX века. Эти источники, являющиеся ценнейшим материалом для реставраторов, были частично опубликованы в работах по Болотову В. В. Сулова, Л. А. Мацулевича, М. В. Алпатова, 1 но с максимальной полнотой выявлены Г. И. Вздорновым и представлены в его своде "Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода" (М. 1989).

Немаловажно и то, что в Новгороде есть собственная мастерская по реставрации монументальной живописи (до 1992 года она была подразделением Новгородского научно-реставрационного управления, затем вошла в состав научно-реставрационного предприятия "Дар"). Она оснащена современным реставрационным оборудованием и ее сотрудники работают на памятниках круглый год - в полевых и лабораторных условиях. Еще до того, как был поднят вопрос о восстановлении волотовской росписи, новгородские реставраторы имели опыт работы с руинированной живописью Знаменского и Николо-Дворищенского соборов, церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Он свидетельствовал, что наиболее длительный и трудоемкий процесс в этом деле, который может растянуться не на годы, а на десятилетия, - подборка разрозненных фрагментов фресок в композиции.

В последнее время совместно со специалистами других исследовательских организаций, мы занимались разработкой реставрационных методик и технологий, основанных на применении компьютерной техники, что значительно облегчает и ускоряет некоторые процессы проектирования и реставрации. 4 Пять лет назад мы стали думать о разработке новой методики подборки фрагментов фресок и делать первые шаги в этом направлении: искали специалистов-компьютерщиков, которые были бы способны вникнуть в специфику реставрационных проблем и впервые в мировой реставрационной практике создать соответствующую программу, готовили технико-экономическое обоснование этой программы.

Когда в сентябре 1992 года Отдел охраны культурного наследия Министерства культуры России дал разрешение на подготовку предварительной документации по церкви Успения на Волотовом поле, мы были готовы начать работы. Научное руководство работами взял на себя Александр Петрович Греков - инициатор реставрации волотовских фресок. Вскоре появились программа исследовательских и реставрационных работ в памятнике и методика реставрации живописи. Они обсуждались и утверждались несколько месяцев, и потому к разборке завалов волотовской церкви мы приступили только 7 августа 1993 года.

Мы предполагали, что в церкви Успения, как и в Спасо-Преображенском храме на Ковалеве, штукатурка с живописью осыпалась от сотрясения здания при разрывах снарядов прежде, чем рухнули своды и стены. Следовательно, основная масса фрагментов лежит в нижних слоях завала и его разборку надо было вести по методике А. П. Грекова, то есть разбив площадь храма на участки в соответствии с архитектурным членением здания, расположением живописных композиций и с учетом мест возможного падения основной массы фрагментов одной или нескольких композиций. 5

Выемка фрагментов началась в западном притворе церкви, что было сделано по двум причинам. Во-первых, разобрав небольшой по объему завал притвора, мы получали возможность откорректировать и при необходимости дополнить методику работ прежде, чем приступить к завалу центрального объема. Во-вторых, - для удобства работы, так как эта часть завала оказалась наиболее доступной.

В августе - сентябре 1993 года мы разобрали большую часть завала притвора и на следующий год смогли войти в центральный объем Успенской церкви. По истечении четвертого сезона, к концу сентября 1996 года, высота завала в основном объеме храма составляет в среднем 1 м с понижением уровня в восточной части и небольшим повышением в северо-западном углу.

На начальном этапе работ в том или ином объеме храма по всей площади этого объема срезался верхний слой завала толщиной около метра, почти не содержащий фрагментов. Грунт выбирался реставратором на поддон флейцем, а затем просеивался на "грохоте" с целью выявления случайно попавших фрагментов. ("Грохот" - большое решето, подвешенное на столбах). Заметим, что в этом слое завала находилось большое число кладочных камней ракушечника и кирпичей, которые мы старались сохранить, имея в виду будущую реконструкцию здания. Особое внимание требовалось при извлечении из завала кирпичей, так как на некоторых из них уцелела тонкая обмазка с живописью.

После срезки массив завала разбирался по участкам. Разборка велась мягкими кистями и флейцами или просто руками. Вся масса завала просматривалась на планшетах, а затем просеивалась через небольшие сита для выявления случайно пропущенных мелких фрагментов. Извлекаемые разрозненные фрагменты укладывались на фанерные планшеты размером 30x40 см с бортиками. В этикетках, наклеенных на бортики, обязательно указывались номер участка и дата выемки. Разбившиеся крупные фрагменты переносились по возможности целиком на замаркированные планшеты с полным сохранением взаимного расположения частей. На эти же планшеты переносились и все найденные рядом кусочки и сколы, вплоть до мельчайших. Подчеркнем, что непременным условием успешной подборки фрагментов в композиции является, на наш взгляд, сохранение связи каждого отдельного фрагмента с его планшетом, то есть с теми фрагментами, которые были найдены с ним одновременно и в одном месте.

Если обнаруженный в завале фрагмент был очень раздавлен, утратил механическую прочность и не переносился на планшет без потерь, то после просыхания и возможной очистки его поверхности он покрывался профилактической пленкой 20 процентного полибутилметакрилата (ПБМА) на ацетоне. После подсыхания пленки фрагмент осторожно перемещался на планшет. 6

Планшеты с вынутыми из завала фрагментами помещались в северный придел церкви для постепенной просушки. Здесь выполнялась очистка и склейка фрагментов, состыкованных прямо на месте. Основная же масса фрагментов после просушки перевозилась в мастерскую в Новгород, так как мы не имели возможности проводить первичную обработку всего найденного материала в полевых условиях.

На склейке фрагментов, которая выполняется на протяжении всей работы от выемки фрагментов из завала и до их монтировки в композиции, остановимся более подробно. За основу нами была взята методика, разработанная в Государственном Эрмитаже⁷ и хорошо зарекомендовавшая себя во время реставрации живописи церкви Спаса на Ковалево. По этой методике в качестве клеящего материала используется ПБМА. Предварительная пропитка очищенных фрагментов проводится 5-8 процентным раствором ПБМА в ацетоне, склейка - 10-15 процентным раствором. При склейке влажных фрагментов применяются растворы более низких концентраций. Еще в притворе мы убедились, что значительную часть материала, извлекаемого из завала, составляют мелкие фрагменты. Это объясняется, во-первых, тем, что слой левкаса волотовской росписи очень тонкий и хрупкий, гораздо тоньше, чем в других стенописях XIV века, например, из церкви Спаса Преображения на Ильине улице или из Ковалевского храма. Во-вторых, сильным разрушением самого здания. Так, в притворе разрушены большие участки северной стены: камни сдвинуты, кладка местами превратилась в месиво. Перевернутые плиты с пола притвора были обнаружены на полутораметровой высоте завала. В центральном объеме сильно разрушены столбы, особенно западные. Северо-западный столб просто рассыпался и превратился в грудку обломков.

Не случайно, извлечение из этого хаоса более или менее крупных фрагментов хорошей сохранности воспринималось нами как чудо. Таким "чудесными явлениями" стали фрагменты со словом "храм" из свитка Соломона в композиции "Премудрость созда себе храм" (притвор, южный склон свода) и с изображением Захарии, выглядывающего из окна (композиция "Встреча Марии и Елизаветы" в люнете западной стены притвора), рука Иоанна Златоуста из "Службы святых отцов" в алтаре.

По ходу раскопок открывалась живопись на стенах церкви: фрагменты одежд святителей алтарной композиции, часть фигуры диакона Филиппа на южной пилястре в алтаре, медальоны со святыми по сторонам северной двери, "Зосима, причащающий Марию Египетскую" в северо-западном углу, фрагменты живописи на столбах. По мере освобождения этих фрагментов из завала проводилось их бортовое укрепление.

Как мы уже отмечали, основная работа с полученным в результате раскопок материалом проводится в Новгороде, в условиях мастерской. Первичная обработка фрагментов заключается в удалении загрязнений кистями: щетинными - с оборота, беличьими - с лицевой стороны фрагмента. При подозрении на меление красочного слоя удаление загрязнений не проводится до полной просушки фрагмента.

По нашим наблюдениям, после извлечения фрагментов из завала их красочный слой достаточно слаб. По прошествии же двух месяцев его состояние стабилизируется. Мелятся только отдельные точечные участки на красных охрах в местах механических повреждений, но и они, как правило, успокаиваются после полного просыхания фрагментов, то есть примерно через полгода. Полагая, что при оптимальных условиях хранения состояние фрагментов будет оставаться удовлетворительным, мы не проводим укрепление красочного слоя.

Вопросы извлечения фрагментов, хранения и первичной обработки материала решаются нами исходя из основной задачи - подборки фрагментов в живописные композиции. Подборка фрагментов ведется с самого начала параллельно другим реставрационным

процессам. Однако до 1996 года она допускалась в основном только в пределах одного планшета, куда попадали близлежащие фрагменты, обнаруженные одновременно (это дает возможность подобрать максимальное число мелких фрагментов). В последний год мы перешли на подборку фрагментов в рамках композиций, чтобы показать, что работа дает результаты. Так была собрана фигура Христа в образе нищего из "Слова о некоем игумене" (юго-западный угол основного объема храма), появились значительные участки сцен, украшавших притвор: "Премудрость созда себе храм", "Воскресение" (тимпан восточной стены), "Архангел Михаил" (восточная стена) и "Лествица Иакова" (южная стена).

Мы убедились, что процесс подборки существенно облегчается при наличии схем живописных композиций в их натуральную величину. К сожалению, кальки-схемы фресок волотовской церкви, хранящиеся в фондах Русского музея и научно-исследовательского музея Института имени И. Е. Репина, недоступны для копирования из-за плохого состояния сохранности. Поэтому при изготовлении схем мы можем использовать исходный материал только в том виде, в каком он представлен в своде Г. И. Вздорнова. Простейший способ изготовления схем при данных условиях заключается в увеличении опубликованного изображения на ксероксе с масштабированием, причем в качестве модулей берутся отдельные детали композиции, обнаруженные на подлинных фрагментах.

Однако существует гораздо более совершенный метод работы с графическими материалами, который был опробован нами при создании проекта реставрации иконостаса Николо-Дворищенского собора." Этот метод, построенный на использовании компьютерной техники, внедряется в процесс изготовления волотовских схем в данный момент. Его преимущество заключается не только в удобстве работы и точности ее результатов. Он позволяет использовать все имеющиеся графические материалы, включая фотографии, копии и эскизы фресок, что очень важно в тех случаях, когда отсутствуют их кальки-схемы.

Реставрация фресок церкви Успения на Волотовом поле продолжается. Сейчас она идет в рамках текущей работы по консервации и подборке фрагментов. Однако уже в недалеком будущем встанет вопрос о монтажке фресок на основу. Пути решения этого вопроса зависят от того, каким образом определится окончательная судьба волотовских фресок: будут они предназначены для экспонирования и хранения в музейных условиях, или состоится решение о реконструкции церкви Успения и воссоздании ее живописного ансамбля.

1 Отчет об исследовании и консервации руин Волотовской церкви (1352 г.) под Новгородом в 1955 году. Автор Л. Е. Красноречьев. Новгород. 1955-1963. (ГАНУ. Ф. 4137. Оп. 1. Д. 111); Т. В. Гладейко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. Архитектура Новгорода в свете последних исследований //Новгород. К 1100-летию города. Сб. статей. М. 1964. С. 224, 225. Обмеры, материалы исследования и проектные чертежи Л. Е. Красноречьева хранятся в архиве НФИ "Спецпроектреставрация".

2 См.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. М. 1979. Вып. 3. С. 6-25. Вып. 4. С. 1-30. М. 1981. Вып. 2. С. 5; А. П. Греков. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. М. 1987, и др.

3 В. В. Суслов. Церковь Успения пресвятой Богородицы в селе Волотово, близ Новгорода, построенная в 1352 г. М. 1911; Л. Мацулевич. Церковь Успения пресвятой Богородицы в Волотово //Памятники древнерусского искусства. Вып. IV. СПб. Изд. имп. Академии художеств. 1912. С. 1-34. Илл. 1-46; М. В. Алпатов. Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М. 1977.

4 Т. И. Анисимова, А. Н. Трифонова. Реконструкция резных иконостасов с использованием компьютерной техники //Доклад на симпозиуме 'Актуальные проблемы изучения, популяризации и реставрации музейных памятников". Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль". (В печати).

5 А. П. Греков. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. С. 66 - 67,

6 См. там же. С. 67.

7 Е. Г. Шейнина. Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов //Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 1. М. 1960 С. 62-74.

8 См. примечание 4.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Софийский патронат по Новгородской первой летописи

А. С. Хорошев

Значение патроната Святой Софии для Новгорода известно и общепризнано. Оно зафиксировано не только в исторической и художественной литературе, но и закреплено на бытовом уровне. Это привело к тому, что тема культа Софии фактически выпала из проблематики исследователей. Вероятно, произошло это от подсознательной убежденности в том, что доказывать патронат Софии - значило бы ломиться в открытую дверь. Это в конечном счете привело к неразработанности софийской тематики и выявлению необходимости ее источниковедческой проработки.

Представляется необходимым раскрытие внутреннего содержания софийского культа посредством обращения к Новгородской первой летописи, где многочисленные софийские реплики средневекового хрониста, по нашему убеждению, отражают всю полноту образа Святой Софии в представлении новгородца, сознание которого было наполнено христианской символикой.

Внедрение культа Софии в Новгороде совпадает по времени с крещением горожан и возведением тринадцатиглавой Софии, предшествующей ныне существующему кафедральному собору, строительство которого в 1045 - 1050 гг. свидетельствовало о дальнейшем закреплении культа в новгородской среде. Столь древнее внедрение культа Софии казалось бы должно было привести к достаточно раннему свидетельству патроната Софии по отношению к городу и его жителям в тексте летописи. Однако вплоть до 1216 г. это не отмечается летописцами при изложении событий, зачастую немалозначимых для Новгорода, каковым, например, была

победа новгородцев над объединенными силами русских князей под стенами города зимой 1179/80 г.

Таким образом, мы не располагаем какими-либо данными о более ранней нежели традиционная историографическая дата первой фиксации патроната Софии- 1216 г.

События этого года многократно комментировались в исторической литературе, поэтому ограничимся цитированием источника: "Князь же Мстислав створи вiece на Ярославли дворе: "и пойдём, рече, поищем муж своих, вашей братаи, и волости своеи, да не будет Новый тьрг Новгородом, ни Новгород Тьржком, нъ кьде Святая София, ту Новгород; айв мнозе Бог, и в мале Бог и правда". (НПЛ, с. 55, 254). Реализован лозунг князя был в кровопролитной сече на Липице, где "съступися пълк новго-родьскыи съ Ярославим пълком. И тако, Божию силою и помощью Святыя София одоле Мстислав" (с. 56, 256).

Кажется парадоксальным, что формуляр "къде Святая София, ту Новгород", ставший лозунгом антикняжеской борьбы новгородцев времени вечевого государства, был изложен князем. Однако обращение к событиям непосредственно предшествовавшим битве на Липице и после нее, на наш взгляд, проясняет позицию Мстислава. Зимой 1208/1209 гг., когда Святослав организовал блокаду Новгорода "приде князь Мстислав Мстиславиць на Тьржък и изма дворяне Святослави, и посадника оковаша, а товары их кого рука доидеть; а в Новгород приела: "кланялся Святей Софии и гробу отца моего и всем новгородьцем: пришьль есмь к вам", после чего "прииде Мстислав в Новгород, и посадиша на столе отне и ради быша новгородци" (с. 51.249). Летописный контекст дает нам право считать, что для Мстислава Святая София - "отни стол". В правомерности подобной интерпретации слов Мстислава нас убеждают изложение летописцем событий января 1220 г., когда "прииде князь Святослав в Новгород... и посадиша и на столе в Святей Софеи, и обрадова-ся всь Новьгород" (с. 45, 238 - 239). Аналогичен по содержанию рассказ о возвращении Мстислава в Новгород в 1216 г.: "Того же лета поиде князь Ярослав на Тьржък... И зая князь вьршь на Тьржюк... а Новегороде зло бысть вельми... и... послаша Ману-илу Ягольевичя с последнею речью: "пойди в свою отцину к святей Софеи; не идеши ли, а повежь ны" (с. 54, 253). Таким образом, не только для Мстислава, но и для самих новгородцев Святая София - княжеский стол. Не потому ли хронист подчеркивает, что победа на Липице - знак небесного благоволения именно князю: "Божию силою и помощью Святыя София одоле Мстислав"?

Впрочем, слово было сказано, формулировка нашла отклик в новгородской среде и, преобразовавшись в лозунг "изомрем за Святую Софию", превратилась в постоянный политический символ антикняжеской борьбы вечевой республики, введенный летописцами в текст под 1225, 1259, 1270, 1316, 1398 гг.

Для средневекового новгородца умереть за Святую Софию -принять смерть за правду, за истину, т. е. высший жизненный подвиг христианина, реальный путь в царствие небесное. Поэтому летописец считает уместной молитву за "мужей... главами своими покрывающе за Святую Софию: "Буди Господи Боже милостиво и человеколюбче, в оном вiece стати со всеми угодившими ти от века, иже кровь свою проляшша за Святую Софию" (с. 87, 317-318); "А покои, Господи, в царствии своем душа тех, иже головою своя положиша за Святую Софию" (с. 91, 331).

Для христианского миропонимания средневекового новгородца истинная духовность - процесс взаимообратный, конкретно подтверждаемый: решимость положить свою голову за Святую Софию, пролить кровь за Божье дело реализуется небесным покровительством, осеняющим жизнь новгородцев и в лихую военную годину. Патронат Софии оберегает мятежных новгородцев от кровопролития, когда "всташа брат на брата" (под 1219, 1220, 1384 гг.).

Очень выразителен патронат Софии на ратном поле. Победа над Литвой в 1226 г. достигнута "Божиею помощью и Святым Софея". Победа 1234 г над литовцами одержана благодаря тому, что новгородцам "пособи Бог и Крест честьпыи и Святая София Премудрость Божия". Над шведами в Невской битве 1240 г. "силою Святыя Софья и молитвами владычица нашей Богородица и Приснодевица Мария". Спустя два года, в 1242 г. на Чудовском озере победа пришла "пособием" "Бога и Святая Софья и Святою мученику Бориса и Глеба". В 1256 г. "в Емьс-кой земле "победили" силою Бога, Честнаго Креста и Святыя Софея". В 1262 г. под Юрьевым "силою Честнаго Креста и Святой Софии, помощью Божию". В Раковорстсом сражении 1268 г. "силою Креста честнаго и помощью Святыя Софья, молитвами Святыя владычица наша Богородица Приснодевица Мария и всех святых, пособи Бог". В 1301 г. под Венцом "силою Святыя Софья и помощью Бориса и Глеба". В 1348 г. над шведами "молитвами Святыя Богородица и Святыя Софея пособием, и Святою мученику Борису и Глеба помощью". В 1349 г. Орехов был взят "милостью Божьею и Святей Софеи заступлением, и молитвами Пресвятая владычица Богородица наша, силою Креста Честнаго.., и Святою мученику Христову Бориса и Глеба помощью".

Примечательно в этом выразительном перечне новгородских побед три обстоятельства. Во-первых, летописец везде подчеркивает, что новгородцы выступают радетелями православия в борьбе с "погаными" и "безбожными" иноплеменниками. Ни разу небесный патронат не осенил "христианского кровопролития". Естественно, что выступление против единоверцев для христианина - братоубийство, несовместимое с идеалами православия. Второе: впечатляет многовариантность формулировок небесного патроната. Казалось бы, в одноплаиовых ситуациях вполне допустим трафарет, и мы отмечали использование подобных — лозунг "изом-рем за Святую Софию". Убеждены, что летописец каждый раз осознанно подходил к компоновке небесных персонажей: для средневекового новгородца христианская символика была наполнена глубинным смыслом. Не потому ли составитель Комиссионного варианта не изменил в угоду политической конъюнктуры персоналии патроната в знаменательной для новгородцев победе над суздальской ратью в 1170 г.? Вероятно, для правоверного христианина подобная операция была кощунством. Но в принципе, проблема компоновки патроната вполне может стать предметом специального источниковедческого анализа. Наконец, третьье: ассоциативность для летописца понятий Святая София и Новгород, восходящая к мстиславовой формуле "где София, здесь Новгород", с

расширительным пониманием Новгорода как символа Новгородской земли в целом. Синонимичность понятий Новгород—Новгородская земля—Святая София проявляется в летописных сообщениях постоянно. Так, по нашему мнению, следует понимать слова хрониста при описании бедствий 1327 г., когда "прииде рать татарская множество много, и взяша Тферь и Кашин и Новоторжскую волость, и просто реци всю землю Русскую положиша пусту, толко Новгород ублюде Бог и Святая Софья" (с. 98, 341). В 1259 г. "бысть мразь велик по волости, но Господь не хотя места сего Святые Софеи оставити пуста, отврати ярость свою от нас и призре милосердия своего" (с. 83, 311). Та же идентичность понятий подтверждается летописцем при описании событий зимы 1229 г., когда новгородцы следующим образом оценили бегство Федора Даниловича с тиуном Якимом и двумя княжичами - Федором и Александром: "даждь зло съду-мав па Святую Софию, а побегл" (с. 67, 273 - 274). Столь же очевидна конкретика летописного текста при обращении псковского князя Довмонта, которому в 1265 г. "вложи Бог в сердце благодать свою поборнику быти по Святей Софеи и по Святой Троици, отмстити кровь хрстьянскую, и поиде со пльсковичи на поганую Литву" (с. 85, 314).

Оплакивая смерть князя в 1299 г., летописец подчеркивает, что Довмонт "много пострадал за святую Софию и за Святую Троицу" (с. 90, 330), идентифицируя здесь два тезиса: Новгород—Святая София; Псков—Святая Троица.

Для новгородского летописца очевидна не только географическая масштабность культа Святой Софии, но и объемность его проявлений. В представлении средневекового хрониста Святая София выступает как высший судья, "оуправляющий" правых и карающий "высокоумие". В 1220 г. летописец сообщает о возвращении ранее изгнанного архиепископа Митрофана, который "оуправивься Богом и Святой Софеи" (с. 60, 261). Аналогично, в 1234 г. "прииде князь (Ярослав) выправи божьею помощью и Святая Софея" (с. 72, 282). Когда в 1331 г. псковичи хотели поставить на владычество в Пскове Арсения "не потворивше Новаграда ни во чтоже, възнесошася высокоумьем своим", то сделали они это, по мысли летописца, забыв, что "Бог и Святая Софея низлагаеть всегда ж высокия мысли" (с. 313).

Радение Святой Софии о церковном обустройстве новгородской епархии акцентированно проявляется в сообщениях о выборах новгородского владыки. Сам факт выборов софийского владыки светскими лицами с точки зрения церковного права не вполне легитимен. Требовалось идеологическое подкрепление политического акта. Оно, по мнению летописца, определялось божественным "знаменанием" выборов на кафедру. Однако достаточно долго новгородский хронист не регистрирует патронат Святой Софии при владычном избрании. Начиная с 1156 г., когда новгородцы впервые отказались принимать на кафедру киевского ставленника, и вплоть до 1307 г. формуляр легитимности был достаточно трафаретен и не отмечен культом Святой Софии: в 1156 г. "поставите мужа Богом избрана Аркадия" (с. 29, 216); в 1193 г. "изволиша Богом избрана Мартурия" (с. 40, 232); в 1199 г. Митрофана "мужа Богом избрана" (с. 44, 238); в 1212 г. "волею Божию възлюби" Добрыню Ядрейковича (архиепископа Антония) (с. 52, 250); в 1229 г. "изволи Бог слушателя себе и пастуха словесных овечь Новугороду и всей области его" Спиридона (с. 68, 275); в 1273 г. "възлюбиша вси Богом назнаменана Климента" (с. 323); в 1299 г. "възлюбиша вси Богом назнаменана мужа добра и смерена Феоктиста" (с. 90, 330). В 1307 г. формуляр изменяется: "възлюбиша Богом избрана и Святую Софею... Давыда" (с. 332), впервые фиксируя патронат Софии при выборах архиепископа. Однако формуляр с культом Софии не стал традиционным. В 1325 г. летописец возвращается к архаичной формулировке: "възлюбиша вси Богом назнаменана Моисея" (с. 97, 340); так же и при избрании следующего владыки Василия в 1331 г.: "Богом назнаменана" (с. 342-343). Только с 1359 г. формуляр со Святой Софией становится постоянным. При жеребьевке 15 сентября 1359 г., когда "много же гадавшие посадник и тысячкой и весь Новьград, игумени и Попове, и не позволиша себе от Бога пряти извещение и уповати на милость Его, кого Бог възхоцеть и Святая Софея, того знаменаеть;... и положиша три жребиа на престоле в святей Софеи, утврьдивша себе слово: его же възхоцеть Бог и Святая Софея, Премудрость Божия, своему престолу служебника имети, того жребии да оставит на престоле своемь. И избра Бог, Святая Софея святителя имети.... Олексиа" (с. 365). Так же в 1388 г. новгородцы "положиша три жребии на престоле в святей Софеи, утврьдивше тако: егоже восхоцеть Бог и Святая Софея своему престолу служебника, того жребии остави на престоле своем..., и избра Бог и Святая Софея и престол Божий... Иоана" (с. 381-382).

Итак, масштабность географическая: Святая София-Новгород-Новгородская Земля, функциональная и идеологическая: Святая София - Поборница веры, Судья, Охранительница, Пособница, Сила, Заступница, Блюстительница престола Божьего, достаточно выразительно представлены в материалах Новгородской Первой летописи и, безусловно, отражают христианскую трактовку культа Софии в средневековой среде.

В принципе ничего существенно нового автор не продемонстрировал, суммировав весь объем летописных свидетельств, скомпоновав их по определенным позициям. Однако цель предпринятого нами исследования - выявить исходный христианский постулат, определявший феноменальность культа в изложении средневекового летописца. Не приблизит нас к пониманию природы и констатация того положения, что храм Софии в Новгороде есть земное воплощение Святой Софии. Историкографически это общеизвестно, соотносится с летописными свидетельствами и закреплено появлением в летописи, начиная с 1375 г., термина "Дом Святой Софии", применяемого по отношению к Софийскому собору (с. 3783, 374).

Считаем также необходимым обратить здесь внимание на традиционность порядка перечисления новгородским летописцем небесных патронов: Бог, Святая София, Богородица, святые. Канонически это неправомерно и дало повод некоторым исследователям высказать мнение о противопоставлении в Новгороде Святой Софии и Богородицы. Подобная декларация сомнительна, так как предполагает осознанное нарушение летописцем-христианином важного церковного догмата.

Вполне правомерно объяснить масштабность культа Святой Софии исходя из сущности одного из основных христианских догматов: Христос-Логос-София, Премудрость Божья. Но в этом случае затруднено понимание ряда летописных свидетельств небесного

патроната: "оправивъся Богом и Святою Софиею" (с. 60, 261); "Богом и Святою Софиею Крест възвеличан бысть" (с. 60, 262); "ублюде Бог и Святая Софья" (с. 98, 341); "ублюде Бог и Святая Софья" (с. 379); "възлюбиша Богом избрана и Святою Софиею" (с. 332); "нь Бог и Святая Софья низлагаетъ всегда ж иысокия мысли" (с. 343); "милостию Божьею и Святей Софеи наступлением" (с. 361); "кого Бог восхоцетъ и Святыя Софья" (с. 184); "судит ти Бог и Святая Софья" (с. 233); "заступи Бог и Святая Софья" (с. 379).

Безоговорочно необходимо исключить возможность тавтологии летописца в такой деликатной форме как христианская символика. Объяснение, что в данных случаях летописцем подра-зумевалось земное воплощение Святой Софии - Софийский храм, неудовлетворительно и в смысловом, и в литературном отношении.

Представляется, что летописец руководствовался иным христианским догматом сущности культа Святой Софии. Потенциально ключом к пониманию природы культа, на наш взгляд, является список небесных патронов, избавивших Новгород от батыевой орды в 1238 г.: "Новгород же заступи Бог, и Святая Великая Зборная Апостольская Церкви Святая Софья, и святыи Кюрил и святых благоверных архиепископ молитва и благоверных князии и преподобных черноризецъ иерейского сбора" (г. 76, 289).

Из приведенного летописного текста очевидно, что под Церковью Святой Софии составитель подразумевал не храм Святой Софии и не человеческое сообщество как организацию духовенства и верующих. Здесь, по нашему мнению, выражено основное понимание Церкви, характерное для православия и декларирующее ее как сверхъестественную субстанцию, обладающую божественными свойствами: вечность, неразрушимость, нетление, святость. Церковь в христианском понимании - "мистическое тело Иисуса Христа", посредник между Богом и человеком.

Прелагаемый вариант понимания природы культа Святой Софии в новгородском летописании объясняет мотивацию его масштабности и ликвидирует некоторые "изъяны" составителя: снимается "тавтологическая" несуразность фразеологии, устанавливается каноническая закономерность перечня летописцем небесных патронов (Бог, Церковь—Святая София, Богородица, святые).

Любопытным в таком случае представляется возможное прочтение летописной фразы их погодной записи 1270 г. Когда новгородцы получили известие о подготовке князем Ярославом похода на город, то отправленный к князю посол заявил: "кияже сдумал еси на святую Софью (здесь: на Новгород. - А. Х.); поеди ать изъмрем честно за святую Софию (здесь: за Новгород.. А. Х.); у нас князя нетуть, но Бог и правда (здесь; Правда Русская? - А. Х.) и Святая Софья (здесь: Церковь Христова, - А. Х.), а тебе не хочем" (с. 89, 320-321). Буквальный смысл фразы; с нами Бог, Закон и Церковь, вполне согласуется с политическими декларациями вечевого государства, идеологи которого неразрывно связали Новгород со Святой Софией.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Центральноазиатские ремённые украшения в материалах древнерусских памятников 10 века

К. А. Михайлов

Среди всего многообразия типов поясной и уздечной ремённой гарнитуры, распространяющейся на древнерусских памятниках в конце IX - X вв., исследователи выделяют несколько стилистически устойчивых групп. Появление этих групп ремённых украшений, в свою очередь, можно связать с тем влиянием, которое оказывали культуры различных раннегосударственных образований и объединений на древнерусскую материальную культуру (мы имеем в виду, например, скандинавскую, венгерскую, болгарскую, салтово - маяцкую или хазарскую традиции). 1 Большая часть европейских ремённых блях этого периода имеет очень характерные формы и орнаменты, что позволяет уверенно относить восточноевропейские ремённые накладки к той или иной этнокультурной группе. Собственно же древнерусские типы ремённых украшений X в. в массе заимствованных форм пока слабо различимы. 2

На этом пёстром, но всё же узнаваемом фоне находок X в. выделяется ряд отдельных вещей и целых наборов, слабо связанных с художественными традициями народов раннесредневековой Европы.



Рис. 1. 1 - Решма из погребения № 52 Гнездовского могильника
2-Ременные бляшки из кургана 285 Тимеревского могильника.



Рис. 2. 1-3-Ременные бляшки из Гнездова и Тимерева (по В. В. Мурашевой)

4-6 - Ременные бляшки из погребения № 5 Успенского могильника в Старой Ладозе (по К. А. Михайлову)

В первую очередь, это две подвески - решмы из Гнездова и Новгорода с изображением мужского лица в обрамлении растительного орнамента. Первая подвеска происходит из сожжения в кургане № 23 Гнездовского некрополя (рис. 1). Она была найдена во время раскопок И. С. Абрамова вместе с бляхами уздечного и поясного наборов, среди которых присутствовали скандинавские вещи в стиле Борре. 1 Вторую решму, почти полностью идентичную первой, обнаружили в Новгороде на Неревском раскопе в слое ниже 28 яруса, датирующегося 953 г., т. е. в слое, скорее всего, середины X в. 4 Обе эти вещи относятся к редкому типу литых сердцевидных блях - решм с личиной мужчины, которыми украшалась конская сбруя. Такие исследователи как Т. Арне, А. Салмони и А. Н. Кирпичников считают, что мода на подобные сбруйные украшения распространилась из Китая и Центральной Азии в VII-VIII вв., но до Руси она дошла только в X в. 5 Несколько решм сердцевидной формы этого времени известны в погребениях Киева, Чернигова и Гнездова. 6 Однако новгородская и гнездовская находки относятся к особому типу решм, известному только в зоне влияния тюркской культуры - от Северо - Западной Монголии и Тувы до Минусинской котловины и Восточного Казахстана, которая определяется в литературе как культура енисейских кыргызов периода "великодержавия". 7 С тюркскими образцами древнерусские находки сближает форма блях, техника исполнения, характерное мужское лицо в центре решмы, наличие растительного орнамента на всём поле бляхи и общее время бытования для всех решм этого типа (рис. 4). Так, Г. В. Длужневская определяет нижнюю границу вещей тюркского стиля, например, решм - колокольчиков, 925-950 гг., что соотносится с датой новгородской находки. 8



Рис. 3. Карта-схема распространения вещей тюркского облика в Восточной Европе X в.



Рис. 4. Бляхи решмы тьюхтятского облика в Центральной Азии (1,3-по Евтюховой. 2 - по Клеменцу, 4 - по Савинову)

Однако, есть и ряд особенностей, который не согласуется с кыргызской версией происхождения этих блях. Так, древнерусские решмы перестают служить бубенчиком, что характерно для центральноазиатских прототипов. В манере исполнения самого лица можно заметить различие с кыргызскими вещами, по главное - растительный орнамент двух наших решм почти полностью аналогичен орнаменту венгерских вещей из клада в Септ - Миклоше и стилю украшения торевтики "эпохи обретения родины". Правда, Б. И. Маршак допускает, что подобный орнамент мог быть широко распространен в IX - X вв., в том числе и на Енисее. 10 Важно отметить технику исполнения этих вещей. Так, предметы с орнаментом типа септ - миклошского выполнены в технике чеканки, а не литья, как древнерусские и центральноазиатские решмы."

Всё вышеизложенное при полном отсутствии на территории от Венгрии до Алтая блях - решм, подобных гнездовской и новгородской, позволяет говорить о прямой связи этих находок с культурой енисейских кыргызов (Т. Арне упоминает единственную случайную находку решмы тьюхтятского облика в вятской губ., но точных ссылок не приводит). 12

К образцам торевтики той же тьюхтятской культуры можно отнести и два типа поясных бляшек со стилизованным "пламе-видным" орнаментом (вероятно, изображающим цветок лотоса) и прямоугольной прорезью (рис. 1). Пятнадцать подобных бляшек происходят из сожжения в кургане № 285 Тимеревского могильника, где они были обнаружены вместе со скандинавскими уздечными бляшками в стиле Борре (раскопки 1989 г. В. Н. Седых). "Как форма этих бляшек, так и характерный орнамент указывают на их тьюхтятско - кыргызское происхождение. 14 Следует отметить, что также, как в сожжении из Гнездова, в этом случае вещи кочевнического происхождения встречены с предметами скандинавской культуры в стиле Борре. Тип погребений - сожжение и рамки бытования вещей в стиле Борре определяют возможную верхнюю границу существования тьюхтятских вещей на Руси 980 гг. 15 Нижней датой может быть 925 г. (по Г. В. Длужневской). Однако новгородская находка позволяет предположить, что вся эта небольшая группа вещей попала на Русь в середине или, шире, в третьей четверти X века.

Ещё одной бесспорно кыргызской вещью на территории Древней Руси является Т - образная бляха из собрания Б. Н. и В. Н. Ханенко (случайная находка из Чигиринского уезда Киевской губ.). "На её тьюхтятское происхождение обратил внимание Л. Р. Кызласов, аргументируя мнение о проникновении средневековых хакасов на запад. 17

Итак, можно отметить, что на нескольких древнерусских памятниках в период между 925 - 980 гг. (или в 950 - 970 гг.) появляются вещи, связанные со средневековой кыргызской - тьюхтятской культурой (рис. 3).

На наш взгляд, эти предметы в Восточной Европе связаны с целым пластом вещей и явлений в погребальном обряде, который появляется в тех же древнерусских могильниках, в тот же период, и который также не характерен для культур Европы этого времени. Так, например, в некоторых захоронениях в камерах в Гнездово, в Гуцинской группе под Черниговом, в Киеве и Старой Ладогe фиксируются близкие модификации одного погребального обряда. "Конь в этих погребениях вместе с упряжью помещался непосредственно в камере сбоку от умершего. В Скандинавии и на Руси в X в. близкие по облику захоронения в деревянных камерах образуют компактную группу с устойчивым обрядом. 19 Конь в таких погребениях помещался в ногах умершего за пределами камеры, чаще всего на земляной приступке - ступеньке. 20 В. Я. Петрухин склонен считать упомянутые захоронения примерами взаимодействия скандинавской и хазарской погребальных традиций. 21 Однако, ни у венгров, ни у болгар или других ближайших соседей Руси подобной погребальной обрядности с конём не зафиксировано. Близкие аналогии древнерусским погребениям в камере с конём сбоку от тела умершего известны только в аварских могильниках VII - VIII вв. и в торческо - половецких захоронениях середины XI-XIII вв. 22 Но аварские и половецкие погребения отделены от древнерусских камер значительным временным промежутком и не могут служить убедительными аналогиями.

К тому же кругу нехарактерных явлений в могильниках Гнездова, Тимерева и Ладогe можно отнести поясные бляхи так называемого "общетюркского" облика. К ним относятся квадратные бляхи с прорезью и сердцевидные бляхи, часто украшенные растительным орнаментом, выполненным в технике чеканки, из курганов Ц - 26, Ц - 246 (раскопки Д. А. Авдусина), № 52 (раскопки И. С. Сергеева) Гнездовского некрополя, из курганов № 223, 282, 190 Тимеревского могильника и погребения № 5 могильника близ Успенского монастыря в Старой Ладогe (рис. 2. 1, 4 - б). 21 Также мало характерны для европейских памятников 1ладкие поясные бляхи - лунницы из тимеревского кургана № 282 (рис. 5. 2, 3). 24 Все вышеперечисленные типы поясных блях "общетюркских" форм, на наш взгляд, становятся архаичными

к началу - середине X в. для всех восточноевропейских кочевников, но продолжают существовать на Алтае, Енисее, в Туве до конца X в.²⁵ Кочевники Восточной Европы в IX - X вв. выработали и развивали самобытные стили оформления торевтики и в юном искусстве далеко отошли от "общетюркских" форм.²⁶ Ярким примером подобной самобытности может служить салтовская поясная гарнитура и салтовский стиль изображения лотоса на ремённых бляшках.²⁷ "Общетюркские" типы ремённых накладок в X - XI вв. продолжают сохраняться или в изолированных культурах народов лесной зоны, таких как цининская мордва, меря, или у народов, входивших ранее во второй тюркский каганат, на землях Южной Сибири и Центральной Азии.²⁸

Влияние прикладного искусства народов лесной зоны на престижную культуру Руси представляется маловероятным, так как обычно складывающаяся элита общества стремится подражать более сильному и преуспевающему соседу. Поэтому нам кажется, что упомянутые "нетипичные" черты материальной культуры и погребального обряда в древнерусских памятниках можно было бы с достаточной степенью осторожности связать одновременно им тюркскими вещами на тех же памятниках, где отдельные находки тюркского облика могут служить своеобразным репером для целого пласта восточных новаций. Так как и погребения с целым конём сбоку от всадника, и бляхи "общетюркских" форм в конце IX - X вв. сохраняются как на территории сросст-кинской культуры (Обь - Иртышское междуречье), которую связывают с кимако - кыпчакским каганатом, так и на землях тюрк-тютской культуры, то регион их соприкосновения может быть исходным для всех вышеперечисленных новаций.²⁹ В связи с этим встает вопрос о путях проникновения центральноазиатских элементов культуры на Русь и причинах, вызвавших этот процесс. Можно предположить как случайное проникновение отдельных вещей, так и, может быть, "прорыв" в середине - третьей четверти X в. в Восточную Европу группы центральноазиатских кочевников, какое - то время находившихся в районе, где граничат сросст-кинская и тюрк-тютская культуры. Первая версия, на наш взгляд, малоубедительна из - за отсутствия типологически близких решим и других кыргызских вещей на памятниках IX - X вв. на всём протяжении от Алтая до Верхнего Поволжья (кроме упомянутой случайной находки на Вятке).

Отсутствуют образцы торевтики, близкие тюркским, и на памятниках Волжской Булгарии, а именно с её территории поступала на Русь значительная часть поясной гарнитуры.³⁰

В пользу того, что тюркские вещи одновременно пришли в Восточную Европу вместе с кочевниками - носителями центральноазиатских культурных традиций, свидетельствует несколько моментов: хронологическая близость находок из Гнездова, Новгорода, Тимерева и отсутствие подобных находок на памятниках XI в.; связь части этих находок с определенными погребениями, обряд которых напоминает центральноазиатские погребальные традиции; некоторые отличия древнерусских решим от кыргызских образцов при сохранении канона. Орнамент, напоминающий сентмиклошский, был известен на Енисее (например, на сосудах из Копенского чаатаса) и, возможно, мог использоваться кыргызскими мастерами по требованию заказчика.

В пользу второй версии может свидетельствовать и наличие на тех же древнерусских памятниках уже упомянутых "общетюркских" черт в погребальном обряде и в инвентаре, сохранившихся в X в. на Алтае и в Южной Сибири. Эту же версию могут подтвердить два известных случая, когда проникновение небольших групп кочевников с Енисея в Европу фиксируется в более раннее и более позднее время. Это могильник VIII в., обнаруженный Ю. В. Кухаренко в Харьковской области, и могильник у хут, Петровский в Подонье конца XIII - XIV вв. с аскизским инвентарем, опубликованный И. Л. Кызласовым.³¹ Оба эти примера показывают принципиальную возможность и даже закономерность проникновения небольших групп кочевников из Центральной Азии далеко на запад как бы на гребне этнически чужеродной кочевой волны.

Следует отметить, что в середине X в. существовали и исторические причины, которые могли привести к таким передвижениям степняков. Так, исследователи - ориенталисты отмечают, что в 916-924 гг. начинается экспансия мощного киданьского государства Ляо на запад к границам кыргызов - носителей тюрк-тютской культуры.³² Во второй половине X в. происходит распад кимако кыпчакского каганата - объединения, сохранявшего древнетюркские традиции и граничащего с кыргызами с востока." Кыргызы начинают проникать в кимако - кыпчакские земли с 840 - х гг., но их натиск в западном направлении усиливается именно в X в. В конце концов это приводит к перемещению кыпчаков и других кочевников в сторону Причерноморья и появлению в середине XI в. на границах Руси кыпчаков - половцев. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что появление на Руси в середине - третьей четверти X в. ряда кыргызских престижных ремённых украшений в комплексе с инвентарем и чертами "общетюркского" погребального обряда связано с событиями в Центральной Азии, когда часть носителей тюрк-тютской и сросст-кинской культур была вынуждена двинуться на запад.

1 Мурашева В. В. Убор воина и коня в Древней Руси, как социально - этническая категория (по материалам наборных украшений X - XIII вв.): Авто-реф. канд. дисс. М., 1994. с. 14-15.

2 Мурашева В. В. Технология изготовления поясных накладок из Гнездова. // Вестник МГУ. Сер. 8 № 2. М., 1989. С. 80; Орлов Р. С. Школы художественной металлообработки "Русской земли" и племенные украшения (к социальной характеристике древнерусского ремесла). // Исследования социально - исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 231.

3 Сп и цы н А. А. Отчёт о раскопах, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VIII вып. 1. СПб., 1906. С. 189-191, рис. 19.

4 Древний Новгород: Прикладное искусство и археология: Альбом. М., 1985. рис. 64; Седова МВ. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 45, рис. 13. 1.

скирпичников А.Н. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв.* // САИ. Вып. Е I - 36. Л., 1973. С. 21-22; S a 1 m c n y A. *Eine chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien.* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, t. IX. Helsinki, 1934. S 321 - 334.

"Кирпичников А.Н. *Снаряжение всадника ...* С. 22, рис. 7, 9.

¹ Евтюхова Л. А. *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).* Абакан, 1948. С. 72. рис. 142, 143; Клеменц Д. *Древности минусинского края. Памятники металлических эпох.* Атлас. Томск, 1886. табл. XI. 10; Кызласов Л. Р., Король Г. Г. *Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник.* М., 1990. С. 126-127; Д. Г. Савинов любезно предоставил в моё распоряжение рисунок четвёртой неопубликованной решмы из Горно-Алтайского музея (коллекция Гуляева № 1-134). Манера исполнения мужского лица на этой бляхе наиболее близка древнерусским решмам.

"Длужневская Г. В. *Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX-XII вв. н.э.).* // *Fasciculi Archaeologiae Historicae fasc. VI.* Lodz, 1993. С. 37, 42, рис. 14.

"Эрдели И. *Об археологической культуре древних венгров конца IX - первой половины X в. н. э.* // *Проблемы археологии и древней истории угров.* М., 1972. с. 137-138, рис. 2-5; Ham pel J. *Der Goldfund von Nagy - szent - Miklos sogenannter "Schatz des Attila".* Budapest. 1885. ss. 7-45.

"Маршак Б. И. *Создийское серебро. Очерки по восточной торевтике.* М., 1971. С. 55-56. Braunschweig, "Ham pel J. *Altcrthiimer des fr'iihen Mittelalters in Ungarn.* t. 1905. ss. 702-703, fig. 2126-2134.

r- Arne T. *La Suede et Г Orient.* Uppsala, 1914. s.152.

"Благодарю В. Н. Седых за сведения о неопубликованном комплексе.

14 Длужневская Г. В. *Проблема датировки памятников енисейских кыргызов в Туве.* // *Информационный бюллетень МАИКЦА.* № 16. М., 1990. С. 71, рис. 2; Длужневская Г. В. *Типология снаряжения... рис. 11;* Кызласов Л. Р., Король Г. Г. *Декоративное искусство... С. 105 -108, табл. XXX. 5-10.*

"Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе.* Л., 1985. С. 128.

"Ханенко Б.Н., Ханенко Б. И. *Древности Приднепровья.* Вып. 6 Киев, 1907. С. 30, № 407.

"Кызласов Л. Р., Король Г. Г. *Декоративное искусство ... С. 172.*

" Самоквасов Д. Я. *Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда.* М., 1916. С. 77 - 80; Ж а р о в Ю. Э. *Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя.* Автореф. канд. дисс. М., 1992. С. 14. Боровский Я. Е., Калюк О. П. *Досидження Кжвського Дитинця.* // *Стародавни Кпіе.*

Археолопчи дослщження 1984- 1989. Кшв, 1993. С. 8-9, рис. 4; Носов Е.Н. *Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладого.* // *Средневековая Ладога.* Л., 1985. С. 151 -155; Михайлов К. А. *Захоронение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов.* // *Новгород и Новгородская земля. История и Археология.* Вып. 9. Новгород 1995. С. 50 - 54.

"Graslund A.-S. *The Burial Customs. A study of the graves on Bjork'6.* // *Birka IV.* Stockholm. 1980. pp. 40

"Graslund A.S. *The Burial Customs... p. 40.*

31 Петрухин В. Я. *Варяги и хазары в истории Руси.* // *Этнографическое Обозрение.* М» 3. М., 1993. С. 75-76.

22 Плетнева С. А. *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.* // *МИА.* № 62. М.-Л., 1958. С. 172-173, рис. 13а; Плетнева С. А. *Печенеги, торки, половцы.* // *Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР).* М., 1981. С. 218.

21 Мальм В. А. *Поясные и сбруйные украшения.* // *Ярославское Поволжье X - XI вв.* М., 1963. С. 66-67, рис. 37, 39. 1;

Мурашева В. В. *Технология изготовления ... рис. За; С п и ц ы н А . А . Гнездовские курганы в раскопках С. И.*

Сергеева. // *ИАК.* вып. 15. СПб., 1905. С. 27, рис. 48. Орлов С. Н. *Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладого.* // *КСИИМК.* № 65. М., 1956. С. 96-97, рис. 32. *Находки хранятся в фондах НГМЗ.*

s Мальм В. А. *Поясные и сбруйные ... С. 67, рис. 37.*

25 Длужневская Г. В. *Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект.*

// *Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VII* Lodz, 1994. С. 10-11.

26 Мурашева В. В. *Убор воина... С. 19-22.*

"Плетнева С. А. *От кочевий к городам.* М., 1967. С. 161;

27 Фоянова Н.А. *Лотос в растительном орнаменте металлических изделия салтово - маяцкой культуры.* // *СА.* № 3. М., 1986 С. 36-

28 Архипов Г. А. *Марийцы IX-X вв. К вопросу о происхождении народа.* Йошкар-Ола, 1973. С. 37-39. рис. 40-43.

Средне- циннекая мордва. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII-XI вв. (По материалам раскопок П. Н. Иванова за 1927 - 1928 гг.). // *Археологический сборник.* Т. 3. Саранск, 1969. табл. 17, 33.

:ч Савинов Д. Г. *Народы южной Сибири в древне - тюркскую эпоху.* Л., 1984. С. 121; Могильников В. А. *Тюрки.* // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 33-34, 43; Длужневская Г. В. *Енисейские кыргызы. . . С. 10.*

"Полякова Г.Ф. *Изделия из цветных и драгоценных металлов.* // *Город Болгар; Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков.* Казань, 1996, С, 205-215; Казаков Е.П. *Культура ранней Волжской Болгарии.* М., 1992. С. 157-169.

"Кухаре н ко Ю. В. *О некоторых археологических открытиях на харьковщине.* // *КСИИМК.* М., 1957. № 41. С. 99- 108;

Кызласов И. Л. *Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.* // *САИ.* Вып. Е 1 - 18. М., 1983. С. 68, 75; Кызласов И. Л.

Кыпчаки и восстание енисейских племен в XIII в. // СА. № 2. М., 1980. С. 80-91,

"Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири ... с. 100; Гумилев Л. Н В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 48-49.

"Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири ... С. 93, 118; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 51, 52; Культура Кыргызстана в VI - XII вв. // История Киргизской ССР. т. I. Фрунзе, 1984. С. 424-426.

"Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи... С. 55 - 56.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Средневековый Усвят. Проблемы ранней истории

И. И. Еремеев

Древнерусский Усвят (ныне пос. Усвяты Псковской области) - один из старейших городов Подвинья. Несмотря на то, что интерес к средневековым усвятским древностям возник довольно рано, широкомасштабных, целенаправленных попыток их изучения никогда не предпринималось, и тот материал, который оказался в итоге в руках специалистов, разрознен и достаточно случаен по происхождению. Тем не менее, он заслуживает внимания, позволяет высказать некоторые предварительные замечания и способствует ясной постановке проблем, связанных с возникновением Усвята и с историей окружающих его земель.

Реконструкция начальной истории древнерусского города невозможна без изучения истории региона, в котором он возникает, его округи. В данном случае под словом "округа" мы подразумеваем главным образом совокупность поселенческих систем, которые предшествовали городу, на основе и за счет которых он возник, которые определили особенности его генезиса. Поэтому нам хотелось бы коснуться не только археологических памятников X - первой половины XI вв., непосредственно связанных с летописным городом, но и древностей конца I тыс. и. Э., существование которых сопутствовало его возникновению, расположенных на достаточно обширных близлежащих территориях. Анализ этих древностей помогает полнее представить историческую обстановку, в которой происходило зарождение города. Нам представляется, что изучение ранней истории Усвята затруднительно без привлечения материалов, связанных с бассейном р. Усвячи, правого притока Западной Двины, пространством между этими двумя реками на стыке Смоленской и Псковской

областей, а также с землями по верховьям р. Ловать. Первое упоминание о средневековых археологических памятниках Усвята и его окрестностей мы находим в работах А. М. Сементовского¹. Ряд памятников Усвята и округи фигурирует в известных Сведениях 1873 г². Особо следует отметить вышедшую в 1898 г. книгу Е. Р. Романова, посвященную Велижскому уезду, в состав которого входила тогда Усвятская волость³. Начало археологических работ в округе Усвята можно отнести к 1872 г., когда М. Ф. Кусцинский провел раскопки древнерусских курганов по берегам Западной Двины⁴. Позднее, на рубеже XX в. Л. Ю. Лазаревич - Шепелевич проводит небольшие по размаху изыскания в верховьях р. Ловать⁵. В 1934 г. А. Н. Ляданским было исследовано здесь несколько курганов с кремациями и пгумациями⁶. В послевоенные годы изучение археологических памятников района Усвята было продолжено Я. В. Станкевич⁷.)тому автору принадлежат первые опубликованные планы усвятских городищ, первое профессиональное описание комплекса памятников в ур. Юрьевы Горы близ Усвяг, где, по преданию, располагался древнерусский город. Результаты послевоенных разведок, проводившихся в трех районах усвятской округи, которые находятся на территории Белоруссии, были опубликованы в работе Л. В. Алексеева⁸. В 1960 - 1990 - е гг. работы в верховьях Усвячи и Ловати развернула Северо - Западная экспедиция Эрмитажа. За годы ее деятельности в округе Усвята были проведены исследования в семи могильниках вт. пол. I - нач. II тыс. н. э. Изучение могильников велось в разные годы под руководством О. И. Давидан, И. К. Лабутиной, А. М. Микляева. Разведочные раскопки на древнерусском поселении в ур. Юрьевы Горы производились Р. С. Минасяном *. В ходе ежегодных разведок была значительно дополнена археологическая карта региона. Одновременно исследования средневековых памятников на верхней Ловати велись белорусскими археологами. Г. В. Штыховым исследовались курганные могильники на оз. Сенница, у д. Межно⁹. Этим же автором выполнена наиболее полная обзорная работа по археологии древнего Усвята¹⁰. Необходимо упомянуть проведенные в 1980-е годы разведки Г. Н. Пронина, существенно дополнившие археологическую карту интересующих нас в данном случае частей Великолукского, Усвятского и Куньинского районов Псковской области, а также раскопки А. А. Александрова на селище X-XI вв. у д. Борисоглеб".

Усвятские озера, на которых возник древнерусский город, в последней четверти I тыс. н. э. оказались на восточной периферии обширной территории, занятой населением, соорудившим в то время длинные курганы. На этой территории, охватывающей южные районы Псковщины с верховьями рек Ловати и Полоты и северные области Белоруссии с верховьями рек Оболи и Овсянки, еще в третьей четверти I тыс. н. э. сложилась сложная поселенческая структура, состоящая из слабозаселенных районов и микрорегионов с особенно плотной концентрацией поселений и могильников вт. пол. I тыс. н. э. (в них угадываются, возможно, племенные центры). Тяготеют последние к верхней Ловати. Это комплексы у д. д. Полибино, Вышедки, Борисоглеб и на оз. Сенница. В этом регионе и, в частности, в последних трех пунктах жизнь активно продолжалась и в X - XI вв., как показывают результаты раскопок курганов и селищ¹². Происходящие с поселений и из погребений находки свидетельствуют о том, что в X - нач. XI вв. население, оставившее длинные курганы, вступает в контакты с возникающими неподалеку древнерусскими торгово - административными пунктами. К таким находкам принадлежат, например, найденные на Сеннице и в Борисоглебе гребни фризского типа.

Отдельные высылки этого "длиннокурганного мира", видимо, достигали на исходе тысячелетия берегов усвятских озер, но по каким - то причинам берега эти все же не были по - настоящему освоены "длиннокурганным" населением. К этому времени здесь относится пожалуй лишь небольшой могильник, состоявший из четырех курганов, располагавшийся в ур. Гуковы Нивы (рис. 1). Одна из насыпей этой группы была раскопана в 1965 г. И. К. Лабутиной. Сильно поврежденный курган № 4 имел размеры 13x8 м и высоту 2 м. В насыпи было обнаружено несколько ям с углем и углистых пятен. Здесь найдено несколько фрагментов лепной керамики и железный нож, а также обломок железного предмета. Под насыпью в слое погребенного дерна были выявлены две ямы. Яма № 1, размерами 2,6x2,2 м, содержала остатки кремации - угли, кальцинированные кости и фрагменты керамики. Яма № 2, имевшая в диаметре 0,8 м, была заполнена углем". Происходящий из первой ямы фрагментированный лепной сосуд позволяет отнести погребение к последней четверти I тыс. н. э. (рис. 2-1).

Курганный группа в ур. Гуковы Нивы - единственный известный сейчас памятник на берегах усвятских озер, который можно с достаточной долей уверенности отнести к культуре длинных курганов поел. четв. I тыс. н. э. Замечание А. М. Микляева о том, что Усвяг расположен вне ареала культуры длинных курганов, следует признать вполне справедливым¹⁴. Отдельные, известные по непроверенным данным, курганы в окрестностях озер (рис. 1) едва ли могут изменить общую картину.

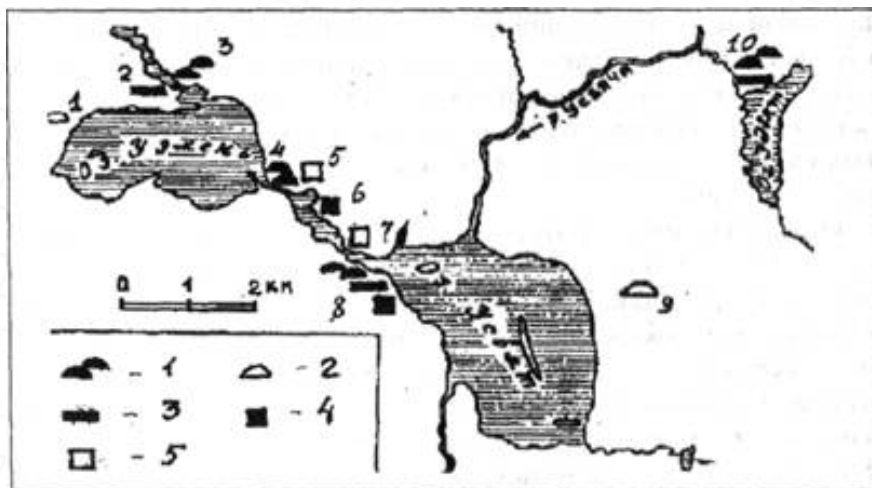


Рис. 1. Средневековые памятники окрестностей Усвята. Условные обозначения:

1- курганы и курганные могильники.

2- курганы (по непроверенным данным).

3- селище.

4- городище.

5- городища, не имеющие культурного слоя эпохи средневековья.

Археологические памятники:

1-Боброво, 2 - Рыбаковы Нивы, 3-Гуковы Нивы,

4-Усвяты. Городище №1, 6-Усвятыю Городище №2 (Замковая Гора), 7-Усвяты, Городище №3, 8-Юрьевы Горы, 9-Бондарево, 10-Щемиловка.

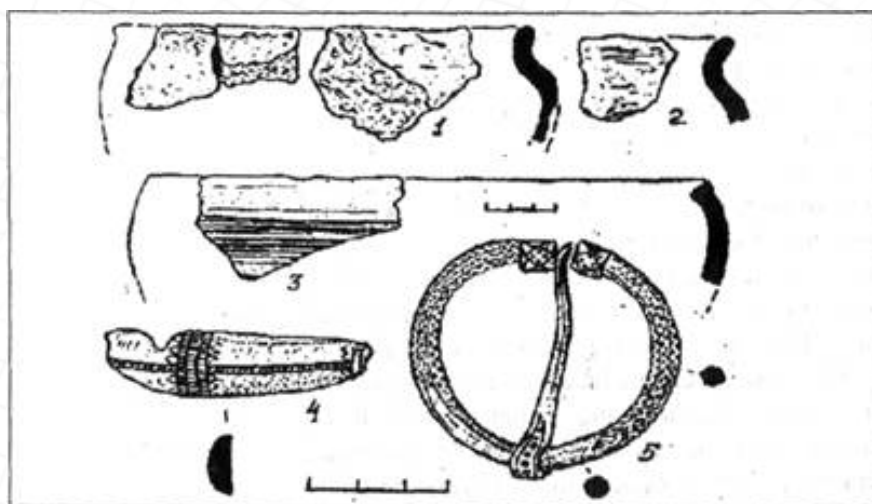


Рис. 2. Древности средневекового Усвята и его окружи

1,2 - Гуковы Нивы, 3 - Замковая Гора, 4,5 - Усвяты II. 1-3 - глина, 4-5 - бронза.

По - иному складывается ситуация на землях к северо - западу от Усвята. Здесь в последней четверти I тыс. н. э. расселяется население, соорудившее сопки, продвинувшееся сюда, видимо, с территории Новгородчины". Основное время существования здесь поселений культуры сопок, судя по находкам на них гончарной керамики, относится к X в. К северо-западу от Усвята в верховьях р. Усвячи известно 14 сопок в 6 пунктах. "Сопочки" освоили здесь берега реки, оседлали стратегически важный пункт на пути "из варяг в греки" - волок с Усвячи на Кунью, но усвятская озерная котловина их не заинтересовала. Ближайшая от Усвята сопка известна у д. Глазуново в 15 км вверх по Усвяче от оз. Усвятское.

На исходе I тыс. и. э. в районе Усвята фиксируется еще одна группа населения, наиболее полно представленная сейчас поселением и курганным могильником у д. Щемиловка (рис. 1). Топография (могильник расположен у уреза воды озера), ландшафтная приуроченность, особенности инвентаря - отличают памятник от древностей культуры длинных курганов. Не связан он, очевидно, и с сопками. Памятник исследовался в 1964 и 1988 гг. И. К. Лабутиной и А. М. Микляевым. Раскопкам подвергались два из четырех курганов некрополя. Курганы представляют собой небольшие полусферические насыпи, содержащие индивидуальные погребения по обряду кремации на месте. находка в одном из погребений деталей поясного набора восточного типа свидетельствует о возможной связи владельца с военно - торговой средой. Найденная в одном из курганов гончарная керамика позволяет датировать могильник второй четв. X - пер. пол. XI вв. Щемиловским курганам был, видимо, близок могильник, находившийся на территории пос. Усвяты. Курганная группа располагалась здесь в пойме протоки, соединяющей оз. Узмень и оз. Усвятское, на левом ее берегу. В 1930 - е гг. в группе насчитывалось, по свидетельствам

местных жителей, 6-8 курганов. Первоначально их было больше. Сведения 1873 г. сообщают о 20 курганах в местечке¹⁷. Сами курганные насыпи до наших дней не сохранились. В 1988 г. при раскопках неолитической стоянки Усвяты II. А. М. Микляевым была вскрыта часть площади разрушенного могильника. На месте бывших курганов были выявлены два лежащие на культурном слое стоянки кострища мощностью до 12 см. На кострище № 1 обнаружено несколько скоплений кальцинированных костей и фрагменты лепной керамики. Здесь же найдена бронзовая подковообразная фибула (рис. 2-5). Среди угля зафиксирована яма, диаметром 36 см и глубиной 20 см, заполненная кальцинированными костями.

Неподалеку от кострища № 1 выявлено кострище № 2. На нем, помимо пережженных костей и обломков лепной керамики, найден оплавленный обломок бронзового ладьевидного браслета (рис. 2-4)",

Найденные на кострищах вещи характерны для широкого круга северо-европейских памятников эпохи викингов. Бронзовую подковообразную фибулу с гранчатыми головками, украшенную орнаментом "волчий зуб", следует датировать IX - пер. пол. XI вв." Подобные изделия с различными вариантами данной орнаментации известны в балтийском регионе от Бирки до Люцинс-кого могильника. Ладьевидные браслеты с продольными и поперечными валиками также частая находка на раннесредневековых памятниках в странах балтийского региона и на Северо - Западе России, где они обычно датируются IX - нач. XI вв. Они широко распространены в Скандинавии, откуда и происходит сам тип украшения²⁰.

Некрополь на стоянке Усвяты II сближает с упомянутыми выше курганами у Щемилочки топография, кострища на древней дневной поверхности, облик инвентаря, не характерного для длинных курганов и свойственного скорее ранним древнерусским памятникам (общевосточный круг аналогий, "скандинавский" и "дружинный" оттенок инвентаря). Представляется, что оба памятника оставлены одной группой населения.

Интересен вопрос о месте расположения поселения, связанного с усвятским курганным могильником. Здесь мы подходим уже непосредственно к вопросу о начальной истории летописного города. Древнерусское поселение в ур. Юрьевы Горы расположено в 1,5 км от усвятских курганов, на другом берегу протоки (рис. 1). С поселением этим связан отдельный курганный могильник, о котором мы поведем речь ниже. Маловероятно, что некрополь на стоянке Усвяты II имеет отношение к Юрьевым Горам, скорее всего, связанное с ним поселение следует искать неподалеку от него, где - то на территории современного пос. Усвяты. Здесь известны три городища, два из которых относятся к эпохе раннего металла. Лишь на одном из них, самом внушительном (№ 2 по Я. В. Станкевич), исследовательница отметила находку гончарной керамики, отнесенной ею к XIII - XIV вв.²¹ В Усвятском краеведческом музее нам удалось просмотреть небольшую коллекцию подъемного материала, собранного в оплывшем с площадки этого городища (оно носит название Замковая Гора) культурном слое. Кроме позднесредневековой керамики, в коллекции имеется фрагмент гончарного сосуда, возможно, относящегося к X - XI вв. Это обломок верхней части горшка, имевшего вогнутый венчик и вздутое в верхней части тулово. Сосуд был украшен линейным орнаментом (рис. 2 - 3). Гончарная керамика подобных форм известна на памятниках Северо - Запада (Псков, Городок на Ловати), и связывается исследователями с западнославянской гончарной традицией. Обычно указывается на сходство ее с так называемой керамикой фрезендорфского типа, распространенной на поселениях Северо - Восточной Германии и Северной Польши²². Таким образом, на Замковой горе в X-XI вв., возможно, существовало укрепленное поселение, связанное с могильником. Местом расположения летописного Усвята традиционно считается поселение в ур. Юрьевы Горы, раскинувшееся на двух возвышенностях западного берега Усвятского озера. Поселение состоит из мысовой части, вдающейся в озеро и являющейся, по - видимому, древним детинцем (у Я. В. Станкевич фигурирует как селище № 2), и посада, лежащего на всхолмлении к северо - западу от мысовой части (у Я. В. Станкевич обозначено как селище № 1)²³. На памятнике неоднократно проводился сбор подъемного материала. Коллекции случайных находок, собранные местными краеведами, Р. С. Минасяном, участниками Усвят-ской экспедиции кафедры археологии СПбГУ 1993 г. под руководством В. А. Булкина и В. Н. Седых, хранятся в Усвятском краеведческом музее и Эрмитаже. Первые шурфовки здесь выполнены Я. В. Станкевич, выявившей на поселениях культурный слой с гончарной керамикой. В 1967 г. Р. С. Минасян заложил на селище № 2 шесть шурфов размером 1 x 1 м, в которых была найдена лишь керамика, относящаяся ко времени не ранее XIII в.²⁴ Через три года тем же исследователем здесь были разбиты два раскопа - раскоп № 1 (3 x 6 м) - в 70 м к западу от площадки предполагаемого детинца и раскоп № 2 (4 x 10 м) - на краю самой площадки. На этот раз в культурном слое памятника удалось выявить фрагменты раннекруговых сосудов и несколько обломков лепных горшков²⁵. Культурный слой поселения оказался сильно перемешан, и непотревоженных ранних культурных напластований найти не удалось. Подавляющая масса обломков сосудов из раскопов и сборов на Юрьевых Горах относится к XII-XVI вв. Вещевой материал представлен находками, типичными для древнерусских памятников - это многочисленные шиферные пряслица, обломки витых разноцветных стеклянных браслетов, обломки двусторонних костяных трапециевидных гребней (рис. 3-4, 5). Можно отметить находку бронзовой привески - конька смоленского типа, фрагмент литой бронзовой подвески - лунницы. Р. С. Минасян выделил слой с гончарной керамикой на площади 400 - 500 м вдоль берега озера и на 100-150 м в ширину. Все это свидетельствует о том, что Усвяты XII - XV вв. располагался на Юрьевых Горах.

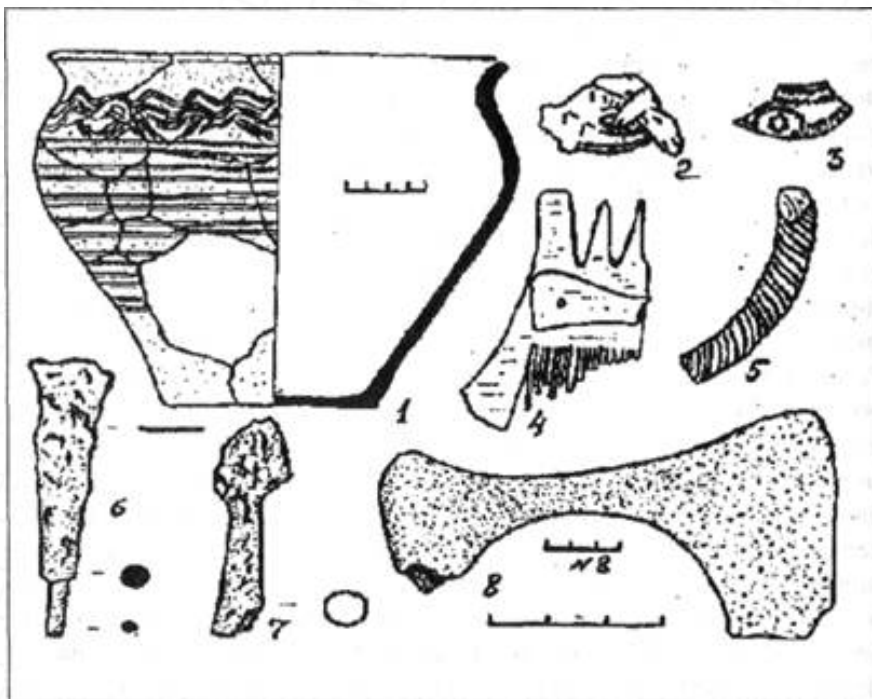


Рис. 3. Древности средневекового Усвяга. Юрьевы Горы
1 - глина, 2 - олово (?), 3-бронза, 4 - кость, 5 - стекло, 6-8 - железо.

Особый интерес представляют находки, которые можно было бы отнести к X - XI вв., ко времени первого летописного упоминания города (1021 г.). Фрагменты лепной посуды на Юрьевых Горах единичны, что отмечалось всеми исследователями²⁷. Здесь известно всего лишь несколько обломков сделанных от руки горшков с S-видной профилировкой верхней части (рис. 4-1, 4). Ранний керамический материал представлен преимущественно гончарной посудой с S-видным профилем, часть которой украшена линейным и волнистым орнаментом (рис. 4-2, 3, 5-9). Имеется находка обломка грубо выполненного гончарного горшка со вздутым в верхней части туловом и вогнутым внутрь венчиком, покрытым волнистым орнаментом (рис. 4 - 10). На основании состава керамики следует, видимо, сделать вывод, что время появления более или менее крупного поселения на Юрьевых Горах нужно относить ко времени широкого распространения в Цадвинье гончарного круга и почти полного исчезновения, по крайней мере в крупных раннегородских центрах на этой территории, лепной посуды, что едва ли произошло ранее сер. X в. Из вещей, найденных на Юрьевых Горах, к раннему периоду существования поселения, возможно, относится топор, близкий к типу VI по А. Н. Кирпичикову (сдуч. находка), датирующийся X-XII вв. (рис. 3-8). Любопытна хранящаяся в Усвятском музее, происходящая с Юрьевых Гор, находка обломка какого-то украшения из оловянистого сплава, выполненного, видимо, в северо-европейском "зверином стиле" (рис. 3-2).

К северо-западу от поселения располагался некогда курганный могильник (в 1970 г. он был скрыт). Насыпи были вытянуты вдоль гребня возвышенности, шедшей параллельно берегу озера. В конце XIX в. комплекс насчитывал до 50 курганов, занимавших пространство в 10 десятин²⁷. В 1966 г. сотрудники Невельской экспедиции Эрмитажа застали на этом месте лишь 10 полусферических насыпей. Высота курганов колебалась от 1 до 3 м, диаметр - от 7 до 14 м. В том же году под руководством О. И. Давида²⁸ был исследован один из курганов. Насыпь № 10 была когда-то окружена ровиком, который к моменту раскопок сохранился лишь с южной стороны насыпи. Курган имел полусферическую форму, высоту 1 м, диаметр 8,5 м. Обряд захоронения в нем реконструируется следующим образом. Первоначально в материке была вырыта яма диаметром 0,6 м. В нее был помещен перевернутый вверх дном гончарный сосуд, наполненный кальцинированными костями, причем часть костей оказалась рассыпанной по дну ямы. Горшок был разбит или раздавлен. После этого яма была перекрыта подсыпкой из белого песка, принесенного откуда-то со стороны. Подсыпка имела диаметр 4,5 - 5 м и высоту 0,4 м. Она в свою очередь была перекрыта насыпью из желтого песка, взятого прямо на месте, и курган приобрел окончательную форму. Горшок из погребения представляет собой обычный славянский раннекруговой сосуд с S-образным профилем, украшенный линейно-волнистым орнаментом (рис. 3-1). Погребение следует датировать, исходя из этой находки, временем ок. сер. X - нач. XI вв.

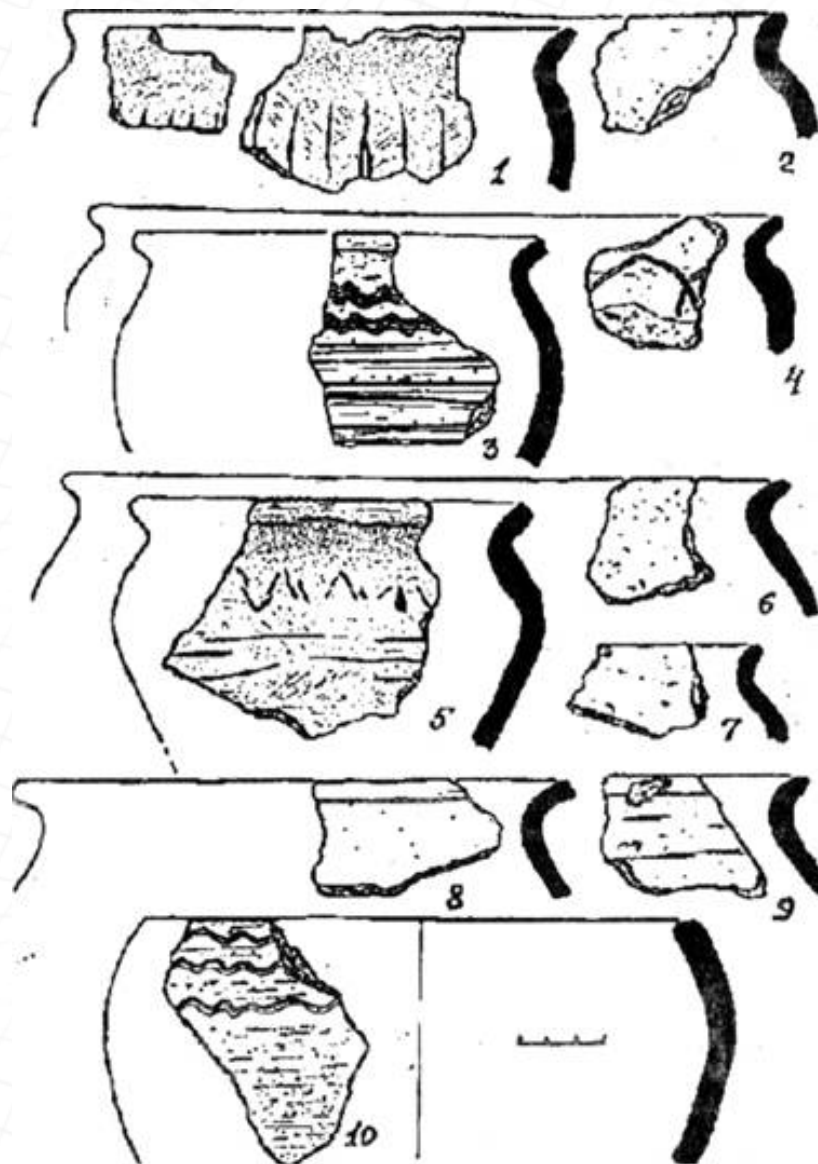


Рис. 4. Древности средневекового Усвяга. Юрьева Гора
2, 3, 5-10-гончарная керамика, 1, 4-лепная керамика.

Приведенный материал позволяет подвести следующие предварительные итоги. Итак, близ пос. Усвяты фиксируются два древнерусских комплекса конца I тыс. н. э. - во первых, городище и могильник на Юрьевых Горах и во вторых, могильник с предполагаемым укрепленным поселением на территории самого поселка. Их соотношение и относительная хронология неясны. Оба комплекса могут претендовать на роль первоначального древнерусского центра. Очевидно, до получения результатов специального исследования вопрос этот окончательно решен быть не может. Что же касается периода XII - XV вв., то проблема локализации города, очевидно, решается в пользу древностей Юрьевых Гор. Об этом говорит и значительная площадь поселения, и происходящие отсюда массовые находки этого времени.

Древнерусское поселение в районе пос. Усвяты возникает на стыке двух культурных областей - "сопочной", ориентированной на Новгородчину, и "длиннокурганной", ориентированной на северную Белоруссию, на Полоцк. При этом ни сопки, ни длинные курганы в его ближайших окрестностях нет. Становление города следует соотносить, вероятно, с иным населением, следами которого являются курганы с кремациями Щемиловки, Усвяг, Юрьевых Гор. Состав этого населения пока неясен. Можно отметить, что в Подвинье курганы, подобные Щемиловским по обряду и хронологии, известны в Полоцкой округе (Бельчица, Банонь). Река Усвяча являлась в X в. важным отрезком пути, связывавшего Подвинье с речными путями бассейна оз. Ильмень²⁹. В древности существовали два волока, связывавшие Усвячу с Ловатью, - волок с верховьев Усвячи на Кунью и далее на Ловать в район Холма, где наблюдается концентрация поселений культуры сопок, и волок западнее Усвяг с Усвячи на верхнюю Ловать, где известно скопление поселений культуры длинных курганов (как указывалось выше жизнь на них в X в. продолжалась). Первый волок был освоен "сопочным" населением и, вероятно, контролировался Новгородом, у начала второго волока, ведущего с Западной Двины напрямик в область, плотно освоенную населением культуры длинных курганов, - возникает древнерусский Усвяг. Нам представляется, что в подобной "нацеленности" города на длиннокурганные области лежит ключ к пониманию ранней истории Усвяга.

Вероятно, основные причины становления города следует искать в политических процессах, происходивших в Подвинье в X - нач. XI вв., и связанных с возрастанием активности Полоцка, с расширением и стабилизацией области полоцкой дани. По летописям известна

заинтересованность Полоцка в нач. XI в. в обладании Усвягом. Вышеописанное положение последнего относительно "длиннокурганных" областей северных пределов Полоцкой земли, при отсутствии прямой генетической связи между древним городом и памятниками культуры длинных курганов, говорит в пользу предположения о том, что Усвяг возникает как опорный пункт, призванный со стороны Полоцка контролировать сгусток поселений в бассейне верхней Ловати, своеобразным конкурентом и аналогом Усвяга на берегах этой реки, но ориентированным уже на Новгород, являлся городок на Ловати, предшественник Великих Лук. Любопытно, что он также находится на своеобразной "нейтральной территории" между областью распространения сопок и тем же верхнеловатским скоплением поселений культуры длинных курганов, и так же не связан напрямую в культурном отношении ни с сопками, ни с длинными курганами, как и Усвяг. Вероятно, оба городка призваны были выполнять роль вынесенных от метрополий вверх по крупным речным путям перевалочных баз, через которые в метрополии (Новгород и Полоцк) должна была поступать дань, собираемая в областях верховьев Ловати. Эти густозаселенные районы представляли, видимо, немалые выгоды в случае использования их как объектов для подобной эксплуатации. В описанной ситуации, возможно, кроется одна из причин Новгородско - Полоцких конфликтов вт. пол. X - нач. XI вв.

- 1 Сементовский А.М. Памятники старины Витебской губернии. СПб, 1867. С. 50.
- Сведения 1873 года о городищах и курганах Витебской губернии. // ИИАК. Вып. 5. СПб., 1903.
- 2 Романов Е. Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. Могилев, 1898.
- 4 Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 160.
- 5 Лазаревич - Шепелев и ч Л. Ю. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губернии. // ИИАК. Вып. 6, СПб., 1904. С. 2.
- 6 Ляуданск! А.Н., Пал! карнов! ч К.М. Археалапчныя доследы у БССР у 1933-1934 г.г. // Запіскі Беларускай акадэмп навук. Вып. 5. Менск, 1936. С. 210-223.
- 7 Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. МИА, 76. М-Л.. 1960
- 8 Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. // Труды ПОКЭ. Т. 1. М., 1959.
- 9 Шлыков Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971.
- 10 Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 53-55.
- 11 Пронин Г.Н., Раев Б. А. Работы кривичской экспедиции. АО 1984 г. М., 1986. С. 22; Александров А. А., Артемьев А. Р., Седов Вл.В., Фараджева Н.И., Харлашов Б.Н. Исследования на Псковщине. АО 1986, М., 1988. С. 3.
- 12 Штыхау Г. В. Крыв!чы. Менск, 1992. С. 133, 134, 139-141; Александров А. А. и др. Ук соч. С. 3.
"Микляев А.М., Голу нова И. К. Отчет о раскопах 1965 г. кургана в ур. Гуковы Нивы. Архив ИА РАН.
- 14 Микляев А.М. Каменный — железный век в междуречье западной Двины и Ловати. Автореф. канд. дис. СПб., 1992. С. 56.
"Еремеев И. И. Двинско - Ловатское междуречье в погребальных памятниках последней четверти I тыс. н.э. // ПАВ. Вып. 9. СПб., 1994. С. 154.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(36\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Искусство прозрачного](#)

Стекланные двери и перегородки. Остекление торговых центров. Проекты.
www.steklo.net

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.
www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Стеклодельные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия)

О. М. Олейников

В советской послевоенной историографии по стеклоделию прочно закрепилось мнение, основанное в основном на предположениях о собственном, отличительном от других, русском стекольном производстве. Сложность понимания химических процессов, протекающих на разных стадиях получения стекла из разнообразных компонентов, а также большое желание показать существование высоких технологий в Древней Руси позволили достаточно прочно укорениться этому мнению, возведенному в абсолюте. Но все существующие на сегодняшний день доказательства стекольного производства на Руси в XI - XIV вв. оказываются не достаточно обоснованными.

Самым главным доказательством существования древнерусского стеклоделия является обнаружение в городских центрах Руси мастерских по варке стекла. В публикациях по этим мастерским авторы не приводят анализ обнаруженных материалов с точки зрения практики и теории стекловарения, считая развал небольшой печи и находящиеся рядом битые и (или) оплавленные стеклянные предметы ярким доказательством наличия стекольной мастерской.

Чтобы выяснить так ли это на самом деле, необходимо уяснить, какие процессы протекают в шихте при варке стекла, какие получаются при этом отходы, которые можно было бы обнаружить возле стеклоделательной печи, какие известны древние печи по варке стекла по письменным и археологическим источникам в древних центрах стеклоделия (Египет, Сирия, Европа и т. д.).

Рассмотрим сначала стекловаренные печи.

Самое первое письменное описание печей по варке стекла мы находим в ассирийских клинописных табличках (668 - 637 гг. до н. э.), которые содержали общие описания трех типов печей. Одна, напоминающая по мнению Р. Чарльстона конструкцию римского керамического горна, предназначена для фриттования, вторая была предназначена для варки стекла, третья - для отжига готовых изделий¹.

Следующее описание печи сохранила сирийская рукопись, датируемая не ранее IX в. н. э. Сирийская печь состояла из 6 помещений, размещенных на одном фундаменте и расположенных на трех разных уровнях. Огонь разводился в трех нижних углубленных в землю помещениях, стекло варили в среднем, а в двух верхних продукция, в данном случае сосуды, остывала. Так же выглядела печь, изображение которой сохранилось в рукописи, хранящейся в Моте Кассино, датируемой 1023 г.²

Подробное описание печей мы находим в "Трактате о различных ремеслах", составленном ученым монахом - пресвитером Теофилом из монастыря Панталеоне - в Кельне, который жил в X веке. В главах I - III он рассказывает о трех типах печей: стекловаренной, отжигательной и правильной, которые сооружались из камня и глины. Размер первой печи - 4,5 x 3 м. Состоит она из трех равных частей, разделенных между собой стенками. Сначала укладывается фундамент вдоль длинных сторон толщиной 0,3 м. В середине устраивается прочный и гладкий под из камней и глины, который затем делится на три равные части так, чтобы две были сами по себе и третья - так же сама по себе; третью отделяют поперечной стенкой. В середине каждой боковой стороны делается по одному отверстию, чтобы через них можно было загружать дрова и разводить огонь. Вокруг сооружается стена высотой около 1,2 м так, чтобы разделительная стенка немного возвышалась над ней, и второй прочный и гладкий под. Затем в большом отделении вдоль обеих длинных сторон в середине стенки устраиваются по четыре отверстия для выработки стекла из горшков и два отверстия по середине свода печи, через которое могло бы подниматься пламя.

При постройке стенки печи надо сделать два квадратных окна высотой и шириной по полметра с каждой стороны против отверстий; через них вставляют и удаляют горшки с их содержимым.

В меньшем отделении также делается отверстие в середине, возле поперечной перегородки, и окно, размером в полметра в наружной фронтальной стене, через которое можно было бы устанавливать в печь и вытаскивать из нее все, относящееся к работе. Постройка печи завершается сооружением свода⁴.

В 1891 - 1892 гг. недалеко от Фив, столицы Египта XVIII династии была открыта стеклоделательная мастерская на холме Эль - Амарна⁵. Очаги были сильно разрушены и не дают возможность судить о типе печи. У. Флиндерс Питри реконструировал ее как открытый очаг, что, по всей видимости, маловероятно.

В последующие годы были открыты печи в Уайлдерспуле (Западная Англия), Корделе, Эйфеле, Трире, Вормсе, Кельне⁶. Прямоугольные печи из камня, описанные Теофилом, открыты в мастерских в Торчелло (VII - VIII вв.), в Коринфе (XII в.), Сомела-рии (XIII в.). Сооруженные из глины прямоугольные печи, датируемые II-IV вв. н.э., открыты в Кельне, Уайлдерспуле. Круглые углубленные печи из глины обнаружены в Алма - Кермене (II в. н.э.), в Ла-Себ (II-IV вв. н. э.), в Тырнове (XIII в. н. э.). Развал большой печи из камней был обнаружен в Джаламе (Палестина) - III в. н. э. Нужно отметить, что печи (за редким исключением) почти не поддаются реконструкции. Их отличают от простых хозяйственных печей большие размеры, сильная прокаленность или ошлакованность внутренней поверхности, стекловидные потеки на стенках и поде. Возле развалов таких печей обнаруживаются: пенообразная стекловидная масса; стеклянные капли, нити и бесформенные потеки (отходы производства); тигли со следами стекла или фритты; инструменты, специфичные для стеклоделия; полуфабрикаты; стеклянный бой.

Опишем подробнее эти находки.

Пенообразная стекловидная масса. Откуда она возникла?

Стекло в древности варили в 2 стадии. На первой стадии, называемой проваром шихты или фриттованием, происходила термическая обработка шихты в тиглях, о чем можно судить по наличию верхнего пенистого слоя в слитках стекла, обнаруженных в мастерских Эль-Амарна, Кельна, в Нисе, Узгене, в Джаламе, на городище Алма - Кермен, у с. Комарово, в Приславе и т.д.⁷ Температура в печи при этом была выше 1100°С.

Обильная пена на поверхности расплава образуется обычно в начальной стадии варки, когда выделяется множество газовых пузырьков и всплывают на поверхность загрязняющие примеси, не растворившиеся в стекле и образовавшие т. н. "хальмоз".

Если разобрать этот процесс с химической точки зрения, то в результате первой стадии варки стекла щелочные карбонаты вместе с кремнеземом песка образовывали стекловидную "фритту" (спеченную массу), к которой также присоединялись карбонаты кальция и магния. Сульфаты и хлориды оставались отдельно в виде сплавившихся вместе кусочков или прослоек "пены" или "хальмозы", не вступая во взаимодействия со стекловидной фриттой. Последняя по окончании стадии фриттования, очевидно, отделялась от сульфатно - хлоридной пены.

После первой стадии варки стекла полученная масса остужалась, разбивалась на части и отсортировывалась с отбором кусков, в которых стекло было проварено наилучшим образом, освобождено от пены и содержало возможно меньше пузырей и свилей. После этого отсортированное стекло, представляющее собой пригодный для дальнейших операций полуфабрикат, проходило вторую, окончательную стадию варки, в течение которой оно должно было хорошо провариться, приобрести возможно высокую степень прозрачности и освободиться от пузырей и свилей.

Для этой цели, по всей видимости, в Ахетатоне (Эль - Амарне) и пользовались плоскими чашами. Эта стадия (процесс осветления) требует высокой температуры (до 1500°). Форма таких чаш (плоская и широкая) как нельзя больше этому благоприятствует. Она чрезвычайно облегчала прогревание стекла и содействовала поднятию пузырей на поверхность.

Вышеописанные процессы, восстановленные по археологическим находкам и на основе аналитических результатов, подтверждаются и письменными источниками. Согласно Плинию, процесс варки состоит из трех этапов. Первый этап заключается в спекании смеси из песка и соды и образовании фритты. Во время второго этапа из спекшейся массы получается полуплавленное вещество - "аммонитр", представляющее собой смесь стеклообразной массы с хальмозой, непрореагировавшими частицами шихты. Наконец, в течение третьего этапа, вероятно, удаляется хальмоза, после чего образуется готовое очистившееся стекло⁹. Большое содержание сернистого и хлористого натрия в египетской природной соде¹⁰ вызывало образование больших количеств хальмозы, затруднявшей процесс стеклообразования и получения однородного беспузырного расплава.

В X веке Теофил описал процесс спекания шихты в IV главе своего трактата: "Возьми две части золы и одну часть песка... и смешай в чистом месте ... и насыпь в верхний под в малое отделение печи для подогревания. Когда она начинает делаться горячей, надо ее переверачивать, чтобы она не была жидкой, но лишь спеклась. Так продолжается ночь и один день"¹¹. После этого отбираются для окончательной плавки наиболее спекшиеся, наиболее остеклованные участки шихты в тигель и варится всю ночь¹².

Следует остановиться здесь и на сырье для стеклодельных мастерских.

Н. Н. Качалов убедительно доказал, что до начала XX века в стеклоделии и других отраслях промышленности существовала традиция преувеличения природных особенностей некоторых месторождений полезных ископаемых. Действительно, одной из характерных особенностей производства большинства видов искусственных силикатов является тесная зависимость качества продукции от природных свойств исходных материалов. До последнего времени считалось, что к повышению общей технической культуры в стеклоделии особых стимулов не имеется, т. к. конечный результат зависит от не поддающихся точному определению природных особенностей сырья, в частности, песка.

Такая прочно укоренившаяся на протяжении веков точка зрения привела к своего рода фетишизму по отношению к некоторым месторождениям ископаемого сырья: соды (Вади Натрум в Египте), песок (устье р. Бел; возле Фонтенбло во Франции) и др. Наша стекольная промышленность освободилась от этих предвзятых предположений только с 20 - х годов XX века¹³.

Вышеизложенное подтверждается исследованиями стекол одного периода и одного химического класса, изученных по микроэлементам, которые дают геохимическую характеристику сырьевых материалов. Так для стекол в пределах одного химического класса, обнаруженных на древнерусских памятниках, сырьевые материалы были одни и те же (данные предварительные).

Вторым определительным фактором стеклодельной мастерской является нахождение возле нее обломков тиглей со следами стекла или фритты. Самые древние тигли для варки стекла обнаружены в мастерской Эль - Амарна. Петри нашел там тигли, имеющие от 5 до 7,5 см в глубину и диаметре. Но обнаруженные большие глыбы стекла, некоторые из которых сохранили форму тиглей, имели объем до 5000 куб. см., что говорит о применении в стеклоделии Египта тиглей больших объемов. Там же был найден обломок глиняного сосуда, имевшего форму очень плоской чаши диаметром 25 см и глубиной 7 см с сохранившейся непроваренной до конца стеклянной массой¹⁴.

Тигли из мастерских со следами стекла подробно изучили В. Тернер и М. А. Безбородов¹⁵. Р. Шамбон рассмотрел эволюцию форм тиглей в пределах III - XVIII вв. н. э., происходящую в Европе (из Аргона, Брабанта и окрестности Трира). Так, в качестве тиглей в стекловарении использовали и сложнопрофильные горшки и миски, и менее сложного профиля чаши (H=D). Тигли со следами стекла и фритты найдены в мастерских у с. Комарове, в Ла Себ, Аквилее, Торчелло, Преславе, на городище Ахсикет, Афрасиаб, Пенджикент, Орбети, Натбеури¹⁶. Внутренний объем тиглей составляет от 0,3 до 5 л. Но судя по находкам больших глыб "фритты" (мастерская в Кельне.) тигли были и больших размеров¹⁷.

Следующим доказательством существования стеклоделия является обнаружение инструментов древнего стеклодела, найденных на месте древних мастерских.

Инструментарий стеклодела - стерженьки для навивки на них бус, пинцеты, ножницы, ковши, ложки, лопатки, трубки, понтии, формы для отливки сосудов и украшений и т. п., изготовлялись из разных металлов, дерева, камня и глины. Археологически достоверны: стерженьки для навивки на них бус, ложка, ножницы, пинцет, обломки понтии, каменные и глиняные формы, а остальные инструменты известны по позднесредневековым сочинениям с богатыми иллюстрациями¹⁸.

Одной из характерных находок на месте стекольных мастерских являются отходы от производства разнообразных вещей из стекла и полуфабрикаты. Они представлены большим количеством стеклянных нитей, полос, капель, обрезков жгутов, недоделанных бус, перстней, браслетов, сосудов и т. п. Обнаружение единичного бракованного предмета из стекла еще не является доказательством наличия стеклоделательной мастерской¹⁹.

Бросается в глаза такой факт, что на тех территориях, где химический класс стекол остается неизменным на протяжении веков и обнаруживаются стеклоделательные мастерские.

На примере Средней Азии, где химический тип стекол на протяжении 1,5 тысячелетий не изменялся, рассмотрим признаки существования стеклоделия.

1. В Шахрухи собраны обломки стенок печи с прилипшими слоями стеклянной массы светло-желтого, зеленого и сиреневого цвета. Обнаружена печь, которая имела округлую форму диаметром 1,7 м, частично врытая в землю. Печь двухъярусная. Нижняя топочная

камера в разрезе имела овальную форму, высотой 145 см, диаметром 130 см. Стенки ошлакованы на глубину 40 см вглубь. Вокруг печи обнаружены легкоплавкие стекловидные шлаки. Топочная камера перекрыта подом. Снизу он сводчатой формы, вверху - плоский. Толщина пода - 35-50 см. Свод сложен из кирпича, установленного на ребро. В сохранившейся части пода расчищено пять жаропроводящих каналов, слегка расширяющихся вверх, диаметром 12-15 см (их было 8). По краям, в 4 - 5 см от стенок, проходило 6 отверстий на расстоянии радиуса друг от друга и два отверстия в центре. Рабочая камера сохранилась на высоту 30 см., причем поверхность свода сильно обожжена.

Вокруг печи в ямах обнаружена зола, шлаки, обломки стенок печи, стеклянный бой. Рядом находилось мощное скопление золы травянистых растений. Обнаружены обломки бракованных глазурованных чаш, стекловидная масса, прилипевшая к глиняной основе²⁰.

2. В Ахсикенте в здании арка обнаружены фрагменты непрозрачной стеклянной массы темно-бурого и зеленого цвета - продукт проварки шихты, кусочки от тиглей и стекловидного пористого теста. А в рабаде Ахсикента обнаружены отвалы тиглей, содержащих массу стекла после первичной обработки (XI-XIII вв.)²¹.

3. В Пенджикенте обнаружена печь, сложенная из кирпича, обожженного докрасна, куски обожженной и ошлакованной глины, покрытые слоем стекловидной массы; две ванночки прямоугольной формы с округленными углами (80 x 50 см). Восточная ванночка изнутри оказалась покрытой стеклянной массой, которая на стенках имеет мутный зеленовато-желтый цвет, темнеющий при переходе ко дну. Дно было покрыто слоем темно-зеленого, почти черного стекла, толщиной 8 мм. Стенки ванночки были ошлакованы (это резервуар для уже сваренного стекла) (VII - VIII вв.)²².

4. На городище Афрасиаба (около Самарканда) найдено несколько десятков неудавшихся или незаконченных глазчатых бус, мисочка с застывшей стеклянной массой, несколько керамических трубочек для навивки бус, несколько глазков в виде затвердевших капелек стекла (IX - X вв.)²³.

5. В квартале металлистов древнего Термеза (I - III вв. н. э.) в Южном Узбекистане найден стекловидный шлак и брак стекольного производства²⁴.

6. На городище и в пригороде Нисы (X в.) (Южный Туркменистан) наряду с другим производством найдены остатки стеклодельного производства: стекловидные шлаки, бракованные изделия, бой²⁵.

7. На городище Мерва наряду с обломками сосудов найдены и слитки матового и зеленоватого стекла. Поверхность городища усеяна многочисленными фрагментами стеклянной посуды и шлака.

8. В Таразе (XI - XIII вв.) обнаружен вместе с огромным количеством фрагментов стеклянной посуды и стеклянный шлак, а также комочки стекла от понтии²⁷.

Нужно отметить, что мастерские по производству стекла и вещей из стекла - сложный производственный и организационный комплекс. Стеклоделие не может развиваться без специальных затрат, без специального интереса общества в целом или его господствующей верхушки. Возникновение стеклоделия, как и любой другой отрасли производства, возможно лишь при наличии известного экономического резерва с одной стороны, и четкой организации его использования с другой.

Подводя итоги по вышеизложенным фактам, можно констатировать, что производственный комплекс должен включать в себя большие стекловаренные печи, а также плавильные и отжигательные. В археологическом плане их различить сложно, но это должны быть: развалы больших каменных или кирпичных печей, которые выдерживали бы температуру более 1100°C; ошлакованные куски стенок со следами расплавленного стекла или фритты; тигли с остатками стекломассы; большое количество пенообразной стекловидной массы. Разброс этого стекольного "шлака" вокруг мастерских XVIII-XIX вв. достигает 1000 м², так что по обнаружению данного типа находок (фритты) можно судить о наличии в данном месте или поблизости стекольной мастерской. Также стеклодельный комплекс характеризуется находками отходов производства стеклянных предметов и их браком.

Все эти признаки стеклоделия отсутствуют в обнаруженных стекольных мастерских Древней Руси.

Так мастерская в Любече, на которую в основном ссылаются исследователи, представлена развалом небольшой хозяйственной печи в полуземлянке, где вместе с большим количеством разбитых горшков обнаружены фрагменты стеклянных браслетов. Стекла браслетов имели разный химический состав и различный цвет, что говорит скорее о нахождении в данном месте спрятанных торговцем нескольких десятков стеклянных браслетов. Такие клады обнаружены во многих городах Древней Руси. Никаких следов производства стекла здесь не обнаружено, да и быть не может, т. к. печь, судя по непрокаленным стенкам, использовалась только для приготовления пищи.

Мастерская на усадьбе М. М. Петровского в Киеве является мастерской по производству эмалевых вещей. Эмаль изготовлялась из боя. Мастерская в Киево - Печерской лавре была кратковременной не стекловаренной, а стеклоплавильной мастерской по изготовлению недостающих фрагментов мусии для мозаик Успенского собора из стеклянного боя мастерами из Византии, и прекратила свое существование с постройкой собора в 70 - х годах XI века.

Получается, что на сегодняшний день просто нет доказательств существования стеклоделия в Древней Руси, и, по всей видимости, были правы те исследователи древнего стекла, которые отрицали его вообще.

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

Древнерусские настенные рисунки-граффити

(к постановке вопроса)

Б. Г. Васильев

На стенах церквей, помимо живописи, присутствуют надписи и рисунки-граффити. Последним из них в науке уделено наименьшее внимание: они далеко не полностью опубликованы, нет единой методики обследования и остается открытым вопрос о роли и месте материала в истории древнерусской культуры.

Эпизодическое изучение процарапанных на стенах изображений проводится преимущественно авторами исследований надписей-граффити, что объяснимо сходной ситуацией их происхождения и непосредственной взаимосвязью части надписей с рисунками.

В то же время, по немногим публикациям очевидно, что рисунки-граффити встречаются во многих каменных постройках, преимущественно, в церквях; они могут быть датированы; в отдельных случаях угадываются социальные или профессиональные черты авторов и, наконец, многие из них интересны или даже оригинальны по содержанию, которое либо очевидно, либо требует к себе пристального внимания для толкования.

В данной работе предпринята попытка систематизации отдельных аспектов изучения настенных рисунков-граффити по опубликованному материалу.

К числу основных проблем исследования относится время исполнения, авторство, содержание и художественные особенности процарапанных на стенах изображений.

Рисунки-граффити - уникальное явление в истории изобразительного искусства. Уже в первых каменных храмах и других сооружениях они возникают на стенах в процессе их возведения, что вероятнее всего свидетельствует о существовании этой традиции еще до христианизации Руси. За возможную ближайшую параллель этому творчеству можно принять рисунки копей и воинов на камнях Маяцкого городища конца I тысячелетия¹. Верхняя дата рисунков-граффити вероятно совпадает со временем угасания традиции процарапывания на стенах надписей. В Софии Новгородской эта граница приходится, в основном, на XIV в., а в Софии Киевской - на XV в. с единичными экземплярами текстов до XVII в.². Не исключено, что некоторые коррективы в хронологию рисунков-граффити внесут материалы других памятников, но уже предварительный просмотр изображений, например, в церквях Старой Ладогои XII в. подтверждает бытование этого занятия по разным городам в тех же временных рамках¹.

Надежный ориентир датировки рисунков-граффити - палеография сопроводительных к ним надписей или надписей поверх рисунков; рисунков, исполненных в процессе строительства или до начала росписей⁴. До разрушения археологически открытых построек возникли рисунки на их обломках; так же датируются рисунки, обнаруженные под записями или другого рода поновлениями стен. На Золотых воротах Киева рисунки и надписи-граффити, обнаруженные при раскопках, надежно датированы до времени их первого ремонта в XII в., когда нижние части стен, где и располагался этот материал, оказались засыпанными строительным мусором⁵.

Расположение рисунков-граффити в храмах аналогично надписям-граффити, за исключением пока единичного случая обнаружения рисунка на северном фасаде церкви Михаила Выдубицко-го монастыря в Киеве". При кажущейся испещренности стен надписями и рисунками действительное их количество даже в крупнейших соборах Древней Руси невелико. Так, на 292 единицы всевозможного рода "автографов" в Софии Киевской приходится всего 71 рисунок⁷. Условно распределяя их на четыре столетия, мы получаем поразительный результат появления одного из них с паузой в 5-6 лет. При всей отвлеченности такого подсчета для "русской митрополии" это количество рисунков крайне незначительно, и может свидетельствовать либо о жестком контроле за желанием прихожан "резать на стенах", либо о фактическом коротком сроке заполнения стен в самый ранний период жизни собора⁸.

Вопрос об авторстве рисунков-граффити связывается с автографами под ними, с местоположением этого материала, со специфическими особенностями и мастерством исполнения.⁴ В недоступных для прихожан местах интерьера авторами рисунков называют представителей клира¹⁰. Рисунки, выполненные в процессе возведения здания или по тематике связанные с архитектурой, вероятнее всего, оставлены строителями". А. А. Мединцева поддержала предположение С. А. Высоцкого о возможном исполнении надписей и рисунков-граффити мужчинами на южной, а женщинами на северной сторонах интерьера храма¹². Прямых указаний на возрастную характеристику авторов рисунков-граффити никто из исследователей не дает, лишь отмечая стилистическое сходство отдельных изображений из Софии Киевской и церкви Георгия в Старой Ладогое рисункам на бересте новгородского мальчика Онфима". Одна из особенностей приема, объединяющая эти наброски - "грабельки" - на фрагменте коллекции фресок церкви Георгия в Старой Ладогое также перекликается с вышеуказанной группой, отличаясь, однако, уверенным росчерком завершенной и неразгаданной композиции (рис. 1). Близость этого приема рисункам на бубнах шаманов или на крестьянских вышивках позволяет высказать догадку о принадлежности этого манерного нюанса традициям определенной этнической группы¹⁴.

По качеству рисунки-граффити распределяются между художниками-профессионалами и любителями¹⁵. К первым, по-видимому, надо причислить авторов рисунков, в которых прослеживается связь с приемами "фресковой и книжной орнаментики"¹⁶.

Рисунки крестов без сопроводительных к ним надписей А. А. Мединцева склонна относить неграмотным людям, с чем трудно согласиться, учитывая большое количество крестов без надписей, оставленных, к примеру, строителями¹⁷.

Строгого разделения рисунков-граффити между любителями и профессионалами, на мой взгляд, не может быть по нескольким причинам. Во-первых, для их выполнения необходимы навык и надежный инструмент. Во-вторых, основное количество этого рода изображений имеет символический характер и переносится на стены в том виде, как они сформировались изначально или известны авторам по бытовым и культовым предметам или по образцам прикладного искусства. К числу условий, затрудняющих рисование на стенах, относится и обычная затемненность нижних частей интерьера. Качество изображения во многом зависело и от предмета, которым он процарапывался. В их перечне - нож, игла, железное или костяное писало, то есть, инструментарий, известный для берестяных грамот¹⁸. В этом списке сомнение вызывает применение костяного писала; а ножом можно сделать только простейшие прямолинейные знаки. Из чего следует, что высококлассные рисунки могли быть исполнены профессионалами на удобных местах и добротным инструментом, разновидности которого широко представлены по результатам раскопок¹⁹.



Рисунки-граффити церкви Георгия в Старой Ладоге

(1, 3, 4 - фрагменты фресок из коллекции Староладожского музея-заповедника;
2 - рисунок в диаконике ц. Георгия)

Если попытаться данное творчество выделить в самостоятельный вид искусства, то сделать это оказывается крайне сложно. С одной стороны, рисунки-граффити по своим стилистическим признакам ближе всего предстоят таким техникам прикладного искусства как резьба по дереву, по металлу, а более всего - по камню. С другой - это занятие уже во время князя Владимира Святославича преследовалось; для него не было специально подготовленного места, не было инструмента и мастеров, постоянно запятых вырезанием на стенах рисунков. Это искусство официально не существовало, хотя в нем были задействованы все слои общества. Более того - оно было распространено на Балканах, в Грузии и, вероятно по другим центрам христианского мира².

В определенной степени разгадка этого феномена кроется в содержании рисунков-граффити. С. А. Высоцкий предложил разделить все рисунки на две группы: символическую и бытовую. К первой автор относит изображения крестов, звезд, княжеских знаков, благословляющих рук, святых или сюжетов религиозного содержания²¹. Бытовые рисунки, по его классификации, включают орнаменты, изображения животных, птиц, человека²². Ю. И. Никитина добавляет еще одну категорию - светскую, однако не подчеркивая особенностей рисунков подобного рода²³.

В действительности такое разделение может быть уточнено. Так, на роль орнамента существуют две точки зрения как на чисто эстетическую или как на всецело магическую в древнерусском искусстве. О его исключительно и повсеместно символическом значении в искусстве Средневековья настаивает Л. А. Леле-ков²⁴. Именно в подобном контексте содержания выступает, к примеру, замкнутая в рамку плетенка из Софии Киевской, известная в роли апотропеи на замковых камнях над входом в жилище²⁵.

Другой пример возможного переосмысления категории рисунка - изображения сцены наказания плетью вора или раба, по определению С. А. Высоцкого в Софии Киевской, отнесенную автором к группе бытовых²¹. В равной мере здесь можно увидеть один из распространенных в житийных циклах святых сюжет мученичества. Причем, отсутствие нимба у истязаемого - явление обычное и часто встречающееся как в монументальной живописи, так и в миниатюрах²⁷.

Традиционно целебные и охранительные свойства вероятнее всего несут в себе многочисленные рисунки коней; а конь под седлом со стремени из Софии Киевской живо перекликается, например, с конем Световита, готового к ночным выездам против врага, по

изысканиям А. А. Афанасьева²⁸. Другое изображение коня со своеобразными завитками копыт, которому С. А. Высоцкий предложил искать параллель в миниатюрах, в точной копии обнаружилось на монетовидной привеске VIII-IX вв. из Гочевских курганов северян²⁹. Тот же магический смысл могли иметь в глазах авторов и другие вырезанные на стенах изображения животных и птиц, что после изысканий позволит их отнести к группе символических рисунков.

Бытовой или - в ориентации на принятое определение в монументальной живописи - светский характер имеют сцены охоты или ристалищ и, видимо, фигурки людей, по внешнему облику никак не соотносимых с образами святых. Интересно отметить, что если появление этих сюжетов в Софии Киевской может рассматриваться как отражение программы росписей лестничных башен, то близкая по тематике композиция из комплекса рисунков-граффити церкви Георгия в Старой Ладозе исполнена по памяти автора, видимо, принадлежащего к княжеско-дружинной среде (рис. 2). К этой же категории светских рисунков относится изображение "лютотого зверя" на цепи, открытое С. А. Высоцким на северном фасаде церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве¹⁰.

Ошибки в толковании рисунков-граффити, думается, легко могут быть исправлены при внимательном наблюдении изображений, как это случилось, к примеру, у С. А. Высоцкого в атрибуции коровы в Софии Киевской, первоначально принятой автором за коня с пририсованными рогами¹¹. Однако, рассуждая далее, можно вывести этот рисунок из разряда бытовых в символическую группу, если принять его за символ Евангелиста³².

При знакомстве с опубликованными рисунками-граффити поражает внимание многообразие тематики знаков, антропоморфных фигур, животных и птиц при несомненном господстве в каждом храме всевозможных вариаций крестов. Сегодня из-за малого количества материала рано говорить о преимуществе той или иной группы близких по формальным признакам рисунков, характерных для определенного времени или различных регионов; а между церквей — по их посвящению и назначению. Не исключена также ориентация программы рисунков-граффити на социальный или этнический состав прихода.

Видимо, удаленность от центров распространения христианства прямо отражалась и на содержании рисунков-граффити. Так, фигурок антропоморфных существ не отмечено в соборах св. Софии Киева и Новгорода, в то же время нередких для церквей окраинных городов, например, для Старой Ладозы, где в церкви Георгия обнаружено три подобных изображения (рис. 3). Эти пластически выразительные силуэты без рук и без ног ассоциируются с различного рода прообразами дохристианских верований, довольно широко разбросанных по регионам расселения славян³⁴.

К тому же важным представляется замечание С. А. Высоцкого о более бытовом характере надписей-граффити Софии Новгородской в сравнении с этим же материалом из Софии Киевской, что объясняется "различным социальным составом авторов"⁵⁵.

Трудно также установить закономерности в покрытии рисунками-граффити различных компартиментов собора определенными категориями изображений. Хотя в этом вопросе некоторые зацепки в нашем распоряжении уже имеются. Определенно связывается с крещальней Софии Киевской обнаруженный там Б. А. Рыбаковым рисунок престола с шестиконечным крестом, со свечами на престоле, с монограммами и с сопроводительными надписями, что в сумме правдоподобно трактуется автором как ледяная крещальня, по-видимому, в подобном облике устраиваемая в нач. XII в. на праздник Богоявления¹⁶. Помимо логичной взаимосвязи рисунка и места его расположения в храме, обращают на себя внимание детали изображения, составляющие оригинальность композиции.

Этот ряд неизвестных по другим источникам рисунков продолжают десятиконечные кресты под арками и умерший человек в гробнице из Софии Новгородской; рисунок маски медведя — ? с подрезанными ушами из церкви Георгия в Старой Ладозе" (рис. 4). Из этого лишь намеченного списка очевидно, что данный материал несомненно является важным источником по иконографии бытовавшей в народе символики.

И все же, наряду с рисунками-граффити специфического свойства, в каждом из древнерусских храмов формировалась единая концепция, суть которой, к примеру, выразительно представлена на фрагментах фресок Борисоглебской церкви XII в. Рязани. Здесь волею случая подобраны процарапанные изображения плетенки, характерный для браслетов из этих же мест; инициала, близкого рукописям XI-XII вв.; двузубца, пасхальной руки, а также силуэты животных и птиц¹⁷.

Менее всего в рисунках-граффити отражены сюжетные композиции росписей; а два примера: "Воскрешение Лазаря" и "Положение во гроб" из Софии Новгородской и церкви Благовещения в Витебске, представляют собой сокращенную версию сцен, наблюдаемых авторами, судя по последнему сюжету, также на предметах прикладного искусства¹⁸.

Сравнительный анализ нашего материала показывает, что, во-первых, основная часть рисунков вторична на стенах по отношению к местам их традиционного бытования; во-вторых, наибольшее соприкосновение рисунки-граффити имеют с предметами прикладного искусства, с клеймами строительных материалов и повседневных вещей, а также с иллюминацией рукописей; в-третьих, официальная программа настенных росписей "дублируется" в рисунках в наименьшей мере. То есть, основной источник процарапанных на стенах знаков был сосредоточен в обиходе прихожан.

Рисунки-граффити, при их естественной малозаметности в слабоосвещенных частях стен, - имели камерный, личностный характер и не рассчитывались на всеобщее обозрение. Размещение знака-оберега в церкви уравнивало в глазах автора символы верований.

Вероятно, в этом кроется программная концепция рисунков-граффити, которые вместе со зданием церкви, с его росписями, иконами и службой составляли действительную картину религиозного мировоззрения общества.

Необходимо отметить еще один аспект истории рисунков - граффити, связанный с их авторами. Изображения мастерски прорисованных инициалов в традициях известных рукописей в соборах св. Софии Киева и Новгорода лишь подтверждают наличие

художественной среды в этих центрах. Появление сложных орнаментальных или сюжетных композиций, типичных для рукописей или для профессионально исполненных предметов прикладного искусства, например в церквях XII в. Старой Ладого, прямо указывают на проживание таких мастеров в этом городе. Причем стилистика указанной группы изображений укладывается в рамках XII-XIV вв. - времени, об истории которого по этому городу у нас никаких других сведений нет. Ту же картину участия мастеров с богатым опытом мы встречаем в церквях Благовещения Витебска, Успения Богородицы Ростова Великого⁴. Все эти примеры дают косвенное указание на вероятное присутствие среди прихожан творческих сил различной ориентации.

Оценка роли, качества и содержания рисунков-граффити по комплексу одного памятника или по всем вместе взятым не может быть однозначной. Повсюду мы готовы встретить что-то наподобие "пробы пера": случайное и небрежное или непродуманное до конца. На многочисленных фрагментах коллекции фресок церквей Ладого XII в. с рисунками-граффити ни в одном случае не прослежены какие-либо следы предварительной разметки будущего изображения. Например, среди профессиональных рисунков есть определенно незавершенные, объяснение чему найти крайне трудно (рис. 5). В церкви Георгия Старой Ладого в юго-западном помещении на хорах, где росписей не было, над потайной нишей сохранилось изображение тщательно вырезанного четырехконечного креста, вполне возмещающего собой отсутствие фресок: освящающего и охраняющего тайник и всю камору.

Не исключено, что какая-то часть рисунков-граффити была заказной. К ним, видимо, в первую очередь относятся изображения в недоступных для прихожан местах и одобренные клиром. В число заказных вероятнее всего входит крупномасштабный рисунок княжеского двузубца рода новгородских князей, открытый на щеке арки конхи диаконника церкви Успения, сер. XII в. в Старой Ладого⁴¹. Интересно отметить, что здесь первичный рисунок оказался незавершенным, ибо не был отцентрован и затем повторен полностью строго посередине плоскости.

При работе с рисунками-граффити возникает необходимость обращения к самому широкому кругу источников, в первую очередь, археологических, как наиболее тесно связанных с бытовой стороной жизни. Эта работа кропотливая, и дальнейшая публикация рисунков-граффити может быть ограничена хронологическими, тематическими или иными группами, или даже единичными изображениями. Вопросы авторства и датировки рисунков-граффити напрямую соотносятся с их художественными особенностями. Показательные примеры очевидных стилистических параллелей рисунков Софии Киевской с изобразительным материалом древнерусских рукописей приводит С. А. Высоцкий⁴². Намечены некоторые этапы развития формы крестов⁴⁵. В силу специфики рассматриваемого материала существенным подспорьем в вопросах атрибуции рисунков-граффити служат изыскания по эволюции тератологии⁴⁴-Меру стилизации формы несомненно диктовали технические условия работы на стенах или на камнях, но в приемах прочерчивания деталей, моделирования объема, равно как и в иконографических признаках самого рисунка нередко угадываются навыки мастеров различной профидизации, а также разных художественных традиций.

Рисунками-граффити освящали не только церкви, но и оборонительные сооружения, и возможно, другие постройки; между собой по разным храмам они во многом сходны по программе, по в каждом месте есть и специфические особенности, обусловленные социальным, этническим составом прихожан, а также ролью храма и города, где он расположен. Рисунки-граффити заполняли интерьеры вероятнее всего в первые годы жизни церкви в своей основной массе, и в этом угадывается часть программы обустройства места поклонения святыням. Рисунки-граффити вторичны к своим первоисточникам, но технические условия исполнения ставят их в ряд произведений прикладного искусства резьбы по дереву, металлу и камню, тем самым внося коррективы в трактовку их художественного облика. Похоже, что в каждом храме какая-то часть рисунков-граффити выполнена профессионалами, и их произведения по достоинству займут место в изобразительном искусстве Древней Руси. Несомненная историко-художественная ценность рисунков-граффити располагает к выявлению и всестороннему исследованию этого незаслуженно обойденного вниманием материала, который вслед за архитектурой, стенописью и надписями-граффити замыкает собой комплекс основных аспектов истории древнерусских каменных церквей.

1 Львова З. А. Хазарский каганат // Культура древних народов Восточной Европы. Л., 1969. С. 63.

2 Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 258. Мединцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI-XIV века. М., 1978. С. 16. Илл. Табл. I-IV.

3 Рождественская Т. В. Надписи-граффити из Старой Ладого в Гос. Эрмитаже // ПКНО-1974. М., 1975. С. 12; Васильев Б. Г. Рисунки-граффити церкви св. Георгия Старой Ладого // Ладого и Северная Европа. Вм. чтение нам. А. Мачинской. Мат. к чт. СПб., 1996. С. 73-74.

4 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. С. 118; его же: Средневековые надписи... С. 128. Илл. 157, 158; Мединцева А. А. Древнерусские надписи... С. 81. Илл. 67.

5 Высоцкий С. А. Киевские граффити XI-XVII вв. Киев, 1985. С. 16.

6 Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве // Средневековая Русь. М., 1976. С. 47.

7 Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 258.

* Устав Владимира Святославовича // Памятники Русского права. "М., 1952. Т. I. С. 241. 245.

"Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 117-128; Никитина Ю. И. Рисунки-граффити из Софии Новгородской //

СА 1990. №3. С. 221-222.

" Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 136-137; Никитина Ю. И. Рисунки-граффити... С. 221.

" Ш тендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. С. 212; Никитина Ю. И. Рисунки-граффити... С. 222-223; Медынцева А. А. Древнерусские надписи... С. 34-61.

12 Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 134; Медынцева А. А. Древнерусские надписи... С. 190-191.

" Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 117. Илл. 135, 136; Рождественская Т. В. Надписи-граффити... С. 12.

14 Рыбаков Б. А. Космогоническая символика "чудских" шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 23. Рис. 5.

15 Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 129; Никитина Ю. И. Рисунки-граффити... С. 221.

"Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 121, 128.

17 Медынцева А. А. Древнерусские надписи... С. 195.

" Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 139; Никитина Ю. И. Рисунки - граффити... С. 221.

" Медведев А. Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // СА. 1960. 2. С. 73; Овчинникова Б. Б. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Мат. конф. 1992 г. Новгород, 1994. С. 83 - 86.

С и л о г а в а В. И. Древнегрузинские граффити из Верхней Сванетии // ПКНО - 1978. Л., 1979. С. 15; По и коне та и типов К. Новооткрыти старобългарски надписи от 10 век в Северозточна България // Славянска палеография и дипломатика. София, 1980. С. 288-293. Илл. 4,7.

- ' Высоцкий С. А. Древнерусские надписи... С. 107; его же: Средневековые надписи... С. 117.

- Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 124.

2У Никитина Ю. И. Рисунки-граффити... С. 221.

-4 Щепкина М. В. Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Вып. 2. С. 239; Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978. С. 39.

!' Высоцкий С. А. Средневековые надписи... Илл. 141, 2; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонсс // МИА. М.-Л., 1950. № 17. С. 88. Рис. 39; ср. также Высоцкий С. А., Древнерусские надписи... Илл. 74. Б а к а л о в а Э. Фрески церкви-гробницы Бачковского монастыря и византийская живопись XII в. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. Илл. на с. 221.

" Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 127. Илл. 156; Дср-Нерсесян С. Московский мепологий // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 94-111; Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII - начало XV века. М., 1976. Кат. № 10.

27 Артамонов М. И. Один из стилей монументальной живописи XI-XIII вв. // ГАИМК. Л., 1929. Вып. I. С. 62.

2Я Высоцкий С. А. Средневековые надписи... Илл. 158; Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I. С. 631, 634-635.

в Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 126. Илл. 154; Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 139-140. Илл. 36/14/.

" Высоцкий С. А. Надпись на стене... С. 41-48.

" Высоцкий С. А. Древнерусские надписи... С. 116. Илл. 79/2/; его же: Средневековые надписи... С. 126;

я Лазарев В. Н. История Византийской живописи. М., 1986. Т. П. Илл. 14, 519.

" Васильев Б. Г. Рисунки граффити... С. 74.

14 Седов В. В. Восточные славяне... Илл. 75; Лозе И. Отражение древнейших верований и традиций в искусстве каменного века восточной Прибалтики // Археология и Этнография. Рига. 1970. Вып. IX. С. 28. Илл. 1/4; Арцихов-с к и й А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958-61 гг.). М., 1963. С. 76.

" Высоцкий С. А. Средневековые надписи... С. 261.

"Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. САИ. Вып. Е 1-44. М., 1964. С. 22. Табл. XXII.

17 Н и к и т и н а Ю. И. Рисунки-граффити... С. 223, 224. рис. 3, 4/ Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л., 1971. С. ((. Илл. 142; Попов Г. В. Орнаментальные рукописи 1499 года из Московского Успенского собора // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 240, 241.

18 Медынцева А. А. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 252. Рис. 3.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

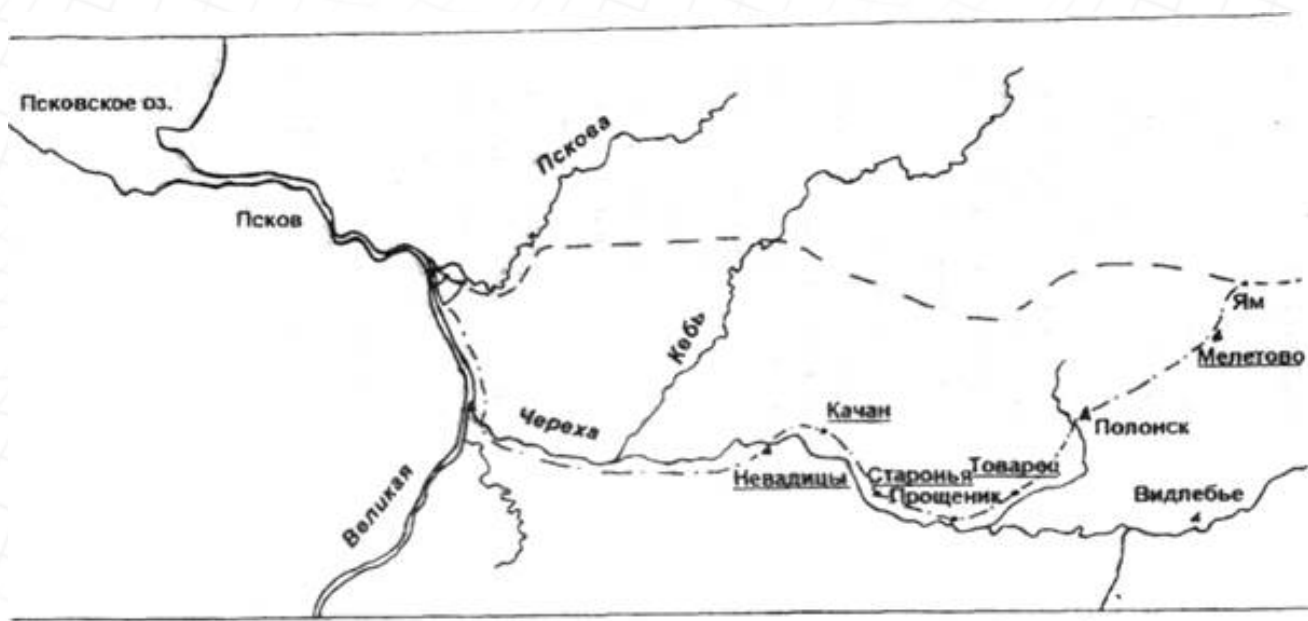
История и археология

11/97

Последний путь Василия Калики

А. В. Михайлов

Уже со времен В. Татищева в исторической науке упоминается водный путь между Псковом и Новгородом, который проходил по рекам Великой и Черехе, затем - волок в р. Узу и далее по реке Шелонь и озеру Ильмень в Волхов. Загоскин в своей работе "Русские водные пути и судовое дело в допетровской России"1 в качестве подтверждения существования этого пути впервые использовал сообщения псковских и новгородских летописей о поездке новгородского архиепископа Василия Калики в Псков летом 1352 г. С тех пор это сообщение широко использовалось в исторической литературе в качестве главного (если не единственного) доказательства функционирования данной водной коммуникации.



Реконструируемый участок древней новгородской дороги (схема)

Поездка архиепископа была осуществлена по просьбе псковичей, изнемогавших от мора. В Н1Л это событие описывается следующим образом: "И приехаша послов из Пскова, биша челом владыке Василию, ркучи так: "богови тако изволило, святой Троице, детем своим псковичем бог реке жиги дотоле, чтобы еси, господине, был у святой Троицы и детии своих благословил псковичь." И он не умедли поеха, поимя собою архимандрита Микифора, игумены, попове, приеха в Псков, служи у святой Троицы, у святой Богородицы на Снетпой горе, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять в святой Троицы, ходи около города со кресты, и благослови детии своих всих псковичь"². О возвращении архиепископа Василия в Новгород в Н1Л старшего извода говорится следующее: "...Поеха ис города, доеха до Прощеника в день неделный, обечерившися за Прощеником с едину версту, на реце на Чересе сташа; и разболеся ту; привезоша его в монастыри ко святому Михаилу, усть Узы реки, на Шелоне; и приставися ту, на память святого мученика Уакинфа, в вторник; привезоша и в Новгород в четверг, месяца июля в 5, на память святого отца Лампада; ...". Василий Калика возвращается в Новгород после того как прекратился мор в Пскове, но по пути заболевает и умирает в Михайловском монастыре. Благодаря подробной летописной статье мы можем себе представить поездку Василия Калики во времени и пространстве.

В воскресенье, 1 июля, архиепископ отправляется в путь и к вечеру достигает селения Прощеник на р. Черехе, известного по псковским летописям. (В XVI в., по сообщениям писцовых книг, здесь существовал Борисоглебский монастырь.) Василий Калика не останавливается в Прощенике, а ночует в версте выше по течению (в районе современных деревень Барохново и Плоская Лука Карамышевской волости Псковского района). За этот день было пройдено около 30 км. Именно здесь, по версии летописца, архиепископ Василий и заболел, что и послужило причиной его смерти в устье реки Узы, во вторник, 3 июля. В Н1Л младшего извода есть уточнение, что владыка умер "в 9 часов дни"⁴, то есть для преодоления расстояния между Прощеником и Узой потребовалось 2 дня, за которые было пройдено около 55 км. Тело архиепископа Василия было привезено в Новгород в четверг, так что практически за два дня был проделан путь более чем 140 км. Несмотря на подробности, имеющиеся в летописи, остается открытым вопрос о средствах передвижения Василия Калики, то есть каким путем между Псковом и Новгородом он пользовался - водным или сухопутным.

С трассой водного пути все вполне ясно. Сначала - путь вверх по Черехе длиной 56 км. (За день, до Прощеника, было пройдено чуть меньше половины пути по Черехе.) Далее - волок через водораздел от дер. Волочек до дер. Болоты и Дубско, длиной около 10 км. Потом вниз по Узе около 15 км до Михайловского монастыря в устье Узы. И от Михайловского монастыря вниз по течению Шелони, на которой уже от района Сольцов навигационные условия позволяют пользоваться парусом, что было доказано и во время экспедиции ПГПИ по водному пути из Пскова в Новгород в июле 1996 г.

Теперь несколько слов о сухопутном варианте путешествия. Напомним, что широко известная по литературе псковско - новгородская дорога, по которой в XVI в. была организована ямская гоньба, проходила от Пскова через Кебь, Загорье, Дубровио, Сухлово, Райцы, Мишагу, Веряжу в Новгород⁵. Данные письменных источников, в первую очередь псковских летописей и писцовой книги № 830, позволяют уточнить трассу псковско - новгородской дороги для более раннего периода. (При анализе писцовой книги № 830 автор пользовался консультацией Б. Н. Харлашова).

По сообщению ШИЛ в 1435 г. псковский князь Владимир с посадниками нагнали новгородского владыку Евфимия, который ехал из Пскова в Новгород, в Невадичахб. В 1463 г. во время отъезда в Москву князя Федора Юрьевича "... псковичи чтивше его много проводиша его до Невадичь,..."⁷. Летописное сообщение 1477 г. связано с поездкой в Москву бывшего псковского князя Ярослава, при этом отмечается, что "едя до рубежа. . На Прощенику две ночи стоял, и на Мелетове 3 ночи"⁸. В 1528 г. новгородского архиепископа псковские наместники "... сретоша на Прощеники", а "... весь Псков сретоша его за городом"¹.

Таким образом можно реконструировать участок Псков - Загорье новгородской дороги следующим образом: от Пскова дорога шла на юг,

вдоль берега р. Великой, далее следовал переезд через Череху и потом по левому берегу Черехи до Невадиц, в районе которых находился известный брод через Череху, существующий и поныне. Далее, уже по правому берегу, дорога проходила через Прощеник и уходила от Черехи на северо-восток до Мелетова. Участок дороги от Прощеника до Мелетова позволяет уточнить писцовая книга № 830, в которой упоминается пустошь Товарец "на большой новгородской дороге", которая легко соотносится с ныне существующей дер. Товарец Карамышевской волости Псковского района. Упомянутая деревня находится в 2 км к северо-востоку от ур. Прощешик. Между Товарцем и Мелетово расположен Полонский погост, через который, вполне вероятно, также проходила новгородская дорога. Подтверждением данной гипотезы может служить тот факт, что новгородская дорога связывала целую серию погостов: Невадицкий, Мелетовский, Дубровенский, Опоцкий.

Исходя из сказанного выше архиепископ Василий вполне мог передвигаться в Новгород посуху через Прощеник. Для того, что бы попасть в Михайловский монастырь на Узе от Мелетова нужно было проехать до Дубровно и затем свернуть на порховскую дорогу, проходившую как раз через Узу. Нам неизвестно, зачем Василию Калике необходимо было сделать такой крюк, по иным путем попасть в Михайловский монастырь он не мог.

Еще одним документом, подтверждающим гипотезу сухопутного путешествия является новгородская берестяная грамота № 689". Грамота была обнаружена на Троицком раскопе, стратиграфическая дата: рубеж 50-х и 60-х 90-е гг. XIV в. В. Л. Янин предположил, что грамота № 689 своим содержанием прямо связана с кончиной Василия Калики. Отчет о расходах по духовной называет весьма крупные суммы, отданные из имущества покойного духовнику Нестору и монаху Дмитру. Также значительны расходы на сороковины, организованные именно там, где скончался архиепископ (упомянутые в грамоте населенные пункты локализуются в Порховском околородье). Кроме этих расходов, речь идет о закупке большого количества ржи, овса и ячменя, необходимых для обеспечения фуражом и провиантом похоронного поезда, который, естественно, передвигался посуху.

Таким образом, летописное сообщение 1352 г. о путешествии Василия Калики нельзя рассматривать как доказательство функционирования водного пути между Псковом и Новгородом. По всей видимости, в данном случае речь идет о сухопутном путешествии или о комбинированном (по суше и по воде) варианте пути. Под комбинированным вариантом подразумевается участок дороги Мшага - Новгород, который даже в XVII в. вызывал значительные трудности при передвижении из-за многочисленных болот. Это заставляло путешественников преодолевать данный участок пути по воде: Шелони, Ильменю и Волхову.

1 Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в донетровской России. Казань, 1910, с. 116

2 Новгородская первая летопись старшего и младшего отводов. М.-Л., 1950, с. 100

3 Там же, с. 100

4 Там же, с. 362

5 Проезжая по Московии. М., 1991. С. 202; Плот кип К. М. Коммуникационная сеть Северо-Запада России в XVII в. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 1988. С. 107

6 Псковские летописи. Вып. 2. М.-Л., 1955. С. 130

7 Там же. С. 157

8 Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 208

9 Там же. С. 104

10 Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993. С. 72-75.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[ООО "Абрис-проект"](#)

Геодезия Геология Землеустройство Все виды работ.

[Адрес и телефон](#) · www.ab-pro.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов

www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

11/97

О маршруте «мирного похода» царя Ивана 3 на Новгород

А. А. Фролов

Поход Ивана III 1475/76 гг. - один из драматических моментов русской истории, рассмотрению которого уделено немало внимания исследователей. Тем не менее, несмотря на существование довольно подробного рассказа летописи о движении поезда великого князя по Новгородской земле, его конкретный маршрут до сих пор подробно не описан.

Обратимся к летописному источнику в той части, где он указывает вехи на пути великокняжеского поезда:

"В лето 6984, октября в 22, в неделю, пошел князь великий к Новгороду миром, а с людьми со многими; а на Москве оставил сына своего великого князя Ивана. А на Дмитриев день князь великий въехал на Волок, да ел и пил у брата у князя Бориса. А ноября в I въехал в Торжок, в среду. В 5 на Волочку... Ноября 7 стоял князь великий на Виру... В 14, во Вторник, в Женах на Хирове... В 15, в среду, на Волме... В 16, в четверг, в Васильеве селе Волмановского... В 17, в пятницу, на усть Волмы во Влукоме ... А изо Влукома стоял князь великий в Рыдыне на реце на Холове... А из Рыдына стоял князь великий, ноября 19, в педелю, на Лытне, на реце Мете, за 50 верст ... В 20, в понедельник, стоял князь великий в Плашкине, за полтретьядцать верст ... Ноября 21, во вторник, из Плашкина поиде князь великий в свою отчину в Великий Новгород ... и в той день князь великий приехал на Городище и обедню слушал у Благовещения и ел у себе". 1*

Пункты остановки Ивана III удобнее рассматривать в обратном порядке, поскольку данные о последних днях поездки великого князя отличаются наибольшей ясностью.

1. **Городище. Конечный пункт маршрута.** Комментариев здесь не требуется. Рюриково городище традиционно считалось княжеской резиденцией (рис. 1).
2. **Плашкино.** Локализуется на правом берегу р. Меты в 24 км от Новгорода, на месте современного одноименного населенного пункта. В конце XV в. эта территория входила в состав Оболенской пятины. Писцовые книги по этой части пятины утрачены.
3. **"на Лытне на реце Мстс".** Это поселение расположено в Морозовичском погосте. Часть его входила в волостку Ивана, Матвея и Мартемьяна Божиных (Лытныи)2, часть - в волостку Ивана Константинова Толстого (Лыткино)3. Для обеих волосток это единственная волчья деревня (1 + 1 обжа). Экономические примечания к Генеральному межеванию послед, четв. XVIII в. И план - атлас Крестецкого уезда Новгородской губернии, составленный на основе материалов Генерального межевания, позволяют определить местонахождение пустоши Лытны - напротив земель с. Честово (волостка Божиных по НПК) и д. Локоток (волостка Толстого по НПК) на правом берегу Меты.4 Она расположена по берегам р. Лытепки. Пустошь удалена от Новгорода на 42 км.
4. **"на Рыдыне на реце на Холове".** Без труда отыскивается на современной карте Крестецкого района. В конце XV в. Здесь находилось село Рындино, входившее в Холовский погост.5
Весьма вероятно, что именно Рындино было фактическим центром Холовского погоста. Однако окончательно данный вопрос пока решен быть не может
Приношу благодарность И. Ю. Анкудинову за квалифицированную консультацию по данному вопросу.

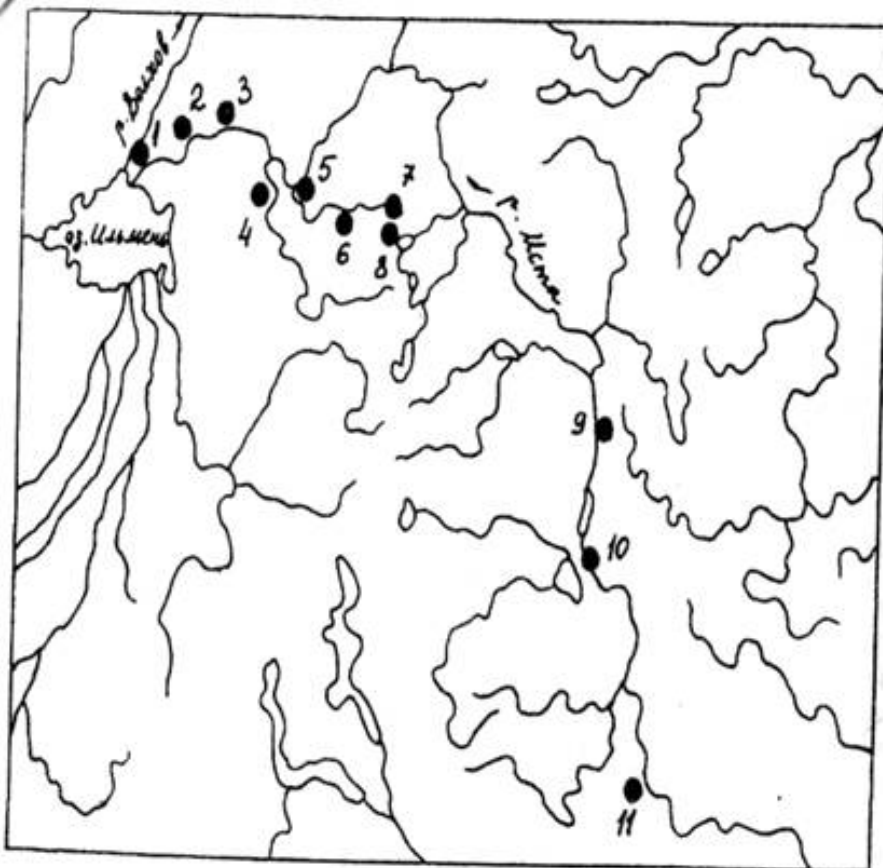


Рис. 1. Пункты остановки Ивана III.

1. Городище
2. Плашкино
3. Лытна
4. Рыдино
5. Усть-Волма
6. Волма
7. Теребуново
8. Хирово II
9. Вир-Млево
10. Вышний Волочек
11. Торжок.

5. **"на усть Волмы во Влукомо".** Возможно двоякое понимание топонима усть Волма: 1. Устье реки Волмы, место слияния её с р.

Метой, где расположено поселение Влуком; 2. Село Усть Волма с более точным определением местонахождения стоянки князя. Первое понимание следует отвергнуть, поскольку поселения с названием Влуком не существует ни в писцовых книгах конца XV в., ни в материалах Генерального межевания послед, четв. XVIII в., ни на современных картах. Более того, в русском языке слова с корнем "влук" практически отсутствуют, ибо такое сочетание звуков, очевидно, не характерно для него (В. И. Даль).

приводит только один глагол "влукнуть" - вметнуть, вбросить, вкинуть).6

Единственное объяснение данного названия - ошибка в написании. Конечно же, вместо "во Влукоме" читать следует "в луко-ме".

"Лукома" - изгиб оврага; "лука" - изгиб, погиб, кривизна, излучина; заворот реки, дуга; низменный и травный лесистый мыс, поемный луг, огибаемый рекою".7 Таким образом, мы принимаем второе из возможных пониманий топонима усть Волма. Это село находится на

расстоянии 0,5 км южнее места впадения Волмы во Мету на берегу реки Волмы. В этом месте река очень сильно петляет, делая дуги длиной более 0,5 км несколько раз резко меняя направление течения с востока на запад и обратно.

До вывода бояр селом Усть-Волма (12 обж) владели Федор Опкифов, Васюк Андреепов, Матвей Телятев, Федор Лукин Те-лятев, Борис Кузьмин Клемяптьев. Село являлось центром Усть Воломского погоста.8

Усть - Волму и Рыдино соединяла древняя дорога, упомянутая в берестяной грамоте № 390 (2-я пол. XIII в.), - "коняжь людъщико до усть Волми" или "путь Рыдьвьский".9

6. "в Васильеве селе Волмаповского". Поскольку 17 ноября великий князь стоял в устье реки, а 15-го - уже был на Волме, то Васильево село следует искать где-то в среднем течении реки. В. Л. Янин отождествил его с деревней Сухлово писцовой книги. Основанием для такой локализации послужило то, что д. Сухлово принадлежала Василию Андреевну Опкифому, владевшему также жребием в сельце Усть - Волме и несколькими деревнями в Усть - Воломском и Оксочском погостах. Следовательно, Василий Опкифов мог иметь прозвище Волмановский. Д. Сухлово писцовой книги отождествлялась с современной д. Сухлово, расположенной в бассейне среднего течения Волмы. Таким образом, Иван III мог останавливаться в д. Сухлово."

Однако на рассматриваемой территории по НПК известно две деревни с таким названием. Первая до вывода бояр принадлежала Васюку Андреепову Опкифому - в Оксочском погосте, вторая (д. Сухново НПК) по "новому письму" числится в волостке Ивана Васильева сына Захарьича Лятца, "что была дана отцу его в приданое Ориной Васильевой женой Микифорова". Эта деревня находится в Черньчевичском погосте. 12 На средней Вол-ме находится последняя (существует и ныне). Она, как видим, к Васюку Андреевну Опкифому отношения не имеет. Первая не локализована. Однако то, что она расположена в Оксочском погосте, исключает возможность пребывания там Ивана III. Благодаря картированию деревень этого и близлежащих погостов, установлено, что его южная граница проходит в 15-20 км. севернее р. Волмы, протекающей в основном с востока на запад. Посещение этой ничем не приметной деревушки (по "старому письму" здесь насчитывался один двор, один человек, обжа) потребовало бы отклониться от пути в Новгород, сделав петлю не менее 40 км и затратив на это более двух дней движения по неизвестным нам сухопутным дорогам.

Ответ на вопрос, где же находился Иван III 16 ноября 1475 г. прост. В среднем течении р. Волмы, на ее левом берегу, на территории Крестецкого района Новгородской области есть деревня Волма, известная писцовой книге в числе владений своеземцев: "деревни Микифориковы, Васильева сына Воломского, да Палкипы да Ивашковы да Андрейковы да Илейкины, Борисовых детей Воломского. Д. Мошенка ... 2 обжы. Д. Вятцково ... обжа. Д. Вятца, , , обжа. Д. Теребуна ... обжа. Селцо Волма: а в нем сам Микифо-рик, Васильев сын ... 3 обжы. Д. Канаиово, .. обжа".11

Когда умер отец Микифора Василий Волмановский (Воломс-кий), точно определить нельзя. Не исключено, что он дожил до "старого письма", по поскольку земли данного владения не были конфискованы у прежних владельцев, писцы "нового письма" ограничились перечислением владельцев, бывших при них,

Сельцо Волма в момент составления писцовых книг входило в состав земель Островского погоста и было центром владений Волмановских.

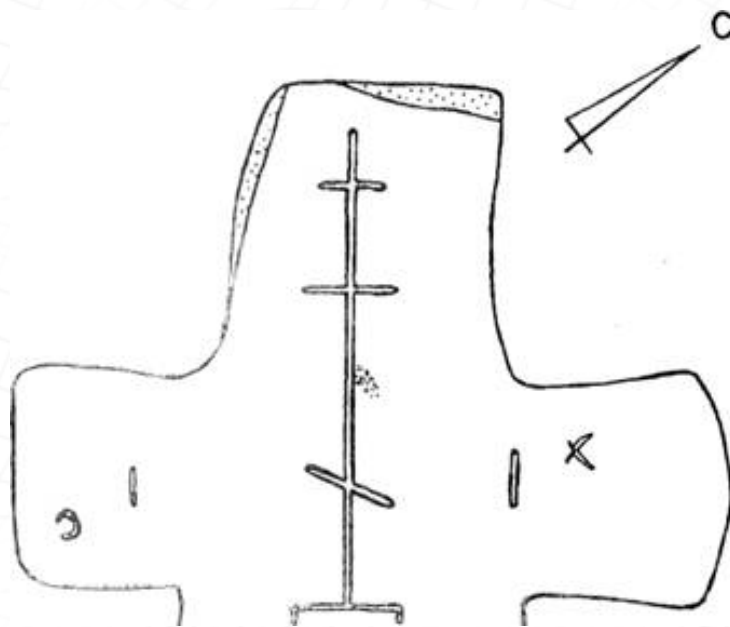
7. 15 ноября Иван III был на Волме. Наиболее вероятным пунктом остановки великого князя здесь является сельцо Теребуново центр Теребуновского погоста. Оно находилось во владении Федора Селезнева. По новому письму оно состояло из пяти дворов, не положенных в обжу (двор попа, двор церковного дьяка, двор проскурпицы, двор владельцев волостки и двор господского человека). Здесь же находилась ц. св. Егория. 14

От сельца Волмы Теребуново удалено на 13 км (по прямой), что чуть меньше средней длины дневного пути поезда Ивана III.

8. "в Женах на Хирове" (или "Жегах на Хориве"). Это самый загадочный пункт остановки великого князя. В. Л. Янин локализовал его в Неретцком погосте на северном берегу Валдайского озера, "1 где по писцовым книгам известна деревня Ожегово. Расстояние от северного берега Валдайского озера до с. Теребуново - 55 км (по прямой), что втрое превышает среднюю протяженность дневного пути поезда великого князя. Эти два пункта не соединены ни рекой, ни сухопутной дорогой, поэтому реально перемещение от одной стоянки до другой здесь потребовало бы времени гораздо больше. Летопись же свидетельствует, что великий князь до верховьев Волмы добрался за день.

Между тем, д. Ожиго (5 обж) известна и в Теребуновском погосте. 16 Она названа среди владений Федора Селезнева (с. Теребуново, дд. Боротно, Горюшка, Ожиго, Мостицо, Горюшка, Холм, Заречье, Залучье, Глядково). Локализуя ее, обнаружим, что по планам земельного межевания послед, четв. XVIII в. в восточной окраины д. Глядки начинаются земли пустошей Хирово и Ожеги (в Алфавите Генерального межевания они числятся под названием Харова, 17 в Алфавите Специального межевания -Хирово и Ожеги. 18) Именно на них находится

средневековый жальник, на археологической карте Окуловского района Новгородской области привязанный к д. Глядки. 14 "Двойной адрес" пункта остановки великого князя (ср. "на Лытне на реце Мете", "на Рыдыне на реце на Холове", "на усть Воломи во Влукоме") свидетельствует, что лишь один из топонимов обозначает деревню (в данном случае д. Ожигино НПК). Второй же является уточняющим и именуется какой-то элемент ландшафта. В 1996 г. автор данной статьи обследовал пустоши Хирова и Ожеги. Микротопонимика этих мест знает болота Хировское и Жиговское. Однако остановка великого князя на болоте маловероятна. Более приемлемо считать топоним Хирова (Хорива) относящимся первоначально к одному из моренных холмов, являющихся наиболее специфической чертой данного ландшафта. На вершине одной из таких горок в 1996 г. был обнаружен крест Требуново IV (рис. 2),² датированный XIV - XV вв.²¹



Р и с. 2. Крест Требуново IV (Хировский крест).

Крест лежал верхней частью по направлению к склону и был ориентирован на северо-запад. Крест вырублен из плиты розового гранита. Высота креста 1,10 м., расстояние между крайними точками перекрестья 1,04 м., толщина 0,22 м. На лицевой поверхности плиты выбит восьмиконечный крест с подножием.

Никаких следов захоронений (жальничные обкладки, кости и керамика в облажениях) в округе креста не обнаружено. Кроме того, наличие кладбища в этом месте практически невероятно из-за того, что в волостке Федора Селезнева, состоявшей из перечисленных выше деревень, в данный период, насколько позволяет судить приблизительная датировка поздних жальников, уже известно два кладбища: одно - в Требуново - погостское (Тере-бупово Ш)²², второе - общинное (Глядки). Это обстоятельство, а также нехарактерные для намогильных крестов крупные размеры, позволяют атрибутировать Хировский крест как придорожный.

По всей видимости, первоначально крест был установлен вертикально при дороге, идущей от с. Требуново и д. Боротию по дюнному всхолмлению - веретью через Хировское болото на юго-восток и юг, к Глядковскому жальнику.

От с. Требуново д. Глядки отстоит на 5 км. к югу. Границы пустошей Хирова и Ожеги удалены на 4-7 км.² Это очень маленькое расстояние для дневного переезда. Однако это может быть объяснено трудностью передвижения зимой по водораздельному участку, по-видимому, не обустроенному хорошей дорогой. Другое возможное объяснение - конечным пунктом маршрута 14 ноября должно было стать с. Требуново, но по какой-то причине великокняжеский поезд не успел достичь этого пункта в срок.

Далее в перечне пунктов следует пробел. Летописец ничего не сообщает о пути Ивана III с 7 по 14 ноября.

9. "на Виру". Данный топоним хорошо известен НПК. Писцовая книга Деревской пятины "нового письма" знает деревню на Виру на территории Млевского погоста.²⁴ Писцовая книга Бежецкой пятины 1545 г. также упоминает эту деревню - тоже на территории Деревской пятины.²⁵ Кроме того, в книгах Бежецкой пятины 1545 и 1551 гг. описаны значительные массивы земель Егорьевского и Дмитриевского Млевских погостов, расположенных на Виру.²¹

Подобный анализ употребления топонима "на Виру" в разных его значениях (как место остановки Ивана III, как деревня и как массив земель) произведен в отдельной работе.²⁷ Пункты земельного массива "на Виру" локализованы. Они располагались на обширной территории правобережья р. Меты севернее берегов оз. Мстино до протоки во Мету оз. Тишидра, в бассейнах озер Тишидра, Пудоро и Шишево, реки Пуйга, на суходоле к северу от оз. Шишево и по водоразделам между р. Метой и оз. Пудоро. По мнению автора, данный массив земель является территорией древней новгородской волости.

С другой стороны, само слово "Вир" - "водоворот, омут"³⁸ должно обозначать пункт с очень конкретной локализацией. С помощью материалов Генерального межевания удалось определить местонахождение Вира - на р. Мете южнее с. Млево, севернее протоки во Мету из оз. Тишидра. Очевидно, что массив земель "на Виру" Егорьевского и Дмитриевского Млевских погостов не мог целиком размещаться на

мстинском Виру - в силу огромной площади этой территории. Конечно же, на нее было распространено название, характеризующее топографию крупного пункта, исторически и географически связанного с областью "на Виру" и имевшего важное значение в жизни микрорегиона. Таким пунктом могло быть только с. Млево - центр Млевского погоста.

Учитывая вышесказанное, стоянку Ивана III 7 ноября следует локализовать либо в самом с. Млево, либо в его ближайшей округе - "на Виру" в узком смысле топонима.

Подобная трактовка подтверждается и расчетами скорости движения великокняжеского поезда. "На Виру" Иван III оказался 7 ноября, т. е. через два дня после пребывания в Вышнем Волочке. С. Млево и мстинский вир удалены от города на 30 - 32 км. Следовательно, скорость передвижения на данном участке равна средней скорости великокняжеского поезда во время "мирного похода" - 15-16 км/сут.

Итак, нами локализованы все стоянки Ивана III. Это позволяет сделать ряд наблюдений и замечаний о "мирном походе".

Поезд Ивана III на протяжении почти всего пути от Торжка до Новгорода за день преодолевал расстояние 12-17 км. Меньшая длина пути отделяет Хирово от Теребунова (ок. 5 км.).

Большая - Рыдино от Лытны и Плашкино от Рюрикова городища (22-24 км.). Все расстояния измерялись по прямой, поскольку мы не знаем достоверно, как преодолевался путь между пунктами остановки. Поэтому приведенные цифры в определенной степени условны. Реально путь был длиннее, особенно в пределах Валдайской возвышенности, где дорога шла по сильно пересеченной местности. Меньше сказывались особенности местных ландшафтов на конечном отрезке пути, проходящем по Прииль-менской впадине, характеризующейся плоским рельефом. Это, видимо, является причиной того, что последние дни пути преодолеваемое расстояние было больше среднего. Для остановок по дороге в Новгород Иван III выбирал пункты, играющие роль административного центра по отношению к округе: Торжок, Вышний Волочек, Млево, Теребуново (?), Вол-ма, е Усть - Волма, Рыдино.

Примечательно, что в летописном рассказе о "мирном походе" хозяева тех земель, на которых великий князь останавливался, не упомянуты среди многочисленных лиц, встречавших его в этот день. Только в Усть - Волме его встретили Павел и Федор Телятевы, упомянутые в списке из 17 бояр последними. В остальных случаях эти лица встречали дорогого гостя не на своих землях.

Напрашивается вывод о том, что посещение административных центров Деревской пятины имело те же цели, что и визит Ивана III в Новгород: объезд великим князем вся Русь своей "отчины" и осуществление "суда и управы" над своими подданными, т. е. реализация прав, закрепленных за ним Коростыньским миром 1471 г. Подробный анализ этого аспекта пребывания великого князя в Новгороде произведен Ю. Г. Алексеевым.³ Поэтому закономерны упоминания в летописном тексте "жалоб-ников многих", которых принимал князь во время своих остановок.

Думается, что те же цели преследовал Иван III и в других пунктах своего маршрута. Однако летописец не счел нужным перечислить их - видимо потому, что на них встречи не были столь представительны. Во всяком случае представительность делегаций новгородцев по мере приближения к городу постоянно увеличивается. В Ожегах на Хирове князя встречает лишь его наместник и дворецкий. Начиная с Теребунова в летописи перечисляются бояре и житьи.

1 ПСРЛ. Т. VI. Софийская II летопись. С. 200-201.

2 НПК. Т. II. Спб. 1X62. Ст. 150-153.

3 Там же. Ст. 425 - 426.

4 РГАДА. ф. 1355. он. I. д. 868; ф. 1356. Ом. 1. л. 3065.

5 НПК. Т. II. Ст. 429, 430, 438.

"Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М. 1994. С. 214. Ст. Влукиуть.

'Даль В. И. Указ. соч. Т. II. М. 1994. С. 272. Ст. Лука.

" НПК. Т. II. Ст. 327, 333, 340, 348

' Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958 - 1961 гг. М. 1963. С. 90-94; Коновалов А. А. Географические Названия в перстяных грамотах // СА 1967, № I. С. 92, 93.

"Ямин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М. 1981. С. 171.

II НПК. Т. II. Ст. 284.

12 Там же. Ст. 280.

" Там же. Ст. 121.

14 Там же. Ст. 132.

"Янин В. Л. Указ. соч. С. 170.

" НПК. Т. II. Ст. 133.

17 РГАДА. ф. 1354. он. 279. Ч. I. X - 13 сун. пуст. Хароиа.

" РГАДА. ф. 1354. он. 279. Ч. 2. X - 23 сун, X - 24 сун, X - 25 сун., пуст. Хирово и Ожеги.

"Милюков В. В. Отчет о проведении археологических разведок и аварийных раскопок в Окуловском р-не Новгородской области. 1979 г. // Архив ИА РАН. Р- 1. № 7739.

31 Фролов А. А. Разведки по р. Волме в Новгородской земле // АО 1996 года (в печати); Фролов А. А. Отчет о разведке 1996 г. в Крестепком и Окуловском районах Новгородской области // ОПИ ИА РАН.

21 Шляпкин И. А. Древние русские кресты. Т. 1. Кресты новгородские до XV в.. неподвижные и нецерковной

службы. Спб. 1906. С. 26. 27.

"Фролов А. А. Отчет...

- 'РГАДА. ф. 1356. д. 3065.

:4 НПК. Т. 1. Спб. 1859. Ст. 147.

25 НПК. Т. VI. СПб. 1905. Ст. 328.

* Там же. Ст. 340 - 348, 597, 599 - 602, 766.

- 'Фролов А. А. О местонахождении местности "на Виру" средневековых письменных источников, (выйдет в печать в очередном Тверском сборнике с материалами VII научного семинара - 15-17 апреля 1997 г.).

:" Словарь русского языка XI - XVII вв. Т. 7. М. 1975, С. 187. Ст. Вир.

24 ПСРЛ. Т. VI. С. 201.

"Алексеев Ю. Г. Поход "миром" и Городищенское стояние 1475-76 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб - Новгород 1993.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

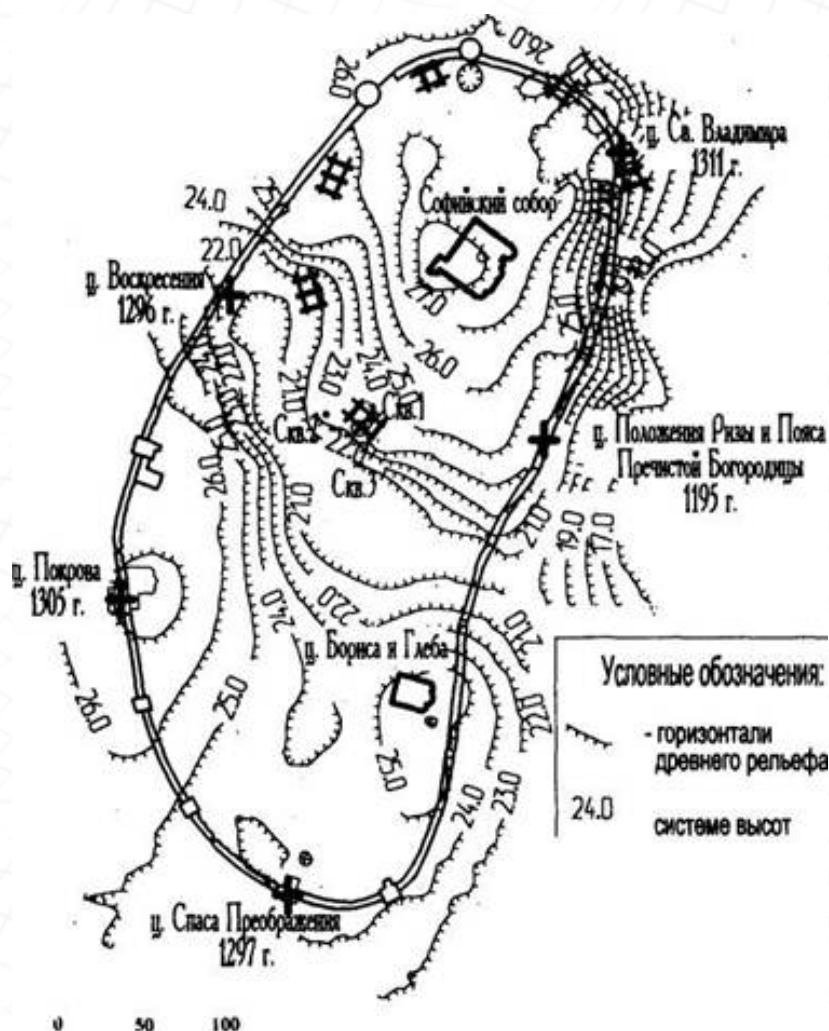
[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле



Раскопки последних лет в Новгородском кремле главным образом были связаны с изучением его фортификаций. Поводом для этих работ стали объективные обстоятельства, связанные с обрушением в апреле 1991 г. участка кремлевской стены между Спаской и Княжьей башнями. При анализе причин, приведших к падению прясла, выявился недостаток информации об инженерных и гидротехнических особенностях вального основания стены. Начатые в этой связи раскопки на месте упавшей стены вызвали к жизни целый спектр проблем, касающихся конструктивной взаимосвязи между каменными и дерево-земляными укреплениями Кремля. После получения новых археологических материалов в раскопе 1992-93 гг. стало очевидным, что решение этих проблем невозможно в рамках существующих гипотез. Поэтому, раскопки 1994-1996 гг., проводившиеся в рамках охранных работ, были нацелены на возможно более полное исследование вскрываемых фрагментов оборонительных сооружений.

В ходе пятилетних раскопок были получены новые материалы практически обо всех, известных на сегодняшний день, оборонительных системах Кремля. Оценивая опыт исследований последних лет, необходимо отметить, что достигнутые результаты стали возможными только благодаря отказу от сложившейся в 1970-80-е гг. практики «точечных» вскрытий культурного слоя.

Раскопы 1992-96 г. были небольшими — от 40 до 150 кв. м., но точный расчет места их закладки в сочетании с пристальным вниманием к статиграфии позволили извлечь максимум информации.

В настоящее время наибольшим признанием пользуется схема развития фортификационной системы Кремля, предложенная М. Х. Алешковским в 1962 г. Ее приоритет обусловлен широким использованием археологических материалов из раскопок в Кремле, которые автор осуществил в 1956-60 гг. Схема представлена в единственной публикации, и в кратком изложении М. Х. Алешковского выглядит так: «деревянная крепость 1044 года, охватившая северную часть современного кремля и выстроенная, вероятно, по киевским образцам, в 1116г. была расширена князем Мстиславом на юг. Так сформировалась территория Детинца. В 1302 г. сооружаются каменные проездные башни... В 1331-1335 годах начинается строительство каменных стен — от Владимирской до Борисоглебской башни. В 1400 г. строятся остальные башни и стены: это строительство заканчивается в 30-х годах XV в.»¹ Широкое привлечение летописных датировок, позволивших М. Х. Алешковскому создать абсолютную хронологию для большинства из раскопанных сооружений, в свое время не вызвало критики, поскольку являлось распространенным методическим приемом.

Новая серия работ в Кремле заставила усомниться в безупречности этой схем. В частности, уже в ходе раскопок под рухнувшим пряслищем выявилась хронологическая близость насыпи вала и каменной стены, имеющих конструктивную и стратиграфическую взаимосвязь². Отметим, что раскоп 1992-93 гг. имел наиболее выгодную конфигурацию для полноценного анализа ситуации. Впервые изучению подверглась часть вальной конструкции в зоне непосредственного контакта с основанием стены, что ранее было невозможно.

С другой стороны, более тщательный просмотр керамического материала из раскопа 1992–93 гг. подтвердил некорректность ее использования для датировки насыпного сооружения, поскольку характер распределения керамики по пластам дал яркий пример «перевернутой» стратиграфии. Наряду с фрагментами X—XI вв. в насыпи вала обнаружено значительное количество венчиков с формами XII—XV вв. Возникшая проблема была обозначена следующим образом: «прежняя датировка вальной конструкции (1116 г.) представляется спорной и требует дополнительных доказательств, учитывающих взаимосвязь земляных и каменных фортификационных сооружений и кремлевского комплекса»⁴.

С учетом обозначенной проблемы велись работы 1995–96 гг. у Звонницы и у Лихудова корпуса. Последний раскоп стал наиболее важным этапом исследований, поскольку дал возможность провести повторное вскрытие древних укреплений северной части Кремля. Полученные при этом материалы привели к необходимости радикального пересмотра устоявшейся научной гипотезы.

При детальном исследовании т. н. «вала 1044 г.» выяснилось, что на самом деле он состоит из двух одновременных сооружений. Прежние описания этой конструкции, составленные М. Х. Алешковским и М. А. Вороновой, выделяли в ней два основных элемента — внутреннюю конструкцию из дубовых городней и глиняную кровлю, или «замок». В ходе раскопок 1996 г. было установлено, что дубовые городни являются частью самостоятельного сооружения, а именно деревянной оборонительной стены. Аргументация этого вывода приведена в публикации результатов раскопок. Глиняный массив имеет собственную армирующую конструкцию, расположение которой ориентировано на современную планировку этой части кремля. Этап укладки глиняного массива означал прекращение функционирования дубовых стен, оставшихся под глиняной насыпью в частично разобранном виде. Одновременно эти работы привели к полной перепланировке участка, связанной, вероятно, с началом каменного строительства на Владычном дворе.

В свете новых данных об устройстве древнейших укреплений Детинца, представлявших собой деревянные стены, существенно облегчается задача определения их границ. Фрагменты дубовых городней зафиксированы практически по всей napольной стороне: у Владимирской башни (Алешковский, 1957, 1960 гг.), под прясом стены между Федоровской и Владимирской башнями (Алешковский, 1957, 1959 гг.), на участке между круглыми башнями (Алешковский, 1958 г.), у Митрополичьей башни (Мантейфель, 1947 г.), у Лихудова корпуса (Понсов, 1980–81 гг.; Воронова, 1985 г.; Трояновский, 1996 г.). Вполне очевидно, что от Митрополичьей до Владимирской башен каменные стены повторяют очертания древней линии укреплений (см. рис. 1). Неоднократными раскопками у Лихудова корпуса установлено, что направление городней здесь расходится с направлением кремлевской стены и уходит в глубь кремля под углом около 30°. В объяснении этого факта может помочь созданная в последние годы модель палеорельефа кремля⁸ (Петров, Трояновский, 1996 г.). На ней отчетливо видно направление древнего оврага, пересекавшего территорию кремля по направлению СЗ — ЮВ. На модели палеорельефа северный борт этого оврага пересекает западную линию кремлевских стен несколько к югу от здания Лихудова корпуса и далее направляется к известному понижению у Боярских водяных ворот (рис. 1). Древнейший Детинец, занимавший северную половину кремля, с юга и юго-запада был ограничен этим оврагом, имевшим значительную глубину. Как раз по северной кромке оврага должна была проходить деревянная стена и ее отклонение к востоку у Лихудова корпуса прямо указывает на это.

Существуют дополнительные источники, позволяющие наметить южную трассу стены. На них указала Л. И. Петрова в недавно опубликованной статье, посвященной культурному слою Новгородского кремля⁹. В 1956 г. Н. А. Чернышев при наблюдениях за устройством фундаментов котельной Епархиального дома зафиксировал на глубине 4,2 м дубовые лаги толщиной до 24 см, перекрытые слоем насыпной глины бурого-желтого цвета¹⁰. Описываемый им участок находится в 70—75 м от раскопа 1996 г. и укладывается в намеченную поворотом городней у Лихудова корпуса трассу стены.

Следующим пунктом, который позволяет локализовать южную линию дубовых стен, является участок кремлевской территории у памятника «1000-летие России». Ранее указывалось¹¹, что при устройстве котлована под памятник В. С. Передольский на значительной глубине наблюдал «угол здания, рубленого из дуба, почерневшего и отвердевшего настолько, что мешавшую основанию памятника часть пришлось отбивать ломом»¹². Уже на основании этого наблюдения можно предполагать, что под основанием памятника оказался фрагмент городни. В пользу такого предположения свидетельствуют и другие описания стратиграфии этого участка. В 1860 г., в самом начале работ по устройству фундамента под памятник, на месте предполагаемого строительства был заложен пробный шурф. Результаты исследований изложены в рапорте генерал-майора Евреинова, занимавшего должность Строителя памятника, от 28 июня 1860 г.: «Ныне по производству подробного исследования грунта оказывается, что он состоит из верхнего наносного щебенистого слоя, толщиной до 9/2 фут, прикрывающего черноземный слой, которого толщина до 7/2 фут с прослойкой дуба; под этим слоем находится слой в 2/2 фута жидкой желтоватой глины, далее встречается глина красноватая, средней твердости, переходящая в более крепкий глинистый, несколько песчаный слой...»¹³. Дополнением к рапорту служит схематичный рисунок стратиграфии шурфа, также подписанный рукой Евреинова¹⁴ (см. рис. 2). Из описания и рисунка следует, что на глубине 2,5 м в шурфе начался культурный слой, в котором выделена «прослойка из дуба» полуметровой толщины. Общая мощность культурного слоя составила 2,2 м и материк из «жидковатой желтой глины» открылся на глубине 4,8 м. Прослойка с дубом залегала на отметках -312 — -358 см от поверхности. Из описания следует, что в шурфе оказалась не часть конструкции, а только отдельные бревна и их части, названные «прослойкой». Это вполне понятно, так как южный участок деревянной стены должен был подвергнуться наибольшей разборке при расширении границ Детинца. К такому выводу в свое время пришел М. Х. Алешковский, после того, как обнаружил в раскопе между Златоустовской башней и Воскресенской аркой дубовые бревна с врубками, совершенно аналогичные бревнам из городней у Владимирской башни. «Вероятнее всего, что при расширении кремля в 1116 г. был «раскопан» его южный вал 1044 года, причем глина из вала пошла на засыпку оврага у этих

стен», — писал Алешковский в 1962 г.¹⁵

Если сопоставить свидетельство Передольского, как будто бы описывающего фрагмент городни, с описанием шурфа 1860 г., то ситуация в котловане под памятник очень напоминает ситуацию в раскопе 1996 г., где к востоку от сохранившейся тыльной части городни был вскрыт горизонт, или, выражаясь языком XIX в., «прослойка» из целых и обломанных дубовых лежней, оказавшихся вытащенными из конструкции и брошенными рядом 16. Все это позволяет продлить предполагаемую трассу деревянных стен до памятника «1000-летие России», южная часть которого приходится на северную кромку древнего оврага.

Таким образом, невыясненным остается контур восточной и юго-восточной части стен между Владимирской башней и памятником. Надежной точкой привязки могло бы служить местонахождение надвратной церкви Положения Ризы и Пояса Пречистой Богородицы, построенной владыкой Мартирием в 1195 г.: «заложи церковь камяну на городьных воротех боголюбивыи архепископ новгородскыи Мартурии в имя святыя богородиця Положение ризы и пояса». Мы не можем утверждать, что ее место точно совпадало с существовавшей позднее Пречистенской башней и нынешней аркой. В то же время, в практике церковного строительства нормой признавалось сохранение алтарного места при перестройке храма. Модель палеорельефа также подтверждает возможность существования надвратной церкви на месте Пречистенской арки: как раз по этому месту проходит горизонталь 24 м, на которой расположены остатки городней к югу от Владимирской башни и под памятником «1000-летие России». Наконец, раскопками В. Н. Гусакова в 22 м к западу от Пречистенской арки были вскрыты остатки двух улиц. Одна из них, названная автором «пробойной», пересекала кремль по направлению запад-восток, а вторая, появившаяся не ранее XIV в., подходила к ней с юго-запада¹⁸. Открытые настилы имели от 4 до 7 ярусов мостовых, причем нижний ярус «пробойной» улицы залегал всего на 0,6 м выше уровня материка. Обе мостовые были ориентированы в направлении существующего восточного входа в кремль, что, по нашему мнению, позволяет утверждать о неизменности планировки этого участка. Окончательная локализация церкви 1195 г. возможна только после проведения на этом участке раскопок. Пока же, на основании изложенных аргументов, предположим, что надвратная церковь 1195 г. была встроена в систему дубовых городней и оформляла восточный вход в Детинец.

Наиболее сложной выглядит ситуация на участке от Пречистинских ворот до Владимирской башни. Однако и здесь есть отдельные детали, позволяющие реконструировать трассу стены. В шурфе 1960 г. у южного фасада Владимирской башни была вскрыта лицевая наружная стенка городней, описание которой также дано в статье Алешковского: «лицевая стенка городни вала, срубленная из пяти венцов, с тремя поперечными стенками клетей, на концах бревен которых также имеются курицы... Все курицы отесаны с исключительной тщательностью, будто не предполагалось засыпать их землей (курсив мой — С. Т.)»¹⁹. Направление городней отчетливо показывает, что деревянная стена проходила гораздо ближе к берегу Волхова, чем современная кремлевская стена. Глядя на модель палеорельефа, становится понятным, почему каменная стена оказалась отодвинутой к западу. Разрушительная работа реки отчетливо прослеживается по резкому падению горизонталей на этом участке (см. рис. 1). Процесс подмывания берега зафиксирован и летописными сообщениями. В частности, под 1437 г. сообщается: «Той весне вода подмывала у Дитинца город, и оползевала земля от стены, и падеся стена камена и колокольни-ца от Волхова»²⁰.

В раскопе 1995 г. у Софийской Звонницы нами был вскрыт горизонт планировочных отложений, связанных со строительством существующей кремлевской стены. Непосредственно под ним залегал стратиграфический комплекс, датированный на основании вещевого материала X—XI вв. (многочисленные фрагменты плинф, односторонний роговый гребень дл. 19,5 см, раннегончарная керамика)². Если ограничить время строительства стены XIV—XV вв., то мы получаем двухсотлетний разрыв между двумя указанными горизонтами. Логично предположить, что отсутствующие слои были смыты речными водами при неоднократных весенних паводках. Эта версия подтверждается и наблюдениями над стратиграфией ранних слоев, которые имели «размытые» контуры в плане. Поверх остатков древних сооружений и слоев залегали прослойки серо-желтого песка и промытого культурного слоя, что очень напоминало береговые речные отложения²². Вместе с культурными отложениями частичному или полному разрушению могла подвергнуться и береговая линия деревянных стен. Летопись неоднократно сообщает о сносе Волховом городен великого моста²³. Такая же участь постигла и первую каменную стену на этом участке, разрушенные остатки которой были обнаружены еще М. Х. Алешковским и детально исследованы А. Н. Кирпичниковым на протяжении 60-ти м в 1981 г.²⁴

Можно попытаться смоделировать очертания восточной линии городней, опираясь на характер планировки древней крепости. Все известные фрагменты городней находятся на практически одинаковом удалении от Софийского собора и образуют в плане круг с радиусом 115–120 м, исходящим из центра собора. Если замкнуть участок от Владимирской башни до Пречистенских ворот дугой с таким же радиусом, то получится, что максимальное удаление деревянных стен от существующей каменной преграды составляет около 30 м.

Реконструируемый таким образом периметр дубовых стен Детинца достигает 750 м, а внутреннее пространство крепости при такой конфигурации укреплений имеет площадь свыше 4500 кв. м. Круглая форма укреплений Детинца находит многочисленные аналогии в древнерусском материале²⁵. По мнению П. А. Раппопорта, широкое распространение этот тип планировки крепостей получает в XII—XIII вв. Одним из отличительных признаков подобных фортификационных сооружений является наличие в них как связи с рельефом местности, так и элементов предварительной планировки территории. Действительно, оборонительные стены Детинца лишь в северо-западном и северном секторах идут по сравнительно ровному и возвышенному участку местности, являющемуся подножием «Софийского» холма. Юго-западная, южная и восточная участки стены проходят по складкам местности, образованным кромкой оврага

и берегом реки. Можно предположить, что перед началом возведения деревянных стен, была произведена нивелировка местности при помощи грунтовых массивов. Наличие такого планировочного слоя подтверждается материалами раскопок М. Х. Алешковского между Владимирской и Федоровской башнями²⁷. В раскопе 1996 г. культурный слой под дубовыми клетями также имел строго горизонтальную поверхность.

Установленное существование дубовых стен Детинца ставит новый вопрос, связанный с относительной недолговечностью деревянных сооружений. Даже с учетом особой прочности дуба, период существования стены вряд ли мог превышать 60-70 лет. При расчистке стенок городни в раскопе 1996 г. были встречены два бревна хвойных пород, впущенных в верхние венцы дубовой конструкции. Подобные вставки скорее всего отмечают ремонты стены. Тем не менее, основная часть изученной конструкции не сохранила видимых перестроек и поновлений. Может быть, это связано с тем, что исследованию подверглась тыльная часть сооружения, являющаяся, например, одним из этапов расширения некоей первоначальной конструкции. Подобные примеры хорошо известны. В качестве аналогичного сооружения, состоящего из пяти этапов наращивания ширины и высоты деревянных стен, можно назвать стены Старой Рязани, причем ранее все сооружение трактовалось как земляной вал с внутренними конструкциями²⁸.

Не исключено, что именно об увеличении параметров фортификационного сооружения (ширины и высоты) сообщает Новгородская первая летопись под 1116 г.: «в то же лето Мьстислав заложил Новгород болии първаго»²⁹. Это сообщение традиционно связывалось с расширением территории Детинца на юг, до современных размеров кремля. Традиция оформилась еще в трудах краеведов и историков XIX в., но получила новое

развитие благодаря раскопкам 1941 г., обнаружившим глиняную насыпь у Никитского корпуса. Последний факт приобрел особый смысл в трудах А. Л. Монгайта, который в 1950-е гг. был научным консультантом реставрационных работ в Новгородском кремле.

Именно он высказал мнение о возможном существовании древних валов, на которых началось строительство каменного Кремля «по старой основе» в 1484 г.³⁰ Эта идея была поддержана М. Х. Алешковским, который рискнул связать обнаруженные в ходе его раскопок дубовоземляные сооружения с историографической традицией. О том, что над исследователем довлели известные летописные даты красноречиво свидетельствует текст его первого отчета, в котором описывается обнаруженная конструкция вала в южной части кремля, у Дворцовой башни: «Дата вала — 1044 или 1116 г. Судя по толщине погребенной почвы и ранней керамике, не идущей дальше середины XI в., по находке мелкого рубчатого бисера в глине вала — перед нами скорее вал 1044 г., чем 1116 г. Точная дата раскопного вала может быть установлена лишь после раскопок в северной части Детинца».³¹

Действительно, раскопки в северной части Кремля открыли еще одно сооружение «вального» типа, но, как мы показали выше, его интерпретация оказалась некорректной. Тем не менее, появившиеся на свет «вал 1044 г.» и «вал 1116 г.» прочно заняли свое место в исторической литературе последующих лет.

На наш взгляд, в настоящее время ни археологические материалы, ни летописные указания, сами по себе не в состоянии обеспечить надежную датировку оборонительных систем Кремля. Признавая за Детинцем роль важнейшего общественного центра Новгорода, надо полагать, что строительство его укрепления, равно как и увеличение территории, диктовались не только развитием, фортификационной техники, но и определенными процессами в социально-политической жизни города. Строительство или перестройка городской крепости должны быть взаимосвязаны с общим ходом градостроительных процессов, с эволюцией административно-политической системы Новгорода. Прежде чем искать датировку укреплений Детинца на страницах летописей, необходимо сначала выделить вероятный хронологический период, маркированный признаками активизации крепостного строительства. К числу таких признаков можно отнести общий подъем строительной активности, этапы реформирования административных институтов города, ухудшение внешнеполитической ситуации и т. п.

1 Алешковский М. Х. Новгородский Детинец 1044—1430-х гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследие. № 14. М., 1962. С. 25.

2 Трояновский С. В. Археологические наблюдения за восстановлением участка стены Новгородского кремля между Спаской и Княжьей башнями в 1994 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 12-15.

3 Стеценко Н. К. Раскопки в Новгородском кремле (на месте обрушения прясла Спаская-Княжья башни) // НиНЗ. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 27.

4 Трояновский С. В. Археологические наблюдения... С. 15-16.

5 Алешковский М. Х. Новгородский Детинец... С. 8-11; Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НиНЗ. Новгород, 1988. С. 73-75.

Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К. Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // НиНЗ. Вып. 11. Новгород. 1997.

Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НиНЗ. Новгород, 1989. С. 74.

Петров М. И., Трояновский С. В. Моделирование палеорельефа исторической территории на примере Новгородского кремля // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1997. С. 108-113.

Петрова Л. И. О культурном слое Новгородского кремля // Новгородский исторический сборник № 5(15). СПб., 1995. С. 23.

1 Чернышев Н. А. Отчет по археологическим наблюдениям за земляными работами при рытье траншеи для фундаментов

- при реконструкции театра драмы в Новгородском кремле за январь 1956 г. // Архив НДППИ «Спецпроектреставрация» Ш. 0090. 1956. № Р-215. Л. 3-4.
- Петрова Л. И., Трояновский С. В. Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля // НИС. № 5(15). СПб., 1995. С. 67.
- 12Передольский В.С. Краткий очерк состояния Велико-Новгородской старины в 1889 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1910. Вып. 3. С. 11.
- 13РГИА. Ф. 207, опись № 3, д. 115, лл. 41-об, 42, 42-об.
- 14РГИА. Ф. 207, опись 3, д. 115, л. 35.
- 15Алешковский М.Х. Новгородский Детинец... С. 15.
- 16Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К. Раскопки... С.16-17.
- 17НПЛ. М. — Л.. 1950. С. 41-42.
- 18Гусаков В. Н. Исследования в Новгородском кремле в 1989 г. // НиНЗ. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 21.
- 19Алешковский М.Х. Новгородский Детинец... С. 9.
- 20НПЛ. С. 419.
- 21Трояновский С.В., Корчагина Л. А. Раскопки в Новгородском кремле в 1995 г. // НиНЗ. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 15—16.
- 21 Там же.
- 22См. например: НПЛ. С. 413, 419.
- 23Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. Вып. 5(15). СПб., 1995. С. 82—84.
- 24Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л., 1956, С. 39—44; Он же. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. М.-Л., 1961. С. 14-24; 40-41.
- 26Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. С. 62-63.
- 27Алешковский М.Х. Новгородский Детинец... С. 8.
- 28Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 96-103.
- 29НПЛ. С. 20,204.
- 30Монгайт А.Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 31. С. 58.
- 31Алешковский М. Х. Отчет об археологических разведках к проекту реставрации Новгородского кремля (август-октябрь 1956 г.) // архив ЦНРПМ. № 2/478. С. 65-66.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(46\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Продаю сруб дома](#)

10*8*3 (сосна) с балками и стропилами, антисепт. обраб. Цена 180 тыс.руб.

[Адрес и телефон](#) · Москва

[Срубы из Вологды. Северный лес.](#)

Строганое или оцилиндрованное бревно, отборный крупный северный лес, скидки.

www.domastroim.ru · Москва

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.

www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. Проблемы их сложения и эволюции

(по материалам Троицкого раскопа)

Н. Н. Фараджеева

Археологические исследования, ведущиеся в течение последних трех десятилетий на территории Людина конца древнего Новгорода (Троицкий раскоп), значительно дополнили источниковедческую базу для изучения городского домостроительства северо-западной Руси. В слоях, датированных серединой X — пер. пол. XV вв. выявлены остатки 750 срубных построек различной степени сохранности: 655 из них оказались пригодными для статистической обработки.

Значительный приток новых данных в результате исследований последнего времени и хорошая сохранность нижних строительных горизонтов Троицкого раскопа позволили вновь обратиться к проблемам происхождения и сложения отдельных типов построек и проследить их эволюцию в системе разновременных усадебных комплексов.

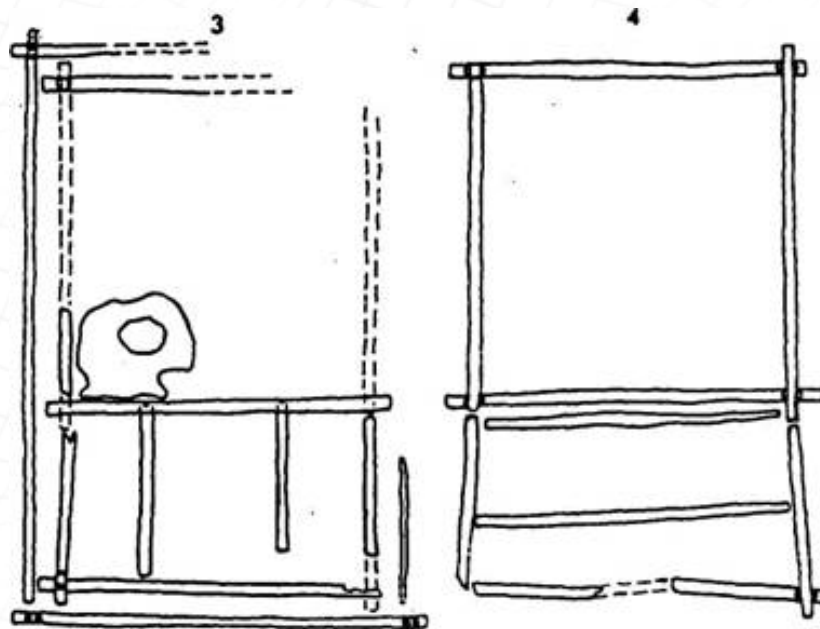
При работе с массовым материалом весь массив срубных строений был разделен на три группы, согласно плановой структуре: были выделены четырехстенные, пятистенные и шестистенные дома.

Пятистенные постройки представляют собой прямоугольные в плане сооружения, внутреннее пространство которых разделено

капитальной бревенчатой стеной на две камеры. Расположение пятой стены обуславливает пропорции образовавшихся камер: в одних постройках основная камера, подквадратная в плане сильно превосходит другую по площади. Меньшая камера при этом является проходным помещением и чаще всего используется в качестве сеней (постройки подгруппы А). В других постройках (подгруппа Б) площадь меньшей камеры сильно увеличена, иногда размеры камер практически равнозначны. Как правило, подобные строения отличаются от построек подгруппы А более вытянутыми пропорциями.

При характеристике назначения и роли сооружения в системе усадебной застройки немаловажным признаком оказывается размер строений. В предыдущих работах были предложены единые критерии для всех срубных строений, независимо от их плановой структуры.¹ Использование математико-статистических методов при обработке массового материала позволило несколько уточнить величинные характеристики при разделении пятистенных в зависимости от их размеров и выделить следующие величинные категории: малые (менее 32,5 кв. м.), средние (32,5 — менее 60 кв. м.) и большие (60 — менее 85 кв. м) дома. Кроме того единичные постройки, площадь которых превышает 85 кв. м условно обозначены как дома выдающихся размеров.

Пятистенные постройки составляют одну седьмую часть от всех срубных строений Троицкого раскопа, однако, несмотря на их сравнительно небольшое число, роль, которую они играют в системе усадебных комплексов весьма велика: начиная с конца X и вплоть до середины XIII в. пятистенные срубы подгруппы А, среднего и большого размера, являются основными владельческими постройками на новгородских усадьбах, а проблемы их происхождения, сложения и реконструкции и поныне остаются предметом оживленных дискуссий. Одни исследователи (А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, В. П. Петренко) обращали внимание на сходство этих построек с большими домами Старой Ладогой.² Другие (П. И. Засурцев), отмечая типологическое единство указанных строений, объясняли его единообразием строительной культуры древнерусских городов вообще.³ Третьи (С. Л. Кузьмин., Н. И. Петров) — отрицали какое бы то ни было сходство данных ладожских и новгородских построек.⁴



Различие приведенных выше точек зрения объяснялось, в частности, фактом отсутствия в Старой Ладогге целно-рубленных пятистенных, а при ранних новгородских домах среднего и большого размера привходных конструкций в виде настилов — помостов или трехстенных (стены которых прикладывались без всякого крепления к стенам основного сруба), сходных с ладожскими.

Исследования последних лет позволили полнее представить ранние формы новгородского жилища, выделить неоднородные по конструкции двухчастные строения, позднее унифицированные и трансформировавшиеся в целнорубленные пятистенные ассиметричного плана. Все это позволило рассматривать процесс сложения целнорубленных пятистенных как процесс включения в общий объем здания привходных конструкций, а не как результат деления вытянутых построек посредством капитальных перегородок. Высказанные предположения проиллюстрируем на конкретном археологическом материале.

Группа двухчастных построек раннего времени, открытых на Троицком раскопе, довольно многочисленна: они составляют около 40% от всей застройки. Преобладают дома малых размеров (их известно 9), размерами не менее 24 кв. м. Построек средних размеров насчитывается 6. С большой долей вероятности все они могут быть отнесены к жилым строениям, о чем свидетельствуют следующие признаки: наличие уплотнительных желобков в бревнах, слагающих стены срубов, остатки во многих домах отопительных устройств, наличие фундаментных площадок под основаниями домов, наличие привходных конструкций или сеней.

Среди построек X в. лишь три являлись целнорубленными пятистенными (VI-28-61*, VII-25-71, VIII-26-122. Рис. 1-1). Возможно, такую же конструкцию имели еще два дома плохой сохранности (VII-26-73, VII-26-75). Причем, все они датируются последней четвертью X в. и не могут быть связаны со временем заселения. К самому раннему строительному ярусу относится постройка VIII-28-135. Однако, она не была целнорубленной: нижнее бревно в месте соединения основного помещения с сенями было состыковано «в закрой» — способ, при

котором концы смежных бревен выбирались на одну вторую окружности и затем совмещались.

* Первая цифра обозначает номер раскопа, вторая — строительный брус, третья — номер постройки. В случаях, когда сруб исследовался на площади двух смежных раскопов, даны оба его номера через дефис.

Никак не скреплены со стенами основной камеры сени построек X-28-136 Троицкого и Г26Ш Неревского раскопов (Рис. 1-3, 1-4), представляющие собой трехстенные прирубы. Часто, когда размеры и пропорции построек удается проследить, способ соединения основного и привходного помещения остается неясным из-за недостаточной сохранности материала. В ряде случаев о структуре постройки можно судить лишь по остаткам околосрубных конструкций — обвязкам или обноскам, посредством которых укреплялись земляные подсыпки, подведенные под основания жилых построек раннего времени. Взаиморасположение обвязки (обноски) и сруба внутри нее позволяет говорить о двухчастной структуре некоторых построек: основной четырехстенный сруб смещен к боковой стене обноски так, что оставляет достаточное пространство для устройства привходной конструкции. Иногда при удовлетворительной сохранности основного сруба привходные конструкции практически не сохраняются, что ставит под сомнение их основательность: вряд ли такие дома можно считать цельнорубленными пятистенами (X-29-140, рис. 2-2).

Кроме цельнорубленых сеней и сеней в виде трехстенных, при некоторых постройках обнаружены уложенные параллельно передней стене бревенчатые лаги, служившие, видимо, опорами для привходных настилов-помостов (VIII-28-137, VIII-27-129 Троицкого, И25Б Неревского раскопов. Рис. 2-1). Подобные помосты, также как и трехстенные прирубы, хорошо известны при постройках Старой Ладogi. В этой связи уместно упомянуть постройку K27A, средних размеров открытую на Неревском раскопе, с хорошо сохранившимся помостом, которая по ряду признаков (в том числе, по внутренней планировке, одинаковому устройству пола, фундаментной площадке с обноской, размерам) — является полным аналогом одного из домов сер. IX в., обнаруженных в горизонте E2 Старой Ладogi (рис. 3-1, 3-2). Хорошо сохранился настил-помост и у постройки E27A Неревского раскопа.

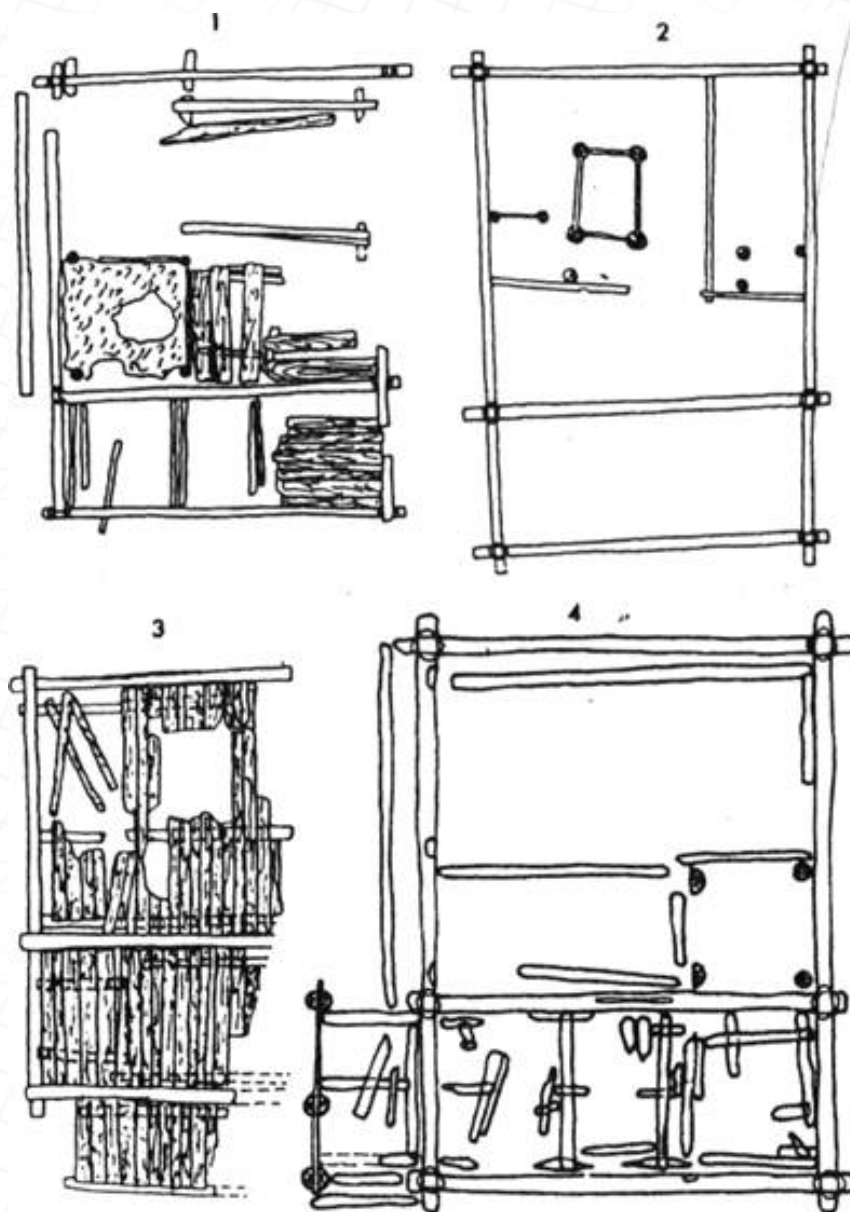
Перечисленные выше факты позволяют говорить о многообразии конструкций двухчастных построек раннего Новгорода, где наряду с цельнорубленными пятистенными срубами (датируемыми последней четвертью X в.) широко распространены дома с трехстенными прирубами и привходными настилами-помостами. По общему набору признаков и назначению данные постройки не отличаются от цельнорубленых пятистенных.

Благодаря сделанным наблюдениям, можно говорить о X - начале XI вв. как о времени, когда отчетливо прослеживается процесс унификации, приведший к постепенной замене многообразных двухчастных строений цельнорубленными пятистенными срубами. Процесс этот проходит одинаково, как для малых построек, так и для домов среднего и большого размера (большие дома с помостами известны на Неревском раскопе), и является определенным этапом формирования единой строительной культуры древнего города. Кроме того, обнаружение в ранних слоях Новгорода построек стоящих на фундаментных площадках с сенями в виде трехстенных или настилов-помостов, позволяет еще раз отметить сходство ладожского и новгородского домостроительства.

В первые десятилетия XI в. составные постройки практически полностью вытесняются цельнорубленными пятистенными домами, составляющими около 41 % от всех усадебных строений этого времени. В первой половине XII в. их число несколько сокращается до 27.5%. Начинает проявляться дифференциация построек: пятистенные среднего размера, а их большинство (75% от всех домов данной подгруппы), остаются основными жилыми постройками на усадьбах (половина из них сохранила остатки печей). Появляются отдельные сооружения больших (IX-20-161, IX-17. 16-120. Рис. 4-4) и выдающихся (IV-21-57, X-20-102-VIII-14-82) размеров. Малые постройки при этом служат второстепенными жилыми домами, или используются в качестве складских (IX-21-163), или хозяйственных (VI-22-45): остатки печи обнаружены лишь в одной малой постройке рассматриваемого периода (X-21-115). Характерно, что малые пятистенные тяготеют к хозяйственным зонам усадеб (VI-22-45, IX-22-174).

Традиция сооружения фундаментных площадок, известных с момента заселения, постепенно вытесняется другой технологией. В качестве фундаментов используются остатки предыдущей застройки или многочисленные бревенчатые подкладки, подведенные как под стены сруба, так и под лаги пола, появляется прием врубки переводин в стены домов.

Укладка переводин непосредственно на землю в жилых постройках раннего времени обуславливала формы отопительного устройства: поды ранних новгородских печей были лишь немного приподняты над уровнем пола, в ряде случаев совпадая с ним (в домах X-29-140, X-30-149 поды в виде прокаленной глины лежали на невысоких песчаных подушках). Позднее, в связи с увеличением подпольного пространства в результате укладки переводин на подкладки, крепления их посредством врубок, увеличивается и высота опечков. Наибольшее распространение получают столбовые опечки, изредка встречаются печи-каменки в виде оснований из крупных булыжников (IX-22-165. Рис. 4-3) или развалов камней, лежащих поверх глинисто-песчаных подсыпок. Известны и бревенчатые вымостки-накаты, подведенные под основания печи (VIII-14-76 — X-17-99). Печи занимают один из ближних ко входу углов в основное помещение. Расположение отопительного устройства в центре камеры крайне нехарактерно для пятистенных срубов Людина конца древнего Новгорода: известно лишь три подобных строения (X-25-125, X-20-18-98, IX-20-153 Рис. 4-2, 4-3). Вероятно, они являлись отапливаемыми подклетами, используемыми в качестве подсобных помещений или домашних мастерских (в одной из них обнаружен развал печи, видимо, упавшей с уровня второго этажа, в другой — выгородки каркасно-столбовой конструкции), и имели верхний жилой этаж, однако большинство пятистенных XI — пер. пол. XII вв. оставались одноэтажными.

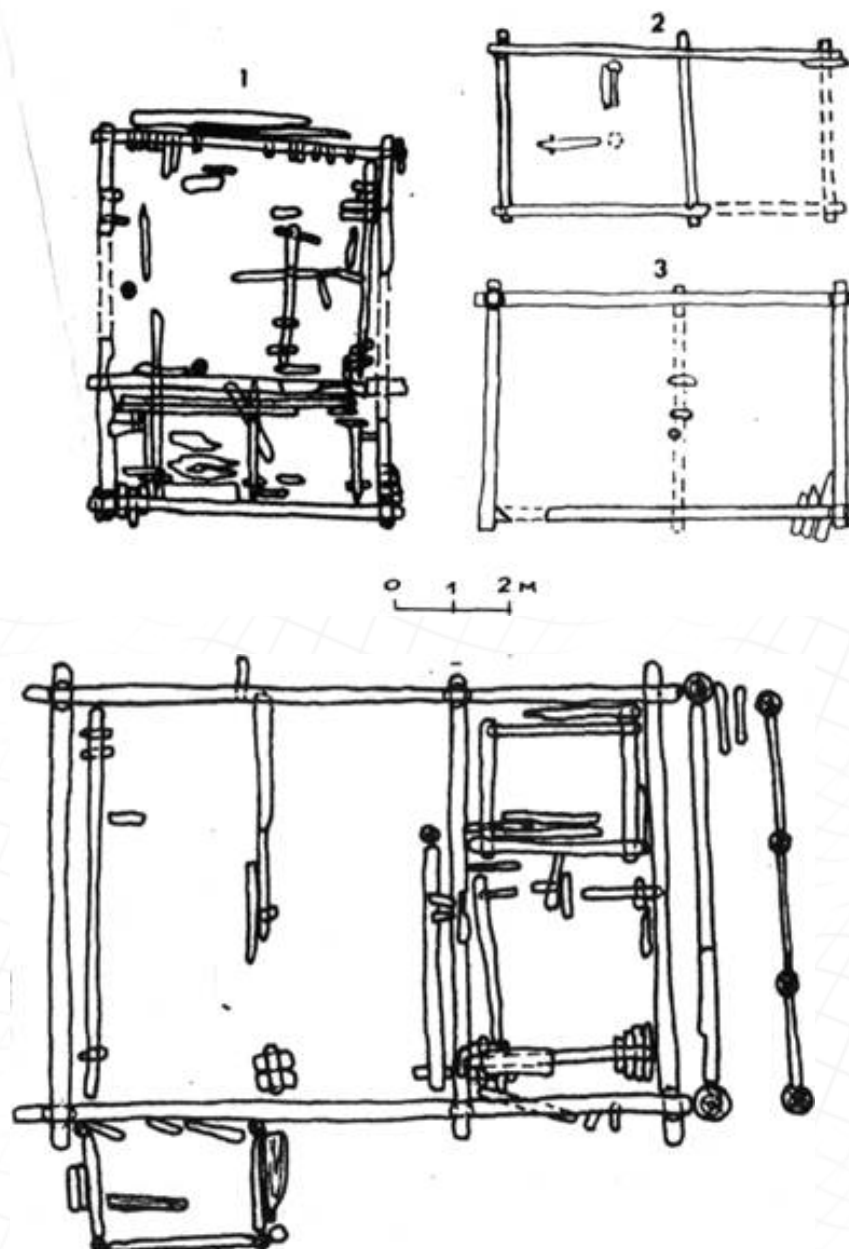


На протяжении последующего времени, во второй половине XII-XIII вв., происходят существенные изменения в системе усадебной застройки в целом: заметно сокращается доля Пятистенных срубов (до 18%) при одновременном увеличении Числа четырехстенных средней площади, используемых в качестве Дилищ. На исследуемом участке города известно всего семь пятистенных, относящихся ко второй половине XII в. Пять из них являются постройками больших размеров: это богатые владельческие дома. Относительно трех из них (IV-18.15-45, IX-15-131, X-18-88-VIII-11, 12-49) можно с значительной степенью достоверности утверждать, что они были развиты в высоту: одни постройки (IX-15-131, X-18-88-VIII-11, 12-49) сохранили развалы рухнувших со второго этажа печей, другие — отопительное устройство, расположенное в торце меньшей камеры: нижний этаж использовался для ремесленных нужд. Аналогичным образом выглядела, видимо, и большая постройка X-20-102 — VIII-14-82 середины XII в. (Рис. 5-1,5-2).

Начиная с XIII в. размеры пятистенных срубов заметно сокращаются. Основная масса пятистенных (80%) представлена домами средних размеров. Выявлен лишь один дом выдающихся размеров (IX-13-106-X-16-82, 117.6 кв. м.), относящийся к началу XIII столетия. Большие постройки этого периода на территории Людина конца неизвестны. Лишь четверть пятистенных XIII в. сохранила остатки печей, расположенных в углу основной камеры — факт, который косвенным образом может свидетельствовать о распространении высоких неотпливаемых подклетов. Для сравнения можно сказать, что остатки отопительного устройства фиксируются у 77% пятистенных XII в.

Распространение новых принципов планировки и компоновки усадебных строений приводит к заметному сокращению, а начиная с XIV в., к полному исчезновению пятистенных срубов подгруппы А. В слоях XIV в. выявлен только один дом средних размеров подобной планировки (X-8-33. Рис. 6-1). Особенностью данной постройки является отсутствие чашек-врубков в нижних венцах дома для крепления пятой внутренней стены — переруб, видимо, был сделан несколько выше. Согласно этнографическим данным, подобный прием встречается в жилой архитектуре русского Севера XVII-XVIII в.5

Использование данного приема отчетливо демонстрирует трансформацию пятистенных строений подгруппы А, прошедших долгий путь, в начале которого основное помещение воспринималось как ядро постройки, меньшее — как второстепенное.



Внутренняя стена при этом, даже в цельнорубленных домах, чаще всего была несущей. В позднее время сруб воспринимается уже как единый объем, внутренняя пятая стена превращается в капитальную перегородку.

Совершенно по-иному складываются пятистенные постройки подгруппы Б, пятая, внутренняя стена которых делила внутреннее пространство на две, как правило, асимметричные, но близкие по площади камеры (IX-7-44, IX-6-23. Рис. 6-2, 6-3). Их никоим образом нельзя сопоставлять с пятистенами подгруппы А и рассматривать в качестве одного из их поздних вариантов. Отличающиеся по внутренней планировке и пропорциям (более вытянутым), малые, редко — средние пятистены подгруппы Б чаще всего использовались в качестве хозяйственных или второстепенных жилых строений на усадьбах.

Имеют они и свой путь развития. Вполне вероятной представляется нам следующая версия их возникновения. Крайне немногочисленные сооружения данной подгруппы появляются на новгородских усадьбах лишь во второй половине XII-XIII вв., во время, когда начинает проявляться тенденция к объединению однокамерных клеток в составе сложных хоромных комплексов.

Скорее всего, данные постройки сложились в результате трансформации двоек — двух близко поставленных и объединенных общим перекрытием срубов. Неслучайно, оба помещения в подобных домах могут рассматриваться как равнозначные и иметь самостоятельные входы, обеспечивающие их изолированность (И18Л Неревского раскопа). Со временем пятая стена в таких постройках также превращается во внутреннюю перегородку, членящую общий объем сруба: иногда присутствию можно судить лишь по поперечным подкладкам

1 Фараджеева Н.Н. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова). Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 1992. С 58; Фараджеева Н. Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода. Славянский средневековый город. Труды VI

Международного Конгресса славянской археологии. Том 2. С. 402.

2 Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Петренко В. П. Некоторые итоги изучения средневековой Ладogi. Новое в археологии северо-запада СССР Л., 1985. С. 50.

3 Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. М. 1963. С. 11, 163

4 Кузьмин С. Л., Петров Н.И. «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв. Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 63; Петров Н.И. Некоторые городские домостроительные традиции Северо-Западной Руси. Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торонец, 1990, С. 91.

5 Жегалова С.К. Крестьянское жилище Русского Севера XVII- XVIII вв. Альманах «Памятники Отечества». № 1. М., 1966, С. 141.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Детские игры и игрушки](#)

Игрушки, пазлы, конструкторы, кубики, настольные игры с доставкой на дом!
www.labirint-shop.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Детские игрушки из Новгорода

(классификационный обзор археологических находок)

А. С. Хорошев

В массе бытовых находок новгородских археологов заметное место занимают детские игрушки. Они обнаружены массовыми сериями внутри всех стратиграфических средневековых напластований, то есть датируются серединой X- серединой XV вв. Единичных экземпляров немного, но и они включены в классификационный анализ.

Вся разнообразная и многочисленная категория детских игрушек может быть разделена на два класса (табл. 1.): индивидуальные и коллективные, подразумевая в последнем предметы, используемые для соревновательных игр. Класс индивидуальных игрушек, уступая второму классу количественно, разнообразнее в видовом отношении и разделяется на три группы: имитации, изобразительные и игрушки-забавы. Каждая из названных групп представлена отдельными сериями, объединяющими все видовое разнообразие предметов. Группа имитаций представлена двумя сериями: копии оружия (мечи, кинжалы, топор, луки и стрелы) и транспортных средств (лодочки, тележка). Художественно выразительная группа изобразительных игрушек состоит из трех серий: антропоморфные (куклы, воин), зооморфные (коники и единичные изображения животных) и птицы. Группу игрушек-забав представляют две серии: звуковые (погремушки и свистульки) и механические (вертушки). Класс коллективных игрушек в видовом отношении достаточно ограничен: кожаные мячики, деревянные шары и волчки-кубари.

Основным поделочным материалом для изготовления детских игрушек служило дерево, реже глина, есть кожаные предметы, изделия из

бересты, коры. Вполне вероятно использование соломки, лоскутков ткани.

Безусловно, что игрушками, включенными в настоящий классификационный обзор, не ограничивался репертуар детских игр. Наверняка в их числе были настольные: интеллектуальные (шашки, шахматы, мельница), а, вероятно, и азартные (кости). Все они есть в новгородской вещевой коллекции.

I. Имитации.

Среди имитаций вооружения наиболее представительная серия деревянных одноручных двулезвийных мечей — 87 экз. Целый экземпляр найден один (рис. 1:1), который позволяет определять длину клинков детских игрушек — 28 см, при ширине — 5 см.

У остальных мечей клинки обломаны. Зато целых, прекрасно имитирующих оригиналы рукоятей детских мечей с характерными навершиями много. Они являются благодатным материалом для исследователей вооружения. В городских напластованиях находки железных мечей чрезвычайно редки, поэтому используя серию деревянных детских мечей, обнаруженных в четко датированных стратиграфических напластованиях Новгорода, можно выявить типологически-эволюционные изменения боевого оружия средневековых новгородцев. Прделанная несколько лет назад работа по сопоставлению детских мечей с их оригиналами выявила, что они хронологически и типологически полностью соответствуют общеевропейским стандартам.

Детских деревянных кинжалов значительно меньше — 5 экз. Типологически они не столь выразительны, как мечи. Рукояти простые. Длина клинка — 18-25 см (рис. 1:6,7). То, что кинжалов меньше, чем мечей, следует, вероятно, объяснить особенностями детской игры, которая была не столь контактной и решительной, нежели взрослое сражение, и, следовательно, применение имитаций кинжалов (колющего оружия) детьми было эпизодическим.

Той же причиной следует объяснить отсутствие в детском арсенале таких широко употребляемых ударных боевых предметов, как булавы и топоры. Первых нет вообще. Деревянный топор-игрушка всего один (рис. 1:8).

Широко представлены луки (14 экз.). Их изготовление было достаточно простым и доступным мальчишеским рукам: изогнутая можжевелевая ветвь, на концах которой делались зарубки для тетивы. Средняя часть детского лука иногда уплощалась (рис. 1:13). В новгородской коллекции имеются как целые экземпляры (их длина 60-75 см), так и фрагментированные. Впрочем, количество последних, безусловно, было значительно большим, но выявление их в ходе работ на раскопе затруднено.

Для детских луков использовались деревянные стрелы простых очертаний: с заостренным концом, имитирующим наконечник стрелы и выемкой в торце под тетиву (рис. 1:9-12). Деревянных стрел в Новгороде много, но определить в их числе экземпляры для детских луков трудно, учитывая то, что деревянными стрелами пользовались охотники для добычи пушного зверя. Впрочем считают, что стрелки длиной 14-50 см — для детских луков.

В описываемую группу игрушек мы включаем лодочки, сделанные из цельного куска дерева. Отверстие для крепления мачты у игрушек отсутствует, следовательно они не были копиями парусников. Лодочки килевые с четко обозначенными носом и кормой. Игрушки небольшие: длиной, в основном, 7-12 см, но есть игрушки до 22 см, шириной 3-4 см, с неглубокой выемкой по верхней плоскости, схематично передающей внутреннюю лавку. По очертаниям средневековые лодочки напоминают современные морские шлюпы (рис. 1:14-16).



Рис 1. Игрушки-имитации (дерево).

12- мечи; 3-5 - навершия мечей; 6,7 - кинжалы;

13 — лук; 14-16 — лодочки.

8 — топор; 9-12 — стрелы;

Небольшая коллекция лодочек (14 экз.) на наш взгляд не соответствует уровню широкого использования новгородцами этого вида транспорта, что должно было сказаться и на количестве игрушек-имитаций. Возможно, помимо дерева лодочки делались из коры (в новгородской коллекции 3 таких экземпляра, есть подобные находки в других городах) либо из бересты. Но кора в силу слоистости своей структуры сохраняется плохо. Правда, берестяных изделий масса, но в их числе лодочки пока не обнаружены, тем не менее мы убеждены, что они были. Тележка была встречена однажды и, к сожалению, не сохранена.

II. Изобразительные игрушки.

Группу изобразительных игрушек можно разделить на три серии: антропоморфные, зооморфные и изображения птиц.

Антропоморфные игрушки — это в первую очередь деревянные куклы (8 экз.). Они небольшие по размеру (рост большинства 12-17 см), плоскостные, не индивидуализированные либо со слабо обозначенными деталями лица (рис. 2;1-5). Новгородские деревянные куклы, вероятно, были манекенами, которые заворачивали в тряпицы. Поэтому вряд ли их расписывали подобно позднейшим русским деревянным куклам. Следов краски у новгородских кукол не обнаружено.

Среди антропоморфных изображений одна объемная глиняная фигурка воина (рис 2;6). В описываемую серию антропоморфных игрушек мы сознательно не включаем достаточно широко представленные в новгородской вещевой коллекции мужские деревянные объемные фигурки на деревянных стержнях. Вероятно это были домовые духи. Использованию их как игрушек для детей препятствует, на наш взгляд, их нередко чрезмерно увеличенные изображения фаллоса.

В зооморфной серии игрушек наиболее представительны коники. Они трех видов: плоскостные, объемные коники-стояны и лошадки на колесиках (всего 51 экз.).

Первый вариант наиболее характерен для ранних напластований (X — начало XII вв.). В большинстве случаев коники этого вида — плоские фигурки тяжеловесных форм, профилированные в длину туловища (от 10 до 20 см). Изображения лишены какой-либо упряжи. Хвост и грива животных выражена слабо (рис. 2;7-9). Сделанные из тонких деревянных пластин, фигурки были неустойчивыми. Вполне

вероятно, что коники раннего вида изображали рабочих, тягловых лошадей.

Коники следующего вида появились в конце XIII в. Они принципиально отличаются от древних образцов: это объемные (рис. 2; 10-13), выполненные в половину туловища фигурки-стояны, с гривой, с частично либо полностью переданной упряжью верхового коня под седлом (рис. 2; 10, 13). Размеры фигурок невелики (высотой 8-13 см). Возможно подобные коники расписывались под масть животного либо оттеняя упряжь, но пока следов краски на новгородских кониках не обнаружено.



Рис.2. Изобразительные игрушки.

1-6 — антропоморфные: 1-5 — куклы; 6 — воин,
7-20 — зооморфные: 7-9 — коники плоскостные,
14-15 — коники колесные; 16 — лошадь, 1/
19 — бобр; 20 — тюлень;
21-23 — птицы: 21, 22 — утки; 23 — курица-
(1-5, 7-15, 18-23 — дерево; 6, 16, 17, 20 — глина).

Вполне вероятно, что коники-стояны комплектовались в наборы по нескольку экземпляров, что давало возможность ребенку в игре группировать отряды конников, подобно армиям оловянных солдатиков современных детей для имитации боевых сражений.

Выразительно не только видовое отличие архаичных плоскостных изображений тягловых лошадей от объемных верховых коников-стоянов, но и ощутимый хронологический разрыв между двумя группами изображений. Возможно это было связано с переходом от пешего новгородского ополчения к конному войску. (Вспомним, что в знаменитой битве на Липице 1216 г. новгородцы упростили князя биться с противником пешими). Реорганизация новгородской армии по оценкам специалистов произошла в конце XIII в., что практически совпадает с внедрением в набор игрушек коников-стоянов.

Два описанных вида коников были статичными. Игрушечники конца XIII — XIV вв. ликвидировали этот недостаток, поставив коника на колеса. Фигурки коней данной конструкции плоскостные, изображающие животное профилно, на всю длину туловища, в нижней части которого, в местах имитации ног, имелись отверстия для оси с колесиками. Однако конфигурация колесных коников не столь тягеловесна, как у архаичных вариантов. Кроме того у колесных часто изображается седло, детали упряжи, что свидетельствует в пользу признания в них верховых коней, а не тягловых лошадей (рис. 2; 14, 15).

Значительно чаще, чем коники встречаются колесики под них. Это естественно, учитывая, что каждая игрушка имела по две пары

колес. Колеса разные по диаметру, в большинстве случаев 2-4 см.

Помимо серийных находок деревянных коников в Новгороде обнаружены единичные находки глиняных лошадок. Из четырех находок только один экземпляр сохранился достаточно полно. Он изображает запряженного коня. Фигурка покрыта зеленой поливой (рис. 2; 16).

Остальные глиняные коники фрагментированы, сохранились только головы животных. Одна из них сохранила красную роспись.

В коллекции глиняных фигурок есть изображение кентавра. Находка фрагментирована, она была покрыта зеленой поливой (рис. 2; 17).

Изображения других животных в серии зооморфных игрушек единичны, хронологически разрозненны. Есть скульптурки медведя, тюленя, бобра, собаки (рис. 2; 18-20). Голова медведя вылеплена из глины, остальные поделки из дерева.

В группу изобразительных игрушек входит достаточно представительная серия деревянных фигурок птиц (18 экз.). Фигурки объемные, чаще изображающие водоплавающих (уточки и гуси), есть в коллекции курочка (рис. 2; 21-23). Иногда фигурки стилизованы, выполнены из сучков, но больше тщательно изготовленных статуэток, с детально вырезанными головками, резным оперением, имеются следы росписи. Некоторые экземпляры имеют выемки внизу под стояны.

Птицы, в первую очередь, водоплавающие, в славянских верованиях олицетворяли счастье, богатство. Возможно эти фигурки не были игрушками в полном смысле, а были символическими подарками детям, может быть новорожденным. III. Игрушки-забавы.

К данной группе мы относим две серии: звуковые (погремушки, свистульки) и механические (вертушки).

Глиняные погремушки стандартны. Они выполнены в виде небольших уточек (длина 1-6 см, высота 3,5 см, ширина 2 см). Полые внутри игрушки покрывались зеленой либо коричневой поливой, есть полихромные расписные экземпляры. На теле фигурки имеется небольшое отверстие в передней нижней части на спинке. Такие отверстия предохраняли игрушку от трещин при обжиге изделия (рис. 3; 1). Внутри уточки помещался глиняный шарик или маленький камушек, которые при потряхивании гремели. В коллекции из 12 экземпляров есть шаровидная погремушка с пятью отверстиями (рис. 3; 2). В ходе раскопок 30-х годов на Славне была обнаружена специальная мастерская по изготовлению погремушек.

Помимо глиняных погремушек бытовали берестяные «шаркуны» — сплетенные из берестяных полос. Игрушки полые, внутри них находится глиняный шарик или камушек (рис. 3; 3). Подобные берестяные игрушки до сих пор изготавливаются в Новгородской области.

Глиняные свистульки очень похожи на погремушки, впрочем как и на современные сувениры. Они отличаются от погремушек отсутствием в полости игрушки шарика и, главное, дополнительным отверстием для выдувания из игрушки звука (3; 4, 5). Безусловно, в ходу были и тростниковые свистульки.

Вертушки (эту игрушку называли также «вертушка» — от слова «ветер») похожи на пропеллер, насаженный на неподвижную или вращающуюся ось. Размах крыльев пропеллера от 16 до 24 см. В движение игрушка приводилась силой ветра (рис. 3; 6). Изображения вертушек сохранились на некоторых новгородских иконах, где они восьмиполостные, разноцветные. Примечательно, что они связаны с иконографическим сюжетом — Рождеством Христа и Рождеством Богородицы, это свидетельствует в пользу предназначения игрушек для самых маленьких детей. Впрочем, мы склонны всю эту группу игрушек (может быть, исключая свистульки) считать предназначенной для забавы грудничков.

IV. Коллективные игрушки.

Самая многочисленная группа — предметы для состязательных детских игр. В ней три вида: кожаные мячи (более 750 экз.), деревянные шары (150 экз.), деревянные волчки-кубари (более 500 экз.).

Мячики достаточно стандартные по размерам (диаметр большинства 4,5 — 5,5 см, крупные редки), круглые по форме, сшитые из двух полушарий с центральной полоской для сшивания игрушки. Внутри мячики плотно набивались соломой, шерстью, мхом, что делало их достаточно упругими, устойчиво сохранившими форму (рис. 3; 7-9).

Сейчас трудно говорить о принципах игры (а может быть нескольких игр), для которых использовались кожаные мячики. Может быть это была разновидность современного футбола либо хоккея на траве или на льду. Для последних, впрочем, необходимы клюшки, но таковых в Новгороде нет. Может быть, кожаные мячики использовались для игры «в вышибалочку», при которой задачей одних соревнующихся, владеющих мячом, было вывести из игры попаданием мячика соперника, который должен был увернуться от броска.

Более достоверно предположение, что мячиком играли в русскую лапту, правила которой схожи с правилами современного бейсбола.

Аналогичные трудности мы испытываем в определении игры, для которой использовались точеные деревянные шары (рис. 3; 10-11). Они стандартны, диаметром чаще 3,5-5 см. Подобного размера шары используются для разного вида современных игр (например, крикет), но неясно, для какой они применялись в средневековье.



Рис 3 Игрушки-забавы
1-3 - погремушки; 4,5 (1, 2, 4, 5, — глина; 3 — береста; 6, 92

Использование в детской забаве деревянных волчков-кубарей (рис. 3; 12-13) этнографически известно. Волчок имел в верхней части специальную выемку, на которую наматывалась бечева. Резким рывком бечева разматывалась и придавала вращение остроконечной игрушке на плоскости. При определенных навыках, а такими мальчишки обладали, бечевкой можно было подстегивать волчок, продлевая его вращение. Победитель определялся длительностью вращения игрушки. Игра была достаточно популярной, о чем свидетельствуют многочисленные находки волчков-кубарей.

Считаем возможным проанализировать состав новгородских игрушек, чтобы определить предметы игр для мальчиков и для девочек. Из данного аналитического обзора необходимо исключить игрушки-забавы. Из игрушек остальных трех групп девочкам безусловно принадлежали куклы и с определенной долей вероятности птицы. Для мальчишеских игр предметов значительно больше: все имитации оружия, коники (лошади всегда были на попечении мужчин, а кроме того мы предположили, что объемные коники-стояны группировались для воссоздания детьми сражений). Достаточно уверенно, можно считать предметами для мальчишеских игр игрушки второго класса: кожаные мячики и деревянные шары безусловно, а волчки-кубары предпочтительно. Но даже если их признать игрушками для совместных игр (при всех условиях участие в них мальчиков бесспорно), то игрушки для мальчиков существенно преобладают. Количественно разницу можно смягчить, допустив, что большинство кукол были тряпичными либо соломенными. Этнографически такие известны. Да и до сих пор деревенские девочки нередко обходятся несколькими лоскутками, умело спеленав которые или сшив, они получают игрушку, иногда более любимую, чем магазинные изделия. Однако ни одной подобной в средневековом Новгороде пока не найдено, хотя органика здесь сохраняется хорошо. Но даже в этом случае вряд ли количественно можно ликвидировать разницу с предметами для мальчиков, которые к тому же более разнообразны в видовом отношении.

Вероятно эту разницу следует объяснить социологическими причинами. Девочки значительно раньше, чем мальчики, включались в домашние заботы, помогая матери ухаживать за младшими, готовить пищу, ухаживать за скотиной. Целесообразно здесь обратить внимание на тот факт, что в массе громадного количества находок шиферных пряслиц в Новгороде, выделяется значительная группа небольших пряслиц-грузиков для маленьких веретениц, которые вполне могли использоваться девочками, помогавшими матерям при прядении. Следует учитывать, что девочку рано вводили в мир домашнего хозяйства, заранее подготавливая ее к взрослой, замужней жизни, которая в средневековье начиналась в юном возрасте. Тем самым срок семейного обучения в родных стенах был достаточно коротким, так что времени для развлечений девочкам оставалось немного, и для этого было достаточно одной куклы.

Таким образом, серийные находки детских игрушек в Новгороде не только достаточно полно характеризуют мир игр юных средневековых горожан, но и дают дополнительный (а в случае с деревянными мечами-имитациями — полноценный) материал для решения конкретно-исторических и социологических проблем.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(45\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Сувенир - полотенце с логотипом!](#)

Для рекламной акции и как бизнес сувенир! С нами работают крупнейшие бренды www.signtex.ru

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Точная механическая обработка](#)

Изготовление деталей и узлов для приборостроения, точного машиностроения.
www.tochmeh.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Обработка янтаря в средневековом Новгороде

Р. Г. Шаповалов

При археологических исследованиях Новгорода обнаружено большое количество кусков необработанного янтаря, изделий, заготовок и их обломков, всего не менее 7000 единиц. Это говорит о широком использовании янтаря в Новгороде. По мнению ряда исследователей, янтарь поступал в качестве сырья из Приднестровья и Прибалтики. 1 Часть попавшего посредством торговли в Новгород янтаря шла как поделочный материал на нужды самих новгородцев, а часть шла на продажу в Среднюю Азию и на Восток. 2 Новгородские ремесленники подвергали янтарь механической и, возможно, термической обработке. В средневековье механическая обработка, как и в наше время, могла состоять из следующих технологических операций: сортировка, раскrojная операция, шлифование, полировка и сверление, огранка, гравировка.

Выполняя операцию сортировки, мастер подбирал куски янтаря, близкие по размеру к изделиям, которые он хотел изготовить 3. На изготовление круглых бус могли идти куски янтаря диаметром от 8 до 18 мм и толщиной от 4 до 10 мм, основное условие — это то, что отношение диаметра к толщине не должно превышать 1,8. Для изготовления крестов-тельников использовали куски с линейными размерами от 13x11x3 мм до 38x27x10 мм, причем, необходимым условием, судя по всему, было, чтобы кусок янтаря в плане был близок к квадрату или прямоугольнику. Кроме того ремесленник мог подбирать куски янтаря не только по размеру, но и по цвету. Для проверки этого предположения было сделано три контрольных выборки из коллекции Новгородского музея. Первая

контрольная выборка состояла из 75 крестов-тельников, вторая — из 34 круглых бус, а третья из 66 призматических бус и их обломков. Данные по этим выборкам приведены в таблице 1, из которой видно, что при изготовлении крестов новгородцы, в основном, использовали куски желтого и прозрачно-коричневого цветов, а для производства круглых бус пользовались кусками желтого цвета, как прозрачными, так и непрозрачными. При изготовлении призматических бус они использовали прозрачный и непрозрачный янтарь желтого, красного, и красно-желтого цветов. После того, как янтарь был отсортирован по цвету, мастер приступал к раскройке янтаря¹. Необходимость выполнения этой операции определяется строением материала. Необработанный янтарь состоит из трех частей: окисной корки, матового панциря и самого янтаря (рис. 1а), то есть перед ремесленником стояла задача отделения «корки» от янтаря⁵. Возможно ее удаляли аналогично тому, как это делают современные мастера, при помощи ножа⁵

Но это не единственный возможный способ. Ее могли удалять шлифованием, правда, на выполнение этой операции требуются значительные затраты времени. При раскройке также мог выполняться технологический прием распиливания — его, скорее всего применяли для получения пластин из большого куска янтаря используя лучковую пилу, как для получения пропилов зубьев костяных гребней, с тонким полотном

Закончив операцию раскройки, янтарщик приступал к шлифовке янтаря. Эта технологическая операция могла выполняться в два этапа: грубой шлифовкой и окончательной шлифовкой. Операция грубой шлифовки применялась для снятия окисной корки, матового панциря и придания куску нужной формы. Теофил в своем трактате так описывает выполнение данной операции: «...осторожно шлифуй янтарь с водой на ровном песчаном камне до тех пор, пока золотистый цвет его не проступит везде равномерно»⁷. Возможно, новгородские ремесленники поступали аналогично, используя известняк или ракушечник (то есть материалы, дающие крупный абразив), предварительно смачивая его водой. Не исключено, что для этих целей они могли использовать точильный круг⁸.

Выполняя операцию окончательной шлифовки янтарщик придавал изделию конечную форму и получал определенное качество обрабатываемой поверхности. Теофил следующим образом описывает выполнение этой операции «...шлифуй его на твердом и ровном точильном камне так долго, пока не появится блеск»⁹. Вероятно, новгородские ремесленники поступали именно таким образом, предварительно смачивая точильный камень слюной для получения связки мелкого абразива. Возможно, выполняя данную операцию, мастер мог использовать напильник или рашпиль, аналогично тому, как их использовали косторезы¹⁰.

После окончания этого этапа ремесленник приступал к полированию изделия. Выполняя данную технологическую операцию, мастер добивался высокого качества обрабатываемой поверхности. Эту операцию, скорее всего, выполняли при производстве янтарных перстней. Большинство найденных в Новгороде обломков перстней имели высокое качество обработанных поверхностей. Изделия полировали с использованием специальной массы, которую наносили на деревянный брусок, обитый войлоком или кожей (шерстью) животного¹¹. Теофил пишет, что для приготовления этой массы ремесленник смачивал слюной точильный камень и шлифовал на нем янтарь до тех пор, пока слюна не загустеет, после чего полученную массу янтарщик наносил на шкуру животного (козла) и приступал к полированию.

Закончив операцию полирования, янтарщик приступал к сверлению отверстия под нить или шнурок.

На рис. 16 изображен обломок янтарной бусины с Нутот раскопа (Нут. 7/8 — 13 — 65), а на рис. 1д — обломок заготовки бусины, найденный на Михайловском раскопе (Мих. 1—8—27).

Скол у этих изделий проходит по сверлинам, в изломе можно видеть следы от сверла. Отверстия сверлили за два установка, но за один проход, т. е. с противоположных сторон: глубина сверлин, приблизительно равнялась 1/2 длине отверстия. Это подтверждают находки с Неревского и Михайловского раскопов (рис. 1в, г). На рис. 1в изображена бусина (Нер. 6—11—257) на верхней и нижней поверхности которой есть следы от сверлин, в сечении видно, что ремесленник начинал сверлить отверстие с двух сторон. На рис. 1г изображена призматическая бусина (Мих. 5/6—14-65). В сечении видно, что янтарщик сверлил отверстие с двух сторон. Оси сверлин не совпадают, а пересекаются под тупым углом, это обстоятельство не привело к браку, так как отверстие получалось сквозным и через него можно пропустить нить.

При изучении коллекции Новгородского музея был составлен размерный ряд диаметров отверстий, приведенный в табл. 2. Из таблицы видно, что ремесленники использовали сверло от 1 до 6 мм., причем, чаще всего применяли сверла диаметром 2—3 мм. Операция сверления, пожалуй, самая сложная и ответственная технологическая операция при изготовлении янтарных поделок. Подавляющее большинство найденных в Новгороде обломков изделий и их заготовок имеют скол по сверлинам, который, скорее всего, произошел при выполнении данной технологической операции.

Возможно, выполняя данную операцию, янтарщик использовал лучковое сверло-дрель, которое позволяет вести визуальный контроль за ходом сверления варьировать скоростью вращения сверла и давлением на него в достаточно широком диапазоне.

Операцию огранки производили при изготовлении призматических многогранных бус, а также крестов-тельников у которых по ребрам снимали фаски, тем самым увеличивая число граней. В первом случае огранку производили шлифованием на точильном камне, используя форму выбранного куска и не производя сколов. Во втором случае могли использовать напильники небольших размеров.¹²

Средневековым мастерам янтарщикам был известен и такой

технологический прием, как гравировка. В культурном слое были найдены изделия и их обломки, имеющие на внешней или внутренней поверхности циркулярный орнамент. На рис. 1е изображена янтарная пуговица (Нер. 15/16—23—1347) с внутренней стороны которой

нанесен циркульный орнамент. На рис. 1ж показан обломок янтарного перстня (Нер. 20—20—1790), который с внутренней стороны также имеет циркульный орнамент.

Ремесленник наносил его, скорее всего, используя циркульный резец, аналогично тому, как это делал косторез 13. Крайне редко встречаются другие изображения. Так в 1996 г. на Троицком XI раскопе была найдена янтарная пластина (Тр. — 10—1253) (рис. 1ц), с внешней стороны которой изображен шестиконечный крест. Судя по профилю канавки, изображение было процарапано иглой или шилом. Из современной литературы, посвященной исследованию различных свойств янтаря известно, что при достижении температуры 100°C наступает термическая деструкция янтаря, а при температуре 350—370°C наблюдается устойчивое кипение, кроме того, при медленном его нагреве до температуры 140°C без доступа воздуха, например в льняном или конопляном масле, янтарь становится пластичным 14.

Из вышесказанного видно, что диапазон температур, при которых янтарь испытывает термическую деструкцию, легко достижим в таком нагревательном устройстве, как печь каменка. На основании этого можно предположить, что древним новгородцам были известны приемы термической обработки янтаря. Скорее всего в своей работе они использовали следующие операции с применением нагрева: осветление, отпуск, а также получали янтарный лак.

Операцию осветления применяли для получения из замутненных фракций прозрачных. Данный технологический прием описан Теофилом. Он отмечал, что для этой цели янтарщик накрывал свинцовую пластину специальной смесью, укладывал на нее янтарь и слегка нагревал, после чего замутненная фракция становилась прозрачной. Смесью готовили так же как и массу для полирования.

Следует отметить, что в настоящее время нет археологических данных, подтверждающих применение этой операции новгородцами.

Операцию закалки, точнее отпуска, по мнению Р. Л. Розенфельда, применяли для имитации янтаря под сердолик 15. Для этой цели янтарь помещали в глиняный горшок, засыпали речным песком и нагревали, после чего янтарь менял свой цвет на красный 16. В Новгороде отмечены янтарные изделия красного и красно-желтого цветов. Наибольший процент (19%) изделий красного цвета (табл. 1) наблюдался среди призматических многогранных бус, имевших такую же форму, как сердоликовые бусы. Это пример прямой имитации.

Предположение о производстве янтарного лака в Новгороде подтверждают археологические данные. Так, при исследовании усадьбы Олисея Гречина на Троицком раскопе был обнаружен сплав желтого и белого веществ. После проведения химического анализа, было установлено, что это высушенный янтарный лак, приготовленный из льняного или конопляного масла и янтаря 17. Технологически янтарный лак могли готовить тремя способами:

- 1) янтарь расплавляли в живичной смоле типа скипидар;
- 2) расплавленный янтарь растворяли в растительном масле;
- 3) янтарь добавляли в кипящее растительное масло 18.

Новгородцы могли применять лак для приготовления красок, как это делали фламандские художники, а так же использовать его при изготовлении музыкальных инструментов, таких как гусли и гудки, аналогично тому, как поступали в Италии при изготовлении лютней и других струнных инструментов 19.

Используя вышеописанные технологические приемы, была осуществлена попытка механической и термической обработки янтаря в домашних условиях. В качестве поделочного материала использовались три куска прибалтийского янтаря следующих цветов и размеров:

№№	Размер	Цвет
1	17x14x15	Коричневый непрозрачный
2	21x17x6,5	Желтый прозрачный
3	16x14x10,5	Желтый непрозрачный

Первый и второй куски были подвергнуты механической и термической обработке, а третий кусок подвергся только термической обработке. Перечень технологических операций, которым подвергались вышеописанные куски янтаря, приведен в таблице № 3. При обработке первого образца была сделана попытка изготовить изделие из янтаря применяя операции шлифования, сверления и осветления.



Шлифование производилось на точильном камне. Эта операция осуществлялась для снятия матового панциря, придания куску формы и определенного качества обрабатываемой поверхности. Выполнение данной операции не вызвало никаких затруднений, янтарь хорошо шлифуется без особых усилий и получаемое качество обрабатываемых поверхностей удовлетворительное.

Сверление производилось ручной дрелью при использовании спирального сверла диаметром 1 мм. При выполнении этой операции не использовалось никакого вспомогательного оборудования. Отверстие сверлилось двумя способами: первый — за один установ и за один проход, второй — за два установка и за один проход. Это было продиктовано необходимостью подтвердить сделанный ранее вывод о том, что отверстия в янтарных изделиях сверлили с двух сторон. При выполнении данной операции первым способом произошел скол, когда до «выхода» инструмента оставалось — 0,3 мм при длине сверлины — 3 мм, что составило — 0,1 от всей длины. Следует отметить, что перед тем, как произошел скол было слышно «потрескивание», первые признаки которого появились, когда сверло прошло чуть более половины длины отверстия. Это потрескивание, скорее всего было вызвано образованием микротрещин, рост которых и привел к сколу.

При сверлении отверстия вторым способом, скола не произошло и никаких «потрескиваний» не наблюдалось. За первый проход сверлина была получена на глубину — 0,5 от длины, после чего был осуществлен переустанов. Получение отверстия вторым способом не вызвало никаких сложностей и не потребовало значительных усилий. После того, как изделие было изготовлено, его подвергли термической обработке — осветлению. Эта операция производилась в соответствии с описанием Теофила. В качестве подложки использовалась пластина из технического свинца прямоугольной формы следующих размеров: длина — 14 см, ширина 5,3 см; толщина 0,5 см. Перед началом выполнения операции подложка была покрыта специально приготовленной смесью по всей площади, после чего на нее поместили изделия и подвергли нагреву на открытом огне.

Через 15—20 мин. после начала нагрева, изделие изменило свой цвет (с коричневого на желтый) по всему объему. После того, как изменился цвет, начался процесс осветления наиболее тонкой части изделия и осветление стало распространяться в направлении наиболее утолщенной части. Между осветленной и неосветленной частями изделия наблюдалась граница раздела (рис. 1к). Чтобы зафиксировать вышеописанную картину, операция не была доведена до конца.

а. Структура необработанного янтаря; в. Заготовка бусины (Нар.6-11-257); д. Бусины обл. (Мих. 1-8-27); ж. Перстня обл. (Нар 20-20-1790); При обработке второго образца была сделана попытка изготовить плоско-параллельный крестик, при этом необходимо было убедиться в том, что лопасти крестов действительно изготавливались с помощью напильника, а также осуществить имитационную операцию «отпуск».

Изготовление крестика велось по следующей схеме:

1. Был выбран кусок янтаря в плане близкий к прямоугольнику
2. Выбранный кусок был подвергнут шлифовке на точильном камне с целью удаления матового панциря и придания куску формы близкой к параллелепипеду.
3. Было начато изготовление лопастей. В качестве инструмента использовался напильник с одинарной насечкой, следующих размеров: длина — 19,5 см; ширина 1,5 см, боковые грани напильника не имели насечек. Напильник был выбран по размерам и форме насечки близким к напильникам, найденным в Новгороде и описанным Б. А. Колчиным!"

Оказалось, что янтарь очень хорошо обрабатывается данным инструментом и этот вид работ не требует значительных трудозатрат.

После того, как лопасти были изготовлены, оказалось, что их боковые грани имеют следы от инструмента, подобные тем, которые были ранее обнаружены на боковых гранях лопастей крестов, изученных по коллекциям НГМ и ГИМ. Из этого можно сделать вывод, что в средневековом Новгороде янтарщик обрабатывал лопасти крестов-тельников, используя напильник.

После того, как крестику была придана нужная форма, он был термически обработан, то есть подвергнут операции «отпуск». Эта операция осуществлялась по описанию приведенному Розенфельдом в его статье 20 с той лишь разницей, что вместо глиняного горшка использовалась сковорода, заполненная речным песком. Крестик был помещен в песок и сверху присыпан им, после чего подвергнут нагреву в духовке газовой плиты до температуры — 200°C. При этой температуре изделие выдерживалось в течение 1 часа 20 минут, после чего было извлечено. Крестик изменил свой цвет: он стал темно-красным. Следует отметить, что цвет изменился не на всю глубину изделия, а только в поверхностном слое, толщиной — 1,5 мм при общей толщине изделия — 5 мм, то есть внутренние слои не поменяли цвет.

Третий кусок был подвергнут только термической операции — «отпуск» с целью получения подтверждения предыдущего результата. Режим термической обработки был аналогичен предыдущему. Этот кусок также поменял свой цвет на темно-красный. Причем, толщина поверхностного слоя составила 0,5 мм при общей толщине куска 10,5 мм. После того, как образец был извлечен из нагревательного устройства, была осуществлена попытка получения среза при помощи обычного кухонного ножа. При этом янтарь резался без особых усилий и сколов. Вышеприведенное описание опытов позволяет сделать вывод, что янтарь легко обрабатывается механически и термически, причем выполнение этих операций не требует специальной подготовки и навыков. Для их производства необходимо лишь знание особенностей материала. Инструмент, которым обрабатывается данный поделочный материал носит универсальный характер, то есть при изготовлении изделий из янтаря не требовалось специального инструмента и каждый

неискушенный в ремесле человек мог обрабатывать его. При термической обработке, скорее всего, не требовалось специального нагревательного устройства, и она могла вестись на открытом огне.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Археологические данные свидетельствуют о широком распространении янтарных изделий в средневековом Новгороде, причем производство этих изделий было преимущественно местным, хотя сырье поступало извне.
2. При изготовлении янтарных изделий новгородские ремесленники применяли следующие технологические операции:
 - а) сортировка (янтарь подбирался для ряда изделий не только по размерам и форме, но и по цвету).
 - б) Раскройка (применялась для удаления окисной корки, а также для получения заготовок под то или иное изделие; в качестве инструмента мастер использовал нож, точильный камень или круг, а также лучковую пилу с тонким лезвием).
 - в) Шлифование (различали два вида шлифования: грубое и окончательное; при выполнении данных технологических приемов янтарщик использовал песчаник, ракушечник, точильный круг, точильный камень, напильник или рашпиль).
 - г) Полирование (выполняя эту операцию ремесленник добивался высокого качества обрабатываемой поверхности, используя специальную массу, нанесенную на деревянный брусок, обитый войлоком или шкурой животного).
 - д) Сверление (при этом ремесленник использовал лучковое сверло-дрель, спиральные и перовидные сверла), причем выполнялась эта операция за два установка и за один проход).
 - е) Термическая обработка янтаря (при этом производилась закалка (отпуск), осветление, а также изготовление янтарного лака).
3. Археологи не находят инструментов для обработки янтаря, так как при обработке мастер использовал инструменты, носящие универсальный характер и позволяющие обрабатывать изделия из разного поделочного материала.

На рис. представлена возможная операционная схема обработки янтаря в средневековом Новгороде. Из схемы видно, что операция сверления могла выполняться после шлифования, то есть после того, как изделию придавали определенную форму, кроме того, осветление и закалку янтаря могли применять после операции сортировки.

1 Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XV вв. М. 1978.

2 Даркевич В.П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М. 1995. С. 81.

3 Зарахович Я. А. Янтарь. Калининград. 1966. С. 62.

4 Зарахович Я. А. Янтарь... С. 65.

5 Зарахович Я. А. Янтарь... С. 65.

6 Колчин Б. А. Ремесло. // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985. С. 271.

7 Те о ф и л. Записка о разных искусствах // Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып.7. М. С. 8 Колчин Б. А. Ремесло... С. 250.

9 Те о ф и л. Записка о разных искусствах...

"Колчин Б. А. Ремесло... С. 251.

"Те о ф и л. Записки о разных искусствах...

12 Колчин Б. А. Ремесло... С. 250.

13 Колчин Б. А. Ремесло... С. 271.

"Савкевич С. С. Янтарь. Л. 1970. С. 134.

15 Розенфельд Р. Л. Янтарь на Руси X—XIII вв. // Проблемы советской археологии. М. 1978. С. 198.

16 Розенфельд Р. Л. Янтарь на Руси...

17 Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М. 1981. С. 126. Розенфельд Р. Л. Янтарь на Руси...

18 Фракей Э. Янтарь. 1986. М. С. 160—162. Фракей Э. Янтарь...

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Судебные исполнители в Новгороде 11-15 веков по материалам берестяных грамот

Н. Б. Безус

Берестяные грамоты — важнейший письменный источник для изучения истории средневекового Новгорода, который представляет информацию социально-экономической, политической, культурной жизни средневекового города. Заслуживает особого интереса судоустройство и судопроизводство Новгородской феодальной республики. Для Новгорода характерно было деление суда между республиканскими органами и княжеским аппаратом. Кроме монастырского суда здесь существовали три формы суда: посадничий, тысяцкий и владычий. Суд посадника представлял собой организацию в которой осуществлялся раздел юрисдикции посадника и князя, он рассматривал дела новгородцев.' Ю. Г. Алексеев отмечал тесную связь княжеского (наместничьего) суда с посадником, что отражено в Новгородско-княжеских dokonчаниях, и в Новгородской Судной грамоте (ст. 2). Однако по Новгородской Судной грамоте заседание высшей судебной коллегии, по боярину и житъему с каждого конца происходило «во владычне комнате» без участия как наместника, так и посадника, что указывает на большую роль боярства в управлении республики.2 Суд тысяцкого ведал вопросами торговыми, гостиными, а также связанными с взыма-нием торговых пошлин. До 1385 г. между владычным и митрополичьим судами также осуществлялся раздел в юрисдикции, но отказ митрополиту в суде привел к уничтожению раздела, и вся юрисдикция сосредоточилась в руках владыки.3 В. Л. Янин, анализируя две свинцовые буллы XIII-XIV вв., пришел к выводу о принадлежности этих печатей княжеским тиунам и выдвинул предположение о существовании в Новгороде еще

одного тиунского суда, который должен был противостоять суду тысяцкого и защищать интересы князя в очень важной для него области, причем после реформы 1385 г. тиунский суд был преобразован. Если ранее здесь утверждался приоритет республиканского тиуна, то теперь, с появлением великокняжеского тиуна, на что указывает его печать, судебная пошлина шла княжеской администрации.⁴ Таким образом, на протяжении всего существования новгородской республики действовала сложная система судов, которая постоянно изменялась. Однако представляется интересным проследить сам механизм осуществления правовых норм в Новгороде, непосредственными участниками которого являлись судебные исполнители.

Более полную картину судопроизводства в средневековом Новгороде возможно воспроизвести благодаря тщательному анализу и сопоставлению текстов берестяных грамот и других письменных источников, прежде всего это Русская Правда, Новгородская и Псковская Судная грамоты, а также Уставные грамоты новгородских князей. В документах на бересте, которые датируются XII — XV вв. названы «ябедник», «детский», «бирич», «дворяно», «приставе», «праведыцик», «сотский». Многочисленные названия должностных лиц наводят на размышления о их различных функциях в области судопроизводства. Остановимся на рассмотрении некоторых из них. За последнее время благодаря новым археологическим находкам объем информации о судоустройстве и судопроизводстве Новгорода увеличился. Деревянные цилиндры, датируемые кон. X- нач. XI вв. которые использовали как бирки, служившие одновременно замками к мешкам с собранными ценностями принадлежали мечникам и емцам. Они были административными лицами князя, причислены к княжескому суду.⁵ Сами названия должностных лиц встречаются только в Русской Правде (Краткая редакция ст. 33, 41. Пространная редакция ст. 1,86),⁶ в берестяных грамотах они не упоминаются, поэтому можно сделать вывод, что эти должностные лица князя в Новгороде были только в период датировки деревянных цилиндров. Размещая в хронологическом порядке судебных исполнителей, следующими идут детские.

О детском говорится в г. № 222, 295, 615, 718, гр. № 8 (Старая Русса).

Самая ранняя их этих грамот № 222, датируемая кон. XII — первой четвертью XIII века (Неревский раскоп), это письмо к посаднику Гюргию Иванковичу. «От Матяя ко Гюргию. Теперь я пришел. Вот из-за чего я не шел: встречу тебя... Если же в самом деле они запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому они поставили меня своим запирательством в положение вора. Еси колбяги не бежали, в твоих руках распределение долей, деньги по людям (т. е. деньги, которые различные люди должны) — нет тут тебе убытка или единой векши». В данной грамоте упоминается княжеский детский которому некий Матей платит гривну серебром для того, чтобы тот поехал с ним в качестве защитника и оправдал Матяя, т. к. его обвинили в каком-то хищении, связанном, по-видимому, со взиманием податей с колбягов. Колбяги это особая этническая группа скандинавского происхождения, известная по Русской правде (где колбяги упоминаются всегда лишь параллельно с варягами).

В гр. № 718 XIII в. Мих. «В Городецком погорье...». ⁸ Из текста берестяной грамоты узнаем, что в Городец Бежецкий направляется детский для сбора четырех годичной дани, размер которой перечисляется. С собой детскому дается определенная сумма денег, продовольствие и снаряжение для его поездки.

В следующей грамоте № 615 (40-80-е гг. XIII в. Троицкий раскоп.) «Поклон от Ляха Фрарю. Если ты получил с русимы десять гривен, с Микулой пошли (их) сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского»⁹. Как ясно из текста функции детского определяются его обязательным присутствием при взыскании долга.

За присутствие детского при взимании долга необходимо было ему дополнительно заплатить. В гр. № 295 (20-30-гг. XIII в. Неревский раскоп.) описывается как раз такой случай, когда человек, у которого был давний долг, заключает новый договор займа, скрепляя его при помощи долгового документа. Ему при этом выставляется условие — рассчитаться со старым долгом, в противном случае будет прислан детский, которому нужно будет дополнительно заплатить: «Поставив знак свой и расципивши с вами жребей (деревянная палочка с зарубками)... [вам придется с тем мужем расчитаться заново также и по поводу пятидесяти гривен старыми кунами. В противном случаи я посылаю детского и такая-то сумма будет погона»¹⁰.

Таким образом, рассмотренные берестяные грамоты говорят о том, что детские в XII-XIII вв. в Новгороде выполняли функции сборщиков долгов, именно с их помощью займодавец мог востребовать обратно свои деньги, либо товар, даваемый в долг. Можно также говорить, что княжеские детские уполномочены были участвовать в делах, связанных с ложным обвинением высокопоставленных лиц, вероятно, в качестве защитников.

Нужно также отметить, что нормами Русской Правды в ст. 108 Пространной редакции оговаривается участие детских в разборе спорных дел, касающихся раздела наследства между княжими мужами, за определенную плату гривну кун. "Также статья 86 Пространной редакции устанавливает размеры судебных пошлин при применении железа в судебном процессе, где детский, вероятно, проводил это испытание.¹²

Наряду с детскими в Новгороде в XII веке были распространены ябедники. О них мы узнаем из грамот № 235, 421, № 12 (из Старой Руссы). В гр. № 421 «От Братяты к Нежилу» (20-30-е гг. XII в., Ильинский раскоп.) отец сообщает сыну, что заплатил за него штраф 20 гривен, поэтому Нежил теперь свободен и должен быстрее возвращаться домой, чтобы возратить деньги отцу, иначе Братята взыщет свои деньги с помощью судебного исполнителя — ябедника.¹³

В гр. № 235 (60-70-е гг. XII в. Неревский раскоп) мы узнаем, что Жадко послал двух ябедников, и они ограбили автора письма за «братний долг», т. е. конфисковали часть его имущества в счет долга брата.¹⁴

Гр. № 12 (Старая Русса) посвящена сбору прошлогодних и нынешних податей, контролю над разверсткой податей. Автор послания

требует извещения об отказах об уплате с тем, чтобы он мог принять действительные меры при помощи судебных властей в лице ябедников¹⁵.

Анализируя тексты берестяных грамот можно предположить, что судебным исполнителям — ябедникам люди, обвиняемые в каком-либо преступлении, ничего не платили. Возможно, что все расходы брали на себя те, кто нанимал ябедников прежде всего для взыскания долгов.

В грамотах XII-XIII вв. судебный исполнитель назван также «дворяно». Так гр. № 531 «От Анны поклон к Климьяте..» (XII-XIII вв., Троицкий раскоп) это письмо Анны к своему брату, в котором говорится об обвинении и оскорблении Анны и ее семьи в незаконном использовании денег Коснятина. Оказывается, что дочь Анны давала деньги в рост, соблюдая все тогда существующие правила, но она распорядилась не своими, а деньгами Коснятина, причем делала это в отсутствие мужа, которому деньги для отдачи в рост были поручены Коснятином. Коснятин заподозрил, что доход с его денег получается бесконтрольно зятем и всей семьей Анны. Сама Анна поручателем за зятем не была и нанесенное ей оскорбление считает обосновательным. Коснятин же позвал Анну в суд «в погост» где он сообщил, что намерен прислать к ней «четыре дворян по гривне кун». Количество судебных исполнителей соответствует числу обвиняемых, т. е. Анна, ее дочь, муж и зять Анны¹⁶. Само понятие «дворить», видимо, означает исполнять обязанности дворян — судебно-полицейских агентов, (в таком смысле этот термин употребляется в новгородско-княжеских докончаниях, в Двинской Уставной грамоте)¹⁷. Из текста грамоты ясно, что в обязанности дворян входило взимание штрафа за совершенное преступление. Однако надо думать, что размер штрафа был не четыре гривны кун, наванная цифра только лишь плата, которая шла в суд. Так ст. 33 Новгородской Судной грамоты, говорит «А кто утяжет в татьбе с поличным, или в разбое, или в грабеже, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевой грамоте, ино взять судьям от судной грамоты четыре гривны, а безсудной две гривны»¹⁸. Ст. 66 Псковской Судной грамоты устанавливает порядок изъятия дворянином имущества во время выполнения своих служебных обязанностей, а также здесь оговаривается, что он должен «взять езды на том, кто его не утяжет» т. е. «езд» оплачивает тот, кто проиграл процесс.¹⁹ Грамоты XIV века называют уже других лиц судебной администрации. В гр. № 578 (60-е-70-е XIV в., Нутный раскоп.)²⁰ письме Онцифора к своей бабушке Маремьяне, он распорядится отдать полтину биричу за какую то грамоту, которую необходимо отдать некому Онтану. Определить какого рода грамота сложно, но очевидно одно. Онцифор платит биричу — судебному исполнителю за то, что тот составил официальный юридический документ, адресованный Онтану от Онцифора.

Берестяная грамота № 471 (кон. 1400-х-1410-е гг. Михайловский раскоп.) говорит, что еще одной из функций бирича была рассылка повесток в суд-бирич: «У Онкифа 6 коробей ржи и коробья пшеницы 6 лет. А в повестке, посланной от бирича, значатся белы. Бил мне челом об этом Труфан.»²¹ Первоначально грамота была понята как памятная записка по делу об обращении свободного человека за долги в обельные холопы.²² Однако дальнейшее прочтение грамоты выявило иной ее смысл. В. Ф. Андреев полагает, что слово «бэль» означает не полное закобаление, а мелкую денежную единицу «белу». Такую сумму заплатил истец биричу за вручение повестки на суд ответчику, которая вошла потом в общую сумму иска.²³

Итак, круг выполняемых судебных функций бирича весьма широк, которые определяются постановлениями суда и связаны с неуплатой долгов делами по наследству. Но теперь всякое его решение суда оформляется письменно, рукой бирича пишутся грамоты и биричы — повестки в суд. В ст. 23 Новгородской Судной грамоты определяется порядок вызова свидетеля в суд и оплата действий различных судебных должностных лиц, в том числе и биричу: за привод в суд, вызов свидетелей и сторон, объявление решений платили на сто верст четыре гривны.²⁴ Известно также, что биричу поручалось объявлять народу распоряжение властей, он совершал наказания железом, взимал денежные штрафы.²⁵

Сопоставляя судебные функции детских, ябедников, дворян и биречей, а также дел в которых они принимали участие можно заключить, что они принадлежали одному суду, в частности княжескому. Сами же судебные исполнители являлись представителями княжеской администрации, совмещая административные и судебные функции, однако к началу XV века они все больше разграничивались.

Таким образом, исследование письменных источников, берестяных грамот и археологического материала представляется перспективным в разработке проблемы участия чиновников княжеской администрации в исполнении решений княжеского суда, а также судебных исполнителей других судов в Новгороде периода его независимости, т. е. XI-XV вв.

1 Янин В. Л. К вопросу о роли княжеского аппарата в Новгороде на рубеже ХIII-XIV вв. // Сб. Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V, Л. 1972. С. 118.

2 Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Текст комментарий исследование. П.. 1997. С. 59.

3 Янин В. Л. Ук. соч. С. 118.

4 Там же. С. 119.

5 Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 144.

6 Российское законодательство X-XX вв (Далее РЗ). Т1. С. 47, 49, 64, 70.

7 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.. 1995. С. 366.

8 Там же., С. 383.

9 Янин В.Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 годов).М., 1993. С. 21-22.

10 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 388-389.

" РЗ. Т1. С. 72.

|2РЗ Т1. С. 70

13А рци х о вс к и й А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978. С. 30.

|4Арциховский А. В., Борковский Р. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963 г. С. 43.

15Там же. С. 152.

'6Арцих о веки й А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978. С. 130-134.

|7РЗ. Т. II. С. 182; А л е к с е е в Ю. Г. Псковская Судная грамота. С. 69.

|8РЗ. Т. 1. С. 307.

19РЗ. Т. 1. С. 338

20Янин В.Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 42-43.

21Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 556.

22Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). С. 66-68.

23Андреев В.Ф. Новое прочтение новгородской берестяной грамоты № 471. (нач. XV в) // История и Археология новгородской земли, (тезисы научно-практической конференции) Н.. 1987. С. 48.

24 РЗ. Т. 1. С. 306.

25 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.).

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(24\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Монеты](#)

Монеты из драгоценных металлов от 1 грамма до 5 килограммов

[Адрес и телефон](#) · mezmat.ru · Москва

[Интернет-аукцион AUCTION.UA](#)

Рай для коллекционеров! Нумизматика, филателия и другое. Уникальные лоты.
auction.ua

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Первая находка пражского гроша на Новгородском Рюриковом городище

Н. А. Соболева

В августе 1997 г. в Новгородскую археологическую экспедицию была передана необычная для Новгорода монета — пражский грош. Монета найдена на новгородском городище А. Н. Сметаниным. Она плохой сохранности, обломана по краям. Вес 2,21 г. Изображение лицевой стороны практически неразлично. На обороте, однако, можно рассмотреть «чешского» льва, идущего на задних лапах, с характерным восьмеркообразным хвостом. Эта деталь и позволяет считать монету пражским грошем.

*Пражские гроши — одна из наиболее популярных монет средневековья, которую начал чеканить в 1300 г. чешский король Вацлав II (1287 — 1305). Считается, что образцом для них послужил французский гро турнуа. Сходство этих монет подтверждает в частности, тот факт что французский грош и пражский грош равнялись 12 более мелким номиналам. Однако известная чешская исследовательница Эм. Ногейлова-Пратова убедительно доказала, что по внешнему виду пражский грош наиболее похож на итальянскую золотую монету — мессинскую *pietrealoro* 1. Учитывая, что существенную помощь в проведении реформы Вацлаву II оказали итальянцы и прежде всего три флорентийских банкира', заимствование монетного изображения у итальянцев представляется весьма реальным. Зависимость же монетной стопы пражского гроша от гро турнуа также не прослеживается: из пражской гривны в 253,14 гр. выбивали 64 гроша весом 3,9*

гр. (в идеале), т. е. чеканка пражских грошей осуществлялась на собственной чешской весовой основе.

С выпуском грошевой монеты в Чехии, официально запрещалась свободная торговля и обращение серебра — осуществлялся обязательный обмен его на чеканенную монету. Отныне владельцы серебряных рудников и горные предприниматели должны были все выплавленное серебро сдавать на королевский монетный двор, где и чеканились пражские гроши. Иностранцы торговцы отныне могли приобретать чешское серебро только в форме грошей и вывозить его из Чехии как металл тоже в виде только монеты. Таким образом, чешский король становился господином денежного рынка, ему доставались и все доходы от торговли серебром, основного товара, который могла выставлять в то время Чехия на международный рынок.

Однако пражским грошам, которые были первоначально «стопроцентной чистой» серебряной монетой, как и гро турнуа, была уготована участь выполнять роль не только сырья. Составленная в свое время автором настоящего сообщения сводка находок пражских грошей на территории Западной Европы³ показывает их передвижение из Чехии во многие страны Европы и дифференциацию (временную, территориальную) этого передвижения на протяжении двух с половиной столетий.

В первой половине XIV в. вне пределов Чехии пражские гроши, как и гро турнуа за пределами Франции, выполняли функцию международного средства платежа, т. е. заменяли золотую монету. Это подтверждают находки кладов пражских грошей на международных торговых путях, свидетельства письменных источников о том, что пражский грош в Австрии, Венгрии, южной Германии применялся в крупных платежах внутри страны и в международных сделках (торговле). Находки пражских грошей на Руси в XIV в. сосредоточены в основном на территории Галицко-Волынского княжества. Они концентрируются также или в городах или около городов, связанных с международной торговлей, таких, как Киев, Смоленск. Пражские гроши находят не на внутрирусских торговых путях, а на путях, связанных с товарным движением между Русью и Западной Европой.

Со второй половины XIV в. благодаря развитию и упорядочению денежного обращения в Европе грошевая монета становится средней величиной между разменной денариевой и золотой монетой. Усиливается функция пражского гроша в качестве меры стоимости и средства платежа в денежном обращении различных европейских стран. Как показал анализ кладов, пражские гроши использовались в этом качестве в Австрии, Польше, южной и восточной Германии, где подвергались контрамаркированию⁵. Согласно документам в юго-западной Руси во второй половине XIV нач. XV вв. пражские гроши официально признавались платежным средством⁶.

В первом десятилетии XV в., как свидетельствует кладовый материал, можно говорить о массивном поступлении большого количества чешского серебра в виде пражских грошей в украинские, белорусские и литовские земли, входившие в Литовское великое княжество.

Пражские гроши не меняли ни своего диаметра, ни рисунка лицевой и оборотной сторон с начала и до конца их выпуска: с июня 1300 г. до августа 1547 г. На лицевой стороне изображалась корона, имя (во внутренней круговой легенде, например, KAROLUS PRIMUS) и титул (во внешней легенде — D[omi]ni GRATIA REX BOEM[orum]) чешского короля; на оборотной — идущий лев в короне и название монеты (во множественном числе GROSSI PRAGENSES). Высокая художественность чекана пражских грошей XIV в. уступила место небрежной резке, размытости изображения и значительному укрупнению его деталей, с чем мы встречаемся в XV в. За столетие монета уменьшилась в весе более, чем на грамм: с 3,8 — 3,5 гр. до 2,4 гр. и что особенно важно — качество ее существенно ухудшилось. Если пражские гроши первых выпусков чеканились практически из чистого серебра, то монеты уже второго десятилетия XV в. серебряными были лишь наполовину. Как правило, монеты подобного качества принадлежат чекану Вацлава IV (1378—1419) — чешского короля и императора Священной Римской империи. Изменение качества пражских грошей — уменьшение серебра и замена его медью — было официально узаконено его декретом 1407 г. По сравнению с эмиссиями Вацлава IV до этого года, вес пражского гроша стал меньше на 0,5 — 0,7 грамма.

Ряд фактов свидетельствует о том, что выпуск пражских грошей с именем Вацлава IV (во внутренней легенде — WENCELAUS TERCIVS) продолжался и после его смерти, старыми штемпелями, в огромном, ничем и никем не ограничиваемом количестве, отсюда (плюс низкопробность очень плохое качество находимых с именем этого короля монет. Типологизация его монет проведена⁷, она основывается на рисунке короны, на написании букв легенды, в частности, N и S. Однако на обнаруженной в Новгороде монете какие-либо детали изображения и легенды выявить невозможно, хотя ее «облик», с трудом различимые буквы внутренней легенды (C, R), укрупненные когти и лапы льва на оборотной стороне могут свидетельствовать о ее принадлежности к одной из наиболее поздних эмиссий Вацлава IV.

Именно за счет этой монеты осуществлялся приток пражских грошей в Литовское великое княжество, как показывает изучение кладов. О путях поступления сюда в первое двадцатилетие XV в. разговор особый. Отмечу только, что не балтийская торговля этого государства явилась источником проникновения чешской монеты на его территорию, ибо письменные и нумизматические данные свидетельствуют о незначительной роли пражских грошей в балтийской торговле вообще. Не способствовал проникновению пражских грошей в Литовское великое княжество и территориальный обмен с соседними государствами, так как по составуклады соседних стран (Польши, Молдавии) отличаются от найденных в Литовском великом княжестве.

Анализ кладов с пражскими грошами, найденными на территории названного государства, показывает, что монеты с именем Вацлава IV не только заполняют отдельныеклады, преобладающие над смешанными, но и составляют абсолютное большинство вкладах с примесью аналогичных монет более раннего периода, в частности, Карла I. Пражские гроши Вацлава IV составляют и единичные находки — на городищах, в могильниках. Их находят либо на территории современных городов известных в этом же качестве и в XV в., либо на

территории городов и сельских поселений, существовавших в Литовском великом княжестве. Специфичны размеры кладов.

Большинство зафиксированных находок представляют собой малые и средние — от одной монеты до ста. Это значит, что их владельцами являлись не обязательно купцы, торговцы, но и рядовые члены общества.

Показателем использования пражских грошей во внутренней торговле княжества служит расположение их находок на внутренних путях, не связанных с международным торговым оборотом. Это прежде всего водные пути — Днепр и его притоки, являющиеся соединительным звеном между отдельными землями Литовского великого княжества, а также сухопутные, ведущие в соседние русские земли.

На карте видно, что находки пражских грошей как бы останавливаются на границах новгородских и московских земель: совсем близко от Москвы — в Козельске, Мценске, Туле, предположительно около Рязани; совсем близко от Новгорода — в Себеже, Торопце, Осташкове. Однако — не в Москве, не в Твери, не в Новгороде. Без сомнения, пражские гроши «пускали» в эти города, о чем свидетельствует и находка пражского гроша на новгородском городище (как она напоминает единичные находки на распаханном поле на городище в Смоленске или подобные же находки в развалинах Борисоглебского монастыря⁸). Но, по-видимому, все они переплавлялись на металл, из которого чеканилась в русских землях собственная монета. Отзвуком близкого знакомства с денежным счетом соседнего государства может служить появление в XI в. в Московском княжестве счета на грош, который был равен двум копейкам⁹. Интересно, что и в Литовском великом княжестве в это же время наряду со счетом «на копу грошей широких монеты чешской» или «копу грошей широких чешской личбы, складывающихся в копу по 60 грошей» встречается упоминание о рубле, на который шло сто грошей или сто двадцать грошей. Можно предположить, что речь здесь идет о счете на низовский, московский, рубль и новгородский.

Тесное взаимодействие денежных систем русских земель и соседнего Литовского великого княжества давно кажется несомненным. Вот только каким оно было в действительности? Несмотря на появление в последние годы целого ряда работ на данную тему¹⁰ вопрос этот нельзя считать решенным. Находка пражского гроша в Новгороде может побудить нумизматов снова к нему обратиться.

PS Благодарю П. Г. Гайдукова за предоставленную мне возможность познакомиться с новгородской находкой. Она заставила меня обратиться к моим далеким занятиям пражскими грошами и лишний раз с горечью вспомнить, что в свое время в Чехии обратили на мою кандидатскую диссертацию внимание, издав сводку находок пражских грошей, а в России она до сих пор так и не опубликована.

1. Nohejlova-Pratova Em. Prafske groSe Vaclava П (1300-1305) a ceske pecete // Sbornik praci filos. Fakulty Brnenske university. Rada historicka. Praha, 1960. R. DC S. 97.
2. C a s t e i n K. Ceska drobna mince doby pfedhusitsk* a husitske (1300-1471). Praha, 1953. S. 14-15.
3. Соболева НА. Экономические связи южной и западной Руси с Чехией в XPV-XV вв. (по данным нумизматики). М, 1967 (рукопись). См. также сводку находок пражских грошей на территории Польши: Szwagrzyk J. Szerokie grosze praskie na ziemiach polskich 1302-1547 // 7л skarbca kultury. Wroclaw-Warszawa-Krak6w, 1967. Z. 18. S. 41-197.
4. S o - b o l e v a N. Nalezuy prazskych groSu na iizemi SSSR // Sbornik Narodniho muzea v Praze. Rada A-Historie. Sv. XXIV. C. 3-4. S. 191-192, 199.
5. Контрамаркирование применялось для того, чтобы исключить из обращения фальшивые, а также низкопробные монеты. На хороших монетах ставилось клеймо или в виде знака горо. :д в котором находился монетный двор, производивший опробование, или знак монетного союза (Katz V. Kontramarky na prazskych groSich. Praha, 1927.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в древней Руси

Диакон Александр Мусин

Одной из проблем истории Новгорода является судьба епископа Иоанна Попьяна. Рукоположенный после 30/31 января 1108 г., он 20 декабря 1110 г. прибывает в Новгород 3. Несмотря на активное церковное строительство в 1110—1120-ых гг. — время, которое было ключевым и для формирования дальнейшей системы боярско-княжеских отношений — епископ совершенно не упоминается на страницах летописи. Лишь под 1130 г. НПЛ сообщает: «В се же лето отвержеса архиепископ Иоанн Новгород да, и поставиша архиепископа Нифонта, мужа свята и зело боящяся Бога, и приде Новгороду месяца генваря в 1 день». 5 Создается впечатление, что летописный текст в какой-то момент был цензурирован в силу особо неприязненного отношения в Новгороде к этому церковному и политическому деятелю». 1'

Археографический список новгородских владык сер. XV в. дает интересное уточнение: «Иван Попьян, седев 20 лет, отвержеса архиепископья, сего не поминают» 7 По наблюдениям А. С. Хорошева, из 14 синодиков новгородских архиереев только Пространная редакция знает отвержение владыкой Иоанном «архиепископья» и его исключение из архиерейского синодика, «архиепископская» редакция знает только первый факт, а 3 и 4 изводы архиерейской редакции ничего не знают об отвержении епископа Иоанна. 8

Однако целая серия псковских владычных синодиков упоминает Иоанна в числе поминаемых архиереев новгородской кафедры 9. Синодики церкви Богоявления с Запсковья, Николо-Любятовского — II и церковей Покрова и Рождества Божией матери в Углу В. Л. Янин относит к

одному изводу и датирует их протограф не позднее 1232 г. Однако все 7 синодиков Псковских церквей датируются XVI — первой четвертью XVIII вв., и не исключено, что содержащиеся в них литургические сведения не носят характера изначальной достоверности: память о том, что епископа Иоанна когда-то не поминали могла к этому времени уже исчезнуть. Тот факт, что в этих списках в отличие от новгородских отсутствуют имена Арсения и Феодосия, так и не получивших хиротонии, говорит о сознательном редактировании для осуществления литургического поминовения. Древнейший синодик Спасо-Мирожского монастыря вообще содержит пропуск имен важнейших святителей XII в. То, что в Пскове XVI в. не знали подробностей, связанных с Иоанном, доказывает и псковским происхождением жития архиепископа Нифонта, составленного священником Василием в 1558 г. Сам Василий, основываясь на Кассиановской редакции Печерского патерика, написал к Житию предисловие и добавил несколько новых известий о самом Нифонте, где об Иоанне "ничего не сообщается." — Однако в последующих редакциях патерика XVII в. есть уникальное, но недостоверное сообщение о том, что «когда блаженный Иоанн, епископ новгородский, ... ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь», то на его место и был поставлен владыка Нифонт 12. Известие, сопряженное с именованнием Иоанна «блаженным», есть попытка интерпретации летописного сообщения 130 г. в условиях его полного непонимания в позднейшее время. Очевидно, автор пребывал в неведении о том, что епископ Иоанн был исключен в какой-то момент из Софийского синодика. В результате этого «отвержение» епископом Новгородской кафедры трактуется как его мирный уход на покой, как это имело место с рядом его преемников. Стоит признать, что упоминание имени епископа Иоанна в псковских синодиках имеет такую же историческую ценность, как и рассмотренное сообщение жития архиепископа Нифонта.

Существует печать, связанная с именем Иоанна Попьяна 13. Однако ее прочтение и вытекающее из него понимание событий, может быть и иным. Считается, что помещая на печати личную патрональную эмблему, Иван Попьян идею непосредственного подчинения киевской митрополии и константинопольской патриархии выражает лишь в самом завуалированном виде, упоминая Богоматерь только в формуле молитвенной легенды лицевой стороны, 14 и что внешние признаки печати подчеркнута независимы, свидетельствуя о стремлении владельца буллы к автокефалии, 15 при этом сама автокефалия предполагается как по отношению к киевскому митрополиту, так и по отношению к константинопольскому патриарху. Представляется канонически и исторически нереальным, чтобы в начале XII в. епископ северного диоцеза Вселенского патриархата мог претендовать на автокефалию. Даже если понимать термин «автокефалия» в смысле церковной автономии и непосредственного подчинения Константинополю, мы считаемым это чересчур смелым.

На наш взгляд, подобные предположения не вытекают со всей определенностью из оформления рассматриваемой буллы. Данный моливдовул является древнейшим из епископских печатей на Руси. Поскольку нам неизвестны принципы оформления печатей епископов первой четверти XII в., то говорить о том, что печать Иоанна «подчеркнута независима» несколько преждевременно. Среди митрополичьих печатей существует тенденция к замене патрональных печатей в связи с именем Вселенского Патриарха, на патрональные изображения самих митрополитов и далее на изображение Божией Матери. Однако в целом наши представления о принципах оформления печатей духовных лиц как на Руси крайне расплывчаты. В еще большей степени это касается византийской сфрагистики, где оформление печати диктовалось эстетическим вкусом и менологическими предпочтениями держателя буллотирия. Вселенским патриархом с 1111 по 1134 г. был Иоанн IX Агапитос, так что изображение свт. Иоанна на печати «пастыря новгородского» могло быть патрональным и для патриарха, что исключает версию о стремлении к независимости. Надпись на аверсе полностью соответствует оформлению печатей митрополита Никифора I, рукоположившего епископа Иоанна: сходным является не только молитвенное обращение к Богоматери, но и способ титулования архиерея. Таким образом, исполнение исследуемой печати не несет в себе ничего экстраординарного, что могло бы свидетельствовать о стремлении ее владельца к канонической независимости.

Существует завещание прп. Антония Римлянина, подлинность которого доказали исследования В. Л. Янина и позволили датировать документ временем до 1131 г.¹⁶ Доказательство подлинности грамоты как раз связано с ее анализом на фоне событий новгородской истории XII в. В своей духовной прп. Антоний пишет, что он «не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа». В дальнейшем подчеркивается оппозиция Антония как князю, так и епископу: «а который брат наш до места сего начнет хотети игуменства или мздою или насилием, да будет проклят, ... или епискуп по мзде начнет кого ставити, или станет насильством творити на месте сем, да будет проклят».¹⁷ Само же поставление преподобного во игумены связано с изменениями на новгородской кафедре, поскольку является одним из первых деяний епископа Нифонта. Епископ Иоанн не возводил в этот сан главу одной из монашеских общин, что свидетельствует о натянутых отношениях монастыря с архиерейской кафедрой. По мнению В. Л. Янина, этот конфликт мог быть связан с отступлениями епископа от основной линии церковной политики, покушением князя или -владыки на иммунитет только что основанного без их участия монастыря, или же с соперничеством новой общины с Юрьевым монастырем, который был княжеским.¹⁸

История отвержения епископа Иоанна никак не была прокомментирована ни митрополитом Макарием (Булгаковым), ни Е. Е. Голубинским, ни, соответственно А. Карташевым.¹⁹ Не касается этого вопроса и А. Никитский.²⁰ Тонкое чутье церковной традиции позволило о. П. Тихомирову почувствовать некоторые возможные моменты судьбы Иоанна Попьяна. Молчание о нем летописи объясняется кратким и безмолвным характером епископа, не вмешивавшегося «в современные дела, которые мало касались его духовной власти». Тихомиров пишет, что Иоанн «оставил престола правление своей волей за изнеможением» (ср. известие жития свт. Нифонта), а причинами, подтолкнувшими его к такому шагу были новгородские бунты против княжеской власти и требование местных

вольностей, которым архипастырь не сочувствовал.²¹ О месте кончины святителя Тихомиров ничего не знает, «но его гробница без сомнения под сводами святой Софии».²² Однако уже М. В. Муравьев возражал против возможности погребения епископа Иоанна в Софийском соборе.²³

Первую серьезную попытку объяснить отвержение епископа Иоанна классовой борьбой в Новгороде в начале XII в. делает М. Н. Тихомиров.²⁴ Он поставил исследуемое событие в связь с появлением Устава князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых,²⁵ который датировал достаточно узко 1126 г.²⁶ Поскольку в уставе предписывается епископу «дом Святой Софии устроить с сотскими», а торговые меры вводить совместно 10 сотскими и иванским старостой, то «новшество устава заключалось в уменьшении значения епископа в пользу сотских и иванских старост... в связи с этим роль епископов в общественной жизни Новгорода должна была уменьшаться, так как он терял не только значительную часть своих доходов, но и возможность оказывать влияние на торговую жизнь».²⁷ Это подрывало экономическое и политическое положение епископа, особенно по сравнению с митрополией и другими кафедрами, где контроль за торговыми операциями продолжал оставаться у архиереев.

Однако интересное предположение М. Н. Тихомирова накладывается на проблему датировки уставов Всеволода.²⁹ Большинство современных исследователей датируют устав более поздним временем. По мнению В. Л. Янина, он создан во время Всеволода Мстиславича (1219—1221 г.), когда происходит конституирование торгового суда, и в конце XIII в. вошел в более пространную компиляцию,³⁰ Я. Н. Щапов датирует его концом XIII в. А. А. Зимин еще позднее — к XIV в. В то же время С. В. Юшков, с учетом редакции конца XIII в., полагал возможным составление устава в 1130—1136 г.³² А Б. А. Рыбаков считал устав созданным в начале 1136 г. и поновленным в XIII-XIV вв.³³ Мы не представляем возможным до конца исключить возможность появления архетипа Устава в Новгороде при князе Всеволоде-Гаврииле (1127-1136 г.), тем более, что М. Н. Тихомиров очень верно определил ту сферу, где кроются причины конфликта: княжеско-епископские отношения.

В. Л. Янин высказал предположение, что «отвержение» и «непомянутие» владыки явилось результатом «каких-то неизвестных отступлений епископа от основной линии церковной политики».³⁴ Согласно этой гипотезе епископ пал жертвой компромисса княжеских и боярских государственных институтов, и его отставка непосредственно связывается с действиями вернувшегося в ИЗО г. из Киева князя Всеволода, связанными с утверждением новгородского представительства в посадничестве. Таким образом, епископ был до этого времени союзником новгородского боярства, а не князя.³⁵ Однако, проновгородская позиция епископа противоречит умолчанию о его деятельности на страницах НПЛ. Именно в этом ключе В. Л. Янин и предлагает рассматривать причины событий ИЗО г. в своих следующих работах. Наиболее подробно этот вопрос был рассмотрен в связи с локализацией погребений Новгородского Софийского собора, в частности погребений №№ 1 и 2 в кирпичной гробнице и лежащим под ней саркофагом в Мартирьевой паперти. Сложная архитектурная история гробницы в связи с росписью деисуса 1144 г., начинается с погребения в саркофаге, который вскрывался, очевидно, непосредственно перед строительством гробницы, и его погребение было извлечено «небрежно, и совершенно, очевидно, без каких-либо о нем забот».³⁶ Поскольку, по мнению Г. Штендера, гробница по формату плинфы датируется 50—60-ми гг. XII в., то погребенным в ней считается епископ Аркадий, умерший 19 сентября 1163 г.³⁷ Погребение в саркофаге, совершенное около 1144 г., однозначно атрибутируется Ивану Попьяну, похороненному здесь архиепископом Нифонтом. Если при Нифонте ему были возданы высокие почести, то в первые же дни правления архиепископа Илии прах его был извержен из саркофага, а сам саркофаг был погребен возведенной на ней гробницей епископа Аркадия. «В разности политики Иоанна Попьяна и Илии-Иоанна, по-видимому, надо отыскивать корни особого отношения к памяти Иоанна Попьяна во все последующие времена»³⁸. В. Л. Янин полагает, что исключение имени Иоанна из синодиков относится к 1163 г. и связывается с историческими завоеваниями боярской независимости. Если ранее предполагалась связь Ивана с новгородским боярством, то ныне указывается на косвенные данные об особо тесной связи между ним и князем Всеволодом Мстиславичем.³⁹ Все эти наблюдения дают В. Л. Янину теперь основание считать, что Иван Попьян вынужден был уйти с владычной кафедры, заявив себя решительным сторонником князя, и следовательно, противником республиканских преобразований новгородской государственности.⁴⁰ Мы видим, что рассуждения В. Л. Янина, по крайней мере для периода ИЗО—1163 гг. идут в русле агиографической традиции XVI-XVII вв., утратившей реальную память о епископе Иоанне. Однако наиболее существенной представляется проблема увязки архитектурной истории Мартирьевой паперти с реконструкцией церковно-политических процессов.

Кирпичная гробница закрывала деисусную композицию, открытую Ю. Н. Дмитриевым, которая впоследствии оказалась преднамеренно соскобленной и замазанной зеленой краской.⁴¹ Роспись была отнесена к 1144 г., а сооружение гробницы к началу XIII в. А. Монгайт отнес погребение в саркофаге к 1199 г. и связал с архиепископом Мартирием.⁴² В. Г. Брюсова датировала роспись 1194 г., погребение в саркофаге атрибутировала Мартирию (1199 г.), а кирпичную гробницу — архиепископу Антонию (1232 г.)⁴³ Г. М. Штендер, отнес деисус к 1144 г., предположил, что кирпичная гробница была заранее приготовлена Нифонтом для своего погребения, но осталась невостребованной.⁴⁴ Исследования плинфы показывают, что ее длина колеблется между размерами плинфы храма Успения на Торгу (1135 г.) и церкви свв. Бориса и Глеба в Детинце (1167 г.), что, в соответствии со шкалой эволюции кирпичей, падает на вторую половину 50-х гг. XII в.,⁴⁵ относительно ширины плинфы сообщается, что она приближается к плинфам последней четверти XII в., чему противоречит ее длина, в связи с чем плинфа, как и гробница, датируется 50—60-и гг. XII в.⁴⁶ Саркофаг датируется 1144 г., но оценка извлечения погребения как «небрежного», полученная на основе «осмотра внутренней полости с помощью системы ламп и зеркал, запущенных внутрь через щели в стыках плит»,⁴⁷ представляется нам скорее эмоциональной, чем научно-критической.

Таким образом, основой для соотнесения постройки гробницы с посмертной эксгумацией Ивана Попьяна служит опускаемое нами

эмоциональное допущение о «небрежности» в отношении его останков, а так же размер плинф, который по выработанной шкале может соответствовать 1163 г. Однако знакомство с закономерностью эволюции размеров плинф новгородского зодчества ставит этот тезис под сомнение. Плинфы кирпичной гробницы по своим размерам не соответствуют кирпичам ни одной из новгородских церквей. Следовательно, они специально изготовлялись для работ в Мартирьевой паперти, что могло способствовать нарушению линейной эволюции. Однако и само соотношение длины и ширины плинфы выпадает из имеющейся картины изменения ее пропорций.⁴⁸ По своей ширине плинфа гробницы приближается к постройкам конца XII — начала XIII вв. Мы считаем невозможным датировать плинфу гробницы по разработанной шкале эволюции новгородской плинфы, поэтому предположение о сооружении гробницы в связи с кончиной архиепископа Мартирия в 1199 г. не представляется невероятным.

Саркофаг мог быть сооружен архиепископом Нифонтом для себя самого, но использован для погребения его преемника Аркадия, который мог быть позднее перезахоронен вместе с Мартирием в новой гробнице.⁴⁹ Предположения о локализации погребений Софийского собора не могут свидетельствовать о причинах «отвержения» епископа Иоанна.

А. С. Хорошев связал отставку епископа Иоанна с урегулированием вопроса о посадничестве и поездкой Всеволода в ИЗО г. в Киев к отцу.⁵⁰ Он так же, согласно ранним гипотезам В. Л. Янина, считает, что епископ Иоанн отступил от норм церковной и был союзником новгородского боярства. Я. Н. Щапов в целом согласен с мнениями о стремлении владыки к церковной независимости и компромиссе Новгорода и Киева как причинах его «громкого ухода» и «скандальной отставки».

Попробуем рассмотреть историю Иоанна с учетом исторического фона первой четверти XII в. Общественная ситуация не могла быть стабильной, поскольку ни до 10—20-х гг. XII в., ни после летописец не отмечает столь часто повторяющихся стихийных бедствий. За 20 лет правления Иоанна лишь половину времени можно признать относительно благополучным, собственно о 6620, 6622, 6624, 6626, 6627, 6628, 6629, 6630, 6634, 6637 гг. не сообщается никаких данных. Каждый второй год приносит стихийные бедствия, а непосредственно перед оставлением кафедры в 1128/1129 гг. в Новгороде разразился страшный мор.

Именно на этом фоне экономических, демографических и погодных катастроф новгородского общества и совершается «отвержение» епископом Иоанном Новгорода. Происшедшие события должны были определенным образом повлиять на настроение правящего архиерея. Однако связывать само отвержение исключительно со стихийными бедствиями или же предполагать изгнание епископа самими новгородцами, не представляется возможным. Летопись определенно указывает на инициативу архиерея в деле ухода с кафедры. Само же «непоминание» епископа Иоанна стоит объяснять не «нелюбовью новгородцев» к своему владыке, а вполне конкретным каноническим преступлением, заключавшемся в самовольном оставлении кафедры. Каноническое право Восточной Церкви рассматривает возможность отказа епископа от своей кафедры. В самом общем случае отрекшийся епископ автоматически лишается чести и достоинства и исключается из церковных диптихов, если он после соответствующего увещания не соглашался вернуться на кафедру. В IX в. складывается некоторая процедура, предусматривающая каноническое расследование причин отставки, а соответствующая церковная инстанция может принять или не принять такое отречение. Однако рассмотрение подобных случаев судом епископов предусматривает письменное отречение. Такие отречения известны русской истории и предоставлялись епископами митрополиту (архиепископ новгородский Иоанн и Савва Луцкий — 1401 г.³ Феофил — 1482 г.,⁵⁴ Сергий и суздальский епископ Феофор — 1484 г.⁵⁵). В данных случаях канонические требования были соблюдены, и отказавшиеся от кафедр епископы были оставлены «в сущем сани». Не так было в ИЗО г. Отвержение епископа Иоанна, очевидно, не прошло процедуры канонического утверждения у митрополита и не было принято церковной общиной, что автоматически лишало его епископского достоинства и права поминовения в церковных диптихах. Следовательно, причины непоминовения епископа Иоанна и исключения его из синодика лежат в самом факте церковного преступления — отвержения кафедры, а не в посмертной мести новгородцев, связанной с политическими тенденциями его деятельности.

Решение вопроса о причинах исключения епископа Иоанна из Софийского синодика не снимает проблем, связанных с пониманием причин его отвержения. В этом вопросе нам следует обратиться к анализу церковно-политической ситуации на Руси на рубеже 20—30-х гг. XII в. Исследуемое время было отмечено активным церковным строительством, в котором совершенно не участвует епископ. В связи с этим немаловажно отметить летописное сообщение 6617 г. о росписи Софии Новгородской «стяжением святого владыки». ⁵⁶ Мероприятие определенно связано с экономической организацией Новгородского архиерейского дома. Резкое свертывание строительной деятельности после 1109 г., когда очевидно Софийская казна была опустошена, происходит на фоне вышеописанных климатических катастроф, и указывает нам на причину изменений в строительной политике кафедры. Очевидно, речь должна идти о тяжелом материальном положении, в котором оказалась епископская организация в Новгороде в 10—20-е гг. XII в.

Сюда же хорошо вписывается фраза завещания прп. Антония о том, что он не принял «имения ни от князя, ни от епископа». Это подчеркивает характер монастырского строительства в духе противопоставления ктиторских монастырей настоящим монашеским общинам.⁵⁷ Очевидно, в разности подходов к монастырскому строительству и к нормам зависимости монастыря от епископа, которые, согласно, прп. Антонию, должны быть исключительно канонические («благословение от Никиты епискупа»), а не экономические («имение от епископа»), и кроется причина конфликта. Возможно, Иоанн Попьян настаивал на непосредственном экономическом подчинении монастырей Софийской кафедре, предусматривающем централизованное распределение доходов. В свете вышеизложенного вопрос о причинах отречения епископа Иоанна от кафедры скорее всего кроется в области экономического обеспечения древнерусской Церкви, существующей практики централизованной десятины и связанной с ней системы церковно-княжеских

отношений. Как известно, первоначальной формой обеспечения Церкви на Руси была десятая часть княжеских доходов в виде десятины от даней, торговой и судебной десятины, которая перечислялась соборным церквам, 58 т.е. тем, которые были связаны с возглавлением местной церковной организации. Обеспечение церковных потребностей в этих условиях не могло быть стабильным и удовлетворяющим церковную иерархию, но было связано с отсутствием самостоятельного хозяйства.

В условиях хозяйственного кризиса первой трети XII в., вызванного климатической нестабильностью, возникают новые формы обеспечения Церкви, которые, с одной стороны, снимают с княжеской власти часть ответственности за материальное содержание клира, а с другой стороны, толкают церковную организацию на большую самостоятельность. Однако этот вопрос в некотором смысле разрушал основы церковной организации на Руси как единого экономического организма, превращая отдельные церковные структуры в самостоятельные экономические единицы. Своим побочным явлением подобные княжеские пожалования приводили к установлению гораздо более тесных связей между монастырем и донатором, чем между монастырем и епископом.

Речь прежде всего идет о земельной собственности епископских кафедр, возникающей в первой половине XII в. и монастырей, которая образуется не позднее третьей четверти XI в. 59, а также об обеспечении Церкви фиксированными денежными суммами. Именно к началу 30 гг. XII в. относится уникальный по концентрации комплекс княжеских документов, связанных с экономическим обеспечением Новгородской церкви, который непосредственно последовал за отвержением Иоанна. Очевидно процессы, приведшие к его реализации во всей своей полноте развернулись в 20-е гг. XII в. и несомненно коснулись епископа Иоанна. Попробуем проанализировать эти акты с точки зрения отмеченных выше тенденций.

Нами выделены следующие 5 документов: жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буйцы, ИЗО г., 60 жалованная грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли, 1134 г. 61 (примечательно, что данная грамота содержит в части *sanctio* предупреждение против вмешательства епископа в хозяйственные дела монастыря жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость у Волхова, 1134 г. 62, жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Ляховичи, 1134 г. 63 и уставная грамота Святослава Ольговича 1136/1137 г. 64. Следует согласиться с В. Л. Яниным, полагавшим, что выгода данного устава для Новгородской кафедры носит не материальный характер, а заключается в обретении независимости от процентной ставки княжеских судебных доходов через их фиксацию, тогда как поступления в Софийскую казну от даней оказываются регламентированными еще раньше. Возможно эта регламентация и произошла во время правления епископа Иоанна. Однако в целом Устав продолжает выявленную нами линию княжеских пожалований, ориентированных на создание независимой от княжеских доходов экономической организации древнерусской Церкви. Отметим, что подобные тенденции воплощены и в уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии 1136 г. 65, где 14 ст., будто принимая во внимание только что происшедшие хозяйственные катастрофы в новгородской земле предполагает, что в случае неурожая десятина должна быть сокращена. Таким образом, отмеченный нами комплекс грамот определенно свидетельствует о происходящих в Новгороде кризисе централизованной княжеской десятины, распределяемой органами церковного управления, создании самостоятельного церковного хозяйства, усилении независимости монастырей от епископской власти и установлении прочных связей монашеских общин с их ктиторами на хозяйственной основе. Формирование новых церковно-княжеских отношений, предполагавший отказ от экономического патронажа князя над церковью со стороны государственной власти и независимость монашеской организации от епископата и мог вызвать протест со стороны епископа Иоанна, выступавшего за сохранение старой системы взаимоотношений.

Такой предполагаемый протест русской иерархии хорошо согласуется с борьбой против харизматикариата, которую вела церковная иерархия в Византии 68. В силу ряда причин, часто связанных с экономическим кризисом, прежде всего монастыри оказывались зависимым от светских лиц. Изначально это было задумано в виде аренды церковной собственности для удовлетворения хозяйственных потребностей Церкви. Однако вследствие этого доходы от монастырского хозяйства шли в чужие руки, а сами епископские кафедры оказывались в бедственном положении.

Совершенно очевидно, что процесс формирования монастырской земельной собственности на Руси внешне мало похож на существенную практику харизматикариата. Здесь светские лица способствовали сложению церковного землевладения. Однако существующая разница не должна скрывать от нас существа дела: происходил процесс, приводящий монастыри в зависимость от светского элемента и ослабляющий их подчиненность местной епископской кафедре. Ряд постановлений Константинопольских поместных соборов напрямую касается сложностей взаимоотношений епископа и монастырей, возникающих в результате харизматикариата аренды. Новый порядок обеспечения монастырей на Руси на начальном этапе своего становления как раз и наносил определенный ущерб материальному состоянию епархий. Княжеское ктиторовство на Руси являлось по сути дела местным вариантом византийского харизматикариата. В этом смысле монастырские организации оказывались общественно и экономически более активны, чем архиерейские кафедры. Непосредственно перед отречением Иоанна под 6636 г. летопись сообщает о конфликте в Киеве между Печерским монастырем и церковью св. Димитрия: «все же лето преша церковь Димитрия печеряне и нарекоша ю Петра с грехом великим и неправо» 70. Самочинность деяния Печерского монастыря вызвала осуждение летописца, что подтверждает наличие проблем в древнерусской церкви в связи с активностью и самостоятельностью монастырских организаций.

Есть смысл взглянуть на всю систему церковно-княжеских отношений, как она существовала на Руси в первой четверти XII в.

Митрополит Никифор (1104—1121) в это время рукоположил заново практически весь епископат Русской Церкви. К 1130 г., моменту предполагаемого обострения церковно-княжеских отношений, из епископов Никифорова рукоположения на кафедре оставался один Иоанн, который должен был разделять взгляды своего митрополита. Эти взгляды хорошо прослеживаются по четырем сохранившимся посланиям митрополита Никифора,⁷¹ где князь приобретает обобщенные идеальные черты как защитника церкви, призванного осуществлять справедливость в обществе. ⁷² Отношение митрополита и Церкви к князю предстает как покровительственное, представляющее из себя духовное водительство князя. Совершенно очевидно, что новое положение дел совершенно не вписывалось в концепцию митрополита Никифора, а, возможно, и епископа Иоанна. Обострение церковно-княжеских отношений приходится на время после кончины Никифора (случай с Переясловским епископом Марком, который занял кафедру лишь в 1126 г. с согласия Ярополка Владимировича,⁷³ конфликты с митрополитами по поводу выделения Смоленской кафедры из состава Переяславской епархии ⁷⁴) — все это свидетельствует об изменении отношений древнерусского князя к князьям церкви.

Попробуем подвести некоторые итоги нашему исследованию. Отсутствие каких-либо данных о конфликте между Новгородом и его епископом не оставляет сомнений в том, что инициатива отвержения исходила непосредственно от Иоанна, и что само отвержение не было вынужденным. В этом случае исключение епископа, оставившего свою кафедру, из Софийского синодика, является закономерным применением к нему санкций канонического права, предусматривающих извержение из сана. Напротив, если бы он был изгнан городской общиной, то каноны сохраняли бы за ним епископское достоинство.

То же следует сказать и о причинах самого отвержения, которые лежат в плоскости внутрицерковных и церковно-княжеских отношений. Нарастающая самостоятельность князей и новгородского боярства в церковных делах были сопряжены с изменением системы экономического обеспечения Церкви. Кризис централизованной десятины в условия княжеских междоусобиц и экономических нестроений повлек за собой новые формы обеспечения Церкви, предусматривающие самостоятельность в области хозяйства и меньшую ответственность княжеской власти в деле обеспечения духовенства. В Новгороде это положение усугубилось целой серией неурожайных лет. Одновременно происходило наделение монастырей земельными угодьями, что ставило их в зависимость от ктиторов и ослабляло организационное подчинение местному епископу. Наблюдается сложение тесного союза между монастырями и княжескими домами, которые могли задевать интересы епископских кафедр. Все это должно было вызвать протест новгородского архиерея, воспитанного митрополитом Никифором в совершенно иных традициях взаимоотношения государственной и церковной власти, и его «отвержение» от Новгородской кафедры 1130 г. Следовательно, причины отвержения епископа Иоанна лежат не в области политики, а в области церковной жизни.

1 Данная статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 97-01-00510 «Христианские Древности Северной Руси 1X-XIII вв.»

2 НПЛ. С. 19, 203. Си но дальний список указывает кончину св. епископа Никиты «30 генваря», а Комиссионный — «31 генваря». Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963. С. 229.

НПЛ. С. 19, 203. К. Здравомыслов полагает, что его хиротония состоялась в 1108 г. (См. Иерархи Новгородской епархии. С. 9).

4 Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. 1980. С. 21.

1 НПЛ. С. 22, 207

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М. 1988. С. 47.

7 НПЛ. С. 473.

'Хорошев А. С. Летописные списки новгородских владык // НИС № 12. 1984. С. 127—142.

9 Янин В. Л. Некрополь. Приложение 3. С. 205—211.

10 Янин В. Л. Некрополь. С. 205.

"Словарь книжников и книжности древней Руси. вып. 2. (вторая половина XIV-XVI в.) Ч. 1. А-К. Л. 1988. С. 114, Житие епископа Нифонта // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб. 1862. Вып. 4. С. 4.

2 Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней святителя Димитрия Ростовского. М. 1906. Кн. 8. 8 апреля. С. 135.

13 Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна // ВИД № 9. 1978. С. 47-56.

14 Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна. С. 54. Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна. С. 54.

16 Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датировка // Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977. С. 50

17 ГВНП. С. 160.

18 Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина. С. 50.

19 Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2. М. 1995., Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М. 1997; Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М. 1992. Т. 1.

20 Никитский А. Очерк внутренней истории церкви в Новгороде Великом. СПб. 1892.

21 Тихомиров П. И., прот. Биографии первых девяти Новгородских епископов. Новгород. 1861. С. 52.

22 Тихомиров П. И. Биографии первых девяти Новгородских епископов. С. 52.

23 Муравьев М. В. Святая София. Новгородский пантеон. // Сборник

Новгородского общества любителей древности. Новгород. Вып. 1. С. 8.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955. С. 170—181.

25 Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. 1984. С. 249—261.

26 Тихомиров. Крестьянские и городские восстания. С. 174—175.

27 Тихомиров. Крестьянские и городские восстания. С. 177.

28 Тихомиров. Крестьянские и городские восстания. С. 185.

29 Хорошев. Церковь в социально-политической системе. С. 25.

30 Янин В. Л. Новгородские посадники. М. 1962. С. 89–93.

31 Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права феодально раздробленной Руси XII–XV в. М. 1953. С. 160—173.

32 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949. С. 217—221.

"История СССР с древнейших времен до наших дней. М. 1966. Т. 1. С. 636—637.

"Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977. С. 50.

35 Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Поляня. С. 55.

36 Янин В. Л. Некрополь. С. 23—57; Штендер Г.М. О комплексе погребений в центральной части Мартирьевой паперти // Янин. Некрополь. С. 199—205.

37 Янин. Некрополь. С. 45.

38 Янин. Некрополь. С. 48.

39 Янин. Некрополь. С. 53.

40 Янин. Некрополь. С. 54.

41 Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работы 1945—1948 гг.). // Практика реставрационных работ. М. 1950. № 1. С. 146—154.

42 Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевой паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. М. 1949. № 24. С. 95—96.

43 Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора. Фрески Мартирьевской паперти // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М. 1968. С. 108—125.

44 Штендер Г.М. «Деисус» Мартирьевой паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М. 1980. С. 86.

45 Штендер. О комплексе погребений в центральной части Мартирьевой паперти. С. 203.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Городища 10 века и начало «окняжения» Смоленского Подвинья

В. С. Нефедов

В Смоленском Поднепровье и Подвинье известны сотни городищ, относящихся, с одной стороны, к раннему железному веку и 3 четверти 1 тыс. н. э., с другой стороны, к концу XI — XIII вв. и более позднему времени. В то же время укрепленные поселения, существовавшие в X — начале XI вв., на этой территории единичны. Все они находятся в Днепро-Двинском междуречье, преимущественно (кроме городищ в Гнездове и, возможно, Новоселках) в бассейне Западной Двины. Настоящая работа посвящена исследованию причин возникновения шести городищ, расположенных в бассейне р. Каспля (левый приток Западной Двины), а также тех функций, которые они выполняли в эпоху образования Древнерусского государства.

Вначале остановимся на общей характеристике этих археологических памятников.

1. Сураж. Городище площадью ок. 1300 м² расположено на мысу правого берега р. Каспля при впадении ее в Западную Двину. С напольной стороны поселение было ограничено рвом, еще один ров зафиксирован в 200 м от мыса (видимо, окружал территорию окольного города).¹ При раскопках, проводившихся М. А. Ткачевым в 1977 г., обнаружены обломки лепных сосудов конца 1 тыс. н. э. «роменско-боршевского типа» (вероятно, культуры смоленско-полоцких длинных курганов), а также круговая керамика древнерусского и более позднего времени.² Кроме того, есть сведения о присутствии на городище раннекруговой керамики X в. З О времени появления городского посада определенных данных нет. Наиболее ранние упоминания Суража содержатся в документах XVI — XVII вв. и связаны с существованием на

этом месте Суражского замка, построенного в 1563 г.

2. Каспля. Занимает оконечность гряды на правом берегу р. Каспля вблизи «е истока из оз. Касплянское. Площадь городища составляет ок. 1800 м². С напольной стороны площадка укреплена валом и рвом. Неоднократные обследования и шурфовка поселения позволяют уверенно говорить о наличии на нем раннекруговой керамики X в. 4. Что же касается лепной керамики, отнесенной В. В. Седовым к IX — X вв. 5, то, вероятно, она связана с нижним слоем памятника, относящимся к днепро-двинской культуре. Каспля впервые упоминается в уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1136 г. Видимо, городище функционировало без перерывов по крайней мере до XVI в. Вблизи памятника, в устье р. Каспля, находится древнерусское селище площадью ок. 7000 м². Часть найденной на нем круговой керамики, возможно, относится ко 2 половине X — началу XI вв. 6. Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 96-01-00172).

3. Городище (Вержавск). Комплекс археологических памятников, расположенных в районе озер Ржавец и Позаное на правом берегу р. Гобза, убедительно интерпретирован В. В. Седовым как остатки древнерусского города Вержавск, впервые упомянутого в уставной грамоте 1136 г. в качестве центра волости Вержавляне Великие. 7 Городище площадью ок. 4500 м² занимает вершину пойменного останца. Вал, видимо, окружал площадку по периметру. К укрепленной части поселения примыкает селище площадью 0,2—0,3 га (остатки городского посада). Археологический комплекс также включает в себя курганный некрополь, в настоящее время насчитывающий 45 насыпей высотой до 4 м. При обследовании городища и селища в разное время была найдена раннекруговая керамика X — начала XI вв., а также единичные фрагменты лепных сосудов, близких КСДК. 9 Поселение существовало непрерывно с X до XV — XVI вв.

4. Баталове (Заборье). Городище занимает холм на правом берегу безымянного притока р. Половья. Его площадь составляет ок. 1300 м². Площадка по периметру окружена валом. Основной этап функционирования поселения связан с днепро-двинской культурой. Н. В. Андреев в 1947 г. обнаружил здесь древнерусские материалы, отнесенные им главным образом к X в. 10 В то же время Е. А. Шмидт отрицает наличие на городище древнерусского слоя. " Мнение Н. В. Андреева, видимо, подтверждается приуроченностью к городищу курганной группы, состоявшей не менее чем из 15 насыпей. 12 Внешний вид этих курганов (высота, главным образом, 2—3 м, крутые склоны, в некоторых случаях уплощенные вершины) делает весьма вероятной их датировку концом 1 тыс. К сожалению, при раскопах двух из них, предпринятых И. С. Абрамовым в 1905 г., были найдены только кострища. 13

5. Загоскино (Николо — Берновичи). Расположено на мысу левого берега р. Гобза, с напольной стороны защищено валом. Площадь городища составляет ок. 1000 м². Основная часть материалов датируется 2 половиной XI — XIV вв., когда на этом месте, видимо, существовала феодальная усадьба. Вместе с тем на городище найдено незначительное количество лепной керамики, по крайней мере часть которой относится к концу 1 тыс., а также фрагменты раннекруговых сосудов 2 половины X — 1 половины XI вв.

6. Рокот. Городище площадью ок. 1500 м² занимает мысовую оконечность гряды на правом берегу р. Клец, впадающей в оз. Касплянское. Площадка окружена валом, с напольной стороны ограничена рвом, в 180 м от которого находится еще один вал. Территория между валами лишена культурного слоя. По мнению Е. А. Шмидта, внешний вал относится к позднему средневековью. Городище существовало в раннем железном веке и в середине — 3 четверти 1 тыс. н. э. Из верхнего горизонта культурного слоя происходит лепная керамика КСДК и обломки древнерусских круговых сосудов. 15 С напольной стороны городища находилась почти уничтоженная ныне курганная группа, состоявшая не менее чем из 10 полусферических насыпей, содержащих остатки трупосожжений. 16 Один из погребальных комплексов включал в себя меч типа Е, шлем, игральную кость и другие предметы 17, в том числе, по данным Е. А. Шмидта, обломки скандинавской фибулы или фибул (тип неизвестен). 1 Кроме того, рядом с городищем, по некоторым сведениям, находился могильник, включавший удлиненные курганы. 1

На основании керамического материала можно заключить, что все или большинство из перечисленных археологических памятников возникают (в рамках древнерусского периода) в середине — 2 половине X в. О времени существования городища у д. Баталове можно судить лишь предположительно, однако и в этом случае указанные даты являются наиболее вероятными.

Большой интерес представляют особенности топографии городищ X в. Смоленского Подвинья. Все они находятся за пределами либо на периферии микрорегионов, заселенных в последней четверти 1 тыс. (рис. 1) Ни одно из этих поселений не имело в X — 1 половине XI вв. сколько-нибудь существенной сельскохозяйственной округи, что было напрямую связано с дефицитом в их окрестностях плодородных земель. Таким образом, они не могли возникнуть в результате протекавших на территории Смоленщины социально-экономических процессов как производственные или административные центры социотерриториальных группировок местного населения. Не являясь органичной частью поселенческих структур Смоленского Подвинья конца 1 — самого начала 11 тыс., интересующие нас памятники занимают своеобразную позицию и относительно важнейших маршрутов военно-торговых коммуникаций, входящих в систему пути «из варяг в греки». Только два городища (Сураж и Рокот) находятся непосредственно на пути из Ловати в Днепр, занимая в его инфраструктуре стратегически важные точки. Остальные памятники расположены несколько в стороне от главных военно-торговых коммуникаций, реконструируемых по археологическим данным (рис. 1). 20

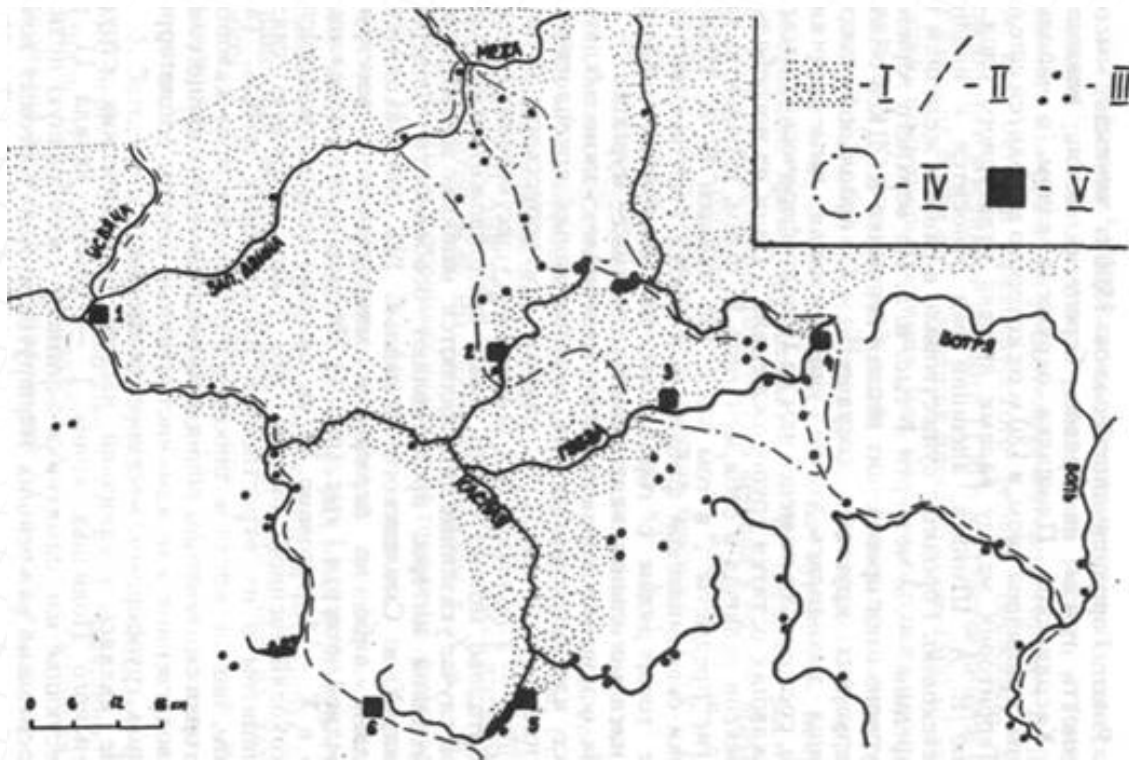


Рис. 1. I — водно-ледниковые равнины; II — важнейшие военно-торговые пути конца I тыс.; III — археологические памятники VIII — начала XI вв.; IV — предполагаемая граница волости Вержавляне Великие во 2 половине X — начале XI вв.; V — городища X в.: 1 — Сураж, 2 — Баталове (Заборье), 3 — Городище (Вержавск), 4 — Загоскино (Никола-Берновичи), 5 — Каспля, 6 — Рокот.

Тем не менее и их связь с инфраструктурой пути «из варяг в греки» прослеживается вполне определенно. Обращает на себя внимание, что четыре городища (Сураж, Каспля, Вержавск и Баталове) находятся в местах пересечения крупнейших рек Смоленского Подвинья (Каспли и ее притоков Гобзы и Половыи) с границей огромной водно-ледниковой равнины, занимающей большую часть бассейна Каспли и поречье Западной Двины (рис. 1). Это почти не заселенное и, следовательно, никем не контролируемое пространство, перерезанное крупными водными артериями, которые имели выходы к важнейшим путям сообщения и населенным микрорегионам, безусловно являлось в конце 1 тыс. источником постоянной опасности. Аналогичную позицию занимает городище Загоскино, которое, видимо, прикрывало скопление поселений в верховьях р. Гобза и проходивший в этом месте путь с Двины на Днепр со стороны слабо освоенных в X — начале XI вв. бассейнов Межи и Вотри.

Таким образом, рассматриваемые городища можно охарактеризовать как относительно единую систему крепостей, представлявшую собой своего рода «надстройку» над сложившейся к середине X в. инфраструктурой пути «из варяг в греки» в Смоленском Подвинье. Ее функции состояли, с одной стороны, в обеспечении безопасности главных маршрутов военно-торговых путей и обслуживавшего их населения, и с другой стороны, в перекрытии различных ответвлений от этих коммуникаций. По нашему мнению, такая система укреплений могла возникнуть только в результате усилий государственной власти. Ее организацию следует считать первым археологически фиксируемым этапом «окняжения» северо-западной Смоленщины.

Как уже отмечалось, строительство княжеских крепостей в бассейне Каспли происходит около середины X в. или немного позже. Видимо, самыми ранними являются городища Сураж и Рокот, которые, во-первых, находятся непосредственно на трассе военно-торгового пути, и во-вторых, имеют наиболее тесную связь с КСДК. Поскольку, как показывает анализ погребальных комплексов КСДК, эта культура прекращает существовать на территории Смоленщины не раньше середины — 3 четверти X в. (но не в конце IX — начале X вв., как полагает ряд исследователей²²), возникновение Суража и Рокота следует отнести ко времени не позднее середины столетия. Тем не менее представляется невероятным, чтобы коллективы носителей КСДК (для которой городища, особенно на территории Смоленщины, не характерны) были в состоянии самостоятельно организовать строительство и обеспечить функционирование укрепленных поселений, находящихся далеко за пределами освоенных ими микрорегионов. Инициатива в этих случаях также могла принадлежать только княжеской администрации.

Среди городищ X в. в Смоленском Подвинье своими масштабами выделяется Вержавск. По мнению Л. В. Алексеева, он был включен в список княжеских даней, положенный в основу уставной грамоты Ростислава Мстиславича, намного позже своей волости, между 1134 и 1136 гг., «когда стал городом и появилась возможность брать с него дополнительную дань».²³ Однако, по всей видимости, уже во 2 половине X — начала XI вв. Вержавск приобретает структуру, свойственную раннегородским центрам: детинец — неукрепленный посад — курганный некрополь, что предполагает его особое значение в бассейне Каспли на рубеже I и II тыс. Кроме того, по сообщению Е. А. Шмидта, на городище во время Великой Отечественной войны был найден клад восточных монет. Учитывая удаленность Вержавска от маршрутов военно-торговых путей, концентрацию на нем в X в. определенных материальных ценностей следует связывать с тем, что

он изначально играл роль, которая документально зафиксирована для XII в.: роль княжеского погоста, административного центра волости Вержавляне Великие. По мнению В. В. Седова, наиболее платежеспособные волости уставной грамоты 1136 г. (в первую очередь Вержавляне Великие и окрестности Торопца), сконцентрированные на северо-западе Смоленской земли, раньше остальных ее районов стали объектом фискальной экспансии княжеской власти.²⁴ Мы можем утверждать, что это произошло уже во 2 половине X в., задолго до образования Смоленского княжества.

Таким образом, волость Вержавляне Великие представляет собой одно из первых, если не самое первое административно-территориальное образование на Смоленщине. По данным археологической карты, первоначально, во 2 половине X — начале XI вв., территория волости включала в себя междуречье Западной Двины и Половьи, а также верховья р. Гобза (рис. 1). Вероятно, первые шаги княжеской администрации по «окняжению» территории Смоленского Подвинья (строительство крепостей Сураж и Рокот), связанные с установлением государственного контроля над путем Ловать — Усвяча — Каспля — Рутавечь — Днепр, опирались главным образом на автохтонное население края, соорудившее смоленско-полоцкие длинные курганы. Позднее, при окончательном оформлении системы княжеских крепостей в бассейне Каспли и образовании волости Вержавляне Великие, главной опорой государственной власти в регионе, надо полагать, выступает население, в той или иной степени воспринявшие традицию возведения новгородских сопок. Видимо, это были, по крайней мере отчасти, выходцы непосредственно с территории северо-запада Восточной Европы.²⁵ Собственно говоря, Вержавляне Великие в их изначальных границах были в значительной степени заселены именно носителями сопочной традиции.

В связи с изложенным можно предположить, что государственный контроль над территорией Смоленского Подвинья первоначально осуществлялся (а возможно, и распространялся) скорее из Северной, чем из Южной Руси. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что «окняжение» более южных и восточных районов Смоленщины в X — первой половине XI вв. на археологических материалах не прослеживается (за исключением, вероятно, окрестностей Гнездова).

Еще одним аргументом в пользу сделанного предположения служит хорошо известное сообщение Софийской I летописи под 1021 г. о походе полоцкого князя Брячислава Изяславича на Новгород и передаче Полоцку Усвята и Витебска. Несомненно, тогда же к Полоцкому княжеству отошел и Сураж, что привело к установлению северо-восточной границы княжества, оставшейся неизменной на протяжении XI—XIV вв. По мнению А. Н. Насонова, поход Брячислава на Новгород как раз и имел целью присоединить к Полоцку эти стратегически важные пункты на пути «из варяг в греки».²⁶ Следовательно, в начале XI в. именно из Новгорода контролировалась как минимум часть территории, отошедшей к Полоцкому княжеству (Витебске-Суржанское Подвинье, бассейн Усвячи и нижнее течение Каспли).

А. А. Метельский на основе изучения «рубленной» топонимики полагает, что под контролем Новгорода находились Усвят и его окрестности, а более южные территории тяготели к Киеву.²⁷ По нашему мнению, аргументация исследователя является недостаточной. Невозможность объективной датировки топонимов типа «Межа» и «Рубеж» оставляет этому источнику исключительно вспомогательную роль в историко-географических исследованиях. Мы считаем вероятным, что часть Левобережного Подвинья, включая бассейн Каспли, являлась во 2 половине X — начале XI вв. южной периферией территории, которая в административном и фискальном отношениях была связана с Новгородом как одним из двух главных центров Древнерусского государства.

В заключение следует подчеркнуть, что начальный этап «окняжения» Смоленского Подвинья имел огромное значение для последующего развития феодальных отношений в Смоленской земле. Именно этот регион, наряду с Торопецким Подвиньем и районом Гнездова, стал той территориальной и экономической основой, на которой в 1054 г. возникло Смоленское княжество.

1 Сбор помнікаў гхсторы і культуры Беларусь Кн. 1. Віцебская вобласць. мн., 1985. С.198.

2Ткачев М. А., Королев А. И. Работы Днепр-Двинского отряда // АО 1997 года. М., 1978. С. 424.

'Лебедев Г.С., Булкин В.А., Назаренко В. А. Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и Путь из варяг в греки (по материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.) // Вестник ЛГУ. 1975. № 14. С. 168.

4Ш м и д т Е . А . Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 2. М., 1983. С. 72; Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А. Указ. соч. С. 168; Смоленский гос. музей-заповедник, колл. СОМ 15909.

5Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 4. Смоленск. 1961. С. 331.

Шмидт Е. А. Отчет об археологических разведках на территории Смоленской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9569. Л. 4—5.

'Седов В. В. Указ. соч. С. 321—324.

"Лопатин Н.В. Отчет о работах в Демидовском районе в 1987 г. // Архив ИА РАН Ф.1 Р. 1. № 13188. Л. 20—23.

'Шмидт Е. А. Древнерусские... Ч. 1. М., 1982. С. 44—46; Алексеев Л. В. Альбом к отчету о полевых археологических исследованиях, произведенных Днепр-Двинским отрядом в летний сезон 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4557а. Рис. 12:72; б/о «Бакланове», колл. историко-этнографического музея национального парка «Смоленское Поозерье».

1 "Андреев Н.В. Отчет об археологических обследованиях древнейших водных путей Смоленской земли летом 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 132. Л. 38.

"Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области. М. 1976. С. 61.

Шмидт Е. А. Отчет об археологических разведках на территории Смоленской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1.

№ 9091. Л. 28—29; Андреев Н. В. Указ. соч.

13 С п и ц ы н А . А . Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906. С. 208.

14 Ш м и д т Е . А . Древнерусские... Ч. 1. С. 73.74; Гос. Эрмитаж оп. 812.

15 Там же. Ч. 2. С. 39—40.

16 Седов В. В. Отчет о полевых работах Верхнеднепровского отряда Черниговской экспедиции ИА АН СССР 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 2080. Л. 24.

17 Шмидт Е. А. Древнерусские... Ч. 2. С. 39.

18 "Выражаем глубокую признательность Е. А. Шмидту за любезно предоставленные сведения.

19 Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А. Указ. соч. С. 169.

20 Нефедов В. С. Смоленское Поднепровье и путь «из варяг в греки» и IX—X вв. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.-Петрозаводск. 1997. 2. Надо отметить, что недавно к такому же выводу пришла О. Н. Левко (Л е в к о О . Н . Население Днепро-Двинского междуречья в VI—XI вв. (этнический состав, социальная и территориальная структура) // Труды VI МКСА. Г. 3. М., 1997. С. 164).

22 Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 104; Е н у к о в В . В . Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 74—75.

23 Алексеев Л. В. Смоленская земля IX—XIII вв. М., 1980. С. 44.

24 С е д о в В . В . Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 146.

25 Нефедов В. С. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород. 1997. С. 232.234.

26 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951. С. 151.

27 Мяцельский А. А. Да пытання аб прыродных і антрапагенных межах ВШцебскай зямл! XII—XIII стст. // Пстарычна-археалапчны зборн!к. № 12. Мн., 1997. С. 191.209

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Волховские пороги в эпоху средневековья

С. Л. Кузьмин

Ладога и ее округа занимают особое место в ранней истории Северной Руси. Укоренилось мнение о Ладоге, как о своеобразных воротах, контрольно-пропускном пункте на великих водных путях Восточной Европы. Нет сомнения, что с определенного момента Ладога была важным пунктом торговли, местом стоянки судов и перевалки грузов. Однако неясен механизм «контроля» за движением торговых караванов и военных отрядов. Сомнения в возможностях самой Ладоги до начала XI в. осуществлять функции северного стража Руси усиливают факты относительной ее беззащитности, о чем свидетельствуют следы нескольких тотальных пожаров и известия скандинавских саг.

Естественным препятствием на водном пути являются пороги. В нижнем течении Волхова они начинаются примерно в 9 км от Ладожского поселения. Здесь река, пробив известняковую толщу, имеет крутые, местами отвесные берега, достигающие высоты 16—21 м. Пойма фактически отсутствует. Быстрое и сильное течение затрудняет движение вверх по реке. Но главную опасность представляют пороги, скрытые ныне водами Волховской ГЭС. Статистика кораблекрушений прошлого века свидетельствует о гибели в год десятков судов.

Система прохождения порогов и соответствующая организация известны с XIII в. по торговому договору Новгорода с немецкими городами и ярко описаны Адамом Олеарием, проезжавшим пороги в 1634 г. К какому времени относится сложение этой системы можно

судить только по данным археологии, определив момент формирования поселенческой агломерации в районе порогов.

Ряд памятников в районе порогов хорошо известен с прошлого века. В 1884 г. Н. Е. Бранденбург предпринял в с. Михаил-Архангел раскопки грандиозной насыпи, предполагая отыскать могилу Олега Вещего. Особое внимание уделялось изучению поселения у д. Новые Дубовики. В 1952 г. его раскопки вела Невская экспедиция под руководством Н. Н. Гуриной, а в 1972 г. исследования продолжил Е. Н. Носов. В 1990 г., в связи со строительством нового автодорожного моста, экспедицией под руководством автора была раскопана 9 метровая 1 сопка. Однако, систематического изучения памятников в районе порогов и выявления древней системы расселения не проводилось. В 1997 г. в рамках программы «Поселения на порогах», финансировавшейся мэрией г. Волхов, такая попытка была предпринята. Ниже приводятся предварительные результаты. При самом начале порогов, если плыть вверх по течению, на правом берегу Волхова при впадении в него ручья Мельник находилось городище, ныне уничтоженное карьером. К сожалению, точные его размеры и характер укреплений неизвестны. С юга и востока к нему примыкало неукрепленное поселение. Неоднократные обмеры показали, что его площадь превышала 6 га, и, возможно, учитывая разрушение прилегающей территории карьерами и железной дорогой, весьма значительно. Раскопы Н. Н. Гуриной (ок. 100 кв. м.), Е. Н. Носова (170 кв. м.) и С. Л. Кузьмина (100 кв. м.) закладывались по краю карьера, к югу от левого берега высохшего ручья Мельник.

Раскоп 1997 г. подтвердил предположение Е. Н. Носова о том, что данный участок связан с хозяйственно-производственной зоной. Отчетливых следов жилищ, как и в раскопе 1972 г., здесь не обнаружено, зато в изобилии встречены металлические шлаки, крицы, найдены тигель и льячка. Среди индивидуальных находок следует отметить бронзовую бутылко-видную подвеску и медную пряжку с подпрямоугольной рамкой с вогнутыми сторонами. Бутылковидные подвески характерны для финно-угорского населения Волго-Окского междуречья во 2-й пол. 1 тыс. н.э., однако территориально ближайшими находками являются подвески с городища Холопий городок в верховьях Волхова. Здесь они найдены в слое безусловно относящемся к IX в. Датировка пряжек, аналогичных нашей находке, так же не выходит за рамки IX в. Таким образом, раскопки этого сезона подтвердили нижнюю дату поселения — IX в., возможно, его первая половина. Однако, представленное у некоторых исследователей мнение о прекращении жизни на нем до сер. X в. лишено основания. В подъемном материале встречены фрагменты гончарной керамики X—XI вв.

Особое значение для понимания роли Новых Дубовиков, их места среди памятников Поволжья имеют связанные с ним группы сопок. К северу от поселения находилось 7 сопок. До настоящего времени хорошо сохранилась одна насыпь (17—IV по нумерации В. П. Петренко, используемой нами ниже). Из грабительской ямы в ее вершине происходит лепная урна с кальцинированными костями, среди которых находились салтовский перстень, орнаментированный наконсик, цепочка и фрагмент браслета. Севернее ее располагались остатки насыпи 17—III, исследованные в 1997 г.

Насыпь сильно пострадала. С западной стороны ее основной объем рухнул в карьер по разработке плитняка, а остальные поля пострадали от построек деревни. Однако, установлена ее внутренняя структура, реконструированы размеры. Но одно из самых интересных наблюдений сделано под первоначальной насыпью. На материке были открыты следы распашки на древнем поле, а на уровне границы погребенной почвы и насыпи следы ритуальной распашки. Сохранились отпечатки травянистых растений. Учитывая, что под сопкой 17 — II распашка не обнаружена, можно определить границу пахотных полей к северу от поселения. В центре первоначальной насыпи выявлены остатки столба.

Сопка 17 — II сооружалась в три этапа. На первом был вырезан материковый останец высотой до 1 м. Диаметр образовавшейся площадки составил ок. 17 м. В центре ее была сложена куча камней. Затем был насыпан кольцевой валик и заполнено внутреннее пространство им ограниченное. На первом этапе сопка выглядела как курган с плоской вершиной, диаметром около 18 м, высотой 2,5—2,7 м. По основанию была сооружена каменная кладка в один ряд валунов. На втором этапе высота насыпи была доведена до 6,5 м. На ее вершине устроено кольцо из валунов. В нем помещались остатки кремаций, совершенных на стороне. Выявлено не менее 5 погребений. Три находились в лепных урнах, их инвентарь скуден: железные ножи и подчетыреугольная железная пряжка. Вероятно, это мужские захоронения. Инвентарь двух женских погребений напротив богат. Два набора разнообразных бус, разнотипные бронзовые браслеты, трапецевидная подвеска, наконсики, височное кольцо с завитком наружу, обрывки цепочки, пронизки-спиральки. На основании инвентаря, в первую очередь наборов бус, погребения можно отнести к 2-й пол. IX-1-й пол. X вв., возможно, уже — рубежом IX — X вв. Радиоуглеродный анализ подтверждает эту дату (определение С. Г. Попова). Окончательный вид сопка приобретает в результате третьей досыпки, достигнув диаметра 28—30 м и высоты 8,7—9,1 м. В центре сопки выявлены остатки столба, прослеженного почти на всю высоту последней досыпки. Поверхность сопки сильно пострадала, но в тех местах, где дерн сохранился, в нем выявлены россыпи кальцинированных костей и фрагменты лепной и гончарной керамики. Еще три сопки находились к югу от поселения. Две крупные насыпи полностью уничтожены, одна, выявленная только в 1997 г., сохранилась. Таким образом, поселение окружало не менее десятка сопок, большинство из них достигало в высоту 7—9 м.

Схожесть инвентаря, деталей технологии строительства и внутренней структуры сопок говорят, по всей видимости, об относительной краткости хронологического инвентаря их возведения. По совокупности данных, он может быть предварительно определен как 2-я пол. IX—1-я 1/3 X в. Вероятно, это время наивысшего расцвета связанного с ними поселения. Южный конец комплекса памятников у д. Новые Дубовики находится у восточного края плотины Волховской ГЭС. На противоположном берегу Волхова, у другого западного края плотины находится церковь Архангела Михаила. К югу от нее в 1884 г. Н. Е. Бранденбург раскопал огромную сопку, достигавшую 10,5 м высоты, и древнерусский грунтовый могильник XI—XII вв. при ней. Анализ фотографий строительства Волховской

ГЭС показал, что останец сопки № 145 (21-1), исследованной Н. Е. Бранденбургом, примыкает с юга к дому Графтио (музей истории г. Волхов). Еще южнее находились две небольшие сопки и замыкала группу большая насыпь 22-1, традиционно связывающаяся с д. Шкурина Горка.

К северу от этой группы сопок выявлено крупное поселение. Лепная и гончарная керамика собраны на площади до 5—6 га. Разведочные раскопы показали наличие культурного слоя мощностью до 0,5 м. Однако, на вскрытых участках выделить непотревоженные напластования не удалось. Среди находок, относящихся к раннему периоду, следует выделить лезвие боевого топора и предмет типа дьяковского грузика. Нет сомнений в отождествлении открытого поселения с Михайловским погостом писцовых книг, центром Порожской волости. Не исключено, что в X в. в процессе становления системы погостов ключевая роль пункта при начале порогов перешла от поселения у д. Новые Дубовики к Михаило-Архангельскому. Еще южнее на левом берегу Волхова при впадении в него ручья, на стрелке в д. Шкурина Горка расположено небольшое поселение. Из верхних слоев шурфа происходят фрагменты лепной и гончарной XIV—XVI вв. керамики. Это, пожалуй, единственное место откуда просматривается почти весь район порогов.

Немного выше по течению, напротив Шкуриной Горки, так же при впадении ручья, у одного из самых опасных участков порогов расположено поселение известное из писцовых книг как село Петропавловское. Именно отсюда голишинский путешественник Адам Олеарий, проезжавший в Москву в 1634 г., изобразил прохождение порогов. В районе ныне не существующей церкви Петра и Павла, изображенной на упомянутой гравюре, обнаружен пробитый в известняковой толще коренного берега Волхова спуск к воде. Нет сомнений в его древнем происхождении. Здесь же, до подъема воды в результате строительства ГЭС, находился проходимый летом брод. Жизнь на поселении началась по крайней мере в раннем железном веке. Среди подъемного материала помимо керамики найден нож с горбатой спинкой.

Находки лепной керамики конца 1 тыс. н.э. позволяют говорить, что данное поселение включилось в единую систему расселения вокруг порогов не позднее X в. Его площадь предварительно оценивается в 3—4 га.

По всей вероятности, это далеко не все поселения составлявшие агломерацию, плотно «обложившую» пороги. По крайней мере с середины XIII в. известна жестко регламентированная система обеспечения прохождения порогов, восходящая несомненно к более раннему времени. Пороги служили надежным заслоном для непрошенных гостей с севера. Отвесные двадцатиметровые известняковые берега, стремительное встречное течение, невозможность обходного маневра, наконец, многочисленное, несомненно вооруженное население описанной агломерации лучшим образом заменяли мощную крепость.

Судя по всему, ярл Эйрик захвативший Ладогу в 997 г., либо не смог, либо не рискнул пройти Волховские пороги.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

Приём письма личного на фресках церкви святого Георгия в Старой Ладозе

Б. Г. Васильев

Единодушно отмеченное исследователями стилистическое единство уцелевших фресок церкви Св. Георгия в Старой Ладозе располагало к тому, чтобы относить работу над ансамблем одному или двум художникам. Привлечение массы фрагментов росписей этого храма из раскопок в интерьере или в непосредственной близости от него содействовало открытию ранее неизвестных особенностей рисунка и живописи личного, которые предложено считать признаками индивидуального почерка. Количество мастеров при этом увеличилось до шести. Новые поступления обломков стенописи церкви Св. Георгия в коллекцию Староладозского музея за последние годы позволили вернуться к проблеме техники личного письма и рассмотреть ее подробнее.

Общие закономерности приема письма, заданные руководителем артели, удерживают целостность восприятия живописного ковра росписей; всевозможного рода отклонения от условного модуля в ракурсе, рисунке и моделировании помогают построить образ в конкретном состоянии и в его индивидуальном «портретном» облике; отличия от модуля в рисунке деталей личного в наборе используемых средств приема и в способе их применения можно связать с навыками и мастерством каждого художника.

Последовательность работы над личным устанавливается благодаря осыпям красочных слоев в интерьере или по фрагментам из коллекции музея. Первоначально повсеместно производилась разметка силуэта головы и фигуры по слою левкаса (интонако) жидкой краской или желтой линией, очерчивался графией диаметр нимба, затем прописывался фон вокруг фигуры, и работа над ней начиналась

с головы. Первый слой желтой охры охватывал поле нимба, головы и шеи. В отдельных случаях (что не связано ни с возрастом, ни с местоположением, ни с масштабом фигуры), наносился второй слой желтого цвета по фону головы, шеи и других видимых частей тела. При двойной прописке лика единая для всей стенописи рисующая темно-красная линия оказывалась менее заметной, что в определенной степени содействовало более живописной трактовке личного. Рисунком обозначались силуэт головы с прической, овал лика, брови, глаза, нос, губы, графические и живописные притенения. Обязательный набор рисованных деталей дополнялся чертами, определяющими возрастную или портретную характеристику, что выражалось в очерке надбровных теней, глазницы, скулки, щеки. Непременно тени прокладывались в глазнице, по гребню носа, на верхней и нижней губах, на складках шеи и по контуру ключиц. Выборочно среди персонажей — на лбу, на скулке, на щеках. Пробелы сопутствуют притенениям и высветляют лоб, надбровные дуги, верхнюю скулку, гребень носа, носогубную складку, губы, подбородок, шею, белки глаз и завитки ушных раковин или мочек ушей. В некоторых ликах старцев особым приемом — пятном и овальной линией, — высветляется нижнее веко у слезника на обращенной к зрителю стороне в трехчетвертом повороте головы.

При известной графичности росписи светотеневая моделировка личного ни в одном случае не выходит за рамки реальной формы. По ансамблю головы даны в двух основных ракурсах: анфас и в трехчетвертом повороте. В группах персонажей сюжетных сцен встречаются единичные профильные силуэты («Крещение»). Наклон головы соответствует конкретному действию персонажей сюжета: вниз («Поклонение жертве») или вверх (апостолы и ангелы «Вознесения», грешники «Страшного суда»).

Эмоциональное состояние персонажей выражено ракурсом головы, очерком высоко поднятых бровей, жестами рук, постановкой фигуры и ритмикой складок одежды. Ни в одном случае на имеющихся фресках активность движения персонажей не отражается в ритмике прически или бороды.

За условный модуль приема письма личного можно взять образцы работы мастера пророческого ряда барабана, учитывая как хорошую сохранность, так и вариации ракурсов и возраста персонажей. Помимо того, набор художественных средств приема этого монументалиста является самым распространенным среди уцелевших или поднятых из раскопок фресок нашего храма.

Фон личного на всех пророках написан в один слой. Рисунок отличается точностью и особой изысканностью. Нарботанным приемом мастер передает восточный типаж святых отцов с тонким слегка изогнутым на кончике носом, с классическим византийским миндалевидным разрезом глаз, с изящным рисунком бровей, губ, овала ликов, локонов прически и бороды. Именно эти составные элементы модуля письма личного определяют так называемый «грекофильский» характер стенописи церкви Св. Георгия. В моделировании явно преобладают света, повсюду прописанные по слою вохрения из разбеленной желтой охры. Притенения красной охрой проложены местами по овалу лика и повсеместно — в верхней части глазницы. В лике молодого Соломона заметны оттенки по гребню носа и под нижней губой, исполненные серо-голубым цветом. Этим же тоном отмечены белки глаз пророков, дополнительно тронутые бликами белил.

Несмотря на различия в ракурсе и возрасте пророков их принадлежность одной руке не вызывает сомнения: прямоличные головы Свв. Соломона и Давида буквально сливаются при сопоставлении рисунка; а лики других шести старцев столь однообразны, что различить их можно только по сопроводительным надписям, и только искушенный взгляд заметит нюансы в очерке бороды, в цвете волос, что и выступает здесь признаками «портрета» каждого из персонажей.

Лики праотцев в ракурсе обязательно сопровождается данным в двойном изгибе рисунок нижнего века на обращенной к зрителю стороне: выгнутой к носу от слезника и овальной по силуэту глазницы. Эта конструктивная деталь, замеченная еще М. И. Артамоновым, применяется и в ликах старцев, данных анфас, и в молодых ликах других частей ансамбля, где они представлены в трехчетвертом повороте. Морщины лба и выступающие скулки мастер пророческого ряда прорабатывает линиями теней и светов, сменяя графику на живопись в моделировании выпуклых частей лика молодого царя Соломона. Различия в приеме по возрасту персонажей заметны также и в прописи шеи святых.

Таким образом, мастер пророческого ряда барабана свободно владел разнообразными средствами рисунка и живописи, соподчиняя их по возрасту и ракурсу. Технику его письма можно назвать живописно-графической при несомненном господстве контура как основного выразительного средства. За его плечами чувствуется богатый опыт работы над стенописями, что ощущается как в точном выборе пропорций живописных и графических средств, так и в стилизации портретных черт. В его рисунке нет сбоев, и он достаточно легко варьировал незначительные детали, сохраняя при этом основной психологический настрой персонажей. Здесь хорошо видна та степень утонченности и рафинированности в трактовке образа, которая свойственна традициям византийского искусства, достигшего совершенства, но несколько усталого до грани автоматизма исполнения.

Все вышеперечисленные средства применил автор купольного Вседержителя 3. В то же время, его почерк сложнее, а мастерство несомненно выше работы художника пророческого ряда. В изображении Иисуса Христа, помимо двойной прописки фона лика, он тоньше разрабатывает светосилу теней и пробелов, что заметно в сплавленности высветлений и притенений по краям и в усилении контрастности световых бликов с желто-коричневым фоном. Рисующие линии видны только при ближайшем рассмотрении фрески; а характер и ритмика силуэта теневой линии надбровных дуг, складок морщин лба, очерка губ более не встречаются по сохранившимся персонажам памятника. Отличия в рисунке и в качестве живописной лепки объема позволяют уверенно выделить автора Вседержителя как главного мастера артели, истоки творчества которого также связаны с Византией.

Равно близок художникам пророческого ряда и купольного Вседержителя автор фрагмента лика (МЛМ — 7915) из коллекции

Староладожского музея, где виртуозность рисунка по желтой карнации с его подчеркнутой ролью органично соседствует с высококлассной живописной моделировкой 4. В числе оригинальных признаков приема следует отметить каллиграфичность рисунка и прозрачные белильные света по светло-зеленому тону белка глаз. На фоне неизменности приема письма ликов пророков мастер рассматриваемого лика на фрагменте может быть выделен с его индивидуальным почерком, также пока не встреченном на других фресках храма.

Только в ликах архангелов в конхах боковых апсид слоем разбеленной охры отмечено верхнее веко. Впрочем, во всем остальном представленный здесь прием тождественен мастеру пророческого ряда в его работе над образом Соломона. Но у архангелов, равно как и в прямоличных фигурах молодых воинов-мучеников на лопатке диаконника Св. Феодора Тирона и Саввы Стратилата в необычном для Соломона ключе раздельными линейными пробелами и тенями проработаны морщины лба.

Этап упрощения приема особо заметен в ликах Св. Иоакима и Анны сцены жертвенника, где при сохранении типажа и основных конструктивных деталей личного и их функций автор прописывает высветления без промежуточного слоя вохрений и без тоновой подкладки под блики белка глаза.

Этот момент можно было бы объяснить работой художника над сюжетной сценой в менее заметном и менее важном месте храма. Однако, как отмечалось, на противоположной стороне интерьера в ликах воинов и в лике Св. Георгия сцены диаконника мастер применяет слой вохрений, впрочем, отказываясь от этого этапа моделирования в других персонажах «Чуда Георгия о змие». Особая тщательность проработки лика Св. Георгия может быть объяснена первостепенной ролью и значимостью персонажа в храме. Но ранее я привел пример многослойного моделирования с вохрениями в лике одного из персонажей сюжетной сцены, вероятно, «Лона Авраамова», располагавшейся над входом на хоры в юго-западной части церкви 5. То есть, масштаб и место расположения персонажей не влияли на методы работы художников, хотя лучшим из них, несомненно, отводились наиболее ответственные зоны интерьера. Вероятнее всего при завершении основной работы они, не меняя метода письма, принимали участие в росписи второстепенных сюжетов и персонажей. Эти наблюдения позволяют говорить как о работе четвертого мастера над персонажами «Очистительной жертвы Иоакима и Анны», так и о разделении труда между разными художниками в патрональной композиции храма. Прием мастера сюжета жертвенника распространяется на фигуры «Крещения», на ангелов, грешников и праведников «Страшного суда», на изображениях в медальонах. Важно отметить, что в этом перечне мы встречаемся с особым ритмичным строем пробелов, утративших ту пластичность и единство с теневым каркасом, которое характерно для первых трех живописцев. Эти отличия прослеживаются в очерке светов надбровных дуг, носогубных складок, скулок, губ, подбородка.

Изменение характера пробелов влияет на восприятие Образа, постепенно утрачивающего ту степень духовного совершенства, которая свойственна, к примеру, персонажам пророческого ряда или святительского чина алтаря.

Конструирование личного, при этом, практически не меняется, за исключением незначительных деталей. Этот факт подводит нас к предложению о существовании в составе артели знаменщика, размечавшего только контурные элементы личного. Тогда понятными оказываются различного характера притенения глазных впадин, овала ликов, шеи и отмеченная разноголосица в технике и в характере высветлений, к которым во многих местах храма допускали русских помощников византийского ядра артели.

Помимо канона возрастной характеристики, в специфике рисунка сохраняется закономерность в очерке овала лика женских персонажей росписи. Из их числа сохранились изображения Богоматери «Вознесения», Св. Анны в жертвеннике, царевны и царицы в диаконнике Св. Мученицы Марии на южной стене и группа праведных жен «Страшного суда». Женскому типу соответствуют ангельские лики. Отличия их от мужских заключается в более живописной разделке лба, носогубной складки, щеки, хотя в последнем лики моделируются по-разному. Постоянным признаком женского лика, помимо плата, является округлый овал щеки, особо подчеркнутый в трехчетвертном повороте головы. По этому модулю решен и лик Марии Египетской 6. Впрочем, щека, обращенная к зрителю, прорисована как впаляя криволинейным силуэтом по всей плоскости, что соответствует образу раскаявшейся грешницы, попавшей в число праведников после многолетней скитальческой жизни и обычно в подобной трактовке решенной в византийской живописи, к примеру, в мозаиках Торчелло 7. В нашем случае, видимо, противоречие вызвано работой художника, мало- знакомого с нюансом иконографии этого персонажа.

Причем в группе праведных жен этот художник выступил в роли знаменщика, во многом подражавшего заданному модулю в конструировании и моделировании личного. Однако контраст его работы с деятельностью ближайшего к нему мастера сцены жертвенника столь ощутим, что позволяет видеть здесь руку пятого художника вероятнее всего из числа местных сил.

Руке шестого художника артели принадлежит лик на фрагменте (СЛМ—96708) из коллекции Староладожского музея с изображением профиля неизвестного персонажа групповой сцены вероятнее всего «Старшего суда», судя по условиям его находки у западной стены в интерьере храма. Фон лика прописан по желтой карнации, детали отмечены темно-красной линией, блики глаз тронуты белилами, а верхняя скулка — белилами по слою вохрения. На щеке дополнительно ко всем известным фрескам памятника прописано пятно красных румян, которое благодаря сплавленности тона по краям не может быть принято за контур другой головы, либо за линию морщины на щеке. Нос по всей длине ровный, прямой без традиционной пробельной линии по гребню и необычно крупный у ноздрей. В подобном ракурсе, как говорилось выше, написан только один персонаж в группе

«Крещения», данный однако с изогнутым кончиком носа и с пробелом по гребню. 8 Необычным воспринимается также рисунок ноздри, лишенный на фрагменте той подчеркнутой «крылатости», характерной для этой детали на других персонажах, включая трехчетвертные и профильные. Стилистика же приема и грунт фрагмента не вызывают сомнений в его принадлежности

первоначальной росписи храма. Перечисленные особенности приема на фрагменте более всего могут быть отнесены руке отдельного мастера, других следов работы которого в интерьере пока не обнаружено.

Седьмой художник артели, отмеченный мною ранее по признаку моделирования притенений зелеными окрасками по овалу лица и стопы ног двух ангелов и двух апостолов купольного «Вознесения», в новых поступлениях фрагментов с личным нигде более не проявился, и по поводу этого способа возникли сомнения в его первоначальном происхождении.

Кроме зеленых полос притенений, в рисунке ликов этих персонажей никаких существенных отклонений от принципиальной схемы конструирования и моделирования не замечено. Сама по себе широкая теневая линия по овалу лица никак не соотносится ни с рисующей тонкой, но — красной, ни с такого же цвета притенениями. Тем важнее природа зеленых полос, что им сопутствует традиционный по ансамблю красный рисунок как на ликах, так и на стопах ног. Вторичная природа зеленых теней увязывается со столь же необычной для росписи храма пробельной прерывистой линией по овалу ликов Свв. Агафона и Саввы Стратилата. Этого светлого графического блика, выборочно проложенного по овалу и разрушающего восприятие вплоть до суждения о выполнении фрески с Агафоном неумелым художником, — ни на других изображениях в интерьере, ни на фрагментах коллекций нигде не обнаружено.¹ Ранее мною рассматривалась деятельность художников 1445 г., поновлявших стенопись нашего храма и касавшихся со вставками левкаса, в частности, к изображению Саввы Стратилата.¹² Не исключено, что одновременно мастера Евфимия II поправляли силуэты в личном, усиливая их пробелами или упомянутыми зелеными притенениями.

Единичные образчики почерков художников артели церкви Св. Георгия не должны нас беспокоить, поскольку в целом по всем известным коллекциям фрагментов фресок в Русском музее, в Эрмитаже и в Староладожском музее вместе с росписями в интерьере едва достигают по площади одной трети ансамбля.

Подчеркнем также, что из-за возможных правок росписи не только в сер. XV в., но и в последующие времена, особую достоверность имеют именно фрагменты фресок, обрушившихся в ранние века жизни храма. Эту ситуацию необходимо учитывать и при изучении других частично дошедших до нас стенописей.

По личному письму росписи церкви Св. Георгия в Старой Ладозе не столь уж просты, как воспринимаются с первого взгляда. Первые из четырех перечисленных мастеров не только связаны с византийскими традициями, но и представляют в своем творчестве разные грани живописного и графического течений стиля эпохи. Главный мастер и его сотоварищи свободно и легко распорядились самой малой из известных на новгородской земле площадью интерьера, сохранив важнейший принцип архитектоники стенописи, варьируя бесконечно масштабы фигур от головки души Лазаря в 5 см до головы архангелов с разрезом глаза шириной 8 см. Без каких-либо сомнений, по желанию заказчика и по требованию ведущего мастера изменена компоновка окон южной апсиды для просторного размещения в ней патрональной сцены программы. За всем этим стоит школа и многовековые традиции. Такой школы для Новгорода XII в. мы не знаем. Для местных художников из аргументов, выдвинутых В. Н. Лазаревым, сохраняют свою силу русские надписи на свитках, повышенная роль орнамента и подражательный почерк не менее как трех помощников византийского звена артели.

Ближайшая по месту и времени параллель стилистике фресок церкви Св. Георгия — росписи Мирожя, также исполненные под руководством византийского художника. Фрески церкви Св. Климента 1153 г. в Старой Ладозе созданы двумя артелями, руководимыми вероятнее всего константинопольскими мастерами и представившие в своем творчестве новаторские живописные концепции стиля.¹³ Иной стилистический прием личного письма показали нам художники церкви Успения Богородицы второй четверти XII в. 14 С другой стороны, близость к сицилианским мозаикам и к средиземноморским фрескам последней четверти столетия дает нам наиболее вероятные корни мастерства византийского ядра артели церкви Св. Георгия в Старой Ладозе.

Предложенная методика прочтения приема личного письма — вслед за изысканиями Н. В. Перцева, А. И. Яковлевой, Д. Уинфилда, — открывает перспективу исследований не только индивидуальных почерков сложносоставных артелей монументалистов, но и помогает вплотную подойти к пока еще не решенной проблеме организации труда на раннем этапе истории древнерусских стенописей.

1 М. И. Артамонов. Один из стилей монументальной живописи XII — XIII вв. // ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1. С. 56; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.: Л., 1947. С. 28; его же: Фрески Старой Ладозы. М., 1960. С. 68.

2 Б. Г. Васильев. Манеры мастеров фресок церкви Георгия XII в. Старой Ладозы // Византия и Русь. М., 1989. С. 180.

3 Б. Г. Васильев. Указ. соч. С. 174.

4 Б. Г. Васильев. Указ. соч. С. 176. Рис. 1.

5 Б. Г. Васильев. Новые фрагменты фресок церкви Георгия XII в. в Старой Ладозе // ПКНО — 1994. М., 1996. С. 162—163.

6 Н. Б. Салько. Живопись Древней Руси XI — начала XIII века. Л., 1982. Илл. 138.

7 В. Н. Лазарев. История Византийской живописи. М., 1986. Илл. 390.

8 В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладозы. Илл. 58.

9 Б. Г. Васильев. Манеры... С. 176.

10 Н. Б. Салько. Указ. соч. Илл. 137; В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладозы. Илл. 51.

11 В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладозы. С. 68—69.

12 Б. Г. Васильев. К истории фресок церкви Георгия в Старой Ладозе // СА. 1988. № 4. С. 181 — 186.

13 Б. Г. Васильев. Фрески церкви Климента 1153 года в Старой Ладозе (опыт исследования разрушенных стенописей). Автореф. канд. дисс. СПб., 1994. С. 12.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(25\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Ножи охотничьи. Нержавейка.](#)

Ножи из нержавеющей стали. Подарок рыбаку и охотнику! 30 видов ножей.
sarmik.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

12/98

О топографии находок рыболовных принадлежностей из раскопок в Пскове

Е. В. Салмина

Достаточно традиционным в настоящее время является исследование топографических характеристик следов самых разнообразных ремесел русского средневекового города. В данной работе предлагаются результаты подобных наблюдений применительно к одному из важнейших добывающих промыслов — рыболовству — на материалах средневекового Пскова.

Регулярная деревянная застройка археологически изучена на широких площадях. В настоящее время ведется работа над сведением воедино системы ярусов крупнейшего в Пскове комплекса раскопок в центральной части города — на ул. Ленина.

К исследованию были привлечены находки рыболовных принадлежностей из всех частей города (Кром и Довмонтов город, Средний город, Окольный город, Запсковье, Завеличье). В силу разной сохранности сооружений культурного слоя в целом, а также разной обеспеченности документацией ряда раскопок, информативность их не была одинакова. Основные выводы сделаны на материалах раскопок в черте Среднего города.

С конкретными ярусами или строительными этапами различных раскопок были соотнесены 1012 находок рыболовного инвентаря. К дворам или участкам застройки отнесены 899 находок. Рыболовный инвентарь был встречен в 181 дворе (73% изученных дворов или участков застройки Пскова). При исследовании отдельных участков территории нередко создавалось, впечатление, будто рыболовными снастями в той или иной степени пользовались практически все хозяева расположенных здесь дворов.

Почти в половине случаев на территории двора обнаружено более 5 находок, связанных с рыболовством; в 13% случаев — более 10. Те случаи, когда с территории двора происходят только 1–2 находки, почти всегда относятся к тем дворам, которые вошли в раскопы лишь небольшим участком территории. Если их исключить из расчетов, доля дворов с рыболовным инвентарем составит 89%.

Крупных комплексов инвентаря в Пскове обнаружено не менее 30. При топографическом анализе взаиморасположения находок удалось интерпретировать ряд комплексов, как оснастку следующих снастей: простые жаберные сети, ставные многостенные, сети маточно-крыльевой конструкции (сети типа невода), малые волоковые, плавные, обметные сети. Представлены детали крючных снастей и орудий ударного действия. Один из комплексов — 28 предметов — почти полностью представлен заготовками известняковых тщательно обточенных сетевых грузил. Они обожжены, видимо, попав в слой в результате пожара. Возможно, что хозяин двора (изготовитель грузил?) заготавливал полный комплект оснастки (переоснастки?) сети, но не воспользовался им.

Итак, большинство проживавших на изученной территории Пскова горожан владело теми или иными рыболовными снастями. Чаще всего это были небольшие сети (более 70% случаев), встречались и аксессуары больших сетей, неводов, реже — аксессуары крючных снастей, орудия ударного действия. Иногда выявлялось, что жителями двора одновременно использовались снасти разных видов. Факт хранения крупных снастей вблизи места проживания хозяина естественен для крупных городов, где место ловли было существенно удалено от места жительства и хранить сети на берегу было небезопасно.

Многие из хозяев дворов, где был встречен рыболовный инвентарь, занимались и иным, отличным от рыболовства, производством. Это ювелирное дело (13 дворов, в одном из них связанные с рыболовством находки могут являться не средством производства, а продукцией — бронзовый рыболовный крючок и заготовка крючка. Известны дворы с находками рыболовного инвентаря, где прослежена связь с торговлей (7 дворов), сапожным или иным кожевенным делом (не менее 4 дворов), ткачеством (2 двора) и др. Таким образом, рыболовство не было для них основным, или, во всяком случае, единственным, источником существования.

В 30% случаев общий состав находок (среди которых — привозные вещи, точеная посуда, изделия из стекла, оружие и конское снаряжение, вислые свинцовые печати) указывает на высокое материальное благосостояние и даже высокое социальное положение хозяев. Именно к таким дворам тяготеют находки аксессуаров неводов и других крупных сетей и инструментарий для вязания сетей (43% случаев обнаружения большого количества предметов рыболовного инвентаря на территории отдельного двора). Возможно, владение такими средствами производства, как сети, неводы или дели (части) неводов было выгодно зажиточным хозяевам, могла иметь место практика сдачи в аренду промысловых снастей или сезонный найм артелей. Ловлей для внутренних нужд могли заниматься зависимые люди.

Выделяются две усадьбы, хозяйственную деятельность которых с некоторой долей уверенности можно связать с организацией рыболовного промысла. Обе они исследованы при раскопках на ул. Ленина, одна — в комплексе раскопов 1968–1970 и 1973–1974 гг., вторая — на Х раскопе.

Границы их определяются во второй половине — последней четверти XII в. Площадь первой усадьбы в пределах раскопа составляет более 250 кв. м., второй — от 90 до 240 кв. м. в разное время. В первой половине XIV в. первый двор разделяется на две почти равных по площади (около 140–160 кв. м.) хозяйственных единицы — при сохранении преемственности в планировке и занятиях. Обе усадьбы прекращают свое существование, скорее всего, в связи с пожарами или эпидемиями первой половины XIV в.

В границах первого двора в слоях ХН–ХШ в. найдено 54 детали оснастки невода и других типов сетей, среди них — три грузила с разными владельческими метками. Встречен сетевязальный инструментарий. В слое XIV в. (после разделения усадьбы) найдено еще 32 аксессуара ставных и волоковых сетей (в том числе — 2 грузила с меткой).

Помимо бытового инвентаря, с территории первого двора происходят фрагменты точеной посуды, амфор, стеклянные бусы и браслеты, западноевропейское оконное стекло, раковина каури, что указывает на имущественное благосостояние хозяев², на протяжении XIII в. на территории двора велось кустарное ювелирное производство³. На одном из «новых дворов», выделившихся из рассматриваемого двора, найдены две вислые свинцовые печати.

Аналогичная картина наблюдается и на второй усадьбе. На протяжении последней четверти XII в. — начала XIV в. в слой попадают 15 находок аксессуаров сетей, неводов и крючных снастей, две лодочные уключины и черпак. В общем составе находок выделяются вток копья, раковина каури, счетная бирка, фрагменты точеных чаши и тарелки, стеклянные бусы и браслет, инструментарий кустарного ювелирного дела.

В обеих усадьбах находки, связанные с рыболовством, попадают в слой на долгом отрезке времени — с конца XII в. по первую половину XIV в. Состав находок говорит о использовании, главным образом, сетей (причем можно говорить и о малых ставных и волоковых сетях, и о сетных ловушках) и, что характерно, неводов. В одном из дворов присутствовали и аксессуары крючных снастей. Преобладание уловистых снастей, «орудий профессионала», очевидно. Показателен факт присутствия деталей лодки.

Дворы отличает большое количество чешуи рыб, широко распространенной по территории двора, существовавшей внутри построек. Это может указывать на факт обработки рыбы в постройках, но более реальным представляется факт хранения облепленных чешуей сетей в этих помещениях — при массовой разделке рыбы должны были бы присутствовать и кости рыб.

Планировка дворов средневековых рыболовов исследовалась на материалах довольно отдаленных территорий — раскопок в Волине и Риге⁴. Характерными признаками таких дворов, помимо состава находок, являлось наличие помещений для хранения, сушки, ремонта и переоснастки, а также для изготовления инвентаря. На территории двух изученных в Пскове дворов присутствуют срубные постройки

хозяйственного назначения, для которых не исключена и такая интерпретация. Однако, в правомерности аналогий уверенности здесь нет — в Риге и Волине были открыты усадьбы собственно рыбаков, в Пскове — состоятельных людей, имевших отношение к организации промысла. На них работали, вероятно, зависимые или специально нанятые люди.

Вернемся теперь ко всему псковскому материалу в целом. Большая часть рыболовных принадлежностей найдена вне построек, но в непосредственной близости от них. В жилых постройках найдено только 107 предметов (13,3%), в хозяйственных постройках — 80 находок (11%). Возле срубов (48,5% находок), видимо, производился ремонт и (в теплое время года) плетение сетей (это косвенно подтверждается присутствием в этих местах инструментов для вязания сетей, заготовок предметов оснастки и огрузки), частичная переоснастка. Можно отметить случаи обнаружения крупных комплексов рыболовного инвентаря в подвалах срубных или каменных построек. Возможно, в подполье сети хранились в межсезонье. Распространены случаи обнаружения грузил во вторичном использовании в составе регулярного и-нерегулярного замощения—для его укрепления.

Занятия рыболовным промыслом накладывали отпечаток на общий состав находок, происходящих с территории средневекового двора. Наряду с принадлежностями рыболовства встречались предметы, имеющие к рыболовству косвенное отношение, применявшихся в хозяйстве и в быту в целом и связанных с рыболовством только одной из своих функций⁵. Наиболее частая встречаемость отмечена для деталей лодок — во всех случаях, где находку удавалось соотнести с конкретным двором и ярусом, оказывалось, что из этого двора происходит и ряд принадлежностей рыбной ловли. Причем нередко это оказывались крупные комплексы рыболовного инвентаря (обычно — оснастки сетей, неводов) — до 40 предметов.

Ледоходные шипы в виде скобы встречаются почти в каждом выделенном средневековом дворе, и высокая степень их встречаемости с предметами рыболовного инвентаря может и не быть показательна. Шипы, специально изготавливаемые для крепления на обувь во всех случаях соотносимы с находками рыболовного инвентаря. В трех случаях вместе с предметами рыболовного инвентаря найдены берестяные сумки (берестяная сумка, четыре известняковых грузила, два грузила в берестяной оплетке, ботало и пять поплавков из сосновой коры происходят из подвала срубной постройки, а в пределах двора, к которому относится постройка, найдены также две уключины). Пешни в 5 из 6 случаев встречены вместе с рыболовным инвентарем. Рели, сошила, жерди и стержни-распорки для установки сетей во всех случаях найдены вместе с предметами сетевой оснастки и огрузки, что и подтверждает правильность их интерпретации. Дворы, где встречался рыболовный инвентарь, были распределены по изученной территории Пскова для всего средневекового периода равномерно. Наибольшее число дворов с рыболовным инвентарем среди всех археологически изученных (до 85%) приходится в Пскове на 2 половину XIII в. — 1 половину XIV в. Определенных территорий, где дворы с аксессуарами рыболовства расположены более плотно, чем в иных местах, не выявлено. Можно отметить, что в позднесредневековое время количество дворов (усадб, хозяйственных комплексов), где встречены предметы рыболовного инвентаря, на Запсковье возрастает почти вдвое. Это можно связать с данными писцовых книг, которые упоминают рыбаков, живущих, по большей части, в этих же районах.

Особое место среди принадлежностей рыболовного инвентаря занимают предметы со знаками. В псковской коллекции этот материал представлен массово: 101, или 5,5% всех предметов, связанных с рыболовством, отмечено разнообразными знаками, буквенными начертками и орнаментальными рисунками. Они встречены на каменных грузилах для жаберных сетей и неводов (63 предмета), на круглых известняковых грузилах для волоковых сетей (13 предметов), на заготовках каменных грузил (3 находки), на керамических грузилах для волоковых сетей (7 находок), на поплавках из сосновой коры (9 находок).

Известны изображения в виде пятиконечной звезды, кораблика, сети (в двух случаях это изображение небольшого сетевого снаряда, в 1 случае — сети с попавшей в нее рыбой), изображения креста — прямого и косоугольного, животного, птичьей лапки, буквы или буквенподобные начертки, орнаментальные рисунки и композиции. Помимо процарапанных знаков, на двух керамических грузилах встречено одинаковое клеймо в виде решетки в круге. Чаще всего метки встречаются поодиночке, но иногда обнаруживалось и по 2-3 знака на грузилах⁷.

На псковском материале с конкретными ярусами соотнесены 78 предметов инвентаря со знаками. Вне дворов найдены 16 из них, остальные распределены по 40 дворам (23% дворов с рыболовным инвентарем). В большинстве случаев во дворе встречена 1 находка со знаком (80% случаев). Известны 5 случаев обнаружения 2 находок со знаками, 1 случай обнаружения 3 находок и 2 случая обнаружения сразу 4 находок со знаками в одном дворе.

Знаки на предметах рыболовного инвентаря, происходящие с одного двора, иногда совпадают в точности, иногда это совсем разные изображения. Так, в дворах, где обнаружены по 3 находки с метками, в одном случае совпадают все 3 (Л-образный знак), во втором случае знаки схожи, но не идентичны, в третьем случае совпадают 2 зигзагообразных знака, а на третьем грузиле изображена буква «П». В комплексах из 4 находок со знаками первый представлен двумя буквами П, буквой П и значком из 4 точек, второй — двумя кругами вокруг отверстий и двумя изображениями сети.

В большинстве случаев маркированные находки происходят из крупных и представительных комплексов инвентаря (в 55% случаев на территории двора им сопутствует не менее 10 находок, еще в 40% случаев — не менее 5 находок рыболовного инвентаря). В 83% случаев находки со знаками присутствуют в тех комплексах грузил, которые попали в слой в результате пожара, т. е. представляли собой относительно полный комплект огрузки одной сети. Видимо, помечено было большинство крупных сетей.

По территории средневекового Пскова, исследованной раскопками, предметы рыболовного инвентаря со знаками распределены равномерно.

Нередко по площади города широко распространялись предметы с одинаковыми значками. Предметы со знаком «N» встречены в дворах, зафиксированных в раскопах VI, XI, XII, XIII на ул. Ленина, знак в виде пятиконечной звезды — в раскопах V, VI, X того же комплекса, комбинация же «N» и звезды — в дворах из раскопов VI, XI. Расстояния между местами их обнаружения превышают 100-120 м. Однако в раскопах за пределами стены 1309 г. этот значок встречен не был. Гораздо большее расстояние разделяет два керамических грузила с одинаковым клеймом — одно найдено в Среднем городе, другое — на Запсковье.

Возможно, здесь мы имеем дело с патронимическим распространением знаков собственности⁸ (Indans J., 1982; Tilko S., 1986). Можно предположить также, что одинаковый значок стоял на сетях, владельцы которых объединялись в артель или работали на одного хозяина, владельца снасти или рыболовных угодий.

Интересно, что в одной из рассматривавшихся выше усадеб (в раскопах 1968-1974 гг. на ул. Ленина) встречено 5 предметов сетевой огрузки со знаками. Одинаковых среди них нет. Возможно, мета владельца изменялась во времени. Но поскольку два или даже три из этих грузил одновременны, это указывает скорее на связь двора с несколькими производственными единицами — артелями.

Изучение топографии находок, связанных с рыболовством, позволяет делать некоторые выводы об организации этого промысла.

Установлено, что рыболовством так или иначе занималось большинство жителей средневекового Пскова, но процент профессионалов, вероятно, не был велик. Значки на предметах рыболовства свидетельствуют о процессах разделения и слияния хозяйственных единиц, связанных с рыболовством, возможно — о существовании кооперации между проживавшими в разных дворах рыбаками.

Наибольший процент (85%) дворов, где представлены рыболовные принадлежности, среди прочих археологически изученных приходится в Пскове на 2 половину XIII в. — 1 половину XIV в. А. В. Куза относит к этому моменту стадию серьезных изменений в организации рыбного промысла Древней Руси. Он пишет об оформлении рыболовства в самостоятельную профессию и отрасль экономики средневекового города⁹. Этот вывод сделан главным образом на новгородских материалах.

В Пскове в это время также прослеживается ряд явлений, свидетельствующих об изменениях, связанных с рыболовным промыслом.

Во-первых, к этому периоду относится момент максимального распространения рыболовных принадлежностей по отдельным дворам средневекового Пскова и наибольшая ассортиментность снастей, аксессуары которых представлены в культурных отложениях. Это свидетельствует о важной роли рыболовства в хозяйственно-экономической жизни средневекового Пскова.

Во-вторых, возрастает число сохранившихся в культурных отложениях крупных комплексов аксессуаров рыбной ловли, которые могут быть реконструированы как комплексы оснастки крупных сетей и неводов. Преимущественное использование именно этих «уловистых» орудий также указывает на реорганизацию профессионального рыболовства. Видимо, этот же процесс нашел отражение в возрастании общего количества снастей, которые должны были быть отмечены знаками собственности, отражающими факт принадлежности снасти конкретному владельцу, артели и др.

В-третьих, анализ остеологических останков рыб свидетельствует о том, что в этот же период происходит распространение обловных площадей на открытую часть Псковского и Чудского озер.

Таким образом, изменения по сравнению с предшествующим периодом очевидны. Вывод о том, что этап с 2 половины XIII в. по 1 половину XIV в. является пороговым в развитии рыболовного промысла, может быть распространен и на средневековый Псков. Более сложен вопрос о том, когда именно завершается в Пскове это своеобразное «переоформление рыболовства из отрасли сельского хозяйства в товарную отрасль товарного городского хозяйства». Согласно мнению А. В. Кузы, для Новгорода очевидно, что в середине XIV в. этот факт уже является свершившимся. Большое количество дворов с находками рыболовных принадлежностей в Пскове с одной стороны, также указывает на значимость рыболовства в хозяйственной жизни. С другой стороны, факт занятия большого круга лиц непрофессиональным рыболовством говорит о том, что процесс утраты рыболовством роли в качестве вспомогательного промысла и превращения его в товарную отрасль хозяйства еще не завершён.

К сожалению, характер и сохранность культурных отложений не дает нам возможности проследить момент завершения этого процесса. Отчасти это связано со следом, который оставили в материальных остатках эпидемии середины XIV в.¹⁰ — на рыболовстве, как и на любой отрасли городской экономики, сказывались общегородские явления (пожары, эпидемии). Общий упадок хозяйственной жизни, связанный с опустошительными эпидемиями 1352 и 1359/1360 гг. выразился в сокращении числа дворов с рыболовными находками и крупных комплексов инвентаря. Кроме того, культурный слой XV в. хорошо сохранился уже не на столь обширных площадях, как отложения предшествующего периода, и участков, где хорошо прослеживалась бы преемственность в хозяйственной активности, весьма мало.

1 Козлов С.Э. К изучению вопросов социальной топографии и культуры Пскова XI - XVII вв. // Дипломная работа. 1989. Архив кафедры отечественной истории ПГПИ; Лабутина И. К., 1983. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 1. М.; Лабутина И. К., 1986. О датировке ярусов в раскопах на улице Ленина в Пскове (1976, 1978, 1981 - 1985 гг.) // АИППЗ. Псков; Мартинович Н. И. Характер планировки и застройки средневекового Пскова. По материалам раскопок 1976 г.; Дипломная работа. 1981. Архив кафедры отечественной истории ПГПИ.

2 Козлов С.Э. Ук. соч.

3 Королева Э. В. Ювелирное ремесло средневекового Пскова (по материалам археологических раскопок в пределах укреплений стены 1375 г.). Дипломная работа. 1991. Архив кафедры отечественной истории ПГПИ.

- 4 Caune G. V., 1990 *Pati Riga udzene*. Riga; Rulewicz M, 1974. *Ze studiow nad ry-bolowstwem we wczesnosredniowiecznych miastach przy ujsciu Odry*. // *Archeologia Polski*, t. XIX, z. 2. Warszawa - Wroclav - Krakow - Gdansk.
- 5 Салмина Е.В. Предметы вспомогательного рыболовного инвентаря из раскопок в Пскове // *Археология и история Пскова и Псковской земли*, 1994. Материалы научного семинара. Псков, 1995.
- 6 Писцовая книга 1585 - 1587 гг. // *Сборник МАМЮ*, т. 5, М., 1913.
- 7 Салмина Е. В. Предметы рыболовного инвентаря со знаками из раскопок в Пскове // *Археология и история Пскова и Псковской земли*, 1995. Материалы семинара. Псков, 1996.
- 8 "Indans J., 1982. *Ornaments un in formative rakstura zimes zvejnieky materialaja kultura*. // *Zinatniskas atskaites sesjas materiali par archeologu un etnografu. 1980/1981 gada petijumi rezultatem*. Riga; Tilko S., 1986. *1985 gada Rigas archeologiskas israkumos iegute koka prieksmeti*. // *Zinatniskas atskaites sesjas materiali par archeologu un etnografu. 1985 gada petijumi rezultatem*. Riga.
- 9 Куза А. В., 1970. *Рыбный промысел в Древней Руси*. Диссертация ...канд. ист. наук. М., МГУ.
- 10 Куранова Е. А., 1987. *Эпидемии в средневековом Пскове XIII - XVI вв*. Дипломная работа. 1991. Архив кафедры отечественной истории ПГПИ.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Археологические исследования в Людином Конце Великого Новгорода. Троицкий раскоп

В. Л. Янин, А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина, А. Н. Сорокин

Работы на Троицком XII раскопе ведутся с 1995 г. и организуются Центром по организации археологических исследований Новгорода (руководитель А. С. Хорошев). Общее научное руководство осуществлял В. Л. Янин. Работами на раскопе руководил А. Н. Сорокин, полевую камеральную лабораторию возглавляла Л. В. Покровская (научный консультант Е. А. Рыбина), фотофиксацию вел С. А. Орлов. В раскопках в качестве практикантов принимали участие студенты кафедры археологии МГУ, а в качестве землекопов студенты Исторического факультета МГУ, новгородские школьники.

В 1999 г. работы на Троицком раскопе XII финансировались РГНФ (проект 99-01-18057е), Российской Академией наук и Администрацией Новгорода.

За полевой сезон 1999 г. на площади раскопа, составляющей около 1200 кв. м, изучены культурные напластования мощностью 1 -1,2 м (13-18 пласты), которые по предварительным оценкам датируются XI - началом XII вв.

Культурные отложения типичны для усадеб древнего Новгорода и состоят из влажного темно-коричневого слоя со щепой, пронизанного многочисленными включениями, прослойками, отдельными пятнами навоза, углей, золы, глины, песка и т.п., залегающих в четкой стратиграфической последовательности. В то же время особенностью центральной части раскопа является большое количество древних локальных перекопов, образованных столбовыми ямами; кроме них, нарушения культурного слоя отмечены в местах

расположения межусадебных оград - частоколов.

Основную площадь раскопа занимает усадьба «Е», располагавшаяся в юго-западном углу перекрестка Пробойной и Черницыной улиц Людина конца. Въезд на нее, отмеченный дворовой вымосткой, располагался со стороны Пробойной улицы. В южной части раскопа прослежен стык еще двух усадеб. Планировка всех дворов характеризуется преемственностью застройки, когда на одном и том же месте из яруса в ярус возобновлялись сооружения, имевшие одинаковую конструкцию.

На площади трех усадеб зафиксированы многочисленные остатки древних деревянных сооружений. Основную их массу составляют срубные постройки, как правило, сохранившиеся на высоту в 1-2 венца. Существовало несколько типов домов: однокамерные квадратные (подквадратные) срубы; двухкамерные прямоугольные с несимметричным или симметричным расположением внутренней капитальной стены («пятистенки»); двухкамерные составные, когда к квадратному срубам пристраивалось помещение, имевшее срубно-столбовую конструкцию. Рубка углов - в обло с остатком. В верхней части стен неоднократно прослежены продольные желобки с остатками мха между венцами. Печи располагались на квадратных в плане столбовых опечках и занимали один из углов жилого дома. От полов сохранились только переводины и подкладки под ними; по всей вероятности, половицы обычно располагались выше уровня 2-3 венцов. В нескольких случаях удалось проследить характерную конструкцию крылечек перед входом. Они состояли из двух слегка расходящихся веером бревенчатых лаг; их дальние от стены сруба торцы закреплялись в вырубках порога, ориентированного перпендикулярно лагам; в продольные боковые пазы лаг укладывались плахи или доски таким образом, что последовательно чередовались выпуклые и плоские поверхности.

Одной из особенностей древнего новгородского домостроительства является использование подкладок под стены домов. Как правило, они состояли из небольших обрубков бревен или плах, располагавшихся поодиночке или группами под углами или средними частями стен. Кроме этих традиционных подкладок встретился и иной способ устройства фундамента на так называемой фундаментной площадке. Такие площадки, впервые обнаруженные на Неревском, а позже и на Троицком раскопе, существовали с середины X в. до середины XII в. Их конструкция заключалась в том, что подкладки под сруб дополнительно обводились одновенцовым срубом, который на 1 м отстоял от стен будущей постройки. При этом его углы скреплялись не обычной чашеобразной, а прямоугольной вырубкой.

Пространство внутри заполнялось грунтом - возможно взятым со стороны культурным слоем, который, очевидно, утрамбовывался. Только после этого на получившейся площадке с применением уже обычной системы подкладок возводился дом.

Кроме срубов, на раскопе открыты частоколы, плетневая конструкция, дворовые вымостки, а также квадратная в плане постройка со столбовыми стенами, вероятно, являвшаяся загоном для скота. Особый интерес представляет замощение дворовой площади в центре усадьбы «Е» размером примерно 7 x 12 м.

Берестяные грамоты. В течение сезона было найдено 15 берестяных грамот (№№ 901 - 915). Особую ценность представляют 10 грамот, происходящих из слоя XI в. До настоящего времени было известно не более 20 документов столь раннего времени, теперь их число увеличилось сразу в полтора раза, что существенно расширяет источниковую базу раннего периода новгородской истории.

По своему содержанию грамоты 1999 г. образуют две группы: церковно-канонические тексты (3 грамоты), в двух из которых содержатся отпусты (молитвы, завершающие службу). Чрезвычайный интерес представляет грамота №906, в которой среди прочих святых упомянуты Борис и Глеб, канонизированные в 1071 г. Сам документ обнаружен в слое 3-й четверти XI в. и отражает таким образом стремительность утверждения и распространения нового культа.

Вторую группу составляют документы делового характера, связанные со сбором государственных налогов в новгородскую казну. Среди них примечательна грамота № 902 - своеобразный отчет сборщика дани новгородскому чиновнику. Большой интерес представляет целиком сохранившаяся грамота № 907, адресованная посаднику Гюряте о расследовании кражи, в том числе и княжеского имущества.

Находки. Среди многочисленных находок наиболее значительными являются деревянные бирки - замки для мешков с данью (Рис. 1), которых найдено 38 экз. (за все предыдущие годы раскопок было собрано всего 13 таких предметов в разных районах Новгорода). Многие бирки содержат княжеские или иные знаки, чарубки, различные надписи, фиксирующие место сбора дани и ее количество. Имена и должности получателей части этих ценностей, обозначенные на этих бирках, в ряде случаев совпадают с именами адресатов обнаруженных здесь же берестяных документов. Наиболее ярким примером может служить упомянутая уже грамота № 902, адресованная Хотену, и две бирки с его именем.

Историческое значение всего комплекса этих находок невероятно велико. Они являются надежным свидетельством административно-политического устройства Новгорода в ранний период (сбор государственных доходов осуществлялся новгородскими боярами) и демонстрируют его существенное отличие от Киева, где князь с дружиной сам объезжал земли, собирая дань (полюдье).

Другой важный вывод, происходящий из анализа деревянных бирок и текстов грамот, состоит в том, что благодаря им впервые получены конкретные сведения о размере Новгородской земли в XI в., которая простиралась в это время далеко на север - до устья Ваги и Пинеги.

Несомненно, раскопанная усадьба была административным центром Людина конца (а может быть и всего Новгорода) в XI в.

В состав собранной на раскопе вещевой коллекции входят редчайшие для новгородских раскопок находки - 8 серебряных западноевропейских монет, золотые украшения. Обильно представлены предметы воинского и конского снаряжения (удила, псали, шпоры, стрелы, дротики); значительны находки писал - 5 экз., великолепны образцы резного дерева. Особое впечатление производят целиком сохранившиеся, обильно орнаментированные различными узорами деревянная крышка и грядка саней, фрагмент большого

резного сосуда с зашифрованной надписью.



Рис. 1. Деревянные пломбы-замки XI в. Усадьба Е

1 - с княжеским знаком- 2 - с надписью «емьннк дАзерево м-ъХъ»; 3 - с буквой Н; 4 - с надписью «Хотьн-ъ»-5 - с надписью «оустье Вдгы мечкннчь. м-ъх-ъ 3 гривны»; 6 - с зарубками- 7 - с княжеским знаком

Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА, № 123. М., 1963. С.13. Рис. 4;Фараджева Н. Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Труды VI МКСА. Т.2: Славянский средневековый город. М., 1997. С.404-405.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(35\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

["Экопочва-ЛД" Ландшафтный дизайн](#)

Все виды ландшафтных работ. Сезонные скидки! Полный комплекс работ
www.ecosoil.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Реставрация и ремонт мебели](#)

А также изготовление на заказ эксклюзивной столярной продукции.
www.odm.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

О культурном слое Новгорода второй половины 15-16 веков

Л. И. Петрова, И. Ю. Анкудинов, Н. Д. Фирсова

Известно, что верхние горизонты характерного для Новгорода культурного слоя, насыщенного органическими остатками и деревянными сооружениями, датируются в основном началом - серединой XV вв. В отдельных случаях эти даты опускаются еще ниже - до конца XIII - начала XIV вв. (Людогосий, Добрынин и ряд других раскопок)¹. Этот слой перекрыт напластованиями серой рыхлой земли с большим включением битого кирпича, камней, в которых отсутствуют деревянные сооружения и предметы из органических веществ. Предпринимавшиеся в первые годы раскопок в Новгороде попытки расчленить верхние напластования на узкие хронологические горизонты XVI, XVII, XVIII, XIX вв. не привели к успехам, и в дальнейшем эти слои получили обобщенную датировку - XVI-XIX вв. При этом, как известно, за первые пять веков, с X до середины XV в., отложился культурный слой мощностью в среднем от 4,5 до 5,5 м, а за такой же промежуток - с середины XV по XX в. - всего лишь 1-1,5 м.² Исследователи пришли к справедливому выводу о том, что культурные напластования XVI-XVII вв. в Новгороде не сохранились.

Одно из самых распространенных объяснений причин разрушения слоев XVI-XVII вв. заключается в том, что в XVIII в. в Новгороде на значительных площадях была сооружена дренажная сеть, которая привела к подсыханию напластований второй половины XV-XVII вв. и разложению в них органических остатков³. В качестве еще одной из причин разрушения культурного слоя называется «антропогенное воздействие», выразившееся в массовом строительстве с конца XV в. и особенно в XVIII-XIX вв. каменных домов с заглубленными

фундаментами.4 На нынешнем этапе исследований такие объяснения представляются недостаточными.

По классификации А. Н. Сорокина, создавшего полный свод накопленных к настоящему времени сведений о водоотводных сооружениях древнего Новгорода, выщеляется несколько их разновидностей, из которых самой распространенной является дренажная система с деревянными цилиндрическими трубами.5 По мнению А. Н. Сорокина, эта система появляется в Новгороде не ранее XV в., наибольшего размаха ее применение достигает в XVI-XVIII вв. и, видимо, в первой половине XIX в.6 Как отмечал А. Ф. Медведев, «основное назначение подобных систем - отводить грунтовые воды из-под различных построек, чтобы предохранить эти постройки, а также все в них находившееся от порчи и разрушения»7. К таким постройкам А. Ф. Медведев относил подполья срубов, ледники, церкви.

Культурный слой Новгорода характеризуется большой влагоемкостью, малой водоотдачей и небольшими значениями коэффициента фильтрации. Площадь осушения водопоглощающими колодцами в таких грунтах невелика. Учитывая размеры окна водопоглощающих колодцев (от 0,81 до 6 кв. м), их глубину (0,6-1,9 м),8 коэффициент фильтрации новгородской почвы (максимально - 0,2-0,4 м/сут), площадь осушения будет составлять в диаметре от 2 до 6 м, то есть равняться площади погреба, подвала дома9. Следовательно, эта система не могла радикально понизить уровень фунтовых вод по всей территории города и подсушить культурный слой10.

Столь же преувеличенным представляется утверждение о разрушительном воздействии на культурный слой строительства каменных построек с заглублением фундаментов, начавшегося в конце XVIII в. в связи с введением в Новгороде плана регулярной планировки. При этом исследователи отмечают, что план 1778 г. «оставил значительные внутриквартальные пространства органического слоя, что определило возможность будущих исследований»11. Однако, и на внутриквартальных территориях слои второй половины XV-XVII вв., содержащие органику, также отсутствуют12. Новые постройки, впущенные в культурный слой, уничтожали лишь локальные участки, не оказывая влияния на сохранность отложений на прилегающей территории.

Для понимания причин отсутствия в Новгороде культурных отложений с органикой второй половины XV-XVII вв. в первую очередь, как нам представляется, необходимо рассмотреть процесс формирования культурного слоя в этот период. Как известно, на процесс отложения культурного слоя влияет множество факторов: рельеф местности, климат, гидрогеологические условия, литология материковых отложений, численность населения, хозяйственная деятельность, система городского благоустройства и др. С X до середины XV в. средний темп прироста культурного слоя в районах древнейшей городской застройки составлял около одного метра в столетие, или 1 см в год. Таким образом, можно предположить, что при благоприятных условиях за вторую половину XV, XVI и XVII вв. должен был образоваться слой мощностью около 2-2,5 м, в реальности же такого слоя в Новгороде нет. Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных факторов формирования культурных отложений и их влияние на мощность и сохранность культурного слоя с органикой в этот период13.

Вторая половина XV в. в истории Новгорода была насыщена политическими потрясениями. По-видимому, какое-то влияние на динамику роста культурного слоя в этот период должен был оказать вывоз из Новгорода части населения, предпринятый московским правительством. Но необходимо подчеркнуть, что в экономическом отношении это было время стабильного роста, а демографические потери в результате боярских выводов компенсировались (по крайней мере, в значительной части) за счет переселенцев из других земель Русского государства.

Первая половина XVI в. была временем, благоприятным для развития хозяйства страны. Об активной жизни в Новгороде и росте его территории в это время свидетельствуют, например, активное церковное строительство и бурное развитие заповни - территорий, расположенных за линией вала Окольного города.

Экономический подъем первой половины XVI в. сменился в 60-70-е годы жесточайшим экономическим кризисом и запустением. Писцовая книга 1582/83 г. рисует картину страшного опустошения города: более 80% описанных в ней дворов значатся запустевшими14. При этом следует учитывать, что в результате эпидемий, политических и экономических потрясений 60-70-х гг. XVI в. была нарушена и структура семьи, поэтому населенность живущего двора 1580-х гг. была меньшей, чем в первой половине XVI в.; соответственно численность населения города за этот период сократилась в еще большей степени, чем количество живущих дворов. С полным основанием можно говорить о катастрофическом сокращении населения Новгорода за исторически короткий промежуток времени. В историографии закрепилось мнение, что в 1580-е гг. начинается восстановление городского хозяйства после кризиса, поскольку, по данным отрывка писцовой книги по Торговой стороне 1586 г., 66% ранее запустевших дворов числятся восстановленными15. Оживление хозяйственной жизни Новгорода в 1580-90-е гг., несомненно, происходило. Но оно не сопровождалось восстановлением численности населения города. Восстановление же запустевших дворов проходило не за счет роста населения, а за счет внутренних ресурсов посада: переселение жителей из заповни на территорию посада, расселение густонаселенных дворов, раздача пустых дворов представителям нетяглого населения и «в припуск» к живущим дворам и т. д. Отметим также еще одну особенность жизни Новгорода второй половины XVI в. (а возможно и всего XVI в.). Материалы археологических раскопок позволяют говорить о стабильности городского землевладения в XIV-XV вв.: городские усадьбы на протяжении нескольких поколений сохранялись в руках одной семьи. Источники же XVI в. рисуют картину активной мобилизации городских земель: дворы постоянно меняют своих хозяев16.

Начало XVII в., отмеченное голодом 1601-1603 гг., также не способствовало восстановлению городского хозяйства. Решающий же удар по населению Новгорода нанесла шведская оккупация 1611-1617 гг. После ухода шведов город представлял страшную картину запустения. Наиболее ярко она отражена в Описи Новгорода 1617 г. Особенно пострадала Софийская сторона: «На Софийской стороне. Белых 24 двора, а жильцов в них 25 человек. Тяглых 40 дворов, а жильцов в них 49 человек. А oprичь того на Софийской стороне дворов нет, вся Софийская

сторона стоит пуста, дворы и лавки пожгли в новгородское взятие немецкие люди, а иные дворы розвезли немцы ж»¹⁷. На Торговой стороне дворов и жителей сохранилось больше, но утраты столь же значительны. Сравнение данных писцовых книг 1582/83 г. и описи 1617 г. показывает, что на каждой улице сохранялось не более 1/3 некогда существовавших дворов, жильцы же пустых дворов частью умерли «при немцах», частью сошли в другие города. Масштабы смертности городского населения в период оккупации можно представить по одному недавно опубликованному документу, содержащему сведения о количестве умерших с 1 сентября 1614 г. по 20 апреля 1615 г.: за неполных 8 месяцев в Новгороде умерло 7652 человека¹⁸.

Долгие годы после ухода шведов в Новгороде сохранялось состояние пустого города. Об этом свидетельствуют документы XVII в. Так, опубликованная А. В. Воробьевым «Роспись Софийской стороны Великого Новгорода» 1632 г., подробно описывает, сколько в Великом Новгороде на Софийской стороне монастырей, приходских церквей и «в которых местех стоят и сколько дворов всяких жилиецких людей и пустых дворов, и сколько где по мере сажен промеж дворов полых пустых мест и садов и огородов и пашни»¹⁹. Несмотря на то, что к этому времени, по сравнению с Описью 1617 г., количество дворов возросло (жилых дворов посадских людей, келий и др. было уже 152), тем не менее огромные площади представляли собой пустопорожние пространства, занятые огородами, пашнями, выпасами. Ту же ситуацию мы видим и на Торговой стороне. В 1631 г. при осмотре городских укреплений Новгорода предлагалось линию Окольного города на Торговой стороне уменьшить, оставить ее только вокруг южной половины Торговой стороны, устроив новый острог по Федоровскому ручью. В обоснование этого предложения было сказано, что «острог занят велик не по людям, и в том остроге многие сады большие и огороды и хмельники и дуги и пустые места, а на лугех и по пустым местом пасут животину, и осадных людей в тот острог надобе много; ... и в меньшом остроге бес прибавочных людей быти немочно»...²⁰ По данным переписных книг 1646 г. и 1678 г., на протяжении всего XVII в. восстановление численности населения Новгорода шло чрезвычайно медленными темпами.

Таким образом, с 60-х гг. XVI в. и практически по третью четверть XVII в. как населенность, так и уровень хозяйственной деятельности в Новгороде были несоизмеримо меньшими, чем в предшествующее время. На основании предпринятого обзора социальных факторов формирования культурного слоя Новгорода за два с половиной столетия можно высказать предположение, что во второй половине XV - первой половине XVI вв. рост культурного слоя должен был происходить примерно теми же темпами, что и в более ранний период. С 60-х гг. XVI в. его рост должен был замедлиться, а в первой четверти XVII в. на большей части города прекратиться.

Но новгородский культурный слой представляет собой сложный антропогенный геокомплекс, в возникновении и формировании которого помимо жизнедеятельности человека крупнейшую роль играли и естественные факторы, к числу которых, в первую очередь, относятся климатогенный и биогеогенный²¹. Проследим влияние этих факторов на формирование культурных отложений в Новгороде в рассматриваемый период.

Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий на основании фенологических записей русских летописей, в истории климата последнего тысячелетия вычленили несколько периодов, в течение которых климатические условия заметно различались. Первый период, приходящийся примерно на 900 - 1200 гг., отличался сравнительно теплым климатом и получил название периода малого климатического оптимума. В XIII-XIV вв. наступил период некоторого похолодания и неустойчивости климата (переходный период), вслед за которым, примерно с конца XV в., установилось устойчивое похолодание, получившее название малого ледникового периода. Малый ледниковый период продолжался с некоторыми аномалиями вплоть до середины XIX в.²² Климат становится не только холодным, но и неустойчивым. Летописи постоянно отмечают резкие его колебания: только на протяжении XV столетия зафиксировано более 150 экстремальных природных явлений²³. Как отмечают Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий, «при рассмотрении всего комплекса экстремальных природных явлений обращает на себя внимание возрастание из века в век числа экстремальных природных явлений, достигающих апогея в XV - XVII вв. Это относится как к засухам, так и особенно к обильным летним дождям, возвратам холодов летом и осенью, небывало лютым зимам, чрезвычайно высоким половодьям и наводнениям в летние месяцы»²⁴. На основании подробного анализа колебаний климата исследователи пришли к выводу о том, что малый ледниковый период был самым холодным в эпоху голоцена и был более сухим по сравнению с периодами оптимумов, которые отличались увеличением количества осадков²⁵.

Таким образом, мы видим, что формирование культурного слоя во второй половине XV - XVII вв. совпадает с наиболее холодным этапом климата во втором тысячелетии - малым ледниковым периодом.

Изменения климата в сторону похолодания привели к изменениям растительного покрова. Так, с началом похолодания в XIII в. на лесном севере Европейской части России, так же как и в центральных районах Русской равнины, произошла деградация еловых и широколиственных лесов, вместо которых получили развитие березово-сосновые древостой²⁶. Очевидно, происходили изменения и травяного покрова, что повлияло и на процесс почвообразования.

В ходе инженерно-геологических исследований территории Новгорода в литологическом описании буровых скважин средневековые культурные отложения характеризуются как заторфованные, мало- или среднеразложившиеся (в археологических отчетах они описываются как темнокоричневые). Сравнение процессов торфообразования и накопления культурного слоя в X-XV вв. показывает, что биохимические условия формирования культурных отложений Новгорода имеют много общего с условиями формирования торфяников. Как известно, торф накапливается из остатков отмерших растений, подвергшихся неполному разложению в условиях повышенной влажности и затрудненного доступа воздуха²⁷. При исследовании растительных остатков в культурном слое Новгорода, проводившихся на Троицком XI раскопе в 1995-1998 гг., во всех стратиграфических горизонтах были выявлены влаголюбивые растения, такие как осоковые (*Suregaseae*), камыш (*Scirpus spp.*) и осока (*Sagex spp.*)²⁸. Все они являются растениями-торфообразователями²⁹.

На сходство новгородского культурного слоя с торфяниками указывает еще один признак. В результате болотного почвообразовательного процесса происходит не только накопление в почве органических остатков в виде торфа, но и оглеение минеральной части почвы (в археологической терминологии - материка). В процессе оглеения происходит восстановление окисных почвенных соединений, главным образом железа, в закисные. Раскисление окиси железа протекает при полном прекращении доступа кислорода, при наличии органических веществ и при участии анаэробных микроорганизмов в условиях длительного переувлажнения. В результате сложного биохимического восстановительного процесса плотные суглинистые или глинистые породы приобретают сизовато-зеленоватую, серую или голубую окраску³⁰. Именно такую окраску чаще всего имеет материк на новгородских раскопах при снятии с него культурных отложений. Как видим, культурному слою Новгорода присущи два основных признака, свойственных для болотных почв - наличие остатков растений-торфообразователей и характер подстилающих пород.

При палеогеографическом изучении стратиграфии торфяников как на территории России, так и в Европе, были выявлены слои сильно разложившегося торфа, относящиеся к различным этапам голоцена³¹. Эти слои свидетельствуют о резком сокращении на определенных этапах темпов торфонакопления и о разрушении верхних слоев болот. Исследователи пришли к выводу, что «подобные процессы могут происходить в условиях значительного похолодания климата»³².

Исходя из этого, можно высказать предположение, что общее похолодание климата в малый ледниковый период негативно повлияло на формирование и сохранность культурного слоя Новгорода второй половины XV-XVII вв.

Подведем итоги рассмотрения различных факторов формирования культурного слоя в Новгороде второй половины XV-XVII вв. Действие социальных факторов вело к тому, что с 60-х гг. XVI в. его рост должен был резко замедлиться, а с начала XVII в. практически прекратиться. Отложившиеся во второй половине XV - первой половине XVI в. слои оказывались при этом на длительный срок - около столетия и даже более - приповерхностными и попали в зону аэрации и разрушающего действия аэробных микроорганизмов.

Наступившие с конца XV в. климатические изменения также действовали угнетающе на культурный слой Новгорода. Изменения климата и состава травостоев привели к прекращению процесса торфообразования и, следовательно, уменьшению влагоемкости верхних горизонтов культурного слоя, что повлекло за собой развитие активных процессов гниения органики и разрушение приповерхностных отложений ранее образовавшегося культурного слоя. Таким образом, климатогенные факторы просто не позволяли сохраняться в XVI-XVII вв. органическим остаткам в процессе их отложения.

Действие социальных и природных факторов, негативно влияющих на процесс отложения и сохранности новгородского культурного слоя в рассматриваемый период, было, как видим, однонаправленным. Но как представляется, ведущую роль следует отводить все же климатогенному и связанному с ним биогенному факторам. Безусловно, предложенное в настоящей статье объяснение причин отсутствия в Новгороде насыщенных органикой слоев младше XV в. рассматривается нами в качестве гипотезы, требующей многосторонней проверки.

С оживлением хозяйственной деятельности в конце XVII - начале XVIII вв. в Новгороде вновь начинается рост культурного слоя, археологическая характеристика которого существенно отличается от периода X-XV вв. Этот слой характеризуется как суглинистый, супесчаный, гумусированный с включением кирпичного боя, что отражает изменившийся характер городской жизни.

1 Хорошев А. С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 245; Трояновский С. В. Раскоп на Добрыне улице. (См. публикацию в настоящем сборнике).

2 Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 28.

3 К о л ч и н Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник... С. 53.

4 Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура // Культура и природа древнего города. М., 1998. С. 83-84.

'Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода... С. 46-64.

Там же. С. 61.

'Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. МИА, № 55. М., 1956. С. 209.

'Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода... С. 58.

'Справочное руководство гидрогеолога. Т. I. Л., 1967. С. 330.

10 В отношении других типов водоотводных сооружений, вскрытых при раскопках в разных хронологических уровнях, можно сказать, что скорее всего, их устройство было связано с особенностями гидрологии конкретных участков территории города и не давало значительного эффекта за пределами этих участков.

"Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода ... С. 84.

¹ - Сошлемся на заложенные внутри кварталов раскоп на ул. Кирова, отдельные участки Троицкого раскопа.

13 Социальные факторы формирования культурного слоя - динамику численности населения города и связанный с ней уровень хозяйственной деятельности - мы рассмотрим лишь в самых общих чертах, ибо, по нашему мнению, вопрос о количестве жителей Новгорода в XVI-XVII вв., несмотря на внимание к нему многих исследователей (см.: Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 26-33), нуждается в дополнительном изучении. Но и обобщенной качественной характеристики демографических и хозяйственных процессов вполне достаточно для целей настоящей работы.

14 Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. С. 41-44.

- 15 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 797; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. С. 45.
16 См. книгу записи купчих на дворы 1590/91 г.: Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2000.
17 Описание Новгорода 1617 г. М., 1984. Ч. I. С. 168.
18 Дренин Л. В. Русские документы XVI - начала XVII в. в архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 384-385.
"Воробьев А. В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века // НИС. Вып. 10. Новгород, 1962. С. 236. 20 Новгород Великий в XVI в. Документы по истории градостроительства.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(37\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[Сувенир - полотенце с логотипом!](#)

Для рекламной акции и как бизнес сувенир! С нами работают крупнейшие бренды
www.signtex.ru

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[ЮниЦинк / UniZinc](#)

Орто.Ру - 6 лет доверия. 100 м от метро. Доставка: Москва, Россия. Скидки.
www.ortho.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Латуни средневекового Новгорода

Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева

Латунь - один из самых необычных сплавов древности - появился к арсеналу металлургов значительно позже, чем все остальные известные металлы и сплавы. Его регулярное производство начинается в восточных провинциях Римской империи только в I веке до н.э. Удивительно также, что история цинка как чистого металла значительно короче, чем история самого сплава. Дело в том, что цинк никогда не встречается в природе в металлическом виде. Он закипает при T-907С0, и это ниже той температуры, при которой цинк может быть выплавлен из руды. В Европе металлический цинк научились получать только в 18 столетии'.

Известно, что в Римской империи производство латуни долгое время контролировалось государством, которое ограничивало использование ценного сплава для централизованно изготавливаемых изделий: монет и воинских доспехов. Вероятно, в имперских мастерских стремились поддерживать выпуск высококачественных латуней с высоким содержанием цинка. В ряду драгоценных металлов латуни занимали третье место после золота и серебра. С течением времени монополия и, следовательно, контроль над качеством сплава были утрачены; в обращении преобладал многократно переплавленный лом, смешанный с бронзой и свинцом. Большие серии анализов римского металла позволили установить, что в III-IV вв. н.э. производство высококачественной латуни пришло в упадок: свежий металл с большим содержанием цинка перестал поступать на рынки ювелирного сырья2.

В средние века производство этого сплава возрождается, к XII столетию он доминирует в цветной металлообработке Западной Европы.

Долгое время полагали, что римская традиция получения латуней не прерывалась и была унаследована средневековыми металлургами. Однако анализ письменных источников и открытие сосудов для выплавки латуней заставляют пересмотреть вопрос об их преемственности³.

Считается, что в античности и средневековье латунь получали в процессе цементации, который состоит из следующих этапов:

1. Медное сырье смешивают с цинковой рудой - каламином и углем и помещают в тигель;
2. При нагревании из цинковой руды восстанавливается металлический цинк (в форме пара), который в процессе диффузии проникает в медь, образуя латунь. Процесс требует особого температурного режима, поскольку цинк не испаряется при температуре ниже 907 °С, а медь плавится при температуре 1083 °С.
3. На заключительной стадии процесса температура реакции повышается; металл расплавляется до однородного состояния⁴. В результате экспериментов, воспроизводящих процесс цементации, установлено, что максимальное содержание цинка в античных и средневековых латунях не может превышать 28%⁵.

В чем же заключались различия между римским и средневековым процессом получения латуней? Согласно свидетельству Плиния Старшего (I в. до н.э.) и археологическим данным, латуни получали в тиглях стандартной формы и размеров из обычной (не огнеупорной) глины. Их заполняли медным сырьем, каламином и углем и запечатывали крышкой до нагрева в очагах.

Археологические свидетельства средневекового производства латуней отсутствовали вплоть до последнего времени. Они обнаружены в начале 1990-х годов во время раскопок Дортмунда и других памятников Вестфалии. Тигли для получения латуней из огнеупорной глины датируются концом I тысячелетия. Они в мельчайших деталях подтверждают описание Теофила (XII в.)⁷. Цементация производилась в открытых цилиндрических сосудах. В их тесте обнаружено значительное содержание оксида цинка, а на стенках - остатки металла - латуни⁸.

Таким образом, основные различия двух процессов заключаются в более низкой температуре цементации в закрытых тиглях в римской традиции и в использовании открытых тиглей с хорошими огнеупорными свойствами, и, следовательно, более высокой температуры получения латуней в средневековой. Высокая температура замедляла проникновение цинка в медь, поэтому лимит содержания цинка в средневековых латунях понижался. Относительно низкая температура процесса цементации позволяла римлянам получать латуни с более высоким содержанием цинка. Скорее всего, средневековая традиция возникла вне всякой связи с римской и, может быть, ее истоки следует искать на Востоке - в Персии или Индии⁹.

На исламском Востоке сплавы с высоким содержанием цинка и свинца известны с VIII в. Возможным источником их получения считается рудник Анарак в северном Иране с богатыми залежами меди, серебра, свинца и каламина, разрабатываемый с эпохи бронзы по наши дни. В китайских хрониках VI-VII вв. латунь называется «персидским металлом»¹⁰. О широком использовании латуней ювелирами мусульманского Востока свидетельствует трактат ученого-алхимика ар-Рази (865-925гг.)^п.

В VIII-IX столетиях латунные сплавы известны на Северо-Западном Кавказе в аланских могильниках Северной Осетии и в салтово-аланском могильнике Мощевая Балка. Полагают, что «золото-подобная» латунь с высоким цинком поступала на Северный Кавказ по «шелковому пути» из Малой Азии¹².

Изучение ювелирного дела и торговых связей Древней Руси позволило установить, что на ее территории источников сырья для получения латуней, как и других сплавов, не было. Цветные и драгоценные металлы поступали из Западной Европы, с Востока и Приуралья¹³.

Наиболее подробное и аргументированное исследование путей поступления сырьевого металла на Русь было предпринято А. А. Коноваловым¹⁴. Трудно переоценить его вклад в изучение химического состава металла Новгорода. Он не только провел анализ 875 предметов, найденных преимущественно на Неревском раскопе, но и разделил сплавы на металлургические группы, установил динамику их употребления. К несомненным достоинствам работы А. А. Коновалова относится масштабное сопоставление новгородского цветного металла с материалами синхронных памятников Древней Руси, Прибалтики и Скандинавии. Выводы исследователя, основанные на изучении 1968 предметов, никогда не были опубликованы целиком. Тем не менее, их широко используют в работах, посвященных цветному металлу отдельных древнерусских памятников¹⁵.

Казалось бы, тема поступления ювелирного сырья в Новгород исчерпана. Однако за 25 лет, прошедших после появления работы А. А. Коновалова, существенно увеличился фонд исследованного металла эпохи средневековья. Расширилась география изученных памятников, появились новые методы статистической обработки. И самое главное, с наступлением компьютерной эпохи в археологии стало возможным свести воедино и систематизировать все известные в настоящее время данные о химическом составе металла в рамках базы данных «Цветные металлы и сплавы Восточной Европы в эпоху средневековья»¹⁶. Она содержит информацию о 4300 объектах из раскопок древнерусских, финно-угорских, балтских, болгарских, моравских и скандинавских памятников VII-XV вв. Статистическая обработка, картографирование и сравнительный анализ полученных результатов по единой методике превратили банк данных в полноценный источник для решения ключевых проблем истории средневековой металлургии и металлообработки.

Самая представительная серия анализов химического состава цветного металла сделана для средневекового Новгорода. В 70-е годы А. А. Коновалов разделил металлы на группы, следуя методике, разработанной в лаборатории Е. Н. Черныха. Считалось, что границу, отделяющую чистый металл от искусственно полученного сплава, можно установить с помощью построения частотных гистограмм распределения элементов в сплаве и корреляционных графиков пар элементов¹⁷. Исходя из этого, А. А. Коновалов определил возможные

границы, отделяющие искусственно введенные элементы от естественных примесей. Так, например, он установил, что порог легирования для олова в сплавах - 0,18%. В этом случае статистические наблюдения противоречат здравому смыслу. Трудно представить, как средневековый ювелир мог контролировать создание такого сплава?

Кроме того, в классификации А. А. Коновалова не учитывались технологические свойства металлов, изменяющиеся в зависимости от концентрации легирующих компонентов. Он не делал различий между сплавами с высоким и низким содержанием сплавобразующих элементов и не принимал во внимание влияние свинца на свойства сплавов.

В современных археометаллургических исследованиях используется условная величина - граница искусственного легирования сплава. Считается, что начиная с 1% добавки к меди олова, свинца и цинка приводят к заметному изменению свойств металла¹⁸. Принимая во внимание это обстоятельство, мы выполнили повторные статистические расчеты с помощью специальной компьютерной программы-классификатора и получили другое разделение новгородского материала (таблица 1).

Оно показывает, что игнорирование содержания свинца в сплавах и ошибочное определение уровня граничной концентрации легирования приводит к серьезным искажениям картины распределения металла на группы. Таким образом, динамика поступления и употребления ювелирного сырья в Новгороде нуждается в пересмотре.

Оценивая процентное соотношение различных сплавов, легко заметить преобладание латуней над другими группами. Рассмотрим особенности этих сплавов Новгорода (276 предметов, 32%). Среди них доминируют двойные и свинцовые латуни, на долю которых приходится 97,8%.

Двойные латуни (Cu-Zn) представлены 142 образцами, а свинцовые (Cu-Zn-Pb)-125 образцами. Распределение цинка-основного легирующего элемента в этих группах в целом совпадает (рис. 1,2). Преобладают сплавы с содержанием цинка от 1 до 7%. Они составляют 84,7% латунных предметов. Доля сплавов со средним и высоким содержанием цинка незначительна.

Латуни использовались для изготовления практически всех исследованных категорий, однако лишь фибулы (53 экз.), браслеты (89 экз.), перстни (47 экз.) и детали весов (23 экз.) образуют значительные серии. Примечательно, что среди латуней мало объектов, относящихся к сырьевому металлу (12 экз.), а среди двойного сплава они отсутствуют полностью.

Среднее (10-15%) и высокое содержание цинка (20-30%) зафиксировано у 32 изделий. Они составляют 11% латунной выборки. Больше половины из них имеют среднее содержание цинка.

24 предмета со средним и высоким содержанием цинка обнаружены преимущественно в 6-20 ярусах (XII-XIV вв.). Из нижних ярусов (24-26) происходит всего 8 находок.

Мы приводим все эти частности потому, что по количеству цинка в латунном сплаве определяют, подвергался ли этот металл многократным переплавкам или использовался в «свежем» виде. Известно, что при каждой переплавке утрачивается от 1 до 10% цинка из-за его летучести. Этот факт установлен в результате экспериментов и находит подтверждение в письменных источниках¹⁹. Так, в минералогическом трактате «Свадебные подарки драгоценных камней и редкостных благовоний» (1301 г.) Абул-Касим Абдаллах Кашани указывает: «Но желтизна латуни в значительной мере случайна, потому что каждый раз при плавке эта желтизна уменьшается, пока не дойдет до цвета меди. Тогда надо снова добавлять в нее туцию, и цвет ее восстановится»

Таким образом, низкая концентрация элемента и потеря золотистого цвета сплава свидетельствует о его многократных переплавках. Вероятно, на территории Древней Руси «свежие» латуни с высоким цинком были редкостью. Основным источником служили привозной сырьевой металл и вещи. Их многократные переплавки приводили к постепенному понижению концентрации цинка.

Откуда латунь поступала в мастерские новгородских ювелиров? А. А. Коновалов считал, что в X-XI столетиях в Новгороде преобладали изделия из латуни. Он полагал, что в этот период существовала так называемая «зона прибалтийского металла», или зона с преобладающим распространением латунных сплавов²¹. Помимо Прибалтики, он включал в нее Скандинавию, Новгород, Приладожские курганы, Лядинский, Томниковский и Подболотьевский могильники и Гнездово. Не отрицая факта широкого распространения латуней в указанных регионах Восточной и Северной Европы, следует более осторожно отнестись к понятию «прибалтийский металл». Название представляется не совсем корректным прежде всего потому, что Прибалтика не обладала собственными рудными источниками.

Расширение источниковедческой базы представляет новые возможности в решении вопросов о путях поступления латунных сплавов в Новгород.

Картографирование памятников базы данных позволило установить различия в традициях применения сплавов на определенных территориях. Так, отчетливо выделяются памятники с преобладанием латуней

Самая большая доля сплавов с цинком характерна для Городка на Ловати, могильников Восточной Пруссии, Прибалтики и Приладожских курганов. В материалах Старой Ладogi, Рюрикова Городища, курганов Ижорского плато латуни составляют более половины выборки. Значительный процент их зафиксирован и в других памятниках Северо-Западного региона: Новгороде, Пскове, городищах Паасо и Тиверск в Карелии, могильнике Залахтовье. К этой же группе примыкают Гнездово в Верхнем и Киев в Среднем Поднепровье, Новогрудок в Понеманье и Подболотьевский могильник в Верхнем Поволжье.

Широкое распространение латуней - характерная черта цветной металлообработки материковой Швеции и Готланда. При сравнении металла Скандинавии, Прибалтики и Северо-Запада Руси невозможно не заметить разницу в концентрации цинка. Его и ювышенное содержание в скандинавском и прибалтийском металле (15-25%) можно объяснить тем, что в эти регионы помимо латунного лома постоянно поступал «свежий» металл. Известно, что в Европе производство латуней начинается в конце X в. в районе Верхнего Мааса

на территории современной Бельгии²². Нельзя исключить, что из этого региона высокоцинковые сплавы попадали на западное и восточное побережья Балтики.

В северо-западные районы Древней Руси IX-XI вв. латуни поступали, вероятно, из Скандинавии или Прибалтики, где традиция их употребления возникла уже в первые века н.э. благодаря контактам с провинциальными римскими мастерскими²³.

По мнению А. А. Коновалова, в XII и особенно в XIII столетиях приток латуней в Новгород резко уменьшается. Этот факт он связывал с захватом прибалтийских земель немецкими рыцарями-крестоносцами. Новгород в то время находился в состоянии почти не прекращающихся военных действий, которые разорвали устойчивые связи с Прибалтикой. Прекращение торговых связей с восточным побережьем Балтийского моря, по мнению А. А. Коновалова, находило подтверждение в резком сокращении находок из янтаря в XIII в.²⁴ Однако Е. А. Рыбина, сравнивая динамику поступления янтаря и цветных металлов в этот период, установила, что в отличие от янтаря, с каждым новым ярусом количество изделий из цветных металлов возрастает, достигая максимума в середине XIII в., а в XIV-XV вв. их количество уменьшается²⁵. Это противоречит хронологическим построениям А. А. Коновалова, но хорошо согласуется с результатами нашего исследования (табл. 3).

Е. А. Рыбина полагает, что основными партнерами в торговле Новгорода с Западом в XIII в. были Готланд, Любек, позднее Ганзейский союз. Состояние войны Новгорода с Тевтонским орденом почти на всем протяжении этого столетия не сказалось на торговле цветными металлами. Их поставляли независимые от ордена готские и немецкие купцы²⁶.

Этот вывод находит подтверждение в современных исследованиях горного дела и металлургии в средневековой Европе, согласно которым с XII в. Любек играет ключевую роль в торговле металлами. Сюда поступала медь из Гарца и Швеции, олово из Корнуолла и латунь из Верхнего Мааса - основного района ее производства. Известно также, что медь из саксонских рудников Раммельсберг и Мансфельд и шведского рудника Фалун поступала в Любек в черновом виде. В Любеке производилась ее очистка от примесей - рафинировка. Дело в том, что к XII в. были практически полностью сведены леса в Гарце. Металлурги основной рудной области Германии лишились необходимого для производства топлива. Процветание металлургического дела в Любеке во многом обеспечивалось наличием лесных ресурсов в этом регионе. Помимо очистки медного сырья, в Любеке производилось огромное количество церковной утвари, колоколов и украшений. Для изготовления этих массивных объектов требовались существенные запасы металла.

Согласно письменным источникам, в XIII в. Любек, используя привозную медь и каламин из рудников Аахена, Динанта и Вестфалии, становится основным местом производства латуней²⁸. По мнению некоторых исследователей Ганзейского союза, расцвет Любека как торгового центра, во многом определялся усилением контактов с Новгородом м. Вполне вероятно, что рост ввоза латуней в Новгород в XI-XIII вв. связан с торговой экспансией Любека. Благодаря этим тесным отношениям новгородские ювелиры продолжали получать красивый металл золотистого цвета, хорошо подходящий как для литья, так и для кузнечной обработки.

¹Craddock P. T. Zinc in classical antiquity // 2000 Years of Zinc and Brass. British Museum Occasional Paper No.50. London, 1996. P. 1-5.

² Bayley J. The production of brass in antiquity with particular reference to Roman Britain // 2000 Years of Zinc and Brass. British Museum Occasional Paper No.50. London, 1996. P. 7-21.

³ Rehren T. «The same but different»: A juxtaposition of Roman and Medieval brass making in Central Europe // Metal in Antiquity. BAR International Series 792. Oxford, 1999. P. 253-255.

⁴ Bayley J. The production of brass in antiquity... P. 9-10.

⁵Werner O. OberdasVorkommen vonZinkund Vessing im Altertumurnim Mittelalter // Erzmetall,23, 1970. S. 259-269.

⁶Плиний Старший. Естественное знание. Об искусстве. Книга XXXIV:2-5 // Пер. Г.А.Тарояна. М. 1994. С. 54-55; Bayley J. Roman brass making in Britain//Historical Metallurgy, 1984 No. 18. P. 42-43; Rehren T. «The same but different...» P. 253.

⁷Hawthorne J. G., Smith C. S. Theophilus. On Divers Arts // University of Chicago Press, 1963. P. 143-144.

⁸Krabath S., Lammers D., Rehren T. Die Herstellung und Verarbeitung von Buntmetall im karolingerzeitlichen Westfalen // 799 - Kunst und Kultur der Karolingerzeit.Mainz, 1999. S. 432-435.

⁹Rehren T. "The same but different.... P. 255-256.

¹⁰Allan J. W. Persian Metal Technology 700-1300 AD. Oxford, 1979. P. 43-54.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(36\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Ножи охотничьи. Нержавейка.](#)

Ножи из нержавеющей стали. Подарок рыбаку и охотнику! 30 видов ножей.
sarmik.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Из истории транспортных средств древнего Новгорода

М. И. Васильев, А. Н. Сорокин

Деревянные предметы, обнаруженные при раскопках в Новгороде, составляют наиболее значительную часть археологической коллекции. Однако назначение многих находок неизвестно. В полевых описях они обычно называются «подделками» или «детальями». Для их идентификации решающее значение имеет степень сохранности того или иного изделия, а также поиск возможных аналогий среди этнографических материалов, так как дерево на протяжении столетий оставалось основным строительным и поделочным материалом. Поэтому при решении задач, связанных с определением назначения деревянных «подделок», наиболее оптимальным является сотрудничество археологов и этнографов.

В 1999 г. в слоях первой половины XI в. на XII Троицком раскопе был обнаружен лыжеобразный предмет длиной 189 см, шириной 18 см и толщиной в средней части около 1,5 см, изготовленный, по определению Л. Н. Соловьевой, из сосны (Рис. 1,7). Средняя часть находки повреждена в древности. Передняя часть «лыжи» загибается вверх. В этом месте имеется округлое отверстие. Нижняя плоскость изогнута. Верхняя поверхность ровная. На ней в 2 см от боковых краев с обеих сторон почти по всей длине проходят прямоугольные в сечении параллельные валики высотой около 1 см и шириной около 1,5 см. В них прожжены 6 пар симметрично расположенных отверстий, причем крайние пары находятся значительно ближе друг к другу, чем средние.

На территории Восточной Европы находки подобного типа - один целый экземпляр и два небольших фрагмента - впервые были

зафиксированы при раскопках в Старой Ладозе в горизонтах Е3 и Е2, датируемых 750-850 гг. Полностью сохранившийся экземпляр длиной 157 см и шириной 14 см (ширина обломка заднего конца волокуши также равнялась 14 см) имеет несомненное конструктивное сходство с троицкой находкой (Рис. 1, 2). На ее верхней поверхности на расстоянии 2 см от краев также проходили параллельные валики длиной около 120 см и высотой около 2 см; в них также было проделано 6 пар отверстий (последняя пара отверстий разрушена); кое-где в отверстиях сохранились обрывки лыковых жгутов. С. Н. Орлов определил эти предметы как «лыжи-волокуши»¹.

При раскопках Л. А. Голубевой в Белоозере в слое начала XI в. также была обнаружена лыжеобразная находка, но она имела иные размеры и конструктивные особенности, что не позволяет использовать ее для исследования троицкой находки: она была короче (длина составляла 101 см), шире и толще (ширина 21 см и толщина 4 см). У нее отсутствовали валики по краям; вместо них в толще «лыжи» были сделаны четыре прямоугольных отверстия 5х2 см, расположенных в 5-7 см от боковых краев полоза. Все вышеуказанное позволило исследовательнице назвать ее катальной волокушей², что, на наш взгляд, вполне обоснованно.

Троицкая и староладожские находки имеют несомненное сходство с полозьями так называемого пюлькенмякского типа (по терминологии Г. М. Букова), широко распространенными в Финляндии - Хапавеси I, Тайвассало, Эссе, Сонкаярви, Лайтиле, Мянтюхарбю, Пялькярви и Пюлькенмяки³. Так, сравнительно хорошо сохранившийся полоз из Хапавеси имеет длину 228 см, ширину - 18 см, из Тайвассало - соответственно 222,5 и 13 см, из Пялькярви - 200-230 (сохранившая часть имеет длину 196 см) и 15 см⁴.

Предлагаемые различными исследователями реконструкции рассматриваемых лыжеобразных находок сильно расходятся между собой. По мнению С. Н. Орлова, староладожские полозья не являлись самостоятельным транспортным средством, и предназначались для установки и закрепления на них полозьев легких саней «типа нарт» при передвижении по рыхлому снегу. «Узкий полоз саней», считал исследователь, был совершенно непригоден при большой толщине рыхлого снега⁵. Подобная трактовка представляется неубедительной. Аргумент о совпадении расстояния между бортиками (валиками) волокуши с шириной полоза нарты (ок. 7 см), который выдвигает С. Н. Орлов в пользу такого наблюдения, не имеет под собой достаточных оснований. Кроме того, исследователь не смог привести этнографические материалы, подтверждающие подобное использование санокб.



Рис. 2. Охотничья волокуша-полоз, кон. XI-нач. XX в. (по: Sirelius, 1913-18).

В фондах Российского этнографического музея хранятся «чушки» - двухпарокопыльные санки с довольно узкими полозьями (шириной ок. 4 см), к которым прибиты дополнительные лыжеобразные полозья длиной 145 и шириной 14 см⁷. Однако эти санки являются, скорее, исключением, о чем свидетельствуют особенности конструкции, сближающие их с севернорусскими хозяйственными санками⁸. Об этом говорят, во-первых, значительная меньшая длина санок по сравнению с охотничьими нартами. Длина полозьев «чушек» составляет всего 145 см, в то время как нарт-от 180-250 до 400-420 см⁹. Во-вторых, необходимо отметить очень высокую посадку санок: высота средней, лопатообразной части копыльев, составляла ок. 13 см, в то время как в охотничьей нарте - 6-10 см. В-третьих, «чушки» имеют отличающуюся от охотничьих нартов конструкцию копыльев: первая пара обрезана на уровне настила, а задняя имеет большой «пропуск» вверху и возвышается над нащепом на высоту более 20 см. Точно также устроены севернорусские хозяйственные санки. Эта конструктивная особенность абсолютно неприемлема для охотничьей волокуши, поскольку мешала бы передвижению охотника в лесу. Более обоснованным представляется мнение исследователей (в частности, Т. И. Итконена, Г. М. Букова) о том, что подобные полозья принадлежали ручным однополозным волокушам, имевшим подвижные борта из досок. Этнографическими аналогами таких саней считаются волокуши типа карельских и финских «ahkio» (или ahkivo) и «veturi»¹⁰. Вот, например, описание карельских ручных волокуш, которое приводит этнограф Р. Ф. Тароева: «Основанием их служила толстая березовая доска, один конец которой загибался как полоз в санях. К этой доске привязывались веревками или прутьями узкие доски-борта....Борта саней оставались обычно подвижными и когда клали в ahkivo груз, то стягивали их веревкой вокруг него»¹¹.

Конечно, наряду с такими волокушами, у карелов и финнов существовали и более совершенные санки с неподвижными¹² бортами на дугах-шпангоутах, пришитыми ветками-вицами или прибитыми деревянными гвоздями. Однако полозья подобных волокуш были другими: они не имели валиков для крепления бортов.

Этнографические материалы, собранные У. Т. Сирелиусом, подтверждают такую реконструкцию (Рис. 2). Во-первых, размеры этнографических полозьев финских и карельских однополозных волокуш с подвижными бортами совпадают с археологическими. Длина их составляет 1,7-2 м, ширина - от 12 до 20 см¹³. Во-вторых, некоторые этнографические волокуши имеют практически идентичную конструкцию полоза (с отстоящими от краев полоза бортиками-валиками)¹⁴.

Общепризнано, что археологические материалы Новгорода дают возможность изучать культуру средневекового времени во всем ее многообразии. Это утверждение в полной мере относится и к древним средствам передвижения. В новгородской археологической коллекции самыми многочисленными являются детали саней и лодок¹⁵. Гораздо реже при раскопках встречаются остатки колесного

транспорта, лыжи, коньки. По мнению Б. А. Колчина, в средневековом Новгороде волокуши были представлены единственным типом - жердевыми волокушами или волокушами-оглоблями¹⁶, использовавшимися «для перевозки леса, бревен и теса»¹⁷. Однако археологические исследования на Троицком раскопе 1999 г. позволяют расширить представления об этом виде древнего транспорта. Лыжеобразный предмет, найденный на Троицком раскопе в напластованиях первой половины XI в., следует интерпретировать как ручную волокушу-полос с подвижными бортами. Подобные волокуши могли использоваться новгородцами для перевозки различных припасов, снаряжения и охотничьей добычи.

1 Указ.соч. Отдел ПИ НГОМЗ, КП № 38136-251. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Лядоги УП-Х вв. (по материалам Староладожской археологической экспедиции). Диссертация на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М., 1954. Л. 226-231. 182

2 Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М., 1973 С. 175.

3 Об этом см., напр.: Буров Г. М. Древние сани Северной Европы // Скандинавский сборник, Вып. XXVI. Таллин, 1981. С. 155.

4 Ikonen T. I. Muinaissuksia ja =jalaksia HI //Suomen Museo, T. XLI. 1934. Helsinki, 1935. S. 15, 17; Kuva 8, A, B; Ikonen T. I. Muinaissuksia ja =jalaksia VI //Suomen Museo, T. XLVIII. 1941/ Helsinki, 1942. S. 40-41; Kuva 5 B

5 Отдел ПИ НГОМЗ, КП № 38136-251. Ф. 10. Оп. 1. Ед хр 157 Л 227-230.

6 Указ. Соч. Л. 227-229.

7 Фонды Российского этнографического музея (далее - РЭМ), русские. № 5751-14.

8 Васильев М. И. Сухопутные средства передвижения русских Севера Европейской России. Дис. на соиск. уч. степ, канд истор наук Спб., 1994. Л. 101.

9 Фонды РЭМ, русские. № 4050-102; Васильев М. И Указ Соч Л 82.

10 Sirelius U. T. Qber einige prototype des Schlittens //Journal de la Societe Finno-ougrienne. T. XXX. Helsinki, 1913-18. S. 2-8; Ikonen T. I. Idem, 1935 S

17-19; Idem, 1942. S. 40-41; Буров Г. М. Указ. соч. С. 159, 163.

"Тароева Р. Ф. Материальная культура карелов. М.-Л., 1965. С. 72.

12 Тароева Р. Ф. Указ. соч.

13 Sirelius U. T. Ibid. S. 2-8; Fig. 4-10.

14 Sirelius U. T. Ibid. S. 3; Fig. 5.

"Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия /САИ ЕИ-55. М., 1968.

16 Терминология по: Бержкович А. С. Средства передвижения и упряжь в крестьянском хозяйстве // Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959; Вйрес А. О. История крестьянского транспорта в Прибалтике (генезис и развитие). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. истор. наук. М., 1979.

17 Колчин Б. А. Указ.соч. С. 56.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Дом 12 века «на куриных ногах» с Фёдоровского раскопа

С. А. Шаповалова, Г. Е. Дубровин

В 60-е - 70-е гг. XIII в. наблюдается частичная смена населения на территории, исследованной на Федоровском раскопе, и связанной с двумя средневековыми улицами - Славковой и Коржевой. Одной из главных причин этого явления скорее всего можно считать мор 1158 г., образно описанный в Новгородской первой летописи: « В то же лето [6666 г.], по грехом нашим, мор бысть в людех много, и коней множество помре, яко нельзе бяше пройти до торгу сквозе город, ни по гребли, ни на поле, понеже бо велик бяше смрад. Еще же и скот рогатый помре»¹.

В результате часть усадеб Федоровского раскопа сначала пустеет, а затем заселяется новыми обитателями. При этом происходит перепланировка запустевших участков территории и образуется несколько близких по площади так называемых «малых» усадеб. Эти длинные и узкие усадьбы площадью не менее 120 - 140 м² весьма напоминают сотенные усадьбы Ильинского раскопа² и, вероятно, являются плодом деятельности уличанской администрации Коржевой улицы³, которая, расселяя здесь новое сотенное население, наделяло его «стандартными» небольшими участками. При этом, зачастую, при небольшой площади, предоставляемой для застройки, поселенцам приходилось испытывать большие трудности при возведении новых домов буквально «на пяточках».

Примером одной из таких построек является сооруженный на ограниченной территории «малой» усадьбы сруб Ф1-14, исследованный в 1991 г. на Федоровском I раскопе.

Сруб был возведен на усадьбе А2, образовавшейся к 70-м гг. XII в. в результате разделения предшествующей ей по времени усадьбы А. Эта усадьба А, территория которой площадью не менее 238 м² сформировалась еще в 80-е гг. XI в., к 50-м гг. XII в. имела довольно представительный застроечный комплекс, состоявший из трех срубов, объединенных единой столбовой галереей (Рис. 1 а). Однако позднее территория усадьбы А пустеет и где-то ко II пол. 70-х гг. XII в. разделяется на две «малые» усадьбы: А1 (западную) и А2 (восточную), на каждой из которых возводится по новому жилому дому (Рис. 16).

Сруб Ф1-14 был построен на усадьбе А2 ок. 1177 г.4 (ярус 4, А. Ориентированный по сторонам света, он представлял собой подквадратное в плане сооружение (4,7 м х 4,6 м), рубленное «в обло» с пристроенными к нему с юга сенями, выполненными в комбинированной срубно-столбовой технике (4,7 м х 2,4 м). Западная и восточная стены сеней связывались с южной рубкой «в обло», а северные концы этих стен были забраны в вертикальные пазы двух столбов диаметром 20-22 см, непосредственно примыкающих к южным торцам западной и восточной стен сруба (Рис. 2а,б). Этот способ соединения срубов носит название «в столб»⁵. Сени не отапливались и служили тамбуром между холодной «улицей» и теплой избой. Как уже говорилось выше, сруб строился на узком и вытянутом участке. Своей западной стеной он практически вплотную примыкал к линии частокла между усадьбами А1 и А2, а расстояние от восточной стены до частокла между усадьбами А2 и Б1 составляло 2,8-3,6 м (рис. 16, 2а). Территория, на которой возводился сруб, имела значительный уклон в северном и особенно в северо-восточном направлениях, а кроме того под северо-восточный угол постройки попадала яма (глубина в материке 1,87 м, диаметр 2,6 м). Все эти особенности рельефа пришлось преодолевать в процессе строительства. В первую очередь были проведены значительные нивелировочные работы.

Сруб попытались поставить на небольшое возвышение, т. е. возвели фундаментную площадку. Для этого была сделана обноска, которая с запада и севера представлена бревнами диаметром 20 см, а с востока - фрагментами досок, положенных на узкую грань. Затем, эту ограниченную площадку заполнили грунтом с большим содержанием глины (рис. 2а,б, 3). В упомянутую выше яму, засыпанную культурным слоем с большим содержанием щепы и обломков дерева, было забито 11 свай в виде бревен с заостренными концами диаметром 16-20 см и длиной 2,2-2,45 м. Кроме свай в яме зафиксирована забутовка из двух досок. Затем яма была забросана большим количеством древесных остатков - корнями, ветками, обрубками бревен и досок, перемешанных с глиной и камнями. Сверху, под северо-восточный угол будущей постройки, было уложено три ряда подкладок (Рис. 2а,б, 4, 6). Самый нижний состоял из двух обрубков горбыля, расположенных в направлении ЗВ и имевших длину до 1,5 м, ширину 15 см, толщину 5 см. На них, а также просто на грунт, был положен второй ярус подкладок, представлявший собой ряд уложенных вплотную друг с другом обрубков бревен, ориентированных в направлении СЮ и имевших длину от 90-150 см и диаметр от 12-20 см. Сверху, в перпендикулярном направлении, был размещен третий ярус подкладок в виде обрубков горбыля длиной 80-210 см и шириной 20-30 см.

Подкладки были уложены и под стены будущего сруба, причем особое внимание уделялось северной и восточной стенам, большие всего подверженным проседанию. Под северной стеной был помещен сплошной ряд подкладок из обрубков бревен диаметром 10-24 см и длиной 45-65 см. Под восточную стену, ближе всего расположенную к засыпанной яме, уложены подкладки из бревен и горбыля, ориентированные как вдоль, так и поперек направления стены, кроме того сюда же поместили несколько пней с остатками обрубленных корней - так называемые «куриные ноги». Один пень стоял непосредственно под северо-восточным углом (Рис. 4,б). За счет большой площади опоры происходило распределение нагрузки от сруба на грунт.

Стены постройки были рублены из бревен диаметром 20-24 см. В срубе прослежены остатки двух ярусов пола идентичной конструкции - лаги нижнего и верхнего ярусов располагались на одних и тех же местах. В избе от пола сохранились лаги, подкладки под них и фрагмент одной половицы, уложенной в направлении СЮ.

В юго-восточном углу избы, судя по всему, находилась печь. От нее сохранились два столба - вероятно, остатки опечка, и развал камней. Кроме того южная лага пола избы была более короткой, чем две другие, т. е. пол в этом месте доходил до подпечного пространства. Любопытно, что под печью обнаружен конский череп, вероятно, строительная жертва.

Конструкция нижнего яруса пола сеней отличалась от конструкции пола избы. Лаги, на которые укладывались половицы, не лежали на земле, а были врублены между первым и вторым венцами южной стены сеней сквозной врубкой, а в южную стену избы (также между первым и вторым венцами) - глухой врубкой (Рис. 2а, 5). Вход в постройку осуществлялся через сени и мог находиться либо в южной стене сеней - в том месте, где примыкал настил, либо в восточной, куда также подходила вымостка. Однако, вариант размещения дверного проема в восточной стене все-таки видится более предпочтительным. Есть два обстоятельства, свидетельствующие в пользу этого. Во-первых, ориентировка половиц сеней в направлении ЗВ. По материалам этнографии половицы всегда настилаются от двери «по ходу»⁷. К сожалению, новгородский археологический материал недостаточно информативен для того, чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис. В то же время, по данным раскопок Берестья, «...настил пола располагался и в параллельном, и в перпендикулярном отношении к стене с дверным проемом»⁸. Конечно, данные Берестья нельзя слепо переносить на Новгород, а необходимо рассматривать каждый конкретный случай. В данной постройке можно говорить о том, что половицы скорее всего настилались «по ходу». Из сохранившихся остатков конструкции пола избы видно, что половицы были ориентированы в направлении СЮ (лаги под ними ориентированы в направлении ЗВ). Как уже говорилось выше, вход в избу осуществлялся через сени, которые служили тамбуром, и, следовательно, находился в ее южной стене. Таким образом, пол в избе располагался перпендикулярно стене с дверным проемом, т. е. «по ходу». Конструкция пола в сенях развернута по отношению к полу избы на 90°. Можно предположить, что это сделано не случайно, а направление половиц зависит от местоположения дверного проема. Второй признак, говорящий в пользу размещения

входа в постройку в восточной стене сеней, заключается в том, что двери с «улицы» в сени и из сеней в избу обычно располагались перпендикулярно относительно друг друга⁹ (Рис. 3).

В Новгороде при археологических раскопках, не было найдено ни одного целого дверного проема. Это связано с тем, что они прорубались выше третьего - четвертого венцов, а новгородские постройки чаще всего сохраняются не более чем на 2-3 венца. В проекте реконструкции сруба Ф1-14 габариты дверных проемов и габариты дверей взяты по аналогии с Берестьем 10, где проемы вырубались начиная с третьего - четвертого венцов на высоту семи венцов. Двери делались низкими, а пороги - высокими для того, чтобы как можно меньше выпускать тепла (Рис. 5,6).

Дверь, ведущая из сеней в избу, делалась низкой, так что входящему человеку приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой. В противоположность этому входная дверь с улицы делается в полный человеческий рост". В предлагаемой реконструкции мы опираемся на данные, полученные при раскопках Берестья.

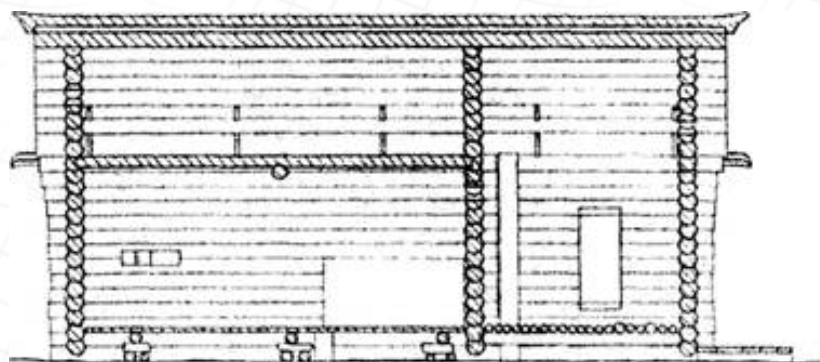
По археологическим материалам нельзя восстановить количество венцов в срубе, конструкцию кровли, наличие и конструкцию перекрытий. Некоторые детали кровли все же находят во время раскопок. Это курицы и лемех. Но они не дают полной картины, поэтому при реконструкции по вертикали приходится пользоваться только материалами этнографии.

В проекте реконструкции высота продольных стен выбиралась исходя из того, чтобы стоя на вымостке при входе в сруб нельзя было удариться головой о желоб ($h = 208$ см). Уклон кровли под 30° выбран исходя из того, чтобы снег с крыши мог сходить самопроизвольно (Рис. 5,6).

Сруб Ф1-14 может быть представлен в виде одноэтажной постройки, покрытой двускатной кровлей на самцах, с коньком, ориентированным в направлении СЮ. Северная и южная стены избы и южная стена сеней поднимаются до желаемой высоты, в них врубаются слези, на которые укладывается покрытие кровли (Рис. 5). Это не единственно возможный вариант покрытия, но, как нам кажется, наиболее правдоподобный. Внутренняя стена избы могла не доводиться до конька, но она служит дополнительной опорой для слез, длина которых превышала 8 м.

Также возможен вариант, когда изба и сени покрыты различными кровлями. Но это, во-первых, усложняет конструкцию крыши, а, во-вторых, увеличивает высоту избы, т. к. высота сеней уже выбрана минимальной.

В предложенной реконструкции потолочное перекрытие имеется только над избой. Это связано с уменьшением теплопотерь. Жилище отапливалось по-черному и дым из избы скорее всего выводился через небольшое окно над печью в сени¹², а из сеней - через волоковое окно в южной стене, наружу. Высота избы «в чистоте» получается около двух метров.



Археологические раскопки не дают информации о том, как освещалось жилое помещение. Скорее всего для этого использовались волоковые окна, прорубленные в бревнах двух соседних венцов. Изнутри эти окна задвигались, т. е. «заволакивались» деревянным щитком - волоком¹³. Прорубались они, вероятнее всего, низко по отношению к полу, для того, чтобы, сидя на лавке, можно было выполнять какую-либо работу. Количество оконных проемов, их взаимное расположение, расположение по отношению к печи - на эти вопросы еще нужно искать ответы.

Некоторое представление об обитателях дома «на куриных ногах» дает многочисленный комплекс находок (73 единицы), обнаруженных при исследовании остатков этого сооружения. Среди них каменный нательный крестик, обломок навершия булавки из свинцово-оловянистого сплава, 2 обломка стеклянных сосудов, 2 орнаментированные костяные накладки, 3 куса янтаря, 3 фрагмента тканей, обломок амфоры, 3 берестяных погремушки-шаркунка, медвежий клык, ключ, кресало, 3 стеклянных вставки перстней, 13 шиферных пряслиц, 13 стеклянных бусин и т.д. О том, что жители дома имели отношение к производству украшений из цветных металлов, свидетельствуют уникальная бронзовая матрица для изготовления колтов и каменная литейная форма.

Сруб Ф1-14 просуществовал довольно долго: со II половины XII в. до I пол. XIII в. (ярусы 414 и 3,4). За это время в милпировке усадьбы А2 произошли существенные изменения. В NI чале XIII в. (ярус 3м) площадь усадьбы составляет уже не менее . Ее западная граница отодвигается на 5-6 м к западу, а на in к-1 оке наблюдается довольно интересная картина: обитатели двух малых усадеб А2 и Б2 делят между собой территорию находившейся между ними еще одной «малой» усадьбы 1.1 (образовавшейся также во второй половине XII в.). Новая граница между усадьбами А2 и Б2, ставших теперь соседями, i ^ означает поворотом частокола, разделявшего ранее усадьбы

Л?. и Б1, на восток, а затем на юг - приблизительно на 7-8 м восточнее старой границы. При этом северная часть бывшей усадьбы Б1 отходит к усадьбе Б2, а южная - к усадьбе А2, где около 1209 г. на этой новой территории возводится сруб-пятистенок Ф1-15/Ф2-4 (Рис. 1в).

Как видим, увеличивается территория усадьбы А2, появляются на ней новые сооружения, но дом «на куриных ногах», построенный в бытность ее «малой» усадьбой, еще долго продолжает оставаться стоять на своем месте...

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.1950., С. 217.

2 Хорошев А. С. Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 11. Н. 1997, С. 414-420.

3 Коржева улица располагалась на территории уже, вероятно, сформировавшегося к этому времени Плотницкого конца (Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР №2. М. 1971., С. 40; Янин В. Л. Новгородские посадники. М. 1962., С. 372 - 376).

4 Дендрохронологический анализ образцов с постройки Ф1-14 был проведен А. Ф. Урьевой и О. А. Тарабардиной.

¹ Громов Г. Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 322.

6 Прием, для этого времени уже достаточно архаичный (З а с у р ц е в П. И. Постройки древнего Новгорода // МИА № 65. М. 1959. С. 265).

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 77-78.

«Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 189.

¹ Бломквист Е. Э. Указ. Соч., С. 62.

"Лысенко П. Ф. Указ. Соч., С. 179-187.

"Бломквист Е. Э. Указ. Соч., С. 62.

12 Там же. С. 140.

"Там же. С. 112.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Загадочные явления в Новгородской каменной пластике

В. Г. Луцко

Периодом наиболее активного развития новгородской каменной пластики малых форм явились XIV-XV вв., когда было выполнено большинство сохранившихся произведений, чрезвычайно разнообразных по своим сюжетам. 1 Задачи стилистической раз-группировки материала, в значительной мере уже осуществленной в специальной литературе, 2 выдвигают на очередь выделение индивидуальных манер резьбы. Актуальным остается вопрос происхождения, состава и характера образцов. Здесь порой приходится встречаться с довольно загадочными явлениями, для объяснения которых пока остается прибегать к различным так или иначе аргументированным предположениям, в надежде, что в будущем по крайней мере хотя бы некоторые из них превратятся в твердо установленный исторический факт.

Общеизвестно, что большим иконографическим разнообразием отличаются новгородские каменные иконы с изображением Гроба Господня, многие из которых являются двусторонними и, следовательно, имеют на оборотной стороне какие-либо иные сюжеты. 3 Объяснение подбора последних явно нельзя считать однозначным, ввиду тематического разнообразия: встречаются воспроизведения чтимых икон, композиций, характерных для амулетов-змеевиков, изображений наиболее популярных святых. Особо надо рассмотреть небольшую группу изделий XIV в. с присущими им особенностями, проявляющимися, в частности, в сочетании нескольких христологических сюжетов пасхально-страстного цикла. Именно о них прежде всего пойдет здесь речь.

Известные каменные иконы, образующие этот весьма определенный ряд, предполагают помещение на лицевой стороне композиции Сошествия во ад, а под ней - Гроб Господень и Распятие. Известны лишь два таких произведения, датируемые концом XII - началом XIII в. Одно из них, разм. 7,4 x 6,2 см, из собрания П. И. Щукина, выполнено из овручского красного шифера /№72/; другое, разм. 7,2x6,0 см, в частном собрании в Москве, с отломанным правым нижним углом, - из слоистого шифера зеленоватого и синеваато-коричневатого оттенков/№71/.⁴ На оборотной стороне в обоих случаях воспроизведена одинаковая композиция: под узкой полуциркулярной аркой фигура св. Николы в рост, по ее сторонам в обрамлении подобных арочек расположенные в яруса полуфигуры четырех евангелистов. Обе каменные иконы Новгородом предположительно: не исключено, что они принадлежат резцу иноземного мастера, по крайней мере экземпляр с отломанным краем. Т. В. Николаева по поводу писала: «Композиции отличаются перегруженностью, многофигурностью и плотным размещением изображений, так что около них почти не остается фона. Резьба очень пластична, с плавным переходом от контуров фигур к фону. В стиле резьбы и в манере обрамлять фигуры арочками прослеживается романская традиция, которая нашла отражение и в южнорусском мекишическом литье, где изображения часто имеют арочное обрамление, как и сама форма иконок. В форме киотов делались и конки и для киевских золотых диадем с перегородчатой эмалью».⁵

И другом месте своей книги тот же автор замечает: «К произведениям, которые могут быть и южнорусского, и новгородского происхождения, нужно отнести две шиферные иконки с многофигурными композициями Сошествия во ад, Гроба Господня и Распятия на одной стороне и Николы с евангелистами - на другой. В стиле изображений с удлиненными асимметричными лицами и в использовании киотцев с полукруглыми арками, в характере плоского рельефа и линейной орнаментации одежд прослеживаются черты западноевропейской романской пластики. Русские надписи у изображений и владельческая надпись «Семенова» не оставляют сомнения в их русском происхождении. Материал, из которого сделаны иконки, - красный овручский шифер - говорит о южнорусском производстве, а иконографические сюжеты, получившие потом развитие в новгородском искусстве, - как будто о связи этих произведений и искусством Новгорода».⁶

Если учесть то обстоятельство, что становление камнерезного искусства в Новгороде приходится на конец XIII - начало XIV в., то скорее надо признать вероятность бытования обеих икон в Новгороде. Обе иконы обнаруживают между собой несомненную генетическую связь, выраженную настолько очевидно, что в фрагментированной /№71/ можно признать оригинал сохранившейся более удовлетворительно, в манере резьбы выявляющей черты копийности /№72/. Именно первая из них имеет славянские сопроводительные надписи, а также иконографические черты, как будто не совсем вписывающиеся в круг представлений о византийской художественной традиции.

Сочетание трех сюжетов в рамках единой композиционной схемы, в одинаковой мере топографически связанных с Иерусалимом, наводит на мысль о палестинском происхождении. Принципиально икона напоминает известные раннесредневековые свинцовые ампулы в соборной ризнице Монцы, принесенные из Палестины в конце VI - начале VII в.⁷ О роли палестинских моделей в развитии христианского искусства хорошо известно.⁸ Находка в материалах Шепетовского городища небольшой свинцово-оловянной пластинки с изображением Явления ангела святым женам и латинской сопроводительной надписью свидетельствует не только о попытке крестоносцев наладить производство евлогий в Иерусалиме на рубеже XII-XIII вв., но и о проникновении этих изделий на территорию юго-западной Руси.⁹ Общая типология фигур каменной иконы с отломанным нижним углом /№71/ принципиально близка таким образцам скандинавской романской резьбы, как рельеф темплана, украшающего портал южного рукава трансепта собора в Риббе, в Ютландии (Дания).¹⁰ Характерные приемы моделировки настолько ясно выражены, что предположение о русском резчике, несмотря на славянские сопроводительные надписи, выглядит довольно произвольным. В то же время другая икона/№72/ обнаруживает интерпретацию предыдущего образца в духе архаизирующей манеры, отличающей творчество одного из киевских ремесленников начала XIII в.¹¹ Здесь появляется заметный налет фольклоризации, обычно сопровождающий переосмысление чужой стилистической манеры. То же соотношение прослеживается и при воспроизведении композиции на оборотной стороне изделия.

Т. В. Николаева уже обратила внимание на мотив арочного обрамления как характерный для романской художественной традиции, использованный в резьбе, заполняющей оборотную сторону обеих рассматриваемых икон. Действительно, аркада находит широкое применение не только в архитектурной пластике, но и в прикладном искусстве Западной Европы второй половины XII в.¹² Однако на рубеже XII-XIII вв. она проникает и в придворное искусство Константинополя, на что указывает известный стеатитовый панагиар, изготовленный для императора Алексея III Комнина Ангела (1195-1203) либо, по иной версии, для Алексея Ангела Комнина-сына Феодоры Комнины и Константина Ангела, явившегося основателем храма св. Пантелеймона в Нерези в 1164 г.¹³ 206



Рис. 1. Двусторонние каменные иконы рубежа XII-XIII вв. /1,2/ и начала XIV в. /3/. №№ 72, 71, 143

Существеннее, пожалуй, иное: в резьбе икон воспроизведен триптих, с изображением в его центральной части св. Николы, а на створках - попарно, в два яруса, полуфигур евангелистов. Сегодня можно лишь догадываться относительно характера не дошедшей до нас модели, которая, вероятно, отчасти по общей типологии напоминала небольшой (19,0x30,0 см) триптих-реликварий св. Николы в церкви Saighin-en-Melantois во Франции, датировемый XIV в. 14 Здесь чеканное серебряное изображение святителя в облачении католического епископа, с вмонтированной в его фигуру частицей его мощей. Характерные особенности латинского епископского облачения опознаются и в изображении резной каменной иконы с отломанным краем /№71/. Это, в первую очередь, относится к узкому, напоминающему орнат омофору и подризнику, фактура которого более типична для альбы, низ которой украшен кружевами. Наконец, и овальный рельефный нимб, не обрамляющий голову, а скорее нависающий над ней, более обычен для статуи. Показательно, что в иконе из собрания П. И. Щукина (№72) эти черты уже заметно смягчены, нейтрализованы, точно так же, как и изображения на лицевой стороне каменной пластины, наполовину утратившие свой романский характер.



Р и с. 2. Каменные иконы XIV в. /1,2,4/. №№141, 140, 203; верхняя створка серебряной панагии из Антониева монастыря



Р и с. 3. Палестинские свинцовые ампулы конца VI - начала VII в. в Монце

К сказанному остается добавить, что благодаря обеим каменным иконам, вторая из которых обнаруживает адаптированный вариант романского оригинала, можно получить представление о далеких ранних предшественниках новгородского складня с резным изображением св. Николы Можайского (разм. 120,0x59,0 см), начала XVI в., из Хотеновского монастыря Кирилловского уезда, 15 а также складня XVIII в. (разм. 92,0x92,0 см), из Каргополя. 16 Датировка иконы из собрания П. И. Щукина XIV в. и отнесение ее к числу новгородских изделий вызывает иное истолкование. 17 Однако, думается, интерпретация деисусных изображений, с широким привлечением фольклорного материала, 18 в данном случае не дает желанных результатов. Речь может идти лишь о радикальном переосмыслении конкретной художественной традиции, генетически связанной в своих истоках с Палестиной и католическим Западом. У нас нет

надежных оснований говорить о непосредственном отражении локального почитания св. Николы в Бари, но принципиально нельзя его исключать. Что касается следов, оставшихся в Мире, то они в интересующем нас аспекте слишком общие и неопределенные, ограниченные полуразрушенной базиликой, а также римскими гробницей (усыпальницей) и саркофагом.¹⁹

Оказавшись в Новгороде, описанные либо подобные им каменные иконы рубежа ХП-ХШ вв. находят отклик в резьбе XIV в., однако с одним существенным отличием: на лицевой стороне под Сошествием во ад, слева, на месте Гроба Господня, появляются фигуры стоящих в рост свв. Николы и архидиакона Стефана, на что уже было обращено внимание.²⁰ Наиболее логичное объяснение этому, на наш взгляд, дает перемещение композиции Гроба Господня на обратную сторону новгородских каменных икон, вследствие чего образовалось свободное пространство, которое и было заполнено отмеченным изображением, судя по византийско-киевской керамической иконе начала XIII в. уже успевшим приобрести популярность в домонгольской Руси.²¹ В дальнейшем эта схема оказывается удивительно устойчивой в новгородской пластике XIV в., своего рода нормативной для местной иконографии.

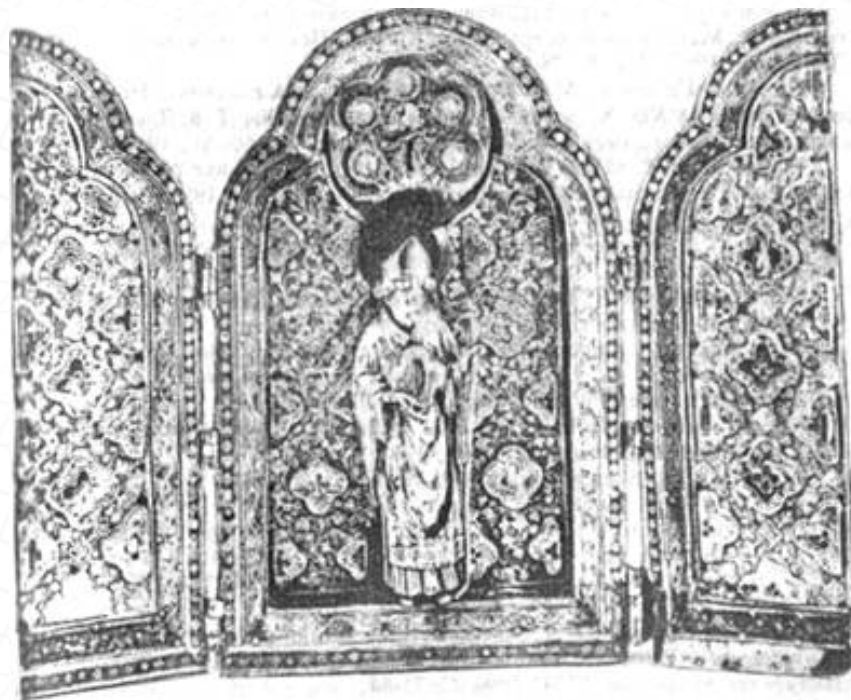


Рис.4. Французский триптих - реликварий св. Николы

Нам известны три каменные иконы этого периода, локализуемые Новгородом. Одна из них (разм. 6,8 x 5,9 см), из собрания Н. М. Постникова, относится к началу XIV в. (№143). Другая (разм. 6,5x5,7 см) хранится в Вологде (№141). Наконец, третья, из темного сланца, в серебряной сканной оправе, датируемая началом XIV в., известна лишь по фотографии (№140), и было ли на ее оборотной стороне изображение Гроба Господня, - непонятно. При всем различии индивидуальных манер резьбы, отличающих выполнение каждого из упомянутых произведений, они все так или иначе иконографически приближаются к иконописной трактовке представленных сюжетов. Пожалуй, меньше других этой тенденцией затронут образок в сканной оправе, ярко отражающий этап становления новгородской каменной резьбы на рубеже XIII-XIV вв. Здесь же должен быть упомянут и чеканный серебряный рельеф начала XIV в. верхней створки панагии из Антониева монастыря в Новгороде, воспроизводящий указанную иконографическую схему.²² Стилистически он сопоставим с каменной иконой XIV в. (разм. 6,6x5,7 см) из собрания Ф. А. Каликина, с изображением Влаговещения, Сретения, Крещения, свв. Феодора и Домники (№203), возможно выполненной в те же годы в Новгороде.

Нашей непосредственной задачей было проследить возможные истоки одной из характерных новгородских иконографических схем, отличающих каменную резьбу XIV в., за которыми стоят явления никак не вписывающиеся в собственно историю древнерусской пластики. В конечном счете это своеобразный резонанс крестовых походов, отголоски которых достигали порой искусства Древней Руси.²³ Однако скорее речь может идти об искусстве византийских мастеров, обслуживающих крестоносцев.

1 Луцко В. Г. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология: Мат. Первой Всероссийской конф. Псков, 20-24 ноября 1995 г. СПб.-Псков, 1995. Ч. 2. С. 78-81.

2 См.: Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV-XV веков. М., 1978; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. //САИ. Вып. Е 1-60. М., 1983.

3 Луцко В. Г. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. СПб., 1998. Вып. 98/35/. С. 159-183.

4 Здесь и далее номера в скобках соответствуют каталожным книги Т. В. Николаевой /САИ. Вып. Е 1-60/.

'Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 65.

6 Там же. С. 26.

7 G z a b a r A. Ampoules de Teppe Sainte (Monza-Bobbio). Paris, 1958

'Weitzmann K. «Loca Sancta» and the Representational Arts of Palestin // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1974. Vol. 28. P. 31-56.

'Пескова А. А. Паломнические древности в древнерусском городе // *Ладога и религиозное сознание*. СПб., 1997. С. 49-50.

10 T u i s e A. Skandynawia romanska. Warszawa, 1970. S. 28, 252. II. 64.

11 П у ц к о В. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // *Byzantinoslavica*. Prague, 1998. T. LIX. С. 317-319. Табл. VIII-XII.

12 L a s k o P. Ars Sacra. 800-1200. Baltimore, 1972. Pl. 237, 238, 242, 245, 251, 252, 255, 256, 265, 266, 273, 276, 288.

"ПЯТНИЦКИЙ Ю. А. Алексей Ангел Комнин - заказчик панагиара, хранившегося в Пантелеймоновском монастыре на Афоне // *Византия и византийские традиции*. СПб., 1996. С. 75-84.

14 *Les tresors des eglises de France*. 2e ed. corrigee. Paris, 1965. P. 10-11. Pl. 127. Cat. 20.

"Померанцев Н. Н., Маслениц ын С. И. Русская деревянная скульптура. М., 1994. С. 218. Илл. 154, 155.

16 Сокровища церковного искусства Архангельского музея. Париж. 1990. Табл. 20.

17 Рындина А. В. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII—XV вв. // *Иерусалим в русской культуре*. 1994. С. 69-70.

18 Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 22-30.

"D a z s y F. Il sepolcro di S. Nicola a Mira // *Melanges Eugene Tisserant*. Citta del Vaticano, 1964. Vol. II (Studi e testi. Vol. 232). P. 29-40.

20 Рындина А. В. Древнерусские паломнические реликвии. С. 68.

21 П у ц к о В. Византисько-кивсью керамичш ЖОHN XIII ст. // *Берестейська ушя (1596—1996)*. Льв!в, 1996. С. 152. 1 л. 1. 9.

22 Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV - первой четверти XVI в. // *САИ. Вып. Е 1-49*. М., 1971. С. 44-45. Табл. 14. № 18 (диам. 11,5 см.).

23 См.: П у ц к о В. Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII - начала XIV в. // *Actes du Xve Congres international d' etudes byzantines*. Athenes - 1976. Athenes, 1981. T. II. С 953-972.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(20\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiqnuvo.ru

[Устройства для опечатывания](#)

пломбираторы, пломбы для опечатывания, тубусы для ключей, сургуч, нитки
www.safeguard.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Западноевропейская свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода

П. Г. Гайдуков, Х. Эммерик

Темой для написания настоящей заметки послужил интересный предмет, обнаруженный в Новгороде более 10 лет назад и ныне хранящийся в Новгородском музее. Это западноевропейская товарная свинцовая пломба с изображением священнослужителя, держащего в одной руке модель церкви, а в другой - посох и топор (Рис.). Пломба эта уникальна. Второй такой находки нет среди всего корпуса подобных древностей, зарегистрированных на территории России.



В XIV-XVII вв. Русское государство вело активную торговлю со странами Западной Европы. В XIV-XV вв. эта торговля (посредством Прибалтики) шла через Новгород, Псков и Полоцк. Ведущая роль во внешней торговле принадлежала Новгороду. Именно Новгород выступал в качестве главного центра внешней торговли Северо-Западной Руси. Здесь был конечный пункт ганзейской торговли на востоке Европы. Во многом от торговли с Новгородом зависело благосостояние Ганзы - крупнейшего в Северной Европе торгового объединения северо-немецких городов. Через Новгород экспортировались русские товары во все остальные районы Европы и через Новгород же Северо-Восточная Русь снабжалась импортными товарами. Ввозили, в основном, различные ткани (чаще других сукна), соль, а также драгоценные и цветные металлы (золото, серебро, медь, свинец, олово).

С середины XVI в. был установлен новый торговый путь - через Белое море. В 1554 г. в Англии была основана Московская компания английских купцов, которая вскоре получила право беспошлинной торговли на территории всего Русского государства. С англичанами уже в XVI в. конкурировали голландские купцы. К концу XVI в. они стали вытеснять англичан с русских рынков.

В XVII в. внешняя торговля Русского государства значительно возросла. Основной поток западноевропейских товаров шел морским путем через Архангельск. В значительно меньшем объеме товарооборот осуществлялся сухопутными торговыми путями - через Прибалтику и Украину. Ассортимент ввозимых в XVI-XVII вв. товаров постоянно расширялся, однако торговля тканями оставалась одной из важнейших статей этой торговли.

Западноевропейские свинцовые товарные пломбы, происходящие, в основном, из Новгорода и некоторых других средневековых русских городов - интересный, но совершенно не изученный источник по внешней торговле Русского государства XIV-XVII вв. На сегодняшний день этой теме посвящено всего лишь несколько публикаций. Попавшие некогда на наши земли небольшие кусочки свинца происходят из разных европейских стран: Фландрии, Германии, Франции, Англии. Такими пломбами производители удостоверяли качество различных тканей, поступавших в XIV-XV вв. на рынок Великого Новгорода, а в XVI-XVII вв. - на рынки различных городов Московского государства. Этими пломбами в знак подтверждения доброкачественности опечатывались по краям как отдельные куски тканей, так и их рулоны, обшитые сверху матерчатými чехлами.

В настоящее время на территории нашей страны зарегистрировано более 300 западноевропейских пломб. Около 200 экз. происходят из Новгорода¹. Известны находки таких пломб и в некоторых других городах: Пскове, Орешке, Смоленске, Твери². Несколько десятков подобных предметов найдено при проведении в последние годы широкомасштабных раскопок в Москве³. Известны случаи находок западноевропейских пломб даже за Уралом (в Мангазее и на городище Искер в Тюменской области - столице Сибирского ханства и ставке хана Кучума в XVI в.)⁴. В последнее время география находок западноевропейских товарных пломб расширилась на юго-восток. Несколько десятков таких предметов зарегистрировано в Астраханской области (на Селитренном городище - столице Золотой Орды в XIV-XV вв.)⁵. Представляется вполне вероятным, что в ближайшем будущем, в связи со стремительным расширением употребления металлодетекторов частными лицами, поток новых находок подобной категории древностей будет увеличиваться.

Изучение западных пломб, происходящих с территории нашей страны, представляется очень интересной и перспективной темой исследования, однако сам материал очень труден для осмысления. Атрибутировать значительную часть западноевропейских товарных пломб, как правило, сильно поврежденных и зачастую лишенных надписей, затруднительно. Пока работа над этой темой не выходит за рамки регистрации нового материала, а настоящая заметка посвящена публикации всего лишь одной такой находки.

На одной стороне пломбы, диаметр которой составляет 2,5 см, размещено поясное, почти фронтальное изображение епископа. Его одежда застегнута на груди круглой фибулой или пуговицей. На его голове надета митра. В правой руке он держит большую модель церкви, на длинной стороне которой показан портал с закругленной верхней частью. У церкви есть башня с двумя окнами и крышей в виде луковицы, верхняя часть которой завершается набалдашником. Крыша церкви показана в виде правильных ромбов; узкая и длинная стороны здания церкви также разделены линиями, что делает ее похожей на здания, построенные в европейской строительной технике *Fachwerk*. В левой руке епископ держит изогнутый в верхней части жезл и топор. В поле, по обе стороны от головы фигуры, над плечами стоят буквы *S* и *W*; *S* слегка закрыто левым плечом епископа. В верхней половине по краю штемпеля помещены отдельные нерегулярные точки ободка. Вторая сторона пломбы сильно повреждена. По сохранившимся остаткам можно предположить, что на ней было помещено изображение щита с четырехконечным крестом.

Как атрибуты (модель церкви и топор), так и написанные с двух сторон буквы свидетельствуют, что перед нами изображение святого

Вольфганг. Вольфганг - один из самых известных епископов Германии X в. Главным источником его жизни является произведение «*Vita Sancti Wolfkandi*», написанное между 1037 и 1052 гг. монахом () плохом из монастыря св. Эммерама Регенсбурга. Основные биографические данные св. Вольфганга следующие. Он родился в Швабии, вероятно в 920-х гг. После первоначального обучения в школе монастыря Райхенау в Бодензее он, вместе со своим однокашником Генрихом - братом епископа Поппо из Вюрцбурга, продолжил образование в *Domschule* Вюрцбурга. Когда в 956 г. Генриха избрали архиепископом в Трире, Вольфганг также переселился в этот город. После смерти Генриха в 964 г. он был принят в королевскую канцелярию короля Оттона I, которая находилась под управлением архиепископа Бруно из Кёльна. Позже он работал учителем в монастырской школе в Айнзидельне, а в 971-972 гг. предпринял миссионерскую поездку в Венгрию. После смерти епископа Михаила в начале 973 г. Вольфганг получил епископский престол в Регенсбурге, одновременно с этим исполнял в течение двух лет обязанности настоятеля монастыря св. Эммерама. В 973 г. он одобрил учреждение епископства в Праге, которая до этого считалась частью Регенсбургской епархии. Около 976 г. во время войны между герцогом Генрихом II Сварливым из Баварии (955-976 и 985-995 гг.) и королем Оттоном II (973-983 гг.) Вольфганг ушел в землю Мондзее. 31 октября 994 г. во время поездки к Регенсбургским владениям в Остмарке (в Пуппинг около Эфер-динга) Вольфганг умер. Его тело перевезли в Регенсбург и там похоронили. В 1052 г. Вольфганг был канонизирован. В присутствии папы Льва IX (1049-1054 гг.) и короля Генриха III (1039-1056 гг.), его мощи были извлечены из могилы и перенесены в крипту под западными хорами церкви св. Эммерама в Регенсбурге. Центром почитания святого кроме Регенсбурга была местность *St. Wolfgang* в Аберзее. Не исключено, что первая церковь там была построена им самим. В XV в. паломничество туда было наиболее массовым в Германии, а в XVII в. Вольфганг был главным святым Регенсбургского епископства. Его атрибуты появляются уже в XIV в. Модель церкви и топор могут указывать на его деятельность по строительству церквей в восточной части Регенсбургских владений. «*Wolfgangihackl*» (амулет «топор Вольфганга») - это один из самых излюбленных знаков пилигримов. Итак, главными центрами почитания св. Вольфганга были верхняя Австрия с местностью *St. Wolfgang* в Аберзее⁷ и Регенсбург⁸. В этих местах изготавливались знаки пилигримов (*Gitterguesse*) - отлитые из олова ажурные привески, а также появившиеся позже и известные в большом количестве медалеобразные привески с изображением св. Вольфганга. Эти амулеты паломники брали с собой в свои странствия⁹. Изображения *HI* и *аких* амулетах очень близки оттиснутому на нашей свинцовой Пломбе¹⁰. На древнейших медалеобразных привесках с изображением Вольфганга часто отсутствует модель церкви¹¹. На щачках пилигримов Вольфганг в большинстве случаев именуется ионным именем. На нашей же пломбе написаны только буквы *S* и *W*. Такое сокращение имеется на одном реликварии XVII в. в форме юмора. Таким образом, изображение св. Вольфганга на рассматриваемой свинцовой пломбе имеет самые прямые аналогии в Баварии и Верхней Австрии. Надежных данных для датировки нет, и пока предварительно мы предлагаем датировать пломбу XV-XVI вв. Не шло, к какому товару она могла быть привешена. Предполагать в нем ткань затруднительно, поскольку крупных текстильных центров м К)жной Германии не известно. Не исключено, что этой пломбой была опечатана упаковка с солью, которая в изобилии добывалась в I.аварии. Сведения о торговле Регенсбурга с Южной Русью есть, но они относятся к более раннему времени - XII - началу XIII в.12. Можно думать, что в Новгород этот товар поступил не сухопутным и орговым путем (через Чехию и западнорусские земли), а морским (I (алтайским) - через посредство ганзейских купцов.

1 Подсчеты П. Г. Гайдюкова.

Ювянников О. В., Царькова Л. А. Охранные работы на территории 1 мстеня и Окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 131, 135. Рис. 5, 6; Кильдюшевский В. И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 110-III, Га й д у к о в П. Г., М а л ы г и н П. Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 250-251. Рис. 4, 4-6.

'Векслер А. Г., Зайцев В. В. О находках западноевропейских ..парных пломб при раскопках на Гостином дворе в Москве // Седьмая Iп ероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и , ообщений. М., 1999. С. 242-245.

•Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазее. Мангазейский морской ход. Ч. I. Л., 1980. С. 65. Рис. 15; П и г н а т т и В. Н. и, кер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 23-26. Табл. V. 5 К л о к о в В. Б., Лебедев В. П. Западноевропейские торговые пломбы из развалин Сарая // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 275-277.

'Schwaiger G. Der Heilige Bischof Wolfgang von Regensburg (972-994) // Georg Schweiger / Paul Mai (Hrsg.). Regensburger Bistumspratrone. Muenchen, Zuerich, 1988. S. 85-105. Пользуемся случаем высказать глубокую признательность австрийским коллегам - Г. Димту, И. Эбнеру и Б. Прокишу (все из Линца), - высказавшим ценные соображения по атрибуции находки.

7 Die heilige Wolfgang in Geschichte, Kunst und Kultur. Ausstellung des Landes Oberoesterreich in St. Wolfgang 1976. Linz, 1976; Zinnhobler R. (Hrsg.) Der heilige Wolfgang und Oberoesterreich (Schriftenreihe des oberoesterreichischen Musealvereins 5). 2 Auflage. Linz, 1994.

8 M e h l e r B. (Hrsg.) Der Heilige Wolfgang, Bischof von Regensburg. Historische Festschrift zum neunhundertjaehrigen Gedaechtnisse seines Todes. Regensburg u. a., 1894; St. Wolfgang. 1000 Jahre Bischof von Regensburg. Darstellung und Verehrung. Ausstellung in Regensburg. 1972; Chrobak W. Der heilige Bischof Wolfgang. Geschichte - Legende - Verehrung (Das Bistum Regensburg III). Kehl, 1993.

* Важнейшая литература по подобным знакам и медалеобразным привескам пилигримов: Kuncze L. F. *Systematik der Weihemuenzen*. Raab, 1885. S.391; S c h r a t z W. *Muenzen auf den heiligen Wolfgang* // M e h l e r B. (Hrsg.) *Der Heilige Wolfgang...* (Anm. 4). S. 255-259; P z o b s z t G. *Ein spaetmittelalterliches Wallfahtszeichen fuer St. Wolfgang am Abersee* // *Berliner Numismatische Zeitschrift* 1. 1949-1952. № 12. 1952. S.346-351; W a c h a G. *Der hi. Wolfgang auf Wallfahrerzeichen* // *Oesterreichische Zeitschrift fuer Volkskunde* 81. 1978. S. 263-273. 30 Abb; M o e c k e r s h o f f B. *Der hi. Wolfgang in der Volksfroemmigkeit* // *Liturgie zur Zeit des hi. Wolfgang in der Kleinkunst* (Bischoefliches Zentralarchiv und Bischoefliche Zentralbibliothek Regensburg. Kataloge und Schriften 10). Regensburg, 1994. S. 54-68, 109-128; G r u b e r J. *Der hi. Wolfgang auf Muenzen und Medaillen*. S. 78-88, 138-173; W a c h a G. *St. Wolfgang und das Wallfahrtswesen im 16. Und 17. Jahrhundert* // *Der hi. Wolfgang und Oberoesterreich* (Anm. 3). S.I 18-158. Tf.I 1-14 (S. 151-158: Wallfahrerzeichen).

10 Cp. Wacha G. *Der hi. Wolfgang auf Wallfahrerzeichen...* Anm. 5. Abb. 12-26; Moeckershoff B. *Der hi. Wolfgang in der Volksfroemmigkeit...* Anm. 5. S. 122.

" Богатый изобразительный материал приводит И. Грубер: Gruber J. *Der hi. Wolfgang auf Muenzen und Medaillen...* Anm. 5. 12 Васильевский В. Г. *Древняя торговля Киева с Регенсбургом* // ЖМНП. 1888. Июль. С. 121-150. [Н а з а р е н к о А. В.] *Регенсбург как центр континентальной торговли с Восточной Европой* // *Древняя Русь в свете зарубежных источников* / под. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 1999. С. 378—384.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Изучение древнейших пахотных орудий Новгородской земли

В. Я. Конецкий

Изучение эволюции орудий труда является важным компонентом реконструкции материального базиса древних обществ. Для средневековой экономики, аграрной по своей основе, особое значение имел прогресс пахотных земледельческих орудий. Появление или распространение их новых, более совершенных типов, безусловно соотносится с важными изменениями в жизни общества.

Темой данной работы является рассмотрение истории пахотных орудий на Северо-Западе и, прежде всего, на территории Новгородской земли, являвшейся важной составной частью древнерусского государства. Хронологические рамки исследования охватывают период с VIII по XIII вв. (т. е. со времени расселения и регионе славян, впервые принесших сюда пашенную агротехнику, до эпохи, когда уже полностью оформилась региональная специфика орудий обработки земли в Северной и Южной Руси).

Истории древнерусских пахотных орудий посвящено немало страниц в работах отечественных авторов. Более того, в советский период вопросы, связанные с изучением экономики, занимали особое место в исторических исследованиях. Тем не менее, объективная оценка полученных результатов показывает, что многие важные моменты остаются дискуссионными. Это обусловлено целым рядом причин, главная из которых определяется состоянием источниковой базы. Традиционно для изучения пахотных орудий Древней Руси используются различные виды источников, каждый из которых обладает собственной спецификой. Среди них можно выделить:

1. *Исторические - свидетельства, связанные с упоминанием существования тех или иных орудий, в средневековых текстах. Они*

немногочисленны, относятся, в основном, к позднему периоду, а главное, не раскрывают конкретной специфики устройства орудия, скрывающегося под тем или иным термином. К этой же группе источников примыкают изображения орудий обработки земли. Древнейшие изобразительные материалы (крайне немногочисленные) относятся к XV-XVI вв., причем интерпретация их, в ряде случаев, дискуссионна¹.

2. Этнографические - иллюстрирующие живую картину XVIII - нач. XX вв., фиксируют одновременное бытование различных видов орудий, различающихся по своим функциям и отражающих региональные особенности². Однако использование этих сведений в интересующих нас целях упирается в проблему возможности прямой экстраполяции данных о наиболее простых орудиях на древнерусский период. Во всяком случае, среди этнографов, единство в данном вопросе отсутствует.

3. Археологические - отчасти относятся непосредственно к интересующему нас периоду. Однако, соответствующие находки представлены лишь железными наконечниками рабочих частей, а деревянные остовы орудий остаются неизвестными. В целом, количество железных наконечников VIII-XIII вв. в исследуемом регионе относительно невелико. В ряде случаев, отсутствуют точные датировки. К этому добавим, что отсутствие стандартизации в изготовлении сошников и наральных, сработанность и фрагментарность ряда находок также затрудняют их изучение.

За последние десятилетия славяно-русская археология Северо-Запада предоставила в распоряжение исследователей еще один источник информации о древних пахотных орудиях - следы их работы. В настоящее время подобные факты зафиксированы почти в десятке случаев. К сожалению, предметом специального и всестороннего изучения остатки древней пахоты пока не стали и потенциальные возможности данного источника еще не исчерпаны.

В целом, круг основных вопросов, подлежащих обсуждению, видится всеми исследователями примерно одинаково. Прежде всего, они касаются хронологического и генетического соотношения таких орудий как рало и соха, их функциональных особенностей и причин, обусловивших смену первых вторыми. Однако, прежде чем перейти к конкретному рассмотрению, необходимо дать определение названных орудий, поскольку терминологический аспект также, в определенной степени, вносит путаницу в существующую картину. Содержание терминов «рало» и «соха», перенесенных в научную литературу из народной лексики, как и во многих подобных случаях, страдает неопределенностью. В XIX - нач. XX вв. под этими обозначениями скрывается весьма широкий круг разнообразных орудий обработки земли. В целом, соха и рало резко различаются по устройству корпуса. В научной литературе, применительно к эпохе начального пашенного земледелия под ралом обычно понимается однозубое пахотное орудие с низкорасположенной точкой прикрепления тягловой силы. Напротив, соха характеризуется как двузубое орудие с высоким прикреплением тягловой силы. В обоих случаях, лишь сочетание названных признаков должно определять название орудия.

К этому следует добавить, что среди ленинградских археологов в конце 40-х - 70-х гг. существовала отчетливо выраженная тенденция именовать все железные наконечники средневековых пахотных орудий сошниками³. Влияние данного обстоятельства сказывается и по сей день.

Впервые вопрос о происхождении сохи был глобально рассмотрен в начале XX в. видным русским ученым Д. К. Зелениным, основывающимся на этнографическом и лингвистическом материале. Исходя из этимологии слова «соха», связанной с понятием раздвоенности, а так же из относительной молодости этого орудия на фоне рала, исследователь полагал изначальным признаком сохи двузубость. Путь ее возникновения он видел в удвоении рабочей части однозубого орудия типа рала, что связывалось со спецификой почв лесной зоны⁴.

Начиная с 30-х гг. господствующей становится иная гипотеза (фактически получившая статус теории), создателем которой был П. Н. Третьяков. Согласно его представлениям, древнейшими сохами были произошедшие от бороны-суковатки многозубые орудия, а двузубая соха является продуктом эволюции последних⁵. Хотя, в историографическом плане, сходные идеи высказывались и ранее, появление данной гипотезы в 30-х гг. было вызвано отнюдь не давлением этнографического материала. Построения П. Н. Третьякова были обусловлены социологическими схемами, господствующими в советской науке в 30-50-е гг. В качестве исходного постулата здесь выступала идея о жестком соответствии стадий экономического и социального развития общества. В частности, предполагалось, что эпоха подсечного земледелия соответствует общинно-родовым отношениям с коллективным характером трудовой деятельности.

Переход к пашенному земледелию, в этой схеме, знаменует появление малых семей и, как следствие, экономического неравенства, классов и государства. Выводы П. Н. Третьякова опирались на еще один тезис, имевший далеко идущие последствия, - признание если не автохтонности, то очень раннего, еще до появления пашенного земледелия, прихода славян на Северо-Запад. Таким образом истоки данного направления хозяйства вообще, и пахотных орудий в частности, признавались различными для Северной и Южной Руси.

Принципиально новый этап в изучении истории пахотных орудий на Северо-Западе начался с введения в научный оборот, полученных при раскопках Ладogi и Новгорода, конкретных данных об их железных наконечниках. Однако существование вышеупомянутой официальной концепции побуждало исследователей (не беремась судить в каких случаях сознательно, а в каких невольно) соответственно корректировать свои выводы. Так В. И. Равдоникас писал о железном наконечнике, происходящем из горизонта Е3 Ладogi, как о самом древнем «из известных к настоящему времени сошников для всего восточного славянства от Киева до Новгорода», указывая при этом, что он «видимо принадлежал к многозубой сохе»⁷ (Рис. 1.2). В соответствии с принятой в то время хронологией ладожских напластований данная находка была датирована VII в.

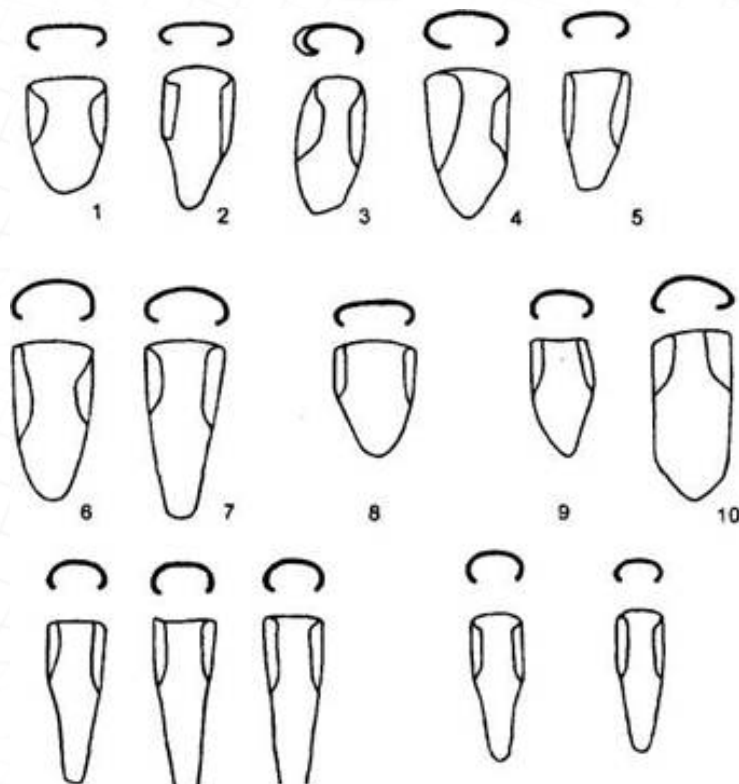


Рис. 1 Наральники и ранние сошники Северо-Запада и их некоторые аналоги

1-10 — наральники; 11-17 — сошники. 1 — Ладога (берег р. Ладожки); 2 — Ладога (Земляное городище, горизонт ЕЗ); 3-4 — Холопий городок; 5 — Деревяницкий могильник; 6 — Новгород; 7 — Ладога (Земляное городище, горизонт Д); 8 — Моравия; 9 — Норвегия; 10 — Швеция (Готланд); 11-13 — Новгород; 14 — Вишиж; 15 — Владимирское курганы; 16-17 — Новгород.

Правда, отказ от жесткого принципа автохтонизма с начала 50-х гг. сделал возможной постановку вопроса о связи традиции севернорусского земледелия с южнорусским. Соотношение ладожского наконечника с южнорусским материалом было затронуто В. И. Довженком⁸. «Сошник из Старой Ладоги, - отмечает он, - по своей форме подобен наральникам с поселений культуры полей погребений первой половины I тыс. н. э. на Среднем Поднепровье»⁹. Далее, еще раз подчеркивается что в функциональном отношении пашенное орудие в Ладоге в VII в. было таким же, как и орудия первой половины I тыс. н. э. в Поднепровье. Таким образом исследователь фактически признал рассматриваемый наконечник принадлежностью рала, продолжая называть его при этом сошником. Следует отметить, что В. И. Довженок первым среди археологов обратил внимание на форму сечения втулок наконечников пахотных орудий как важную характеристику при реконструкции устройства последних.

В середине 50-х гг. вопрос об остатках пахотных орудий из Ладоги был рассмотрен С. Н. Орловым¹⁰. Оставаясь в рамках существующей традиции, он считает наконечник из горизонта ЕЗ сошником. При этом подчеркивается, что данная находка «неоспоримо доказывает наличие сохи в самых ранних горизонтах земляного городища Ладоги». В статье затрагивается еще несколько поздних сошников, о находке которых ранее кратко упоминал Г. П. Гроздилов, без какой-либо аргументации датировавший их IX-X вв. С. Н. Орлов привел фотографию одного из этих наконечников, отмечая, что они «имеют уже асимметричную форму, т. е. принадлежат сохе как пашенному орудью, а не «цапулке». «Соха с сошниками асимметричной формы, - продолжает он, - отваливала землю с помощью «лопатки», «присошки», т. е. пахала»¹¹. Вслед за Г. П. Гроздиловым, С. Н. Орлов отнес эти предметы к IX-X вв. Таким образом, в изображении С. Н. Орлова, уже в этот период в Ладоге существует соха с полицей - орудие, свидетельствующее о сложении паровой системы, что вполне соответствовало тогдашним представлениям об уровне развития агротехники Древней Руси.

Большой интерес вызвала публикация С. Н. Орловым еще одного железного наконечника, найденного на левом берегу р. Ладожки¹² (Рис. 1.1). Обстоятельства находки исключали точную датировку, хотя синхронность ее древнейшим напластованиям Ладоги не вызывала сомнений. По своим морфологическим особенностям данный наконечник был воспринят как типологически более ранний чем экземпляр с Земляного городища. С. Н. Орлов интерпретировал его как наральник и поставил вопрос о связи данного орудия с первыми поселенцами, «пришедшими на берега Волхова с южных районов». Суммарно оценивая оба древнейших ладожских наконечника С. Н. Орлов отмечает, что «они не могли быть применены при подсечном земледелии, т. к. по форме насада не могли стоять под большим углом к пашне»¹³. Итак, в данной работе, исследователь постулируя генетическую связь сошников с наральниками и отказываясь видеть в них орудия обработки подсечных полей, фактически порывает с концепцией П. Н. Третьякова и переходит на позиции Д. К. Зеленина.

В это же время тема древнерусских пахотных орудий была затронута В. П. Левашевой¹⁴. Будучи сторонницей гипотезы П. Н. Третьякова, исследовательница с этих позиций трактует и археологический материал. Признавая бытование в лесной зоне и, имеющих южное происхождение, рал, которые применялись «в обработке старопашотных почв уже освоенных подсекой», В. П. Левашева относит к наральникам и оба древнейших наконечника из Ладоги. При этом она пишет о независимом происхождении сохи, появившейся «на стадии

перехода к пашенному земледелию». Прообразом ее «была суковатка - орудие подсежного земледелия». Естественно, древнейшей формой сохи признаются многозубые орудия. Подобный подход позволил типологически дистанцировать наральники и сошники и не искать между ними переходных звеньев. Сошники древних сох, согласно В. П. Левашевой, имели длину 20-25 см для многозубых орудий и около 30 для двузубых, при отношении ширины к длине в пределах 0,2-0,33. В качестве еще одного признака сошников называется тупая форма передней части, что связывается с особенностями пахоты сохой. Вопрос о времени появления пахотного орудия конкретно не затрагивается - очевидно, предполагается, что оно выходит за нижнюю хронологическую грань работы, т. е. за X в. 15

Заметным явлением в изучении истории земледелия Новгородской земли стал выход в 1959 г. работы А. В. Кирьянова, в которой, прежде всего, были введены в научный оборот и обобщены материалы новгородских раскопок 16. Судя по ряду признаков, в том числе по отсутствию ссылок на работы С. Н. Орлова и В. П. Левашевой, написана она видимо была где-то в середине 50-х гг. и поэтому в концептуальном плане должна расцениваться как явление параллельное построениям вышеуказанных авторов. В целом, раздел, посвященный развитию пахотных орудий, выглядит весьма противоречиво, поскольку А. В. Кирьянов, как, впрочем, и другие его современники, пытался согласовать реальные факты с гипотезой П. Н. Третьякова. Что касается ладожского этапа, здесь исследователь продолжает линию, намеченную В. И. Довженком, называя древнейшие ладожские наконечники (в том числе и происходящий с левого берега р. Ладожки) сошниками. А. В. Кирьянов пишет об их связи с южной земледельческой традицией. Исходя из овальной формы сечения втулки, свидетельствующей о низком угле наклона наконечников к плоскости земли, соответствующие орудия реконструируются как тип легких рал с полозом. По мнению автора, такие рала оказались в условиях лесной зоны нежизнеспособными, поэтому в IX в. на смену им приходят орудия совершенно иного типа - сохи, приспособленные к местным условиям - «обработке почв подсеки, а также к тяжелым почвам Севера». 17 Данным построениям присуща явная противоречивость. Если, с одной стороны, констатируется высокий уровень развития земледелия вообще и агротехники в частности еще у древних обитателей Ладogi на базе орудий южного типа, то с другой - вслед за П. Н. Третьяковым постулируется появление сохи уже на стадии перехода от подсечно-огневого земледелия к пашенному. При таком подходе раннее пашенное земледелие Ладogi предстает как некий изолированный феномен, выступающий вне всякой связи с магистральной линией развития пашенной агротехники лесной зоны. Выводы, сделанные А. В. Кирьяновым для ладожского этапа, плохо стыкуются с новгородскими материалами. Рассматривая древнейший новгородский наконечник X в., исследователь пишет, что по внешним очертаниям он имеет большое сходство с наконечниками, найденными в ранних слоях Старой Ладogi, отличаясь от них формой сечения втулки. В последнем случае она «приближается к округлой» (Рис. 1.6). Это обстоятельство автор справедливо трактует как свидетельство увеличения угла между рабочей частью орудия и поверхностью почвы. В целом, это орудие реконструируется как рыхлящее типа рала, однако с принципиально иным, чем у полозного рала способом установки наконечника (аналогично сошнику у сохи). Таким образом, мы имеем дело с однозубым орудием конструктивно переходным от рала к сохе, или, условно говоря, однозубой сохой. Однако, как считает А. В. Кирьянов, «археологические материалы показывают нежизнеспособность и неприспособленность орудий такого типа для освоения и обработки почв лесной полосы». «Земледельческая практика новгородских словен, - продолжает он, - создала впоследствии совершенно иной тип железных пашенных орудий наработки почвы, которые формировались в соответствии с современными условиями - обработкой подсеки и тяжелых лесных ночи». 1 Таким орудием стала, по мнению исследователя, многозубая или трезубая соха. Появление последней, как считает он, показывается совместной находкой в слоях XI в. трех узких сошников с округлой втулкой (Рис. 1.11-13). Справедливости ради следует заметить, что сходство данных наконечников отнюдь не полное, один из них явно выделяется меньшей шириной лопасти).

Дальнейшее развитие новгородских сох, в изложении А. В. Кирьянова, шло по линии увеличения длины сошников и появлении на них выгнутости «в соответствии с требованиями к обработке почвы при широком распространении паровой системы земледелия и Новгородской земле». Многозубые сохи «на известном этапе» 11 и до изменились в двузубые, «которые будучи более совершенными, по сравнению с многозубыми, отвечали потребностям развивающегося к м. ю. деля». Окончательное конструктивное развитие многозубая соха получает лишь с изобретением полицы - приспособления для отваливания пласта земли, что было необходимо при использовании иаиоча как удобрения. Данный этап относится к XV-XVI вв. В этот период «одновременно существовали трезубые, возможно, многозубые сохи, а также двузубые сохи с полицей» 11.

Таким образом если проанализировать раннюю историю сохи и интерпретации А. В. Кирьянова, то получается весьма странная картина. С одной стороны, повторяется вывод Г. П. Гроздилова и С. Н. Орлова о существовании в Ладoge в IX в. двузубой сохи с узкими асимметричными наконечниками (причем указанные авторы предполагают и наличие полицы), с другой, по материалам Нов-і орода этот процесс отодвигается на несколько столетий. Первые фезубые или многозубые сохи появляются здесь, как пишет Л. В. Кирьянов, лишь в XI в., а двузубые формируются еще позднее.

В начале 60-х гг. к теме древнерусского земледелия вновь обратился В. И. Довженок. В своей монографии, а также итоговой статье, обобщающей основные выводы, он затрагивает и вопросы истории развития пахотных орудий лесной зоны 20. Древнейшие наконечники пахотных орудий, происходящие из Старой Ладogi, исследователь связывает с южнорусской традицией, отмечая бли-юсть форм, а, следовательно, и функций, с наральниками черняховской культуры. Дальнейшее развитие, по мнению исследователя, заключается в выработке типа орудия наиболее соответствующего условиям лесной зоны. В качестве такового называется соха в разных ее видах. Автор прямо оговаривает, что в вопросе происхождения данного орудия он является сторонником точки зрения Д. К. Зеленина. Генетическим предшественником сохи В. И. Довженок считает рало без полоза, а наиболее древним видом - однозубую соху (типа

«черкуши») близкую ралу по устройству и функциям. Дальнейшее развитие исследователь видит «в видоизменении однозубой сохи в многозубые и в возникновении наиболее совершенного орудия - двузубой сохи»²¹. Типологическим признаком наконечников этого орудия В. И. Довженок считает асимметричную форму лопастей. Функции сох раннего типа предполагаются различными. По мнению исследователя, однозубые и многозубые орудия применяются на участках недавно освобожденных от леса или каменистых, а двузубые для обработки старопашотных почв.

В 60-70-х г. появляется ряд работ историков и этнографов, в которых, наряду с различными проблемами истории древнерусского земледелия, затрагивается и интересующая нас тема. Общим моментом этих исследований являлось негативное отношение к гипотезе П. Н. Третьякова, однако, без полноценной опоры на археологический материал, предлагаемые решения во многом продолжали оставаться умозрительными²².

Новый этап в археологическом изучении древнерусских пахотных орудий начался с 70-х гг. он характеризовался некоторым количественным приращением материала, более строгим критическим анализом уже имеющихся данных и попытками создания типологических схем опирающихся на широкую источниковую базу.

Применительно к рассматриваемому региону, первой в данном ряду следует назвать статью М. А. Миролюбова, посвященную пахотным орудиям Ладogi 23. Значение данной работы определяется, прежде всего тем, что она является наиболее полной сводкой железных наконечников, происходящих с памятника отражающего самый ранний этап развития пашенной агротехники на Северо-Западе. Автор, наряду с рассмотрением известных ранее находок, вводит в научный оборот обширный новый материал. В данной связи особое внимание привлекает наконечник, найденный в 1957 г. в слоях X в. - третий по древности в составе ладожской коллекции (Рис. 1.7). Большое значение имеет передатировка ранее публиковавшихся экземпляров. Так, в соответствии с новой ладожской хронологией, дата древнейшего наконечника с Земляного городища была поднята до рубежа VIII-IX вв. Еще более важной являлась коррекция времени появления узколопастных сошников, которые, вслед за Г. П. Гроздиловым и С. Н. Орловым, и другие исследователи относили к IX-X или даже просто к IX в. Исходя из стратиграфических наблюдений и сопровождающего вещевого материала, М. А. Миролюбов убедительно показал, что данные находки должны быть отнесены ко времени не ранее рубежа XIII-XIV вв.²⁴ Таким образом они оказываются не имеющими никакого отношения к древнейшему этапу развития сохи.

В концептуальном плане статья А. М. Миролюбова также содержит ряд интересных, хотя, порой, и спорных, моментов. Прежде всего, отметим, что, в соответствии с уже упоминавшейся традицией бытовавшей среди ленинградских археологов, он называет все железные наконечники сошниками, кажется особенно не разделяя соху и рало. В типологическом отношении все ладожские наконечники разделены на три группы, две из которых относятся к послемонгольскому периоду²⁵. Отдельно рассматривается экземпляр с берега Ладogi, который традиционно признавался типологически наиболее ранним. Касаясь этого наконечника, М. А. Миролюбов приводит ряд среднеевропейских, прежде всего германских аналогий, и считает, что подобные орудия «появились где-то на рубеже VI-VII вв. и продолжали существовать вплоть до XI в». Исследователь, полемизируя с С. Н. Орловым, сомневается в южном происхождении наконечников данного облика, апеллируя к их отсутствию в южных и, напротив, распространению в северных районах. Данный вывод не может восприниматься вне контекста этической оценки ладожских древностей широко распространенной в 60-70-х гг., когда напластования ранее X в. соотносились с дославянским, и, прежде всего скандинавским населением. Примечательно, что и десятилетие спустя (в 1983 г.) Р. С. Минасян, последовательный сторонник признания славян древнейшими земледельцами-пашенниками на территориях будущего древнерусского государства в лесной зоне Восточной Европы, оставил вопрос об этнических истоках пашенного земледелия в Старой Ладогe открытым²⁶.

В первый тип М. А. Миролюбов включил два наконечника из горизонтов Е3 и Д, датируемых, соответственно, рубежом VIII-IX и X вв. Они объединены на основании подтреугольной формы. При этом прямо отмечается, что наконечник из слоев X в. немного длиннее, а во всем остальном полностью повторяет экземпляр из горизонта Е3 Здесь следует заметить, что исследователь, в отличие от ряда предшественников, не придает значения форме сечения втулок, которые у данных наконечников существенно различны. Аналогии этому типу, по мнению автора, встречаются на обширной территории, включающей северо-западные области России, Прибалтику, южную Финляндию, Приуралье. М. А. Миролюбов считает, что эти наконечники были принадлежностью одноколых сох «предназначенных для обработки вновь осваиваемых земель независимо от того, применялась подсекая или залежная обработка земли»²⁷. Из «этнографических» орудий ближайшей аналогией такой «сохе» видится рало или однозубая «черкуша».

Ко второму типу отнесены два сошника, датируемые рубежом XIII-XIV вв. По конфигурации они существенно отличаются от вышерассмотренных, имея узкую подпрямоугольную форму при одинаковой ширине втулки и рабочей части. По мнению автора, эти сошники являются принадлежностью двузубых сох, предназначенных для вспашки полей после обработки их однозубыми орудиями²⁸. К сожалению, отсутствие находок XI-XII вв. не позволило осветить на ладожском материале вопрос о времени появления двузубой сохи, однако высказанное М. А. Миролюбовым предположение о длительном сосуществовании однозубых и двузубых орудий, которые выполняли различные функции, представляется чрезвычайно интересным.

Заметным новым шагом в осмыслении темы древнерусских пахотных орудий стала, вышедшая в 70-е гг., серия работ А. В. Чернецова²⁹. Прежде всего, отметим сделанный им ряд методических замечаний, которые следует учитывать при построении типологии железных наконечников. Исследователь отмечает значительно большую, по сравнению с железными наконечниками, вариативность деревянных основ пахотных орудий. При этом, как считает он, возможны ситуации, когда меняется устройство пахотных орудий, но формы их

наконечников остаются неизменными. Напротив, смену формы наконечников можно считать бесспорным доказательством важного усовершенствования этих орудий или смены традиции их изготовления. При этом он особо подчеркивает отсутствие жестких стандартов в типах наконечников³⁰. Из этого можно сделать логический вывод, что при построении типологии наконечников важно учитывать, прежде всего, не нюансы размеров и пропорций, но явно осознаваемые качественные признаки.

Применительно к лесной зоне Восточной Европы А. В. Чернецов предлагает следующую типологию. Древнейшими наконечниками являются наральники без плечиков, к числу которых отнесены оба древнейших ладожских экземпляра и ряд находок более позднего времени, сходных по очертаниям с вышеназванными. Древнейшими сошниками исследователь, вслед за В. П. Левашевой, счел небольшие по размерам наконечники с мощной втулкой и узкой лопастью. При этом ширина лопасти значительно уже цилиндрической втулки, а место перехода характеризуется плавными, но отчетливо выраженными уступами. Эти параметры А. В. Чернецов справедливо связывает со специфическими конструктивными особенностями сох: большим рабочим углом и двузубостью³¹. Относительно времени появления первых сошников исследователь указывает на IX в. Данное обстоятельство можно считать недоразумением, поскольку противоречит фактическому материалу, приведенному самим же автором. Все ранние приводимые им в таблицах экземпляры относятся не ранее чем к XI в. Конкретно же сошники I группы по А. В. Чернецову фиксируются в XI в. в Новгороде, а для XI-XII вв. известны находки на широких пространствах лесной зоны Восточной Европы. Особенности первой группы определяются близким типологическим родством с наральниками, а так же условиями работы на почти неосвоенных лесных участках. С этими условиями связана узость рабочей части, ее слабая выгнутость и мощность втулки. Вторая группа, более поздняя, имеет большую длину и связана преимущественно с обработкой старопашотных почв.

В целом для домонгольского периода предполагается сочетание сошников и немногочисленных наральников, присутствие которых объясняется, «отчасти, за счет пережитков более древней традиции, отчасти, за счет проникновения южной агротехники»³².

За последние десятилетия история древнерусских пахотных орудий активно разрабатывалась в трудах Ю. А. Краснова, итогом которых стала обобщающая монография, посвященная древним и средневековым пахотным орудиям Восточной Европы³³. Данная работа является уникальной по собранному фактическому материалу, содержит множество любопытных наблюдений, однако в концептуальном плане вызывает ряд возражений.

Методические принципы, на которых основывается Ю. А. Краснов во многом противоположны подходу, предложенному А. В. Чернецовым. Полемизируя с ним, Ю. А. Краснов считал, что для древних наконечников пахотных орудий характерен определенный уровень стандартизации; сработанность многих экземпляров также не может быть помехой для создания дробной типологии, основывающейся на формальных признаках³⁴. Выделенные типы наконечников автором были сопоставлены с этнографическим материалом. На этой основе (в противоположность А. В. Чернецову), Ю. А. Краснов считал возможным жесткое соотнесение выделяемых типов наконечников с конкретными типами конструкции остовов орудий.

Другой особенностью методологии Ю. А. Краснова является апелляция, при построении типологических схем, прежде всего к количественным характеристикам пропорций артефактов, а также формально вычисляемым их соотношениям. При этом важные качественные показатели часто фактически остаются неучтенными.

Полная характеристика указанной работы выходит за рамки данного исследования. Обратимся лишь к интересующему нас вопросу - соотношению рала и древнейшей сохи. В основу идентификации древних наконечников Ю. А. Краснов положил типологические характеристики наконечников соответствующих этнографических орудий. Главными критериями выделения типологических категорий исследователь полагает вычисляемые им отношения длины орудия, его ширины, а также длины и внутренней ширины втулки. Главной границей, разделяющей наральники и сошники, считается соотношение длины орудия и средней ширины втулки равное 3:135. При этом такой важный критерий как форма сечения втулки, свидетельствующий, по мнению многих авторов об угле наклона рабочей части орудия к обрабатываемой поверхности, отнесен к числу второстепенных, а фактически не учитывается.

Думается, что данный подход страдает излишним формализмом, а реально, и искажает существующую картину. Самым древним сошником на Северо-Западе считается ладожский наконечник из горизонта Е3 (Рис. 1.2). Параметры, приведенные, видимо в результате недоразумения, вызывают сомнения. Судя по промерам, данным М. А. Миролубовым, «длина его равняется 15,5 см при ширине спинки (что в данном случае соответствует ширине втулки

- В. К.) 7 см»³⁶. Таким образом указанное соотношение в любом случае не достигает до 3:1. В подборке изображений наконечников данного типа, приводимой Ю. А. Красновым, данный экземпляр по внешним очертаниям существенно отличается от прочих, которые, безусловно, являются сошниками и соответствуют I типу по В. П. Левашевой и А. В. Чернецову³⁷. Особенно важными представляются различия в форме сечения втулки. У данного наконечника она представляет собой суженный овал (как уже не раз упоминалось - свидетельство малого угла наклона). Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что данный наконечник принадлежит ралу, а не сохе. Более дискуссионной выглядит ситуация в отношении наконечника из горизонта Д (X в.) Старой Ладogi (Рис. 1.7). Формально, по соотношению анализируемых показателей, он близок к границе типов указанной Ю. А. Красновым, однако исследователь относит его все-таки к сошникам. Однако, его существенное отличие по форме от безусловных древнейших сошников XI в., относимых по В. П. Левашевой и А. В. Чернецову к I типу, заставляют считать его скорее наральником. К этому добавим, что и М. А. Миролубов полагал данный наконечник принадлежностью однозубого орудия, т. е. по нашей терминологии - рала.

Перечисляя самые ранние экземпляры сошников, Ю. А. Краснов отмечает, что «не моложе древнейшего старолдожского сошники

обнаруженные на городище Холопий городок близ Новгорода в кладе сельскохозяйственных орудий конца VIII - начала IX вв.»³⁸ (Рис. 1.3-4), при этом делается ссылка на полевой отчет автора раскопок Е. Н. Носова. К сожалению, данная информация является недоразумением: в тексте отчета Е. Н. Носов, и соответствии с упоминавшейся традицией ленинградских археологов, действительно называет их сошниками, однако в дальнейших публикациях они последовательно трактуются как принадлежность «однозубого пахотного орудия (т. е. рала - В. К.) с высоко расположенным центром тяжести, которое наиболее удобно на освобождаемых от леса участках»³⁹.

Таким образом фактическое возвращение Ю. А. Краснова к точке зрения исследователей 50-х гг., считавших соху изначальным атрибутом пашенного земледелия на Северо-Западе, выглядит необоснованным. История сохи в древнерусское время видится Ю. А. Краснову как эволюция «орудия для работ в условиях лесного перелога и превращения подсок в поля длительного пользования». «Древнейшие сохи следует, по-видимому, сближать с сохранившимися кое-где в XIX в. «цапульками». Они были эффективны для работ лишь на землях недавно освоенных от леса и могли осуществлять лишь неглубокую поверхностную вспашку»⁴⁰. Обращаем внимание, что эти качества приписываются, таким образом, и древнейшему старолдожскому наконечнику, что является очевидным нонсенсом. В дальнейшем происходит превращение сох в основное орудие паровой системы земледелия. «Не позднее XI в., - пишет автор, - появились сохи с более массивными, крепкими коловыми сошниками, практически идентичными «этнографическим», которые пахали глубже и были достаточно эффективны для работы на различных типах полей»⁴¹. Для XII-XIII вв. исследователь допускает уже появление деревянной полицы. Что касается наральников, то в древнерусский период они бытуют преимущественно на севере лесной зоны, знаменуя первоначальный этап земледельческого освоения этих территорий. Данная картина имеет несколько странный вид, поскольку колонизация Русского Севера идет с территорий, где в это время уже хорошо известна соха, являющаяся, по Ю. А. Краснову, наиболее совершенным орудием разработки новых лесных участков.

Приведенный обзор литературы позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, вопрос о характере эволюции древнейших пахотных орудий на Северо-Западе продолжает оставаться дискуссионным. И, главное, представляется спорным тезис о появлении двузубого орудия (сохи) ранее XI в.

Каким же представляется решение данного вопроса при нынешнем состоянии источниковой базы и наличии рассмотренного круга идей? Древнейший этап развития орудий, в настоящее время, документирован двумя наральниками из Ладogi, дата которых достаточно уверенно укладывается в рамки рубежа VIII-IX -середины IX вв. Судя по овальному сечению втулки, оба они были принадлежность орудия с малым углом наклона. Однако, делать жесткий вывод о том, было ли это рало с полозом или бесполозное, мы, из-за отсутствия дополнительных данных, не беремся (хотя более вероятным видится первое). Ясно лишь одно: эти орудия, или, точнее говоря, соответствующая земледельческая традиция, попала в Ладogu из районов с достаточно развитой агротехникой. Определить конкретную исходную территорию культурного импульса сложно. И славяне, и скандинавы, появившиеся в Ладoge практически одновременно, были земледельцами-пашенниками. Факт различия древнейших наральников по форме еще не дает основания говорить о сосуществовании двух традиций поскольку аналогии и тем и другим известны, с одной стороны, в Скандинавии (Рис. 1.9-10), а с другой, и в Центральной и Юго-Восточной Европе (Рис. 1.8)⁴². В любом случае, существование пашенного земледелия у славян, пришедших на Северо-Запад, не может быть подвергнуто сомнению.

Дальнейшая эволюция рал на Северо-Западе заключалась в увеличении угла наклона рабочей части по отношению к земле. Многие исследователи справедливо связывают этот процесс с началом широкой обработки участков освобожденных из-под носа. Данный путь развития земледелия на Северо-Западе, более интенсивного чем в южных районах, или даже в Скандинавии, связан с меньшим плодородием почв.

В конструктивном отношении это сказалось в увеличении мощности втулки, т. е. в превращении ее сечения из овального в округлое при сохранении, в большинстве случаев, традиционной формы лопасти. Данный этап документируется находками наконечников рубежа VIII-IX вв. из Холопьяго городка, X в. из Ладogi и Новгорода. К этому следует добавить, к сожалению, до сих пор неопубликованную, находку из рва сопки Деревяницкого могильника, скорее всего относящуюся к концу IX в. (Рис. 1.5). Наиболее близкой аналогией данному наконечнику является один из экземпляров из Холопьяго городка.

В XI в. появляются первые сошники. Они характеризуются мощной втулкой и гораздо более узкой лопастью. В отдельных случаях, втулка имеет ширину равную лопасти. Сужение наконечника было обусловлено необходимостью снизить нагрузку па деревянный корпус и тягловое животное при удвоении рабочей части орудия.

С чем же было связано появление нового орудия с качественно иными, чем у его предшественников, характеристиками? Говоря о причинах возникновения сохи, почти все исследователи, как это было показано выше, связывали этот процесс с потребностями возделывания участков только что освобожденных из-под леса. Данный тезис представляется нам спорным. Ведь если взглянуть на историю пашенного земледелия на Северо-Западе, то нельзя не признать, что к моменту появления первых сошников в XI в. она насчитывала, по крайней мере, два века, если брать за точку отсчета датировку ладожских находок, или еще больше, если считать от момента прихода славян на Северо-Запад.

Очевидно, что за указанный период проблема освоения лесных массивов была решена, особенно если принять во внимание уже отмечавшийся факт существования в X в. наральников с мощными втулками. Кроме того, в районах концентрации славянского населения, особенно под Новгородом, в процессе интенсивного антропогенного воздействия не могли не возникнуть обширные

обезлесенные участки. Палеоботанические анализы, проведенные на городище Георгий, показывают, что уже в IX в. в Поозерье господствовали ландшафты с кустарниково-травянистой растительностью⁴³.

Не следует так же преувеличивать степень каменистости почв Северо-Запада (напомним, что в подобной специфике иногда так же видели причину появления сохи). Зоны древнейшего пашенного освоения в данном регионе связаны с легкими и плодородными почвами речных долин и озерных котловин. При этом, уже в IX-X вв. (т. е. еще до появления сох) носители культуры сопок, на памятниках которой неоднократно отмечались находки наральников и следов их работы, широко и успешно вводили в пашенный оборот и участки с дерново-карбонатными почвами - потенциально наиболее плодородными, но, при этом, наиболее сложными для обработки. В Юго-Западном Приильменье и Верхнем Полужье это явление имело массовый характер. Таким образом, вряд ли правомерно связывать появление сохи с отмеченными естественно-географическими обстоятельствами.

Магистральная линия развития пашенного земледелия на Северо-Западе в древнерусскую эпоху безусловно заключалась в переходе от переложной системы земледелия к паровой, характеризующейся стабильным использованием одних и тех же участков. Одной из особенностей паровой системы является принципиальная роль пахоты. Ю. А. Краснов отмечал, что при паровой системе сама пахота участвует в поддержании и восстановлении плодородия. Паровая система возможна лишь тогда, когда поле подвергается неоднократной систематической обработке на разную глубину (двоеение и троение пара). Это преследует несколько целей. Первая - накопление влаги в почве, создание необходимого водно-воздушного режима, результатом чего является интенсивное разложение органических веществ и накопление элементов необходимых для питания растений. Другая, не менее важная задача, решаемая обработкой пара - уничтожение корней сорняков. Совокупность правильных агротехнических мероприятий, как полагает указанный автор, способна «в значительной мере восстанавливать плодородие почвы даже без применения удобрений»⁴⁴. Последнее положение не может быть принято безоговорочно, однако интенсивная распашка, безусловно, способна на какое-то время мобилизовать потенциал плодородия почвы.

Указанные задачи, в зависимости от функциональных особенностей, могут по-разному решаться различными пахотными последствием и сдвигать его посредством полицы, радикально сузило сферу применения рал.

Наряду с этими сохами, практически тождественными этнографическим образцам, относимым к «великорусскому типу», продолжали существовать и архаичные разновидности, подобные «цапулькам» и двузубым «черкушам» и служившие для вторичной обработки земли. Таким образом ситуация, известная по данным этнографии XVIII - нач. XX вв., с одновременным бытованием большого набора функционально дифференцированных орудий, начинает складываться уже в XI в.

Подобные процессы, безусловно, должны были происходить и на юге Руси. К сожалению, история формирования многозубых рал, широко представленных в украинской этнографии, которые использовались подобно архаичным сохам после первичной вспашки⁴⁹, остается неясной. Вместе с тем, не может быть оставлен без внимания факт синхронного бытования в домонгольский период в Южной Руси широкого спектра железных наконечников. Они представлены мощными симметричными лемехами, а так же на-ральниками с плечиками и без них. Среди последних встречаются узкие экземпляры с соотношением ширины и длины близким к 1:3 и мощной втулкой, что явно говорит об их принадлежности к орудиям бороздящего типа⁵⁰.

И последнее замечание. «Большой вопрос» предшествующей историографии - вопрос о том, произошла ли соха от рала или от бороны суковатки - в связи с вышеизложенным представляется лишенным смысла. Соха была принципиально новым орудием с заранее заданными функциями (подчеркнем, что здесь речь идет об орудиях с сошным корпусом, а не о грядильных двузубых конструкциях типа карельской сохи). Действительно, сходные задачи, хотя и с различной эффективностью, решались и сохой и бороней-суковаткой, но утверждение наличия каких-либо генетических или конструктивных связей между ними представляется, на нынешнем уровне источниковой базы, полностью неактуальным. С другой стороны, сходство сохи и рала не простирается далее того, что оба эти орудия являются пахотными с применением тягловой силы животных.

Изобретение сошного корпуса послужило основой для формирования целого класса орудий. Одна из линий дальнейшего развития сохи привела к формированию на ее основе настоящего пашенного орудия, предназначенного для паровой системы земледелия. Таким орудием стала соха с полицей, т. е. классическая великорусская соха, на многие столетия ставшая верным спутником русского крестьянина.

⁴³ К о ч и н Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства (конец XIII - нач. XVI вв.). М., Л., 1965. С. 58; Г о р-1 кий П. Д. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр \ VI-XVII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. Сб. IV М, 1965. С. 22; К р а с н о в Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Носточной Европы. М., 1987. С. 176-179.

⁴⁴ Н а й д ч Д. В. Пахотные и разрыхляющие орудия // Русские. Историко-географический атлас. М., 1967. С. 33-59; Сабурова Л. М. (сельскохозяйственные орудия и постройки // Этнография восточных славян.

<)мрки традиционной культуры. М., 1987. С. 187-194.

⁴⁹ В качестве крайнего выражения данной тенденции можно привести нрминологию И. И. Ляпушкина, называвшего сошниками южнорусские маральники с плечиками, связь которых с сохами никогда не была и не могла быть и аже предметом обсуждения. (Ляпуш кин И. И. Городище Новотроицкое // МИАН⁷⁴. М.-Л., 1958. С. 134,211.

⁵⁰ Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. С. 121-123

⁵¹ Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК, 1932, Т. XIV. С. 23-31

'Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия белорусского Полесья // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910. С. 52.

'Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА, 1950, Т. XII. С. 39-40

"Довженко В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н.э. и чпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. с. 135-145

9 Там же. С. 136

"Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII-X вв. из

< 'тарой Ладоги // СА, 1954, Т. XXI. С. 343-354

11 Там же. С. 353-354

12 Орлов С. Н. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой
Налого // КСИИМК, 1956, Вып. 1965. С. 142-144

13 Там же. С. 144

и Левашева В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. (ТГИМ. Вып. 32). М., 1956. С. 19-39

15 Там же. С. 25-28

'■Кириянов А. В. История земледелия Новгородской земли // Труды 11овгородской археологической экспедиции. Т. 1 (МИА № 65). М., 1959.

17 Там же. С. 344-345

18 Там же. С. 345

19 Там же. С. 346-349

20 Д о в ж е н о к В. И. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Киев,
I % 1; он же. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси // ИСССР, 1960, № 5.

21 Д о в ж е н о к В. И. Об уровне развития... С. 65

22 Горекий П. Д. Почвообрабатывающие орудия по данным... С. 28;

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(22\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Типология городов Поволховья

Е. Н. Носов

Вопросы происхождения, экономической сущности и социальной типологии древнерусских городов имеют принципиальное значение для понимания многих общих вопросов истории Древней Руси. Ладога и Новгород - два городских центра устья и истока одной реки - Волхова - важнейшей магистрали, соединявшей Балтику через Неву и Ладожское озеро с внутренними районами Восточной Европы, находились всего лишь в 200-х км друг от друга и были объединены и своим географическим расположением и общими историческими судьбами, но при этом, отражали разные стадии и характер формирования городских поселений Древней Руси.

С первых публикаций Ладога по археологическим данным выступала как поселение более древнее, чем Новгород, ее материальная культура выглядела гораздо архаичнее и сопоставлялась не столько с развитыми средневековыми городами Руси, сколько с ее сельскими поселениями. Эта разница раннего центра и развитого средневекового города, по мнению многих историков и археологов, отражала общую эволюцию древнерусской культуры и общества, разные ступени развития восточнославянского города. Соответственно и места отводимые Ладоге и Новгороду в социальной структуре древнерусского общества были различными. Ладога традиционно воспринималась, как дофеодалное, общинное славянское поселение с большесемейными домами, а Новгород, уже как феодальный город с княжеским детинцем-кремлем и примыкающим ремесленным и торговым посадом. Обычным было и понимание Ладоги как непосредственного предшественника Новгорода, который, не исключалось, и получил свое название в сравнении с ней. (В. И. Равдоникас, Б.

Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский и др.).

В 1970-е гг., по мере систематизации материалов раскопок Ладоги, приходе в науку нового поколения исследователей не отягощенного бременем наследия идеологической борьбы с норманизмом 1930-1950-х гг., и закреплении в историографии положения о том, что становление городов на Руси имеет определенные параллели в процессе их образования в Балтийском регионе, Ладога стала сопоставляться с так называемыми торгово-ремесленными центрами («протогородами», виками) Скандинавии, такими как Бирка, Рибе или Хедебю, и западнославянских земель.

Однако, воспринималась ли Ладога сугубо славянской «крестьянской» и «родоплеменной» или торгово-ремесленной и полиэтничной, она всегда рассматривалась как первая ступень в формировании города в сравнении с Новгородом.

«Археологическое открытие» Рюрикова городища (или точнее «Городища», как оно значится в письменных источниках, начиная с 1103 г.), реально состоявшееся в конце 1970-х годов, сразу осложнило привычные представления о развитии городской жизни в центре Северной Руси. Между Ладогой и Новгородом как бы вклинился третий центр протогородского типа, и сразу стало ясно, что без определения соотношения Городища с обоими из них обойтись нельзя.

По мере накопления данных о материальной культуре древнейших слоев Рюрикова городища, все более явственной становилось ее отличие от культуры фиксируемой на самых ранних из исследованных участков собственно Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы), прежде всего, по числу находок общебалтийских и скандинавских типов. Последние встречаются на территории города, но в несопоставимо меньшем количестве, чем на Городище, хотя их число в результате новых работ медленно пополняется. Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. Комментируя очевидные отличия Рюрикова городища и Новгорода в рассматриваемом отношении, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX-X вв. и можно предполагать наличие и более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявлялось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине - концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей.

Однако, даже принимая эти оговорки, различия Рюрикова городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики. Они несомненно объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером поселений, сменивших друг друга. Если Рюриково городище - это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с многоэтничным населением, во многом связанный с дальней торговлей, то поселения вокруг христианского комплекса - Софийского храма и епископского двора, это уже кварталы столицы северной части Русского государства, существовавшей за счет эксплуатации земледельческого населения Приильменья. Если на Рюриковом городище скандинавы - княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, составляли значительную часть постоянного населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных знатных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи и богатств или княжеской защиты.

По имеющимся археологическим материалам Рюриково городище предшествовало Новгороду, и городок в истоке Волхова в сравнении с поселками на его обоих берегах ниже по течению реки, где находился торг, епископский центр и первые христианские храмы, типологически отражают явления разных исторических эпох. Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX-X вв. опирается на выгоды его топографического расположения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, то есть «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры и то значимое место, которое занимало Городище в политической жизни Новгорода уже в собственно древнерусское время, оставаясь княжеской резиденцией.

Возникновение Рюрикова городища, если теперь обратиться к Ладоге, несомненно хронологически позднее возникновения последней приблизительно на столетие, если опираться на имеющиеся сейчас материалы. Жизнь обоих центров определялась расположением на значительной водной магистрали, торговлей, ремеслом и военным делом. Население также занималось сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, которые составляли естественный «фон» почти каждого ранне-средневекового поселения.

Именно сходство Городища и Ладоги, при отличии от собственно средневекового Новгорода, бурно разросшегося в конце X в. » стороне от Городища, сразу привлекли наибольшее внимание исследователей. По существу на карте Восточной Европы, проявился ранее «не известный» центр городского типа, как бы параллельный Ладоге, но несколько более поздний. Рюриково городище стало постоянно рассматриваться в отечественной литературе в одном контексте с Ладогой, Гнездовым, Тимеревым и другими ранними поселениями Восточной Европы при обсуждении «норманской» проблемы, вопросов появления первых городов на Руси и их сравнения с городами Балтийского региона.

Однако, сейчас, после более чем двадцати лет систематических раскопок Городища, становится все более очевидным не только сходство, но и отличия Ладоги и Городища, как сходство и отличие Городища и собственно Новгорода, что в несколько ином ракурсе позволяет рассматривать эволюцию городской жизни в Поволжье.

По своему географическому положению Ладога открывала путь в глубину Восточноевропейского континента, но была лишена

земледельческой округи. Известные памятники образуют не сельскохозяйственную зону примыкающую к Ладоге, как ее центру, а причечную агломерацию приуроченную к крупной водной артерии и ее опаснейшим участкам. Городище, напротив, располагалось в сгустке именно сельских славянских поселений, прежде всего, ильменского Поозерья - ядра будущей Новгородской земли, где находилось и главное языческое святилище ильменских славян - Перынь и куда сходились административные нити управления Приильменьем. Ладога была основана на сравнительно низком месте правого берега Волхова и была лишена в ранний период своей истории каких-либо укреплений. В этом плане ее можно сравнивать с синхронными скандинавскими и западнославянскими центрами балтийского региона, постоянная жизнь на многих из которых не замирала, но для нее были характерны сезонные пики активности и относительного затишья. Топографическая структура «Рюрикова» городища сузубо восточноевропейская и отличная от скандинавской модели. Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу. Скандинавские и общепольские элементы в материальной культуре Ладоги присутствуют с ее древнейших слоев, то есть с середины VIII в. Они представлены многочисленными предметами быта (гребни фризского типа, кожаная обувь северного облика, ножи скандинавского типа, деревянные игрушечные мечи и др.), свидетельствами ремесла (глиняные грузила от вертикальных ткацких станков, ремесленные мастерские с наборами различных инструментов и т.д.). При этом обращает на себя внимание единичность находок бронзовых украшений и предметов вооружения. Все эти северные элементы присутствуют, наряду с изделиями поступившими с востока, с вещами славяно-балтского и финского облика. Ладога VIII-X вв. дает пример комплексного торгово-ремесленного поселения, при важнейшей водной артерии, выполнявшего роль промежуточного/посреднического центра между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы, где кончались традиции морского судоходства и начинался многотрудный путь по рекам через пороги и волоки. В отношении Рюрикова городища наблюдается иная картина. Многие элементы его культуры аналогичны ладожским (лепная керамика, глиняные диски, гребни разных типов, бусы, весовые гирьки и проч.), есть следы дальней торговли и ремесленного производства. Однако гораздо ярче, чем в Ладоге выступает комплекс скандинавской культуры, причем выраженной в многочисленных находках бронзовых украшений (различные типы фибул, подвесок, ладьевидные браслеты, шила с головками в виде головок мужчин, детали конской сбруи и пр.) и предметов культа (молоточки Тора, железные гривны, кресаловидные подвески, плоские кольца с надетыми маленькими колечками, амулеты и пр.), оружия (ланцетовидные наконечники стрел, наконечники ножен мечей, а судя по старым данным - вероятно, и сам меч). По числу находок скандинавского круга древностей в культурных слоях поселений Рюрикова городища и Гнездово на Днепре, являются самыми богатыми на территории Восточной Европы и непосредственно следуют за такими центрами самой Скандинавии, как Бирка и Хедебю. Очень рельефно выражен на Рюриковом городище комплекс находок, относящихся к мужскому костюму - 19 кольцевидных булавок с длинной иглой, 26 подковообразных фибул IX-X вв. и другие детали. В целом, материальная культура Городища, судя по ее яркому северному компоненту, носит гораздо более выраженный воинский - «дружинный» характер, чем культура Ладоги. Нельзя не отметить и определенную изысканность находок: к примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшена звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы. Археологические материалы и топографическое расположение подчеркивают различную социальную-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища. Для Ладоги VIII в., как поселения, открывавшего, с одной стороны, путь в глубь континента, а, с другой стороны, выход к морю на первом месте была торгово-ремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров и т.д), то есть, прежде всего, обеспечение стабильного функционирования балтийско-волжского пути. Именно поэтому она была устроена по принципу балтийских вигов - низко у воды, при удобной бухте, которую образовывала р. Ладожка, без укреплений на начальном этапе, в отличие от поволховских городков, выполнявших главным образом функции обеспечения безопасности плавания и располагавшихся на высоких речных террасах у наиболее важных участков пути (городище Любша - сторожевой форпост на подходе к ладожскому поселению; городище Новые Дубовики - перед волховскими порогами; городище Городище - перед пчевскими порогами). Ладожский посёлок отличался своими топографическими условиями и от всех поселений нижнего Поволжья конца I тыс. н. э., занимавших высокие террасы, что лишний раз подчеркивает специфичность его функций в микрорегионе.

Для Рюрикова городища середины IX в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с его ростом, как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно «земли». Ремесло и торговля несомненно и здесь играли большое значение; они, а не сельское хозяйство, определяли облик поселка, но главное заключалось в том, что на нем был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, важнейшей задачей которого являлось не только обеспечение безопасности торгового пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменья. Из тех погостов, которые княгиня Ольга устанавливала по Мете и Луге, включая в единое государственное устройство обширные территории, дани стекались к истоку Волхова, на Городище. Кстати, по своей топографии Рюриково городище напоминало не Ладогу, а те уже упомянутые поволховские городки на высоких террасах, приуроченные к сложным участкам водной магистрали.

По мере стабилизации государственной структуры, сложении новой экономической системы, опиравшейся на внутренние ресурсы общества, а не на внешние связи, при распространении христианства в конце X в. Городище уступило место собственно Новгороду, как центру уже иного порядка, в котором однако административные функции управления землей являлись ведущими, что и определяло его рост, как столицы новгородской земли, то есть по существу всей северной части Древнерусского государства.

Если коротко повторить схему становления городской жизни в Поволжье, то она следующая. Ладога возникает, как торгово-ремесленное поселение на балтийско-волжском пути, в месте, где сходились пути морского судоходства и движения по рекам Восточной Европы. По типу поселения она близка викам региона Балтики. Вдоль Волхова формируются городки у наиболее опасных, с точки зрения плавания, и важных, с точки зрения контроля, участков пути. Один из подобных городков располагался в истоке Волхова - Рюриково городище. Его роль в Приильменьи многократно усиливалась тем, что поселение оказалось в сгустке славянских земледельческих поселков, образывавших ядро будущей Новгородской земли, и стало их центром. На Рюрико-вом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов (воины, ремесленники, торговцы). Всех их привлекало экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией. Именно поэтому торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным. Последние, по мере становления государственности, сложении единой территории Новгородской земли, стали определяющими для нового центра постепенно сложившего к рубежу X-XI вв. в 2-х км ниже по течению от Городища вокруг общегородского храма и епископского двора. Строительство Детинца и каменного Софийского собора в середине XI в. завершили этот процесс

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина преподобному Лазарю Муромскому

А. Е. Мусин

В середине 30-х гг. XX в. знаменитая статья С. Н. Валка¹ не только придала импульс изучению древнерусского частного акта, но и исходя из прозрачной классовой парадигмы исторического исследования безапелляционно приговорила к неподлинности целый ряд документов церковного происхождения. В их числе была и вкладная грамота посадника Славенского конца Ивана Фомина прп. Лазарю Муромскому на остров Муч, являющаяся частью агиографического текста, представленного «Завещанием» преподобного².

Если в отношении большинства актов выводы С. Валка оказались в той или иной мере пересмотренными, а сами документы были признаны подлинными³, то в случае с грамотой прп. Лазаря этого не произошло.

Уникальность вкладной грамоте посадника Славенского конца Ивана Фомина прп. Лазарю Муромскому на остров Муч и озеро Муромское заключается в том, что он дошел до нас в составе иного по характеру и гораздо более сложного исторического памятника - «Завещания преподобного Лазаря Муромского чудотворца», первого автоагиографического произведения на Руси, все известные списки которого не старше XVII в.⁴ В настоящее время общераспространенной является версия о многослойном характере памятника, основа которого действительно восходит к концу XIV в., а последние интерполяции появляются в XVII в.⁵ Последнее мнение базируется на заключении С. Н. Валка о подложности указанной грамоты, которая и составлена в соответствующих целях после 1650 г. Но отправной точкой в

рассуждениях С. Н. Налка является работа А. Воронова, в которой тот пишет о возможном весьма позднем не ранее XVII в. происхождении «Завещания»⁶. Исследователи из гипотезы о недостоверности Завещания делали вывод о недостоверности акта. Гипотеза С. Н. Валка прочно вошла в отечественную науку и нелишне проследить ход его рассуждений⁷. Здесь присутствуют три основных момента: датировка вкладной — 6690 г. — (которая кстати имеется не во всех списках «Завещания») - противоречит способу оформления актового материала, тем более год не совпадает со временем святительства архиепископов Василия (1331-1352) и Моисея (1325-1330, 1352-1360), которые являются современниками прп. Лазаря; упоминание в тексте грамоты волостелей, административной должности возникающей не раньше середины XV века, является анахронизмом; терминология заключительной части грамоты: «У сей духовной на утверждение приложили Иване Фомине образ Пречистой Богородицы с Превечным Младенцем свинцовой, да воображение животворящего креста на другой стороне» вызывает у исследователя также подозрение: «Это выдает в составителе человека, который видел северные акты XV века с их свинцовыми печатями, но привык читать и писать акты, в конце которых завещатель имел обыкновение прикладывать не образ, конечно, а руку - элемент удостоверения не имевший места в новгородских актах ранее XVI века»⁸. Датировка грамоты второй половиной XVII в. покоится на том основании, что царская грамота 1650 г., ограждающая земельные интересы монастыря и пересказывающая монастырскую челобитную и предоставленные акты, данную Ивана Фомина не знает. Соответственно, грамота составлена после этой даты.⁹

Однако эта версия стала общим местом как при публикациях документа, так и в научных построениях¹⁰. Лишь в последнее время в трудах В. Л. Янина появились новые аргументы в пользу фальсифицированности акта: анахронизмом относительно XII в. является описание печати, появляющейся только в XIV в. Если это замечание может быть ликвидировано возможной ошибкой в дате грамоты и соответственным передатировкой XIV в., то существуют, по мнению В. Янина, анахронизмы и абсолютного характера: «Посадника Ивана Фомина не существовало. Фальсификаторами использовано, по-видимому, имя онежского землевладельца (ГВНП №288), действовавшего во второй четверти-середине XV века. Иван Фомин продал земли в Уносской губе Селифонту Твердиславовичу с указанием межи этих владений по рекам Ялганде, Шале, Уносскому ручью — именно эта граница в другом фальсификате муромского монастыря указана как межа между землями Муромского и Палеостровского монастыря»¹¹.

В современной исторической литературе существует ещё одно мнение, касающееся времени происхождения самого «Завещания» в целом. По мнению Н. А. Макарова упоминание в «Завещании» изолированных в культурном отношении групп финно-угорского населения, с одной из которой и сталкивается прп. Лазарь, свидетельствует о позднем характере памятника. Вообще же мнение Н. Макарова о подложности самого «Завещания» опять базируется на истории поземельных отношений монастыря середины XVII в., в частности на отсутствии имени прп. Лазаря в грамоте 1650 г. и в описях монастыря 1584, 1629 и 1645 гг. В качестве местного святого здесь фигурирует прп. Афанасий (середина XV в.)¹².

Однако вернемся к рассмотрению самого акта в контексте самого «Завещания». Уже первый издатели текста архиепископ Аверсий (Орнатский) обратил внимание на противоречие даты грамоты реалиям описываемых событий и предположил, что в тексте вместо 6690 (1182) стояло 6860 (1352)¹³. По его мнению, ошибка произошла в результате работы переписчика.

Вкладчиком земли в грамоте назван посадник Славенского конца Иван Фомин, который, согласно тексту завещания, вначале поспешил отдать иноку этот остров, но после сверхъестественного вмешательства идет на уступку. Из беседы преподобного с сыном вкладчика Феодором, выясняется, что посадник Иван Захарьевич, как он назван в тексте «Завещания» не просто отдал землю, а продал её за сто гривен. Эти деньги были возвращены Лазарю сыном вкладчика Феодором вместе с «писанием об острове», писанным рукою Ивана Захарьевича, которое издатели и комментаторы расценивают то как духовную, то как вкладную, то как даную. Стоит напомнить сам текст по одному из списков: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Дале иосадниче в лето 6690 Славенского конца Иван Фомин сын Пречистой Богородице да священнику Лазарю и его чернецем честь свою земли и воды по своей души и по своих родителех на Онеге езере остров Муч со всею землею и езеро Муромское, речки и островки и вси воды и перевесища, а потому ободу во отсровахи в маньдере сенные покосы и полешие земли и воды. Владеть землею и водою Пречистой, всем чернецам во веки по моей духовной и по купчей грамоте деда моего. А детям моим не всутпатце. А волостянам силы не делать, земли и воды не отымать. А владеть землею и водою по духовной и по купной грамоте деда моего во веки. А купчая дана одерень. А кто наступит и грамоту нашу порушит, и он Богу и Пречистой суд отдаст в оном веце. У сей духовной на утверждение приложил Иван Фомин образ Пречистой Богородицы с Превечным Младенцем свинцовой, да воображение Животворящего Креста на другой стороне».

Формуляр грамоты имеет отступления от пяти классических клаузул, характерных для этого типа документов. Отличается грамота и от особого типа духовных — данных, передающих часть имущества завещателя церкви или монастырю. Отметим, что в тексте отсутствуют традиционные для новгородских духовных формулы «се аз пишу рукописание при своем животе» и «хто сие рукописание преступит».

После *intitulatio* отсутствует *arenga*. Формула вклада «дале» (или «се дале») вполне характерна и для данных и для духовных. Имя настоятеля как адресата дарения не характерно ни для духовных, ни для данных. Вклад делался в «Дом Всемилоствивого Спаса» или в «Дом Пресвятой Богородицы». Имя прп. Лазаря должно было появиться в акте позднее, по нашему мнению в связи с поздними представлениями об истории происхождения грамоты, в тексте, возможно, изначально говорилось, что всем владеют «чернецы Пречистой». В акте есть указание на назначение дара, что в целом представляется нехарактерным для духовных. *Dispositio* закрепляет

за монастырем землю во веки — «одерень» — характерная черта данных. Сам дар вполне соответствует начальному этапу становления монастырского хозяйства и хорошо согласуется с подобными источниками того времени. Предусмотрено грамотой и *sanctio* против нарушителей воли дарителя, среди которых кроме потомков названы и волостели, появляющиеся с середины XV в. Санкции, вопреки обыкновению, предшествуют *corroboratio*, в которой анахронизм в виде формулы «приложить печать на утверждение», навеянной, по мнению С. Валка, формулой XVII в. — «приложить руку», соседствует с описанием подлинной печати второй половины XIV- первой половины XV в.

Таким образом грамота не может являться духовной в полном смысле этого слова. Отсутствует изложение обстоятельств акта, упоминания духовника завещателя и послухов. Сам же формуляр грамоты и содержание дара, за вычетом возможных интерполяций, приводящих внешний вид грамоты в соответствие с актовыми представлениями писца XVII в., совершенно не противоречит историческим реалиям XIV-XV вв., характерным для разряда новгородских данных и раннего этапа становления монастырского хозяйства. Поскольку важную роль для определения фальсифицированности акта играют возможные мотивы и обстоятельства его подделки, определяющие время его составления, то надлежит сказать, что земельный спор 1650 г. касается монастырских деревень по р. Гагукса и не затрагивает территорию, описанную в грамоте.

Ничто не мешает нам видеть в этом документе подлинный акт эгого времени, скрепленный печатью владычного наместника. Необходимо учитывать тот факт, что помещение грамоты не в копийной книге, а в составе агиографического памятника не предполагает особой точности в воспроизведении клаузул, допуская описательный характер их фиксации. Это заставляет нас прийти к заключению, что фрагмент, выделенный курсивом и принятый Валком за удостоверительную часть, на самом деле таковым не является, а относится собственно не к грамоте а к тексту "Завещания", описывающему подлинную печать документа.

Любопытно и упоминание купчей. Принято считать, что эти земли были приобретены дедом посадника. Если считать Ивана Фомина деятелем середины XIV в., отождествляя его с Иваном Захарьевичем, то придется признать что земля была приобретена его дедом не позднее рубежа XIII-XIV веков. Но это противоречит источникам, свидетельствующим, что процесс покупки боярством общинных земель начинается не ранее первой половины- середины XIV в. 14 Однако анализ текста показывает, что речь идет о другом: «купчая грамота дана чернецам на вечно». Таким образом, некая купчая обладает приоритетом над данной и связывается непосредственно с монашеской братией. Она не может касаться покупки земли дедом Ивана Фомина у третьей стороны. Сопоставление сообщения о «купчей деда» с тем, что «купчая дана чернецам на вечно», приводит нас к заключению, что речь идет о той купчей, которую совершили прп. Лазарь и дед Ивана Фомина, названный в тексте «Завещания» Иваном Захарьевичем, за сто гривен. Сам Иван Фомин в силу каких-либо обстоятельств, возможно, возвращения денежной суммы, подтверждает дедову купчую своей даной уже на безвозмездной основе. Теперь нам предстоит решить вопросы, связанные с выяснением родственных отношений Ивана Захарьевича и Ивана Фомина, локализацией этих личностей в новгородской истории и временем составления изучаемого акта. В тексте «Завещания» современником прп. Лазаря назван посадник Иван Захарьевич. Согласно грамоте донатором был посадник Иван Фомин, но попытка представить его Иваном Захарьевичем Фоминим на наш взгляд сомнительна, поскольку Иван Захарьевич должен являться дедом Ивана Фомина, упомянутым в связи с купчей. Однако XIV в. не знает посадников с таким именем. Известен Иван Захарьевич, занимавший эту должность в 1171—1175 гг., и другой Иван Захарьевич, названный посадником под 1475 г. 15 Учитывая, что в «Завещании» уже есть одно сомнительное имя — Василий, названный то епископом Цареградским, то Кесарии Великой, хотя XIV в. не знает такого патриарха на Константинопольском престоле - можно предположить, что имя посадника тоже претерпело изменение.

Ниже мы выскажем свои соображения по этому поводу, пока же отметим что в XIV в. в Новгороде действительно был в почете род Захарьевичей. Речь идет о генеалогической цепочке боярского рода Прусской улицы, представленной следующими именами: Михаил Павшинич (+1316), Захария Михайлович (+1335), Анд-реян Захарьевич (возможная ранняя дата посадничества-1354, +1387) и Есиф Захарьевич (возможная ранняя дата посадничества 1385, +1409) 16. На роль Ивана Захарьевича могут подойти как Есиф Захарьевич, так и Адриан Захарьевич. Генеалогия рода Павшиничей - Захарьевичей была впервые предложена В. Н. Вернадским и идеально исследована академиком В. Л. Яниным 17. Из потомков Адриана известен Кирилл (+1411) и Есиф (упоминается под 1434 и 1463 гг.). О трех сыновьях Есифа Захарьевича — Афанасии (посадник с 1418 г.), Василии (посадник в 1418 г.) и Фоме (посадник в 1409—1413 гг.) можно с уверенностью сказать, что они владели землей в Обонежье. В середине

XV века Афанасий покупает участки на Сороке и Выге (ГВНП №№ 286,287), и владеет Пожаровым сидением в Шуньге, которое его вдова Мария вкладывает в Палеостровский монастырь (АЕ-57 №6) 18. Василий Есифович и его сын Лука владеют землей в Шуньге и на Вирозере (ГВНП № 292) 19. Другой его сын, Дмитрий Васильевич владеет землями в Толвуе, на Выге, Кемии и Кильбоострове (ГВНП №№ 290,291) 20. Ничего не известно лишь о владениях Фомы Есифовича. Однако ГВНП № 288 сообщает нам об обонежском владельце Иване Фомине, границы владений которого проходят по рекам Ялганде, Шале и Уносскому ручью 21.

Именно эта граница есть межа между владениями Муромского и Палеостровского монастыря согласно грамоте № 28522. Иван Фомин действует в середине XV в., то есть в одно время с потомками Есифа Захарьевича. Его имя фигурирует в данной Муромскому монастырю и он предположительно является внуком посадника XIV века с отчеством Захарьевич. С высокой степенью вероятности предполагаем, что интересующий нас Иван Фомин есть сын Фомы Есифовича и соответственно внук Есифа Захарьевича.

Отождествление Есифа Захарьевича с Иваном Захарьевичем «Завещания осложняется тем, что он должен быть посадником по «мале времени» после смерти архиепископа Василия (+1352), скончаться при архиепископе Моисее (до 1360 года) и иметь сына Феодора. Однако

мы уже знаем погрешности ономастикона «Завещания», а погрешности в хронологии целиком возлагаем на совесть позднейших редакторов памятника.

Однако остается ещё проблема Ивана Фомина как кончанского посадника. Посадника с таким именем не знают ни летописные сообщения, ни один из двух известных списков посадников. Однако представляется, что Иван Фомин вполне мог быть посадником во второй четверти XV в. и именно от Славенского конца. Дело в том, что имена новгородских посадников известны нам не только из летописного, но и из актового материала, и прежде всего это касается Славны. В dokonчальной грамоте Славенского конца с Иваном Губоревым о размежевании его земель с Савво-Ви-шерским монастырем, относящейся ко второй четверти-середине XV в., упомянуты 8 посадников. Из них лишь имена двух степенных посадников присутствуют в обоих летописных списках А имена остальных шести известны только из данного акта²³.

Такое резкое увеличение количества посадников от Славенского конца было связано с реформами посадничьего управления в Новгороде во второй половине XIV - первой половине XV века. Славенский конец выдвигал одновременно 8 посадников, не все из которых попали в летописные списки. Нам представляется, что нет никакого основания не доверять известию исследуемого акта, что в указанное время Иван Фомин действительно был посадником Славенского конца.

Осталось решить вопрос о времени составления интересующего нас акта. Из ГВНП №288, где Иван Фомин предстаёт продавцом чемли Селифонту Твердиславовичу следует, что деятельность

Ивана Фомина в Обонежье стоит отнести ко второй четверти-середине XV в.²⁴ Скрепляющая нашу грамоту печать принадлежит анонимному наместнику новгородского архиепископа. Предположительно, именные наместничьи печати при документах предшествуют анонимным, что связано с потерей Обонежьем особого статуса и непосредственным подчинением этой области новгородскому наместнику в начале третьей четверти XV в.²⁵ По нашему мнению, наиболее вероятное время составления документа - 50-е гг. XV в.

Замечательно, что дата, полученная при исследовании актового и сфрагистического материала хорошо согласуется с монастырской историей, почерпнутой из агиографии. На середину XV в. приходится деятельность преп. Афанасия, при котором монастырь существенно расширяет свои земельные владения.²⁶ Именно он в 50-е гг. XV в. мог получить у Ивана Фомина даную, подтверждающую совершение купчей преп. Лазарем земли у Есифа Захарьевича в 50-е гг. XIV в. В последующее время текст данной был интерполирован в само «Завещание», что с очевидностью подтверждается тем фактом, что редактор как бы «заставляет» архиепископа Моисея дважды благословлять преподобного на основание монастыря — до получения грамоты и после.

Осталось сделать еще одно замечание, касающееся времени и обстоятельств появления в тексте данной даты — 6690 г. Нам представляется, что это один из немногих элементов «Завещания», который появляется в XVII в. именно в связи с обоснованием древности прав монастыря. После гибели основной части монастырского архивного фонда в 1611-1612 гг., имущественные права церковных корпораций стали восстанавливаться на основе свидетельских показаний. Вследствие этого в актовом появляется формула, что монастырь поставлен на этой земле «за пятьсот лет и более». Прежде всего это относится к Палеостровскому монастырю, в результате чего появляется легенда о возникновении монастыря в XII в.²⁷ Муромский монастырь, который и на самом деле является ровесником Палеостровского, для утверждения своей древности также настаивает на эпохе XII в., но делает это иначе. Даная Ивана Фомина редактируется в соответствии с современными представлениями об актовом материале и в неё вводится дата 6690, а посадник XIV в. с отчеством Захарьевич становится посадником XII в. Иваном Захарьевичем.

Таким образом, в случае с данной Ивана Фомина мы имеем дело не с фальсификатом, а с подлинным актом 50-х гг. XV в., который подтверждает ранее совершенную монастырскую купчую XIV в. и передает эти земли монастырю уже на безвозмездной основе.

1 Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта / Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Л. 1937.

2 ГВНП. № 283.

Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // Исторические списки. М. 1945. Т. 17. С. 233-241. Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датировка // Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977. С. 40-59. Данилова Л. В. Очерки истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV-XV веков. М. 1955. С. 15-17. Кучк и н В. А. Подделки подлинные или мнимые? // Славяне и Русь. М. 1968. С. 320-330.

4 Словарь книжников и книжности Древней Руси. 1988. Вып.2. (Вторая половина XIV-XVI века) Ч. 1. С. 288-290.

Литвинова Н. Н. Сказание О Муромском острове как памятник новгородской публицистики XV века // Проблемы комплексного изучения Северо-шпада РСФСР. Л. 1972. С. 24.

6 Валк С. Н. Ук.соч. С. 301.

7 Валк С. Н. Ук.соч. С. 301.

"Валк С. Н. Ук.соч. С. 301.

9 Валк С. Н. Ук. соч. С. 301-303.

10 Материалы по истории Карелии 12-16 веков. Петрозаводск. 1941. С. 385.,

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949. С. 284, Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII-XV веков. Л. 1986. С. ПО.

"Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV веков. Хронологический комментарий. М. 1991. С. 358.

12 Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI-XIII веках. По материалам памятников Восточного Прионежья. М. 1990. С. 131-132.

"Амвросий (Орнатский), архиепископ. История Российской иерархии. М. 1813. Т. 5. С. 125-130.

"Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М. 1981. С. 249.

15 Янин В. Л. Новгородские посадники. М, 1962. С. 379.

16 Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 377-378.

17 Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 126-133.

"Янин. Новгородские акты. С. 246-247, 248.

19 Там же. С.248-250.

20 Там же. С. 244-246.

21 Там же. С.248.

22 ГВНП № 285 С.286-288.

23 Янин В. Л. Новгородские посадники. С.259, 299.

24 Янин В. Л. Новгородские акты. С.248.

25 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV веков. Т. 2. М. 1971. С. 84-85.

26 Память о преподобном Афанасии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. №8. С. 284.

"Барсов Е. Преподобные олонецкие пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии. 1868. С.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благоволия, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(19\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

14/00

Ткацкий станок 14 века из Твери

А. А. Момбекова, Е. В. Кобозева

В начале XIII в. в Древней Руси получает распространение горизонтальная конструкция ткацкого станка¹. Это была классическая модель с высокой рамой и подвесным ремизным аппаратом². В Твери, по данным Н. В. Жилиной, станок подобной системы известен с 30-40-х гг. XIII в.³

Как правило, находки деталей ткацкого станка в древнерусских городах связаны с влагонасыщенным культурным слоем. В археологических материалах чаще всего встречаются разрозненные детали ткацкого механизма, такие как челноки, юрки и некоторые элементы ремизного аппарата - собачки, подножки, ниченки. Б. А. Колчин отмечал, что «льняная нить в культурном слое не сохраняется, и поэтому ниченку мы находим без петель»⁴.

В 1996 г. в Твери при проведении охранных работ на территории бывшего Затьмацкого посада⁵ был найден уникальный ткацкий комплекс. Были обнаружены важнейшие детали ремизного аппарата - фрагменты ниченок с навивом, берда с зубьями и фрагментами незаконченного холста (тканиной)⁶. Здесь же находилось подготовленное сырье (расчесанные растительные волокна).

Комплекс был зафиксирован на дне материковой ямы-котлована (со сторонами ок. 4,6х4 м, глубина которого достигала 1,3-1,5 м от поверхности материка). Согласно домостроительной традиции Затьмачья в таких котлованах размещались подклеты (подполья) наземных жилых построек. Как правило, котлованы использовались неоднократно. В данном случае после гибели постройки с ткацким

станком, котлован был вычищен и несколько расширен для следующего строительства. При этом самая нижняя часть подклета с ткацким станком сохранилась и была законсервирована на дне конструкциями более поздней постройки. Вещевой материал верхней постройки позволяет отнести ее возникновение к середине - 2 половине XIV в. Следовательно, постройка с ткацким станком функционировала в предшествующий период. К сожалению, имеющиеся находки не позволяют достаточно четко определить время ее сооружения. Но очевидно, что эта постройка прекратила свое существование в сильнейшем пожаре, который прослеживается по всей изученной площади, и авторами раскопа предварительно соотнесен с летописным пожаром зимы 1327 г'.

По всей видимости, во время пожара ткацкий станок подвергался высокотемпературному воздействию при недостаточном доступе кислорода. Благодаря этому, нити, ткани, волокна, деревянные детали, а также хранившееся в подполье зерно, обуглились, сохранив первоначальную форму. Вероятно, в подпольное помещение фрагменты ткацкого станка попали при пожаре. Все обнаруженные детали были повреждены.

Основной задачей при изучении полученного материала для нас являлось определение элементов конструкции, технологических узлов данной модели ткацкого станка, и, в итоге, - его реконструкция.

Для этого, из общей массы деревянных фрагментов и нитей, были выделены наиболее определяемые и значимые детали, сняты их размеры и проведено сравнение с опубликованными материалами археологических раскопок и этнографических исследований.

Традиционный ремизный аппарат состоит из берда-нитеразделителя, минимально двух пар ниченок и приводной системы, включающей собачки, подножки, веревки 10. В процессе работы образовывался двойной ткацкий зев, нити утка перебрасывались механически.

Ниченки (Рис. 1).

Найденные фрагменты ниченок представляли собой круглые в сечении деревянные стержни диаметром 1,4-1,6 см. Длина сохранившихся фрагментов колеблется от 8,7 до 18,5 см. По новгородским материалам диаметр ниченок равнялся 1,5-2 см, а длина цельного деревянного стержня - около 60-65 см или 75-78 см". В целом, метрические характеристики ниченок из раскопов в Новгороде и Твери совпадают.

На закругленных концах трех ниченок имелись неглубокие концентрические желобки для крепления.

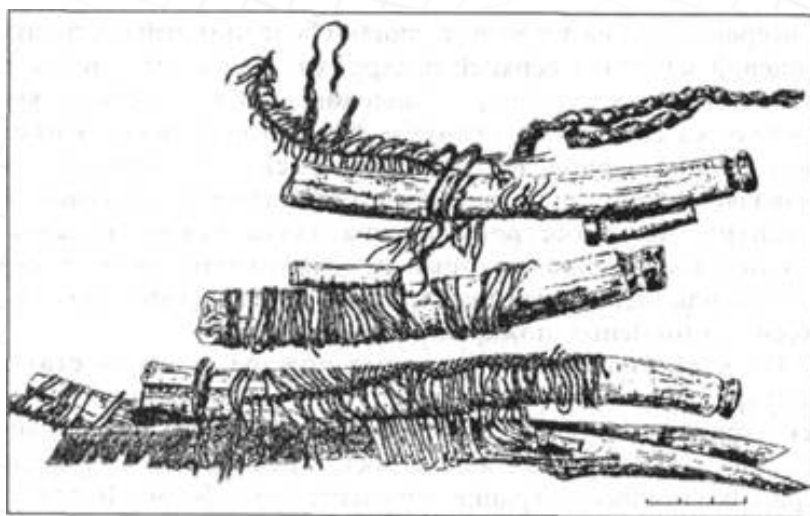


Рис. 1. Фрагменты ниченок

На всех стержнях ниченок зафиксированы остатки нитяного навива. Часть петель навива располагалась непосредственно под ниченками в спущенном состоянии, на самих ниченках они перекошены. Навив представлял собой ряд последовательно расположенных петель, каждая из которых закреплялась отдельно узлом. Для обеспечения максимально равномерного натяжения нитей применено чередование правых и левых репсовых узлов.

Подобная комбинация предусматривает линию узлов и петельный ряд без перекосов. Нитка имеет диаметр около 0,1 см.

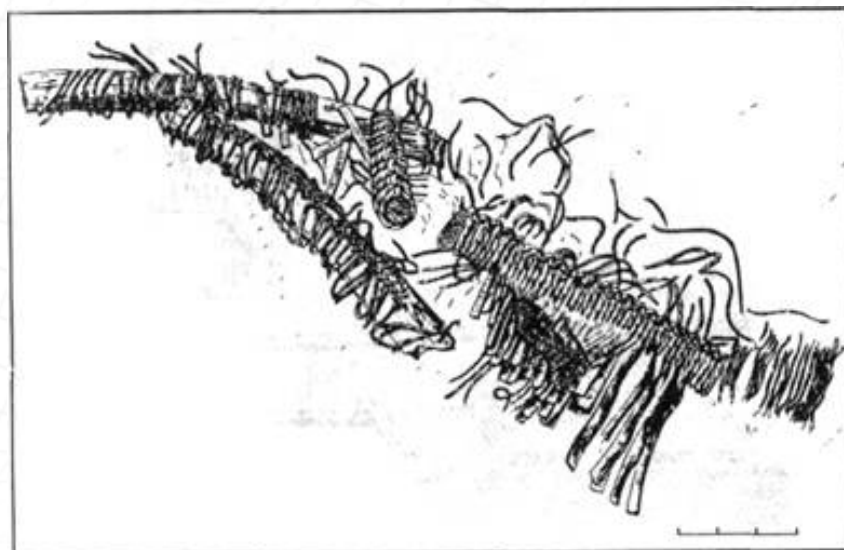
Три фрагмента ниченок с оформленными концами располагались вместе, имели одинаковую ориентацию, и, по всей вероятности, представляют собой остатки двух пар ниченок.

В непосредственной близости от ниченок, были зафиксированы фрагменты веревок кручения 3x2, со следами петель. Для их изготовления была использована такая же нить, что и для навива петель ниченок. Предположительно, они служили для подвешивания ниченок к вершицам. Толщина веревок с кручением - 0,6 - 0,9 см.

Косвенно это подтверждает найденный фрагмент деревянной детали размером 2x1,5 см. Он представлял собой сегмент с выбранной в узкой части поперечной канавкой и обвязанной вокруг него веревкой кручения 3x2. Среди принадлежностей ремизного аппарата сходное строение имеют собачки - детали, передающие ниченкам возвратно-поступательное движение.

Полученные материалы позволили установить конструкцию основного узла планки берда. Бердо состоит из двух параллельных, сложносоставных планок и закрепленной между ними частой гребенкой. Из-за хрупкости последней, сохранился только один край планки с

зубьями. Всего найдено семь фрагментов разного размера. Длина от 4 до 24,5 см, диаметр (с учетом обвязки) - 1,3-1,4 см. Планка собиралась из двух полукруглых палочек (радиус - 0,3-0,4 см), сложенных плоскими сторонами, и пропущенных между ними зубьями. Ширина каждого из зубьев 0,5 см и толщина около 0,05 см, выпущенные концы имели подтреугольное оформление. Вся конструкция обвязывалась крепкими нитками, диаметром 0,1-0,15 см. Каждый из зубьев обвязывался отдельно и закреплялся чередующимися правыми и левыми реповыми узлами. Линия узлов выходила на лицевую сторону.

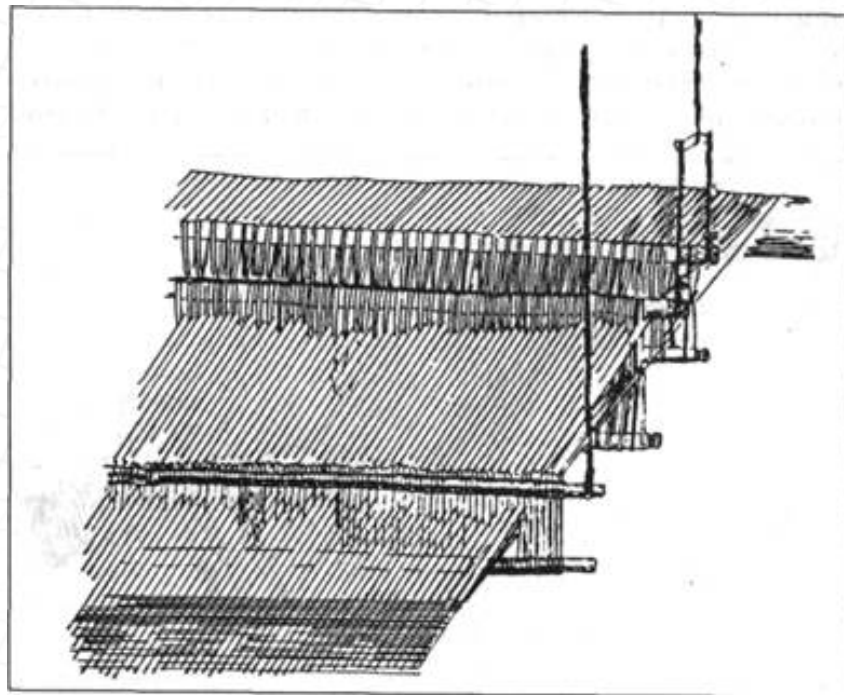


Р и с. 2. Фрагменты берда

Вместе с деталями берда найдены остатки веревок типа жгут. Они были изготовлены из растительных волокон путем скручивания и отличались значительной толщиной - около 0,7-0,8 см. На некоторых фрагментах сохранились узлы и отпечатки метель, соответствующие размерам планки берда. Можно предположить, что при помощи таких жгутов обеспечивалась более жесткая фиксация крепления берда.

По этнографическим сведениям берда для ткацких станков делали из кленового дерева. «Этой работой занимались всегда специальные мастера, поскольку изготовление берда требовало особых инструментов и очень кропотливой работы». 12 Так, известно, что в XVIII в. в Тверской губернии на изготовлении берд специализировались жители Бежецкого уезда. 13

На одном из фрагментов берда (Рис. 2) сохранились пропущенные сквозь зубья тонкие нити основы и фрагмент ткани размером 3x1,5 см, что составляет 30 нитей основы и 11 нитей утка. По приему тканья - это редкая ткань полотняного переплетения из тонкой нити. Раппорт такого переплетения равен двум, а сдвиг - единице во всех направлениях. Воспроизводство подобного тканья возможно на простейшем станке с двумя парами ниченок 14. Кроме этого, был найден еще один фрагмент ткани (Рис. 1), размером 12x1,0-1,5 см, более плотного полотняного переплетения (вероятно, это обрывок уже готовой материи). Интерпретация других найденных в слое пожара деревянных фрагментов затруднительна.



Реконструкция ремизного аппарата (Рис. 3).

Таким образом, ткацкий станок, найденный в Твери, представлял собой вариант горизонтального станка, особенностью которого, по нашему мнению, являлась достаточно легкая конструкция.

Ниченки крепились на жгутах к вершицам, роль блоков выполняли собачки. Бердо подвешивалось непосредственно к нершницам на толстых и достаточно жестких жгутах. Учитывая параметры найденных фрагментов берда и известные этнографические материалы, можно полагать, что его ширина не превышала 45-55 см. Такое бердо могло содержать от 180 до 300 зубьев (число зубьев кратно 30) 15.

Ширина полотна, производимого на подобном станке не превышала 50 см, т.е. на нем, вероятнее всего, изготавливалась традиционная «узчина» - узкая холстина, известная по новгородским писцовым книгам XV в. и берестяным грамотам 16. Изготовленная ткань отличалась ровностью натяжения нитей основы и утка, а также отсутствием дефектов расчета нитей.

Поскольку в древнерусском археологическом материале подобные находки ремизного аппарата горизонтального ткацкого станка нам неизвестны, в поисках аналогий авторы обратились к этнографическим данным. Оказалось, что конструкция ремизного аппарата 1 половины XIV в., найденного в раскопе на Затьмацком посаде древней Твери, аналогична устройству 1 половины XX в 17. В процессе развития изменили претерпевали отдельные детали ткацкого станка. Собачки были преобразованы в блоки. В системе крепления берда жгуты для подвешивания сменили деревянные планки, которые в свою очередь, превратились в мобильную раму со сменным бердом (батан).

Горизонтальный ткацкий станок являлся универсальной конструкцией, которая позволяла изготавливать как качественные тонкие ткани, так и более грубые (рогожи). Этим, вероятно, объясняется его широкое распространение и существование практически без изменений на протяжении столетий.

1 Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 268.

2 Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. // САИ. Вып. Е1-55. М., 1968. С. 72. Рис. 57. Я с т р е б и ц к а я А. Л. Западная Европа XI

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(17\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Новгородская псалтырь — новонайденный кодекс 11 века

В. Л. Янин, А. А. Зализняк

13 июля 2000 г. на Троицком раскопе из напластований 1 четверти XI века была извлечена уникальная находка — древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску.

Кодекс представляет собой так наз. триптих: он состоит из трех деревянных (липовых) дощечек размером 19х15,1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15х11,5 см), залитое воском; средняя дощечка имеет такие углубления с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы (так наз. церы). Внешние стороны первой и последней дощечек играют роль «обложек» кодекса.

К сожалению, кодекс в момент находки получил повреждение. Уже начатая и ныне продолжающаяся работа по его реставрации должна вернуть его к состоянию, близкому к первоначальному. Исключительная сложность реставрации в данном случае связана прежде всего с тем, что невозможно сохранить оба элемента кодекса — дерево и воск, — предварительно их не разделив. За эту работу взялся В. И. Поветкин. Многолетний его реставрационный опыт гарантирует успех в деле, не имеющем прецедентов в мировой практике.

Датировка кодекса определяется в первую очередь тем, что он лежал в полуметре от края и на 30 см ниже сруба, получившего надежную дендрохронологическую дату: 1036 г. Средняя скорость нарастания культурного слоя в Новгороде — около 1 см в год. Таким образом, наиболее вероятное время попадания кодекса в землю — первые 15-20 лет XI века. Для повышения надежности эти рамки следует

слегка расширить; это дает нам интервал: последние годы X — первая четверть XI века.

Разумеется, кодекс мог быть в обращении уже довольно долгое время, прежде чем он был потерян. В этом убеждают как общая его потертость, так и следы чинки.

Таким образом, найдена древнейшая ныне известная книга древней Руси. Она как минимум на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная книга древней Руси — Остромирово евангелие 1056-1057 гг. Правда, некоторые недатированные книги Руси, традиционно относимые к XI в., как иногда предполагают, могут быть и несколько старше Остромирова евангелия, но к столь раннему времени, как новонайденный кодекс, ни одну из них не относят даже гипотетически.

Следует учитывать, что Остромирово евангелие — самая ранняя точно датированная книга не только Руси, но и всего славянского мира. Ни одна из старославянских книг не имеет даты в тексте. Все они датируются лишь по косвенным данным (палеографическим и лингвистическим) — обычно лишь с точностью до столетия. В частности, самые древние старославянские книги, писанные кириллицей, — Супрасльский кодекс и Саввина книга — традиционно датируются XI веком; но даже и столь широкую датировку нельзя считать вполне гарантированной.

Понятно, сколь ценно то, что новонайденный кодекс имеет гораздо более узкую дату — порядка четверти века. И эта дата такова, что он оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узкой датой. Более ранними славянскими датированными документами являются лишь некоторые древнеболгарские надписи X в.; но надписи — это существенно иная категория письменных памятников.

Основной текст кодекса состоит из двух псалмов: 75 и 76. Перед нами часть псалтыри, а именно заключительные псалмы 10-й кафизмы. Мы предлагаем именовать новонайденный памятник Новгородской псалтырью — подобно тому, как существуют, например, Синайская псалтырь или Болонская псалтырь (конечно, кодекс содержит не всю псалтырь, а лишь несколько псалмов, но таковы же и некоторые другие древние псалтыри, скажем, Евгениевская).

То, что древнейшей ныне известной книгой Руси оказалась именно псалтырь, со статистической точки зрения неудивительно. В древней Руси псалтырь была самой распространенной из всех книг. Она служила не только для чтения и для литургии, но и для обучения грамоте. Именно по ней из века в век одно поколение русских людей за другим училось читать (а у старообрядцев этот обычай сохраняется и поныне). Многие знали псалтырь целиком наизусть, а отдельные псалмы помнил едва ли не каждый.

В кодексе текст псалма 76 заканчивается немного ниже середины четвертой страницы. Далее идет пустое пространство в 4—5 строк со следами затертого текста, после чего следуют 6 строк из псалма 67 (из стихов 4-6).

Вопрос о том, какую роль играли в кодексе строки из псалма 67, на первом этапе изучения памятника оставался неясным. Можно было предполагать, в частности, что эти строки составляли часть заключающей кафизму молитвы, но было непонятно, почему они начинаются с полуфразы. Разгадка пришла позднее, когда удалось установить, что затертый текст — это предшествующие стихи того же псалма 67. При этом, однако, начало этого псалма оказалось под нынешним текстом псалма 76. Таким образом, выяснилось, что нынешний текст написан поверх затертого прежнего текста, содержавшего псалом 67 (и предшествующие ему). Последний отрезок прежнего текста писец оставил нерезервированным: для его новой записи «расчищенного» места уже хватало.

Это значит, что писец не рассматривал данный кодекс как окончательно изготовленную книгу, которую остается лишь поставить на полку. Это была для него как бы книга «с безущим текстом», функциональный аналог грифельной доски.

Может быть, перед нами просто ученические упражнения, состоявшие в том, чтобы последовательно списывать одну часть псалтыри за другой? Но такая версия должна быть немедленно отвергнута: почерк и весь характер письма неоспоримо свидетельствуют о том, что его писал опытный мастер. Его рука безупречно тверда, каждая буква имеет совершенно устойчивое начертание, почти как в печатных книгах — это первейший признак каллиграфического мастерства. Таким образом, если перед нами инструмент учебного процесса, то он писан рукой учителя.

Естественно предположить, что это был южнославянский книжник, прибывший на Русь, еще совсем недавно принявший христианство, с миссионерской целью.

Однако тщательное изучение написанного им текста приводит к неожиданному выводу: писал не болгарин и не серб, а русский! Этот вывод вытекает из того, что, списывая со старославянского оригинала, писец Новгородской псалтыри, несмотря на высокую тщательность его работы, всё же допустил несколько ошибок, причем таких, которые мог сделать только человек, чьим родным языком был древнерусский.

Таким образом, Новгородская псалтырь — самый ранний памятник церковнославянского языка русского извода. Написавший ее мастер почти наверное был свидетелем крещения Руси в 988-990 гг. Скорее всего он был в это время еще мальчиком. Можно представить себе даже, что он был из тех детей, которых сразу после крещения Руси отдали в книжное учение и по которым матери «плакали как по мертвецам». Поразительно, как быстро из этого первого поколения грамотных русских людей смог выйти столь опытный книжный мастер.

Весьма интересен вопрос о том, был ли кодекс написан в самом Новгороде или его привезли, например, из Киева. К сожалению, однозначных лингвистических признаков новгородского или киевского происхождения писца в тексте нет. Можно лишь отметить, что в тексте нет следов цоканья — характерного для Новгорода смешения ц и ч. Но такая картина в принципе может объясняться как неновгородским происхождением писца, так и его хорошей орфографической выучкой.

Текст кодекса представляет также исключительный интерес с точки зрения палеографии. Ведь почти все древнейшие рукописи не имеют даты. А палеографы датируют такие рукописи исключительно на основе их сравнения с немногочисленными датированными. И вот перед нами новый памятник с достаточно узкой датой, причем самой ранней из имеющихся ныне (если не считать надписей). Понятно, что теперь именно Новгородская псалтырь станет новой точкой отсчета для палеографических оценок и, возможно, приведет к пересмотру многих из них.

Оказалось, что Новгородская псалтырь обнаруживает определенные палеографические сходства, с одной стороны, с книжными памятниками XI в., писанными на пергамене, с другой — с древнейшими берестяными грамотами. При этом, однако, нет полного совпадения ни с теми, ни с другими, т. е. письмо на воске обладало и определенной палеографической спецификой. Характерно, что в ряде 1 пунктов, где Новгородская псалтырь расходится по палеографии с рукописями XI в. на пергамене (например, в начертании буквы Р), она вполне сходна с древнеболгарскими надписями X в. Кодекс позволил также понять, откуда взялись палеографические отличия берестяного письма от книжного, которые отмечаются с самого начала письменной эпохи, т. е. уже в берестяных грамотах XI в. Оказалось, что по крайней мере в части случаев эти черты «унаследованы» от письма на воске.

Интересные результаты сулит текстологическое сравнение Новгородской псалтыри с другими древнейшими, а также и более поздними псалтырями. Для полного осуществления этой работы потребуется длительное время, но уже сейчас можно сказать, что, во-первых, текст Новгородской псалтыри не совпадает полностью ни с одной из других известных псалтырей, во-вторых, в нем в большинстве случаев выступают варианты, свойственные самым древним спискам псалтыри, в-третьих, в целом ряде пунктов в нем обнаруживаются те варианты, которые характерны для псалтырей, писанных именно на Руси (как древнейших, так и более поздних). Текст на воске сохранился в Новгородской псалтыри столь превосходно, что его чтение не составляет особого труда. Но некоторые фрагменты растрескавшегося воска утрачены, и пришлось искать способы как-то восполнить образовавшиеся по этой причине лакуны. В ходе дополнительного обследования памятника удалось установить, что, помимо хорошо видимого текста на воске, кодекс содержит также некоторые следы других текстов — правда, столь слабые, что в течение первых недель работы над памятником они вообще не были замечены. Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст на воске.

Выше уже говорилось о следах затертого прежнего текста, слегка различимых на пустых участках воска, а также между буквами нынешнего текста. Сверх этого выяснилось, что имеются следы надписей, процарапанных на верхних и нижних частях деревянных рамок, которые служат как бы полями для восковых табличек. Правда, дерево здесь очень сильно истерто, так что от букв сохранились лишь некоторые едва различимые штрихи. Весьма трудная работа по выявлению этих штрихов привела, однако, к успеху: удалось прочесть надписи в шести участках этих рамок.

Открылся связный текст, переходящий с верхнего поля на нижнее и с одной страницы на другую. Это оказались указания о предназначении данной книги, плавно переходящие в слова высокого поэтического достоинства о благе чтения псалтыри. Вот этот текст в несколько осовремененной форме (но с сохранением ряда древних выражений): «Псалтырь без чина службы и без всех часов², без отпевания душ, без от себя прогнания всех³ людей, без отлучения алчущих знания. Сия книга псалтырь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странничкам недвижимое море, детям рабов неосуждаемое деяние».

Нет сомнения, что эти слова не сочинены писцом, а списаны с некоторого образца. Фраза «странничкам недвижимое море» с очевидностью выдает византийское происхождение текста: только в морской стране быть странником означает путешествовать по морю. Но прямого аналога всего этого текста пока еще ни в славянских, ни в византийских источниках не отыскано.

Новооткрытый памятник — это самая древняя из дошедших до нас книг древней Руси, самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг. Она несомненно займет почетное место в истории русской письменности и культуры и привлечет к себе пристальное внимание со стороны специалистов многих наук — историков, археологов, лингвистов, палеографов, текстологов.

- 1 Разумеется, в широком смысле этого термина, охватывающем в применении к древней эпохе всех восточных славян.
- 2 Часы - церковная служба, совершаемая в определенные часы четыре раза в день.
- 3 Т.е. каких бы то ни было.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(21\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Бусы из раннесредневековых слоёв Рюрикова Городища

(по материалам работ 1998-2000 гг)

М. В. Медведева

За последние три года исследований пополнилась коллекция бус Рюрикова городища. Всего найдено около 500 экземпляров, происходящих из разных слоёв Городища. Раскопки 1998-2000 гг. представляют собой примыкающие друг к другу участки и составляют единый блок на мысовой части Городища на северном берегу Сиверсова канала. На Рюриковом городище только нижняя часть культурных отложений сохранилась стратиграфически целой, поэтому прежде всего остановимся на рассмотрении бус именно из этих слоёв. По структуре нижние горизонты культурных отложений делятся на две части: идущий сверху чёрный гумус, в котором дерево сохраняется в виде тлена и лежащий ниже темно-коричневый слой с остатками органики, только он по степени сохранности органических остатков может сравниться с культурным слоем Новгорода. Изучение материала из этих слоёв может позволить уточнить датировку раннего периода существования Городища, что также делает важным обработку бус, найденных в них. На исследуемом в 1998-2000 гг. участке нижние слои залежали на склонах древнего оврага и в его заполнении. Чёрный слой был разобран в 1998 г., в 1999 г. работы были продолжены на этом же участке и был исследован раннесредневековый коричневый слой с остатками органики, лежащий ниже. На участке раскопа 2000 г. чёрный слой не прослеживался, под перемешанными верхними слоями сразу залежал коричневый слой. Всего в чёрном слое найдено 94 бусины. В первую очередь следует остановиться на бусах, обнаруженных в чёрном слое в единичных

экземплярах. Это, во-первых, половинка округло-бочонкообразной глазчатой бусины темно-синего, почти черного, стекла с ярко-голубыми глазками, помещенными в концентрические белые и коричневые круги. Подобные бусы имеют широкий ареал распространения. Они присутствуют в слоях VIII-X вв. в Старой Ладозе¹, на поселениях и в погребальных памятниках Скандинавии этого же периода², встречены на памятниках Северного Кавказа VIII-IX вв.³ Следующая бусина сделана из черного стекла и украшена мозаичными глазками, заключенными между белыми волнистыми полосами. Аналогичные бусы найдены в Старой Ладозе и Новгороде в слоях второй половины X - начала XI вв.⁴, на памятниках Скандинавии не ранее второй половины X в.⁵ В черном слое также обнаружены две продольно-полосатые пронизки с чередующимися широкими черными и узкими белыми полосками, которые в Новгороде датируются X - первой четвертью XI вв.⁶ Такие пронизки найдены в верхней части горизонта Д в Старой Ладозе⁷.

Наибольшую часть описываемого материала составляют бусы серийного производства. Самой многочисленной категорией (30%) среди бус, найденных в черном слое, являются одноцветные пронизки и «лимонообразные» бусы из синего, желтого, зеленого и фиолетового стекла. Только четыре экземпляра из них по форме двух-трехчастные, остальные - одночастные «лимонообразные», причем преобладают «лимонообразные» бусины желтого цвета. В Старой Ладозе одноцветные пронизки появляются в самых ранних слоях Земляного городища, где они, в основном, представлены многочастными формами. В слоях X в. наряду с ними начинают встречаться одночастные «лимонообразные» бусы⁸. В Новгороде лимоновидные бусы существуют в X-XI вв.⁹ В черном слое также обнаружены золотостеклянные и серебростеклянные пронизки, главным образом, - одночастные. Подобные бусы характерны для слоев VIII-X вв. в Старой Ладозе¹⁰ и для X-XI вв. в Новгороде¹¹. Еще одной существенной группой бус из черного слоя является «рубленный» бисер синего, зеленого и желтого цветов, преобладает мелкий зеленый бисер. Ареал распространения «рубленного» бисера очень широкий, он встречается во многих памятниках Европы VIII-X вв. В Старой Ладозе «рубленому» бисеру сопутствует форма бус, представляющих собой необработанные отрезки стеклянных трубочек таких же цветов, как и бисер. Они появляются в самых ранних слоях, но в наибольшем количестве найдены на уровне построек горизонта Д.¹² Среди рассматриваемых бус Рюрикова городища, обнаруженных в черном слое, встречена одна трубочка синего стекла цилиндрической формы.

Из черного слоя также происходит одна сердоликовая многогранная бусина. В Новгороде подобные бусы изредка встречаются на протяжении периода с конца X по XIII вв. В Старой Ладозе сердоликовые бусы аналогичной формы найдены на уровне построек горизонта Д.¹⁴

В раннесредневековом коричневом слое за последние годы исследований всего обнаружено ПО бус. Сначала рассмотрим бусы, представленные в коричневом слое единичными находками, а затем обратимся к бусам массового производства. Найдено две бусины из заглашенного печеночно-красного стекла, которые можно отнести к группе бочонкообразных прессованных бус по классификации староладожских бус З.А. Львовой. Они были обнаружены в горизонтах Старой Ладозы от Е3 до Д включительно, имеют многочисленные аналогии в памятниках VIII-X вв. Северной Европы.¹⁵ Интерес представляет бусина зонной формы молочно-белого стекла с мозаичными глазками. Орнаментированные бусы из молочно-белого на Земляном городище Старой Ладозы встречаются в слоях от Е2-Е3 до уровня построек горизонта Д.¹⁶ Такой тип бус имеет аналогии в Скандинавии, где подобные бусы были распространены в IX - начале X вв. и совсем исчезают к XI в.¹⁷ В раннесредневековом коричневом слое также обнаружено два экземпляра бус зонной формы из ярко-синего стекла. В Старой Ладозе такие бусы преобладают на уровне построек горизонта Д¹⁸, в Новгороде они характерны для слоев X-XI вв.¹⁹ Аналогии среди бус Старой Ладозы из горизонта Д20 находит также и округло-ребристая бусина из серовато-голубоватого полупрозрачного стекла, найденная в коричневом слое Рюрикова Городища.

В рассматриваемом материале отдельно выделяется группа бус, состоящая из девяти экземпляров, причем шесть из них были обнаружены на одном уровне на расстоянии не больше 5-7 см друг от друга при разборке раннесредневекового коричневого слоя Городища в 1999 г. Возможно, они являлись частью одной низки. Все они сделаны из синего стекла в форме грубого с неясными гранями куба со слегка срезанными углами. Вероятнее всего можно предположить, что они аналогичны бусам IX группы староладожских бус по классификации З.А. Львовой, которые встречаются на Земляном городище Старой Ладозы в слоях Е2-Е(и преобладают на уровне построек горизонта Д.^{2'} В Скандинавии подобные бусы бытовали в IX-X вв.²²

В коричневом слое Рюрикова городища также найдена крупная продольно-рифленая бусина из прозрачного стекла лимонообразной формы. Такие бусы появляются в Старой Ладозе на уровне построек горизонта Д23, в Скандинавии они были распространены во второй половине X вв.²⁴ Интересна также бусина, напоминающая по форме «рубленный» бисер, сделанная из печеночно-красного заглашенного стекла и украшенная синими и белыми полосками. Аналогичный тип бус встречался в Скандинавии во второй половине IX вв.²⁵ В коричневом, также как и в черном слое, среди серийно изготовлявшихся бус представлены серебростеклянные и золотостеклянные пронизки двух-трех частной формы и лимонообразные, а также одноцветные синие и фиолетовые пронизки и лимонообразные бусы. Почти половину всех бус, найденных в коричневом слое, составил «рубленный» бисер синего, желтого, зеленого и белого цветов с преобладанием синего и желтого бисера. Встречено несколько экземпляров «рубленного» бисера классической формы, крупного (5-7 мм) в диаметре, синего цвета. Такой бисер типичен для ранних слоев Старой Ладозы. Также в коричневом слое обнаружена желтая цилиндрическая трубочка - форма, сопутствующая «рубленому» бисеру в Старой Ладозе, где в наибольшем количестве она встречается на уровне построек горизонта Д.²⁶

Среди находок бус из раннесредневекового коричневого слоя представлены каменные бусы, изготовленные из горного хрусталя, сердолика и одна из агата. Одна бусина из горного хрусталя имеет шарообразную форму. По сведениям М.В. Фехнер, шарообразные бусы из горного

хрусталя являлись распространенной формой в курганах Северной Руси X-XII вв.27 В Новгороде такие бусы встречаются с X в. по 70-е гг. XIII в.28 Еще одна форма бус из горного хрусталя среди рассматриваемых - битрапецидные с граненым пояском. Найдено пять таких бусин. В Новгороде, по данным М. Д. Полубояриновой, дата для подобных бус определяется первой половиной X в., серединой XI в.29 Также обнаружена одна бусина из горного хрусталя эллипсоидной многогранной формы.

Среди сердоликовых бус из коричневого слоя одна имеет четырнадцатигранную форму, одна - восьмигранную призматическую, одна - битрапецидная с граненым пояском и одна - дисковидную с поперечным каналом. Четырнадцатигранные сердоликовые бусы являются одними из самых распространенных. В Старой Ладого они встречены в наибольшем количестве в слоях X - начала XI вв.30, в Новгороде четырнадцатигранные сердоликовые бусы происходят из слоев второй половины X - начала XI вв.31 Восьмигранные призматические бусы из сердолика встречены в Старой Ладого в слоях X - начала XI вв.32, в Новгороде они датируются временем со второй четверти X в. по первую четверть XI в.33 Битрапецидные сердоликовые бусы с граненым пояском изредка встречаются в Новгороде с конца X в. по XIII в.34, в Старой Ладого они происходят из слоев X - начала XI в.35 Дисковидные бусы из сердолика найдены в слоях X в. в Старой Ладого. 36 Все перечисленные виды сердоликовых бус находят аналогии на памятниках Скандинавии IX-XI вв.37

Остальной вещевой материал из рассматриваемых слоев позволяет датировать черный слой второй половиной - концом X в., коричневый слой - более ранним периодом рубежа IX-X вв. Черный слой характеризуется наличием раннегончарных и лепных форм керамики, в коричневом слое также присутствуют раннегончарная и лепная керамика, но с явным преобладанием последней. Для раннесредневекового коричневого слоя с органикой удалось получить дендродату с соснового бревна, которое почти вертикально торчало из слоя - 979 г.

В целом, можно сказать, что состав бус из нижних слоев Рюрикова городища, обнаруженных при работах 1998-2000 гг., наиболее сопоставим с набором бус из слоев конца IX - X вв. Старой Ладого. К сожалению, на данный момент невозможно установить для рассматриваемых бус более узкую датировку. Это связано с тем, что, во-первых, в коллекции преобладают бусы серийного производства (различные пронизки и бисер), которые имеют обширный ареал распространения и довольно широкие хронологические границы, во-вторых, практически отсутствуют типы бус, имеющие верхнюю хронологическую границу в пределах IX-X вв., при этом для значительной части прослеживаются аналогии в XI в., иногда позже.

1 Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладого. 4.1. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л. 1968. С. 71

2 Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia c.a. 800 - 1000 AD. Sweden. 1977. P. 85

3 Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // Советская Археология. № 3. 1961. С. 222-223

4 Львова З.А. Ук. соч. С. 77

5 Callmer J. Ibid. P. 85

'Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. 1956. С. 175

Львова З.А. Ук. соч. С. 85

8 Львова З.А. Ук. соч. С. 88

9 Щапова Ю.Л. Ук. соч. С. 174

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(21\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Комбинат худож. литья](#)

Памятники, монументы, призы. Скульптурно техн. работы

www.litart.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов

www.art-deko.biz

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Об иконографии ранних Новгородских амулетов-змеевиков

В. Г. Луцко

Рассматриваемые амулеты-змеевики принадлежат к числу наиболее интересных и ценных археологических находок, обнаруженных в Новгороде¹. Они включены в монографию о новгородском ювелирном искусстве и в свод образцов художественного металла Новгорода², а также в каталог древнерусских амулетов-змеевиков³. Их датировку первой половиной XII в. определяет дендрохронологическая дата, для змеевика с изображением Распятия - 1116 - 1134 гг. Казалось бы, все сказано, а, между тем, так и не был поставлен вопрос об историко-художественном контексте этих изделий. Правда, было замечено, что: «Материал меднолитой пластики Новгорода XI - первой половины XIII в. свидетельствует о том, что основное число памятников этого периода воспроизводит в точности киевские образцы, либо их перерабатывает в более огрубленном виде. Типология изделий полностью заимствована от предметов византийского и южнорусского происхождения»⁴. Конкретно об интересующих нас изделиях сказано следующее: «Первой половиной XII в. стратиграфически датируются два круглых змеевика - серебряная привеска со сценой «Распятия» и бронзовая иконка с Георгием Победоносцем. По типу змеиной композиции и трактовке лицевой части с распятием серебряная привеска-амулет не является предметом местного новгородского производства. Вероятно, она попала в Новгород из южных земель (змеевики с подобной композицией оборота найдены в Киеве, Чернигове и др.). К тому же в Новгороде не было найдено ни одного предмета подобного типа, отлитого из серебра, а в находках южной Руси попадают как серебряные, так и золотые змеевики. Иконка же с Георгием имеет стилистически

близкие аналогии с памятниками новгородского искусства XII в. Иконка необычна тем, что змеиное гнездо на обороте счищено и поверх него процарапан шестиконечный процветший крест»⁵. Таковы предложенные выводы.

Для того, чтобы не дезориентировать относительно состояния изученности древнерусских амулетов-змеевиков, необходимо отметить наличие лишь общей типологической классификации, положенной в основу существующего каталога. Поэкземплярное изучение и художественная характеристика образцов, локализация моделей и топография распространения разновидностей изделий пока остаются делом будущего. Сегодня предметом исследования могут быть прежде всего как отдельные находки, так и отдельные серии аналогичных вещей, служащих произведениями художественного ремесла. И именно здесь многое предстоит сделать, поскольку музейные и частные собрания по существу не введены в научный оборот, и поэтому крайне опасно делать далеко идущие общие выводы. Для этого еще не наступило время. Еще остается слишком много не решенных вопросов, ответы на которые появляются лишь постепенно, иногда по стечению обстоятельств. Специфика материала такова, что каждое изделие даст определенное представление о модели, образцы же качественного, четкого литья исключительно редкие, особенно археологического происхождения. Таким образом, в распоряжении исследователя оказывается только типология вещи; иконография и стиль изображений требуют большей частью особого подхода.

Круглый серебряный змеевик, диаметром 3,3 см, найден при раскопках в Новгороде, на мостовой Великой улицы, датируемой 1116 - 1134 гг., и определен как наиболее древний экземпляр из сделанных тогда находок⁶. На лицевой стороне в рельефном обрамлении, имитирующем жемчужную обнизь, представлено Распятие (табл. 1:1). Оно имеет ряд отличительных иконографических особенностей. Широкое четырехконечное крестное древо очерчено рельефной рубчатой линией, опять-таки как бы воспроизводящей жемчужную обнизь. Фигура распятого Христа с прямыми руками и тонкими, соединенными пятками, ногами. Пальцы распростертых рук растопырены. Обобщенные формы, потертость и без того лишенного тонкой пластической моделировки рельефа не позволяют сказать, одет ли Христос в тунику до колен или это обычная набедренная повязка, вследствие потертости рельефа почти сливающаяся с торсом фигуры. Но положение склоненной к правому плечу головы и опущенной на грудь не менее удивляет ракурсом, при котором оказывается видимой макушка. Ноги ступнями упираются в поверхность холма, на котором утверджен крест. Вокруг головы подобными «жемчужинами» обозначен нимб, причем даже с подобием перекрестья, при столь миниатюрных размерах. По сторонам, под поперечной перекладиной креста, схематизированные фигурки двух ангелов с опущенными вниз крыльями. На оборотной стороне изделия змеиная композиция с человеческой фигурой с круглой головой и столпообразным туловищем в центре, с руками и ногами переходящими в полосатые шейные туловища, что по классификации И.И. Толстого соответствует третьему, наиболее древнему типу.



Таблица 1

Описанная композиция Распятия настолько оригинальна по своей общей типологии и отдельным деталям, что по крайней мере требует некоторых объяснений. Существование специальных исследований по иконографии позволяет обстоятельно проследить истоки и развитие композиционной схемы⁷. Однако в ней, при всем разнообразии вариантов, начиная с датированного 586 г. изображения миниатюры сирийского Евангелия Рабулы, среди стоящих у креста можно видеть воинов, Богоматерь, Иоанна Богослова и святых жен, фигуры Церкви и Синагоги. Но только не ангелов. Динамика иконографического развития Распятия на христианском Востоке с

доиконоборческого времени не исключает отражения в серебряном литье сравнительно раннего образца⁸. Тип и пропорции крестного дерева, украшение его по контуру жемчужной обнизью находят соответствия в каролингских резных рельефах из слоновой кости, IX век⁹. В раннесредневековом искусстве была еще известна композиция Слава Креста с изображением ангелов или апостолов по сторонам креста, прослеживаемая в камнях, медальонах, печатях, чеканном дискове VI в¹⁰. Позже в некоторых случаях фигуры ангелов появляются и по сторонам распятия, на некотором расстоянии от него, как это можно видеть в рельефе резной каменной купели в Барлинге на Готланде, датируемой XII в.¹¹ (табл. 1:2). Позы мало напоминают изображения скорбящих ангелов в византийской иконографической традиции. В сущности, все указывает на западный круг моделей. Вполне вероятно, что в процессе приспособления композиции к круглой форме медальона схема была частично изменена, с сохранением ее основных элементов.

В связи с отмеченными особенностями распятия новгородского серебряного змеевика надо вспомнить тип нательного креста с так называемым «грубым изображением распятого Христа», один из экземпляров которого обнаружен в Пскове в слое рубежа X - XI вв., имеющего два разных типа, скорее всего скандинавского происхождения¹². И, наконец, в этот же ряд должен быть поставлен крестельник с городища Городки у деревни МвхрИИКЯ Ненецкого района Тульской области, с изображением напоминающим *Volto Santa*¹³. Все это напоминает изваяние Распятия «Якоже Латына чтуть», косвенно время от времени привносимое в историю русской культуры, главным образом XI в.¹⁴. Судя по условиям НОВГОРОДСКОЙ находки, ее появление в границах этого столетия представляется весьма вероятным, поскольку бытование изделия обычно исчисляется сроком в несколько десятилетий.

В литературе известен змеевик, представляющий реплику описанной композиции¹⁵. Экземпляр Государственного исторического музея происходит из раскопок Г.О. Шмидта на берегах Чудовского озера при реке Плюсса, в Гдовском уезде Петербургской губернии, и был найден среди курганных русских предметов второй половины XIII в.¹⁶ Таким образом, бытование амулетов-змеевиков с Распятием пока зафиксировано лишь в северном регионе, в который входит Новгород.

Следует сказать несколько слов о змеиной композиции на оборотной стороне новгородского серебряного амулета-змеевика. Типологически она ближе всего к схеме, встречающейся на змеевиках с изображением Крещения, датируемых XIII в.¹⁷ Однако изображения не идентичны, и различия между ними существенные, как и в отношении фигуры, так и применительно к структуре змеиных плетений. В изделиях этой группы они заметно упрощены. Змеевики с Крещением в ряде случаев обнаружены на южных землях, в том числе и в Киеве. Изображения ангелов не исключают генетическую связь этой модели с художественным течением, развитие которого на рубеже XI - XII вв. было связано, скорее всего, с Новгородом или, возможно, с соседней Скандинавией. Что касается упомянутой змеиной композиции, то ее, по крайней мере, не бесполезно соотнести, с одной стороны с образцами плетения в новгородской деревянной резьбе¹⁸ (табл. 4:1,3), а с другой стороны - ларец X в. с фантастическими мотивами резьбы в Камне Поморском, скандинавского происхождения¹⁹ (табл. 4:2). Конечно, в плетениях на оборотной стороне серебряного амулета-змеевика нет такого очевидного сходства с характером ирландского звериного стиля, какой можно обнаружить в отдельных образцах новгородской деревянной резьбы²⁰. Но в то же время композиция выдается своей «стильностью», чуждой большей части русских изделий аналогичного назначения, в том числе с представленной женской фигурой.

Второй рассматриваемый здесь амулет-змеевик медный круглый литой, диаметром 4,3 см, с изображением св. Георгия, обнаруженный на Кировском раскопе Торговой стороны Новгорода в слое первой половины XI в.²¹ (табл. 2:1). Отсюда предложенные датировки началом XII в.²², первой половины XII в.²³ и, наконец, XII в. без уточнения²⁴. Неизвестен еще один экземпляр, изготовленный с использованием этой же модели, происходящей с Болгарского городища, тоже с изглаженной змеевидной композицией на оборотной стороне изделия, замененной гравированным изображением креста²⁵. Было высказано мнение о том, что исчезнувшая упомянутая композиция могла совпадать с представленной на новгородском змеевике из биллона, с изображением архангела Михаила²⁶. В таком случае речь должна идти о личине с отходящими от нее изогнутыми туловищами змей.



Таблица 2

Изображение едущего вправо Георгия Победоносца, вонзающего копьё в пасть змея, лежащего у ног коня, представляет иконографический мотив широко распространённый в христианском искусстве. Святой представлен как триумфатор, и поэтому его поза торжественная, движения как бы замедленные, и только развевающийся край плаща вносит элемент небольшого драматизма. Фигура Георгия большеголовая её трактовка при явной обобщённости отличается хорошей пластической моделировкой. Это особо приходится отметить, принимая во внимание миниатюрные размеры медальона. Мастер достигает выразительности, наделяя святого крупными чертами лица, подчеркивая наиболее примечательные детали его воинских доспехов. В целом изображение всадника весьма умело вписано в очертания окружности, обрамленной узким рельефным бортиком в виде жгута. Неподвижная петля-оглавление с рифленой поверхностью отлита одновременно с самим изделием, в отличие от предыдущего змеевика, где она воспринимается как своего рода дополнение. Иконография и пластическое качество изделия свидетельствуют о следовании определенной традиции.

Аналогичных амулетов известно мало. Кроме уже названного экземпляра с Болгарского городища необходимо упомянуть подвеску во Вроцлаве, предположительно отнесенную к XII - XIII вв.²⁷ (табл. 2:2): её можно характеризовать как реплику композиции новгородского змеевика, с неизбежными схематизацией и упрощением. К XIII в. принято относить медный круглый змеевик, диаметром 4,5 см, отлитый в двусторонней литейной форме, с изображением святого всадника, поражающего копьем змея. Здесь в целом сохранена та же композиционная схема, но пропорции фигуры укорочены, конь также маленький и коротконогий, а змеевидная композиция на обороте с женской личиной в центре и семьёю толстыми чешуйчатыми змеиными туловищами²⁸ (табл. 2:3). Генетическая связь этого варианта с рассматриваемым змеевиком является очевидной.

Нет необходимости здесь касаться многовековой истории развития христианских амулетов, получивших распространение в течение первого тысячелетия²⁹. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что уже на рубеже VI - VII вв. существовали бронзовые медальоны с изображением святого всадника, поражающего копьем с крестом наверху лежащее у ног коня чудовище. Один из них известен как происходящий из Смирны (табл. 2:5); второй находится в числе хранящихся в Kelsey Museum Мичиганского университета³⁰. Не

меньший интерес в плане иконографических параллелей для изображения на новгородском медном амулете-змеевике представляет матрица медальона, диаметром 7,4 см, с изображением конного св. Георгия, попирающего поверженного человека, обнаруженная в Несгуне в Грузии³¹ (табл. 3:3). Сохранились и оттиски этого медальона на различных серебряных изделиях XI в. в Ццумаре (табл. 3:2,4) и Несгуне (табл. 3:3), показывающие, что исследование одной модели может привести к качественно различным результатам. Особо надо подчеркнуть идентичность общей схемы, тогда как отличия в деталях есть и в серии грузинских образцов.



Таблица 3

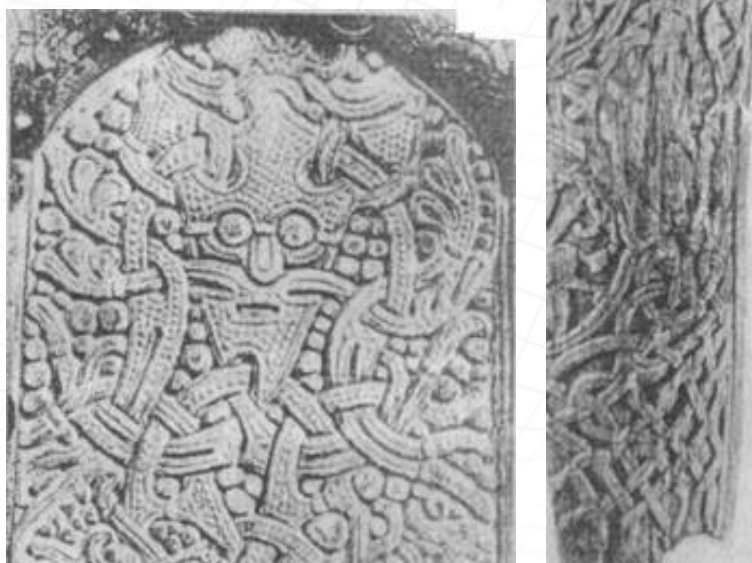




Таблица 4

Кажется почти невероятным, что столь далекие по времени и месту своего возникновения восточнохристианские образцы могут столь неожиданно появляться в художественном ремесле Новгорода. В отличие от изображения св. Георгия на амулете-змеевике начала XII в. сюжет двух конных святых воинов на круглом медном змеевике, диаметром 5,3 см (табл. 2:4) можно признать более редким. Известные образцы датируют XIV в.³². Их прототип в продукции византийских иконописцев первой половины XIII в. обслуживающих крестоносцев³³, а отражение также в новгородских каменных образцах XI в.³⁴. Одна из икон (табл. 3:5) и упомянутый змеевик (табл. 2:4) по композиции сопоставимы, и это сходство вряд ли оказывается случайным, как и змеиная композиция на обороте изделия, отдаленно напоминающая схему оборотной стороны серебряного змеевика. Об ее копировании не может быть речи.

Здесь сделана попытка обнаружить связь иконографии ранних новгородских амулетов-змеевиков с определенным кругом памятников. Далее можно говорить уже о конкретных исторических фактах.

- 1 Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Сост. Кончим 1., Янин В.Л., Ямщиков СМ., 1985. Илл. 44,45.
- 2 Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 19Х1. С. 66-68. Рис. 23: 1,2, 24; декоративно-прикладное искусство Великою Новгорода. Художественный металл XI - XV вв. М., 1996. С. 339,353, 356 - 357 (Кат. № 54)
- 3 Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 73. Табл. XIV: 4 (Кат. № 30); С. 81. Табл. XVIII: 1 (Кат. № 40).
- 4 Гнутова С.В. Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV - XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV века. С. 341.
- 5 Там же. С. 353.
- 6 Седова М.В. Новгородские амулеты-змеевики // Культура Древней Руси. М., 1866. С. 243. Рис. 1:1 - 2; она же. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 66. Рис. 23:1-2.
- 7 См.: Jerphanion G. La Representation de la Croix et du Crucifix aux Origines de l'Art Chretien // La Voix des Monuments. Paris-Bruxelles. 1930. Т. 1. P. 138-164; Martin J.K. The Dead Christ on the Cross in Byzantine Art // Late Classical and Mediaeval Studies in Honor of A.M. Friend Jr. Princeton, 1955. P. 189-196.
- 8 Подробнее см.: Belting H., Belting-Thm Chr. Das Kreuzbild im «Hodegos» des Anastasios Sinaites. Ein Beitrag zur Frage nach der ältesten Darstellung des toten Crucifixus // Tortulae. Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten. Rom - Freiburg - Wien, 1966. S. 30 - 39. Taf. 4-6.
- » Karl der Grosse: Werk und Wirkin. Aachen, 1965. S. 341 - 342, 344 - 345. Abb. 101, 103. NN 527,531.
- 10 Christe Y. A propos du decor absidal de Saint-Jean du Latran a Rome // Cahiers Archeologiques. 1970. Vol. XX. P. 202 - 203. Fig. 5 - 9,11.
- 11 Tuulse A. Skandynawia romanska. Warszawa, 1970. S. 263 - 264. 11. 138.
- 12 Ср.: Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63 - 67; Мусин А.Е. Крест-тельник из Псковского кремля (к характеристике корпуса древнейших русских крестов) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 154-163.
- "Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлошаштика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историке - культурного наследия. Тула, 2000. С. 211 - 212. Рис. 2.
- 14 Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия, южные славяне и Древняя русь, западная Европа: Искусство и культура. М., 1973. С. 187 - 198.
- "Толстой И.И. О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки Русского Археологического общества. СПб., 1888. Т. III. С. 383. № 16.
- "Николаев Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. С. 81.
- 17 Там же. С. 71 - 72. Табл. XIII. №№ 27,28
- 18 Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968; он же. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971.
- "Dzeje sztuki polskiej. Warszawa, 1971. Т. 1. S. 49.1 1. 78 - 80.
- 20 Haseloff G. Insular Animal Styles with Special Reference to Irish Art in the Early Medieval Period // Ireland and Insular Art. A. D. 500

- 1200. Dublin, 1987. P. 44 - 45

21 Я н и н В.Л., К о л ч и н Б.А., Ершевский Б.Д., Хорошев А.С. Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 44 - 45.

22 С е д о в а М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 66. Рис. 24.

23 Г н у т о в а С.В. Новгородское медное художественное литье. С. 356 - 357 (кат. № 84).

"Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. С. 73. Табл. XIV: 4 (кат. № 30).

"Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М., 1993. С. 16, 19. Рис. 2:1а.

26 Г н у т о в а С.В. Новгородское медное художественное литье. С. 357. Ср. там же. С. 255 (кат. № 83)

27 Dzeje sztuki polskiej. T. 1. S. 49.1 1. 131.

28 Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. С. 74. Табл. XIV:3(Кат.№31).

29 Brenk B. Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends: Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Wien, 1966. S. 172 - 213.

30 Gambel Bonner. Studies in magical Amulets chiefly graecoegyptians. Ann Arbor, 1966. Pl. XIV - XVII.

"Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство: Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1959. С. 355,369 - 373. Илл. 243 - 246.

32 Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. С. 72 - 73. Табл. XIV:2 (Кат. № 29).

33 Weitzmarm K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1966. N 20. P. 79 - 81. Figs. 63-65.

34 Пуцко В.Г. Святые всадники в новгородской каменной пластике // Староладожский сборник. СПб. - Старая Ладога, 1998. С. 105 - 115.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Тяглое население Славковой и Коржевой улиц в 80-ых годах 16 века по данным писцовых и лавочных книг

Г. Е. Дубровин

Писцовые и лавочные книги отражают ситуацию, сложившуюся в Новгороде в 80-е гг. XVI в., т.е. после опричного разгрома 1570 г., мора 1571 г и на общем фоне экономического кризиса последней четверти XVI в. Эти неблагоприятные факторы, разумеется, сказались и на том положении, в котором застают Славкову и Коржеву улицы указанные источники.

Убыль населения в результате всех вышеперечисленных обстоятельств составила 55,6% на Славковой улице и 48,1% на Коржевой. По писцовой книге кн. Федора Мещерского (далее ПК) на Славковой улице насчитывалось 123 двора (64 по правой стороне, 54 - по левой и 5 «на улке от Федоровского ручья по левой стороне»)2. Из этих дворов ко времени составления ПК (далее ВСПК) 54 (или 43,9%) пустовало. На Коржевой улице насчитывалось 88 дворов (38 на правой стороне и в переулке на Славкову и 50 на левой стороне)3. Из них ко ВСПК 16 пустовало (18,2%). Запустели или были переданы в другие руки многие лавки, принадлежавшие ранее местным жителям (33,3% по Славковой улице и 58,6% - по Коржевой).

Однако шел и обратный процесс постепенного пополнения населения улиц за счет переселенцев. Так, на Славкову улицу прибыло 23 человека, а на Коржеву - 56, причем отчасти эти переселения носили организованный характер, примером чему могут служить группы московских приведенцев, составившие, например, на Коржевой улице более половины вновь прибывшего населения. Следует отметить,

что ремесленная ориентация нового населения в основном соответствовала традиционным исторически сложившимся преобладающим ремеслам Славковой и Коржевой улиц (см. ниже).

По нашим подсчетам всего в ПК и лавочных книгах (далее ЛК) упомянуто 287 тяглых жителей Славковой улицы (act и inact⁴), причем из них 261 человек (91%) поддается идентификации по ремесленным и торговым специальностям, а 26 (9%) - нет. Славковские жители держали (в основном на Торгу) 59 лавок. Ко ВСПК на Славковой улице было 88 тяглых жителей (act) (73 молотчих, 6 середних, 2 лутчих и 7 неопр.) и по крайней мере 9 нетяглых (князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский и причт церкви св. Дмитрия Солунского).

Размеры тяглых дворов на Славковой улице колебались от 5,5x4 саж (22 кв. саж) до 34x6 саж (204 кв. саж.). Наименьшие по площади дворы отмечены в прибрежной части, а наибольшие - не на самой улице, а на улке от Федоровского ручья, которая по переписи также причислялась к Славковой улице. Следует отметить, что размеры усадеб, судя по всему, в первую очередь были связаны с уличной планировкой и взаимным расположением Славковой улицы и ее улиц-соседей - Коржевой с севера, Иворовой и Розатицей с юга.

Относительно большими размерами выделялся тяглый двор Лисицко-го монастыря - 20x10 саж (200 кв. саж.).

По нашим подсчетам в ПК и ЛК упомянуто 256 тяглых жителей Коржевой улицы. Из них 231 (90,2%) поддается идентификации по ремесленным специальностям, а 25 (9,8%) - нет. Проживал здесь и единственный нетяглый - покровский поп Никита. В общей сложности жители улицы держали 71 лавку на Торгу и в других местах. Ко ВСПК на Коржевой улице насчитывалось 105 тяглых жителей (act) (94 молотчих, 6 середних, 2 лутчих и 3 неопр.).

Размеры тяглых дворов на улице колебались от 6,5x5 саж. (32,5 кв. саж.) до 15x12 саж. (180 кв. саж.). В основном встречаются дворы площадью 65 (13x5 саж.) - 90 (18x5 саж.) кв. саж. Самые маленькие дворы отмечены в прибрежной части улицы по левой стороне (6,5x5 - 6,5x6 саж./32,5-36 кв. саж./).

Многочисленные пустые дворы Славковой улицы отдавались на оброк «пахати», кроме того, несколько дворов с обеих улиц было отдано «под городовую меру». В районе Славковой улицы находились довольно крупные яблоневые сады, часть из которых «пахалась на государя», а несколько мест в прибрежной части обеих улиц отдавалось также на оброк дровяникам и дощаникам.

При анализе занятий тяглого населения улиц была использована классификация ремесленных специальностей Новгорода XVI в., разработанная А.П.Пронштейном. В целях систематизации он выделил 13 основных групп специализаций по видам промышленной и торговой деятельности:

Группа 1. Производство кожи, обуви и кожевенных изделий. Подгруппа 1.1. Кожевенное производство.

Подгруппа 1.2. Изготовление обуви.

Подгруппа 1.3. Изготовление изделий из кожи.

Группа 2. Скорняжное производство.

Группа 3. Изготовление и окраска тканей.

Группа 4. Изготовление одежды и головных уборов.

Группа 5. Обработка черных металлов.

Группа 6. Обработка цветных металлов.

Группа 7. Обработка дерева и кости.

Группа 8. Гончарное, керамическое производство и обработка камня.

Группа 9. Изготовление и ремонт кораблей и лодок.

Группа 10. Изготовление продуктов питания.

Группа 11. Сельскохозяйственные занятия и подсобные промыслы.

Группа 12. Профессиональная торговля.

Группа 13. Прочие отрасли ремесла, лица занимающиеся извозом, представители свободных профессий и т.д.

По каждой из указанных групп в исследовании А.П.Пронштейна были приведены статистические данные, в частности процентные доли каждой из них среди населения всего Новгорода в целом.

По данным ПК и ЛК на Славковой улице зафиксирован 261 посадский житель, распределенный по 79 ремесленным и торговым специальностям, соотносимым со всеми основными специализированными группами по классификации А. П. Пронштейна.

Наибольшее число ремесленников относилось к первой группе, объединявшей в себе специалистов по производству кожи, обуви и кожевенных изделий. Всего таких специалистов здесь было 69 (26,4%), из которых 24 (27,3%) ко ВСПК находились и активной фазе (act) (19 молотчих, 2 середних, 1 лутчий, 2 неопр.). Если рассмотреть эту группу более детально, то получается, что в ней наиболее многочисленной являлась подгруппа 1.3., где были представлены мастера по изготовлению изделий из кожи (33 чел./12,6%, из них 12 act/13,6%/: 10 молотчих, 1 средней и 1 лутчий): калитники, ремесники, седельники, торочечники и уздники. Больше всего на Славковой улице было ремесников: 23 человека (8,8%) (6 act / 6,8%/: 4 молотчих, 1 средней и 1 лутчий). Сланконские ремесники на Торгу владели десятью лавками, из которых четыре ко ВСПК продолжали функционировать.

Несколько меньше зафиксировано специалистов-обувщиков (подгруппа 1.2.): поршенников и сапожников. Здесь явно «задавали тон» сапожники: 22 человека (8,4%) (9 act / 10,2%/: 7 молотчих и 2 неопр.).

Если сравнивать подгруппы 1.2 и 1.3., то становится очевидным, что преобладание специалистов по изготовлению изделий из кожи над

обувщиками достигается во многом за счет относительного многообразия их специализаций (5 против 2), в то время как, например, сапожников было чуть меньше, чем ремесленников, а сапожников, пребывающих в активной фазе ко ВСПК (act) - даже больше (9 против 6). Представителей кожевенного производства как такового (подгруппа /./.). кожевников и ирешников, не очень много, хотя самих кожевников упомянуто 12 человек (4,8%) (3 act: 2 молотчих и 1 средней).

Если рассматривать имущественное (или «тягелоспособное») со-стояние представителей группы 1, то обращает на себя внимание то, что среди них наблюдается относительно много зажиточных: 2 се-редних и 1 лутчей, что составляет 12,5% от всей совокупности активных ремесленников данной группы. Характерно, что, например, на соседней Коржевой улице, где активных ремесленников этой группе ко ВСПК было еще больше (27 человек), тем не менее, зажиточные составляют лишь 7,4% (см. ниже, а также табл.2). И хотя приведенные выше выкладки основаны на относительно малых числах, тем не менее они могут свидетельствовать об определенной тенденции, которую можно сформулировать следующим образом. К 80-м гг. XVI в. производство обуви и кожевенных изделий являлось определяющей ремесленной ориентацией для Славковой и Коржевой (см. ниже) улиц, причем своеобразным центром «корпорации» 10 местных мастеров являлась Славкова улица с приходским храмом св. Дмитрия Солунского", к которому тяготели (в т.ч. и территориально) наиболее состоятельные ремесленники. В этой связи представляет большой интерес наличие в этом храме придела св. Бориса и Глеба, прослеживаемого по крайней мере со времени составления «семисоборной росписи» (между 1463 и 1508 гг.)12. По мнению А.П.Пронштейна, наблюдается очевидная связь кожевенного (в широком смысле) производства с культом св.Бориса и Глеба13. Исходя из этого, можно предположить, что указанный придел появился в ц-ви св. Дмитрия Солунского не случайно, а по инициативе прихожан преобладающей в данном приходе ремесленной специализации. Если это было действительно так, то превалирующий статус местных кожевников можно удревнить по крайней мере до II пол.XV - нач. XVI в. и предположить, что он мог сложиться еще во времена новгородской независимости. Кстати, этому предположению не противоречат археологические данные. Так, на Федоровском раскопе, где было исследовано 7 усадеб Славковой и Коржевой улиц, по крайней мере на трех из них обнаружены следы производства изделий из кожи (в первую очередь, обуви), причем на одной из усадеб (Е) сапожные мастерские существовали непрерывно на протяжении более 200 лет (II пол. XI -90-е гг. XIII вв.)14.

На втором месте по представительности на Славковой улице стоит группа 4, объединявшая в себе специалистов по изготовлению одежды и головных уборов (35 человек /13,4%/, 10 act /11,4%/ -всемолотчие): гоитанников, кафтанников, колпачников, рукавичников, сарафанников, сермяжников, телогрейников, терличников и шапочников. Преобладали здесь кафтанники (9 человек, 0 act!/?).

Характерно, что ко ВСПК данная группа сильно поредела.

Далее следует группа 10, объединяющая ремесленников, занятых изготовлением продуктов питания (блинники, калачники, квасники, мясники, пирожники, пряничники, ржаники, толокняники, хлебники и шпанники). Всего здесь отмечено 34 специалиста (13%), из которых ко ВСПК активно функционировали 17 (все молотчие) (19,3%). В этой группе преобладали хлебники (9 человек /3,4%/, 3 act), мясники (6 человек /2,3%/, 2 act) и калачники (5 человек /1,9%, 4 act). Характерно, что из 17 активных специалистов данной группы, 7 или 41% являлись переселенцами с других улиц или из ближайших окрестностей Новгорода (в первую очередь, заполни).

Далее, по мере убывания, следуют группы:

11-28 человек (8 act) (сельское хозяйство и подсобные промыслы);

13 - 18 человек (4 act) (прочие);

5-14 человек (4 act) (обработка черных металлом);

6-13 человек (4 act) (обработка цветных металлом);

3 - 13 человек (3 act) (изготовление и окраска тканей);

7-10 человек (4 act) (обработка дерена и кости);

2-8 человек (3 act) (скорняжное ремесло);

12-8 человек (3 act) (профессиональная торговля);

9-7 человек (1 act) (строительство и ремонт кораблей и лодок);

8-4 человека (3 act) (гончарное производство и обр. камня).

Особый интерес представляет группа 13, куда вошли представители разнообразных «нетрадиционных» профессий: медики - лекарь, кровопуск, зубоволок; ремесленники, связанные с отправлением культа - иконники и свечники; дрягиль и извозник; мыльщик; смоляник; стригальник, а также казаки.

По данным ПК и ЛК на Коржевой улице зафиксирован 231 посадский житель (act и ipact)13, распределенный по 65 ремесленным и торговым специальностям представляющим все основные специализированные группы за исключением гончаров и керамистов (группа 8)16. Жители улицы держали 69 лавок.

Наиболее многочисленной здесь оказалась, в отличие от Славковой улицы, группа 4п, объединяющая в себе ремесленников, занимающихся изготовлением одежды и головных уборов (всего 65 человек /28,1%/, из них 22 act /21%/: 20 молотчих и 2 средних): кафтанников, однорядочников, портных, рукавичников, сарафанников, терличников, чупрунников, шапочников и шубников.- Наиболее представительной специальностью в этой группе являлись шапочники (всего 20 человек /8,7%/; 10 act /9,5%/: 9 молотчих, 1 середней) и сарафанчики (всего 18 человек /7,8%/, 8 act /7,6%/: 7 молотчих и 1 средней).

Несмотря на некоторое количественное превосходство группы 4, тем не менее, кожевники (группа 1) на Коржевой улице по праву

занимают второе место, а если учесть динамику изменения состава населения, отраженную в ПК, то по действующим (act) ремесленникам данная группа ко ВСПК уже преобладает. ПК фиксирует 45 представителей этой профессиональной группы (19,5%) (27 act / 25,7%/: 24 молотчих, 2 середних и 1 неопр.). Здесь в первую очередь выделяются сапожники (18 человек /7,8%/; 14 act: все молотчие/13,3%/). Кроме сапожников на Коржевой улице зафиксированы также ирешники, кожевники, сыромятники, голенишники, подошвенники, ременники и торочечники. Ременников, преобладавших на Славковой улице, здесь несколько меньше - 6 человек (5 act/ 4 молотчих и 1 средней/).

Третье место занимают сразу три группы ремесленников. Это специалисты по скорняжному ремеслу (группа 2), по изготовлению и окраске тканей (группа 9) и по изготовлению продуктов питания {группа 10}. В каждой из указанных групп насчитывается по 17 человек (7,6%) (act и unact).

Далее по мере убывания идут специалисты групп:

6-14 человек (6 act) (обработка цветных металлов);

11- 12 человек (9 act) (с/х и подсобные промыслы);

7-11 человек (5 act) (обработка дерева и кости);

12-7 человек (4 act) (профессиональная торговля);

5 - 5 человек (0 act) (обработка черного металла);

9-1 человек (0 act) (строительство и ремонт кораблей и лодок).

Относительно многочисленной является группа 13, куда вошли разнообразные ремесленники, не соотносимые с основными вышеперечисленными профессиональными группами. Их 20 человек (8,7%) (8 act: 6 молотчих, 2 лутчих /7,6%/). Среди них специалисты, связанные с церковью: иконники, свечники, темьянники; площадной подьячий; скоморох; промежники; извошники; перевозчики и, наконец, 4 казака.

Обращает на себя внимание наличие в данной группе двух лутчих ремесленников. Это братья темьянники, Микифор и Иван Устиновы, которые жили вместе на одной усадьбе и тянули с 5 ал. 2 ден., а кроме того, держали лавку на Торгу18.

Определенный интерес представляет одна из усадеб Коржевой улицы, на которой проживали вместе два представителя интеллигентных профессий: иконник Ефимко Онтропов и площадной подьячий Сел юга. В дальнейшем Ефимко, вероятно, за свои высокие профессиональные навыки был «взят к государю в иконные мастера»19.

Как уже говорилось выше, А.П.Пронштейн в своей работе приводит данные по процентному соотношению различных специализированных ремесленных и торговых групп по всему Новгороду в целом20. Мы представили эту информацию в виде графика и построили аналогичные графики для Славковой и Коржевой улиц, причем, если у А.П.Пронштейна используются данные писцовых и лавочных книг по всей совокупности упомянутых в них ремесленников и торговцев (т.е. act+unact), то для каждой из интересующих нас улиц были построены графики как по всем упомянутым в ПК и ЛК тяглым жителям улиц (act+unact), так и только по пребывающим в активной фазе ко ВСПК (act) (рис. 1).

График, построенный по данным А. П. Пронштейна, достаточно объективно отражает закономерность распределения специалистов разного рода в общегородском хозяйственном механизме. Указанная закономерность обусловлена социально-экономической ситуацией того времени, которая в данном случае находит свое отражение именно в том, сколько требовалось Новгороду, как экономической системе, специалистов той или иной профессии.

Однако, каждая из городских улиц имела свою собственную специфику, выраженную именно в отклонениях от общегородского распределения специализированных ремесленных и торговых групп. На основании этого тезиса и проводился анализ вышеуказанных графиков. Он показал следующее.

Графики распределения специализированных групп Славковой и Коржевой улиц имеют большие сходства между собой, нежели каждый из них по отдельности взятый - с общегородским. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что эти две соседние улицы занимали сходные «экономические ниши» в городском хозяйстве. Достаточно сходны и графики каждой улицы по фазам act+unact и act, что говорит о традиционности и устойчивости указанных «ниш». Итак, Славкова и Коржева улицы в первую очередь ориентировались на две основные отрасли ремесленного производства: изготовление обуви и кожаных изделий (группа 1) и изготовление одежды и головных уборов (группа 4) (показатели существенно выше общегородских). Если по относительным показателям группа 1 опережает группу 4 на Славковой улице, то на Коржевой улице наоборот, но, что характерно, ко ВСПК (графики фазы act) баланс, характерный для Славковой улицы, распространяется и на Коржеву, где также начинает преобладать производство кожаной продукции.

Объединяли Славкову и Коржеву улицы и некоторые другие особенности. Так, для них была существенно ниже общегородской доля группы 13, объединяющей в себе представителей разнообразных (зачастую свободных и даже экзотических) профессий, не входящих в другие специализированные группы. Видимо, это может косвенно свидетельствовать об определенной традиционности и недостаточной предприимчивости жителей. Кстати, в пользу этого предположения говорит и относительно низкая представительность (по сравнению с общегородским показателем) группы профессиональных торговцев (гр. 12). Немного на Коржевой и Славковой улицах было и специалистов по сельскому хозяйству и подсобным промыслам, что, вероятно, может быть отчасти связано с какими-то локальными факторами.

Теперь о некоторых специфических чертах каждой из улиц по отдельности.

Ко ВСПК на Славковой улице резко пошла в гору группа 10, специалистов-пищевиков. И ранее показатель по этой группе здесь несколько превышал общегородской, но затем, в основном за счет пришлого населения из самого Новгорода и его ближайших окрестностей (в первую очередь, заполни)21, данная отрасль стала на Славковой улице одной из превалирующих, превысив даже показатели группы 4 (производство одежды и головных уборов).

Несколько превышала здесь общегородскую и доля специалистов по обработке черного металла (гр.5), но ко ВСПК она снизилась и приблизилась к среднегородским показателям, а вот доля гончаров (гр.8), наоборот увеличилась, превысив городскую в два раза. На Коржевой удине крайне слабо были представлены пишевики (гр. 10) и даже новый импульс, привнесенный переселенцами, пришедшими сюда, как и на Славкову улицу, из самого Новгорода и его ближайших окрестностей, все-таки не вывел эту группу даже на среднегородской уровень. Несколько больше, чем в среднем по городу, занимались местные жители обработкой цветных металлов (гр.6), а вот доля специалистов по производству и окраске тканей (гр.3) почти в два раза превышала общегородской показатель. Мало, а ко 15СПК и вообще никак, не занимались коржевцы обработкой черного металла (гр.5), зато скорняков (гр.2) здесь было в два раза больше, чем в среднем по городу. И, наконец, гончарное производство (гр.8) для жителей улицы было вообще не характерно.

Необходимо подчеркнуть, что приведенные выше выкладки и вытекающие из них выводы основываются на малых числах и поэтому, оставаясь просто гипотезами, не претендуют на уровень достаточно корректного статистического анализа. И, тем не менее, хочется думать, что они хотя бы в какой-то степени отражают те процессы, которые были характерны для интересующих нас улиц в 80-е гг. XVI в.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Древнерусские сани 15 века. Проблемы реконструкции

М. И. Васильев

Сани - один из самых популярных видов транспортных средств в древней Руси. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания в летописях и других литературных источниках, книжные миниатюры. Однако длительное время мы не имели о них достоверных свидетельств. Поэтому исследователи, основываясь на средневековых миниатюрах, полагали, что «сани X-XI вв. мало отличались от современных по своему устройству...»¹. После археологических находок в древнем Новгороде и ряде других мест России, Белоруссии и Украины исследователи получили более надежный источник. «Новгородская коллекция, - писал в этой связи Б.А. Кол-чин, - впервые дает возможность увидеть и сами сани (естественно, разрушенные), и большое количество деталей саней...»². Анализ полученного материала привел к очень важным выводам. К примеру, выяснилась следующая вещь: древнерусские сани имели гнутые полозья, хотя традиционно считалось, что полозья из копани являются более древними, чем гнутые³.

Все это отчетливо указывает на то, что проблема интерпретации средневековых русских саней до сих пор сохраняет свою актуальность. Причем, это касается не только конструктивного устройства, а целого ряда аспектов: типологии, функционального назначения, эволюции и т.д. На мой взгляд, подобное состояние вопроса связано не только с разным осмыслением материальных остатков саней, но и с отсутствием единых типологических критериев санного транспорта и археологии и этнологии. Попыткой разрешить хотя бы некоторые аспекты проблемы и является данная работа.

В качестве базовой типологии санного транспорта, единой для археологических и этнографических материалов, может выступить классификация А.О. Вийреса. Согласно ей, сани делятся на две группы: безкопыльные и копыльные. Последние, в свою очередь, делятся на несколько типов: 1) простые сани, 2) сани с грядками, 3) сани с грядками-стуженями, 4) сани со стуженем⁴.

Согласно наиболее распространенному мнению, русские средневековые сани состояли из четырех элементов: полозьев, копыльев, иязов и грядок (нащепов)⁵ (рис. 1). Археолог С.Н. Орлов предлагал иную, пятиэлементную конструкцию, включающую Стяжку между платформой и головками полозьев⁶ (рис. 2). Исходя из классификации А.О. Вийреса, первая реконструкция саней представляет собой «сани с грядками», вторая - «сани со стуженем». С технологической точки зрения первая реконструкция страдает серьезным изъяном, ибо отсутствие стяжек между головками саней и платформой неизбежно ведет к быстрому разгибанию головок полозьев, что приводит не просто к ухудшению технических параметров, а к полной утрате рабочих свойств саней. На практике это ведет к выбрасыванию транспортного средства как непригодного для эксплуатации. Разгибание полоза приводило бы, помимо прочего, и к значительному увеличению длины оглобель, что серьезно сказалось бы на их прочности (при поворотах) и, что еще более существенно, потребовало бы их увеличения до 3.5-4 м. Между тем длина новгородских оглобель составляет обычно 250-290 см⁷. Только одна находка равнялась 350-360 см⁸.

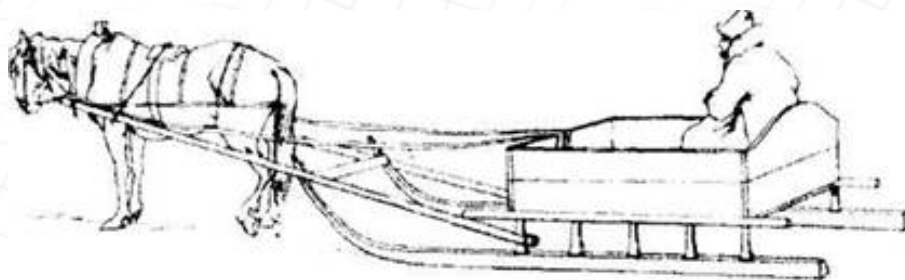


Рис. 1. Реконструкция древнерусских саней (по Б. А. Колчину).

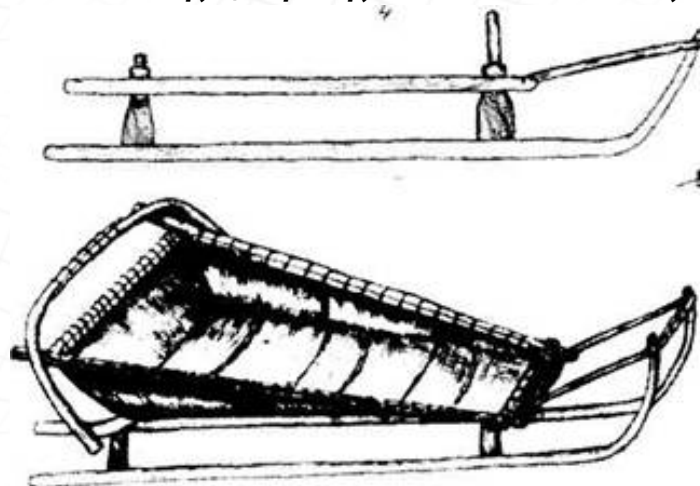


Рис. 2. Реконструкция староладожских саней (по С. Н. Орлову).

Из всего сказанного следует, что между головками саней и платформой в древнерусских санях, как совершенно справедливо предполагал С. Н. Орлов, должна была располагаться пятая деталь саней - стяжка, или так называемый «стужень». К сожалению, попытки С.Н. Орлова определить некоторые из обнаруженных в Старой Ладогe предметов стяжками-стуженями серьезно не обоснованы. На мой взгляд, археологические материалы пока не дали достоверных находок этой детали. Стяжки-стужени не были обнаружены даже в «развалах» саней. Вероятно, это произошло потому, что стужени быстрее всего утрачиваются в неиспользуемых санях (этнографические материалы по «выброшенным», т.е. изношенным саням подтверждают это обстоятельство). Кроме того, возможно и еще одно объяснение этого: стяжка могла изготавливаться не только из деревянных прутьев, как это делалось в санях XIX-XX вв., но и из веревок, как следует из ряда изобразительных материалов XVI в.

Первые косвенные свидетельства наличия стяжки-«стужня» дают миниатюры Сильвесторовского сборника 2 половины XIV в. и Радзивилловской летописи конца XV в.⁹ Несмотря на отсутствие прорисовки данной детали на изображениях, несомненно, что именно «стужени» задают характерный изгиб внизу в передней части изображаемых кузовов саней и «возов» (рис. 3, 4). Первые натурные свидетельства стяжки-«стуженя» появляются только в графических материалах XVII в., где он изображается в виде довольно толстого прута-вяза¹⁰ или в виде толстой веревки¹¹ (рис. 5, 6).



Рис. 3. Сани на миниатюре Жития святых Бориса и Глеба II половина XIV в.



Рис. 4. "Возы" на миниатюре Радзивиловской летописи Конец XV в.



Рис. 5. Герберштейн в снях (гравюра венского издания 1557 г.).



Рис. 6. Сани на миниатюре Лицевого летописного свода. XVI в.

Характерной чертой средневековых русских (точнее, новгородских) саней рассматриваемого периода является многокопильность¹². Лю исключением небольших хозяйственных или детских катальных санок и незначительного числа более крупных саней (по Дубровину Г.Е. - тип Б и частично тип А1, а также единственная находка типа А2), имеющих по две пары копыльев, большинство саней имеют от 3-4 до 9-12 пар копыльев¹³. Обычным недоразумением можно считать утверждения археологов о двух разновидностях копыльных пазов в средневековых санях: глухих и сквозных¹⁴. Дело в том, что археологи недоучитывают специфику добываемого материала. Они имеют дело, как правило, с выброшенными (из-за износа) или поломанными (нередко опять же по той же причине) санями, конструктивные параметры которых отличаются от рабочих саней. Самой изнашиваемой деталью саней (при отсутствии у них металлических подрезов) как раз и являются полозья, степень износа которых и служила обычно критерием длительности «жизни» саней. В санях делались всегда глухие пазы (кстати, полочка в пазах служила не для предотвращения проскакивания копыла, как думают некоторые исследователи¹⁵, а для придания жесткости конструкции саней). Износ полоза до копыла являлся концом «жизни» саней, поскольку сквозные копылья тормозили их, изматывали лошадь. Об этом свойстве копыльев сообщают пословицы: «На словах - что на санях, а на деле - что на копыле», «Ехал, что плыл, да и попал на копыл»¹⁶. Быстрее всего изнашивался полоз в передней и задней части, что, собственно говоря, и подтверждают археологические материалы, сообщающие часто о сквозных пазах именно передних и задних копыльев¹⁷.

Специфической особенностью средневековых русских саней X-XIV вв. (к этому времени относится большинство археологических находок), сразу бросающейся в глаза, является сравнительно удаленное от головок саней расположение платформы (кузова). Передние копылья отстоят от головок саней на 100 и даже 140 сантиметров¹⁸. Сходную картину мы видим в «возах» на миниатюрах Радзивилловской летописи конца XV в¹⁹. Это связано со сравнительно небольшим углом загиба головок полозьев саней этого времени: как правило, он составляет не более 90° (Рис. 1, 4). В результате днище кузова занимало примерно около 2/3 длины полозьев (задней части саней), не доходя до головок саней, как это принято в современных санях. Данная особенность была отмечена Б.А. Колчиным в его реконструкциях²⁰. Косвенным подтверждением традиционности такого расположения платформы является всегда массивная задняя часть полоза и утонченная передняя часть, рассчитанная на незначительную нагрузку²¹. Исключением среди материалов этого времени являются легковые сани, изображенные на миниатюрах Жития Бориса и Глеба, датированного палеографами второй половиной XIV в.²² (рис. 3). Копылья расположены здесь значительно ближе к головкам полозьев и кузов доходит до головок саней, которые имеют загиб более 90°, что характерно для изображений саней более позднего времени (XVI-XVII вв.).

Сани XV-XVI вв. по сравнению с предшественниками получили значительные отличия. Это связано с более крутым загибом головок саней. Он составляет обычно 110-130°. В результате этого коренным образом меняется расположение копыльев (они занимают уже где-то 3/4 длины полоза). Вместе с расположением копыльев меняется положение и размеры платформы: она смещается вперед и занимает все пространство ходовой части саней до головок полозьев²³. Кроме того, уменьшается длина стяжки-«стужня», что значительно увеличивает прочность всей конструкции санного транспорта²⁴ (рис. 5-6).

Причины изменения конфигурации санных полозьев неизвестны. О них можно лишь догадываться. На мой взгляд, это могло быть связано с более широким распространением в XV-XVI вв. легких саней, предназначенных для перевозки пассажиров. Это потребовало сместить центр тяжести перевозимого груза (людей) вперед, поскольку раньше он приходился на заднюю часть полоза саней, что приводило к большим неудобствам для пассажиров (постоянным рывкам, тряске и т.д.). Перемещение кузова вперед не могло не привести к изменению всей конструкции саней, и прежде всего к большему углу загиба головок полозьев. Это делалось для того, чтобы не располагать копылья на изогнутой части полоза, что довольно сложно конструктивно, поскольку копылья идут уже под углом к подошве полоза (такая постановка копыльев присутствует в некоторых легковых санях XVIII-XIX вв.) и что неоправданно технологически (ослабление прочности саней). Другой не менее важной причиной изменений облика саней могло стать стремление к увеличению

полезной площади кузова, особенно важного показателя при дальних перевозках товаров. Естественно, зачатки подобных изменений заметны уже на некоторых новгородских материалах. Отдельные полозья²⁵ имеют более крутой, чем обычно, загиб (95-120°). На некоторых полозьях сделан более длинный пропуск полоза (задний копыл отстоит дальше от конца полоза), как, например, в санях конца XI в.²⁶ Однако эта тенденция не имела тогда большого распространения. В XV-XVI вв. она становится определяющей, по крайней мере, в легковых санях. Позднее указанные изменения не могли не отразиться на всех типах саней, чему способствовала единая (унифицированная) технология производства ходовой части саней. Наконец, еще одним важным, и что самое главное, независимым от предыдущих, свидетельством произошедших в средневековых русских санях изменений является способ присоединения к саням оглобель (как следствие, и их конструкции). Археологические находки в Новгороде показали, что на протяжении X-XIV вв. в древней Руси существовал иной способ крепления оглобель по сравнению с современным²⁷ (рис. 1). Он заключался в насаживании оглобель на копыль²⁸. Для этого в задних концах оглобель продалбливались отверстия по форме копыльев. Во избежание раскалывания оглобель, задние концы перевязывались бечевкой, закрепленной в круговом желобке²⁹. Подобный археологическому способ крепления оглобель изредка встречается и сейчас в Прибалтике и у западных славян³⁰, причем у некоторых оглобель конец ее не насаживался на копыл, а огибал его³¹. Б. А. Колчин говорит о его употреблении в XIX в. и на севере России, правда, без ссылки на источник³², однако мы не располагаем такими данными. Возможно, огибание копыла у народов Европы (в том числе и у славян) является более ранней формой прикрепления оглобель, перенесенной из колесного транспорта в санный. Это подтверждается и данными лингвистики: слово «оглобля», «оглобень» во многих славянских языках означает «сустав», а в литовском «glebti», «glebi» - и «охватывать»; «globiu», «globti» - «обнимать»³³.

Позднее получает развитие новый способ соединения. В санях XV-XVI вв. распространяется новая деталь: «завертки» для оглобель, которые значительно увеличивают прочность этой детали саней и, соответственно, маневренные качества транспорта. Впервые они четко фиксируются в материалах XVI в. Завертки изображаются не только на миниатюрах и гравюрах того времени³⁴ (рис. 5, 6), но и в письменных источниках. Так, в расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря за 1567-68 гг. вместе с 5 «санями братцкы-ми» покупаются пятеры оглобли «да 5 завертны»³⁵. Появление заверток, безусловно, связано с рядом причин. Вероятно, одной из них является непрочность оглобель, надеваемых на копыл, особенно при попытках увеличения ширины и толщины средней части копыла. Однако главной причиной произошедшей перемены (несмотря на часто ломающиеся в месте соединения с копылом оглобли такой конструкции просуществовали в России безболезненно несколько столетий, а в некоторых регионах Европы - и до сего дня), вероятно, было все то же изменение загиба полоза, вследствие чего оглобли для сохранения маневренности саней приходилось крепить не к первому, а второму копылу, что при старой конструкции просто невозможно. Данное объяснение может служить аргументом в пользу возможного появления этой детали по крайней мере в XIV в. Однако в то время подобная конструкция оглобель еще не была распространена.

1 Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения //История культуры Древней 1'ус.и. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М.-Л., 1948. С. 306.

2 К о л ч и н Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ Е1-55. М., 1968.С. 52.

1 См.: В и й р е с А.О. Санный транспорт у эстонцев //Труды Прибалтийской .кпгедиици. Т.1. М., 1959. С. 438.

4 В и й р е с А.О. История крестьянского транспорта в Прибалтике (Генезис и р.ивитие). Автореф. дисс.докт. ист. наук. М., 1979. С. 8-13.

5 К о л ч и н Б.А. Указ. Соч. Рис. 45. Табл. 44; Х о р о ш е в А.С. Средства передвижения //Археология. Древняя Русь. Быт и культура /Отв. ред. тома

1.А. Колчин, Т.И.Макарова. М., 1997. Табл. 84, 1; Табл. 85, 12-16; Дубромин Г.Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X-XV вв. По археологическим данным. Т.1. М., 2000. С. 143.

6 О р л о в С.Н. Деревянные изделия Старой Ладого VII-X вв. (по материалам і глроладожской археологической экспедиции). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. .мук. М., 1954 //ОПИ НГОМЗ, КП № 38136-252. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. ЛЛ. 1'И-208. Табл. XXI, 8; XXIII, 2.

'Колчин Б.А. Указ. Соч. С. 53; Дубровин Г.Е. Указ. Соч. С. 140. Ппл. 24.

* Дубровин Г.Е. Указ. Соч. С. 140. Табл. 24.

;у Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвесторовского сборника (2-я половина XIУ века). М., 1985. Рис. 1, 6, 20; 1'.'д;швиловская летопись. Т.2. С-ПБ-М., 1994. С. 6. Илл. 565 на Л. 224об.

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(33\)](#) →

[Ландшафтные работы](#)

Ландшафтный дизайн, озеленение, пруды, дренаж, газон, грунты, крупномеры.
www.agava-m.ru · Москва

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[урны уличные и для помещений](#)

большой выбор, низкие цены
www.safeguard.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Курган номер 4 курганной группы «Струйское» (Тверская область)

О. М. Олейников

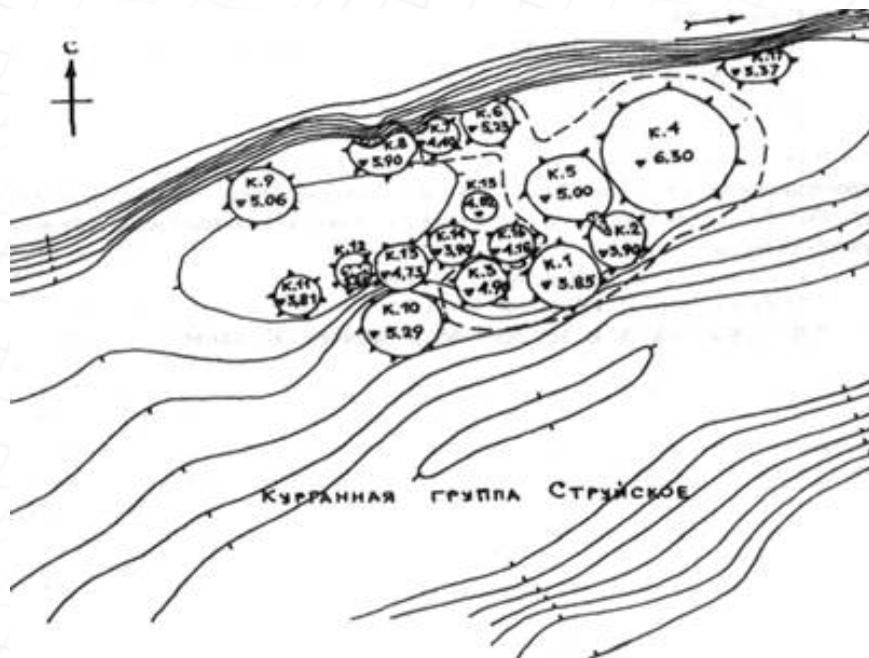


Рис. 1. Ситуационный план

Курганная группа «Струйское» расположена в 200 м к С-33 от д. Струйское Ржевского р-на Тверской области, на правом берегу р. Волги. Группа находится на небольшой (200x50 м) возвышенности на самом берегу реки, отделенной от коренного берега болотистой низиной. Максимальная высота возвышенности - 3,5 м над уровнем летней воды. В группе насчитывалось 17 курганов округлой в плане формы диаметром 7-20 м, высотой — 0,5-3,5 м. Планиграфически они расположены двумя цепочками, между которыми проходит тропа. В 1987 г. исследовано 7 насыпей в Ю-З части группы. (Рис. 1)

Целью данной работы является определение времени сооружения кургана №4 изучаемой курганной группы. Насыпь кургана сооружалась в несколько этапов, что хорошо прослежено стратиграфически. Первоначальная датировка этапов проведена по обряду и находкам. К первому этапу относится сооружение насыпи из горизонтально положенных кусков дерна, срезанных с места, где проводилось трупосожжение (верхняя часть дерна имеет прокаленность и слой кальцинированных костей). Возведению этой насыпи предшествовало сооружение частокола по окружности диаметром 10,5 м, с проходом в 1 м с северной стороны. Диаметр столбов 15-20 см, они углублены в материк на 15-50 см. Внутри ограды в результате сгребания дернового слоя от частокола на 1 м к центру образовался кольцевой валик шириной до 100 см и высотой до 35 см. После сооружения данной конструкции через вход были занесены куски срезанного дерна с остатками трупосожжения, которые были уложены в округлую насыпь диаметром 10,5 м, высотой 120 см с уплотненной вершиной на которую, возможно, была поставлена урна с кальцинированными костями или кучка кальцинированных костей (вершина насыпи прорезана несколькими впускными погребениями по обряду тру-поположения). (Рис. 2, 3). В самой насыпи обнаружены также овальная железная пряжка, железный нож, обломок бронзового браслета с расширяющимися концами, костяная ручка от ножа и железный предмет (наконечник стрелы?). Датируется данный этап третьей четвертью I тыс. н. э. (Рис. 4).

На втором этапе первоначальная насыпь, вокруг которой уже отсутствовала частокольная ограда, была досыпана черной гумусированной супесью мощностью до 40 см. На вершине была зарыта урна из большого лепного горшка с кальцинированными костями подростка, свиньи и лошади. (Рис. 5). Датируется этот этап концом VII-IX вв. (более точная дата пока не получена).

К третьему этапу относится погребение на вершине кургана, произведенное по обряду трупоположения с западной ориентировкой, с последующим сооружением над ним насыпи из кусков дерна. Дата погребения - середина X-, начало XI вв. Вещи: лимонovidные желтые и полосатые бусы, глазчатые кубические, ребристые фаянсовые с голубой глазурью, ребристые прозрачные, бисер, железная дрововая гривна круглого сечения, височные браслетообразные кольца. Эта могила прорезает погребения первого и второго этапов (обломки разрушенной урны и кальцинированные кости были выброшены на поверхность слоя досыпки насыпи второго этапа). В связи с этим пока трудно соотнести обнаруженную урну с одним из первых этапов. В пользу первого этапа говорит схожесть формы изучаемого горшка с формами сосудов мощинской культуры¹. В пользу второго этапа - незначительное прорезание вершины насыпи первого этапа, где не могла уместиться зарытая урна таких размеров. Ответ на поставленный вопрос сможет дать анализ методом дефектоскопии, нейтронографии и термолюминисценции, который еще не закончен. С четвертым этапом связано впускное погребение на вершине насыпи в виде небольшой домовины (370x165 см) при высоте 40 см, которая была опущена в прямоугольную камеру (460x270 см), вытянутую с востока на запад. В пространстве между восточной стенкой домовины и восточной стенкой камеры обнаружена имитация очага из сложенных обожженных камней и угля. Сам погребенный в домовине лежал головой на запад, был перекрыт слоем бересты. В районе пояса лежал железный нож с костяной ручкой, большая лировидная пряжка и несколько железных заклепок. В области желудка покойного обнаружено большое количество семян лесной малины, что указывает на вероятную причину смерти погребенного (простуда). Камера была засыпана суглинком, взятым из прибрежной зоны, после чего курган был досыпан грунтом, взятым из ровиков

вокруг насыпи до высоты 3 м, диаметр которой достиг 20 м. Ширина ровика - до 3 м, глубина - до 2 м. (Рис. 3). Общая высота насыпи представлялась в 5 м. Датируется данный этап концом X - началом XI вв.

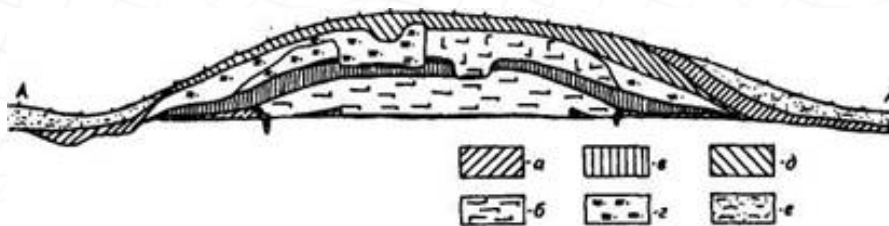


Рис. 2. Разрез кургана. Вид с востока

а - коричневая супесь; б - куски дерна; в - черни супесь; г - суглинок; д - светло-коричневая супесь; е - аллювий.

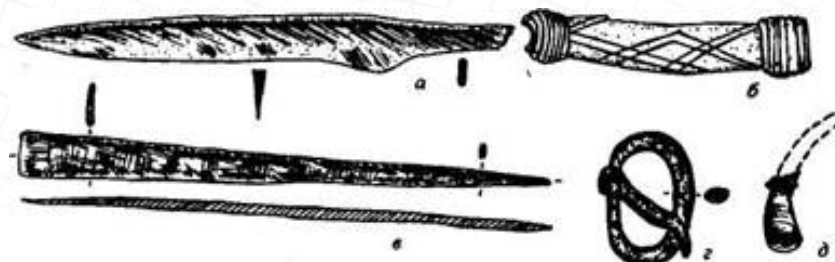


Рис 4. Предметы первого этапа погребения.

а, в, г - железо; б - кость; д - бронза

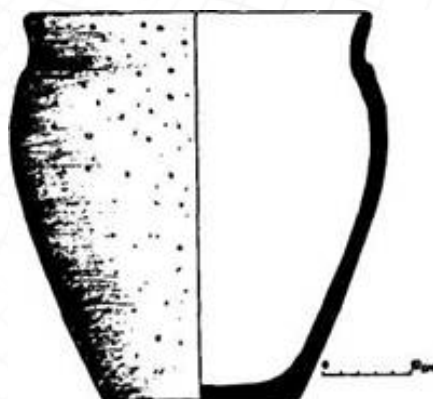


Рис. 5. Урна второго этапа погребения

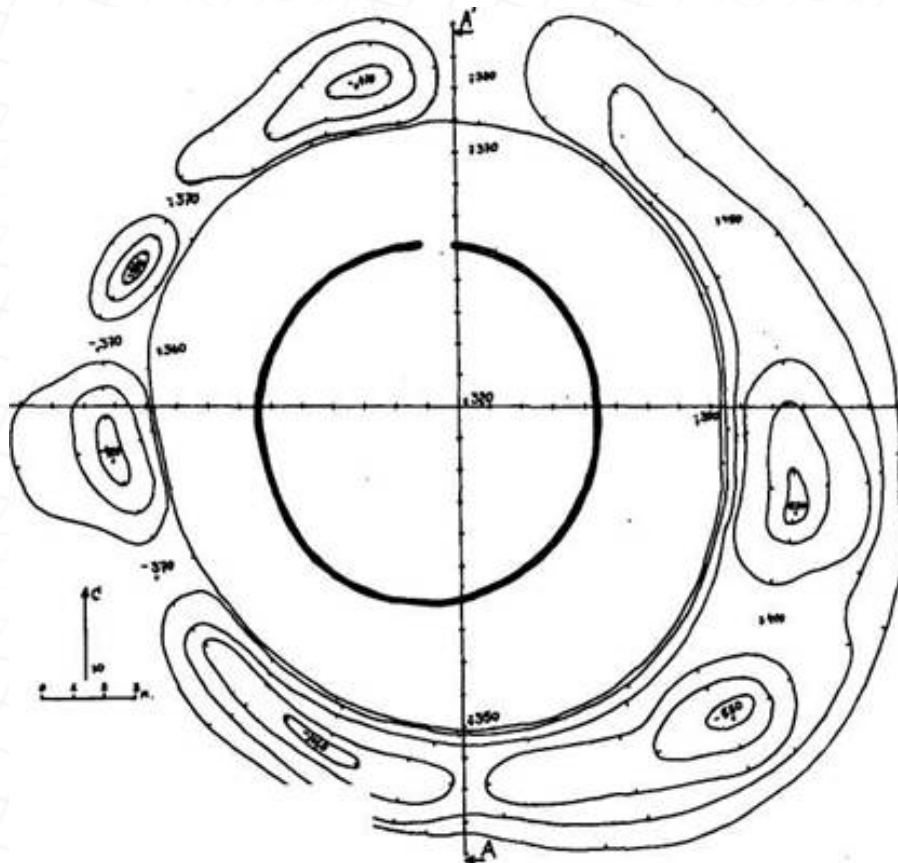


Рис. 3. План материковой поверхности кургана N 4 курганной группы «Струйское»

К этому же этапу относится еще одно впускное погребение женщины пожилого возраста, положенной головой на запад. Инвентарь представлен железной крученой гривной, крестопорезными бубенчиками, разноцветным бисером, круговым горшком.

К пятому этапу относятся два впускных захоронения с западной ориентацией, датируемые по керамике концом XIII в. н. э

Но точность определения даты первого этапа по находкам, обнаруженным в насыпи, проблематична из-за возможности попадания их туда из слоя с более ранней датировкой, от куда бралась земля для сооружения насыпи.

Для выявления данного вопроса было решено проверить идентичность почв каждого слоя кургана с почвами из ряда колонок вокруг курганной группы с целью сопоставления их споро-пыльцевых диаграмм с глобальными изменениями климата в изучаемый период. (Рис. 6).

В первые века нашей эры на Верхней Волге климат был теплый с умеренным количеством осадков. Уровень грунтовых вод низкий, на пойменных местах образовывался гумусный слой.

Начиная с конца IV в. и до конца VI в. на изучаемой территории отмечалось самое сильное похолодание за 2000 лет с увеличением увлажненности. Пойменные места часто затоплялись и перекрывались аллювиальными отложениями, уровень грунтовых вод повысился.

С конца VI в. начинается резкое потепление, которое достигло своего максимума в конце VII в., увлажненность уменьшилась, уровень озер и рек упал. Процесс почвообразования в районе пойм рек - интенсивный. (Рис. 6: в).

В конце VII - конце IX вв. отмечено похолодание с уменьшением количества осадков. Уровень рек и озер низкий. Процесс почвообразования в поймах рек продолжается. Условия жизни благоприятные, но хуже чем в предыдущий период из-за малого вегетативного периода роста растений.

С конца IX в. по XI в. на Верхней Волге наступил период теплого и влажного климата. Температура превышала современную на 1,5°, количество осадков выпадало больше на 50 мм. Процесс почвообразования в поймах продолжается, уровень рек и озер низкий. Болота высохли и поросли лесом.

С 20-х гг. XII в. температура на изучаемой территории понизилась, количество осадков увеличилось, пойменные места стали затопляться, процесс почвообразования замедлен. В начале XIII в. отмечено сильное похолодание, которое сопровождалось уменьшением количества осадков и увеличением увлажненности. Процесс почвообразования в пойме рек прекратился. С конца XIII в. количество осадков стало увеличиваться, пойменные места стали затопляться и перекрываться аллювиальными отложениями. (Рис. 6е, б).2

Теперь, зная климатические изменения в раннем средневековье на Верхней Волге, можно перейти к изучению диаграмм споро-пыльцевых анализов из разрезов возле курганной группы «Струйское», слоев под насыпью кургана №4 и в самой насыпи. Общий состав:

Слой «1» - споры - 67%; травы - 21%; деревья - 12%.

Слой «2» - споры - 55%; травы - 29%; деревья - 16%.

Слой «3» - споры - 53%; травы - 17%; деревья - 30%.

Споры

Слой: 1) [1] сфагновые мхи - 10%; [2] зеленые мхи - 16%; [3] папоротники - 7%; [4] плауны - 67%.

2) [1] сфагновые мхи - 14%; [2] зеленые мхи - 10%; [3] папоротники - 5%; [4] плауны - 71%.

3) [1] сфагновые мхи - 24%; [2] зеленые мхи - 2%; [3] папоротники - 11%; [4] плауны - 63%.

Травы

Слой: 1) [1] *Syringaceae* (осоковые) - 4%; [2] *Poaceae* (злаки) - 20%; [3] *Thalictrum* (лютиковые) - 5%; [4] *Cariophyllaceae* (звездичные) - 5%; [5] *Cichoriaceae* (цикорий) - 8%; [6] *Asteraceae* (астровые) - 19%; [7] *Cirsium Mill* (боряк) - 6%; [8] *Artemisia* (полынь) - 5%; [9] *Onagraceae* (кипрейные) - 28%.

2) [1] *Syringaceae* (осоковые) - 4%; [2] *Poaceae* (злаки) - культурные - 3,6%, дикие - 14%; [3] *Asteraceae* (астровые) - 18%; [4] *Cirsium Mill* (боряк) - 4%; [5] *Cichoriaceae* (цикорий) - 2%; [6] *Filipendula* (маволга) - 3%; [7] *Artemisia* (полынь) - 5%; [8] *Onagraceae* (кипрейные) - 46,4

3) [1] *Syringaceae* (осоковые) - 29%; [2] *Poaceae* (злаки) - 30%; [3] *Thalictrum* (лютиковые) - 5%; [4] *Cariophyllaceae*, *Cichoriaceae*, *Asteraceae* - 17%; [5] *Artemisia* (полынь) - 24%.

Деревья

Слой: 1) [1] *Alnus* (ольха) - 40%; [2] *Picea* (ель) - 2%; [3] *Pinus* (сосна) - 15%; [4] *Corylus* (орешник) - 1%; [5] *Betula* (береза) - 41%; [6] *Betula* к. (береза) - 1%

2) [1] *Alnus* (ольха) - 19%; [2] *Picea* (ель) - 2,5%; [3] *Pinus* (сосна) - 9%; [4] *Corylus* (орешник) - 2,5%; [5] *Quercus* (дуб) - 1,4%; [6] *Betula* (береза) - 64,2%; [7] *Betula* к. (береза) - 1,4%.

3) [1] *Alnus* (ольха) - 13%; [2] *Picea* (ель) - 61%; [3] *Pinus* (сосна) - 13%; [4] *Betula* (береза) - 10%.

Почвенная ситуация возле курганной группы следующая. Разрез почвы показал наличие нескольких темных гумусированных слоев разной мощности, которые образовались во время климатических оптимумов, перекрытые аллювиальными отложениями, связанные с увеличением увлажненности данной территории. нас интересуют слои, образовавшиеся во время последних двух тысячелетий. (Рис. 6 а).

Верхний слой состоит из наносной (аллювиальной) светлой супеси мощностью 40-60 см. Он перекрывает слой из темной гумусированной супеси мощностью 30-40 см. Ниже идет слой из аллювиальной светлой супеси мощностью 20-40 см. На этом слое был сооружен курган №4 из той же супеси.

Споро-пыльцевой анализ нижнего слоя показал, что во время образования этой почвы на данном месте была тайга с преобладанием хвойных пород, в основном представленных сосной и елью. На влажность климата указывает довольно большое количество ольхи, осок, а так же многократное затопление данной местности, на что указывает пыльца и споры из более древних отложений поймы, вымытые и принесенные разливом Волги. Антропогенное влияние на природу в этот период пока не выявлено. Вероятно, человек не селился в это время на берегах р. Волги или его хозяйственная деятельность была незначительной. (Рис. 6 в, 3)

Споро-пыльцевой анализ второго слоя показал, что во время образования этой почвы на данном месте были луга и поля с березово-ольховым лесом. Наличие пыльцы и спор из более древних отложений поймы указывают на затопление данного места Волгой, но это происходило нечасто. (Рис. 6е, 2).

Антропогенное влияние на природу в этот период было значительным. На это в первую очередь указывают «вторичные» березово-ольховый леса. То, что на данном месте березово-ольховый лес является вторичным, а не следствием изменения климата, видно из пыльцевых диаграмм, полученных на местах, где в 1-й тыс. н. э. не было антропогенного вмешательства в среду.

При исследовании торфа в Усманском болоте (Воронежская обл.) и болот Прибалтики было установлено, что с увеличением сухости климата VII-IX вв. произошло резкое увеличение количества сосны и уменьшение березы. Следовательно на Верхней Волге березово-ольховый лес является следствием сведения коренного, первичного леса человеком. Относительно малое количество ольхи говорит так же о непосредственном присутствии человека на данном месте. 3

Во втором слое среди злаковых обнаружен довольно большой процент культурных растений.

И последнее - обнаружено очень большое количество пыльцы *Onagraceae* - Иван - чай - спутника человека. Это растение произрастает в местах, где были пожары. Состав и состояние пыльцы, а также содержание золы говорит о том, что на этом месте или рядом многократно происходили какие-то сожжения, что в близи с курганной группой с погребениями по обряду трупосожжения может быть доказательством наличия ритуальных костров.

Споропыльцевой анализ верхнего слоя показал, что во время образования этой почвы на данном месте были луга с ольхово-березовым лесом. Большое количество пыльцы и спор из более древних отложений поймы говорит об очень частом затоплении данной местности рекою. Следовательно, влажность в этот период была очень высокой, чем и можно объяснить наличие ольхового леса, который сохранился до сегодняшнего времени в пойме Волги. Березовый лес так же является индикатором увлажненности. Малое количество хвойных деревьев косвенно может свидетельствовать об антропогенном влиянии на среду, на что также указывают луговые и сорняковые травы. Необнаружение *Onagraceae* указывает на отсутствие непосредственного влияния человека (поселения и т.п.) на природу в пойме реки. Зарастание изучаемого места ольхой также говорит об отсутствии ухода за данной территорией человеком. (Рис. 6е, /). В результате, по данному разрезу можно сделать вывод: в нижнем слое человек отсутствовал (или его присутствие было незаметным), климат достаточно влажный и холодный;

во втором слое человек активно влияет на природу, климат теплый, сухой;

в верхнем слое присутствие человека отмечено, но оно, по всей видимости, имеет эпизодический характер. Климат очень влажный и холодный.

Сопоставив эти выводы со шкалой изменения климата в Европейской части России, можно с определенной точностью датировать границы каждого слоя. Верхний слой, состоящий из наносной (аллювиальной) светлой супеси, образовался во время последнего малого ледникового периода - XIII - конец XX вв. Он перекрывает слой из темной гумусированной супеси, который вырос во время последнего малого климатического оптимума (конец IV - начало XII вв.). Ниже идет слой из аллювиальной светлой супеси, образовавшийся во время похолодания и увеличения увлажненности конца V - IV вв. н. э. Теперь можно перейти к анализу почв, связанных с этапами сооружения кургана.

Первоначальная насыпь кургана №4 сооружена на аллювиальной светлой супеси, споро-пыльцевой анализ которой идентичен нижнему слою №3 из колонок. Эту насыпь перекрывает слой темной гумусированной супеси мощностью до 80 см. Споро-пыльцевой анализ этого слоя идентичен слою №2 из колонок с небольшими отличиями в количестве пыльцы таволги. По всей видимости, грунт для досыпки кургана брали из понижения, где произрастала таволга (медуница). Анализ темного гумусированного слоя из колонки возле этого понижения подтвердил это предположение.

Из всего выше изложенного можно сделать следующие выводы:

споро-пыльцевой метод исследования грунта на месте курганной группы «Струйское» показал, что курган №4 был сооружен в самом начале климатического оптимума, который начался в конце VI в. Это подтверждается и археологическими находками;

с конца IV в. по XII в. прослеживается сильное антропогенное влияние на природу поймы р. Волги;

сопоставление изменения климата с заселением поймы р. Волги в средние века показало, что появление поселений происходило во времена наиболее благоприятного климата:

1. начало I тыс. н. э. - поселения раннего железного века;
2. конец VI-VII вв. - поселения КДК псковских кривичей;
3. конец VIII - первая половина X вв. - поселения КДК смоленских кривичей и культуры сопок;
4. вторая половина X - начало XII вв. - поселения Древней Руси;
5. вторая половина XII - XIII вв. - поселения новых переселенцев.

1 Лопатин Н.В., Лопатина О. А. Памятники мощинской культуры в верховьях Вазузы // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1998. С. 375-379.

'Олейников О.М. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 69-80.

'Нейштадт М.И. К истории Усманского бора в последнем отрезке голоцена (после ледникового время) // Труды Воронежского государственного заповедника. Вып. 5. Воронеж, 1954. С. 45; К л и м а н о в В.А., Кофт Т.А., П у н н и с Я.К. Климатические условия за последние 2000 лет на Северо-Западе Прибалтики // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. М., 1985. С. 95, 96.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(27\) →](#)

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Ножи охотничьи. Нержавейка.](#)

Ножи из нержавеющей стали. Подарок рыбаку и охотнику! 30 видов ножей.
sarmik.ru

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Маршруты походов великих князей на Новгород 12-15 веков (к вопросу о путях сообщения между Великим Новгородом и Низовскими Землями в эпоху Средневековья)

М. И. Васильев

Большая часть исследований о новгородских средневековых путях сообщения посвящена главным образом водным коммуникациям и сухопутным дорогам, расположенным в западной части Новгородской земли². Пути сообщения других районов остаются менее изученными. В частности, такая картина складывается в отношении центральной части Новгородской земли, игравшей весьма важную роль в связях с Северо-Восточной Русью. Имеющиеся публикации освещают лишь отдельные коммуникации этого региона³.

Данное исследование преследует две задачи. Первая из них состоит в выявлении существовавшей в XII - XV вв. сети сухопутных коммуникаций в центральных районах новгородской земли, а также определении значимости отдельных дорог того времени. Вторая задача предполагает поиск доказательств большой значимости сухопутных путей сообщения в Новгородской земле с самого начала своей истории, что отрицается в отечественной исторической науке⁴.

Работа основывается на использовании одной категории источников - летописных известиях о военных походах князей Северо-Восточной Руси на Новгород в период самостоятельного существования новгородской земли. Самыми известными из них являются походы на Новгород 1169, 1281, 1316, 1386, 1441, 1456, 1471 и 1477-78 годов. О военной стороне этих походов известно достаточно много. Значительно меньше обращалось внимание на маршруты движения великокняжеских ратей, которые являются предметом

настоящего рассмотрения.

Анализ начнем с наиболее подробных описаний. Таковыми являются материалы последних походов: 1471 и 1477-78 гг. Они, как показывают материалы, являются характерными для тактики всех князей. Интересно и то, что один из этих походов является летним (1471 г.), другой - зимним (1477-78 гг.).

Первый поход начался в июне («за неделю до Петрова заговенья», т.е. до Петрова поста). В это время первый отряд численностью в 10 тысяч ратников отправился от Торжка к Старой Руссе, чтобы «зайти с оную сторону к Новгороду»⁵. Без сомнения, он двигался по так наз. «Демонскому» пути, но в обход крепости Демона - через Селигер, Молвотицы и далее вдоль р. Полы до Старой Руссы. Так позволяет думать тот факт, что находясь в районе Старой Русы-Коростыни, московский отряд вскоре получил удар в спину: из этой, вероятно, крепости пришла новая помощь староруссам после разгрома новгородцев у Коростыни («а пришли рекою же в судех, Полою именем»). После этого московские воеводы решили захватить Демон, и только вмешательство Ивана III помешало им сделать это.

Второй отряд, состоящий из татар и русских ратников, был отправлен «по Мете вверх» (вероятно, по Дубецкой дороге более поздних источников) и угрожал городу с восточной стороны. Сам же великий князь через две недели после начала операции пошел с основными силами между указанными направлениями, вероятно, Яжелбицкой дорогой и остановился в Яжелбицах, ожидая дальнейшего развития событий. После победы южного отряда над новгородцами 14 июля в битве на Шелони, Иван III двинулся к Старой Руссе, а от нее к устью Шелони, и в Коростыни новгородцы «замирились» с великим князем, выплатив огромную контрибуцию в 16 тысяч рублей⁷.

Осенне-зимний поход на Новгород в 1477-78 гг. был еще более впечатляющим. Собрал огромные силы со всей страны, Иван III подошел 19 октября к Торжку. Здесь произошло первое разделение войска: «из Торжку на Демон» во главе большого отряда двинулся брат великого князя, Андрей Меньший с воеводой Василием Сабуровым «с Ростовци, и Ярославци, и Угличаны и Бежичаны». Вместе с ним отправился и великокняжеский двор во главе с матерью великого князя Марией. Остальная часть войска 23 октября выступила из Торжка по дороге на Вышний Волочек. Здесь московское войско разделилось еще на шесть отрядов. Первый отряд, состоявший из татар и небольшого отряда русских, по главе с царевичем Даньяром и боровичским воеводой князем Василием Образцом должен был следовать «по за Мете», т.е. правым берегом Меты. Второй отряд во главе с князем Даниилом Холмским с «Володимерци и Переславци и Костромичи», а также тверскими воеводами «с Дмитровци и Кашин-ци» шел «по своей стороне Меты». Третий отряд с князем Семеном Ряполовским, «с ним суздальци и Юрьевци» шел немного левее второго. Во главе четвертого отряда, следовавшего «межи Яжело-бицкие дороги и Меты», стоял сам великий князь. Пятый отряд во главе с воеводой Федором Давыдовичем и князем Иваном Васильевичем Оболенским с детьми боярскими и «двора великого князя да Коломнчи все» следовал по Яжелбицкой дороге. Шестой отряд под командованием князей Александра Васильевича и Бориса Михайловича Оболенских с калужанами, олексинцами, серпуховичами, хотуничами, москвичами, радонежцами, новоторжцами, можаичами, волочанами, звенигородцами и ружанами шел «межи Демонские дороги и Яжелобицкие»⁸. Как хорошо видно из этого описания, московские войска воспользовались для своего передвижения в 1477-78 гг. не только главными (стратегическими), но и дорогами местного значения, которые почти не попадали в поле зрения исследователей. Через какие пункты они следовали, мы во многом теперь можем только догадываться. Хотя в самом общем виде этот вопрос не представляет большой сложности. Безусловно, местная сеть дорог должна была связывать воедино погосты с центром округи и всей земли⁹.

О том, что это было действительно так, свидетельствует маршрут отряда под предводительством Ивана III, подробно описанный летописцами. 26 октября этот отряд был в Волочке, 28 октября находился «на Березке», 2 ноября - в Турнах, 4 ноября «на стану в Болбловых», 8 ноября «в Еглине у Спаса», 10 ноября - «в Иваничех», 11 ноября - «у Николы в Локотсте (Локотске - М. В.)» и 19 ноября - в стану «на Полинах»¹⁰. Как видим, большая часть названных поселений является центрами погостов¹¹.

Не вызывают особых сомнений и маршруты первого и особенно второго отрядов. Первый отряд неизбежно должен был следовать вдоль правого берега Меты, вероятно, особенно не отдаляясь, от реки, поскольку это удлиняло и без того протяженность маршрута. Второй отряд следовал маршрутом «мирного» похода Ивана III, предпринятого двумя годами раньше: вдоль Меты, за исключением среднего течения реки, где дорога проходила вдоль рек Хоринки и Волмы¹². Маршруты третьего и особенно шестого отрядов менее определены. Не известна и заключительная часть маршрута отряда, шедшего по «Демонской» дороге.

И все же эти пробелы не затмевают главного. Более важным для нас является констатация факта, что уже во второй половине XV века в центральных районах новгородской земли существовала густая и разветвленная сеть сухопутных дорог, удобных для проезда больших масс людей и грузов в зимнее время. Далее, подробное перечисление великокняжеских отрядов дает нам некоторое представление и о значимости перечисленных новгородских дорог. Судя по количественному составу отрядов, наибольшую значимость и, вероятно, наибольшие удобства, имели в то время дорога вдоль левого берега Меты (в XVI веке называемую Дубецкою) и Демонская (Де-ревская) дороги, по которым передвигались самые многочисленные отряды. На первый взгляд, исключение представляет маршрут движения очень многочисленного шестого отряда («межи Демонские дороги и Яжелобицкие»). Однако, это только на первый взгляд. По моему мнению, данный маршрут мог быть северной веткой Демонской дороги: вдоль р. Шлины, берегов озер Шлино, Велье, затем вдоль р. Явони, в то время как отряд князя Андрея Меньшого мог идти южным вариантом пути: через Селигер, затем вдоль р. Полы через Молвотицы (Молвотицы), как это было в 1471 году. Косвенным свидетельством обхода Демона отрядом Андрея Меньшого является присутствие в нем женской части великокняжеского двора во главе с матерью великого князя Марией.

На стану в Полинах, расположенного между Локотском и Тухолями, произошел сбор московского войска¹³. Единственным отрядом,

который, вероятно, продолжал свое самостоятельное передвижение, был татарско-русский отряд, находящийся за Метой. Так позволяет предполагать то обстоятельство, что он прибыл под Новгород только 4 декабря, спустя неделю после захвата Новгорода. Возможно, не присутствовала на сборе и часть отряда, передвигавшегося по Демонской дороге, ибо непонятно, зачем делать такой длинный крюк на север, чтобы через день-два вновь уйти на юго-западное побережье озера Ильмень.

В Полинах произошло обычное для средневековья боевое разделение войска на передовой, правый, левый и центральный полки. Передовой полк во главе с братом великого князя Андреем Меньшим отправляется к Бронницкому перевозу, занимает его и остается там до дальнейших указаний великого князя («к Бронничю ждать»). Часть московских отрядов («иным своим воеводам») отправляются в район Взвады и Ужина. Остальные остаются с великим князем, который перемещается 21 ноября в Тухолу («у Николы в Тухоле»), а затем, 23 ноября, в Сытине Отсюда в ночь с 24-го на 25-е ноября следует команда передовому и центральному полкам захватить Городище и пригородные новгородские монастыри, что и было выполнено. Первые захватили Городище, передвигаясь, вероятно, по Дубецкой дороге. Вторые заняли подгородные монастыри, находящиеся с Софийской стороны, перейдя по льду через озеро Ильмень. После этого переходит по льду через все озеро в село Лошинского в Поозерье и Иван III, окончательно закрепляя свою победу над новгородцами¹⁴.

Как хорошо видно из приведенных описаний, несмотря на некоторые сходства, связанные с крупными масштабами военных кампаний (широкий охват территории и продвижение по нескольким дорогам и направлениям), оба похода имеют свою особую специфику, которую можно проследить во всех военных походах на Новгород.

Несмотря на то, что во время похода 1471 года передовые отряды (левое и правое крыло) войска Ивана III двигались к Новгороду по двум дорогам: «Демонской» и вдоль левого берега Меты, основной удар был нанесен с южного направления. Возможно, это не было изначально запланированным великим князем актом. Ведь основная часть (центр) войска находилась как бы в резерве, перекрывая Яжелбицкую дорогу, и будучи готовой помочь в случае необходимости любому крылу московского войска. Судя по тому, что новгородское войско двинулось защищать южные, а не восточные подступы к городу, летом эта дорога считалась более «торной» (проходимой) по сравнению со второй, поскольку путь к городу с востока в это время года надежно прикрывала р. Мета. Во время похода 1477-78 гг., наоборот, основным направлением удара по Новгороду стало восточное направление. Конечно, в последнем походе военного столкновения не произошло, и захват пригородных монастырей произошел совмещенным способом (одновременно с востока и с юга), тем не менее в целом военная кампания была проведена с иного направления, нежели первая. Эти два типа тактики можно проследить на протяжении всех военных конфликтов Новгорода с Низовскими землями.

Южное направление было главным или даже единственным в большей части великокняжеских походов «ратью» на Новгород. Причем совершались они как летом, так и зимою. Этим путем, в частности, шли на Новгород в 1167 году войска Святослава и братьев Романа и Мстислава с сюздальцами, смолянами и полочанами, повернувших у Руссы обратно, когда навстречу им вышло новгородское войско¹⁵. Точно также действовал в 1169 году и князь Мстислав, пришедший к Новгороду в феврале («на Сбор») «со всей Русской землей», и осаждавший город с запада в районе Десятинного монастыря¹⁶. Конечно, причиной движения великокняжеских войск по этому пути могли стать и просто удобства сбора союзных войск как с Низовской земли, так и из западных княжеств (например, смолян, полочан и др.) именно в районе южного Прильменья, поскольку они шли, вероятно, вдоль Ловати, но это совершенно не важно для выяснения маршрута похода.

Южная дорога стала главной, хотя это и не планировалось первоначально, в походе князя Ярослава 1270 г. на Новгород. Замыслив нападение с восточного направления, Ярослав вынужден был изменить свои планы в связи с активным противодействием новгородцев на этом направлении (новгородцы «выидоша ...въ оружии отъ мала и до велика къ Городищу, и стояша два дни пеши за Жило-тугомъ, а коневници за Городищемъ»). Обойдя озеро Ильмень по восточному берегу, он занял Старую Русу, а затем вышел к устью Шелони, и в районе села Голина произошло известное недельное стояние новгородского и московского войск «на Броде», после чего был заключен мир¹⁷.

В обход Ильменя с юга действовал в зимнем походе в 1281 г. князь Дмитрий. Совершив «много пакости для волости Новгородской», говорится в летописи, он дошел до Шелони («став на Шолоне»), где и был подписан мир¹⁸.

Вероятно, это же путь был выбран им и в 1284 г., когда он с братом Андреем во главе большого войска «и с Татары и с всею Низовьскою землею», учинив много зла, стал «на Коричке (Кориц-ке, Коречке, Корицьске)», после чего новгородцы вынуждены были принять его¹⁹. По мнению Л.А. Филипповой и Л.А. Секретарь, речь идет о селе Курицко в Поозерье²⁰. Вполне обоснованное мнение, особенно если учесть соответствующую запись в писцовой книге 1501 г., где фигурирует «погост Коретцкой над озером над Илмерем вопче с Ондреем с Федоровичем да с монастырем с Троецком с Клопска ...»²¹.

Южное направление было главным у великого князя Василия Васильевича зимою в 1441 году, когда «князь великыи взя 8 тысяч рублев и воротися от Демена городка»²², «в Деревях, у Демона»²³. Неясно, правда, посылал ли великий князь Василий второй отряд по Мете, другим дорогам или ограничивался только южным направлением.

Сходным образом действовал Василий Васильевич в январе-феврале 1456 года, хотя некоторые детали напоминают нам ход зимней кампании Ивана III 1477-78 гг. Великий князь также «стоял во Ажолбицах», а его воеводы разгромили новгородцев вначале под Старую Руссою, а затем захватили и сам город, после чего последовал мир с выплатой новгородцами «пол 10 тысяч рублев з города»²⁴.

Приведенные материалы свидетельствуют, на мой взгляд, о наличии уже во второй половине ХП века проторенной дороги общегосударственного значения через Старую Руссу, соединявшую Северо-Западную и Северо-Восточную Русь в эпоху раннего и развитого

средневековья. Заметим, что летописи ничего не говорят о чистке (терблении) и мощении мостов, как это делалось, например, при походе князя Владимира из Киева на Новгород в 1014 г.²⁵ Эти материалы позволяют не согласиться с высказанной Н. Мятлевым гипотезой, что «существование удобной сухопутной дороги по дебрям лесистой и болотистой Деревской пятины в столь отдаленную эпоху ...представляется сомнительным»²⁶. Напротив, эта дорога включала уже тогда, вероятно, несколько ответвлений пути. Ярким свидетельством этого служит поход новгородцев с князем Мстиславом на Ярослава Всеволодовича в 1216 г. в обход через Ржеву Володимир-рову, поскольку противник, князь Ярослав, занял Торжок и приказал засесть все прямые пути, идущие к Торжку от Новгорода («а пути от Новгорода все засекоша и реку Тьхверцю»)²⁷.

Что касается детализации южного пути (точнее, его ответвлений), то материалы военных походов великих князей мало что содержат на этот счет. Исходя из них ясно только то, что один из вариантов этого пути начинался от Торжка (другой, вероятно, от Вышнего Волочка). Путь проходил через Деман или недалеко от него (через Деревы); далее следовал через Старую Руссу, Коростынь, брод в устье Шелони (Голино) в Новгород.

Восточное направление удара по Новгороду применялось несколько реже, по сравнению с первым и, как правило, только во время зимних кампаний. Так, этим путем наступал на Новгород в 1255 году великий князь Александр, вступивший за своего сына Васи-ля. Его войска могли двигаться вдоль Меты или через Яжелбицы, так как новгородцы выставили «полкъ за Рожествомъ Христовымъ», а пешее войско встало «отъ святаго Илье против Городища». Решительные действия новгородцев возымели результат, и был заключен мир²⁸.

Таким же образом действовал великий князь Дмитрий Иванович зимою (речь идет о Филипповом посте, Крещении и немного спустя) в 1386 году, наказывая новгородцев за разорение волжан («что взя разбоем Кострому»). Правда, мы не знаем, каким путем шел князь Дмитрий к Новгороду: по Мете, через Яжелбицы или вдоль восточного побережья Ильменя. «Не дошед Новгорода 30 верст», великокняжеское войско становится «на поле», «в Ямнех»²⁹. К нему приезжает новгородский владыка, но безрезультатно. Новгородцы сжигают 24 окрестных монастыря, чтобы противник не использовал их для размещения своих сил. Паника в городе была столь велика, что новгородцы верят слуху о том, что Низовское войско уже почти вошло в город («стоит ...на Жилотуге»). Лишь в результате второго посольства новгородцы «на Понеделье» сумели заключить мир с уплатой 8000 рублей³⁰.

Такой же вариант похода был предпринят, на мой взгляд, и князем Михаилом Тверским в 1316 году. Правда, он закончился неудачно уже для князя. Будучи оскорбленным действиями новгородцев, великий князь «со всею Низовьскою землею» двинулся к Новгороду. К этому времени новгородцы уже успели выстроить вокруг города острог и собрать все основные силы. Узнав об этом, князь не доходит до города и останавливается лагерем «в Устьянех». Видимо, «стояние» продолжалось очень долго, и закончилось ничем. «Не взяв мира», княжеское войско пытается возвратиться назад, но неудачно: оно заблудилось в озерах и болотах, «и начаша мерети гладом, ядяху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоша пеши в дома своа»³¹.

К сожалению, точное местоположение Устьян летопись не дает, что создает разночтения. В ближайших к Новгороду районах можно найти по меньшей мере два пункта с таким названием. Первый - погост Устьяны, расположенный к юго-востоку от озера Ильмень³². Считаю, что этот пункт не мог быть базой великокняжеского войска по двум причинам. Во-первых, он слишком далеко расположен от Новгорода, и не мог реально угрожать городу. Во-вторых, как уже было сказано, дорога на Новгород через Старую Руссу была настолько проторенной, что невероятным выглядит факт плутания по болотам, приведший поход к печальному концу. Второй пункт - селение Устьяны (в XIX в. - Эстьяны), находящееся за Бронницами. Оно упоминается в новгородских летописях уже под 1132 годом, когда псковичи и ладожане выгнали князя Всеволода из Новгорода, а потом одумавшись, вернули «в Устианех»³³.

По моему мнению, именно эти Устианы (у Бронницкого перевоза) и являются местопребыванием князя Михаила в походе на Новгород 1316 года. Прежде всего, это место действительно находится недалеко от города, и играет важную роль для обороны города. Наконец, эти места при отходе княжеских войск в районе Яжелбицкой дороги весной действительно могли стать ловушкой, поскольку насыщены и сегодня массой низин, ручьев, речек, болот, в которых действительно было легко заблудиться³⁴. Об этом свидетельствуют факты избегания этой дороги московским правительством в конце XV-начале XVI столетий, и предпочтение следовать водным путем от Торжка до Новгорода³⁵. На это же указывают и сложности этой трассы, описываемые С. Герберштейном³⁶.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о том, что с восточной стороны в Новгород не позднее XIII века вело по меньшей мере две достаточно крупных дороги: одна вдоль левого берега Меты, вторая - через Яжелбицкий погост³⁷. Маршрут первой из них в основных чертах достаточно хорошо известен по походу Ивана III в 1475 году³⁸. Единственным спорным участком похода 1475 года в определении общепринятой трассы может быть назван отрезок вдоль правого берега Меты. Переправа в районе селения Лытно могла быть зимним вариантом этой дороги, в то время как летний путь должен был неминуемо проходить через Бронницкий перевоз.

Дорога через Яжелбицы, судя по ряду летописных данных, проходила несколько иначе по сравнению с современной трассой Новгород-Москва. Об этом свидетельствует упоминание ряда пунктов трассы: в первой половине XII в. селения Устианы³⁹, в 80-х гг. XIV в. селения Ямны недалеко от Понедельского монастыря⁴⁰, во 2 половине XV в. Тухoley, где стоял Иван III в 1477 году⁴¹, и стана Ямны, где останавливался первый раз великий князь по дороге в Москву в 1478 году⁴². Возможно, район селения Тухоли и являлся тем местом, где расходились летняя и зимняя дороги на Новгород. Первая шла на Бронницкий перевоз, вторая - на стан Ямны. Рядом с городом эти дороги соединялись.

Таким образом, говоря о походах великих князей на Новгород в XII-XV вв., мы должны констатировать следующее. Прежде всего, не следует недооценивать значение сухопутных путей сообщения в средневековой Новгородской земле: как следует из описаний походов на

Новгород, войска передвигались исключительно по сухопутным дорогам. Далее, мы видим наличие двух основных направлений дорог, которыми обычно шли к городу. Первым и наиболее распространенным из них был юго-восточный путь, называемый в XV в. Демонским (Деревским) путем, проходивший вдоль реки Полы и огибавший с запада озеро Ильмень. Второй путь, с восточного направления, имел, вероятно, два основных варианта. Первый шел вдоль левого берега Меты, второй - по Яжелбицкой дороге.

1 Доклад прочитан на XIV конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» в январе 2000 г.

2 См., напр.: Ходаковский. Пути сообщения в древней России //Русский исторический сборник, изд. Обществом истории и древностей Российских. Т. 1. Кн. 1. М., 1837; ; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873; Наши пути сообщения. Экономический очерк /Сост. Д. Рыбаков, В. Белов. Спб., 1882; Никитский. Очерки истории экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России / Сост. Житков С. М., Николаев А.С. Спб., 1900; Россия в дорожном отношении /Сост. В. Ф. Мейен. Т. 1. Спб., 1902; Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в ХУ1-ХУП веках и отражение их на русской карте середины XVII века //Вопросы географии, сб. 20. М., 1950. С. 271-302; Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения //История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М.-Л., 1951. С. 280-314; Арциховский А.В. Средства передвижения //Очерки русской культуры XIII-XV веков. 4.1. Материальная культура. М., 1969. С. 307-316; Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения //Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977. С. 252-291; Плоткин К. М. Коммуникационная сеть Северо-запада России XVII в. //Новгород и новгородская земля: История и археология (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 105-109; Сорокин П. Е. Невская навигация в эпоху средневековья //Новгород и новгородская земля: История и археология (Тезисы научной конференции). Вып. 3. Новгород, 1990. С. 88-91; М и к л я е в А. М. Путь «Из варяг в греки» (зимняя версия) //Новгород и новгородская земля: История и археология (Тезисы научной конференции) /Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород, 1992. С. 133-138.

3 Мятлев Н. Игнач Крест и Селигерский Путь //Труды ХУ Археологического съезда в г. Новгороде. 1911 год. Т. I. Ч. II. М., 1914. С. 336-345; Янин В. Л. К хронологии и топографии Ордынского похода на Новгород в 1238 г. //Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 146-158; Фролов А. А. О маршруте «мирного похода» Ивана III на Новгород //Новгород и новгородская земля: История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 320-330; он же. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) //Прошлое Новгорода и новгородской земли: Материалы научной конференции. Новгород, 1998. С. 80-82.

4 См., напр.: Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения //История культуры Древней Руси. Домон-гольский период. Т. I. Материальная культура. М.-Л., 1951. С. 280-314; Арциховский А. В. Средства передвижения // Очерки русской культуры XIII-XV веков. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 307-316; Марасинова Л. М. Торговля и средства передвижения //Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977. С. 252-291; Е е же. Пути и средства сообщения //Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 257-284; Хорошев А.С. Средства передвижения //Археология. Древняя Русь. Быт и культура /Отв. ред. Тома Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М., 1997. С. 120-129.

5 Полное собрание русских летописей, изд. Археологическою комиссиею (далее - ПСРЛ). Т. VI. Спб., 1853. С. 191-192.

6 ПСРЛ, Т. VIII. Спб., 1859. С. 164.

7 ПСРЛ, Т. VI. Спб., 1853. С. 191-193.

8 Указ. соч. С. 207.

9 Косвенным свидетельством этого является выпись из новгородских изгонных книг XVI-XVII вв., неоднократно публиковавшаяся в литературе. См., напр.: Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в ХУ1 веке. Спб., 1853. Приложение XVI. С. 383-391; Голубцов И. А. Указ. Соч. С. 271-286, 294-300, карта-вклейка «Пути сообщения в бывших землях Великого Новгорода (по «выписи» из Новгородских изгонных книг).

10 ПСРЛ. Т. VI. Спб., 1853. С. 208.

11 См.: Неволин К. А. Указ. Соч. Приложение. Карта пятин Новгородских в ХУ1 веке, с показанием в них городов и погостов.

12 Об этом, см.: Я н и н В. Л., 1982. С. 151; Фролов А. А., 1997. Рис. 1.

13 По предположению И. Анкудинова, этот пункт находится на р. Полинке, севернее с. Вины Крестецкого уезда.

14 ПСРЛ, Т. VI. Спб., 1853. С. 200-221.

15 ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Спб., 1915. С. 162.

16 Указ. Соч. С. 162-164.

"ПСРЛ. Т. III. Спб., 1841. С. 62. "ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 599. 19 ПСРЛ. Т. III. С. 64; Т. IУ. С. 43; Т. У. С. 201; Т. УП. С. 178.

•"Секрета рь Л. А., Филиппова Л. А. По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991. С. 82-83.

21 Указ. Соч. С. 82.

22 ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 608.

23 ПСРЛ, Т. III. Спб., 1841. С. ИЗ.

24 ПСРЛ. Т. V. Спб., 1851. С. 271-272; Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 491.

25 Напр.: Бернштейн Н-К о г а н С. В. Путь из варяг в греки //Вопросы географии. Сб. 20. 1950. С. 259.

26 М я т л е в Н. Указ. Соч. С. 337.

27 ПСРЛ. Т. III. Спб., 1841. с. 33.

28 ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 596-7.

29 ПСРЛ, Т. III. IV. Спб., 1841. С. 113. В. Л. Янин вслед за Н. Мятлевым считает, что речь идет об озере Ямно недалеко от Старого Рахино (Янин В.Л. Указ. соч. С. 152), что не подтверждается другими материалами, в частности, расстоянием до Новгорода (30 верст) и термином «Понеделье», соседствующим с летописным Ямном.

30 ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 345-348.

- 31 ПСРЛ, Т. III. Спб., 1841. С. 71.
32 См.: Неволин К. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. Спб., 1853. С. 175176, 181, 185, 188. Карта пятин Новгородских в ХУ1 веке, с показанием в них городов и погостов.
33 ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 585.
34 См.: Новгородская область: топографическая карта. М., 1997. Л. 18. Сравни местность в районе Устьян на р.Поле: Л. 30.
35 См., напр.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба... Ярое лав ль, 1900. С. 37-38, 52.
36 Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 237.
37 Летописи не дают никаких аргументов в пользу существования здесь третьей дороги - через Восточное Приильменье.
38 Я н и н В. Л. Указ. Соч. С. 151; Ф р о л о в А. А. Указ. Соч.
39 См., напр.: ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 585.
40 ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 347.
41 ПСРЛ, Т. VI. Спб., 1853. С. 209.
42 Указ. Соч. С. 221.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Следующая статья >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#)[Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#)[Гороскопы](#)

Яндекс [Директ](#) [Как стать партнёром](#)
[Все объявления \(16\)](#) →

[Багетная мастерская \(м.Свиблово\)](#)

Оформим: зеркала, живопись, графику, акварель, папирусы, фотографии, дипломы

[Адрес и телефон](#) · yuliykazakova.narod.ru · Москва

[реставрация живописи](#)

Реставрация живописи реставрация фарфора реставрация мебели, оценка/покупка

[Адрес и телефон](#) · www.antiquuvo.ru

[Скульптуры для интерьера,](#)

ландшафта баров, ресторанов казино, клубов, развлекат. центров, детских клубов
www.art-deko.biz

[Живопись художника Ивана Агеева](#)

Экспрессионизм. Пейзаж, натюрморт, портрет, абстракция. Новые работы.
www.ivanageyev.ru · Москва

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

Новгород и Новгородская Земля

История и археология

15/01

Семантическая загадка событий 1216 года

В. Н. Варнаев

Перед исследователями военной истории сейчас встает, в качестве одной из основных, проблема не фиксации того или иного события, а проблема понимания, проблема семантики этих событий или конкретных действий каких-либо участников данного эпизода истории. Средневековый автор вкладывал в текст несколько уровней семантики: семантика цели написания данного текста, семантика структуры текста, семантика поведения героев и антигероев, семантика итогов действий участников события и т.д.

Повесть о Липицкой битве имеет две редакции: Пространную и Краткую. Наиболее близко к своему первоначальному виду Повесть сохранилась в Новгородской IV летописи.

Повесть имеет сильно выраженные смоленские корни и поэтому особое внимание уделяется князю Мстиславу и смолянам. Но в ней раскрывается новгородский конфликт и новгородцам уделено очень много внимания.

Общая фабула Повести достаточно ясна, но автор постоянно подчеркивает экстраординарность событий: «о, горе бяше: по Торгу тру- пие, по улицам трупие, по полю трупие, не можаху жи изедати человек... и тако, по грахом нашим, разидеся впасть наша и град наш»; «Оле страшно чюдо и дивное, братье! поидоша сынове на отци, а отци на дети, брат на брата, рабы на господу, а оспода на рабы» и т.д.

Читателю становится ясно, что из-за действий Ярослава Всеволодовича мир может радикально измениться (и уже меняется!).

Мстислав говорит: «Да не будет Новый Торг Новгородом, ни Новгород Торжком». Но эти слова выдают опасение, что даже это может

случиться. И постоянно декларируется особая сакральность событий, проявление высших сил:

- речь новгородцев: Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом;
- речь Мстислава: Горе нам горе нам не поможет, ни горе нас победить; позряще на креста и на правду, пойдем к ним;
- слова о победителях: Все сохранены быша силою честного креста и правдою;
- речь Ярослава к победителям: По правде мя крест убил и т.д.

Но явного вмешательства высших сил, как, например, в Невской битве, не фиксируется. Единственное, что можно отметить, - особая роль отводится понятиям «правды» и «креста».

Вся последовательность и логика событий ясны и обычны, кроме одного факта: перед самой битвой новгородцы снимают порты. «Порты», в данном случае надо скорее понимать как всю одежду, а не ее часть - штаны (См. Фасмер, Срезневский). То есть новгородцы пошли в бой босыми и голыми. И в данном случае, чтобы понять семантику этого действия, прежде всего необходимо понять взаимосвязь и взаимодействие одежды и тела человека. Здесь нам на помощь приходит этнология. Я. В. Чеснов так характеризует роль одежды. У человека существует два тела: внутреннее и внешнее. Одежда относится ко второму. Она выполняет не только роль хранилища жизни, интимно сокрытой во внутреннем теле, она увеличивает ресурсы этой жизни, указывая на общие ее моменты с вечным мирозданием. С каких бы сторон мы не подходили к проблеме одежды (с точки зрения ее утилитарных или общественных функций, рассматриваем ли ее генезис или локальные комплексы), - везде остается незабываемой витальная роль одежды. Эта роль не сводится просто к «защите», она выше и сложнее, поскольку каждый элемент одежды «защищает» не только какой-то орган человеческого тела, но всю жизнь, наполняющую это тело. Витальность Я. В. Чесноков понимает как организованность человеческой личности и ее ближайшей среды - пищи, жилища и одежды. Изучение быта разных народов показывает, что люди стыдятся не тела, а отсутствия одежды. Одежда предназначена доставлять цельность телу, восполняя его витальность. Внутреннее тело не может быть сокрытым. Демонстрируя себя, оно теряет свою ценность и витальность. В ситуации Липицкой битвы пища и жилье как соучастники системы отсутствуют, а одежды новгородца лишают себя сознательно, т.е. сознательно лишают себя витальности.

Также надо отметить и особую роль обуви в жизни человека. Люди часто фиксировали свое состояние и свое присутствие в мире через обувь, т.е. через ту вещь, которая оставляет следы. Особое понимание обуви люди использовали от гаданий до влияния на хозяйственную деятельность (в виде особых обрядов). Надо отметить, что смоляне (точнее, часть смолян) также снимают обувь, но, в отличие от новгородцев, одежду оставляют. Получается очень смягченный вариант действий новгородцев: присутствие в мире четко не зафиксировано, но защита витальности обеспечена. Можно предположить и отсутствие доспехов у новгородцев — в тексте нет не единого упоминания о них.

И здесь возникает вопрос: почему же новгородцы пошли на поступок явно самоубийственный (как с точки зрения человека нашего времени, так и человека средневековья)? Ответ можно найти проанализировав отношения Ярослава и Новгорода. Ярослав нарушил все мыслимые и немыслимые законы обычной жизни (или спровоцировал их нарушение, что в данном случае одно и то же). Вспомним - «брат на брата» и т.д.

Новгородцы пошли на него военной силой, побеждали, проходили по его землям. Именно он, а не, например, Юрий, воспринимался как главный враг. Ведь даже, несмотря на акцент в тексте с восстановлением прав Константина на Владимирский стол, боевые действия не прекращаются. Финал противостояния был не во Владимире, а в Переяславле. И в центре внимания этого противостояния были ответные крайние меры новгородцев.

Характерна речь Мстислава перед боем: «... а забудем, братье, домов и жен и детей; а коли любо умирате, да кто хоцетъ пешь, или кто на конех. Новгородцы же глаголаша: И мы не хоцем измрети на конех, но яко же отци наши билися на Колакьши, пешу».

Новгородцы шли умирать или восстановить правду, т.е. естественный порядок мира. И то, что воинов у союзников было меньше, чем у Юрия и Ярослава, не играло никакой роли. Мстислав говорил на вече: «Айв мнозе Бог и в мале Бог и правда».

Клод Леви-Строс доказал, что народам с архаической культурой свойственно логическое, а не дологическое, как считалось ранее, мышление. Только работает оно не формально-логическими умозаключениями, а иначе - путем поэтапного снятия противоречий. По тексту Повести ясно видно, что новгородцы пытались снять противоречие таким путем, т.е. обычными последовательными действиями - вошли в его земли, дошли до центра его земли и требовали признать свою неправоту. Но Ярослав - нарушитель правильного порядка жизни - упорствовал. И неправда торжествует.

Сложилась безвыходная ситуация, осложненная военно-тактическим тупиком: войска стоят на двух горах и тот, кто первый атакует, обречен на поражение. И новгородцы идут теперь уже сами на нарушение обычного порядка вещей - жертвуют собой, чтобы восстановить этот порядок. Им надо уйти туда, где ограничения обычной жизни снимаются. Но не в смерть. Смерть сопутствует женскому началу в этнологии. Связь женщины со смертью проявляется как мировая универсалия. Женщину окружает многослойная аура смерти. Из близости женщины к смерти произошла ее исходная универсальная роль перераспределительницы зла. Но в Липицких событиях нет женской традиции. Новгородца сняли одежду и тем самым ушли из мира живых. Но в то же время они не ушли в мир мертвых, не обозначили себя в этом мире (в Повести не упоминаются женские признаки смерти).

Согласно народным представлениям, жизнь и здоровье принципиально хаотичны и, соответственно, ближе к порядку природы, чем к порядку культуры. Обнажение удаляет человека от правил человеческого мира, человек уходит в мир природы и наполняется силой природы, которая дает ему особую мощь.

Так что новгородцы не были смертниками в современном понимании этого термина. Их состояние было одновременно и похоже на смерть и на уход в особый мир. А проблема смерти для них не существовала, они шли на бой не боясь ее, а просто констатируя ее вероятность («хочем измрети»). Подобные боевые состояния в мировой военной истории очень редки, но они известны (Скандинавия, Япония). Главное для таких воинов - победа и тем решение каких-то проблем.

В новгородцах объединилась мощь двух сил:

1. Сила традиции, которую нарушил Ярослав (не зря отсылка к отцам - предкам, которые бились в этих же местах).
2. Концентрированное воплощение сил природы. Новгородцы, сняв одежду лишились защиты внешнего тела и на передний план вышли структуры внутреннего тела (сейчас мы бы сказали - духовные силы человека).

Для новгородцев, которые шли впереди войска союзников на труднейший, смертельный штурм, обнажение было с одной стороны — символом высшего напряжения сил, когда человек готов и способен совершить невозможное, а с другой стороны - это знак непринадлежности к этому миру и, значит, неуязвимости для сил этого мира.

Данное объяснение помогает понять еще одно сообщение Повести: войско Ярослава и Юрия потеряло 9 233 человека, а союзники потеряли 6 человек. Летописец таким соотношением, вероятно, не подчеркивает реалии сражения, а, скорее, иллюстрирует мысль, что в результате особых действий новгородцев достигнут поразительный воображение результат. Можно также понять цифру 9233 человека как общее число выступивших против «креста и правды». А значит - эти люди потеряны для «креста и правды». (Вторая версия представляется более правдоподобной). И, конечно, это урок для читающих Повесть: несмотря на превосходство в количестве, кара неизбежно настигает отступников.

И последнее, что необходимо отметить. Бахтин говорил, что в народной культуре мир являет себя как событие, там нет бытия в его готовом виде. Символические действия новгородцев не повлияли на историю в нашем понимании термина, но в понимании средневекового человека они восстановили естественный порядок мира и за тем все участники следовали ему как и до этих событий. И Ярослав Всеволодович после Липицы еще трижды становился новгородским князем. И, конечно же не случайно именно после Липицкой битвы начинают складываться особые взаимоотношения Новгорода и Ярослава Всеволодовича и его семьи.

«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы научной конференции

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

[Скачать аудиокниги](#) [Сувениры, талисманы, благовония, фэн-шуй](#) [Гороскопы](#)